Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXV-й. МАРТЪ. 1904 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Послѣ отечественной войны.** (Изъ русской жизни въ началѣ XIX вѣка). Н. Дубровина .... 481—515
II. **Императоръ Николай I и европейскія революціи.** С. З. ..... 517—551
III. **Шуточныя басни И. А. Крылова.** Сообщ. Л. Ильинскій ..... 553—556
IV. **Изъ записокъ В. К. Луцкаго.** Сообщ. О. В. Червинская ..... 557—575
V. **Характеристика декабристовъ Кюхельбекера, Торсона и Фаленберга.** Сообщ. бар. Николай Таубе.. 577—579
VI. **А. А. Кавелинъ и письма къ нему великаго князя Александра Николаевича** (впослѣдствіи императора Александра II). Сообщ. П. А. Кавелинъ... . 581—598
VII. **Походъ Россіи на Индію, какъ средство ослабить Англію.** Сообщ. Михаилъ Соколовскій ..... 599—602
VIII. **Эпизодъ изъ жизни Н. И. Костомарова.** Профессора Е. Боброва ..... 603—614
IX. **Воспоминанія педагога.** В. Г. фонъ-Брооля... 615—630
X. **Виды на торговлю съ Азіею въ началѣ XIX в.** Сообщилъ И. А. Бычковъ ..... 631—633
XI. **И. С. Тургеневъ и В. П. Боткинъ.** Н. Гутьяра. 635—646
XII. **Оцѣнка канцелярской отписки.** В. Вильбасова. 647—650
XIII. **Бытовые очерки В. П. Лободовскаго** ..... 651—674
XIV. **Восточный вопросъ въ 1856—1859 гг.** ... . 675—703
XV. **Изъ переписки князя В. Ѳ. Одоевскаго.** Сообщ. И. А. Бычковъ ..... 705—716
XVI. **Записная книжка „Русской Старины“:** Малая заботливость по возстановленію благосостоянія крестьянъ послѣ Отечественной войны. (стр. 516).—Всеподданнѣйшее собственноручн. письмо Алексѣя Оленина о назначеніи ему аренды. 10 іюня 1815 г. (552).—Любители музъ въ Аѳинахъ въ 1815 г. (576).—Письмо Г. Р. Державина къ ген.-прокур. П. Х. Обольянинову о формѣ одежды губернскихъ чиновниковъ. 17-го января 1801 года. Сообщ. Н. А. Мурзановъ. (580).—Пожалованіе дворянства племянникамъ фельдмаршала кн. Барклая де-Толли. 31 дек. 1827 г. Сообщ. А. В. Безродный. (634).—Поправка къ статьѣ: «Отвѣтъ по поводу статьи Записки русскихъ женщинъ» (704).
XVII. **Библіографич. листокъ.** (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ **Александра Александровича Кавелина.**

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1904 года.
Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.
Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, № 39.
1904.

III-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го марта 1904 года.

Библіографическій листокъ.

Русскій Біографическій Словарь. Сабанѣевъ—Смысловъ. Спб. 1904 г., 8°, 673 стр. Цѣна 10 руб.

Новый томъ (по счету уже седьмой) капитальнаго изданія Императорскаго Русскаго Историческаго Общества заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ цѣнныхъ статей о многихъ замѣчательныхъ русскихъ дѣятеляхъ; статьи составлены, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, весьма добросовѣстно, исчерпывая печатные матеріалы съ достаточной полнотой, нерѣдко же заключаютъ въ себѣ также данныя, извлеченныя изъ множества частныхъ и правительственныхъ архивовъ. Въ составленіи настоящаго тома приняли участіе—такіе ученые, какъ акад. Пыпинъ, (статья о Салтыковѣ-Щедринѣ), проф. Д. А. Корсаковъ (объ О. И. Сенковскомъ), Н. И. Барсовъ (о протоіереѣ Самборскомъ), Н. И. Веселовскій, проф. Бороздинъ, В. В. Сиповскій, проф. Глазенапъ, проф. Б. М. Колюбакинъ, проф. П. А. Гейсманъ (съ А. Богдановымъ—біографія М. Д. Скобелева); большія статьи даны о фельдмаршалѣ гр. П. С. Салтыковѣ (А. К. Ильенко), гр. И. П. Салтыковѣ (г. Заіончковскаго), о Ю. Ѳ. Самаринѣ (г. Дм. Самарина); наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить статьи г-жи Корсаковой, К. Я. Здравомыслова, Н. Н. Павлова-Сильванскаго, В. Л. Модзалевскаго, И. А. Кубасова, О. Эрихсенъ, К. І. Храневича, г. А. Купалова, Вл. Грекова, А. Николаева и др., составленныя весьма добросовѣстно и со знаніемъ дѣла. Каждый вновь выходящій томъ закрѣпляетъ за „Словаремъ“ репутацію фундаментальнаго и въ высшей степени полезнаго и цѣннаго изданія, скорѣйшаго довершенія коего слѣдуетъ желать отъ всей души.

Б. Г.

Иванъ Ивановичъ Бецкой. Опытъ его біографіи. Составилъ П. М. Майковъ. Спб. 1904 г., 8°. Цѣна 4 руб.

Къ исполнившемуся недавно двухсотлѣтію со дня рожденія И. И. Бецкаго вышла въ свѣтъ обширная монографія П. М. Майкова, посвященная жизнеописанію этого замѣчательнаго дѣятеля временъ императрицы Екатерины II. Задавшись цѣлью представить въ полномъ объемѣ біографію Бецкаго и разсмотрѣть съ возможной обстоятельностью дѣятельность его на разнообразныхъ поприщахъ учебно-административнаго его служенія, г. Майковъ тщательно разобралъ и подвергнулъ критикѣ весь значительный печатный матеріалъ, посвященный Бецкому, и сдѣлалъ сводъ литературы о немъ; но, не ограничиваясь матеріалами печатными, г. Майковъ не пожалѣлъ ни времени, ни труда для работъ въ многочисленныхъ архивахъ: Государственномъ (въ Петербургѣ) и Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (въ Москвѣ), Министерства Императорскаго Двора, Сенатскомъ, Императорской Академіи Художествъ, Морскаго Министерства, Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, въ архивахъ Опекунскаго Совѣта въ Петербургѣ и Москвѣ, Московскомъ Отдѣленіи Общаго Архива Главнаго Штаба и др.; наводилъ онъ справки и въ нѣкоторыхъ шведскихъ архивахъ; однимъ словомъ, исчерпалъ для своей работы все, что представлялось возможнымъ. Результатомъ этого кропотливаго труда, давшаго много новаго матеріала, исполненнаго съ любовью и знаніемъ дѣла, и явилась книга г. Майкова, содержащая въ себѣ свыше 700 страницъ (474 стр. текста и 278 стр. приложеній и указателя) довольно убористой печати.

Постепенно слѣдя за фактами біографіи Бецкаго, г. Майковъ повѣствуетъ о его рожденіи, родителяхъ и раннихъ годахъ жизни (гл. I), о пребываніи его за границей и о жизни его въ Петербургѣ до 1764 г. (гл. II), затѣмъ разсматриваетъ дѣятельность Бецкаго въ Канцеляріи отъ строеній (гл. III), по Воспитательному Дому (гл. IV) и учрежденіямъ, при немъ находившимся (гл. V), по Воспитательному Обществу благородныхъ дѣвицъ (гл. VI), по Академіи Художествъ (гл. VII), Сухопутному-Шляхетному корпусу (гл. VIII), Коммерческому Училищу (гл. IX) и, наконецъ, заключаетъ перечисленіемъ служебныхъ и общественныхъ отличій, полученныхъ Бецкимъ, характеристикой отношеній его къ императрицѣ Екатеринѣ и отзывами о немъ современниковъ,—русскихъ и иностранцевъ. Въ приложеніяхъ (къ каждой главѣ) во второй половинѣ своего труда, г. Майковъ сообщаетъ огромное количество извлеченныхъ имъ изъ различныхъ архивовъ писемъ Бецкаго, его оффиціальныхъ бумагъ и представленій по различнымъ управлявшимся имъ заведеніямъ, духовное его завѣщаніе и т. под. матеріалы. Заключается книга г. Майкова весьма обстоятельнымъ и обширнымъ (стр. 197—278) „Указателемъ личныхъ именъ“, встрѣчающихся въ текстѣ біографіи и приложеній (при чемъ каждое имя сопровождается сжато изложенной біографической замѣткой о данномъ лицѣ), и украшена портретомъ Бецкаго.

Трудъ г. Майкова, представленный въ рукописи въ Императорскую Академію Наукъ на конкурсъ историческихъ сочиненій, былъ удостоенъ въ 1902 г. преміи имени графа Уварова.

Б. М.

Николай Энгельгардтъ. Очеркъ исторіи русской цензуры въ связи съ развитіемъ печати (1703—1903 гг.). С.-Петербургъ. 1904 г.

Книга г. Энгельгардта состоитъ изъ предисловія и четырехъ главъ: 1) Начало русской цензуры, 2) Очерки александровской и николаевской цензуры, 3) Цензура въ эпоху великихъ реформъ и 4) Двухсотлѣтіе русской печати.

Въ статьѣ «Императоръ Николай I и европейскія революціи» случайно попала часть оригинала (напечатаннаго на стр. 545 и 546), который относится къ слѣдующей статьѣ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

дозв. ценз. спб., 20 февраля 1904 г. тип. тов. „общ. польза“, б. подъяч., 39.

Библіографическій листокъ.

Русскій Біографическій Словарь. Сабанѣевъ—Смысловъ. Спб. 1904 г., 8°, 673 стр. Цѣна 10 руб.

Новый томъ (по счету уже седьмой) капитальнаго изданія Императорскаго Русскаго Историческаго Общества заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ цѣнныхъ статей о многихъ замѣчательныхъ русскихъ дѣятеляхъ; статьи составлены, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, весьма добросовѣстно, исчерпывая печатные матеріалы съ достаточной полнотой, нерѣдко же заключаютъ въ себѣ также данныя, извлеченныя изъ множества частныхъ и правительственныхъ архи-

[illegible]

Б. Г.

Иванъ Ивановичъ Бецкой. Опытъ его біографіи. Составилъ П. М. Майковъ. Спб. 1904 г., 8°. Цѣна 4 руб.

Къ исполнившемуся недавно двухсотлѣтію со дня рожденія И. И. Бецкаго вышла въ свѣтъ обширная монографія П. М. Майкова, посвященная жизнеописанію этого замѣчательнаго дѣятеля временъ императрицы Екатерины II. Задавшись цѣлью представить въ полномъ объемѣ біографію Бецкаго и разсмотрѣть съ возможной обстоятельностью дѣятельность его на разнообразныхъ поприщахъ учебно-административнаго его служенія, г. Майковъ тщательно разобралъ и подвергнулъ критикѣ весь значительный печатный матеріалъ, посвященный Бецкому, и сдѣлалъ сводъ литературы о немъ; но, не ограничиваясь матеріалами печатными, г. Майковъ не пожалѣлъ ни времени, ни труда для работъ въ многочисленныхъ архивахъ: Государственномъ (въ Петербургѣ) и Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (въ Москвѣ), Министерства Императорскаго Двора, Сенатскомъ, Императорской Академіи Художествъ, Морскаго Министерства, Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, въ архивахъ Опекунскаго Совѣта въ Петербургѣ и Москвѣ, Московскомъ Отдѣленіи Общаго Архива Главнаго Штаба и др.; наводилъ онъ справки и въ нѣкоторыхъ шведскихъ архивахъ; однимъ словомъ, исчерпалъ для своей работы все, что представлялось возможнымъ. Результатомъ этого кропотливаго труда, давшаго много новаго матеріала, исполненнаго съ любовью и знаніемъ дѣла, и явилась книга г. Майкова, содержащая въ себѣ свыше 700 страницъ (474 стр. текста и 278 стр. приложеній и указателя) довольно убористой печати.

[illegible]

веденіямъ, духовное его завѣщаніе и т. под. матеріалы. Заключается книга г. Майкова весьма обстоятельнымъ и обширнымъ (стр. 197—278) „Указателемъ личныхъ именъ“, встрѣчающихся въ текстѣ біографіи и приложеній (при чемъ каждое имя сопровождается сжато изложенной біографической замѣткой о данномъ лицѣ), и украшена портретомъ Бецкаго.

Трудъ г. Майкова, представленный въ рукописи въ Императорскую Академію Наукъ на конкурсъ историческихъ сочиненій, былъ удостоенъ въ 1902 г. преміи имени графа Уварова.

Б. М.

Николай Энгельгардтъ. Очеркъ исторіи русской цензуры въ связи съ развитіемъ печати (1703—1903 гг.). С.-Петербургъ. 1904 г.

Книга г. Энгельгардта состоитъ изъ предисловія и четырехъ главъ: 1) Начало русской цензуры, 2) Очерки александровской и николаевской цензуры, 3) Цензура въ эпоху великихъ реформъ и 4) Двухсотлѣтіе русской печати.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Дозв. ценз. СПБ., 20 февраля 1904 г. Тип. тов. „Общ. польза“, Б. Подъяч., 39.

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

КАВЕЛИНЪ.

Послѣ отечественной войны.

(Изъ русской жизни въ началѣ XIX вѣка).

V [1]).

Впечатлѣніе, произведенное въ Россіи извѣстіемъ о присоединеніи царства Польскаго.—Возбужденныя надежды, призывавшія молодежь къ серьезнымъ занятіямъ.—Вліяніе заграничныхъ впечатлѣній на состояніе умовъ.—М. Ѳ. Орловъ и его неудачная попытка составить тайное общество.—Образованіе его въ 1816 году.—Первыя задачи общества: устраненіе иноземнаго вліянія въ государствѣ, стремленіе къ уничтоженію злоупотребленій и освобожденію крестьянъ.—Положеніе послѣднихъ въ то время.—Преслѣдованіе благотворительныхъ цѣлей.

Присоединеніе къ Россіи царства Польскаго и дарованіе конституціи полякамъ не было неожиданностью для русскаго общества; объ этомъ говорили съ самаго начала Вѣнскаго конгресса, и говорили съ чувствомъ неудовольствія.

«Хвалитія хотя не возглашаютъ,—писалъ 9-го февраля 1815 г. Петръ Лунинъ А. П. Тормасову [2]),—но написано и готово.—Дьяконовъ уже учатъ громогласно возглашать многолѣтіе государю Казанскому, Астраханскому и герцогства Варшавскаго. Третьяго дня прибывшій курьеръ изъ Вѣны отъ 23-го января привезъ увѣреніе, что между Австріею, Пруссіею и Россіею все положено и

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1904 г.
[2]) Государств. Архивъ, XI № 1049.

договоры кончены; остаются токмо прочія владѣнія и съ оными спѣшатъ окончаніемъ, прежде прибытія въ Вѣну на конгрессъ Веллингтона, который уже долженъ будетъ подписать согласный договоръ, всѣми утвержденный».

Договоръ не былъ еще оконченъ, какъ «запертая хищная птица Наполеонъ),—говорилъ графъ Платовъ [1]),—изъ Эльбы улетѣла въ стадо подобное себѣ, которое, встрѣтивъ его съ радостію, снова является послушнымъ злобнымъ велѣніямъ ея.—Теперь новое потребно единодушіе, дабы стереть съ лица земли сіе безпокойное твореніе».

Многіе опасались, что проникшій въ Россію слухъ о возстановленіи Польши, присоединеніи ея къ Россіи и дарованіи конституціи будетъ настолько дурно принятъ русскимъ обществомъ, что вызоветъ полнѣйшее охлажденіе къ Александру и къ вторичной войнѣ съ Наполеономъ.

«Государь!—писалъ генералъ-адъютантъ Чернышевъ [2]). Намъ предстоитъ новая война [3]), которая вовлечетъ въ большія издержки, какъ бы блистателенъ ни былъ ея исходъ.—Не буду говорить о потерѣ людей, такъ какъ всѣ они почтутъ за счастіе умереть за такое дѣло, важность котораго понятна и прочувствована всѣми; но... новый титулъ, который ваше императорское величество собираетесь принять [4]) и, наконецъ, дальнѣйшее отсутствіе ваше изъ Россіи, настоятельно требуемое событіями,—вотъ пункты, которые вашему величеству чрезвычайно необходимо выяснить вашимъ подданнымъ, чтобы они не оставались въ неизвѣстности, парализующей всегда болѣе или менѣе дѣйствія народа... Если отъ Россіи желаютъ такой же энергіи въ 1815 году, какую она проявила въ 1812 г., то, по моему мнѣнію, необходимо, чтобы ваше величество, не теряя времени, обнародовали въ ней ваши великодушныя намѣренія, которыя могутъ вызвать сочувствіе народа, и главное, государь, разсѣять всякое опасеніе въ томъ, что конституція, даруемая вашимъ величествомъ Польшѣ, является какъ бы знакомъ предпочтенія. Подобнаго же опасенія со стороны народа, который такъ дорожитъ отеческимъ расположеніемъ своего монарха и при томъ монарха, столь горячо любимаго имъ, можетъ само по себѣ вызвать нѣчто въ родѣ разочарованія. Когда этотъ вопросъ будетъ разъясненъ достаточно яснымъ и утѣшительнымъ образомъ прежде, нежели его успѣютъ исказить толки, дошедшіе до общества косвеннымъ путемъ, было бы также не безполезно, государь, успокоить вашихъ подданныхъ относи-

---

[1]) Письмо гр. Платова Г. Р. Державину отъ 26-го апрѣля 1815 г. Сочин. Державина, изд. Я. К. Грота, т. VI, стр. 306.

[2]) Во всеподданнѣйшемъ письмѣ 4-го (16-го) апрѣля 1815 г. „Русская Старина“ 1882 г., т. XXIV, стр. 243.

[3]) По случаю бѣгства Наполеона съ острова Эльбы.

[4]) Титулъ короля польскаго.

тельно продолжительнаго отсутствія вашего императорскаго величества и касательно продленія того способа управленія, которое не можетъ быть продолжительно и лишено злоупотребленій, потому что управленіе это временное» [1]).

Совѣты Чернышева осуществились: 9-го мая 1815 г. былъ подписанъ манифестъ о присоединеніи царства Польскаго, но ранѣе его объявленія появился особый листокъ подъ заглавіемъ «Къ читателямъ «Сына Отечества», въ которомъ было напечатано письмо императора Александра къ графу Островскому. И манифестъ и листокъ возбудили всеобщіе толки.

10-го мая 1815 года министръ народнаго просвѣщенія графъ А. К. Разумовскій писалъ попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа С. С. Уварову: «Въ вышедшемъ вчера листкѣ подъ заглавіемъ «Къ читателямъ «Сына Отечества» напечатанъ высочайшій е. и. в. рескриптъ на имя президента варшавскаго сената графа Островскаго о принятіи его величествомъ титула короля польскаго. Хотя въ семъ листочкѣ и сказано, что рескриптъ почерпнутъ изъ чрезвычайнаго прибавленія къ «Варшавскимъ Вѣдомостямъ», однако же ваше превосходительство безъ сомнѣнія сами видите, сколь неприлично помѣщать въ частномъ журналѣ извѣстіе о столь важномъ политическомъ событіи, до Россіи касающемся, пока наше правительство не признало еще за благо обнародовать оное. Весьма непріятно для меня напоминать столь часто цензурнымъ комитетамъ объ ихъ обязанностяхъ. Въ настоящемъ случаѣ прошу васъ сдѣлать строжайшій выговоръ, какъ цензору, одобрившему упомянутый листокъ, такъ и самому издателю «Сына Отечества», которому надлежало бы знать, что подобныхъ статей въ его журналѣ помѣщать не слѣдуетъ. На будущее же время предписать цензурному комитету, дабы отнюдь не позволялъ помѣщать въ частныхъ изданіяхъ ни оффиціальныхъ статей, особенно высочайшихъ рескриптовъ, ни извѣстій о важныхъ происшествіяхъ, до Россіи относящихся, ежели не будутъ оныя напередъ обнародованы отъ правительства» [2]).

Отправляя письмо графу Островскому, императоръ желалъ сохранить его въ тайнѣ отъ русскихъ подданныхъ и былъ очень недоволенъ, когда оно появилось въ русской печати. Не успѣлъ Уваровъ по-

---

[1]) Письмо это ходило по рукамъ въ нѣсколькихъ спискахъ и съ нѣкоторыми измѣненіями текста.—Мы помѣщаемъ то, которое напечатано въ „Русской Старинѣ“.

[2]) „Русская Старина“ 1889 г. № 5, стр. 465.—По справкѣ оказалось, что никто изъ цензоровъ не одобрилъ своею подписью листка къ напечатанію; но что издатель не усумнился издать его, какъ напечатаннаго въ Варшавѣ съ разрѣшенія русскаго тамъ правительства.

*

лучить отношеніе министра народнаго просвѣщенія, какъ письмо было напечатано въ «Духѣ Журналовъ» и въ «Русскомъ Инвалидѣ». Послѣдній присоединилъ къ нему слѣдующія строки: [1])

«Мы тѣмъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ сообщаемъ читателямъ нашимъ извѣстіе о семъ происшествіи, имѣющемъ благодѣтельнѣйшее вліяніе на будущій жребій Польши, что исторія сей націи не представляетъ намъ ни одного изъ случаевъ, какимъ наполнены лѣтописи нѣкоторыхъ другихъ европейскихъ государствъ. Ни одного заговора, ни одного цареубійства, ни одного гоненія за вѣру, ни одного фанатическаго кровопролитія и никакого рода инквизиціоннаго суда. Кто не будетъ радоваться, что для такой націи открывается столь благопріятная будущность».

Цензоръ разрѣшилъ напечатать это прибавленіе отъ имени редакціи, съ условіемъ, чтобы слово цареубійство было исключено, но редакція не исполнила требованія цензора. Тогда попечитель С.-Петербургскаго округа поручилъ цензурному комитету назначить экстраординарное засѣданіе и сдѣлать строжайшій выговоръ издателямъ, «объявивъ имъ и взявъ съ нихъ подписку, чтобы впредь никакъ не осмѣливались издавать въ печать ничего безъ одобренія и подписи цензора, или вопреки замѣчаніямъ его, подъ опасеніемъ немедленнаго прекращенія права на изданіе журнала». Уваровъ говорилъ, что и теперь вина издателей настолько велика, что заслуживаетъ прекращенія изданій, «если бы не удерживало отъ сего то обстоятельство, что подписавшихся на полученіе журнала находится великое число. А ежели впредь издателями будетъ сдѣлано подобное упущеніе, то начальство приметъ подобный поступокъ въ видѣ подлога и предастъ виновнаго строгости законовъ» [2]).

«Выписка изъ «Инвалида»,—писалъ Г. Р. Державинъ В. С. Попову [3]),—для меня хотя и странна, но не весьма удивительна, ибо господа политическіе разсказчики умѣютъ коварно льстить и насмѣхаться... Панегиристъ г. Поляковъ умышленно пропустилъ случавшееся у нихъ (поляковъ) извѣстное по исторіи, дабы иронически надъ ними посмѣяться. Въ нынѣшнемъ свѣтѣ эти вещи обыкновенны.—Правды нигдѣ ни на грошъ нѣтъ».

Въ объявленномъ 9-го мая манифестѣ было сказано, что «не суетное любостяжаніе внушило намъ искать распространеніе предѣловъ нашихъ. Такое чувствованіе было бы не сродно подъявшимъ оружіе для

---

[1]) См. „Русскій Инвалидъ“ 1815 г. № 38 отъ 12-го мая.

[2]) Отношеніе Уварова С.-Петербургскому цензурному комитету 25-го мая 1815 г. Арх. С.-Петерб. университета, дѣла цензурныя 1815 г., д. № 148.

[3]) Отъ 27-го іюня 1815 года.

защищенія отечественной страны, а не для завоеваній. Непреоборимая сила Имперіи Россійской, на вѣрѣ, на любви, на благополучіи основанная, отъ внѣшнихъ пріобрѣтеній возрасти не можетъ.

«Но соединеніе подъ единый скипетръ обширнѣйшей части герцогства Варшавскаго необходимымъ представилось къ устроенію всеобщаго въ Европѣ равновѣсія и порядка. Симъ ограждается предѣловъ нашихъ безопасность, возникаетъ твердый оплотъ, навѣты и вражескія покушенія отражающій, возрождаются узы братства племенъ, взаимно между собою сопряженныхъ единствомъ происхожденія. Сего ради признали мы за благо устроить участь сего края, основавъ внутреннее управленіе онаго на особенныхъ правилахъ, свойственныхъ нарѣчію, обычаямъ жителей и къ мѣстному ихъ положенію примѣненныхъ.

«Слѣдуя ученію христіанскаго закона, коего владычество объемлетъ толикое число разноплеменныхъ народовъ, но при всемъ томъ отличающія ихъ свойства и обычаи сохраняетъ неизмѣнными, возжелали мы, созидая благополучіе новыхъ подданныхъ, поселить въ сердцахъ ихъ чувство приверженности къ престолу нашему и тѣмъ изгладить навсегда слѣды прежнихъ бѣдствій, отъ пагубнаго несогласія и долговременной борьбы проистекшихъ».

Манифестъ произвелъ крайне разнообразное впечатлѣніе: большинство было противъ присоединенія Польши и дарованія ей конституціи, видѣло въ этомъ ошибку со стороны императора Александра и источникъ многихъ бѣдствій въ будущемъ. «Возстановленіе царства Польскаго,—говоритъ современникъ[1]),—было ничѣмъ инымъ, какъ сооруженіемъ новаго горнила мятежей и смутъ. Съ другой стороны многіе надѣялись, что, даровавъ конституцію Польшѣ, императоръ не забудетъ и Россіи».

«Для молодыхъ людей изъ русскихъ дворянъ,—говоритъ баронъ Розенъ[2]),—именно въ гвардейскихъ полкахъ, походъ по Германіи и Франціи былъ то же, что вступленіе въ новый міръ образованный, о коемъ до сего времени имѣли понятіе только отдѣльныя или частныя лица.—Подъ небомъ болѣе пріятнымъ и нѣжнымъ, посреди новыхъ отношеній, обнаруживавшихъ высшее образованіе, подъ вліяніемъ болѣе кроткихъ нравовъ и болѣе человѣколюбивыхъ взглядовъ на жизнь вообще, много изъ русскихъ офицеровъ пріобрѣли новыя идеи и новыя воззрѣнія на состояніе своей родины.—Молодые люди, проведшіе большую часть своей жизни въ единообразіи отдаленныхъ русскихъ уѣздныхъ городовъ, или среди шумныхъ вакханалій и пиршествъ столичныхъ, увидѣли вдругъ на цвѣтущихъ берегахъ Луары и Гаронны

---

[1]) М. Ѳ. Орловъ. „Русская Старина“ 1877 г. Т. XX, стр. 661 и 662.
[2]) Записки декабриста, изд. 1870 г. Лейпцигъ, стр. 77 и 78.

новый и лучшій міръ, прелестямъ коего они предались съ восторженностью.—Досуги гарнизонной службы, огромныя разстоянія, на коихъ расположены были отдѣльныя части войска, одна отъ другой, допускали такую свободу въ переѣздахъ и передвиженіяхъ, какой никто до того времени не полагалъ возможною.—Борьба политическихъ партій, наполнявшая тогда Францію, находила въ молодыхъ иноземцахъ самыхъ внимательныхъ и самыхъ понятливыхъ зрителей и слушателей.

«То были именно способнѣйшіе и дѣятельнѣйшіе молодые люди изъ русской гвардіи, которые съ упоеніемъ всасывали идеи гражданственности, свободы, правъ конституціонныхъ и углублялись со вниманіемъ и съ удивленіемъ въ жизнь того народа, для усмиренія котораго они пришли изъ дальняго Востока.—У многихъ возродилась мысль о возможности передать родной странѣ лучшія изъ благихъ преобразованій, и съ пылкою восторженностью молодость перескочила черезъ глубокую бездну, отдѣлявшую ступени русской образованности отъ французской.

«Когда пробилъ послѣдній часъ пребыванія во Франціи, то цвѣтъ офицеровъ гвардейскаго корпуса вернулся домой съ намѣреніемъ пересадить Францію въ Россію».

Видя въ чужихъ краяхъ повсемѣстное распространеніе просвѣщенія, народное богатство, точное исполненіе законовъ, они желали видѣть и свое отечество въ столь же цвѣтущемъ состояніи.—Но, возвратившись, послѣ трехлѣтней кампаніи, на родину, они увидѣли, что Россія относительно своего гражданскаго положенія «являла еще бо̀льшія черты своего изнеможенія» [1]). Сожженіе Москвы, убытки дворянства и купечества, полное разореніе крестьянъ, утратившихъ все свое движимое имущество, усиліе всѣхъ сословій къ охраненію престола и чести народной—все это казалось достаточнымъ поводомъ къ обращенію вниманія правительства на внутреннее положеніе государства и на улучшеніе всѣхъ отраслей гражданскаго управленія.—«Сіе обстоятельство,—говоритъ Михайловскій-Данилевскій [2]),—можетъ послужить объясненіемъ, отчего молодые люди честныхъ родителей, съ добрыми наклонностями, отличнаго поведенія и жертвовавшіе жизнію на полѣ чести, сдѣлались наконецъ ужасными преступниками.—Болѣе всѣхъ распространялся о семъ полковникъ Александръ Муравьевъ.—Онъ сказалъ мнѣ однажды, что ничто не можетъ столько способствовать къ развитію образованія въ Россіи, какъ учрежденіе общества, которое имѣло бы цѣлію къ сему содѣйствовать».

---

[1]) Показанія Поджіо. Госуд. Арх. I. Южное общество, д. № 9.

[2]) Въ своихъ воспоминаніяхъ 1816 г. „Русскій Вѣст.“ 1890 г. № 9, стр. 149 и 150.

Не одинъ А. Муравьевъ былъ тогда такого мнѣнія, но и многіе молодые люди, бившіеся за отечество и царя своего на полѣ чести, хотѣли быть вѣрною дружиною вождя своего и на поприщѣ мира.—Они дали другъ другу обѣщаніе словомъ и дѣломъ содѣйствовать государю своему во всѣхъ начертаніяхъ его для блага своего народа.—Ихъ было мало, но они были увѣрены, что кругъ ихъ будетъ ежедневно увеличиваться, что и другіе не захотятъ ограничиться славою военныхъ подвиговъ, но пожелаютъ оказать усердіе свое и любовь къ отечеству не однимъ исполненіемъ возложенныхъ на нихъ службою обязанностей, но и посвященіемъ всѣхъ средствъ и способностей на содѣйствіе общему благу въ всѣхъ его видахъ[1]).—Они были ослѣплены пламеннымъ желаніемъ видѣть Россію на высочайшей степени благосостоянія посредствомъ учрежденій, равно благотворительныхъ для всѣхъ состояній людей, въ оной находящихся; они желали твердаго устройства судебной части въ нижнихъ инстанціяхъ и гласности во всѣхъ дѣйствіяхъ правительства на подобіе англійскаго[2]).

Такія желанія казались многимъ соотвѣтствующими видамъ и намѣреніямъ государя.

«Императоръ Александръ,—говорилъ П. Коховскій[3]),—многое обѣщалъ намъ.—Онъ, можно сказать, исполински двинулъ умы народа къ священнымъ правамъ, принадлежащимъ человѣчеству. Свободу проповѣдовали намъ манифесты, воззванія и приказы».

Дарованіе конституціи Польшѣ было, повидимому, продолженіемъ и осуществленіемъ того, что говорилось въ нихъ.

«Тогда я,—говорилъ князь С. П. Трубецкой[4]),—не помышлялъ о возможности существованія въ Россіи конституціоннаго правленія.—Но конституція, данная государемъ императоромъ царству Польскому, учрежденіе или обѣщаніе конституцій различными государями Германіи, мнѣніе многихъ, что государь Александръ Павловичъ намѣренъ приготовить подвластную его величеству Имперію ко введенію въ оной такого же рода правленія, побудили меня изучаться правиламъ, на коихъ основаны таковыя правленія, изыскивать, отчего конституція революціоннаго правленія во Франціи состояться не могла и отчего произошли ужасы французской революціи. Сильно было во мнѣ чувство любви къ отечеству. Я старался пріобрѣтать познанія, какія могли приготовить меня къ служенію ему съ пользою».

---

[1]) Отрывокъ изъ записокъ князя Сергѣя Петровича Трубецкаго.

[2]) Показанія Никиты Муравьева 5-го января 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 4.

[3]) Въ письмѣ генералу Левашову 24-го февраля 1826 г. Госуд. Арх. I. Бумаги Д. Н. Блудова.

[4]) Въ своемъ показаніи. Тамъ же, д. № 1.

Подобно Трубецкому и другіе, желая подготовить себя къ общественной дѣятельности, стали заниматься чтеніемъ соотвѣтствующихъ сочиненій, которыя привели ихъ къ изученію формъ и строя иностранныхъ государствъ и сравненію ихъ съ порядками, существовавшими въ отечествѣ. Нѣкоторые не ограничивались только чтеніемъ, но считали необходимымъ подготовить себя болѣе серьезно. Такъ въ концѣ 1816 года П. И. Пестель, генеральнаго штаба поручикъ Никита Муравьевъ, капитанъ князь С. П. Трубецкой и князь Илья Долгоруковъ—всѣ вмѣстѣ слушали курсъ политической экономіи у профессора Германа. Князь Ѳедоръ Петровичъ Шаховской слушалъ курсъ политическихъ и дипломатическихъ наукъ въ Москвѣ у профессора Шлецера.

Узнавъ, что многіе офицеры обратились къ серьезнымъ занятіямъ, императоръ Александръ потребовалъ отъ полковыхъ командировъ свѣдѣніе, кто именно слушаетъ курсы и, по полученіи о нихъ хорошаго отзыва, нашелъ очень страннымъ это необыкновенное явленіе [1]).

— Это странно,—говорилъ онъ нѣсколько разъ,—очень странно! Отчего они вздумали учиться.

Многіе, собираясь поступить въ гражданскую службу, чтобы своимъ примѣромъ хотя нѣсколько облагородить ее, занялись собственной подготовкой и изученіемъ статистики, исторіи въ обширномъ ея значеніи, правъ: римскаго и естественнаго, физики и химіи и нравственной философіи [2]).

Всѣ эти лица хорошо понимали, что дѣятельность ихъ не можетъ быть полезною, если они не будутъ имѣть вѣрныхъ и подробныхъ свѣдѣній о состояніи отечества и если они не пріобрѣтутъ познанія въ наукахъ, имѣющихъ цѣлью усовершенствованіе гражданскаго быта государства. Такое убѣжденіе, несомнѣнно, дало толчекъ къ развитію образованія въ Россіи [3]).

«У насъ,—писалъ Коховскій [4]),—молодые люди, при всѣхъ скудныхъ средствахъ, занимаются болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Многіе изъ нихъ вышли въ отставку и въ укромныхъ своихъ сельскихъ домикахъ учатся, устраиваютъ благоденствіе и просвѣщеніе земледѣльцевъ, судьбою ихъ попеченію ввѣренныхъ. Часто въ отдаленной отъ столицы области встрѣтишь человѣка съ истиннымъ образованіемъ ума и сердца. Новая возникающая отрасль (поколѣніе), наши юноши съ какой жаждой, съ какимъ рвеніемъ разрываютъ завѣсы, скрывающія истины, и въ глубь ихъ проникаютъ! Сколько встрѣтишь теперь 18-ти-лѣтнихъ мо-

[1]) Отрывокъ изъ записокъ кн. Трубецкаго.

[2]) Показаніе Ѳ. Н. Глинки 15-го февраля 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 82.

[3]) Отрывокъ изъ записокъ кн. Трубецкаго.

[4]) Въ письмѣ генералу Левашову 24-го февраля 1826. Тамъ же. Бумаги Блудова.

лодыхъ людей, о которыхъ смѣло можно сказать, что они читали старыя книги. Въ устроенныхъ учебныхъ заведеніяхъ просвѣщеніе весьма тускло; откуда же почерпаютъ они свои свѣдѣнія? въ силѣ духа времени. Пора танцовъ, баловъ, острыхъ словъ прошла; въ бесѣдахъ болтанье замѣнилось разсужденіемъ».

Эти разсужденія приводили къ сознанію о необходимости преобразованія внутренняго строя Россіи, а заграничныя впечатлѣнія усиливали его.

«Двукратное пребываніе за границей,—говорилъ фонъ-Визинъ [1]),—открыло мнѣ много идей политическихъ, о которыхъ прежде не слыхивалъ. Возвратясь въ Россію, въ свободное время отъ службы продолжалъ я заниматься политическими сочиненіями разнаго рода и иностранными газетами. Въ это время читая разныя теоріи политическія дерзалъ въ мечтаніяхъ моихъ желать приноровленіе оныхъ къ Россіи».

«Свободный образъ мыслей,—говорилъ А. Бестужевъ [2]),—я заимствовалъ наиболѣе изъ книгъ и, восходя постепенно отъ мнѣнія къ другому, пристрастился къ чтенію публицистовъ французскихъ и англійскихъ до того, что рѣчи въ палатѣ депутатовъ занимали меня какъ француза и англичанина. Изъ новыхъ историковъ болѣе всѣхъ дѣлалъ на меня вліяніе Геренъ, а изъ публицистовъ—Бентамъ».

А. Н. Муравьевъ читалъ и изучалъ Макіавеля, Монтескье, Руссо и другія политическія сочиненія [3]).

«Первыя вольнодумческія и либеральныя мысли,—показывалъ М. И. Муравьевъ-Апостолъ [4]),—получилъ я во время нашего пребыванія въ Парижѣ въ 1814 году. До того я не зналъ о существованіи конституціи. Сіе наименованіе даже мнѣ было вовсе неизвѣстно. Любовь къ отечеству, которое мы спасли отъ ига Наполеона, меня одушевляла [5]); чте-

---

[1]) Показаніе отставнаго генералъ-маіора фонъ-Визина 2-го февраля 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 21.

[2]) Второе показаніе А. Бестужева. Тамъ же, д. № 7.

[3]) Показаніе А. Н. Муравьева. Тамъ же, д. № 19.

[4]) Показаніе Матвѣя Муравьева-Апостола 29-го января 1826 г. Тамъ же, Южное общество, д. № 4.

[5]) Она была внушена ему съ самыхъ юныхъ лѣтъ его патріотомъ-отцомъ. „Я родился съ пламенною любовію къ отечеству,—писалъ Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ Державину; воспитаніе еще возвысило во мнѣ сіе благородное чувство, единое достойное быть страстію души сильной; и 44 года не уменьшили его ни на одну искру: какъ въ 20 лѣтъ я былъ, такъ точно и теперь, готовъ, какъ Курцій, броситься въ пропасть, какъ Фабій обречь себя на смерть; но отечество не призываетъ меня, и такъ безвѣстность, скромныя добродѣтели—вотъ удѣлъ мой. Я и въ немъ не вовсе буду безполезнымъ отечеству: выращу дѣтей достойныхъ быть русскими, достойными умереть за Россію“. (Письмо И. М. Муравьева-Апостола къ Г. Р. Державину 10-го сентября 1814 г. Сочиненія Державина, изданіе Я. К. Грота, т. VI, стр. 297)

ніе иностранныхъ журналовъ, а наиболѣе «Constitutionnel» ихъ укрѣпляло».

На вопросъ Пестелю, какимъ образомъ революціонныя мысли появились и возростали въ умахъ? онъ писалъ [1]):

«На сей вопросъ весьма трудно отвѣчать, ибо отвѣтъ мой долженъ будетъ уже выходить собственно изъ круга сужденій о тайномъ обществѣ; не менѣе того постараюсь объяснить какъ могу.

«Политическія книги у всѣхъ въ рукахъ; политическія науки вездѣ преподаются; политическія извѣстія повсюду распространяются. Сіе научаетъ всѣхъ судить о дѣйствіяхъ и поступкахъ правительства: хвалить одно, хулить другое.

«Происшествія 1812—1815 годовъ, равно какъ предшествовавшихъ временъ показали столько престоловъ низверженныхъ, столько другихъ постановленныхъ, столько царствъ уничтоженныхъ, столько революцій совершенныхъ, столько переворотовъ произведенныхъ, что всѣ сіи происшествія ознакомили умы съ революціями, съ возможностями и удобностями оныя производить. Къ тому же имѣетъ каждый вѣкъ свою отличительную черту. Нынѣшній ознаменовывается революціонными мыслями. Отъ одного конца Европы до другаго видно вездѣ одно и то же, отъ Португаліи до Россіи, не исключая ни единаго государства, даже Англіи и Турціи, сихъ двухъ противоположностей. То же самое зрѣлище представляетъ и вся Америка. Духъ преобразованія заставляетъ, такъ сказать, вездѣ умы клокотать. Вотъ причины, полагаю я, которыя породили революціонныя мысли и правила и укоренили оныя въ умахъ».

Необходимо замѣнить, что великія событія Отечественной и послѣдующихъ войнъ, требовавшія сильнаго напряженія физическихъ и нравственныхъ силъ, съ наступленіемъ затишья, вызывали какое-то безпокойное исканіе дѣятельности. «Если рыбу,—говорилъ Ѳ. Н. Глинка [2]),—разгулявшуюся въ раздольныхъ моряхъ, засадятъ въ садокъ, и та всплескиваетъ на верхъ, чтобы вздохнуть вольнымъ Божьимъ воздухомъ:—душно ей! И душно было тогда въ Петербургѣ людямъ, только-что разставшимся съ полями побѣдъ, съ трофеями, съ Парижемъ и прошедшимъ на возвратномъ пути черезъ сто тріумфальныхъ воротъ почти въ каждомъ городкѣ, на которыхъ на лицевой сторонѣ написано: «Храброму россійскому воинству», а на обратной: «Награда въ отечествѣ». И эти разгулявшіеся рыцари попали въ тѣсную рамку обыденности, въ застой совершенный, въ монотонію томительную».

---

[1]) Въ показаніи 13-го января 1826 г. Госуд. Арх. I, Южное общест., д. № 1.

[2]) „Русская Старина“ 1871 г. № 2, стр. 245.

Молодость и ощущеніе избытка жизни требовали выхода. Гарнизонная служба не могла замѣнить офицерамъ прежнія сильныя ощущенія, что̀ и заставило ихъ искать удовлетвореніе въ масонскихъ ложахъ и въ образованіи разныхъ тайныхъ обществъ.

Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ былъ однимъ изъ первыхъ рѣшившихся образовать тайное общество по примѣру прусскаго тугендбунда.

Тяжкія бѣдствія, постигшія Пруссію въ 1806 году, послѣ разгрома ея Наполеономъ, возбудили въ населеніи стремленіе къ спасенію своей національности. Съ 1807 года начали составляться тайные союзы, изъ которыхъ общество, учрежденное въ Кенигсбергѣ подъ именемъ Тугендбунда—Союза добродѣтели—распространилось болѣе другихъ и сильнѣе другихъ пугало Наполеона. Учредители и члены этого союза были люди высшихъ классовъ, сановники и извѣстные ученые. Это не былъ заговоръ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; члены тугендбунда старались оживить заснувшій національный духъ, пробудить самосознаніе въ народѣ, котораго до сихъ поръ усыпляли и давили [1]).

«Я возвратился,—говорилъ М. Орловъ [2]),—изъ чужихъ краевъ въ 1814 году увѣренный, что тугендбундъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ средствъ, употребленныхъ для спасенія Пруссіи и Германіи, и вознамѣрился сдѣлать (образовать?) тайное общество, составленное изъ самыхъ честныхъ людей, для сопротивленія лихоимству и другимъ безпорядкамъ, кои слишкомъ часто обличаются во внутреннемъ управленіи Россіи».

Орловъ вошелъ объ этомъ въ переписку съ графомъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ и говорилъ съ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Николаемъ Ивановичемъ Тургеневымъ. «Установивъ,—продолжаетъ Орловъ,—нѣсколько мыслей между нами, мы готовили общій планъ, который хотѣли предложить на утвержденіе его императорскаго величества, надѣясь, что государь, также какъ и его величество король прусскій для тугендбунда, возьметъ насъ подъ свое покровительство. Сія странная мысль, внушенная однако же чистымъ желаніемъ добра, не долго насъ занимала, ибо другія обстоятельства возникли.

«Государь изволилъ отправиться въ Вѣну, и вскорѣ разнеслись слухи о возстановленіи Польши. Сія вѣсть горестно меня поразила, ибо я всегда почиталъ, что сіе возстановленіе будетъ истиннымъ несчастіемъ для Россіи. Я тогда же написалъ почтительное, но по моему мнѣнію довольно сильное письмо къ его императорскому величеству. Но сіе письмо, извѣстное генералъ-адъютанту Васильчикову, у меня пропало

---

[1]) Шлоссеръ „Всемірная исторія“ изд. 1872 г. т. VI, стр. 541.

[2]) Въ показаніи 4-го января 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 83.

еще не совсѣмъ доконченнымъ» и свѣдѣнія о немъ, дошедшія до государя, были причиною того, что онъ долго сердился на М. Ѳ. Орлова.

Послѣдній, въ 1815 году, по обязанностямъ службы отправился въ Парижъ, гдѣ заболѣлъ и оставался въ такомъ положеніи до апрѣля 1816 года [1]). Мысль объ образованіи тайнаго общества была на время имъ оставлена.

---

[1]) Съ Михаиломъ Ѳедоровичемъ Орловымъ мы неоднократно встрѣтимся въ дальнѣйшемъ изложеніи и потому считаемъ не лишнимъ привести разсказъ о немъ бывшаго военнаго совѣтника, а потомъ сенатора Н. Старынкевича.

„Генералъ-маіоръ Михаилъ Орловъ, послѣ похода во Францію въ 1815 году, оставался въ Парижѣ по сентябрь 1816 г. Я прибылъ туда въ декабрѣ 1815 г. и засталъ вмѣстѣ съ нимъ брата его генералъ-адъютанта Алексѣя Орлова, который и оставался послѣ того въ Парижѣ около трехъ мѣсяцевъ. Генералъ-маіоръ Михайло Орловъ былъ тогда боленъ. Его болѣзнь продолжалась по самый апрѣль; во все сіе время онъ никого не принималъ. По просьбѣ обоихъ братьевъ и по участію въ положеніи М. Орлова, бывалъ я у него почти каждый день во все продолженіе болѣзни и проводилъ всегда нѣсколько часовъ. Занимался онъ въ сіе время литературою и магнетизмомъ, и того болѣе чтеніемъ объ Азіи и въ особенности объ Индіи, которая тогда преимущественно его интересовала. Въ желаніи имѣть точнѣйшія о сей землѣ свѣдѣнія, приглашалъ онъ иногда къ себѣ жившаго лѣтъ двадцать въ Индіи и оттуда незадолго передъ тѣмъ возвратившагося француза лѣтъ подъ шестьдесятъ, по имени Моренаса, который тогда при пособіи нашего двора занимался изданіемъ словаря индійскаго языка; да раза три былъ у него извѣстный драматическій писатель Александръ Дюваль, бывшій нѣкогда въ С.-Петербургѣ, котораго и зналъ онъ по сему случаю. Изъ числа чиновъ нашего корпуса войскъ, во Франціи тогда остававшагося, посѣтили его раза четыре генералъ-маіоры графъ Александръ Гурьевъ и Константинъ Полторацкій, въ бытность ихъ въ Парижѣ въ 1816 году въ отпуску на короткое время. Путешественниковъ нашего отечества, и особенно молодыхъ, въ 1816 г. въ Парижѣ почти не было; я не видалъ у него ни одного. Изъ чиновъ, имѣвшихъ постоянное пребываніе въ Парижѣ, навѣщали его генералъ-адъютантъ баронъ Жомини и бывшій секретарь нашего въ Парижѣ посольства камеръ-юнкеръ Ермоловъ. По выздоровленіи велъ онъ (Орловъ) ту жизнь, какую вообще всѣ путешественники ведутъ въ Парижѣ; болѣе же всего занимался покупкою старыхъ картинъ. Посѣщалъ дома княгини Волконской, урожденной Бѣлосельской, княгини Голицыной, рожденной Измайловой и тайн. совѣтника Демидова. Бывалъ довольно часто у нашего посланника и знакомъ былъ съ посланниками англійскимъ сиромъ Стюартомъ, шведскимъ Левенгельмомъ и датскимъ Вольтерсдорфомъ; тутъ могъ онъ встрѣчать французовъ или другихъ чужестранцевъ. Самъ, сколько мнѣ извѣстно, не посѣщалъ никого изъ нихъ и у него, кромѣ названныхъ мною Моренаса и Дюваля, видѣлъ я только молодаго человѣка Виконта Сегюра,—родственника Коленкура, барона Мегриньи и купца Fontaine, торгующаго старыми картинами. Политика совсѣмъ не интересовала его въ сіе время, и я, не измѣняя истины, могу сказать, что въ продолженіе его болѣзни и по выздоровленіи не видѣлъ я у него ни одного политическаго сочиненія. Онъ получалъ одну газету „Moniteur“, но и

«По возвращеніи въ Россію,—говорилъ онъ,—«предубѣжденный будучи, что возстановленіе Польши не могло быть столь сильно поддерживаемо русскимъ правленіемъ, безъ вліянія польскаго тайнаго общества, надъ намѣреніями и волею государя, я вознамѣрился къ первому моему предмету присоединить другой, т. е. противопоставить польскому—русское тайное общество. Изъ сего видно, что планъ онаго уже предположеннымъ на высочайшее утвержденіе представленъ быть не могъ. Симъ занимался я конецъ 1816 года и начало 1817 г.; но ни намѣреніе мое, ни трудъ мой къ концу приведены не были, и все осталось безъ исполненія.

«Стараясь преклонить къ намѣреніямъ моимъ молодыхъ людей, я говорилъ о семъ бывшему правителю канцеляріи малороссійскаго генералъ-губернатора Новикову и Александру Муравьеву. Одинъ изъ нихъ, не помню кто, открылъ мнѣ, что тайное общество по большей части изъ молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ уже составлено, и сіе открытіе заставило бросить всѣ мои прежнія сочиненія».

Говорившій М. Ѳ. Орлову о существованіи въ Петербургѣ тайнаго общества былъ, конечно, Александръ Муравьевъ, учредившій и стоявшій во главѣ этого тайнаго общества.

Дѣло началось съ того, что въ 1815 году въ Семеновскомъ полку устроилась артель изъ 15 или 20 человѣкъ офицеровъ, и они каждый день обѣдали вмѣстѣ. Послѣ обѣда одни играли въ шахматы, другіе читали громко иностранныя газеты и слѣдили за происшествіями въ Европѣ. Полковой командиръ Семеновскаго полка генералъ Потемкинъ покровительствовалъ артели и иногда обѣдалъ съ офицерами. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ императоръ Александръ приказалъ Потемкину закрыть артель, сказавъ: «что такого рода сборища офицеровъ ему очень не нравятся» [1]).

Артель была закрыта, но офицеры продолжали сходиться, и въ самомъ началѣ 1816 года [2]) нѣсколько офицеровъ л.-гв. Семеновскаго полка, по приглашенію служившаго въ томъ же полку Александра Николаевича Муравьева, имѣвшаго тогда 24 года отъ роду, соединились въ общество, имѣвшее цѣлью содѣйствовать всѣми силами къ устрой-

---

ту читалъ мало и рѣдко, такъ что я часто смѣялся надъ нимъ, что не зналъ онъ такихъ происшествій, кои всенародно нѣсколько дней по газетамъ уже извѣстны были. Онъ находился въ сіе время въ наилучшемъ положеніи по службѣ. Я видѣлъ въ немъ чувствованіе живѣйшей преданности къ особѣ его величества и не токмо не примѣтилъ замысловъ ко вреду престола и отечества, но не открылъ и помышленія о томъ. (Записка Николая Старынкевича безъ года и числа. Государств. Арх. XI, № 1170).

[1]) Записки И. Д. Якушкина, изд. 1862 г., стр. 6 и 7.

[2]) По показанію нѣкоторыхъ, члены общества считали днемъ его основанія 9-е февраля 1816 г.

ству благосостоянія Россіи. Соединившіеся были: Сергѣй (21-го года) и Матвѣй (23-хъ лѣтъ) Ивановичи Муравьевы-Апостолы, Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ (22-хъ лѣтъ) и князь Сергѣй Петровичъ Трубецкой (25-ти лѣтъ) [1]). Всѣ они были люди молодые, однополчане, связанные товарищескою дружбою. Она возникла еще на бивакахъ, среди военныхъ опасностей и была сильною, живою и прочною.

Спустя нѣкоторое время Александръ Муравьевъ предложилъ гвардейскаго генеральнаго штаба поручику Никитѣ Михайловичу Муравьеву вступить въ ихъ общество, а Никита Муравьевъ и князь С. П. Трубецкой, познакомившись съ адъютантомъ командира 1-го корпуса графа Витгенштейна Павломъ Ивановичемъ Пестелемъ и найдя въ немъ тѣ же мысли, пригласили присоединиться къ нимъ. Это приглашеніе имѣло, какъ увидимъ, большое значеніе въ будущемъ. Въ самомъ непродолжительномъ времени Пестель и Никита Муравьевъ стали во главѣ общества и его руководителями. Способности и обширныя познанія ихъ, по словамъ князя Ильи Долгорукова, подчинили ихъ вліянію многихъ членовъ [2]).

На одномъ изъ первыхъ совѣщаній учредителей было положено стараться увеличивать «елико возможно» число членовъ и выбирать ихъ «съ качествами душевными и нравственностію твердою» [3]). Скоро въ общество поступили: Николай Новиковъ, Илья Бибиковъ, князь Илья Андреевичъ Долгоруковъ, Ѳедоръ Николаевичъ Глинка, кн. Павелъ Петровичъ Лопухинъ, офицеры Преображенскаго полка Сергѣй и Иванъ Шиповы, л.-гв. Семеновскаго полка князь Ѳедоръ Петровичъ Шаховской и Кавалергардскаго полка Михаилъ Лунинъ.

---

[1]) Въ книгѣ „Сказаніе о родѣ князей Трубецкихъ“, изданіе княгини Е. Э. Трубецкой (стр. 268), о князѣ С. П. Трубецкомъ говорится слѣдующее: „Воспитаніе онъ получилъ вѣроятно домашнее, какъ и большинство тогдашнихъ молодыхъ людей высшаго общества и, затѣмъ, вступилъ въ военную службу, въ л.-гв. Преображенскій полкъ“. Это не вѣрно. Князь Сергѣй Петровичъ Трубецкой поступилъ на службу 10-го ноября 1808 года подпрапорщикомъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ, произведенъ въ прапорщики 25-го октября 1810 года, въ подпоручики 2-го іюня 1812 года, и въ поручики 23-го сентября 1813 г. Въ 1815 году (16-го іюня) онъ былъ назначенъ полковымъ казначеемъ л.-гв. Семеновскаго полка, 29-го августа 1816 г. С. П. былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны, и 4-го марта 1819 г. въ капитаны. Въ маѣ (14-го) того же года кн. Трубецкой былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ главнаго штаба его императорскаго величества и 24-го января 1821 г. переведенъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ, съ оставленіемъ въ прежней должности. Въ полковники онъ произведенъ 1-го января 1822 года, а 22-го декабря 1824 г. назначенъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ 4-го пѣхотнаго корпуса.

[2]) Всеподданнѣйшее письмо кн. Долгорукова 3-го февраля 1826. Госуд. Арх., I, д. № 230.

[3]) Показаніе князя С. П. Трубецкаго. Госуд. Арх., I, д. № 4.

По разнорѣчію показаній, трудно указать съ точностію, кто, когда и кого принялъ въ общество, да это и не имѣетъ значенія; гораздо важнѣе то, что съ самаго начала образованія общества члены дѣлились на руководителей и руководимыхъ, на знающихъ и незнающихъ истинной цѣли учрежденія общества.

Александръ и Никита Муравьевы, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы-Апостолы и П. Пестель имѣли тогда одинаковый образъ мыслей и опредѣленную цѣль — введеніе въ Россіи монархическаго конституціоннаго правленія.

«Тайное наше общество, — показывалъ Пестель, — было революціонное съ самаго начала своего существованія и во все продолженіе не переставало никогда быть таковымъ. Перемѣны, въ немъ происходившія, касались собственно его устройства и положительнѣйшаго разъясненія его цѣли, которая всегда пребывала революціонная. О ней знали лишь немногіе, а остальнымъ говорилось глухо, что цѣлью образованія общества есть введеніе новаго порядка въ управленіи [1]). Для достиженія этого, рѣшено было употреблять тѣ способы, которые впослѣдствіи будутъ признаны удобными и соразмѣрными со средствами общества; «но пока отстраненіе иноземцевъ отъ вліянія въ государствѣ» и освобожденіе крестьянъ было признано неотложно необходимымъ.

Положеніе крестьянъ было по истинѣ ужасно. О тяжкомъ ихъ состояніи и историческомъ прошломъ написаны многочисленныя и обширныя сочиненія [2]), но мы считаемъ все-таки необходимымъ сказать нѣсколько словъ о томъ состояніи, въ которомъ находились крестьяне въ описываемое нами время.

«Всѣ почти помѣщики,—говоритъ И. Д. Якушкинъ [3]),—смотрѣли на крестьянъ своихъ какъ на собственность, вполнѣ имъ принадлежащую, и на крѣпостное состояніе, какъ на священную старину, до которой нельзя было коснуться безъ потрясенія самой основы государства. По ихъ мнѣнію, Россія держалась однимъ только благороднымъ сословіемъ, а съ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія уничтожалось и самое дворянство. Но, по мнѣнію тѣхъ же старовѣровъ, ничего не могло быть пагубнѣе, какъ приступить къ образованію народа».

Помѣщичьи крестьяне находились подъ полнымъ произволомъ помѣщиковъ, въ большинствѣ жестоко съ ними обращавшихся.

«Поведеніе русскихъ дворянъ,—говорилъ А. Бестужевъ [4]),—въ этомъ

---

[1]) Показанія Пестеля 23-го февраля и 6-го апрѣля 1826 г. Госуд. Арх., I, Южное общество, дѣло № 1.

[2]) Наиболѣе полнымъ и выдающимся есть сочиненіе В. И. Семевскаго „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“.

[3]) Въ своихъ „Запискахъ“. Лондонъ, изд. 1862 г., стр. 21.

[4]) Въ своемъ показаніи. Государств. Архивъ, I, д. № 11.

отношеніи ужасно. Негры на плантаціяхъ счастливѣе многихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Продавать въ розницу семьи, похитить невинность, развратить женъ крестьянскихъ считается ни во что и дѣлается явно. Не говорю уже о барщинѣ и оброкахъ; но есть изверги, которые раздаютъ борзыхъ щенковъ для прокормленія грудью крестьянокъ! Къ счастію человѣчества, такіе примѣры не часты, но къ стыду онаго существуютъ.

18-го ноября 1816 года два крестьянина Костромской губерніи, помѣщика графа Головкина, подали лично императору жалобу на своего помѣщика. Жалуясь на жестокія притѣсненія, они просили взять ихъ въ казенное вѣдомство, съ обязательствомъ внести заплаченную сумму за имѣніе помѣщику въ десятилѣтній срокъ. Они писали, что помѣщикъ ихъ изъ 12.000 наслѣдственныхъ душъ прожилъ болѣе 10.000, а остальныхъ онъ такъ обременяетъ оброками, что платятъ нынѣ отъ 90 до 135 руб. съ души; что они просили помѣщика уменьшить оброкъ, но повѣренные ихъ были за это наказаны [1]).

Нижне-Ломовскій помѣщикъ, князь Чегодаевъ, довелъ крестьянъ до самаго бѣднѣйшаго состоянія. Онъ изнурялъ ихъ «непомѣрными работами» и не давалъ имъ времени для собственныхъ, отбиралъ у нихъ хлѣбъ и пчелъ. Крестьяне скитались по разнымъ селеніямъ, прося милостыню, а самъ Чегодаевъ съ утра до вечера былъ пьянъ. По произведенному разслѣдованію, имѣніе его было взято въ опеку [2]).

Владѣлица села Обжей, Дмитріевскаго уѣзда, Курской губерніи, помѣщица Брискорнъ, вмѣстѣ съ очень близкимъ ей протопопомъ Гапоновымъ, тиранила крестьянъ. Она посылала взрослыхъ и малолѣтнихъ дѣтей на суконную фабрику и морила ихъ тамъ голодомъ. Умиравшихъ, сотнями, Брискорнъ приказывала складывать въ сарай и по ночамъ ихъ вывозили на кладбище, валили кучею въ ямы и зарывали безъ отпѣванія.

«Мы еще прошлаго года,—писали крестьяне императору Александру [3]),—хотѣли послать тебѣ о семъ нашу жалобу, а не послали потому, что барыня наша и дмитріевскій протопопъ Гапоновъ все намъ говорили, что по твоему указу и на твою армію сукна тѣ дѣлаютъ, а повелѣніе твое властно и живыхъ насъ землею засыпать, то мы и остановились тебя утруждать, а согласились тайно сказать о томъ дмитріевскимъ исправнику и стряпчему, и они пріѣхали на фабрику. Но

---

[1]) Арх. собств. его величества канцеляріи. Книга № 10.

[2]) Донесеніе пензенскаго губернатора Ѳ. П. Лубяновскаго министру внут. дѣлъ 7-го марта 1822 г.

[3]) Въ прошеніи отъ 25-го января 1822 г. Арх. собствен. его величества канцеляріи, д. № 261, кн. 7.

исправника подкупила барыня, а стряпчій не пошелъ на подкупъ и хотѣлъ мертвыя тѣла свидѣтельствовать, то барыня не только не допустила его, но еще протопопъ Гапоновъ велѣлъ ей послать просьбы на стряпчаго къ курскому прокурору и къ губернатору. А какъ у нея, барыни нашей, сынъ отъ перваго мужа, Струкова, служитъ въ твоей министеріи, у князя Лобанова, то все и сдѣлалось по ея; стряпчему велѣно у нея же прощенія просить».

Елисаветградскій помѣщикъ, нѣмецъ И. Клейстъ, заковывалъ крестьянъ въ желѣзо, колодки и рогатки; содержалъ ихъ въ погребѣ съ затворомъ верхнихъ дверей, безъ свѣта и воздуха. Онъ употреблялъ ихъ на работы въ воскресные дни скованными. Два мальчика, родные братья, были скованы вмѣстѣ такъ, что меньшой могъ только ползать на корточкахъ. Отъ постояннаго употребленія на работы крестьяне не имѣли времени быть по нѣскольку лѣтъ на исповѣди и св. причастіи. Замученныхъ имъ крестьянъ Клейстъ продавалъ, отбиралъ у многихъ скотъ и давалъ только хлѣбъ для скуднаго пропитанія. О жестокостяхъ его показало 96 человѣкъ сосѣдей.

Крестьяне Устюжскаго уѣзда жаловались графу Аракчееву [1]), что помѣщикъ ихъ, Павелъ Толстой, позволялъ имъ жениться не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы молодая прямо отъ вѣнца шла къ нему «для блудодѣянія». «Если же,—писали крестьяне,—по переѣздѣ куда-либо вотчины нашей въ какую деревню, то беретъ отъ мужей женъ и дѣвушекъ лѣтъ 12-ти насильно же». Толстой отдавалъ крестьянъ въ ученье мастерствамъ съ спеціальною цѣлью воспользоваться женами во время ихъ отсутствія.

Вышне-волоцкій помѣщикъ, капитанъ Корсаковъ, сѣкъ своихъ людей такъ: двое, по его приказанію, били батогами, а третій, онъ самъ, вдоль спины—кнутомъ.

Помѣщикъ Симбирскаго уѣзда, полковникъ Николай Демидовъ, вмѣстѣ съ женою сѣкли въ одинъ день по нѣскольку разъ и всегда до крови; сѣкли кнутомъ толщиною въ палецъ, при чемъ Демидовъ часто говорилъ, что сѣкшій худо бьетъ.

— Дѣвичья комната тѣсна,—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ,—неудобно размахнуться.

Такія наказанія производились обыкновенно за то, что горничная не хорошо расчесала барынину любимую собачку, а за то, что дурно былъ заштопанъ чулокъ, барыня сама била палкою по голому тѣлу, давая

---

[1]) Въ письмѣ, полученномъ 22-го октября 1823 г. Арх. Собственной его величества канцеляріи, дѣло № 201.

ударовъ по двадцати. По щекамъ били до крови за то, что роняли нечаянно какую-нибудь вещь и тѣмъ пугали барыню [1]).

Бѣлозерскій помѣщикъ, Волоцкой, имѣлъ въ своемъ домѣ подполье, въ которомъ держалъ прикованными къ стѣнѣ провинившихся крестьянъ. Наказываемымъ связывали руки назадъ и затѣмъ за шею приковывали такъ, что можно было только сидѣть или лежать. Въ такомъ положеніи ихъ держали до 4-хъ недѣль; отъ долгаго пребыванія въ такомъ положеніи дѣлались параличи въ рукахъ [2]).

Жившіе въ Петербургѣ, генералъ-маіоръ Ласкинъ и его супруга, отличались необыкновенною жестокостью. У трехъ дѣвочекъ были волосы на головѣ вырваны, а двѣ изъ нихъ такъ изсѣчены, что у одной были раны, а у другой струпья. Одной изъ дѣвочекъ приказано было въ наказаніе вымыть руки кипяткомъ; случалось, что баринъ сѣкъ ихъ до крови, а барыня приказывала слизывать эту кровь съ пола языкомъ [3]).

Помѣщикъ Костромской губерніи, Шиповъ, отличался особеннымъ развратомъ и, по произведенному слѣдствію, изнасиловалъ 15 дѣвушекъ. Онъ не отрицалъ этого факта, но говорилъ, «что люди его сами собою, замѣтя склонность его, приводили къ нему женщинъ и дѣвокъ, но что насилія онъ никому не чинилъ».

«Три примѣра,—сказано въ выпискахъ изъ журналовъ Комитета министровъ [4]),—могутъ послужить доказательствомъ, до какой степени достигъ въ немъ развратъ: 1) зимой, по вечерамъ, онъ собиралъ къ себѣ женщинъ и лучшимъ изъ нихъ приказывалъ раздѣваться до-нага; 2) однажды приказалъ троимъ молодымъ мужчинамъ, раздѣвшись, идти въ баню къ женщинамъ и когда крестьянинъ Матвѣевъ представилъ ему непристойность такого приказанія, то помѣщикъ продержалъ его двое сутокъ въ желѣзахъ; 3) призвавъ къ себѣ крестьянина Боброва, Шиповъ принудилъ его подъ крестнымъ цѣлованіемъ дать обѣщаніе отыскать въ Петербургѣ такого человѣка, который бы, посредствомъ волшебства, склонилъ къ любодѣянію съ нимъ, Шиповымъ, вольноотпущенную дѣвку помѣщицы Даниловой». Бобровъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, взялъ первый попавшійся сучекъ дерева и отослалъ его своему помѣщику, какъ волшебную палочку. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Бобровъ

---

[1]) Арх. мин. юстиціи, дѣло 1818 г., № 1169. Судъ постановилъ отобрать имѣніе въ опеку, а Демидовымъ предоставить имѣть прислугу изъ вольнонаемныхъ.

[2]) Арх. министерства юстиціи, дѣло 1819 г., № 3586.

[3]) Тамъ же, дѣло 1819 г., № 1474. Ласкинъ былъ уволенъ отъ военной службы и вмѣстѣ съ женою преданъ суду.

[4]) Отъ 16-го декабря 1824 г. и 10-го февраля 1825 г. Арх. министерства юстиціи, дѣло 1821 г., № 1318.

лично подалъ императору прошеніе дать крестьянамъ въ ссуду 80 тыс., чтобы выкупиться отъ жестокаго помѣщика. По этому прошенію имѣніе Шипова было взято въ опеку, а самъ онъ преданъ суду.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы нарисовать себѣ картину жестокаго обращенія помѣщиковъ съ крестьянами. Архивы министерства юстиціи и внутреннихъ дѣлъ переполнены дѣлами подобнаго рода; но надо при этомъ припомнить, что девять-десятыхъ помѣщиковъ, при помощи полиціи и даже предводителей дворянства, скрывали свои преступленія, не доходившія до свѣдѣнія правительства. Злоупотребленіе помѣщичьею властью было такъ велико и обще, что помѣщикъ мало-мальски снисходительный къ своимъ крестьянамъ поощрялся наградою.

«По засвидѣтельствованію генералъ-губернатора, генералъ-лейтенанта князя Хованскаго,—писалъ императоръ Александръ [1]),—о примѣрномъ устройствѣ хозяйства крестьянъ витебскаго помѣщика отставнаго полковника Насѣкина и попеченіи его объ ихъ благосостояніи, всемилостивѣйше жалуемъ его кавалеромъ ордена св. Владиміра 4-й степени».

Вскорѣ послѣ войны было замѣчено, что огромное число крестьянъ бѣжало отъ своихъ помѣщиковъ и бродило по всей Россіи. Нуждаясь въ пропитаніи, они занялись грабежомъ и разбоями. Партіи разбойниковъ появились въ губерніяхъ: Симбирской, Гродненской, Черниговской, Новгородской, Тамбовской, Нижегородской, Астраханской и другихъ. Бродяжничество, увеличивавшееся съ года на годъ, дошло до того, что всѣ мѣста, куда по закону бродяги посылались для исправленія, были настолько переполнены ими, что начальство, какъ военное, такъ и гражданское, отказывалось принимать ихъ. Вслѣдствіе этого, былъ образованъ особый комитетъ, для изысканія способовъ къ удобнѣйшему размѣщенію бродягъ, и сдѣланы распоряженія объ учрежденіи въ губерніяхъ помѣщеній для нихъ и преступниковъ, сдѣлавшихся неспособными къ работѣ. Въ маѣ (4-го) 1820 года было издано особое положеніе о бродягахъ [2]). Они выработали для себя особый терминъ—не помнящихъ родства, т. е. прикидывались полоумными и на допросахъ показывали, что не помнятъ, кто ихъ родные и изъ какой они деревни. Дѣлалось это для того, чтобы ихъ не возвращали обратно къ помѣщику. Остававшіеся на мѣстахъ жительства крестьяне, притѣсняемые помѣщикомъ, волновались, бунтовали и нерѣдко убивали сво-

---

[1]) Въ указѣ Капитулу орденовъ, 9-го мая 1824 г.

[2]) Варадиновъ „Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ“, ч. II, книга 2-я, стр. 37 и 38.

его владѣльца. Бунты крестьянъ происходили во все время царствованія императора Александра и по всему пространству Имперіи [1]).

Многочисленныя и частыя жалобы угнетенныхъ въ большинствѣ случаевъ не достигали цѣли, и Комитетъ министровъ даже постановилъ не принимать просьбъ помимо мѣстнаго начальства и взыскивать всѣ безпорядки съ губернаторовъ. По поводу такого рѣшенія, императоръ Александръ писалъ въ указѣ Комитету министровъ [2]):

«Въ меморіи Комитета 6-го марта нахожу я положеніе по просьбѣ крестьянъ титулярнаго совѣтника Алексѣева на помѣщика своего, чтобы изслѣдованія по оной поручить ярославскому губернатору, и ежели показанія крестьянъ окажутся справедливы, то имѣніе взять въ опеку, а помѣщика предать суду.

«Апробуя въ полной мѣрѣ рѣшеніе таковое, не могу однако я согласиться съ дальнѣйшимъ разсужденіемъ Комитета, чтобы, взыскивая съ губернатора всякій безпорядокъ, положить между тѣмъ преграду подобнымъ жалобамъ мимо мѣстнаго начальства въ томъ уваженіи, что я обременяюсь просьбами, изъ коихъ могутъ быть иныя по изслѣдованію и несправедливы.

«Еслибы я могъ быть увѣренъ, что губернаторъ доставитъ всегда удовлетвореніе безпомощному крестьянину, то сужденіе Комитета было бы основательно; но, къ сожалѣнію, примѣры были сему противные, и многія уже просьбы, принесенныя мнѣ, оказались справедливыми, хотя мѣстное начальство и не доносило министерству о противузаконныхъ дѣйствіяхъ помѣщиковъ. Сверхъ того, извѣстно мнѣ, что были случаи, гдѣ крестьяне, жалующіеся на помѣщиковъ, въ замѣнъ удовлетворенія были еще наказаны. И потому утвердить мнѣніе Комитета было бы подвергать крестьянъ опасности удвоеннаго наказанія.

«Вслѣдствіе сего повелѣваю принесеніе ко мнѣ жалобъ оставить въ нынѣшнемъ положеніи».

Спустя три года императоръ Александръ писалъ тому же Комитету министровъ [3]):

«По положенію Комитета, 30-го сентября 1819 года состоявшемуся и на мое утвержденіе представленному, мнѣ предлежало рѣшить судьбу 114-ти поселянъ, приговоренныхъ къ разнымъ наказаніямъ Новгородскою уголовною палатою, Правительствующимъ Сенатомъ и самимъ Комитетомъ министровъ, согласившимся съ ихъ заключе-

---

[1]) Варадиновъ „Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ“, ч. II, книга 1-я, стр. 512—514; 560—618, книга 2-я, стр. 36 до 38 и другія.

[2]) Въ указѣ 16-го марта 1817 г. Арх. Комитета министровъ, книга № 136.

[3]) Въ указѣ 14-го апрѣля 1820 года.

ніями, по дѣлу о безпорядкахъ въ Бурегскомъ приказѣ удѣльнаго вѣдомства.

«Важность сего рѣшенія остановила меня. Я желалъ прежде знать во всей подробности преступленія обвиненныхъ; потребовалъ къ себѣ дѣло, самъ имъ занимался, и чѣмъ внимательнѣе входилъ въ разсмотрѣніе онаго, тѣмъ болѣе удостовѣрился, что люди сіи не заслуживаютъ наказанія. Дѣло показываетъ, что они имѣли справедливыя причины быть недовольными мѣстнымъ своимъ начальствомъ, желали довести жалобы свои до свѣдѣнія вышняго правительства, искали къ тому возможности—и наконецъ явно домогались о томъ средствами, простотѣ ихъ свойственными. Домогательства сіи вмѣнены имъ въ ослушаніе и буйство. Уголовная палата обвинила и осудила ихъ, принявъ въ семъ смыслѣ ихъ поступокъ вопреки слѣдствію, которое происходило въ присутствіи самого начальника губерніи и тѣмъ болѣе заслуживало уваженія. Прочія мѣста и лица, ревизовавшія сіе дѣло, увлечены были въ неправыя по оному заключенія сужденіями уголовной палаты. Къ управлявшимъ же Новгородскою удѣльною конторою и головѣ Бурегскаго приказа Степанову, главному виновнику сихъ безпорядковъ, видно, напротивъ того, вездѣ болѣе снисхожденія, нежели они по дѣяніямъ своимъ заслуживали. Въ отношеніи къ дѣяніямъ послѣднихъ надлежало бы продолжить строгое изслѣдованіе; но смерть головы Степанова, изъявъ его изъ власти закона, положила предѣлъ дальнѣйшимъ открытіямъ истины.

«По симъ уваженіямъ, не утверждая положенія Комитета, я повелѣваю:

1) Поселянъ Бурегскаго приказа, несправедливо осужденныхъ, не подвергать никакому наказанію и отъ суда освободить.

2) Управлявшихъ съ 1813 г. по 1816 годъ Новгородскою удѣльною конторою не иначе опредѣлять къ другимъ должностямъ, какъ съ моего дозволенія.

3) Новгородскую уголовную палату, за неправильное разсматриваніе сего дѣла, оштрафовать чувствительною пенею въ пользу человѣколюбивыхъ заведеній.

4) Комитету министровъ привести сіе въ исполненіе».

Указы эти, при благоустроенной администраціи и бо̀льшей чистотѣ нравовъ, могли бы имѣть благодѣтельныя послѣдствія, но при тогдашнихъ злоупотребленіяхъ оставались гласомъ вопіющимъ въ пустынѣ, и въ общемъ положеніе крестьянъ было безотрадное. Губернаторы и предводители дворянства прикрывали преступленія и жестокости помѣщиковъ и удѣльныхъ чиновниковъ.

По жалобамъ крестьянъ они не производили изслѣдованій подъ

тѣмъ предлогомъ, чтобы не подавать повода къ подобнымъ просьбамъ въ прочихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ.

«Такая мѣра предосторожности,—писалъ императоръ Александръ [1]),—никогда не откроетъ правительству беззаконныхъ поступковъ и, такъ сказать, покровительствуетъ преступленію.

«Ложный доносъ наказывается, а потому лучше подвергнуть крестьянина суду, ежели извѣтъ его окажется несправедливымъ, нежели оставлять сотни преступленій въ другихъ мѣстахъ безгласными, изъ одного такого опасенія, что данъ будетъ поводъ беззащитнымъ людямъ искать правосудія».

Его найти было трудно и негдѣ. Подавленные произволомъ и жестокостію, разоренные и лишенные крова, крестьяне многихъ помѣщиковъ скитались и просили милостыню. Были и такіе, которые питались желудями, листьями, травою и умирали съ голода цѣлыми семействами [2]).

«Витебской губерніи, — писалъ императоръ Александръ герцогу Александру Виртембергскому [3]),—Невельскаго уѣзда помѣщицы Михельсоновой крестьяне принесли мнѣ нынѣ жалобу на терпимое ими разореніе отъ самовластія управляющаго ими, нѣкоего Николая Иванова Дюранта, который отъ того, что госпожа ихъ сама ни во что не входитъ, будучи отъ природы нѣма, распоряжаетъ ими совершенно по своему произволу и, вступя въ подряды по исправленію большихъ дорогъ, выслалъ ихъ всѣхъ для таковыхъ работъ, назадъ тому уже четыре мѣсяца, на Московскій трактъ, между тѣмъ, какъ семейства ихъ остаются дома безъ пропитанія, а земля въ запустѣніи.

«Просители явились ко мнѣ въ такомъ жалостномъ положеніи, въ какомъ ваше высочество сами увидите ихъ, представляемыхъ подполковникомъ Кочубеемъ, при генералѣ-отъ-артиллеріи графѣ Аракчеевѣ состоящемъ, съ коимъ они отсюда отправлены».

Тогдашнее общество, не исключая самыхъ образованныхъ и лучшихъ сыновъ Россіи, находило такое отношеніе къ крестьянамъ весьма естественнымъ и въ порядкѣ вещей.

Въ 1818 году императоръ Александръ посѣтилъ Крымъ. Встрѣча, сдѣланная намъ въ Байдарской долинѣ,—говоритъ Михайловскій-Данилевскій [4]),—была самая плачевная; «жители обоего пола, числомъ болѣе

---

[1]) Въ указѣ сенатору Болотникову 13-го ноября 1816 г. Арх. Собствен. его величества канцеляріи, книга № 14.

[2]) Высочайшее повелѣніе сенатору Ланскому 26-го іюля 1817 г. Тамъ же, кн. 50.

[3]) Бѣлорусскому военному губернатору, отъ 3-го августа 1818 года. Тамъ же.

[4]) Въ своихъ воспоминаніяхъ. „Русская Старина“ 1897 г. № 7, стр. 100.

двухъ тысячъ, ожидали насъ при въѣздѣ въ селеніе и приняли насъ съ горькими рыданіями, жалуясь и вопія на притѣсненія помѣщика своего Мордвинова [1]), который слылъ величайшимъ филантропомъ и пріобрѣлъ себѣ въ Россіи необыкновенную славу такъ называемыми голосами, которые онъ подавалъ въ Государственномъ Совѣтѣ въ продолженіе двадцати лѣтъ всякій разъ, когда дѣло шло о благѣ отечества. Онъ не смотрѣлъ ни на какія лица, сколь бы они ни были въ милости при дворѣ; голоса его, находящіеся въ рукахъ каждаго, содѣлали имя его любезнымъ для Россіи; врядъ-ли кто въ одинаковой мѣрѣ съ нимъ пользовался уваженіемъ и общею признательностію. Тѣмъ болѣе поразило насъ видѣнное нами въ Байдарахъ, и государь сказалъ: «славны бубны за горами».

Такимъ образомъ въ отношеніи крестьянъ Мордвиновъ, точно также какъ извѣстный математикъ и ректоръ Казанскаго университета Лобачевскій [2]) и даже незлобивый Н. М. Карамзинъ были сынами своего вѣка.

«Теперь я въ хорошемъ положеніи,—писалъ Н. М. Карамзинъ [3]),—а вчера былъ возмущенъ развратомъ и пьянствомъ людей своихъ, такъ что отослалъ одного въ полицію для наказанія и велѣлъ отдать въ рекруты. Это зло безпрестанно умножается: отъ рабства-ли? но рабы нашихъ отцовъ не спивались съ кругу. Есть, видно, другая причина; но я не догадливъ. Что, если бы Академія наукъ, или Россійская задала ученымъ рѣшить: въ какомъ отношеніи находится размноженіе кабаковъ къ успѣхамъ просвѣщенія, нравственности и вѣры христіанской? Это показалось бы дерзостію въ вѣкъ либеральный. Не знаю, дойдутъ-ли люди до истинной гражданской свободы; но знаю, что путь дальній и дорога весьма не гладкая».

Для выясненія, насколько, при такихъ условіяхъ, тяжко было положеніе помѣщичьихъ крестьянъ, мы приведемъ подлинное донесеніе коммиссіи [4]), посланной въ августѣ 1815 года на экзекуцію въ имѣніе дѣйствительнаго статскаго совѣтника Кочубея, въ деревню Кочубеевку Херсонской губерніи.

«Никакая экзекуція,—доносила коммиссія [5]),—не можетъ произвесть

---

[1]) Впослѣдствіи графа и члена Государственнаго Совѣта.

[2]) См. „Историческій Вѣстникъ“ 1900 г. № 9, статью Загоскина.

[3]) Въ письмѣ И. И. Дмитріеву 29-го декабря 1819 г. См. „Николай Михайловичъ Карамзинъ“, соч. М. Погодина, часть II, стр. 407.

[4]) Членами ея были: совѣтникъ херсонской уголовной палаты Бужинскій, уѣздный предводитель дворянства Комстадіусъ и уѣздный стряпчій Раковичъ.

[5]) Арх. Министерства юстиціи, дѣло 1815 г. № 3280. Объ этой экзекуціи упоминается и въ сочиненіи В. И. Семевскаго „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“, изд. 1888, т. I, стр. 408.

толико сильнаго состраданія о человѣчествѣ, какъ теперешнее состояніе крестьянъ. Дома у нихъ пусты, безъ крышъ, безъ оконъ и даже безъ дверей. Хлѣбопашествомъ въ семъ году не занимались ни для помѣщика, ни для себя; хлѣба вовсе не имѣютъ; во дворахъ нѣтъ ни скота, ни птицы. Малолѣтнія дѣти изнурены нуждою и пищею; незадолго передъ симъ крестьяне болѣли повально».

Тронутые такимъ состояніемъ крестьянъ, члены коммиссіи, прежде чѣмъ приступить къ экзекуціи, пытались уговаривать ихъ придти въ повиновеніе помѣщику, но встрѣтили полный отказъ. Крестьяне единогласно обрекли себя на всѣ бѣдствія, какія бы съ ними ни были, и отказались повиноваться Кочубею.

«Позвольте, ваше превосходительство,—писали члены коммиссіи херсонскому гражданскому губернатору [1]),—утвердить сіе очевидными доказательствами. Когда палачъ приготовился наказывать кнутомъ крестьянина Караульнаго, то туда же была подведена и его жена. Стоявшія подлѣ нея прочія женщины приказывали ей, чтобы она не плакала, и Караульная съ равнодушіемъ смотрѣла на наказаніе мужа. Когда палачъ, по наказаніи, грозилъ всему обществу тою же участью, то никто тѣмъ не тронулся и всѣ изъявили непреклонность къ повиновенію. Когда дочь Караульнаго подошла къ нему, чтобы проститься, то онъ не допустилъ ее къ себѣ. Наконецъ, когда при наказаніи прочихъ плетьми, за каждымъ ударомъ, спрашивано было, будетъ-ли повиноваться помѣщику?—каждый отвѣчалъ: «не буду».

«При такомъ упорствѣ, крестьяне сохранили одно только смиреніе и не показали никакой дерзости ни при исполненіи экзекуціи, ни при внушеніяхъ. Но когда уполномоченный отъ Кочубея, коллежскій ассесоръ Степановъ, предложилъ имъ хлѣбъ и другія нужныя вспомоществованія съ тѣмъ, что и впредь, по волѣ Кочубея, будутъ ими пользоваться, то они отказались что-либо принять, полагаясь на волю Божію и на судьбу».

Крестьянскіе бунты были особенно часты послѣ отечественной войны.

Еще война за предѣлами Имперіи была въ полномъ разгарѣ, когда возвратившіеся ратники были водворены въ мѣстахъ прежняго ихъ жительства и разнесли ропотъ въ народѣ.

— Мы проливали кровь,—говорили они,—а насъ опять заставляютъ потѣть на барщинѣ. Мы избавили родину отъ тирана, а насъ вновь тиранятъ господа.

— Вы видѣли,—говорилъ С. Н. Глинка актеру С. Н. Сандунову,—съ какимъ самоотверженіемъ благословляли крестьяне сыновъ своихъ на брань и съ какимъ рвеніемъ отдавали себя и все свое. Не во всемъ,

---

[1]) Арх. министр. юстиціи, дѣло 1815 г. № 3280.

до этого времени, я былъ согласенъ съ вами, касательно преобразованія крестьянскаго быта. Но теперь, судя по направленію народнаго духа, твердо увѣренъ, что люди русскіе способны къ нравственному образованію. Дѣло въ томъ: какое дадутъ ему направленіе и уравняютъ-ли его съ нынѣшними необычными событіями.

Къ сожалѣнію, ничего не было сдѣлано въ этомъ направленіи. Императоръ Александръ вознаградилъ всѣ сословія за участіе въ борьбѣ и изгнаніи враговъ изъ отечества, а относительно крестьянъ было сказано въ манифестѣ, что они получатъ «мзду свою отъ Бога» [1]), и крестьяне продолжали нести на себѣ тяжелое иго помѣщичьей власти. Такое положеніе не могло не вызывать къ себѣ сочувствія, и большинство декабристовъ показывало, что главнѣйшимъ поводомъ къ поступленію ихъ въ тайное общество было «угнетеніе истинно ужасное (говорю не по слухамъ, прибавлялъ Кюхельбекеръ, а какъ очевидецъ, ибо живалъ въ деревнѣ не мимоѣздомъ), въ которомъ находится большая часть помѣщичьихъ крестьянъ, особенно же господъ мелкопомѣстныхъ и средняго разбора. Исключаю милліонеровъ (и то не всѣхъ) и совершенно бѣдныхъ. О послѣднихъ замѣтилъ я, что у господина, который самъ пашетъ, крестьянинъ обыкновенно сытъ, одѣтъ и не битъ [2]).

— Служа большею частію въ арміи,—говорилъ М. М. Спиридовъ [3]),—квартируя въ домахъ у самихъ крестьянъ, признаюсь, (что) входя въ подробный разборъ ихъ положенія, видя обращеніе съ ними господъ, часто я ужасался и причину сему находилъ въ принадлежности ихъ (въ закрѣпощеніи помѣщикамъ). Въ Малороссіи видѣлъ въ одной и той же деревнѣ: казеннаго жителя изобилующаго во всемъ [4]), а господскаго томящагося въ бѣдности. Потомъ сдѣлавъ переходъ въ Житомірскую губернію, болѣе былъ приведенъ въ скорбь общею бѣдностью поселянъ: видѣлъ тамъ, что плодородная сія губернія отдаетъ дань однимъ владѣльцамъ, видѣлъ неусыпную дѣятельность хлѣбопашца, плоды которой служили къ обогащенію ихъ пановъ; видѣлъ неисчислимыя богатства хлѣба на токахъ ихъ, а у поселянъ къ окончанію года недоставало ни зерномъ, ни печенымъ не токмо для продажи, но даже и для пропитанія. Повсемѣстная дешевизна далеко, чтобъ служила имъ въ пользу, ибо непремѣнное принужденіе покупать все необходимое въ домоводствѣ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1903 г. № 11, стр. 247.

[2]) Показаніе Вильгельма Кюхельбекера 17-го февраля 1826 г. Государст. Архивъ, I, д. № 13.

[3]) Въ своемъ показаніи. Тамъ же, д. № 3.

[4]) Казенный крестьянинъ, какъ увидимъ, также не изобиловалъ во всемъ. Это зависѣло отъ мѣстности, въ которой онъ жилъ, и отъ начальства, которому было ввѣрено попеченіе о немъ.

въ корчмахъ у евреевъ ввергало ихъ въ бѣдную нищету. Сознаюсь, мое сердце содрогалось, жалѣя ихъ.

Не лучше было положеніе и казенныхъ крестьянъ. Казенныя имѣнія раздѣлялись на экономическія и удѣльныя; число первыхъ было несравненно болѣе и участь ихъ бѣдственнѣе. Крестьяне удѣльные имѣли свои права, свои конторы, которыми управлялись и ограждались отъ насилія земской полиціи и губернскаго начальства. Управляющему конторой было поставлено въ обязанность руководствоваться установленными правилами и самовластно не распоряжаться. Онъ не могъ отрѣшить голову, избраннаго міромъ, безъ особеннаго на то разрѣшенія отъ министра, и всѣ расходы производились посредствомъ общихъ совѣщаній. Земская полиція не имѣла никакого вліянія на управленіе удѣльныхъ имѣній и не могла въѣзжать въ нихъ иначе, какъ только по уголовнымъ дѣламъ, да и то съ чиновникомъ отъ конторы. Это было преимущество удѣльныхъ крестьянъ, и они находились несравненно въ лучшемъ положеніи, чѣмъ экономическіе, которые зависѣли отъ земскаго суда, губернскаго правленія и казенной палаты. Набѣги чиновниковъ этихъ учрежденій совершенно разоряли крестьянъ. Всѣ ихъ грабили, никто о нихъ не заботился и не отвѣчалъ за ихъ благосостояніе. Выборъ волостныхъ головъ и сельскихъ засѣдателей производился при чиновникахъ земскаго суда и служилъ имъ обильною пищею для наживы. Исправники, становые также грѣли у нихъ свои руки и, какъ мы уже видѣли, наживали состояніе; даже головы и тѣ злоупотребляли своею властью. «Будучи избираемы,—доносилъ московскій генералъ-губернаторъ Тормасовъ [1]),—изъ зажиточныхъ и потому значущихъ въ обществѣ крестьянъ, по избраніи въ сіе званіе снискиваютъ покровительство чиновниковъ земской полиціи и, угождая нѣсколькимъ имѣющимъ въ обществѣ голосъ зажиточнымъ крестьянамъ, позволяютъ себѣ угнетать крестьянъ бѣдныхъ и вмѣсто того, чтобы черезъ каждый годъ давать обществу отчетъ въ собранныхъ съ онаго деньгахъ, отъ нихъ общества не смѣютъ онаго и требовать. А земскіе исправники, подъ видомъ, что имъ воспрещено вмѣшиваться въ сіи дѣла, кои предоставлены самимъ обществамъ, къ тому головъ не понуждаютъ. Равномѣрно, вмѣсто того, чтобы черезъ два года дѣлать выборы другихъ головъ, старые, съ поддержкою исправниковъ и значущихъ въ обществѣ крестьянъ, остаются на мѣстахъ своихъ на нѣсколько двухъ-лѣтій, подъ предлогомъ, что общество ими довольно и перемѣны не желаетъ, доколѣ не дойдутъ на нихъ жалобы до вышняго начальства въ губерніи и доколѣ оно властію своею не приметъ надлежащихъ мѣръ. Тогда уже крестьянскія

[1]) Во всеподданнѣйшемъ донесеніи 9-го февраля 1817 г. Арх. Собствен. его величества канцеляріи, книга № 35.

общества приступаютъ къ повѣркѣ волостнаго головы за все прошедшее время въ его отчетахъ, которые при томъ бываютъ въ безпорядкѣ, и потому общества дѣлаютъ на нихъ начеты на немало-тысячныя суммы, такъ что рѣдко голова, въ такомъ случаѣ, въ состояніи бываетъ выплатить подобное взысканіе».

По тогдашнимъ правиламъ экономическій крестьянинъ, желающій получить паспортъ, обязанъ былъ отправиться въ уѣздный городъ, иногда за сто верстъ отъ своего селенія. Тамъ онъ долженъ былъ заплатить за него 6 рублей, заплатить казначею, писарю, сторожамъ, нанять квартиру и возвратиться опять домой. Пріѣзжающіе засѣдатели и сборщики податей требовали взятки и если крестьянинъ не платилъ, то въ самую рабочую пору гнали его прокладывать дороги.

«Волость, деревня сдѣлались арендами для чиновниковъ; они берутъ за все: за подати, за рекрутъ, за провожденіе колодниковъ, за высылку къ суду, даже за свой пріѣздъ. Нѣтъ ни одного поселянина, который бы не платилъ вдвое, втрое положеннаго, и нѣтъ почти ни одного, который бы отъ частыхъ поборовъ вѣдалъ, сколько съ него взимается» [1]).

Многія губерніи обнищали, и правительство медленными мѣрами или скудными пособіями не исцѣляло нищеты. Дожди и засухи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ довершили разореніе. Среди этихъ бѣдствій отъ крестьянъ требовали исполненія всѣхъ повинностей, при чемъ чиновники злоупотребляли властью и пользовались случаемъ для наживы. Устройство проселочныхъ дорогъ занимало руки трети Россіи, а хлѣбъ гнилъ на корню.

— О притѣсненіяхъ земскихъ чиновниковъ, — говорилъ А. Бестужевъ,—можно написать книгу.—Малѣйшій распорядокъ свыше даетъ имъ поводъ къ тысячѣ насилій и взятокъ. То соберутъ крестьянъ въ сѣнокосъ и жатву и мѣсяцъ ничего не дѣлаютъ (оставляютъ безъ работы); то дадутъ сдѣлать, и потомъ ломаютъ, говоря, что это не по формѣ. Назначаютъ на работу ближнихъ въ даль и наоборотъ, чтобы взять за увольненіе нѣсколько рублей съ брата. Да и кромѣ того собираютъ прибавочные налоги, такъ что съ души сходитъ втрое противу указныхъ податей [2]).

Излишніе поборы, обязанность крестьянъ довольствовать стоявшія у нихъ войска тяготили ихъ. Запрещеніе винокуренія отняло во многихъ губерніяхъ всѣ средства къ сбыту зерна, а размноженіе питейныхъ домовъ испортило нравственность и разорило крестьянскій бытъ.

[1]) Записка П. Сумарокова, Архивъ Государств. Совѣта, дѣло Комитета 1826 г. № 57.

[2]) Собственноручное показаніе А. Бестужева. Госуд. арх., I, особая опись д. № 11.

Всѣ вздыхали о прежнихъ годахъ, всѣ роптали на настоящее и жаждали лучшаго до того, что ложный слухъ, будто даются мѣста на невѣдомой имъ рѣкѣ Аму-Дарьѣ, влекъ тысячи жителей Украйны—куда не знали сами. Цѣлыя селенія снимались съ насиженнаго мѣста и бродили наугадъ [1]).

Измѣненіе такого положенія являлось настоятельно необходимымъ. «Россія, — говорили руководители тайнаго общества руководимымъ,—представляетъ обширное государство, составленное изъ частей разнородныхъ; ея населеніе имѣетъ различныя права, различные законы, различную вѣру. Состояніе высшаго класса, т. е. дворянства, почти во всемъ одинаково, но состояніе низшаго, простаго народа, весьма различно. Въ Финляндіи—свобода; у магометанъ и язычниковъ—также; въ царствѣ Польскомъ существуетъ въ законѣ, но не на дѣлѣ. Одни только православные христіане подчинены необузданной волѣ помѣщиковъ. Крестьяне казенные, великорусскіе и украинскіе казаки не несутъ на себѣ помѣщичьяго ига, но и не пользуются правами свободныхъ состояній. Положеніе крѣпостныхъ крестьянъ также весьма не ровное: одни оброчные, другіе пахотные, третьи фабричные, четвертые и то, и другое, и третье вмѣстѣ. Никакая мѣра, никакой законъ не опредѣляютъ повинностей. Помѣщикъ налагаетъ ихъ по своему произволенію: изъ оброчныхъ сажаетъ на пашню, если ему вздумается или, отрывая отъ земли, заводитъ фабрику. Несчастные жители арендныхъ имѣній и даже многихъ помѣщичьихъ въ Бѣлоруссіи, Литвѣ и польской Украйнѣ живутъ почти круглый годъ мѣсячною дачею, не имѣя ничего собственнаго. Пьянство одна отрада ихъ и отъ него лучшій доходъ помѣщика.—Государственные доходы, основанные на безнравственности народа, продажное правосудіе, взятки—вотъ зло, съ которымъ должно вступить въ борьбу, и только черезъ его истребленіе можно водворить въ отечествѣ благосостояніе [2]).

— Я представляю себѣ Россію,—говорилъ Ѳ. Н. Глинка [3]),—какъ нѣкую могучую жену, спокойно, вопреки всего почіющую. Въ головахъ у ней, вмѣсто подушки—Кавказъ, ногами прещетъ въ Балтійское море, правая рука закинута на хребетъ Урала, а лѣвая, простертая за Вислу—грозитъ перстомъ Европѣ.—Я знаю, я увѣренъ, что превращать древнее теченіе вещей есть то же, что совать персты въ мельничное колесо: персты отлетятъ, а колесо все идетъ своимъ ходомъ. Вотъ моя политическая вѣра! Вотъ мои мысли, вотъ мои чувства.

Далекій отъ всякаго насилія, Ѳ. Н. Глинка тѣмъ не менѣе желалъ

---

[1]) Показаніе А. Бестужева. Гос. Арх., I, д. № 11.
[2]) Отрывокъ изъ записокъ кн. С. П. Трубецкаго.
[3]) Въ показаніи 7-го апрѣля 1826 г. Госуд. Арх., I, д. № 82.

блага Россіи и цвѣтущаго ея положенія. Слѣдуя изреченію китайскаго мудреца Хенгдзи-Фое, онъ находилъ, «что благополучна та страна, гдѣ тюрьмы пусты, житницы полны, доктора ходятъ пѣшкомъ, а хлѣбники—верхами; гдѣ на ступеняхъ храмовъ Божіихъ толпится народъ, а крыльца судилищъ заросли травою».

Тогдашнее состояніе Россіи было далеко отъ этого идеала и подвергалось осужденію. Собиравшіеся въ разныхъ мѣстахъ члены общества имѣли одну печаль и одинъ предметъ разговоровъ. Они говорили о тягости налоговъ, объ излишествѣ войскъ, о военныхъ поселеніяхъ, о разорительныхъ для Россіи иностранныхъ займахъ, сдѣланныхъ безъ существенной нужды; говорили о систематической медленности правительства въ удовлетвореніи претензій частныхъ людей, о многихъ несправедливостяхъ въ дѣлахъ, съ казеннымъ интересомъ сопряженныхъ, отягощеніи войскъ ученьемъ, о множествѣ чиновниковъ и скудномъ ихъ жалованьи, какъ причинѣ злоупотребленій, о самовластіи вельможъ, не своевременномъ пособіи губерніямъ, въ которыхъ былъ неурожай и голодъ; о возстановленіи Польши, вредномъ для Россіи, о преимуществахъ, дарованныхъ завоеваннымъ полякамъ и финляндцамъ передъ завоевателями; сожалѣли о расходахъ, производимыхъ Россіею для царства Польскаго, говорили объ опредѣленіи въ бывшія польскія губерніи губернаторовъ изъ поляковъ, о переводѣ въ Литовскій корпусъ поляковъ, служившихъ въ русскихъ полкахъ, о причисленіи Выборгской губерніи къ великому княжеству Финляндскому, о недостаткахъ нашего законодательства и о многомъ другомъ [1]).

Порицая единогласно мѣры правительства, они разсуждали, что каждый, принеся пользу отечеству въ военное время, не долженъ оставаться безполезнымъ и въ мирное; что, содѣйствуя государю въ трудахъ военныхъ, долженъ помогать ему и въ мирныхъ подвигахъ; что дѣятельность частнаго человѣка ничтожна, но, дѣйствуя сообща, можно принести много пользы государю и отечеству. «Надо помогать другъ другу,—говорили они,—надо заняться чтеніемъ и распространеніемъ полезныхъ и либеральныхъ книгъ». Пестель говорилъ, что обязанность каждаго благомыслящаго человѣка образовать себя на пользу отечества, страдающаго отъ злоупотребленій, и стараться искоренить ихъ. «Стараться о распространеніи просвѣщенія вообще и въ особенности между нижнимъ классомъ народа, дабы тѣмъ самымъ довести его современемъ до того состоянія, въ которомъ онъ могъ бы пользоваться свободою [2]).

---

[1]) Показаніе титулярнаго совѣтника Григорія Перетца 28-го февраля 1826 г. Госуд. Арх., I, д. № 66.

[2]) Показанія подполковника 22-го Егерскаго полка Миклашевскаго 28-го января 1826 г. Госуд. Арх., I, д. № 76.

Благовидность цѣли, «умъ и свѣдѣнія сихъ людей (учредителей),—говорилъ Шиповъ [1]),—привлекли многихъ». Ихъ увѣряли, что молодые люди хорошихъ фамилій положили «дѣйствовать въ своихъ округахъ, по силамъ и возможностямъ, на улучшеніе всѣхъ отраслей наукъ, художествъ, даже ремеслъ и упражняться въ практической благотворительности, дѣлая сборы для бѣдныхъ, опредѣляя сиротъ въ училища, а безмѣстнымъ пріискивая пристанища» [2]). Подобные разговоры велись тогда открыто въ гостиныхъ, и часто прибавлялось, что науки политическія не имѣютъ у насъ значенія, художества мало поощряются, изученіе права (законовъ) слишкомъ поверхностно, къ благотворительности нѣтъ сочувствія; что молодые люди, окончивъ слегка учебные курсы, слишкомъ придаются суетной жизни и нерѣдко одной страсти къ картамъ.

— Благотворное вліяніе просвѣщенія,—говорилось на совѣщаніяхъ,—сосредоточилось вблизи столицъ и сдѣлалось удѣломъ высшаго класса; между тѣмъ какъ внутри государства все покрыто мракомъ. Многосложный политическій составъ Россіи, требуя великаго числа чиновниковъ, заставляетъ чувствовать сей недостатокъ, имѣетъ пагубное вліяніе на правосудіе и ходъ судебныхъ дѣлъ [3]).

— Правительство,—говорили другіе,—занято важнѣйшими видами, а кто мѣшаетъ намъ, жертвуя своими средствами и способностями, улучшать все вокругъ себя постепенно и скромнымъ образомъ? Когда же дѣятельность общества получитъ болѣе правильный видъ и будетъ о чемъ сказать, тогда скажемъ правительству и станемъ искать открытаго покровительства на дальнѣйшія дѣйствія, предъявивъ о томъ, что уже сдѣлано.

Кто изъ молодыхъ людей, истинно любящихъ отечество, не согласится съ такою программою дѣйствій и не приметъ участіе въ ея исполненіи? Всѣ вступившіе въ общество были люди нравственные, вполнѣ честные, скорбѣвшіе о злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ, и искренно желавшіе исправленія существовавшаго порядка.

— Я былъ обольщенъ мыслію,—говорилъ впослѣдствіи Лунинъ [4]),—что сіе тайное политическое общество, ограничитъ свои дѣйствія нравственнымъ вліяніемъ на умы и принесетъ пользу постепеннымъ приготовленіемъ народа къ принятію законно-свободныхъ учрежденій, дарованныхъ щедростію императора Александра полякамъ и намъ имъ пріуготовляемыхъ.

---

[1]) Во всеподд. письмѣ 8-го февраля 1826 г. Тамъ же, д. № 231.

[2]) Показанія Ѳ. Н. Глинки. Тамъ же, д. № 82.

[3]) Показаніе князя Ѳ. П. Шаховскаго 30-го марта 1826 г. Госуд. Арх., I, дѣло № 22.

[4]) Въ показаніи 8-го апрѣля 1826 г. Тамъ же, дѣло № 23.

Задачу, принимаемую на себя членами общества, нельзя назвать исключеніемъ изъ общаго желанія. «Едва-ли не треть русскаго дворянства,—показывалъ А. Бестужевъ,—мыслила подобно намъ, хотя была насъ осторожнѣе».

«Вижу, ваше превосходительство,—писалъ П. Коховскій генералу Левашову [1]),—что высочайше утвержденный комитетъ прилагаетъ великое усиліе открыть всѣхъ членовъ тайнаго общества. Но большой отъ того пользы для правительства произойти не можетъ. Мы не составлялись (т. е. не воспитывались и не приготовлялись) въ (тайномъ) обществѣ, но совершенно готовые въ него лишь соединялись.

«Я съ немногими членами тайнаго общества былъ знакомъ и вообще думаю, число ихъ не велико. Но изъ большаго числа моихъ знакомыхъ, не принадлежащихъ ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, очень не многіе были противнаго со мною мнѣнія».

Отъ поступающихъ въ общество требовалось: 1) строгое исполненіе обязанностей по службѣ; 2) честное, благородное и безупречное поведеніе въ частной жизни; 3) подкрѣпленіе словомъ всѣхъ мѣръ и предположеній государя къ общему благу; 4) разглашеніе похвальныхъ дѣлъ и осужденіе злоупотребленій лицъ по ихъ должностямъ; 5) поддержаніе всѣми силами принимаемыхъ правительствомъ или частными людьми полезныхъ предпріятій; 6) обнаруживаніе безчестныхъ поступковъ частныхъ людей, которые дойдутъ до свѣдѣнія общества; 7) удаленіе отъ дурныхъ поступковъ тѣхъ, на которыхъ члены могли имѣть вліяніе.

Если одинъ членъ замѣтитъ въ другомъ что-либо предосудительное, то долженъ тотчасъ откровенно сказать ему, а тотъ не долженъ обижаться, но стараться загладить свой поступокъ. На обязанности членовъ лежало пріисканіе людей способныхъ и достойныхъ войти въ составъ общества, но о таковыхъ заранѣе давать знать обществу, «чтобы можно было собрать о нихъ каждому члену свѣдѣнія; не удостовѣряться о достоинствахъ и доброй нравственности ихъ по однимъ слухамъ, но стараться изыскивать средства испытывать ихъ» [2]).

«Дѣйствія общества, — говоритъ кн. С. П. Трубецкой [3]),—должны были основываться на томъ разсужденіи, что многіе изъ правительственныхъ лицъ и частныхъ людей будутъ возставать противъ нѣкоторыхъ намѣреній императора (какъ и было то касательно свободы крестьянъ) и, слѣдовательно, какъ бы ни былъ слабъ голосъ тѣхъ, которые стали бы ихъ оправдывать, но безпрерывное склоненіе въ обще-

---

[1]) Въ письмѣ отъ 24-го февраля 1826 г. Госуд. Арх., I. Бумаги Блудова.

[2]) Показаніе кн. С. П. Трубецкаго. Госуд. Арх., I, д. № 1.

[3]) Въ своихъ запискахъ.

ствѣ разговора на извѣстный предметъ и оправданіе его убѣдитъ многихъ, возбуждая разсужденіе, пояснитъ могущія произойти послѣдствія и, въ случаѣ ожидаемой пользы, способствуя къ опроверженію сопротивленія, дастъ силу правительству привесть предположенія свои въ исполненіе».

Въ бумагахъ Ѳ. Н. Глинки сохранилась весьма любопытная, написанная имъ для себя, программа обязанностей его, какъ члена общества:

«Порицать: 1) А—ва [1]) и Долгорукова; 2) военныя поселенія; 3) рабство и палки; 4) лѣность вельможъ; 5) слѣпую довѣренность къ правителямъ канцелярій (Ге—нъ [2]) и Ан—скій [3]); 6) жестокость и неосмотрительность уголовной палаты; 7) крайнюю небрежность полиціи при первоначальныхъ слѣдствіяхъ.

Желать: открытыхъ судовъ и вольной цензуры.

Хвалить: Ланкастерскую школу и заведеніе для бѣдныхъ у Плавил. (Плавильщикова).

Исполненіемъ подобной программы выражалась дѣятельность большинства членовъ зарождающагося общества и, кажется,—прибавляетъ

---

[1]) Графа Аракчеева. „Оппозиція Аракчееву,—говоритъ Н. И. Гречъ,—князю А. Н. Голицину и всѣмъ темнымъ властямъ была тогда въ модѣ, была дѣломъ извѣстнымъ, славою и знаменемъ тогдашняго юнаго поколѣнія“ („Русск. Стар.“ 1871, т. IV, стр. 491).

[2]) Геттунъ, правитель канцеляріи с.-петербургскаго генералъ-губернатора, записки котораго напечатаны въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, былъ извѣстный взяточникъ. „Здѣшній городской голова, Жуковъ,—записалъ Ѳ. Н. Глинка,—человѣкъ злаго сердца, плохаго ума, войдя въ связь съ иностранцами, продалъ имъ, въ полномъ смыслѣ сего слова, своихъ согражданъ. Торгуя самъ пенькою, онъ старается прежде и выгоднѣе всѣхъ сбыть собственный товаръ и на сей-то конецъ, останавливая все теченіе промышленности и торговли, дѣлаетъ неслыханныя притѣсненія купечеству, изъ коего бѣднѣйшіе страждутъ наиболѣе. Многіе отъ притязаній его разорились, другіе, разорясь, померли отъ печали, и словомъ нѣтъ ни одного честнаго купца, который бы не проклиналъ головы Жукова. Но онъ не только остается не смѣненнымъ и не наказаннымъ, но дѣйствуетъ еще и губитъ людей свободно потому, что состоитъ въ тѣснѣйшихъ связяхъ съ Геттуномъ, платя ему 25 тыс. въ годъ отъ Думы за право красть у казны или города 400 тыс. ежегодно и, сверхъ того, уплачивая также не маловажную подать за право стѣснять торги и промыслы и обижать купечество. Геттунъ былъ въ полной довѣренности у графа Милорадовича и злоупотреблялъ его именемъ“.

[3]) „Юрисъ-консультъ Анненскій, пользующійся полною довѣренностію министра юстиціи князя Лобанова-Ростовскаго и употребляющій оную въ полной мѣрѣ во зло, не перестаетъ брать взятокъ, портить дѣла и губить людей. Недавно увидѣлъ я полковника Куроша, блѣднаго, разстроеннаго.... Что съ вами сдѣлалось?—Злодѣй Анненскій зарѣзалъ! Просилъ съ меня тысячу рублей; я, понадѣясь на правоту, не далъ. Онъ обратился къ соперницамъ, взялъ 2 тыс. и поворотилъ дѣло въ ихъ пользу“.

Глинка [1]),—для пользы общей и правительства, многіе взяточники обличены [2]), люди безкорыстные восхвалены, многіе невинно утѣсненные получили защиту, многіе выпущены изъ тюремъ, и, между прочимъ, цѣлая толпа сидѣвшихъ по оговору воровскаго атамана Розетти.

Такъ понималась большинствомъ членовъ цѣль общества, вызывавшая благотворительную дѣятельность. Въ то время общество не имѣло опредѣленной организаціи, и члены его носили названіе: другъ, братъ и мужъ. Другомъ считался каждый человѣкъ, имѣющій свободный образъ мыслей, знающій или не знающій о существованіи общества; онъ могъ быть полезенъ ему въ будущемъ и потому намѣчался членами для привлеченія въ общество, безъ его вѣдома и согласія. Братомъ назывался тотъ, кто далъ обязательство содѣйствовать обществу, цѣль котораго ему не была открыта. Мужемъ — тотъ, кто зналъ тайные виды общества [3]).

Сначала члены общества ограничивались только одними разговорами между собою, и опредѣленныхъ собраній или правильныхъ засѣданій не было. Собирались по пяти, по шести человѣкъ въ разныхъ мѣстахъ.

— Мы теперь,—говорилъ однажды Никита Муравьевъ Ѳ. Н. Глинкѣ,—всѣ слушаемъ курсы и въ особенности политическихъ наукъ, то, чтобы лучше вразумляться въ сихъ наукахъ, мы положили производить между собою разговоры, даже заводить споры о разныхъ системахъ и мнѣніяхъ. Для сего собираются у меня; но, какъ ваша квартира довольно также пространна и мы часто мимо ея проѣзжаемъ, то позвольте намъ иногда заѣзжать къ вамъ.

Глинка разрѣшилъ, и собиравшіеся у него были: Никита Муравьевъ, П. Пестель, князь С. Трубецкой и иногда С. Муравьевъ.

---

[1]) Въ показаніи 7-го апрѣля 1826 г. Госуд. Арх., I, д. № 82.

[2]) Въ примѣчаніи къ этому показанію Ѳ. Н. Глинка писалъ: „Въ извѣстной (французской) книгѣ о карбонарахъ сказано: чтобъ огорчить народъ, старайтесь всѣми силами опредѣлять къ мѣстамъ взяточниковъ, поддерживайте ихъ, закрывайте ихъ дѣла; бѣдныхъ давите, отличайте криводушныхъ, пренебрегайте добродѣтелью—словомъ, щадите всякія злоупотребленія, дабы народъ, прискучивъ настоящимъ порядкомъ вещей, сказалъ: дайте намъ что-нибудь новое. Такова дѣятельность карбонаровъ, а у прежде бывшаго (до 1821 года) общества дѣятельность въ непощаженіи зла была совершенно противу-карбонарская".

„Недовольныхъ или карбонаріевъ,—говорилъ А. Якубовичъ,—въ природѣ человѣка и порядкѣ вещей нѣтъ; но они являются среди притѣсненій, несправедливостей и малаго попеченія о нихъ правительства (Всеподд. письмо Якубовича 23-го декабря 1825 г. Госуд. Арх., I. Бумаги Блудова).

[3]) Показаніе М. Орлова, 4-го января 1826 г. Госуд. Арх., I., д. № 83.

«Молодые люди,—говорилъ послѣдній [1]),—занимавшіеся сими предметами, вскорѣ восчувствовали желаніе видѣть въ отечествѣ своемъ представительное устройство, сообщали другъ другу свои мнѣнія, соединились единствомъ желаній, и вотъ зародышъ тайнаго общества политическаго».

Вообще совѣщанія были случайныя; мнѣнія частныя никогда не выражали мнѣнія обязательнаго для всѣхъ. Пестель и Муравьевъ часто говорили объ образѣ правленія, о необходимости правъ для народа.

Крѣпостное состояніе представлялось И. Д. Якушкину единственною преградою къ сближенію всѣхъ сословій и вмѣстѣ съ тѣмъ общественному образованію Россіи. «Пребываніе нѣкоторое время въ губерніяхъ,—говорилъ онъ [2])—и частыя наблюденія отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ болѣе и болѣе утверждали меня въ семъ мнѣніи».

Завѣтною мечтою Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола и Н. И. Тургенева было освобожденіе крестьянъ. Они считали этотъ вопросъ основнымъ въ русской жизни и вмѣстѣ съ другими стремились къ достиженію такой цѣли. Собиравшіеся часто спорили, и въ началѣ существованія общества споры эти оканчивались одними словами [3]). «Такіе споры въ то время никакой важности не показывали, — говоритъ Ѳ. Глинка [4])—и оканчивались ничѣмъ. Подобные разговоры не только у меня или въ другихъ квартирахъ, но заводимы были встрѣчавшимися членами повсюду: на балахъ, вечеринкахъ, въ театрѣ—вездѣ толковали о политикѣ, и, я помню, когда проходили политическую экономію, то часто встрѣчные другъ у друга спрашивали: вы физіократъ или меркантилистъ?»

Человѣкъ вполнѣ честный, высокой нравственности и необыкновенной доброты, Ѳ. Н. Глинка не допускалъ обмана и безусловно вѣрилъ, что истинная цѣль общества заключается въ благотвореніи, въ улучшеніи нравственности, въ обнаруженіи злоупотребленій, и старался всѣми силами содѣйствовать обществу въ этомъ направленіи. Онъ и его сочлены хлопотали объ уменьшеніи зла и возвышеніи добра, «подавая руку помощи и заступленія по закону угнетенной невинности и простодушной простотѣ, уловленной тѣми, о коихъ въ настольномъ указѣ (на зерцалѣ) сказано, что они подбираютъ законы, какъ карты и подкапываютъ фортецію правды».

«Сіе обыкновеніе,—говорилъ Глинка [5]),—порицать зло и помогать

---

[1]) Въ своемъ показаніи. Госуд. Арх., I. Южное общество, дѣло № 2.

[2]) Въ показаніи 25-го мая 1826 г. Тамъ же, дѣло № 20.

[3]) Всеподданнѣйшее письмо князя Ильи Долгорукова, 3-го февр. 1826 г. Госуд. Арх., I, дѣло № 230.

[4]) Въ показаніи 15-го февраля 1826 г. Госуд. Арх., I, д. № 82.

[5]) Показаніе Глинки 7-го апрѣля 1826 г. Тамъ же.

добру казалось тогда невиннымъ, ибо люди (за семь лѣтъ передъ симъ) были моложе и чувствительность ихъ была раздражительнѣе, а чувство правды было болѣе пылко и болѣе порывисто. Желаніе отклонить какое-либо мѣстное злоупотребленіе и пріобрѣсти умѣнье помочь безпомощному, отстоять на судѣ сироту и объяснить, доведя до начальства сущность дѣла—вотъ побужденія, заставлявшія членовъ съ любовію заниматься сухимъ и скучнымъ изученіемъ законовъ».

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Малая заботливость по возстановленію благосостоянія крестьянъ, послѣ Отечественной войны.

Высочайшее повелѣніе генералу-отъ-кавалеріи Тормасову.

27-го марта 1816 года, № 56.

Александръ Петровичъ! Изъ свѣдѣній, доставленныхъ вами о теперешнемъ состояніи Московской губерніи, усматриваю я, что болѣе 400 деревень не обстроились еще послѣ разоренія, непріятелемъ причиненнаго. Сего нельзя бы предполагать, судя по тому, что одни дворяне московскіе получили пособія отъ казны до 2-хъ милліоновъ рублей и по самому времени, коего три года протекло уже послѣ изгнанія непріятеля. Я очевидцемъ былъ за границею, какъ въ нѣсколько мѣсяцевъ возрасли деревни, совершенно истребленныя и выжженныя, въ такихъ даже мѣстахъ, гдѣ съ приближеніемъ союзныхъ войскъ удалилось правительство и, слѣдовательно, ни пособія оказать, ни вѣщись объ нихъ не было въ состояніи. Напротивъ къ прискорбію замѣчаю, что въ Можайскомъ уѣздѣ изъ 158 деревень ни одна по сіе время не исправилась.

По главному начальству вашему въ Московской губерніи, я поручаю въ особенное попеченіе ваше предметъ сей, повелѣвая немедленно войтить въ сношеніе съ предводителями дворянства, дабы они приняли мѣры къ поправленію помѣщичьихъ имѣній, яко собственности дворянства,—улучшеніе коей существенную приноситъ ему же пользу.

Касательно казенныхъ имѣній не оставите вы сверхъ сношеній съ начальствами, коимъ оныя подвѣдомы, наблюдать чрезъ особо посылаемыхъ чиновниковъ, дабы въ нынѣшнемъ году непремѣнно всѣ деревни обстроились, воспособляя тому средствами, зависящими отъ васъ.

О успѣхѣ же, какой по повелѣнію сему произойдетъ, донесите осенью мнѣ въ собственныя руки.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I
и
ЕВРОПЕЙСКІЯ РЕВОЛЮЦІИ [1]).

I.

Наслѣдіе Вѣнскаго конгресса.—Меттернихъ и императоръ Францъ.—Меттерниховскіе конгрессы.—Главные охранители Священнаго Союза.—Взаимныя между ними отношенія до іюльской революціи въ Парижѣ.

Несчастное событіе 14-го декабря 1825 года, среди котораго произошло вступленіе на престолъ Николая Павловича, положило неизгладимую печать на все царствованіе этого государя. Одаренный свѣтлымъ умомъ, самыми благими намѣреніями относительно Россіи, непреклоннымъ характеромъ и желѣзною волею, этотъ замѣчательный государь, которому отдавали справедливость даже враги его, какъ въ Россіи, такъ и за границею, до конца жизни своей не могъ забыть горькаго для него дня вступленія своего на престолъ. Съ этой самой минуты и до конца своего царствованія на всякое противозаконное дѣло, на малѣйшее проявленіе свободной мысли, смотрѣлъ онъ какъ на преступленіе, грозящее подорвать авторитетъ власти, на какой бы низкой ступени ни стояла эта власть. Твердая и строгая власть и безпрекословное пре-

[1]) 1. Шильдеръ. Императоръ Николай I; 2. Мартенсъ. Собраніе трактатовъ и конвенцій, т. IV и т. VIII; 3. Кн. Щербатовъ. Князь Паскевичъ; его жизнь и дѣятельность. 4. Гервинусъ. Исторія XIX вѣка. 5. Рохау. Исторія Франціи съ 1814—1852.

клоненіе передъ нею, какова бы она ни была,—вотъ принципы, которые руководили императоромъ во все его царствованіе во внутренней политикѣ.

Но эти же самыя начала императоръ положилъ и въ основу своей внѣшней политики. Получивъ въ наслѣдство трактаты 1815 года и знаменитый Священный Союзъ, онъ считалъ своею обязанностью строго сохранять ихъ въ полномъ объемѣ и при всякомъ нарушеніи считалъ долгомъ протестовать если не дѣломъ, то своимъ авторитетнымъ словомъ. А такъ какъ въ то время Европою, кромѣ Англіи, управлялъ знаменитый генералъ-полицеймейстеръ Европы, или, какъ по-просту называли его, кучеръ Европы — Меттернихъ — крайній ретроградъ, то всякое проявленіе свободнаго слова, всякое уклоненіе отъ трактатовъ 1815 года считалось политическимъ преступленіемъ, которое часто вело за собою вмѣшательство постороннихъ державъ во внутреннія дѣла чуждаго государства, для возстановленія, такъ называемаго, законнаго порядка.

Меттернихъ, человѣкъ весьма небольшаго ума, долгое время занималъ первое мѣсто въ европейскомъ концертѣ. Лордъ Россель, коротко знавшій Меттерниха, не находилъ въ немъ ни широкаго пониманія, ни замѣчательнаго ума, ни слѣдовъ серіознаго размышленія. Это былъ человѣкъ рутины, которому даже порицатели его не отказывали въ вкрадчивости и ловкости; великія современныя событія развили въ немъ эти природные дары, но знанія его и понятія были лишены всякой основательности. Фуше прославлялъ полицейскую проницательность Меттерниха, его быстрое пониманіе людей, ихъ слабостей и ошибокъ, но, не смотря на это, онъ до такой степени былъ лишенъ основательнаго познанія людей и самого себя, что всю жизнь оставался въ полномъ убѣжденіи, что у него не было ни одного личнаго врага.

Незаслуженную славу государственнаго мужа онъ началъ пріобрѣтать въ то время, когда Австрія совершенно неожиданно поднялась блестящимъ образомъ, когда, въ войнѣ 1813 года, недостаточныя силы Россіи и Пруссіи позволили Австріи предписать условія своего вступленія въ союзъ. Съ тѣхъ поръ Меттернихъ получилъ вліятельное мѣсто въ совѣтѣ европейскихъ державъ, на что, по мнѣнію Штейна, не давали ему права ни его дарованія, ни характеръ, ни военное положеніе его родины. Этого права не признавалъ за нимъ также, ни прежде, ни послѣ, ни одинъ изъ заслуживающихъ вниманія людей, особенно изъ людей государственныхъ, находившихся съ нимъ въ сношеніяхъ. Князь Меттернихъ достигъ въ Австріи высшихъ почестей и мѣста государственнаго канцлера, Европа украсила его рѣшительно всѣми орденами, но въ исторіи Австріи за нимъ не можетъ сохраниться слава великаго министра. Между тѣмъ, наблюдатели, близко къ

нему стоявшіе, утверждали, что онъ, по своей внутренней натурѣ, не былъ чуждъ либеральныхъ началъ, но что онъ подавлялъ ихъ изъ желанія угодить своему государю и вслѣдствіе этого постоянно обнаруживалъ свое презрѣніе къ свободнымъ идеямъ и давалъ полную волю орудіямъ крутаго деспотизма, не стѣсняясь въ самыхъ произвольныхъ дѣйствіяхъ, и все свое призваніе ставилъ въ подавленіи какого бы то ни было свободнаго движенія.

Повелитель Меттерниха, императоръ Францъ, со дня вступленія на престолъ оказался естественнымъ врагомъ Іосифовыхъ учрежденій и во внутреннихъ дѣлахъ подчинился гибельному вліянію мрачнаго Тугута, человѣка византійской школы, который круто перешелъ отъ реформъ Іосифа II къ старой системѣ Фердинанда, снова ввелъ въ государственный строй мертвый механизмъ централизаціи, оффиціальной формалистики и полицейскаго надзора. Въ немъ постепенно начала развиваться все болѣе и болѣе страстная любовь къ итальянской полиціи отца; всѣ доносы стекались къ нему во дворецъ; подозрительность его не останавливалась ни предъ кѣмъ и ни предъ чѣмъ: слова эрцгерцога Карла подслушивались, и замки его сламывались въ собственныхъ стѣнахъ его дома.

Въ то время, какъ на Вѣнскомъ конгрессѣ императоръ Александръ желалъ предоставить нѣкоторую политическую свободу французамъ, испытавшимъ такую горькую участь, Францъ видѣлъ въ этомъ страшное зло. Своимъ итальянскимъ подданнымъ онъ говорилъ, чтобы они и не надѣялись на какую-нибудь конституцію. Простое упоминаніе о конституціонныхъ учрежденіяхъ бѣсило его; каждая свободная школа, каждое толкованіе религіозныхъ истинъ, философія и исторія, литература и ученость, малѣйшее сомнѣніе въ его непогрѣшимости—все это было ему ненавистно. Вслѣдствіе такого настроенія, онъ неумолимо мстилъ за каждое политическое возстаніе самыми ужасными мѣрами.

Вѣнскій конгрессъ, размежевавъ карту Европы, не справясь съ желаніями народовъ, которые несли громадныя жертвы за свое освобожденіе, положилъ къ новой Европѣ привить старые порядки и, давъ, по настоянію Александра I, ограниченную монархію Франціи, рѣшилъ оставить всѣ остальные народы при средневѣковыхъ формахъ. Понятно, что такое устройство вовсе не соотвѣтствовало духу новаго времени, который радикально измѣнился съ 1789 года. Прогрессивное развитіе во всѣхъ отрасляхъ умственной и общественной жизни требовало новыхъ формъ, болѣе свободной сферы и болѣе самостоятельной дѣятельности.

Со времени Вѣнскаго конгресса, главными охранителями его постановленій были основатели Священнаго Союза, возникшаго, какъ извѣстно, по иниціативѣ императора Александра. Увлеченный мистициз-

момъ, онъ надѣялся, что, слѣдуя евангельскимъ истинамъ, онъ создастъ всеобщій миръ и тишину въ Европѣ и составитъ благоденствіе народовъ, которые на томъ же конгрессѣ были размежеваны безъ всякаго съ ихъ стороны согласія. Главными охранителями его были три союзныя державы: Россія, Австрія и Пруссія. Этотъ тройственный союзъ подъ главнымъ руководствомъ Меттерниха и заправлялъ всѣми европейскими дѣлами, при чемъ отношенія между этими тремя державами были далеко не одинаковы. Не вдаваясь въ подробности этихъ взаимныхъ отношеній между ними, нельзя, однако, не сказать хотя вкратцѣ о нихъ, чтобы видѣть ихъ взгляды на европейскія дѣла, опредѣлить ихъ отношенія другъ къ другу и оцѣнить степень добросовѣстности каждаго изъ союзниковъ. Постараемся сгруппировать оффиціальные документы, чтобы видѣть рельефно заслуги, оказанныя другъ другу въ трудныя минуты, и степень признательности ихъ за эти услуги.

Начнемъ съ Австріи.

Въ то время, какъ Англія и, въ лицѣ императора Александра, Россія хотѣли по возможности щадить самолюбіе Франціи,—Австрія и Пруссія рѣшились не щадить ихъ, и, только благодаря настоянію русскаго государя, требованія ихъ были ограничены.

По глубокому убѣжденію Александра I союзъ четырехъ державъ долженъ былъ служить главнымъ основаніемъ для поддержанія всеобщаго мира. Русскому послу въ Вѣнѣ поручено было поддерживать всѣми силами союзъ съ Австріею, которая, между тѣмъ, руководимая Меттернихомъ, дѣйствовала противъ Россіи самымъ коварнымъ образомъ. Первый разладъ возникъ при вопросѣ о правахъ принца Евгенія. Императоръ Александръ поддерживалъ Евгенія, а Австрія была противъ. По поводу письма императора Франца къ Александру, графъ Нессельроде находилъ, что письмо это далеко не проникнуто тѣми чувствами дружбы и привязанности, на которыя императоръ Александръ имѣетъ несомнѣнное право.

Нашъ посланникъ гр. Штакельбергъ въ своихъ депешахъ и письмахъ безпрестанно убѣждаетъ, чтобы наше правительство не довѣряло австрійскому кабинету, который, изъ опасенія нашего могущества, ищетъ повсюду намъ враговъ. Хитрое австрійское правительство очень хорошо сознаетъ свою слабость, потому именно старается повсюду находить противувѣсъ державѣ, которую она имѣетъ основаніе бояться. Со всѣми державами австрійскій кабинетъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ, и князь Меттернихъ «съумѣлъ себѣ сдѣлать изъ дипломатическаго корпуса въ Вѣнѣ настоящій сераль», обитатели котораго считаютъ своимъ долгомъ каждый день приходить къ нему, чтобы выслушивать его проповѣди. Если даже,—говорилъ Штакельбергъ,—его мнѣніе не понравится правительству, то онъ все-таки, «какъ хорошій

русскій человѣкъ», не перестанетъ твердить «Caveat Consul». Онъ не вѣритъ въ искренность политики Меттерниха.

Естественно, что при такихъ отношеніяхъ положеніе Штакельберга было не особенно пріятно. Однажды Меттернихъ какъ-то узналъ, что Штакельбергъ доносилъ, что итальянцы совсѣмъ недовольны австрійцами и находятъ неудобнымъ провести всю свою жизнь «между перомъ писаря и палкою австрійскаго капрала». Вообще Штакельбергъ находилъ, что какъ бы мелочна ни была политика Меттерниха, русское правительство обязано зорко слѣдить за нею, а лично,—заявлялъ онъ,—никогда не преклонится передъ Меттернихомъ, «этимъ вѣнскимъ Далай-Ламою». Прося увольненія, графъ Штакельбергъ находилъ лучшимъ, чтобы вѣнскій представитель Россіи имѣлъ фамилію, оканчивающуюся на овъ или скій. Графъ Штакельбергъ составлялъ исключеніе изъ всего дипломатическаго корпуса въ Вѣнѣ, всѣ послы котораго писали свои донесенія подъ диктовку австрійскаго министра.

Не смотря на взаимныя дружественныя отношенія между императоромъ Александромъ и императоромъ австрійскимъ, русское правительство неоднократно было вынуждено замѣтить, что Вѣнскій кабинетъ не дѣйствуетъ въ отношеніи его съ достаточною откровенностью. Что же касается обязанности слѣдить за ходомъ дѣлъ въ Австріи, то графъ Штакельбергъ до самаго отъѣзда своего изъ Вѣны не переставалъ предостерегать свое правительство на счетъ своекорыстной и двоедушной политики князя Меттерниха, который нашелъ теперь, послѣ паденія Наполеона, другое пугало, выставляемое имъ на-показъ и общее назиданіе. Это—«красная нѣмецкая шапка». Австрійское правительство ничего такъ не боялось, какъ словъ: Deutschtum и Burschenwesen». Въ самыхъ ужасныхъ краскахъ нарисовалъ Меттернихъ положеніе дѣлъ въ Германіи, гдѣ «нѣмецкій якобинизмъ» будто-бы подвергаетъ опасности весь новый порядокъ, установленный послѣ столькихъ усилій. По мнѣнію Штакельберга, Меттернихъ ничего болѣе не желаетъ, какъ вмѣшательства Россіи въ германскія дѣла, но обязательно, чтобы Россія дѣйствовала по его совѣтамъ и указаніямъ, чтобы, говоря проще, Россія вынимала каштаны изъ огня для Австріи.

Хотя императоръ Александръ былъ доволенъ дѣйствіями Штакельберга и ясно видѣлъ, что нельзя полагаться на Австрію, тѣмъ не менѣе онъ рѣшился идти по разъ избранному пути къ достиженію поставленной имъ цѣли—«спокойствію народовъ, ненарушимости трактатовъ и достиженію общаго благополучія».

При назначеніи въ Вѣну графа Головкина ему было указано, что во время дружескихъ и конфиденціальныхъ переговоровъ былъ подписанъ враждебный Россіи договоръ. Ему было указано, что у Вѣнскаго кабинета есть задняя мысль, направленная къ устройству оборо-

нительнаго союза противъ Россіи, т. е. союза, который враждебенъ общему дѣлу, если находятъ нужнымъ скрывать въ непроницаемой тайнѣ. Такимъ образомъ императоръ Александръ и его ближайшіе совѣтники единогласно признавали необходимымъ относиться съ большою осторожностью къ политикѣ Вѣнскаго кабинета.

Въ 1817 году Меттернихъ нашелъ нужнымъ созвать конгрессъ изъ монарховъ и ихъ министровъ для излѣченія Европы отъ недуговъ, которыми она одержима. Главнымъ поводомъ было вновь утвердить основы новаго порядка вещей, установленнаго актомъ Вѣнскаго конгресса, въ особенности же должна быть вновь закрѣплена и доказана предъ всѣмъ свѣтомъ твердость союзныхъ узъ между четырьмя великими державами. Въ Ахенѣ, гдѣ назначенъ былъ конгрессъ, тотчасъ же обнаружилось разногласіе между Россіею и Австріею, Меттернихъ приводилъ необходимость вмѣшиваться въ дѣла чуждаго государства, а Александръ былъ противнаго мнѣнія. Меттернихъ постоянно при всякомъ случаѣ упиралъ на то, что Европа весьма больна и нуждается въ хорошемъ уходѣ и лѣченіи. Европа, по его словамъ, должна подвергнуться тому процессу лѣченія, который практикуется въ домахъ умалишенныхъ. Съ этой точки зрѣнія Меттернихъ не только настаивалъ на необходимости неутомимой борьбы всѣхъ союзныхъ правительствъ противъ революціонеровъ, избравшихъ, по его словамъ, Францію главнымъ поприщемъ своей агитаціи, но крайне необходимо предупредить распространеніе этой агитаціи за предѣлами Франціи. Основная точка зрѣнія императора Александра была нѣсколько мистическая—«поддерживать и увѣковѣчить великую христіанскую ассоціацію». Изъ Ахенскаго конгресса онъ вынесъ убѣжденіе, что въ Священномъ Союзѣ заключается якорь спасенія для Европы и въ союзѣ Россіи съ Австріею находится лучшая опора вновь установленному порядку вещей. Съ этимъ взглядомъ не всѣ русскіе государственные люди были согласны. По словамъ Поццо-ди-Борго три призрака преслѣдуетъ Вѣнскій дворъ: воспоминаніе о войнахъ своихъ противъ Франціи, боязнь видѣть турокъ отброшенными въ Азію и боязнь предъ мыслью, что Польша находится подъ конституціоннымъ правленіемъ. Не будучи въ состояніи или не умѣя быть сильною въ самой себѣ, Австрія ищетъ свою силу въ политическихъ интригахъ. Въ особенности же она боится Россіи и потому повсюду возбуждаетъ опасенія на счетъ ея могущества и замысловъ.

Вѣнскій дворъ былъ вполнѣ удовлетворенъ на Ахенскомъ конгрессѣ, и въ бесѣдахъ между императоромъ Адександромъ, императоромъ австрійскимъ и королемъ прусскимъ, Францъ могъ убѣдиться, что всѣ они трое одинаково ненавидятъ всякія революціонныя затѣи. И вотъ теперь Вѣнскій кабинетъ, въ видахъ подавленія всякой политической

свободы въ Европѣ, постоянно обращался за содѣйствіемъ къ Россіи. Пользуясь миролюбіемъ и снисходительною уступчивостью русскаго императора, Меттернихъ проводилъ свои политическіе принципы въ Германіи и Италіи. Во всѣхъ нотахъ австрійскаго правительства Меттернихъ постоянно твердилъ одно и то же: европейскіе народы больны, и революціонныя идеи повсюду распространяются съ ужасающею быстротою, подтачивая жизненную силу государствъ. Поэтому уже въ 1819 году по настоянію Меттерниха были приняты самыя реакціонныя мѣры. Но этого мало было; Меттерниху непремѣнно хотѣлось, чтобы онѣ были, такъ сказать, санкціонированы императоромъ Александромъ. Меттернихъ прекрасно зналъ, какимъ безграничнымъ авторитетомъ пользовался въ Германіи русскій императоръ. На этотъ разъ однако Александръ не принялъ непосредственнаго участія, видя желаніе Австріи подчинить себѣ всѣ германскія государства.

Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, онъ самъ себѣ противорѣчилъ. Одобряя всѣ ретроградныя дѣйствія Австріи, онъ въ то же время проповѣдывалъ, что «современныя правительства вовсе лишены обаянія, между тѣмъ какъ, напротивъ, вся ихъ сила должна состоять въ либеральныхъ учрежденіяхъ, даруемыхъ ими своимъ народамъ».

Точно также, когда въ 1820 г. вспыхнула революція въ Неаполѣ, Меттернихъ настоялъ на необходимости вновь собраться монархамъ для укрощенія революціи. Понятно, что Россіи менѣе всего было дѣла до этой революціи, а заинтересована въ ней была только одна Австрія. Тѣмъ не менѣе Меттернихъ убѣдилъ императора Александра, что неаполитанская революція есть дѣло общее, въ которомъ Австрія заинтересована не болѣе, чѣмъ другія державы, что виды Вѣнскаго кабинета совпадаютъ съ пользою всей Европы. Всѣ же союзныя правительства согласны: 1) на счетъ опасности революціонеровъ; 2) необходимости одинаковаго отношенія къ новому неаполитанскому правительству, и 3) необходимости принятія самыхъ энергическихъ мѣръ для усмиренія революціи; наконецъ, 4) всѣми союзниками сознается, что соблюденіе трактатовъ должно быть основаніемъ ихъ политики. Вслѣдствіе этого на конгрессѣ было опредѣлено общее начало, на основаніи котораго союзныя правительства имѣютъ право вмѣшиваться во внутреннія дѣла другихъ государствъ,

Русское правительство скоро согласилось съ Вѣнскимъ кабинетомъ на счетъ необходимости общей борьбы противъ революціи, но желало основать право это на актѣ Священнаго Союза, который долженъ былъ лежать, по убѣжденію Александра, въ основаніи всѣхъ дѣйствій и всей политики союзныхъ правительствъ.

Въ 1822 году вспыхнуло возстаніе въ Греціи, которое въ теченіе

девяти лѣтъ было предметомъ переговоровъ между Россіею и Австріею. Возстаніе это въ глазахъ оберъ-полицеймейстера Европы было исчадіемъ всемірныхъ крамольниковъ и мятежниковъ, осмѣлившихся взбунтоваться противъ законной власти. Меттернихъ и императоръ Францъ старались увѣрить въ томъ же и русское правительство. Съ величайшею настойчивостью проповѣдывалъ Меттернихъ, что Россія не должна вступаться за грековъ. По словамъ его, не интересы человѣколюбія защищаютъ сторонники грековъ, но дѣло революціи; не торжества Креста хотятъ они, но раздора между державами, а между Россіею и Австріею въ особенности. Извѣстно, что на этотъ разъ императоръ Александръ не поддался на рѣчи Меттерниха и рѣшилъ вступиться за грековъ. Тогда-то начались всѣ возможныя интриги.

Въ виду возможности войны съ Турціею, необходимо было выяснить, какое положеніе приметъ Австрія. На всѣ вопросы по этому предмету Меттернихъ или отмалчивался или отвѣчалъ незначущими фразами. Вообще же онъ настаивалъ, что Россія отнюдь не должна начинать войну изъ-за грековъ, которые бунтовщики, флибустьеры и разбойники. Нашъ посолъ въ Вѣнѣ заявилъ, что императоръ Александръ такъ усердно исполнялъ желаніе Австріи и Пруссіи на Троппаускомъ и Лайбахскомъ конгрессахъ, что имѣетъ право надѣяться на взаимность въ данномъ случаѣ.

Татищеву поручено было добиться отъ Меттерниха подписанія конфиденціальнаго протокола, въ которомъ справедливость нашихъ требованій была бы признана самымъ положительнымъ образомъ. Не смотря на настоянie Татищева и спеціально для того посланнаго въ Вѣну, Головкина, Меттернихъ дѣйствовалъ весьма двусмысленно и, какъ утверждалъ въ своемъ донесеніи Татищевъ, не оставлялъ по отношенію къ Россіи своего «надувательства». Вообще въ восточномъ вопросѣ Меттернихъ вдоволь эксплоатировалъ свое личное вліяніе, чтобы уговорить императора Александра не заступаться дѣятельнымъ образомъ за греческихъ крамольниковъ. Всѣ разсужденія Меттерниха объ опасностяхъ, какимъ подвергается Европа отъ революціонеровъ, имѣли прежде всего цѣлью помѣшать энергическому вмѣшательству Россіи въ пользу грековъ, и, по его словамъ, вопросъ могъ быть рѣшенъ не иначе, какъ при участіи всѣхъ великихъ державъ, но не одной Россіи.

Стоитъ обратить вниманіе на то, что нашъ вѣнскій посолъ, Татищевъ, безусловно вѣрилъ Меттерниху, расхваливалъ его въ своихъ депешахъ и даже говорилъ, что ему легко исполнять возложенное на него порученіе, ибо онъ находитъ въ Меттернихѣ мысли одинаковыя съ мыслями императора Александра. Не смотря на всѣ происки Меттерниха, Татищевъ говорилъ, что «мы не имѣемъ никакой причины быть недовольными точкой зрѣнія Вѣнскаго кабинета на восточный вопросъ». Онъ

былъ убѣжденъ, что въ восточномъ вопросѣ мы не имѣемъ лучшаго союзника, какъ Австрія, и восхвалялъ прямоту Вѣнскаго кабинета.

Наконецъ, въ декабрѣ 1824 года Татищевъ долженъ былъ объявить, что если Австрія пойдетъ на буксирѣ Англіи, то Россія одна покончитъ съ греческимъ вопросомъ безъ всякаго содѣйствія Австріи. Въ 1825 г., вступившій на престолъ императоръ Николай, видя равнодушіе великихъ державъ, рѣшилъ войти въ соглашеніе съ одною изъ нихъ,—съ Англіею. Переговоры по этому дѣлу съ лордомъ Веллингтономъ привели къ подписанію протокола о независимости Греціи, что̀ привело едва не въ отчаяніе Меттерниха, видѣвшаго, что руководительство Европою ускользаетъ изъ его рукъ. Не смотря на энергичную политику императора Николая, Австрія продолжала свою двуличную систему, хотя русскій государь заявлялъ, что онъ готовъ и впредь идти по стопамъ своего брата, поддерживать тѣсный союзъ съ Австріей и что онъ будетъ добросовѣстно исполнить международные трактаты 1814 и 1815 годовъ. Мало того, Татищеву было повелѣно дать австрійскому императору положительное обѣщаніе, что если онъ когда-либо будетъ нуждаться въ посторонней помощи, то смѣло можетъ разсчитывать на помощь Россіи. Не смотря однако на все это, Австрія не приступила къ договору Россіи съ Англіею и Франціею для разрѣшенія восточнаго вопроса. Можно теперь представить себѣ раздраженіе и злобу Меттерниха, когда до Австріи достигла вѣсть о Наваринской битвѣ. Убѣдившись, что теперь восточныя дѣла будутъ устроены тремя великими державами помимо всякаго участія Австріи, князь Меттернихъ не могъ скрыть своего крайняго неудовольствія и принужденъ былъ обѣщать Россіи содѣйствовать ея видамъ на Востокѣ и заставить Порту сдѣлаться болѣе уступчивою въ отношеніи трехъ союзныхъ державъ. Но въ то же время подъ рукою Вѣнскій дворъ продолжалъ интриговать противъ Россіи и распространять противъ нея всѣ возможныя обвиненія. Интриги дошли до того, что русское правительство предписало Татищеву объявить безъ обиняковъ князю Меттерниху, что дѣйствія его въ Греціи, Египтѣ и Константинополѣ отлично извѣстны въ Петербургѣ, что онъ сильно ошибается, думая разстроить союзъ трехъ державъ и убить непоколебимую энергію русскаго императора.

Когда послѣдовалъ разрывъ между Турціею и тремя союзными державами, а русскія войска готовились перейти Прутъ, Австрія начала вооружаться и сосредоточивать войска въ Трансильваніи. Замѣчательно въ этомъ случаѣ поведеніе императора Николая, который на случай вступленія австрійскихъ войскъ въ Дунайскія княжества отдалъ главнокомандующему такое приказаніе: 1) Если австрійскія войска сдѣлаютъ попытку остановить дѣйствіе русской арміи въ Княжествахъ, главнокомандующій долженъ былъ пригласить ихъ отступить назадъ. 2) Если

австрійскія войска не отступятъ, наша армія должна была, не оставливаясь, идти впередъ. Наконецъ, 3) если австрійцы окажутъ сопротивленіе нашему движенію, войскамъ было приказано отвѣчать на силу силою и, обезоруживъ, отправить ихъ назадъ чрезъ австрійскую границу. Татищеву же было приказано въ первомъ случаѣ заявить Вѣнскому кабинету благодарность за уваженіе, съ которымъ австрійскія войска отнеслись къ справедливому требованію русскаго военнаго начальства. Во второмъ случаѣ посолъ долженъ былъ объяснить австрійскому правительству, сколь страннымъ должно казаться русскому правительству поведеніе австрійскихъ войскъ, присутствіе которыхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій можетъ только мѣшать. Татищевъ долженъ былъ въ этомъ случаѣ настаивать на немедленномъ выводѣ австрійскихъ войскъ изъ Валахіи. Наконецъ, въ третьемъ случаѣ Татищевъ былъ уполномоченъ объявить Вѣнскому кабинету, что поведеніе австрійскихъ войскъ равносильно объявленію войны Россіи. Если Австрія желаетъ войны—Россія къ ней готова. Если же она напротивъ желаетъ сохранить миръ, то должна вывести свои войска изъ Дунайскихъ княжествъ и никоимъ образомъ не вмѣшиваться въ военныя дѣйствія.

При такихъ условіяхъ Австріи пришлось сохранить нейтралитетъ во время войны 1828 и 1829 годовъ, хотя до самаго Адріанопольскаго мира она стремилась изолировать Россію посредствомъ соглашенія между Англіею и Франціею съ одной стороны и Турціею съ другой. Въ виду этихъ обстоятельствъ, по приказанію императора, Татищеву было предписано заявить Меттерниху, что если Австрія собираетъ войска, то наши уже собраны; если она заключаетъ займы, то наши фонды готовы даже для двойной войны, и въ тотъ день, когда мы явно увидимъ доказательства враждебныхъ намѣреній, тогда право давать отпоръ несправедливому нападенію дастъ намъ также право предупредить его, и имъ мы воспользуемся. Лицемѣріе и предательское двоедушіе Австріи такъ надоѣли императору Николаю, что онъ приказалъ не обращать на это вниманіе.

Блестящій Адріанопольскій миръ сильно подѣйствовалъ на Австрію и въ особенности на Меттерниха, при чемъ русское правительство имѣло положительныя доказательства въ намѣреніи Австріи, въ случаѣ надобности, силою заставить Россію согласиться на невыгодныя для нея условія мира. Татищевъ не затруднился прямо объявить Меттерниху, что всѣ его «придирки» отлично извѣстны въ Петербургѣ и принимаются въ соображеніе. Неудовольствіе по тому же поводу выразилъ и императоръ Францъ, который косвеннымъ образомъ далъ понять, что если въ настоящее время революціонный духъ все распространяется, то въ этомъ отчасти виновата Россія, разстроившая союзъ великихъ державъ. Императоръ Николай приказалъ отвѣчать, что Вѣнскій

кабинетъ самъ систематически дѣйствовалъ противъ этого союза и своимъ потворствомъ Турціи привелъ къ полному его разрыву. Только такая политика могла ободрить упадшій духъ революціонеровъ.

По окончаніи турецкой войны князь Меттернихъ долженъ былъ сознаться, что онъ рѣшительно не въ состояніи измѣнить совершившіяся событія и низвергнуть Россію съ той высоты, на которую она сама себя поставила собственною энергіею и силою.

Вспыхнувшая въ 1830 году въ Парижѣ революція весьма сильно содѣйствовала сближенію между Австріею и Россіею. Ни та, ни другая держава не могли къ ней относиться равнодушно. Правительство Луи-Филиппа провозгласило принципъ невмѣшательства во внутреннія дѣла государствъ, что̀ совершенно отрицало право Россіи и Австріи препятствовать государственнымъ переворотамъ, имѣющимъ источникъ въ народныхъ возстаніяхъ.

Въ виду этого, рѣшено было, что прусскія войска будутъ сосредоточены на Рейнѣ, австрійскія—въ Италіи, а русскія—на западныхъ границахъ имперіи. Въ то же время союзники рѣшили не признавать Луи-Филиппа французскимъ королемъ. Вскорѣ, однако, Меттернихъ измѣнилъ свой взглядъ, и, вопреки желанію Россіи, Австрія, а затѣмъ и Пруссія должны были присоединиться къ Англіи, которая первая признала новое французское правительство.

Точно также, вопреки своимъ принципамъ, императоръ Николай I долженъ былъ признать и отдѣленіе Бельгіи отъ Нидерландовъ и образованіе новаго Бельгійскаго королевства.

Таковы были отношенія между Австріею и Россіею отъ Вѣнскаго конгресса до 1830 г., когда вспыхнула парижская революція.

Совсѣмъ другое положеніе дѣлъ было между Россіею и Пруссіею.

Близкія и самыя дружественныя связи между императоромъ Александромъ и Фридрихомъ-Вильгельмомъ III существовали издавна, и если происходили какія-нибудь несогласія между Россіею и Пруссіею, то развѣ только по поводу торговыхъ договоровъ. По словамъ нашего посланника, Алопеуса, король искренно преданъ государю и любитъ русскій народъ; но ни прусскіе министры, ни армія не любятъ Россіи. Уже въ 1814 году, послѣ перваго взятія Парижа, офицеры прусскаго генеральнаго штаба «были заняты планомъ наступательной и оборонительной войны (съ Россіею), исходя изъ того положенія, что отнынѣ это единственная держава, которой должно бояться Пруссіи».

Тотъ же посланникъ говоритъ, что въ Пруссіи во внутреннемъ управленіи большіе безпорядки; самъ король все меньше занимается дѣлами; каждый министръ тянетъ свою сторону, а во внѣшнихъ дѣлахъ прусское правительство полагается на мудрость русскаго царя.

Въ 1823 г. русское правительство жаловалось на пристрастное от-

ношеніе прусскаго правительства къ газетамъ. Русскій посланникъ обратилъ серьезнымъ образомъ вниманіе министровъ на нѣкоторыя берлинскія газеты. Графъ Бернсторфъ благодарилъ за это сообщеніе и обѣщалъ строже наблюдать за газетами.

Въ 1823 году пріѣхалъ въ Россію принцъ Вильгельмъ, впослѣдствіи императоръ германскій, съ письмомъ отъ короля, въ которомъ подтверждалась тѣсная личная дружба между обоими монархами. Принцъ былъ такъ доволенъ своимъ пребываніемъ въ Петербургѣ, что, по возвращеніи въ Берлинъ, писалъ императору: «до конца жизни моей я не забуду счастливыхъ минутъ, которыя я имѣлъ счастье провести при васъ. Ваше величество не можете себѣ представить, какое утѣшеніе вы съумѣли поселить въ моемъ сердцѣ и какія надежды вы возбуждали—чувства, тѣмъ болѣе трогательныя, что исходили отъ монарха, всегда готоваго быть и лучшимъ государемъ, и лучшимъ человѣкомъ».

Императоръ Александръ на это письмо отвѣчалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Я искренно желалъ бы, чтобы ваше пребываніе вамъ доказало привязанность, которую я къ вамъ питаю, и расположеніе, на которое дали вамъ право какъ ваши личныя качества, такъ и узы, соединяющія наши семейства, право, которое признавать я всегда сочту долгомъ. Ваше королевское высочество можете быть увѣрены, что я цѣню достойнымъ образомъ дружбу, которую вы мнѣ выражаете, и что моя дружба къ вамъ принадлежитъ вполнѣ».

По мѣрѣ осложненія дѣлъ на востокѣ, Пруссія стала бояться своихъ дружескихъ отношеній къ Россіи, но все-таки прусскій король рѣшился ни въ какомъ случаѣ не участвовать въ какой бы то ни было новой войнѣ и принести сохраненію мира всѣ жертвы, согласныя съ честью и достоинствомъ Пруссіи. Тѣмъ не менѣе, однако, турецкая война, окончившаяся побѣдоносно для Россіи, произвела хорошее впечатлѣніе на прусскаго короля, которому было сообщено въ августѣ 1828 г., что русскій государь вѣритъ въ дружбу Пруссіи, и ни интриги англійскаго правительства, ни приготовленія Австріи не представляютъ серіозной опасности, пока Австрія и Англія убѣждены, что Пруссія ни въ какомъ случаѣ не объявитъ себя противъ государя императора и что она не только не согласна содѣйствовать, но, напротивъ, будетъ противодѣйствовать всякой коалиціи или нападенію на него. Особенную заслугу оказала Пруссія въ 1829 г. при заключеніи Адріанопольскаго мира.

II.

Бесѣды императора Николая съ Бургоэномъ.—Отправка Дибича въ Берлинъ, а Орлова въ Вѣну.—Воинственныя намѣренія императора Николая.—Разочарованіе его въ союзникахъ.—Собственноручная записка императора по этому поводу.—Варшавская революція.—Намѣреніе относительно Польши.

Императоръ Николай въ 1829 и 1830 годахъ зорко слѣдилъ за ходомъ дѣлъ во Франціи и былъ заранѣе увѣренъ, что они кончатся революціей. Въ своемъ предвидѣніи онъ даже подавалъ Карлу X совѣты воздержаться отъ слишкомъ крутыхъ мѣръ, которыми онъ нарушалъ хартію. За четыре мѣсяца до начала революціи онъ писалъ графу Дибичу, что опасается за будущее. «Во всякомъ случаѣ,—писалъ онъ,—прискорбно сказать, что сумашествіе короля всему тому причиною». Для него это было тѣмъ прискорбнѣе, что отношенія Франціи къ Россіи въ то время были наилучшія, а между тѣмъ Карлъ X съ своимъ министромъ Полиньякомъ принималъ самыя радикальныя мѣры, почти совершенно уничтожавшія всякую свободу. И вотъ въ іюлѣ мѣсицѣ въ Парижѣ произошла революція, вслѣдствіе которой Карлъ X долженъ былъ отречься отъ престола, передавъ его внуку своему, герцогу Бордосскому. Но дѣло зашло уже слишкомъ далеко, и народъ провозгласилъ королемъ герцога Орлеанскаго, вступившаго на престолъ подъ именемъ Луи-Филиппа. Такимъ образомъ на престолѣ очутился не законный наслѣдникъ, а представитель младшей линіи Бурбоновъ. Русскій императоръ никогда не могъ простить этого Луи-Филиппу и во все свое царствованіе относился къ нему довольно высокомѣрно. Въ согласіи Луи-Филиппа вступить на престолъ помимо законнаго наслѣдника онъ видѣлъ коварство и вѣроломство герцога Орлеанскаго.

Еще до воцаренія Луи-Филиппа, пока тотъ былъ объявленъ намѣстникомъ королевства, императоръ Николай бесѣдовалъ съ французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, барономъ Бургоэномъ, который приводитъ происходившій между ними разговоръ.

— То, что мы предвидѣли, совершилось,—сказалъ государь, подходя ко мнѣ. Сообщенія прерваны; но и этого довольно, чтобы опасаться всего. Сообщенія прерваны—доказательство, что мятежъ торжествуетъ. Какое ужасное несчастіе!

Я присоединился къ сожалѣніямъ, къ печальнымъ опасеніямъ императора.

— Чѣмъ кончится все это?—сказалъ онъ.—Что, по вашему мнѣнію, выйдетъ изъ всего этого?

— Увы, государь, догадки тутъ невозможны: въ Парижѣ мятежъ, вотъ все, что мы знаемъ. Когда страна видитъ возмущеніе въ своей

столицѣ, оно сходно съ умопомѣшательствомъ въ человѣкѣ: никто не можетъ сказать, что онъ предприметъ.

— Что произойдетъ, если Карла X свергнутъ? Не будетъ-ли у васъ республики?

— Нѣтъ признаковъ, чтобы думали о республикѣ,—отвѣчалъ я.

— Не изберутъ-ли какого-нибудь Бернадота?

— Онъ слишкомъ далекъ, государь, и вполнѣ забытъ.

— Я не говорю о королѣ шведскомъ, но о какомъ-нибудь военачальникѣ, избранномъ преторіанцами.

— Нѣтъ, государь, нѣтъ, наши солдаты, слава Богу, еще никогда не покушались на такія преступныя, безумныя дѣйствія, какъ преторіанскій выборъ.

— Такъ что же будетъ?

— Подобно вашему величеству, я блуждаю во тьмѣ хаоса.

По настоянію императора, я приступилъ съ нимъ къ разсмотрѣнію различныхъ догадокъ; отреченіе въ пользу законныхъ наслѣдниковъ, примѣры котораго нашъ вѣкъ представлялъ въ минуты смутъ или анархіи, казалось намъ наиболѣе желательнымъ рѣшеніемъ.

Впрочемъ, такъ какъ императоръ готовился ѣхать въ Финляндію, а полученныя имъ извѣстія были не полны, я же не имѣлъ никакихъ и не могъ разсчитывать на скорое прибытіе курьера изъ Парижа, то настоящая бесѣда была не продолжительна. Императоръ все еще надѣялся, хотя и весьма слабо, на торжество или на долгое сопротивленіе королевской партіи или въ Парижѣ или внѣ возмутившейся столицы. Во всякомъ случаѣ онъ полагалъ, что весь дипломатическій корпусъ послѣдуетъ за Карломъ X.

Этотъ разговоръ происходилъ 30-го іюля, а по возвращеніи изъ Финляндіи государь узналъ, что на престолѣ Франціи сидитъ не законный наслѣдникъ, а герцогъ Орлеанскій подъ именемъ Луи-Филиппа. Это устраненіе старшей линіи Бурбоновъ раздражило императора такъ, что 5-го августа кронштадтскій военный губернаторъ получилъ слѣдующее высочайшее повелѣніе:

«По случаю возникшаго во Франціи мятежа и перемѣны существовавшаго правительства, государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ ни подъ какимъ видомъ не допускать кораблямъ сей націи, плавающимъ подъ флагомъ трехцвѣтнымъ, а не бѣлымъ, входъ въ Кронштадтскій портъ, но если бы усиливались войти въ оный, то останавливать ихъ дѣйствіемъ оружія. Его императорскому величеству равномѣрно благоугодно, чтобы всякій корабль французскій изъ оставшихся нынѣ въ Кронштадтскомъ портѣ, который бы перемѣнилъ бѣлый флагъ на трехцвѣтный, немедленно былъ высланъ въ море. Сообщая вашему превосходительству высочайшую волю сію къ непремѣнному и строгому

исполненію, имѣю честь присовокупить, что вмѣстѣ съ симъ увѣдомляю объ оной г. начальника морскаго штаба его величества.

Вслѣдъ за тѣмъ 5-го августа, по описанію Бургоэна, произошла слѣдующая сцена:

«Когда я вошелъ въ кабинетъ, императоръ встрѣтилъ меня на самомъ порогѣ и, ставъ передо мною, произнесъ мрачнымъ, но рѣзко отчетливымъ, голосомъ слѣдующія слова:

— Ну что, имѣете-ли вы извѣстія отъ вашего правительства отъ господина намѣстника королевства? Вы уже знаете, что я не признаю никакого другаго порядка вещей кромѣ прежняго и считаю его единственно законнымъ потому, что онъ истекаетъ изъ легитимной королевской власти.

На эти рѣзкія слова Бургоэнъ отвѣчалъ:

— Признаюсь, государь, я крайне удивленъ, что ваше величество смотрите такъ на вопросъ, отнынѣ безповоротно рѣшенный моимъ отечествомъ, которое всегда умѣло отстаивать то, что дѣлало.

«Мы подошли въ это время къ столу, стоявшему влѣво, въ глубинѣ комнаты. Императоръ, идя возлѣ меня, сказалъ возвышеннымъ голосомъ:

— Да, таковъ образъ моихъ мыслей: принципъ легитимизма—вотъ что будетъ руководить мною во всѣхъ случаяхъ.

«Подойдя въ это время къ столу, императоръ, сильно ударивъ по нему, воскликнулъ:

— Никогда, никогда не могу я признать того, что случилось во Франціи.

«Я оставался спокойнымъ въ виду этого энергическаго проявленія необдуманной воли, которую мнѣ предстояло побороть.

— Государь,—возразилъ я,—нельзя говорить никогда; въ наше время слово это не можетъ быть произносимо: самое упорное сопротивленіе уступаетъ силѣ событій.

— Никогда,—продолжалъ императоръ съ тѣмъ же жаромъ,—никогда не уклонюсь я отъ моихъ принциповъ: съ принципами нельзя вступать въ сдѣлку. Я же не вступлю въ сдѣлку съ моею честью.

— Знаю,—отвѣчалъ я,—что слово вашего величества свято и что если вы принимаете на себя обязательство, то оно становится для васъ непреложнымъ закономъ; вотъ почему я и придаю столько цѣны тому, чтобы вы не связывали себя на будущее время поспѣшными заявленіями.

«Послѣ этихъ словъ императоръ перемѣнилъ тонъ и продолжалъ значительно смягченнымъ голосомъ:

— Садитесь и поговоримъ спокойно.

— Ваше величество съ самаго начала говорили со мною такъ опре-

дѣленно, такъ рѣшительно, что и я считаю себя въ правѣ сдѣлать то же.

— Говорите все, выскажите все, что у васъ на сердцѣ; для того-то я и пригласилъ васъ; мы здѣсь вовсе не для того, чтобы обмѣниваться любезностями.

— И такъ, государь, позвольте мнѣ представить вамъ вполнѣ откровенную картину того, что случилось бы, если бы вы исполнили рѣшеніе, о которомъ мнѣ говорилъ графъ Чернышевъ сегодня утромъ.

— Хорошо, я слушаю васъ.

И Бургоэнъ развилъ передъ императоромъ послѣдствія, которыя навѣрно угрожали бы тогда спокойствію Европы.

Выслушавъ его, государь сказалъ:

— Я еще въ недоумѣніи какъ поступлю; но какимъ образомъ вы хотите, чтобы мы стали на сторону того, что совершилось въ Парижѣ?

— Тѣмъ лучше, государь, если вы еще не приняли рѣшенія въ виду столь важныхъ событій; это доказываетъ вашу мудрость, потому, что всѣ мы въ подобныя минуты должны усугублять спокойствіе и осторожность. Что случилось бы, если бы я самъ не подавилъ въ себѣ перваго движенія, когда сегодня утромъ вашъ военный министръ сдѣлалъ мнѣ отъ вашего имени рѣшительное сообщеніе? Въ какомъ бы видѣ были теперь дѣла, если бы я принялъ это сообщеніе въ буквальномъ смыслѣ и только написалъ о немъ въ Парижъ?

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ Николай Павловичъ сказалъ, что онъ еще не знаетъ что предпринять и посовѣтуется съ своими коллегами, сказавъ, что онъ посылаетъ въ Вѣну и Берлинъ Орлова и Дибича для переговоровъ. Бургоэнъ, предположивъ, что дѣло идетъ о конгрессѣ, сказалъ:

— Что же выйдетъ, государь, изъ подобнаго конгресса.

— Рѣчь идетъ не о конгрессѣ,—возразилъ государь;—мы располагаемъ другими средствами для соглашенія.

Эта бесѣда, въ которой Бургоэнъ держалъ себя съ такимъ достоинствомъ, значительно охладила первоначальный воинственный пылъ Николая Павловича. Къ тому же Бургоэнъ прибавилъ, что если Россія, хотя и сохранитъ миръ, но покажетъ себя враждебною въ отношеніи Франціи, то со стороны Франціи естественнымъ образомъ должно произойти сближеніе съ Англіею.

Замѣчательны слова государя по этому поводу.

— Не теряйте изъ виду большую разницу между Англіей и мною. Не смотря на все то, что меня волнуетъ и что мнѣ не нравится у васъ, я никогда не переставалъ интересоваться судьбами Франціи. Всѣ эти дни меня безпокоила мысль, что Англія, завидуя завоеванію Алжира, воспользуется вашими смутами, чтобы отнять у васъ это прекра-

сное владѣніе. Что же касается Австріи, то она трепещетъ за Италію; изъ-за этого страха она сожалѣетъ о вашей новой революціи и потому только безпокоится; она никогда не будетъ сожалѣть о вашихъ горестяхъ; мы же, напротивъ того, всегда счастливы, когда Франція возрастаетъ въ силѣ и благоденствіи.

— Повторяю вамъ, что я обѣщаю не предпринимать торопливаго рѣшенія; что же касается до моего мнѣнія, то я всегда выскажу его прямо; мы не объявимъ вамъ войны, примите въ этомъ увѣреніе; но мы условимся сообща, какого образа дѣйствій намъ слѣдуетъ держаться въ отношеніи Франціи.

На эти слова государя Бургоэнъ высказалъ мысль, что объявить войну Франціи было бы со стороны державъ дѣйствіемъ столько же безумнымъ, сколько и опаснымъ; что Франція уже не истощенная 1814 года, а Россія уже не соединенная Европа 1815 года. Затѣмъ онъ сказалъ: «наши внутреннія перемѣны никого не касаются; поэтому нѣтъ повода къ постороннему вмѣшательству. Если бы союзные монархи захотѣли возобновить коалицію, то пусть они вспомнятъ, что только въ такомъ случаѣ мы будемъ вынуждены искать поддержки у народовъ».

Выслушавъ эти слова, императоръ своимъ движеніемъ выразилъ удивленіе и неудовольствіе, такъ, что Бургоэну пришлось его успокаивать, подтверждая, что сказанное относится лишь къ предположенію о коалиціи, которая не осуществится.

Въ заключеніе этой бесѣды императоръ Николай сказалъ:

— Если бы во время кровавыхъ смутъ въ Парижѣ народъ разграбилъ домъ русскаго посольства и обнародовалъ мои депеши, то были бы поражены, узнавъ, что я высказывался противъ государственнаго переворота; удивились бы, что русскій самодержецъ поручаетъ своему представителю внушить конституціонному королю соблюденіе конституціи, утвержденной присягою.

Результатомъ этой бесѣды была отмѣна преслѣдованія трехцвѣтнаго флага подъ предлогомъ полученнаго извѣстія, что это не есть цвѣтъ возстанія, но что правительство намѣстника короля, утвержденное Карломъ X и слѣдовательно сдѣлавшееся въ нашихъ глазахъ законнымъ, торжественно его приняло.

Въ виду возможныхъ случайностей, государь хотѣлъ ознакомиться со взглядами на французскую революцію короля прусскаго и императора австрійскаго, для чего, какъ сказано выше, въ Вѣну былъ посланъ Орловъ, а въ Берлинъ Дибичъ.

Между тѣмъ изъ Франціи была отправлена революціонная экспедиція въ Бельгію. 26-го марта экстренный поѣздъ привезъ до 1.400 человѣкъ, частью бельгійцевъ, частью французовъ въ Лиль, гдѣ они

получили изъ арсенала оружіе, и приготовились къ насильственному вторженію въ чужое государство. Темною ночью толпа перешла границу, но была разсѣяна. Другая толпа волонтеровъ, состоявшая изъ пьемонтцевъ и французовъ, вторглась въ апрѣлѣ мѣсяцѣ изъ Ліона въ Савойю, достигла до Шамбери, овладѣла ратушей и провозгласила республику. Хотя эти попытки не имѣли успѣха, тѣмъ не менѣе Франція, въ виду начинавшихся въ мартѣ мѣсяцѣ революцій, готовилась выставить на нѣмецкой границѣ двухсотъ-тысячный корпусъ на случай всякихъ политическихъ событій и въ особенности, «чтобы по первому зову нѣмецкаго народа тотчасъ перейти Рейнъ и подать Германіи безкорыстную помощь противъ чужаго угнетенія». Не менѣе готовилась Франція къ энергическому вмѣшательству въ итальянскія дѣла, гдѣ объявленіе войны Сардиніею противъ Австріи обѣщало обширное политическое поприще для Франціи. Австрія уже готовилась сдѣлать большія уступки, предлагая отдать Сардиніи Ломбардію и ввести представительное правленіе въ Венеціи съ вице-королемъ. Все это не состоялось потому, что въ это время въ самой Франціи въ маѣ и въ іюнѣ произошли внутреннія смятенія.

По водвореніи порядка во Франціи и воцареніи Луи-Филиппа, въ Петербургъ былъ присланъ генералъ Аталэнъ съ письмомъ короля къ императору Николаю слѣдующаго содержанія:

Мой братъ.

«Оповѣщая ваше величество о моемъ восшествіи на престолъ письмомъ, которое вручитъ вамъ отъ моего имени генералъ Аталэнъ, считаю нужнымъ говорить съ вами съ полною откровенностью о послѣдствіяхъ той катастрофы, которую я такъ бы хотѣлъ предупредить.

«Уже давно я сожалѣлъ, что король Карлъ и его правительство не слѣдуютъ по пути болѣе сообразному съ ожиданіями и желаніями народа; но однако я былъ далекъ отъ того, чтобы предвидѣть тѣ ужасныя событія, которыя только-что произошли. Я думалъ, что и при несовершенствѣ хартіи и нашихъ учрежденій достаточно было бы немного осторожности и умѣренности, чтобы правительство долго могло продолжать такъ дѣйствовать. Но съ 8-го августа 1829 г. новый составъ министерства меня крайне встревожилъ. Я видѣлъ, до какой степени этотъ составъ былъ противенъ и подозрителенъ въ глазахъ народа, и я, вмѣстѣ съ нимъ, раздѣлялъ общее безпокойство въ виду тѣхъ мѣропріятій, которыхъ мы должны были ожидать. Тѣмъ не менѣе привязанность къ законамъ и любовь къ порядку сдѣлали такіе успѣхи во Франціи, что противодѣйствіе министерству навѣрно не вышло бы за предѣлы парламентарныхъ путей, если бы само министерство въ своемъ безуміи не подало роковаго сигнала самымъ дерзкимъ нарушеніемъ хартіи и уничтоженіемъ всѣхъ гарантій нашей народной свободы, ради

которой ни одинъ французъ не откажется пролить свою кровь. Никакое излишество не сопровождало однако эту ужасную борьбу. Но было бы трудно избѣжать, чтобы ея послѣдствіемъ не было потрясеніе нашего общественнаго строя, и то самое возбужденіе умовъ, которое отвращало ихъ отъ безпорядка, направляло къ опытамъ политическихъ теорій, которые повергли бы Францію, а можетъ быть и Европу, въ ужасныя бѣдствія. Вотъ при этихъ-то обстоятельствахъ, государь, всѣ взоры обратились на меня. Сами побѣжденные сочли меня необходимымъ для ихъ спасенія. Но быть можетъ я былъ еще болѣе необходимымъ для побѣдителей, чтобы не придать ложнаго значенія побѣдѣ. Итакъ я принялъ эту благородную и тяжкую обязанность, устранивъ всѣ личныя соображенія, заставлявшія меня уклониться, ибо я чувствовалъ, что малѣйшее колебаніе съ моей стороны могло испортить будущность Франціи и спокойствіе всѣхъ нашихъ сосѣдей. Ничего не говорящій титулъ намѣстника королевства могъ возбудить опасныя надежды, почему необходимо было торопиться выйти изъ временнаго положенія, насколько для того, чтобы внушить необходимое довѣріе, настолько же и для того, чтобы спасти хартію, сохранить которую необходимо, важность которой такъ хорошо понималъ покойный императоръ, вашъ августѣйшій братъ, и которая сильно пострадала бы, если бы умы не были быстро успокоены и удовлетворены.

«Ни отъ прозорливости вашего величества, ни отъ вашей высокой мудрости не ускользнетъ сознаніе, что для достиженія этой спасительной цѣли весьма желательно, чтобы парижскія дѣла разсматривались въ ихъ настоящемъ видѣ и чтобы Европа, воздавая должное побужденіямъ, которыя мною руководили, окружила мое правленіе тѣмъ довѣріемъ, которое оно въ правѣ внушить. Не упустите, ваше величество, изъ виду, что пока король Карлъ X царствовалъ во Франціи, я былъ самымъ покорнымъ и вѣрнымъ изъ его подданныхъ, и что только въ минуту, когда я увидѣлъ дѣйствія законовъ прекращенными, а проявленіе королевскаго авторитета вполнѣ уничтоженнымъ, только тогда я счелъ своимъ долгомъ уступить народному желанію, принявъ корону, къ которой меня призывали. Главнымъ образомъ на васъ, государь, устремляетъ Франція свои взоры. Она любитъ видѣть въ Россіи своего самаго естественнаго и самаго могучаго союзника. Моя гарантія—благородный характеръ и всѣ достоинства, которыми отличаетесь ваше императорское величество.

Monsieur mon frère, de votre Majesté Imperiale, le bon frère.

Louis Philippe».

На это письмо императоръ Николай отвѣчалъ:

«Я получилъ чрезъ генерала Аталэна привезенное имъ посланіе. Событія, на вѣки прискорбныя, поставили ваше величество въ тягостное

положеніе. Ваше величество приняли рѣшеніе, которое одно, казалось вамъ, могло предотвратить отъ Франціи великія бѣдствія. Я ничего не скажу о побужденіяхъ, внушившихъ образъ дѣйствій, усвоенный вашимъ величествомъ въ данномъ случаѣ, но я возсылаю горячія мольбы къ Божественному Провидѣнію, дабы оно благословило намѣренія вашего величества и усилія ваши на благо французскаго народа. Въ согласіи съ союзниками моими, я съ удовольствіемъ принимаю выраженіе желанія вашего величества поддерживать со всѣми европейскими государствами мирныя и дружественныя сношенія. Доколѣ эти сношенія будутъ основаны на существующихъ договорахъ и на твердой рѣшимости поддерживать права и обязательства, торжественно ими признанныя, а равно и территоріальныя владѣнія, Европа усмотритъ въ нихъ ручательство мира, столь необходимаго даже для спокойствія Франціи.

«Призванный совмѣстно съ союзниками моими поддерживать съ Франціею подъ новымъ ея правительствомъ таковыя охранительныя отношенія, я, съ своей стороны, спѣшу не только отнестись къ нимъ съ надлежащею заботливостью, но и не устану проявлять чувства, въ искренности коихъ мнѣ пріятно увѣрить ваше величество въ отвѣтъ на чувства, выраженныя вами. Nicolas».

Это письмо своимъ высокомѣріемъ произвело самое непріятное впечатлѣніе на короля, министровъ и на общественное мнѣніе Франціи, тѣмъ болѣе, что въ письмѣ къ королю императоръ Николай вопреки дипломатическимъ обычаямъ не назвалъ Л. Филиппа братомъ.

Но едва только выяснились дѣла во Франціи, какъ получено было извѣстіе о революціи, вспыхнувшей въ Брюсселѣ. Бельгія, соединенная на Вѣнскомъ конгрессѣ съ Голландіею, рѣшила образовать самостоятельное государство.

Это извѣстіе, кореннымъ образомъ нарушавшее одно изъ постановленій конгресса 1815 года, придало еще толчокъ къ неудовольствію Николая I, и онъ, признавъ окончательно новую династію во Франціи, не могъ хладнокровно видѣть новую революцію въ Европѣ. Орловъ и Дибичъ, отправленные въ Вѣну и Берлинъ, получили подробныя инструкціи для совѣщанія съ союзниками.

Успѣхъ этихъ двухъ революцій показалъ народамъ присущую имъ силу, и потому, въ особенности въ Германіи, народъ былъ весьма недоволенъ положеніемъ вещей, и правительство опасалось внутреннихъ смутъ. Прусское правительство, также какъ и императоръ Николай, было убѣждено, что дѣло безъ войны не обойдется, и посланный въ Берлинъ Дибичъ 27-го августа былъ принятъ прусскимъ королемъ, съ которымъ онъ долженъ былъ условиться относительно тѣхъ мѣръ, которыя слѣдовало принять для обузданія революціоннаго движенія. Однако въ Берлинѣ, хотя и были убѣждены въ неизбѣжности всеобщей войны,

но не рѣшались активнымъ образомъ теперь же вмѣшиваться въ бельгійскія дѣла. Поэтому изъ посылки Дибича ничего не вышло, и онъ доносилъ, что, на основаніи собранныхъ имъ свѣдѣній, нельзя надѣяться, чтобы настоящій кризисъ могъ кончиться безъ общей и кровопролитной войны между законною властью и революціонною гидрою, желающею подъ маскою общаго благополучія низвергнуть все и построить кровавый свой престолъ на могилахъ и развалинахъ.

Записка Дибича, въ которой проводилась мысль о союзѣ между четырьмя великими державами противъ революцій, очень понравилась государю. Но хотя прусское правительство и указывало на опасное положеніе германскихъ государствъ, въ которыхъ іюльская революція нашла много матеріала для смутъ и безпорядковъ, тѣмъ не менѣе однако прусскій король, хотя и сосредоточилъ на Рейнѣ отъ 80 до 100 тысячъ войска, но вовсе не думалъ дѣйствовать активно. Да и мудрено было прусскому королю вмѣшиваться въ это дѣло потому, что у него самого, въ Пруссіи, стали ясно обнаруживаться симптомы волненій. Дибичъ долженъ былъ изложить предъ королемъ прусскимъ взглядъ императора Николая на французскія событія и программу взаимныхъ дѣйствій. Составленная по этому поводу записка Дибича состояла въ слѣдующемъ:

«Его величество императоръ, въ виду настоящихъ обстоятельствъ, считаетъ дѣломъ крайней важности прійти въ соглашеніе съ своими союзниками въ особенности же и самымъ искреннимъ образомъ съ своимъ августѣйшимъ тестемъ, а также опредѣлить, сколь возможно точно, тотъ образъ дѣйствій, коего слѣдуетъ держаться въ нынѣшнюю минуту, какъ и тѣ мѣры, которыя надо принять на будущее время. Его величество полагаетъ, что въ обстоятельствахъ столь важныхъ письменныя объясненія недостаточны и что они не всегда могутъ передать съ должною ясностью самаго тона мысли. А такъ какъ онъ болѣе всего желаетъ, чтобы самыя затаенныя помышленія его, касающіяся сего важнаго дѣла, были вполнѣ извѣстны его величеству королю, то избралъ для сего фельдмаршала графа Дибича и, открывшись ему съ полнымъ довѣріемъ, поручилъ передать его королевскому величеству взглядъ императора на нынѣшнія обстоятельства и ихъ вѣроятныя послѣдствія.

«Государь желаетъ во всемъ и съ полнымъ довѣріемъ соображаться съ совѣтами своего августѣйшаго тестя, вести свою политику путемъ, совершенно согласнымъ съ тѣмъ, который изберетъ Пруссія, а относительно направленія, котораго слѣдуетъ держаться, будетъ принимать мнѣнія его королевскаго величества такъ, какъ бы они исходили отъ блаженной памяти императора Александра. Поэтому онъ и съ своей стороны считаетъ долгомъ выразить собственное мнѣніе съ полною откровенностью».

Далѣе императоръ Николай выражаетъ, что онъ возмущенъ слабостью принцевъ старшей линіи и якобинствомъ герцога Орлеанскаго, которому впрочемъ не можетъ отказать въ законномъ признаніи представителемъ Франціи во время малолѣтства герцога Бордоскаго, ибо это облечено въ законную форму Карломъ X, отказавшимся отъ престола въ пользу своего внука. Императоръ находилъ крайне важнымъ, чтобы въ декларацiяхъ своихъ союзные дворы держались твердыхъ выраженій, чистой и ясной законности, которая служитъ единственнымъ прочнымъ ручательствомъ въ установившемся спокойствіи государствъ. Если бы вслѣдствіе высшихъ соображеній прочіе союзные дворы признали бы нынѣшній порядокъ вещей во Франціи, то, по мнѣнію русскаго государя, необходимо заручиться увѣренностью въ сохраненіи общаго спокойствія, гарантированнаго со стороны французскаго правительства. Онъ за честь себѣ поставитъ то, что послѣднимъ уступилъ убѣжденіямъ своихъ августѣйшихъ союзниковъ и никогда не будетъ въ состояніи побѣдить въ себѣ чувства презрѣнія, внушеннаго ему якобинскимъ поведеніемъ нынѣшняго правительства Франціи. Наконецъ, видя крайнюю податливость, съ какою герцогъ уступаетъ всѣмъ предложеніямъ революціонной партіи, онъ убѣжденъ въ томъ, что демократія будетъ требовать все новыхъ и новыхъ уступокъ и не далека отъ того, чтобы придти къ республикѣ чисто демократической и ко всѣмъ проявленіямъ революціи 1789—1793 годовъ.

На случай войны назначалось подъ начальствомъ Дибича 14 пѣхотныхъ и 12 кавалерійскихъ дивизій, которыя должны были дѣйствовать вмѣстѣ съ прусскими войсками. Однако государь рѣшилъ не начинать никакихъ враждебныхъ дѣйствій и обождать, когда король прусскій не выразитъ мнѣнія, что избѣжать войны онъ считаетъ уже невозможнымъ, вслѣдствіе событій, совершающихся во Франціи. Тогда онъ поставитъ свои войска на полное военное положеніе и приблизитъ ихъ къ границѣ, на что для болѣе отдаленныхъ изъ нихъ потребуется отъ 3 до 4 мѣсяцевъ. На движеніе своихъ войскъ императоръ рѣшилъ ждать приглашеніе отъ короля прусскаго, а затѣмъ самому прибыть въ Берлинъ для личныхъ совѣщаній съ королемъ.

Успѣхъ бельгійской революціи заставилъ короля голландскаго просить помощи у русскаго императора въ силу существовавшихъ трактатовъ, и Чернышеву было приказано поставить армію на военное положеніе.

«Любезный другъ»,—писалъ ему императоръ Николай,—«депеши, только-что полученныя мною, таковы, что надо принять безотлагательныя мѣры для нашего выступленія въ походъ. Нидерландскій король пишетъ мнѣ, прося, въ силу существующихъ трактатовъ, вооруженной помощи. Нетерпѣніе его въ этомъ отношеніи такъ велико, что Виль-

гельмъ, принцъ Оранскій, проситъ меня его именемъ послать часть войскъ, если то возможно, моремъ. Вы сами чувствуете, что это вещь неисполнимая въ настоящее время года. Если бы эта запоздалая просьба явилась мѣсяцемъ ранѣе, то всѣ принятыя мною мѣры позволили бы ее осуществить. Первый контингентъ, который я, какъ членъ союза, обязанъ выставить, будетъ составленъ изъ арміи, находящейся подъ начальствомъ брата. По моему разсчету ранѣе, какъ чрезъ два мѣсяца, мы не въ состояніи будемъ выступить, по крайней мѣрѣ со всѣми силами. Поэтому малѣйшій выигрышъ времени въ семъ дѣлѣ будетъ весьма цѣненъ. Можетъ быть извѣстія обо всѣхъ этихъ громадныхъ приготовленіяхъ послужатъ къ тому, чтобы предотвратить войну, которую всѣ мы искренно желаемъ избѣгнуть; о приготовленіяхъ вы можете говорить громко, но безъ аффектаціи, не дѣлая изъ нихъ тайны. Сообщите прямо отъ себя генералу Вицлебену о мѣрахъ, которыя приказано принять, написавъ ему, для сообщенія королю, что отнынѣ я считаю наши арміи уже соединенными и желаю посему, чтобы по всѣмъ военнымъ между нами сношеніямъ всякая дипломатическая формальность была отложена въ сторону; что вамъ приказано держать его въ постоянной извѣстности во всемъ, что будетъ дѣлаться у насъ, и что я буду весьма благодаренъ королю, если онъ дозволитъ отвѣчать тѣмъ же и мнѣ въ самыхъ простыхъ и самыхъ непосредственныхъ формахъ. Успокойте Канкрина (министръ финансовъ) насчетъ первоначальныхъ расходовъ и старайтесь, по возможности, уменьшить ихъ».

Эти воинственныя намѣренія Николая I пришлись по вкусу графу Чернышеву. Сообщая объ этомъ Дибичу, Чернышевъ прибавлялъ отъ себя: «Если бы другіе кабинеты имѣли ту же энергію, которую придаетъ императоръ нашему кабинету, то какъ должны бы были трепетать зачинщики смутъ и мятежей».

Между тѣмъ Дибичъ не переставалъ понукать пруссаковъ. Его очень безпокоило современное положеніе дѣлъ. «Тревожныя извѣстія изъ Бельгіи,—писалъ онъ государю,—и смуты, обнаружившіяся во многихъ мѣстахъ Германіи, предвѣщаютъ, къ несчастію, слишкомъ положительнымъ образомъ, что вооруженное вмѣшательство европейскихъ державъ не можетъ быть замедляемо безъ великаго вреда для общаго спокойствія», Онъ предвидѣлъ, что при утвержденіи мятежниковъ въ Брюсселѣ и при плохомъ состояніи голландскихъ войскъ, послѣднія вскорѣ принуждены будутъ укрыться по своимъ крѣпостямъ, которыя тоже въ такомъ положеніи, что не могутъ долго держаться. «Тогда-то, говоритъ Дибичъ, тайныя крамолы Франціи открыто явятся на свѣтъ и честолюбивые виды этой державы могутъ обнаружиться внезапнымъ занятіемъ помянутыхъ крѣпостей, что солиднымъ образомъ обезпечитъ ихъ власть въ Бельгіи». Во избѣжаніе этого, Дибичъ считалъ нужнымъ,

чтобы пруссаки вмѣстѣ съ англичанами неотлагательно заняли бельгійскія крѣпости, въ особенности же Маастрихтъ.

Прусское правительство однако не рѣшалось, а для Англіи отдѣленіе Бельгіи отъ Голландіи было выгодно.

И такъ Россія готовилась къ войнѣ, и великій князь Константинъ Павловичъ получилъ приказаніе готовить армію къ походу за границу, съ цѣлью защищать идею Священнаго Союза и проливать русскую кровь неизвѣстно за чьи интересы. Здѣсь ставились на карту существенные интересы Россіи ради проблематическаго принципа побороть революціонныя идеи, въ какомъ бы уголку Европы онѣ ни проявились. «Не Бельгію желаю я тамъ побороть, говорилъ государь, но всеобщую революцію, которая постепенно и скорѣе, чѣмъ думаютъ, угрожаетъ намъ самимъ, если увидятъ, что мы трепещемъ передъ нею».

Воинственный пылъ императора Николая охлаждали только два человѣка: министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Нессельроде и цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Первый доказывалъ, что дѣйствительно Пруссія по своему географическому положенію не можетъ безъ крайняго риска ввязываться въ войну съ Франціею изъ-за Бельгіи, что Россіи лучше не втягиваться въ войну, ибо вопросъ этотъ для насъ второстепенный, что мы не подвергаемся никакой опасности. Наконецъ, если мы ограничимся только наблюденіемъ, то поставимъ себя въ гораздо болѣе выгодное положеніе для всѣхъ переговоровъ относительно опредѣленія самыхъ существенныхъ интересовъ и въ отношеніи вопросовъ высокой политической важности. Всѣ эти выгоды мы потеряемъ совершенно даромъ, если примемъ на себя иниціативу, которая, въ виду географическаго положенія державъ, кажется. прежде всего должна быть предоставлена государствамъ, ближайшимъ образомъ заинтересованнымъ въ настоящемъ кризисѣ.

Въ свою очередь Константинъ Павловичъ также былъ противъ войны; онъ не былъ такъ непреклоненъ противъ духа времени, какъ его братъ, и совѣтовалъ осторожность. Онъ довольно вѣрно оцѣнивалъ современныя событія и политическую обстановку; наконецъ, онъ понималъ, что война, если только ей суждено быть, не будетъ похожа на коалиціонную войну 1813—1814 годовъ. Онъ писалъ брату:

«Когда происходила первая революціонная война, все дѣлалось съ энтузіазмомъ, порожденнымъ долгомъ и ужасомъ, который испытывали; всѣ хотѣли сохранить свое общественное положеніе и были спокойны за свой тылъ. При второй войнѣ, если она случится, пойдутъ по чувству долга и, въ большинствѣ случаевъ, не охотно. Новыя идеи настолько созрѣли во всѣхъ головахъ и вообще пустили слишкомъ глубокіе корни среди большинства новаго поколѣнія, чтобы можно было вѣрить въ обратное. Сверхъ того въ прошломъ было слишкомъ много

нарушено интересовъ и не исполнено обѣщаній, чтобы явилась возможность разсчитывать на единодушное содѣйствіе правому дѣлу».

«Я сильно сомнѣваюсь,—писалъ въ другомъ письмѣ цесаревичъ,—чтобы въ случаѣ, если бы произошелъ вторичный европейскій крестовый походъ противъ Франціи, подобно бывшему въ 1813, 1814 и 1815 годахъ, мы встрѣтили то же рвеніе и то же воодушевленіе къ правому дѣлу. Съ тѣхъ поръ сколько осталось обѣщаній неисполненныхъ или обойденныхъ, и сколько попранныхъ интересовъ; тогда, чтобы сокрушить тиранію Бонапарта, тяготѣвшую надъ континентомъ, повсюду пользовались содѣйствіемъ народныхъ массъ и не предвидѣли, что рано или поздно то же оружіе могутъ повернуть противъ насъ самихъ».

Въ письмѣ графу Нессельроде цесаревичъ также выражалъ необходимость осторожности и невыгоды поспѣшныхъ дѣйствій. Относительно же Франціи онъ говорилъ: «Что касается Франціи, то она, не отказываясь отъ логики и не впадая въ противорѣчіе, не можетъ въ чужихъ земляхъ проповѣдывать не тѣ принципы, что у себя самой—открыто заявлять себя противъ внѣшней революціи, между тѣмъ какъ внутри у себя она вся дышетъ лишь одною революціей.

«Впрочемъ, по моему слабому мнѣнію, ей слѣдовало бы предоставить рвать и раздирать себя на части, но не кратковременными смутами и бунтами, а искусно возбуждаемою междуусобною войною; въ противномъ случаѣ война Европы противъ Франціи только соединила бы въ ней всѣ партіи въ видахъ сохраненія неприкосновенности французской почвы и обезпеченія оной отъ всякихъ покушеній. Это не должно мѣшать намъ быть готовыми къ дѣйствію, но я говорилъ и всегда буду говорить, что слѣдуетъ поступать не торопливо, вооружаясь съ спокойствіемъ и хладнокровіемъ».

Не смотря на всѣ эти совершенно основательные доводы, Дибичъ, Чернышевъ и императоръ Николай продолжали стоять за неизбѣжность и необходимость войны, и Россія энергично вооружалась, приводя свою армію на военное положеніе, не взирая на свое плохое финансовое состояніе, неурожай и холеру, бывшую въ Москвѣ.

Равнодушіе союзниковъ Священнаго Союза къ чужимъ дѣламъ, рѣзко противорѣча воинственному пылу государя, не могло не произвести на него тяжелаго впечатлѣнія, подъ вліяніемъ котораго онъ собственноручно написалъ замѣчательную записку, почти цѣликомъ приведенную г. Мартенсомъ въ его трудѣ:

«Серіозность настоящихъ обстоятельствъ, въ связи съ непосредственными интересами Россіи, заставляетъ меня уяснить себѣ самому вліяніе, ими производимое на меня. Результатъ этого испытанія передъ судомъ моей совѣсти, кажется, опредѣляетъ мои обязанности.

«Географическое положеніе Россіи на столько счастливо, что оно дѣлаетъ ее почти независимою въ отношеніи своихъ собственныхъ интересовъ отъ того, что происходитъ въ Европѣ; Россіи нѣтъ надобности искать союзниковъ, потому что ей нечего бояться; границами она довольна, и ей нечего желать въ этомъ отношеніи, и потому она ни въ комъ не должна вызывать безпокойства. Обстоятельства, вызвавшія заключеніе нынѣ дѣйствующихъ трактатовъ, относятся къ тому времени, когда Россія, послѣ рѣшительной побѣды надъ ненасытнымъ тщеславіемъ Наполеона, пришла какъ освободительница помочь Европѣ сбросить съ себя иго, подъ которымъ она томилась. Но память о благодѣяніяхъ скорѣе теряется, нежели забываетъ обиду. Уже въ Вѣнѣ вѣроломству почти удалось нарушить согласіе, только-что утвердившееся, и нужна была новая общая опасность, чтобъ снова открыто соединить державы съ тѣмъ, который, будучи всегда великодушенъ, былъ уже разъ ихъ освободителемъ.

«Въ продолженіе послѣдующихъ затѣмъ десяти лѣтъ, союзъ между Россіею, Австріею и Пруссіею казался тѣснымъ; однако неоднократно обѣ эти державы отступали отъ буквальнаго смысла и основныхъ принциповъ, на которыхъ были основаны союзные трактаты. Всегда терпѣніе и умѣренность покойнаго государя снова укрѣпляли союзъ и поддерживали видъ совершенной интимности.

«Когда Провидѣніе отняло его у Россіи, мы скоро убѣдились, что рядомъ съ наилучшими увѣреніями Австрія питала заднія мысли; правда, Пруссія намъ дольше была вѣрна, но обнаружилось существенное различіе между личными сношеніями съ королемъ и сношеніями съ его министрами. Впрочемъ, благодаря недостатку поводовъ, не было явнаго разногласія до позорной іюльской революціи.

«Мы давно предвидѣли это страшное событіе и мы исчерпали при Карлѣ X и его министрахъ всѣ средства убѣжденія, допускаемыя дружбою и хорошими нашими сношеніями. Все было тщетно. Тогда мы не затруднились открыто осудить противузаконныя мѣропріятія Карла X. Но развѣ могли мы въ то же время признать законнымъ государемъ Франціи другаго, а не того, кто имѣлъ на то всѣ права? Этого не допускалъ нашъ долгъ, который требовалъ оставаться вѣрнымъ началамъ, управлявшимъ въ продолженіе 15 лѣтъ всѣми дѣйствіями союзниковъ. Между тѣмъ наши союзники, не условившись съ нами насчетъ такого серіознаго и рѣшительнаго шага, поспѣшили своимъ признаніемъ увѣнчать революцію и узурпацію. Это былъ шагъ роковой, непонятный, и съ него начинается цѣлый рядъ бѣдствій, непрерывно обрушивающихся съ того времени на Европу.

«Мы сопротивлялись потому, что были къ тому обязаны; я уступилъ исключительно для сохраненія союза; но легко было предвидѣть,

что, послѣ такого примѣра трусости, рядъ событій и мѣропріятій, естественно, не могъ на этомъ остановиться, и, дѣйствительно, въ Брюсселѣ послѣдовали скоро примѣру Парижа. Тамъ сама королевская власть была виновата, потому что она дала поводъ къ возмущенію; напротивъ, въ Брюсселѣ ничего подобнаго не случилось, и отъ государя исходили только благодѣянія. Однако и здѣсь былъ принятъ тотъ же самый принципъ и было объявлено, что страна больше не признаетъ своего прежняго государя, и потому эта страна независима. Поспѣшимъ же признать эту независимость и утвердимъ ее, давъ странѣ государя.

«Но государь не былъ еще хозяиномъ въ своей прежней землѣ и, имѣя въ виду только свою честь, неустанно старается поддержать ее, подавая высокій примѣръ, достойный лучшей участи. И такъ было поступлено относительно Франціи, не спрося предварительно согласія своего стараго союзника; Австрія и Пруссія поторопились объявить о своемъ одобреніи. Но мы съ самаго начала пошли по болѣе благородному пути и, будучи единственными борцами за справедливость, съумѣли поставить предѣлы гнѣву Англіи и Франціи. Развѣ мы могли, не обезчестивъ себя, измѣнить нашъ образъ дѣйствій?

«Но оставимъ въ сторонѣ вопросъ о чести и поведемъ рѣчь только объ интересахъ. Развѣ наши интересы требуютъ согласія на новую несправедливость? Развѣ значитъ сохранять старый союзъ, если мы стараемся общими силами разрушить наше собственное дѣло? Развѣ старый союзъ еще существуетъ, если существуютъ два, прямо противуположныя цѣли стараго союза, стремленія? Развѣ этотъ союзъ еще существуетъ, если Пруссія даетъ намъ чувствовать, что, даже въ случаѣ нападенія французовъ на Австрію, она ограничится лишь заявленіемъ нравственной своей поддержки.

«Развѣ это, Боже мой, великій союзъ, созданный безсмертнымъ императоромъ?

«Сохранимъ же неприкосновеннымъ этотъ священный огонь и не будемъ его безчестить молчаливою уступчивостью передъ трусливыми и несправедливыми поступками державъ, ссылающихся на нашъ союзъ въ томъ только случаѣ, когда онѣ нуждаются въ нашемъ сообщничествѣ, при совершеніи подобныхъ дѣлъ; сохранимъ этотъ священный огонь для той торжественной минуты, наступленіе которой предупредить и отсрочить не въ состояніи никакая человѣческая сила, когда борьба между справедливостью и адскимъ началомъ должна возникнуть. Эта минута близка, и пребудемъ мы тѣмъ знаменемъ, подъ которымъ силою обстоятельствъ и для собственнаго ихъ спасенія станутъ вторично тѣ, которые обуяются страхомъ въ такія минуты.

«Мы признали фактъ независимости Бельгіи потому, что самъ

король Нидерландовъ призналъ, но мы не признаемъ Леопольда потому, что не имѣемъ никакого права сдѣлать это до тѣхъ поръ, пока король нидерландскій не признаетъ его. Но въ то же время не скроемъ наше открытое неодобреніе двуличнаго и фальшиваго поведенія короля и покинемъ конференцію.

«Если Франція и Англія соединятся для нападенія на Голландію, мы будемъ протестовать потому, что бо̀льшаго сдѣлать не можемъ; по крайней мѣрѣ русское имя не будетъ опозорено въ соучастіи въ такомъ дѣлѣ. Нашъ образъ дѣйствій въ отношеніи Австріи и Пруссіи долженъ быть всегда одинаковъ; онъ долженъ постоянно напоминать имъ объ опасности того пути, по которому онѣ идутъ, и доказывать имъ, что о н ѣ забываютъ основныя начала союза; что мы н и к о г д а не совершимъ такой ошибки потому, что тогда подготовимъ неизбѣжную погибель добраго дѣла. Въ минуту опасности насъ всегда увидятъ готовыми придти на помощь тому изъ нихъ, который возвратится къ нашимъ старымъ началамъ, но въ противномъ случаѣ никогда Россія не пожертвуетъ ни своими деньгами, ни драгоцѣнною кровью своихъ солдатъ.

«Вотъ моя исповѣдь; она серьезна... Она ставитъ насъ въ новое и изолированное положеніе, но, смѣю сказать, въ положеніе почетное и насъ достойное.

«Кто смѣетъ на насъ напасть? Но если кто и осмѣлится, я увѣренъ въ поддержкѣ народа потому, что онъ оцѣнитъ свое положеніе и съумѣетъ, съ Божьею помощью, наказать смѣлость нападающихъ».

Извѣрившись на первомъ опытѣ въ своихъ союзникахъ, императоръ Николай рѣшилъ твердо не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи, но въ то же время не допустить ни малѣйшаго посягательства французовъ ни на матеріальные интересы Европы, какъ они опредѣлены и гарантированы международными соглашеніями, ни на внутренній миръ различныхъ государствъ.

Такимъ образомъ и Луи-Филиппъ былъ признанъ Россіею только потому, что уже ранѣе его признали въ Лондонѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ.

Покончивъ дѣло съ французскою революціею, русскій императоръ вовсе не былъ готовъ оставить революцію бельгійскую. На докладѣ поэтому поводу графа Нессельроде онъ положилъ резолюцію: «Нѣтъ больше возможности идти назадъ; наше достоинство предписываетъ намъ взять на себя иниціативу; поэтому вамъ нужно приготовить ноту къ тремъ правительствамъ, въ которой укажете на необходимость положить военною силою предѣлъ революціи, всѣмъ угрожающей».

Но въ это время совершенно неожиданно разразилась революція тамъ, гдѣ Николай Павловичъ ожидалъ менѣе всего, у себя дома—въ Царствѣ Польскомъ.

Когда первыя опасенія гражданской войны отчасти миновались, французское правительство начало заниматься иностранными дѣлами, которыя были почти потеряны изъ виду въ бурной суматохѣ первыхъ революціонныхъ дней. Вопросъ иностранной политики, представившійся временному правительству, былъ прямо вопросъ о мирѣ или о войнѣ. Могущественныя основанія побуждали къ войнѣ. Прежде всего это былъ народный голосъ; онъ требовалъ войны, какъ единственнаго средства уничтожить ненавистные договоры 1815 года, за которые съ необыкновенною твердостью стоялъ русскій императоръ. Между тѣмъ во Франціи, наоборотъ, соблюденіе договоровъ 1815 года издавна составляло одно изъ главныхъ обвиненій правительства.

6-го марта Ламартинъ предложилъ правительству проектъ циркуляра къ дипломатическимъ агентамъ Франціи за границею, который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ служить манифестомъ новой республики къ европейскимъ дворамъ. Основныя мысли его были: признаніе и для другихъ государствъ права политическаго самоопредѣленія, которымъ Франція воспользовалась въ февральской революціи, и отказъ отъ всякой наступательной войны. Ламартиновская нота говорила: «Договоры 1815 года не имѣютъ болѣе никакого юридическаго значенія въ глазахъ французской революціи».

Несмотря на мирныя слова и расположеніе министра иностранныхъ дѣлъ, правительство не могло, или не хотѣло воспрепятствовать тому, чтобы изъ Франціи революціонныя предпріятія не направились въ нѣкоторыя сосѣднія страны. Иностранцы, жившіе въ большомъ числѣ во Франціи, именно нѣмцы, бельгійцы, итальянцы и поляки, вслѣдствіе февральскихъ событій пришли въ болѣе или менѣе живое политическое движеніе, которое получало не малое содѣйствіе отъ французскаго правительства и отъ французскаго народа. Въ особенности это содѣйствіе временное правительство проявило въ томъ смыслѣ, что оно обнаруживало крайнюю готовность облегчать возвращеніе иностранцамъ всѣхъ націй на родину и тѣмъ освободить Парижъ отъ части его горючаго политическаго матеріала и остававшагося безъ хлѣба населенія. Прежде всего, при открытомъ содѣйствіи правительства, значительныя толпы нѣмцевъ, подъ знаменемъ чернаго, краснаго и золотаго цвѣта, и съ явными революціонными намѣреніями имѣли возможность двинуться къ Рейну, который большинство ихъ перешло спокойно, такъ какъ въ это время политическое положеніе въ Германіи, казалось, могло обѣщать большой успѣхъ. Въ то же время поляки, жившіе во Франціи въ числѣ многихъ тысячъ, послѣ многихъ дерзкихъ попытокъ вынудить отъ правительства объявленіе войны, получили паспорта и деньги на дорогу, чтобы отправляться на родину,

которой, какъ можно было думать, открывалось поприще для дѣйствій противъ Россіи.

Послѣ того, какъ оставшіеся въ Парижѣ поляки потерпѣли неудачу своей попыткой вынудить у временнаго правительства дѣятельную поддержку своему дѣлу, они съ удвоенною ревностью бросились въ клубы, чтобы съ ихъ помощью устроить поворотъ иностранной политики отъ мира къ войнѣ. Посланные изъ возставшихъ польскихъ мѣстностей раздували огонь страстными изображеніями событій въ Познани и Краковѣ. 10-го мая Воловскій, полякъ, натурализованный во Франціи и членъ Національнаго собранія, представилъ собранію адресъ, подписанный депутатами изъ Познани, Кракова и Галиціи. Адресъ пламенными словами вызывалъ французскій народъ помочь, наконецъ, фактически польскому дѣлу, о которомъ семнадцать лѣтъ говорились одни только пустыя слова. Чтобы дать больше силы воззванію, составители его представляли въ немъ войска, усмирявшія польское возстаніе, оскорбителями святыни, грабителями храмовъ, поджигателями, убійцами женщинъ и дѣтей. «Мы посылаемъ вамъ нашихъ братьевъ,—говорилось въ концѣ адреса,—не для того, чтобы выпрашивать вашего состраданія, но чтобы открыто требовать вашей помощи противъ варварства.

«Они должны призвать васъ исполнить священную миссію, которую Богъ поручилъ вашей націи, и которой не отвергнетъ Франція,—исполнить эту миссію для своей сестры, окровавленной ножемъ убійцы».

Оказалось однако, что поляки только усилили соціалистическую партію, съ которой они соединились для совершенія переворота и чтобы въ члены Собранія выставить отъявленныхъ соціалистовъ. Поляки и пьяная толпа самаго низшаго слоя народа подняли шумъ противъ депутатовъ собранія, грозя кулаками. И вотъ среди хаоса и гвалта, въ которомъ не могли понимать другъ друга, дебатировался польскій адресъ и требовалось, чтобы Франція поставила сѣвернымъ державамъ короткій срокъ для полнаго возстановленія Польши, и по истеченіи срока немедленно двинула войска, чтобы достигнуть цѣли силою оружія. Извѣстный коммунистъ Барбесъ потребовалъ даже, чтобы Національное собраніе въ пользу войны за Польшу наложило на богатство налогъ въ мильярдъ. Коммунисты, завладѣвшіе собраніемъ, постановили объявить войну противъ Австріи, Пруссіи и Россіи въ случаѣ, если они тотчасъ не приступятъ къ возстановленію Польши. Въ то же время началось возстаніе противъ Національнаго собранія, кончившееся кровопролитнымъ междоусобіемъ. Парижъ былъ объявленъ въ осадномъ положеніи, а генералу Кавеньяку поручена была вся исполнительная

власть. Кавеньякъ усмирилъ кровопролитный мятежъ въ іюнѣ мѣсяцѣ и 28-го числа передалъ свою власть въ руки Національнаго собранія.

Такимъ образомъ, шумныя попытки за освобожденіе Польши кончились ничѣмъ. Но двѣ революціи: во Франціи и Бельгіи ободрили поляковъ въ Россіи, Австріи и Пруссіи, и вслѣдъ за ними началось возстаніе въ Варшавѣ. Какъ разыгралась эта революція и чѣмъ она кончилась при посредствѣ Дибича и Паскевича, всѣмъ извѣстно и не можетъ служить предметомъ настоящихъ замѣтокъ, но для связи съ послѣдующими событіями, въ которыхъ большую роль игралъ одинъ изъ членовъ Священнаго Союза — король прусскій — единственный доброжелатель Россіи, необходимо связать ходъ событій до тѣхъ поръ, пока самъ прусскій король не принужденъ былъ подавлять революцію у себя дома. Что же касается до другаго союзника, Австріи, вѣчной соперницы Россіи, то императоръ Николай, вѣрный союзу, внялъ слезнымъ мольбамъ австрійскаго императора и въ 1849 году спасъ его тронъ отъ гибели.

Несправедливо было бы отрицать, что Пруссія оказала существенную услугу Россіи во время польскаго мятежа, который произвелъ на Николая I самое тяжелое впечатлѣніе, выраженное имъ въ собственноручной запискѣ карандашемъ. Въ виду неизвѣстности этой записки и исключительнаго ея интереса г. Мартенсъ въ своемъ трудѣ приводитъ ее безъ пропусковъ.

«Польша,—пишетъ государь,—всегда была соперница и непримиримый врагъ Россіи. Во время нашествія 1812 года ни одинъ изъ народовъ, ставшихъ подъ знамена Наполеона, не обнаруживалъ столько ненависти и мести, какъ поляки. Эти чувства, воодушевлявшія ихъ во время всѣхъ войнъ противъ Россіи, были ими обнаружены и въ продолженіе этой войны страшными звѣрствами. Но Господь благословилъ наше святое дѣло, и наши войска завоевали Польшу. Они заняли ее безъ всякой помощи какой-либо другой державы, а съ 1813 года Россія осуществляла въ этой странѣ всѣ права, вытекающія изъ завоеванія. Факты эти неопровержимы. Тогда представились различныя комбинаціи для окончательнаго устройства Варшавскаго герцогства.

«Императоръ Александръ полагалъ, что онъ лучше всего обезпечитъ интересы Россіи, возстановивъ Польшу, которая, будучи неразрывною частью имперіи, получитъ титулъ королевства и отдѣльное управленіе и войско. Онъ даровалъ ей даже конституцію и заплатилъ такимъ образомъ добровольно благодѣяніемъ за все зло, безпрерывно совершаемое поляками противъ Россіи. Такова была месть благородной души.

«Но развѣ цѣль императора Александра была достигнута? Эта цѣль, какъ было изложено выше, заключалась въ охраненіи инте-

ресовъ Имперіи посредствомъ созданія Польши счастливой и процвѣтающей подъ покровительствомъ Россіи и благодаря соединенію Польши съ нею.

«Извѣстно, что эта маленькая страна, будучи разорена и опустошена безпрерывными войнами, нѣсколькими революціями и частыми переходами изъ-подъ одной власти подъ другую, достигла въ пятнадцать лѣтъ высокой степени процвѣтанія. Доходы были не только достаточны для покрытія расходовъ государства, но они дали казнѣ возможность составить резервный фондъ, который потомъ пригодился на поддержку нынѣшней борьбы. Наконецъ, армія, организованная по образцу императорской, была всѣмъ снабжена со стороны Россіи; арсеналы были богато надѣлены всѣми запасами, безъ всякаго обремененія страны какими-либо жертвами на этотъ предметъ. Благодаря также нашимъ усиліямъ, армія достигла рѣдкаго совершенства и была образована настолько, что могла составить кадры для ста тысячъ человѣкъ. Въ такомъ духѣ было создано Царство Польское, цѣною величайшихъ жертвъ со стороны Имперіи. Какую же пользу получила послѣдняя отъ этого своего созданія?

«Продолжительными и кровопролитными усиліями, бывшими въ связи съ другими военными дѣйствіями, совершилось въ 1813 году завоеваніе герцогства Варшавскаго.

«Въ продолженіе пятнадцати лѣтъ Россія не скупилась ни на какія жертвы для поддержанія польской арміи, для снабженія ея всѣмъ нужнымъ и для вооруженія крѣпостей Царства. Даже на ея иждивеніе содержались русскія войска, служившія для образованія польскихъ войскъ.

«Имперія была наводнена польскими произведеніями, въ ущербъ ея собственной промышленности. Словомъ, все бремя этого новаго пріобрѣтенія падало на Имперію, которая получила единственную пользу, заключавшуюся въ прибавленіи новаго титула къ титуламъ своего государя. Между тѣмъ, зло было осязательное. Провинціи, бывшія прежде польскими, видя подлѣ себя жителей Царства Польскаго, пользующихся настоящею, даже слишкомъ большою, независимостью, стали помышлять больше, чѣмъ когда-либо прежде, объ освобожденіи изъ-подъ власти Имперіи.

«Поэтому одной искры достаточно было, чтобы произвести огромный пожаръ въ этихъ областяхъ, и возстаніе ихъ повліяло прискорбнѣйшимъ образомъ на военныя дѣйствія. Еще бо́льшее зло было слѣдствіемъ того порядка вещей, согласнаго съ модными идеями, который, будучи почти непримѣнимъ въ Царствѣ Польскомъ, былъ невозможенъ для Имперіи. Онъ породилъ надежды, которыя нанесли чувствительный ударъ какъ общественному порядку, такъ и уваженію государственной

власти, и вызвалъ въ первый разъ прискорбныя событія конца 1825 года. Разъ зло совершилось и примѣръ былъ данъ, трудно было думать, чтобы въ эпоху общихъ смутъ и бунтовъ такія преступныя мысли не продолжали развиваться, не смотря на опытъ, доказавшій ихъ призрачность и опасныя послѣдствія.

«Словомъ, подобный порядокъ вещей долженъ былъ разрушить то, что составляетъ силу Имперіи; т. е. убѣжденіе, что она не будетъ ни могущественна, ни велика иначе, какъ подъ монархическимъ правленіемъ и самодержавнымъ государемъ.

«То, что было ложно въ самомъ основаніи, не могло долго держаться. При первомъ сотрясеніи все зданіе развалилось. И такъ какъ интересы различно понимались въ обѣихъ странахъ, обнаружилось разногласіе мнѣнія по самому жизненному вопросу, а именно: какъ понимать и судить преступленія противъ безопасности государства и личности государя. То, что разсматривалось и наказывалось какъ преступленіе въ Имперіи, оправдывалось и даже восхвалялось въ Царствѣ Польскомъ. Послѣдствіемъ всего этого были: неустранимыя затрудненія, злобное возбужденіе умовъ и укрѣпленіе поляковъ въ ихъ намѣреніи освободиться изъ подъ русской власти, и это преступное стремленіе привело наконецъ къ катастрофѣ 1830 года.

«Однако, все-таки всѣ примирительныя средства, допускаемыя честью Россіи, были еще разъ испробованы, но все было напрасно; торжественныя клятвы повсюду нарушались; измѣна сдѣлалась общею, и всякая возможность соглашенія исчезла. Только тогда русскія войска двинулись. Они пошли, чтобы отомстить за національную честь, оскорбленную самою черною неблагодарностью въ томъ, что наиболѣе для нея свято. Огромныя жертвы были принесены и приносятся еще каждый день для достиженія этой цѣли. Но когда она будетъ достигнута и когда вопросъ силою оружія будетъ рѣшенъ, какой окончательный р е з у л ь т а т ъ надо имѣть въ виду? Или, лучше сказать: въ чемъ будетъ заключаться въ этомъ важномъ дѣлѣ и с т и н н а я п о л ь з а Р о с с і и?

«Все, что теперь случилось и что теперь еще дѣлается въ Польшѣ, очевидно, доказываетъ, что прошла пора великодушія; неблагодарность поляковъ сдѣлала его отнынѣ невозможнымъ, и на будущее время все должно быть въ новыхъ порядкахъ, для нихъ устраиваемыхъ, подчинено истиннымъ интересамъ Россіи. Исходя изъ этого положенія, невозможно не согласиться, что интересы Россіи не допускаютъ ни возстановленія Царства Польскаго въ томъ видѣ, какъ оно было создано въ 1815 г., ни сохраненія его конституціи. Дѣло заключается не только въ томъ, чтобы лишить Польшу фактической возможности вредить Россіи, но требуется еще сообразить, какое вознагражденіе можно получить отъ

нея за тяжкія жертвы, и какія выгоды можетъ извлекать Россія изъ владѣнія Польшею.

«Ничто, кажется, не можетъ вознаградить за жертвы и потери, понесенныя Россіей только ради удовлетворенія своей національной чести. Что же касается другаго вопроса, то также кажется, что Россія не можетъ извлечь изъ Польши при нынѣшнемъ ея состояніи никакой осязательной пользы; мало того, она даже не представляетъ никакого обезпеченія въ спокойномъ владѣніи Россіей этою страною.

«Оставаясь вѣрнымъ вышеуказанному началу, въ силу котораго слѣдуетъ сообразоваться исключительно съ истинными интересами Россіи, я полагаю, что единственный способъ разсмотрѣть этотъ вопросъ и дѣйствительно уяснить себѣ его слѣдующій.

«Россія держава могущественная и счастливая сама по себѣ; она никогда не должна быть угрозою ни для своихъ сосѣдей, ни для Европы. Но оборонительное ея положеніе должно быть на столько внушительно, чтобы сдѣлать всякое нападеніе невозможнымъ. Бросая взглядъ на карту, страшно становится, видя, что граница польской территоріи Имперіи доходитъ почти до Одера, между тѣмъ какъ на флангахъ она отступаетъ за Нѣманъ и Бугъ, чтобы упереться близъ Полангена въ Балтійское море и у устьевъ Дуная въ Черное море. Въ этой выдающейся части находится населеніе, существенно враждебное Россіи, и потому требуется армія для удержанія его въ подчиненіи. Эта страна ничего не приноситъ Имперіи; напротивъ, она не можетъ существовать иначе, какъ посредствомъ постоянныхъ жертвъ со стороны Имперіи, чтобы дать ей возможность содержать свое собственное управленіе. Такимъ образомъ ясно, что выгоды отъ этого безпокойнаго владѣнія ничтожны, между тѣмъ какъ неудобства велики и даже опасны. Остается рѣшить, какъ пособить этому.

«Я тутъ не вижу другаго средства кромѣ слѣдующаго:

«что Россія не имѣетъ никакого интереса владѣть провинціями, неблагодарность которыхъ была такъ очевидна,

«что истинные интересы требуютъ установить и утвердить свою границу по Вислѣ и Нареву,

«что она (Россія) предоставляетъ остальное, какъ недостойное принадлежать ему, своимъ союзникамъ, которые могутъ сдѣлать изъ него все, что имъ покажется нужнымъ,

«что, оставаясь вѣрною своимъ началамъ, Россія утвердила бы за тою частью Царства Польскаго, которая за нею осталась, пользованіе ея законами и учрежденіями настолько, насколько они были бы согласны съ ея безопасностью въ будущемъ,

«что титулъ Царства Польскаго будетъ связанъ съ этою страною съ

цѣлью предупредить, чтобъ онъ не былъ данъ кому-либо другому, и чтобы не было создано новое государство, враждебное въ отношеніи Россіи».

Вскорѣ, однако, императоръ Николай убѣдился въ невозможности привести это въ исполненіе.

С. З.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Всеподдан. собственноручное письмо Алексѣя Оленина о назначеніи ему аренды.

10-го іюня 1815 г.

Я за правило себѣ поставилъ не имѣть никакихъ другихъ покровителей кромѣ Бога и царя моего! Заступникъ мой предъ ними да будетъ вѣрная, ревностная моя служба! На семъ основаніи въ бѣдственномъ моемъ положеніи дерзаю прямо прибѣгнуть къ милосердію вашего императорскаго величества! Разстроенныя дѣла послѣ отца и матери моей, собственные мои долги, накопившіеся во время военной и гражданской моей службы, несостоятельность мою сдѣлали неизбѣжною, если ваше императорское величество не воззрите милосердымъ окомъ на горестное мое положеніе. Жалованья по исправляемой мною нынѣ должности я просить не смѣю, по стѣсненному положенію государственныхъ финансовъ; но прошу въ первый разъ, по примѣру многихъ моихъ товарищей, о пожалованіи мнѣ аренды, на 12-ть лѣтъ, безъ платежа арендныхъ денегъ (?). Семейство мое должно погибнуть, если я не получу подкрѣпленія отъ щедротъ царя! Несчастное сіе положеніе дѣлаетъ меня дерзновеннымъ. Припадая къ освященнымъ стопамъ царя и благотворителя моего, со слезами умоляю о всемилостивѣйшемъ принятіи прилежнѣйшей просьбы.

Шуточныя басни И. А. Крылова.

Къ 1901 году въ Императорскую публичную библіотеку поступило нѣсколько автографовъ Ивана Андреевича Крылова. Бо́льшая часть этихъ рукописей, принадлежавшихъ нѣкогда семейству Олениныхъ, была уже издана. Олонинскими рукописями пользовался еще въ 1847 году Лобановъ, напечатавшій по нимъ три письма Крылова къ В. А. Олениной [1]). Въ 1868 году тогдашній владѣлецъ этихъ рукописей—Н. И. Стояновскій—предоставилъ нѣкоторыя изъ нихъ въ распоряженіе редакторамъ юбилейнаго въ честь Крылова сборника, изданнаго Академіей Наукъ [2]). Въ сборникѣ были напечатаны по Олонинскимъ рукописямъ 1) комедія «Лѣнтяй», 2) басня «Пиръ» и 3) письмо къ В. А. Олениной. Но, кромѣ перечисленныхъ и нѣкоторыхъ другихъ, напечатанныхъ въ полномъ собраніи сочиненій Крылова [3]), въ Олонинскихъ рукописяхъ сохранилось нѣсколько, правда мелкихъ, произведеній Крылова, доселѣ еще не появившихся въ печати. Къ числу ихъ принадлежатъ печатаемыя шуточныя басни.

Шуточныя басни, какъ видно изъ приписки, сдѣланной рукою В. А. Олениной, написаны Иваномъ Андреевичемъ въ Пріютинѣ. Пріютино—мыза Олениныхъ вблизи Петербурга; здѣсь Крыловъ часто, и иногда подолгу, гостилъ. «Теперь собираюсь,—пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ В. А. Олениной,—къ себѣ, въ ваше Пріютино,

---

[1]) „Жизнь и сочиненія И. А. Крылова". Сочиненіе академика Михаила Лобанова, Спб. 1847, стр. 71—75.

[2]) Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русск. языка и словесности Имп. Акад. Наукъ, т. VI, Спб. 1869, стр. 183—213, 273—278.

[3]) Полное собраніе сочиненій И. Крылова, съ біографіей его, написанной Плетневымъ, Спб. 1847, т. II, стр. 46 и 105.

гдѣ мнѣ никогда не можетъ быть скучно» [1]). Дѣйствительно, въ Пріютинѣ Олениискій кружокъ проводилъ время особенно весело [2]). Не мало веселья вносилъ въ этотъ кружокъ и Крыловъ. Устимовичъ, слышавшій разсказы о пріютинской жизни отъ Ан. Ал. Андро (р. Олениной), прибавляетъ, что особенно привѣтливо свѣтятся ея глаза, нѣкогда воспѣтые Пушкинымъ, тогда, когда она разсказываетъ о проказахъ дѣдушки Крылова [3]). Изъ забавъ пріютинскаго общества была особенно въ ходу игра въ шарады, и, по разсказамъ очевидцевъ, особенно умрителенъ былъ въ этой игрѣ Крыловъ, когда онъ изображалъ различныхъ героевъ своихъ басенъ [4]). По всей вѣроятности, для одной изъ такихъ игръ и, можетъ быть, во время одной изъ такихъ игръ и были написаны шуточныя басни.

Рукопись съ шуточными баснями состоитъ изъ трехъ небольшихъ in 4^0, листовъ синей бумаги, перешитыхъ черными шелковыми нитками. На верху перваго листа рукою В. А. Олениной написано: «Шуточныя басни И. А. Крылова въ Пріютинѣ».

Помѣщаемъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ расположены въ рукописи.

Паукъ и громъ.

Передъ окномъ
Былъ домъ.
Ударилъ громъ,
И со стѣны паукъ
Вдругъ стукъ,
Упалъ, лежитъ,
Разинулъ ротъ, оскалилъ зубы,
И шопотомъ сквозь губы
Вотъ что крпчитъ: [5])

---

[1]) По рукописи. См. также у Лобанова въ указ. соч., стр. 72.

[2]) П. М. Устимовичъ. „А. А. Андро“, „Русск. Старина“ 1890 г., VIII, стр. 389.

[3]) П. М. Устимовичъ. „Н. И. Гнѣдичъ“, „Русск. Старина“ 1887 г., VII.

[4]) П. М. Устимовичъ. „Ан. Ал. Андро“, „Русск. Старина“ 1890 г., VIII, стр. 389.

[5]) Первоначально первая половина басни читалась:

Былъ домъ.
Ударилъ громъ
Передъ окномъ
Паукъ
Со стѣны стукъ,
Упалъ, лежитъ,
И вотъ что говоритъ...

„Когда бъ осломъ
Я созданъ былъ Зевесомъ,
Ходилъ бы лѣсомъ;
Меня бы громъ,—
Тряся окномъ
И домъ [1]),—
Съ стѣны не могъ стряхнуть".

Насъ чаще съ высоты стараются сопхнуть.

Оселъ и заяцъ.

Оселъ не птица,—
Онъ не гораздъ летать;
Однако жъ для него не въ первый разъ хвастать,
Мычать
И родъ звѣрей всѣхъ увѣрять,
Что молодецъ и онъ летать,
Что онъ подъ облака взовьется, какъ синица [2])
Или царица—
Орлица.
А заяцъ тутъ: „ну, ну-тка! Полети!"
—„Ахъ ты, косой трусиха!"—
Оселъ рычитъ:—„летаю, какъ орлиха,
Но не хочу!"—„Пожалуй, захоти!"—
Такъ мудро заяцъ отвѣчаетъ.
Оселъ бѣжитъ, скакаетъ,
И въ яму хлопъ.

Не суйся въ ризы, коль не попъ!

Комаръ и волкъ.

Комаръ
Жилъ у татаръ
Иль у казаръ.
Вдругъ волкъ
Къ нимъ въ двери толкъ.

Но рукою Крылова сдѣланы были поправки (карандашемъ), именно: передъ первыми тремя стихами разставлены цифры: предъ 1-мъ ст.—цифра 2; предъ 2-мъ—3; предъ 3-мъ—1. Слова: „Паукъ со стѣны" зачеркнуты и карандашемъ надписано:

И со стѣны паукъ
Вдругъ...

Стихъ же: „И вотъ что говоритъ"—зачеркнутъ чернилами.

[1]) Этотъ стихъ первоначально читался: „Вихая домъ", но послѣ карандашемъ былъ замѣненъ тѣмъ, что приведено выше. Вихать — сдвинуть съ мѣста.

[2]) Первоначально:

Что онъ подъ небеса взовьется...

Давай кричать
И комара кусать.
Комаръ испугался,
На печку забрался.
Тутъ волкъ ему:
„Съ печи тебя стяну!“
А тотъ: „нѣтъ, не достанешь.
Устанешь,
Отстанешь!“
А волкъ
Вдругъ скокъ
Къ нему тутъ на полати,
Да вотъ его и проглотилъ,
А самъ таковъ и былъ.

И мнѣ пришло сказать тутъ кстати,
Что сильный слабаго не дивно погубилъ [1]).

Сообщ. **Л. Ильинскій.**

---

[1]) Послѣдній стихъ имѣлъ первоначально редакцію:

Что такъ бываетъ съ робкими во рати,—

но это зачеркнуто и написано:

Что сильный слабаго изволитъ жрати—

но затѣмъ послѣднія два слова измѣнены, какъ приведено выше.

Изъ записокъ В. К. Луцкаго.

III [1]).

Когда я былъ въ Никольскомъ, то получилъ письмо отъ помѣщика Аркадія Африкантовича Бабкина, въ которомъ онъ просилъ пріѣхать къ нему и уладить его дѣло съ крестьянами. Дѣло это выдавалось изъ ряда обыкновенныхъ, а потому я опишу его подробно. Бабкинъ, молодой человѣкъ, служилъ въ гвардіи и назадъ тому года четыре вышелъ въ отставку поручикомъ и пріѣхалъ въ имѣніе. Первымъ дѣломъ его было отдѣлить господскую землю отъ крестьянской. Онъ отрѣзалъ крестьянамъ кругомъ ихъ поселенія 500 десятинъ, а на остальной землѣ, которой было 1.200 десятинъ, завелъ хуторное хозяйство. Выстроилъ себѣ домикъ и началъ заниматься хлѣбопашествомъ. Всѣ работы производились наймомъ; крестьяне, которыхъ было 100 душъ, были имъ освобождены какъ отъ барщины, такъ и отъ оброка. Онъ рѣшительно никуда не показывался, не только я, недавно пріѣхавшій въ уѣздъ, но даже постоянные жители и его ближайшіе сосѣди, кромѣ дальняго его родственника Александра Петровича Бабкина, его ни разу не видѣли.

Все это было сдѣлано имъ еще въ 1858 году, и потому о немъ ходили странные слухи, кто называлъ его сумасшедшимъ, кто краснымъ, кричали, что онъ возстановляетъ крестьянъ противъ помѣщиковъ, что это самый вредный человѣкъ и что если не разстрѣлять, то все-таки надо сослать его въ Сибирь.

Я давно интересовался личностью Бабкина и вдругъ получилъ отъ него письмо, гдѣ онъ пишетъ, что давно уже поставилъ себѣ цѣлью улучшеніе крестьянскаго быта и, воспользовавшись Положеніемъ 19-го

[1]) См. „Русскую Старину“, февраль 1904 г.

февраля, составилъ уставную грамоту на слѣдующихъ основаніяхъ: за нимъ числится крестьянъ 100 душъ, онъ предоставляетъ имъ надѣлъ въ 500 десятинъ удобной земли (болѣе противу опредѣленнаго для нашей мѣстности на 100 десятинъ). Земля отдается та самая, которая всегда была въ ихъ владѣніи, расположенная кругомъ селенія. За эту землю, которую онъ предоставляетъ имъ въ собственность, онъ не требуетъ отъ нихъ никакого выкупа, желаетъ только одного, чтобы они подписали грамоту, и вотъ, оканчиваетъ онъ письмо: «бьюсь съ ними $1^1/_2$ года, не соглашаются да и только. Я думалъ до сихъ поръ, что имѣю дѣло съ людьми, но, увы, горько разочаровался, приходится вѣрить сосѣдямъ, что наши крѣпостные не люди, а безсмысленные скоты».

Имѣніе его принадлежало къ Озерской волости. Я заѣхалъ сначала въ волостное правленіе, гдѣ спросилъ старшину, не знаетъ-ли онъ, почему бабкинскіе крестьяне не подписываютъ грамоты. Старшина говорилъ, что ничего не знаетъ, а писарь объяснилъ, что это происходитъ отъ безчувственности. Приказавъ писарю замолчать и не соваться, гдѣ его не спрашиваютъ, я опять обратился къ старшинѣ, не слыхалъ-ли онъ у нихъ какихъ разговоровъ о грамотѣ. На это онъ сказалъ мнѣ, что крестьяне очень довольны своимъ бариномъ, но грамоту не подписываютъ потому, что у барина остается много земли. Приказавъ на другой день собрать утромъ въ 8 часовъ сельскій сходъ у Бабкина на хуторѣ, я самъ поѣхалъ къ нему. Онъ жилъ верстахъ въ 5-ти отъ Озерокъ. Я пріѣхалъ къ нему часовъ въ 6-ть вечера. Познакомившись съ нимъ, я нашелъ въ немъ умнаго, образованнаго молодаго человѣка. Онъ жилъ скромно, безъ роскоши, но со всѣми удобствами. Комнаты были убраны весьма мило, у него была очень хорошая библіотека, лучшіе газеты и журналы; онъ слѣдилъ за всѣми новостями по всѣмъ отраслямъ, такъ что вечеръ прошелъ незамѣтно. Бабкинъ горько жаловался на неблагодарность крестьянъ и сомнѣвался, чтобы мнѣ удалось покончить дѣло съ ними.

Я же, напротивъ, былъ вполнѣ увѣренъ, что крестьяне подпишутъ грамоту,и просилъ его только не вмѣшиваться, а предоставить все дѣло мнѣ.

На другой день, когда собрались крестьяне, я вышелъ къ нимъ и, поздоровавшись, спросилъ, знаютъ-ли они, какую милость имъ дѣлаетъ помѣщикъ? На это они отвѣчали, что знаютъ и должны вѣчно благодарить своего барина за его милости.

— А если такъ,—сказалъ я,—то почему же вы не подписываете уставной грамоты?

— Не смѣли безъ тебя, Владиміръ Константиновичъ,—отвѣчали они.

— Да мнѣ-то что тутъ за дѣло?

— Да все же ты нашъ начальникъ, не знали, какъ ты,—возразили крестьяне.

— Сколько разъ мнѣ вамъ толковать, что я не начальникъ вашъ. Всѣ ваши сдѣлки съ помѣщикомъ вы должны дѣлать сами, и все, на что вы съ нимъ согласитесь и подпишетесь, такъ и будетъ сдѣлано. Дѣло другое, если васъ помѣщикъ обижаетъ или вы не исполняете повинностей на помѣщика, какъ приказано государемъ, ну, тогда мое дѣло разобрать, кто правъ, кто виноватъ, и заставить виновника исполнить царское положеніе. А какъ у васъ нѣтъ споровъ и жалобъ на барина, а отъ барина на васъ, такъ мнѣ и дѣла нѣтъ и вмѣшиваться нечего. Поняли, что-ли?

— Понять-то поняли, да какъ же такъ безъ тебя, извѣстно дѣло, ты нашъ начальникъ, безъ тебя все боязно,—отвѣчали крестьяне.

Видя, что такимъ образомъ толку не добьешься, я приступилъ къ дѣлу.

— Помѣщикъ вашъ, — сказалъ я,—даритъ вамъ по 5 десятинъ на душу земли, а всего на 100 душъ 500 десятинъ. Онъ отдаетъ землю ту самую, которой вы и теперь владѣете, значитъ, вы ее знаете хорошо. За это онъ отъ васъ не требуетъ ни работы, ни денежной платы; теперь вы должны только подписать объ этомъ уставную грамоту. Выберите себѣ, кому вы довѣряете, пусть онъ придетъ ко мнѣ и подпишетъ.

Крестьяне начали между собою толковать. Видя, что кто-то мѣшаетъ имъ, я спросилъ, хотите подписать или нѣтъ?

— Да, вотъ, Владиміръ Константиновичъ, какъ-то боязно намъ-то подписывать, чтобы чего за это не вышло отъ царя,—отвѣчалъ одинъ изъ стариковъ.

— Да развѣ ты не знаешь, что я поставленъ отъ царя, чтобы вамъ толковать новое Положеніе. Ты мнѣ бобовъ-то не разводи, меня не проведешь, а лучше прямо говори, почему вы не подписываете?

— Да видишь что, Владиміръ Константиновичъ,—отвѣчалъ онъ же,— все намъ сумнительно, что у барина-то много земли остается; ну, что онъ безъ насъ дѣлать съ нею будетъ?

— Что онъ съ нею будетъ дѣлать?—это онъ знаетъ, а что вы свиньи, это я знаю,—отвѣчалъ я. Ну, стоите-ли вы, негодные, этой милости, которую вамъ дѣлаетъ баринъ. Я съ вами долго толковать не буду; вотъ вамъ полчаса срока обдумать, подписывать грамоту или нѣтъ. Если черезъ полчаса не подпишете, то я введу у васъ грамоту по Положенію.

— Ты погоди, Владиміръ Константиновичъ, прежде намъ скажи, какъ это по Положенію?

— Вы оброка не платили?

— Не платили.

— Ну, и платить не будете. Барщину не правили?

— Не правили.

— Ну, и править не будете.

— Покорно благодаримъ.

— Погодите благодарить, а вы дослушайте. Я по Положенію отрѣжу вамъ земли 400 десят. Остальныя 100 дес., какъ лишнія, противъ Положенія, отъ васъ возьму и отдамъ помѣщику. Затѣмъ съ 400 десятинами помѣщикъ передастъ васъ въ казну, и вы будете платить 49 лѣтъ по 7 р. 20 к. съ души. Теперь слышали, такъ подумайте, подписывать грамоту или нѣтъ, я вамъ даю полчаса.

— Чего тутъ думать, давай грамоту, подпишемъ.

— Нѣтъ, теперь вы у меня не такую подпишете, какую вамъ предлагалъ помѣщикъ, а подпишете по-моему. За помѣщикомъ вашимъ есть казенный долгъ, онъ долженъ каждый годъ платить по 208 руб., а платить еще надо 14 лѣтъ, такъ деньги эти будете платить вы. Это вамъ въ наказаніе за ваше глупое упрямство. Я сейчасъ пойду писать грамоту, вы можете идти обѣдать и, пообѣдавши, приходите.

Наканунѣ, изъ разговора съ Бабкинымъ я узналъ, что кромѣ этого долга онъ обязанъ еще по духовному завѣщанію и по раздѣльному акту съ братьями выплатить сестрѣ 10.000 руб. Вотъ почему мнѣ пришло на мысль развязать ему руки въ отношеніи банковаго долга, хотя долгъ и не значительный, но могли случиться обстоятельства, по которымъ онъ бы затруднялся своевременно платить, а это влекло непріятныя послѣдствія. Для крестьянъ же платить по 2 руб. съ души при такомъ надѣлѣ ничего не значило. Когда я объяснилъ Бабкину, то онъ говорилъ, что этого не желаетъ, а принимаетъ банковый долгъ на себя. Зная положеніе его дѣлъ, я совѣтовалъ ему написать грамоту, какъ я предположилъ. Если его хозяйственныя дѣла позволятъ, то онъ всегда можетъ внести долгъ въ банкъ, а между тѣмъ этотъ незначительный платежъ будетъ урокомъ для крестьянъ за ихъ недовѣріе; такъ и сдѣлали. Часа черезъ два, крестьяне собрались и подписали уставную грамоту, по которой они пріобрѣтали въ собственность 500 д. удобной земли за банковый долгъ, который должны платить въ теченіе 14 лѣтъ по 2 р. 4 к. съ души. Не знаю, заплатилъ-ли послѣ Бабкинъ долгъ, но когда, впослѣдствіи, я былъ членомъ Самарскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, то крестьяне аккуратно, каждый годъ въ февралѣ, привозили мнѣ эти деньги, и я ихъ вносилъ въ отдѣленіе банка.

Я получилъ письма, вслѣдствіе которыхъ мнѣ нужно было съѣздить въ Самару. Въ два дня я кончилъ свои дѣла въ Самарѣ и хотѣлъ уже ѣхать обратно, какъ случайно встрѣтился съ губернаторомъ. Онъ пригласилъ меня къ себѣ, чтобы переговорить о разныхъ дѣлахъ, между прочимъ спросилъ, куда я предполагалъ ѣхать отсюда.

Я отвѣчалъ, что ѣду въ Бѣсовку, имѣніе князей Дадіанъ, гдѣ уже сдѣлалъ предварительныя распоряженія ко вводу грамоты.

— Послушайте,—сказалъ губернаторъ,—я бы вамъ совѣтовалъ на нѣсколько времени отложить свою поѣздку въ Бѣсовку, а предварительно выслать туда военную команду.

Надо знать, что вскорѣ по обнародованіи Положенія въ Бѣсовкѣ вспыхнуло серьезное волненіе. Предводитель, который ѣздилъ усмирять волненіе, едва-едва ускакалъ отъ волновавшихся крестьянъ, затѣмъ волненіе приняло такіе размѣры, что посылали военную команду, и главные зачинщики, по приговору военнаго суда, были прогнаны сквозь строй.

Все это было до вступленія въ должность мировыхъ посредниковъ.

Я отвѣтилъ губернатору, что не вижу никакой надобности въ войскѣ, что я нѣсколько разъ бывалъ въ этой волости и нашелъ народъ совершенно спокойнымъ.

— По крайней мѣрѣ вытребуйте туда исправника, и пусть онъ наберетъ нѣсколько десятковъ безсрочныхъ.

Я и это предложеніе отклонилъ; объявивъ губернатору, что я разъ навсегда поставилъ себѣ за правило исполнять мои обязанности безъ содѣйствія полиціи, и если я сначала не встрѣтилъ ни разу надобности въ полиціи, то тѣмъ болѣе не нужна она мнѣ теперь, когда крестьяне уже достаточно ознакомились со мной.

— Ну, какъ хотите,—отвѣчалъ Арцимовичъ,—однако, надѣюсь, вы не откажете мнѣ въ просьбѣ прислать мнѣ нарочнаго и написать два слова, какъ пойдетъ у васъ дѣло со вводомъ грамоты, а то я все время не буду спокоенъ за васъ...

Обѣщавъ это исполнить, я съ нимъ простился, при чемъ онъ мнѣ сказалъ, что въ іюлѣ думаетъ произвести ревизію въ Ставропольскомъ уѣздѣ.

На другой день я выѣхалъ изъ Самары, но уже не на пароходѣ, а на почтовыхъ, въ Бѣсовку, куда и пріѣхалъ въ 8 час. вечера. Такъ какъ крестьяне князей Дадіанъ были мордва, то съ вечера я занялся съ писаремъ и священникомъ переводомъ уставной грамоты на мордовскій языкъ по пунктамъ. Утромъ собрались крестьяне, и я приступилъ къ повѣркѣ грамотъ. Такъ какъ земля отводилась та самая, которою они владѣли, отрѣзки не требовалось, и споровъ крестьяне никакихъ не заявляли, то грамота была введена въ тотъ же день. Я ее читалъ по пунктамъ по-русски, а затѣмъ каждый пунктъ грамоты писарь читалъ по-мордовски, послѣ чего я спрашивалъ крестьянъ, поняли-ли они и не имѣютъ-ли чего противъ этого сказать. Когда они отвѣчали, что поняли, и что написано вѣрно, то я переходилъ къ другому пункту. По окончаніи всѣхъ пунктовъ, я объявилъ грамоту утвержденной и введенною, и приказалъ старостѣ дѣлать разсчетъ на ра-

боты по грамотѣ. Староста оказался весьма толковымъ мужикомъ. Я выдалъ ему и въ контору книги на записку рабочихъ и пробылъ слѣдующій день, чтобы посмотрѣть, какъ будутъ работать крестьяне по грамотѣ.

Къ губернатору отправилъ нарочнаго съ извѣстіемъ, что грамота введена такъ тихо и покойно, какъ дай Богъ, чтобы удалось ввести и въ другихъ имѣніяхъ.

Вскорѣ я получилъ изъ Самары письмо, что Арцимовичъ назначенъ попечителемъ въ Одессу, а къ намъ губернаторомъ—Замятинъ, предсѣдатель Тульской палаты государственныхъ имуществъ. Такъ какъ, до прибытія новаго губернатора, не могла состояться ревизія волостныхъ правленій, а уставныя грамоты болѣе $^2/_3$ общаго числа были у меня введены, то я предположилъ ѣхать отдохнуть вмѣстѣ съ семействомъ на Сергіевскія сѣрныя воды, которыя отъ моего имѣнія всего въ 140 вер.

На сѣрныхъ водахъ я провелъ три недѣли и отдохнулъ отъ зимнихъ и весеннихъ занятій, которыхъ, по правдѣ сказать, было достаточно. Время проводилось на водахъ очень весело, много встрѣтилъ старыхъ моихъ казанскихъ знакомыхъ и товарищей, со многими познакомился на водахъ. Разъ какъ-то, когда я шелъ по саду къ водамъ, у самой галлереи мнѣ встрѣтилась дама уже пожилая, высокая, худая.

— Вы Луцкій?—спросила она меня.

— Да,—отвѣтилъ я ей.

— Вы посредникъ.

— Да.

— Что же это вы со мной надѣлали? Я отвела крестьянамъ землю, земля отличная, а вы послушали ихъ, забраковали, и заставляете меня вмѣсто 1.500 десятинъ, дать имъ 2.000. Я буду на васъ жаловаться министру.

— Позвольте мнѣ узнать вашу фамилію, сударыня.

— Я Шитцъ.

— Извините, сударыня, вы вѣроятно ошибаетесь, вашего имѣнія въ моемъ участкѣ нѣтъ.

— Я бугурусланская помѣщица.

— Помилуйте, сударыня, а я ставропольскій посредникъ.

— Это все равно, вы всѣ заодно. Имѣніе мое недалеко отсюда, извольте завтра же ѣхать и передѣлать, а то я на васъ буду жаловаться. Можетъ быть, вы и министра не боитесь? Я, милостивый государь, самому императору буду жаловаться, онъ не позволитъ такъ насъ, бѣдныхъ женщинъ, обижать.

Она такъ пристала, что я едва вырвался отъ нея. Прихожу домой,

а у меня за чаемъ сидитъ Бекетовъ, профессоръ Казанскаго университета, и Аристовъ, самарскій помѣщикъ, мой старый товарищъ по университету, и страшно хохочетъ, а когда я взошелъ, они обратились ко мнѣ съ вопросомъ.

— Что вырвался?

— Чортъ знаетъ, что такое!—отвѣчалъ я. Какая-то сумасшедшая ко мнѣ пристала.

— Это они напустили ее на тебя,—сказала мнѣ жена,—пришли ко мнѣ и говорятъ, что хотятъ чаю, я сказала, что жду тебя.

— Нѣтъ,—отвѣчали они,—вы его не скоро дождетесь, мы напустили на него Шитцъ: она теперь его не скоро отпуститъ.

— Да зачѣмъ же вы это дѣлаете?—спросилъ я.

— Да вотъ мы уже другой день не знаемъ, какъ отъ нея отвязаться. Она третьяго дня пріѣхала на воды, вчера и сегодня съ утра забралась къ намъ, сначала ко мнѣ,—сказалъ Аристовъ, потомъ къ Бекетову; не даетъ ни минуты покоя, все съ жалобами на крестьянъ и посредниковъ. Давеча идемъ съ ней, видимъ по другой аллеѣ идешь ты, мы ей и говоримъ: что вы все къ намъ пристаете, вонъ идетъ посредникъ, такъ вы всего лучше обратитесь къ нему. Онъ вамъ будетъ говорить, что онъ другаго уѣзда, не слушайте, это онъ, чтобы отвязаться, а они всѣ заодно, всякій можетъ дѣлать, что хочетъ.

Не успѣли они договорить послѣднихъ словъ, какъ она къ намъ во дворъ и на крыльцо. Я едва успѣлъ изъ противоположнаго окна выпрыгнуть на улицу, Бекетовъ выбросилъ мнѣ фуражку, и я пошелъ къ знакомымъ.

Возвратился часовъ въ 11 и узналъ, что она только-что ушла, страшно надоѣдала женѣ своими просьбами и жалобами, и обѣщалась на другой день утромъ опять придти. И, дѣйствительно, рано утромъ вновь явилась, но ей сказали, что я еще не возвращался, и вѣроятнѣе всего зашелъ къ знакомымъ. Такимъ образомъ я отъ нея отдѣлался.

Спустя нѣкоторое время, поѣхалъ я въ Самару, чтобы познакомиться съ новымъ губернаторомъ и переговорить о дѣлѣ въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи. Скоро я покончилъ тамъ дѣла, губернаторъ мнѣ объявилъ, что онъ на-дняхъ ѣдетъ къ намъ на ревизію волостей. Я просилъ его непремѣнно въ Никольскую волость, гдѣ, пользуясь его пріѣздомъ, я введу уставную грамоту, а иначе придется непремѣнно туда вводить команду, такъ какъ крестьяне и слышать не хотятъ о грамотѣ. Вообще у меня въ участкѣ, да и во всей нашей губерніи, какъ я слышалъ отъ другихъ посредниковъ, легко и удобно было вводить уставныя грамоты въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщики злоупотребляли своею властью и тѣснили крестьянъ, тамъ же, гдѣ

*

владѣльцы предоставляли крестьянамъ разныя льготы, напр.: у Трубецкаго, у Соллогуба, работниками считались отъ 18-ти до 50-ти лѣтъ, а свыше 50-ти уже на работу не выходятъ, женщины работали до 40 лѣтъ. Если же у женщины, хотя молодой, были маленькія дѣти и въ семьѣ не было другой женщины, то она отъ работъ освобождалась. Кромѣ того, крестьяне имѣли право свободной рубки дровъ и косьбы травы. Въ случаѣ пожара, кромѣ лѣса, выдавалась денежная помощь. Въ такихъ имѣніяхъ вводъ грамоты представлялъ страшное затрудненіе. Крестьяне ни за что не хотѣли принимать ихъ, оно и понятно: отъ уставныхъ грамотъ ихъ бытъ не только не улучшался, напротивъ, они теряли многое изъ своихъ прежнихъ правъ.

Губернаторъ горячо и долго спорилъ со мною относительно никольскихъ крестьянъ, доказывая, что нѣтъ никакой трудности ввести у нихъ грамоту, только нужно сумѣть за это взяться. Я ему отвѣчалъ, что лучше всего намъ не спорить, на мѣстѣ увидитъ самъ, что можно будетъ сдѣлать; скажу только одно, что если ему удастся своимъ вліяніемъ убѣдить крестьянъ принять грамоту и исполнить ее, то, не смотря на то, что я уже $1^1/_2$ года посредникомъ и въ 40 имѣніяхъ ввелъ грамоты,—охотно сознаюсь, что не сумѣлъ взяться за дѣло.

На другой день губернаторъ заѣхалъ ко мнѣ въ домъ мироваго съѣзда и просилъ меня ѣхать вмѣстѣ съ нимъ на ревизію по присутственнымъ мѣстамъ. Мы поѣхали въ уѣздное полицейское управленіе. Губернаторъ обратилъ вниманіе на какое-то дѣло и потребовалъ объясненія. Съ объясненіемъ выступилъ засѣдатель—Ѳедосеевъ. Этотъ человѣкъ всегда былъ засѣдателемъ съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ себя помнить. На объясненія его губернаторъ,—который былъ отличный юристъ,—сказалъ: «что вы мнѣ чепуху несете? Подайте такой-то томъ Св. Законовъ».

Ѳедосеевъ подалъ.

— Отыщите такую-то статью и читайте.

Ѳедосеевъ нашелъ, но отъ страха не могъ разобрать ни слова.

— Вы, можетъ быть, безъ очковъ не можете читать?

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Такъ отыщите очки, надѣньте и читайте.

Ѳедосеевъ ушелъ, явился въ очкахъ и мямлилъ про себя такъ, что ничего нельзя было понять. Замятинъ горячился.

— Да, читайте же, я вамъ говорю,—закричалъ онъ на него.

Я наклонился къ губернатору и на ухо сказалъ ему: «какъ вы требуете, чтобы онъ читалъ, когда человѣкъ сроду не носилъ очковъ, а теперь ихъ надѣлъ, и ничего не видитъ».

— Зачѣмъ же этотъ дуракъ надѣлъ ихъ?—спросилъ по-французски меня губернаторъ.

— Еще бы не надѣть,—отвѣчалъ я,—когда приказалъ губернаторъ, онъ привыкъ буквально исполнять всякое приказаніе.

Замятинъ расхохотался, велѣлъ снять очки, разъяснилъ, что слѣдовало сдѣлать, и уже спокойно продолжалъ ревизію. Отобѣдавъ у Замятина, я съ нимъ простился и сказалъ, что послѣ-завтра буду его ждать въ имѣніи Кроткова. Это послѣдняя волость 1-го участка, пограничная съ моимъ и всего въ 3-хъ верстахъ отъ Соллогубовскаго Никольскаго. Онъ обѣщалъ пріѣхать къ 8-ми часамъ.

Въ Кротковѣ былъ только предводитель да я. Губернаторъ пріѣхалъ, какъ и обѣщалъ, въ 8 часовъ вечера. Кротковъ ждалъ его съ чаемъ и легкой закуской. Вечеръ прошелъ незамѣтно, и мы послѣ ужина разошлись часовъ въ 12. На другой день мы собрались за чаемъ въ 7 часовъ утра, а въ 8 поѣхали въ Никольское. Исправникъ и становой поѣхали туда наканунѣ. Такъ какъ разстояніе было не болѣе 3-хъ верстъ, то мы черезъ $^1/_4$ часа были уже въ Никольскомъ. Всѣ крестьяне вышли навстрѣчу и ждали у рѣки Черемшана. Едва завидѣли губернатора, какъ встали на колѣни. Впереди стоялъ старшина съ хлѣбомъ-солью.

— Видите,—сказалъ губернаторъ,—съ какой покорностью эти люди встрѣчаютъ насъ, я пари держу, что черезъ полчаса вы съ ихъ согласія введете уставную грамоту.

— Дай Богъ, чтобы ваши слова сбылись.

Онъ вышелъ изъ экипажа, приказалъ крестьянамъ встать, принялъ отъ нихъ хлѣбъ-соль и началъ съ ними говорить объ ихъ хозяйствѣ; крестьяне, между прочимъ, жаловались ему на управляющаго за отрѣзку земли и другія безтолковыя распоряженія. Когда же губернаторъ имъ сказалъ, что они должны объ этомъ обратиться къ посреднику, то крестьяне отвѣчали:

— Да мы, поди, ужъ надоѣли Владиміру Константиновичу. Дай Богъ ему здоровья, онъ насъ въ обиду не даетъ и всякое дѣло разбираетъ, а все онъ не ты, ему надъ управляющимъ воли нѣтъ, а ужъ ты, ваше превосходительство, сократи его пожалуйста.

На это губернаторъ отвѣтилъ, что разберетъ на мѣстѣ дѣло, что о безпорядочныхъ дѣйствіяхъ управляющаго онъ слышалъ и отъ посредника.

— А вы,—говорилъ губернаторъ, обращаясь къ крестьянамъ,—теперь мнѣ здѣсь говорите, что всегда благодарны вашему посреднику за защиту, и что безъ него вамъ бы житья не было, такъ почему же вы его не слушаете и не вѣрите ему?

— Мы не вѣримъ ему!—закричали крестьяне,—что онъ прикажетъ, то и будетъ.

— Отчего же у васъ до сихъ поръ не введена уставная грамота, посмотрите, у сосѣдей вездѣ уже введена.

— У насъ о грамотѣ еще и рѣчи не было,—отвѣчали крестьяне.

— Ну, такъ я буду съ вами говорить,—ступайте въ барскій домъ и ждите меня.

Мы поѣхали впередъ, и я предложилъ губернатору безъ меня толковать съ крестьянами, а я въ это время займусь дѣлами въ другой половинѣ дома.

Не прошло и часу, какъ я услышалъ какой-то шумъ и крики; я пошелъ посмотрѣть, что дѣлается, ко мнѣ навстрѣчу шелъ губернаторъ, весь красный, внѣ себя.

— Помилуйте, Владиміръ Константиновичъ,—сказалъ онъ,—да вѣдь это разбойники; какъ вы съ ними ладите? Я сейчасъ же посылаю за военной командой. Они меня чуть не убили! Старшину сейчасъ же отрѣшите; я ихъ усмирю, я покажу имъ, какъ говорить дерзости.

Насилу я его успокоилъ и уговорилъ идти вмѣстѣ со мной въ отведенное намъ помѣщеніе и, вызвавъ къ себѣ старосту, приказалъ крестьянъ не распускать, такъ какъ губернаторъ будетъ еще съ ними говорить. Я просилъ его разсказать мнѣ, что тамъ было у него съ крестьянами.

— Помилуйте,—началъ онъ,—да вѣдь это чистые разбойники. Какъ вы рѣшаетесь ѣздить къ нимъ одни, они въ состояніи убить васъ.

— Ни васъ, ни меня они не убьютъ. Это не разбойники, а народъ фабричный, разбалованный при крѣпостномъ правѣ мошенниками-управителями. Они обкрадывали и обманывали графа на каждомъ шагу, а чтобы скрыть свои плутни и, чтобы крестьяне не доносили графу, они дозволяли крестьянамъ дѣлать все, что угодно. Посмотрите, у графа, при 18-ти тыс. десятинъ пахотной земли болѣе 6-ти тысячъ лѣсу. Лѣсъ этотъ, какъ я его помню, лѣтъ 15-ть тому назадъ, былъ строевой, годный для кораблестроенія, а теперь вы во всей дачѣ не найдете дерева въ 6-ть вершковъ. Крестьяне рубили его, кто сколько сможетъ. Крестьяне косятъ траву, гдѣ хотятъ, для себя пашутъ сколько угодно, а барская запашка ничтожная. Теперь посмотрите, изъ пашни у нихъ отрѣзали больше половины, луга и рыбныя ловли, по теперешнему Положенію, отходятъ, лѣса болѣе взять не имѣютъ права, слѣдовательно, Положеніе 19-го февраля ухудшаетъ ихъ настоящій бытъ; въ будущее они не смотрятъ. Вотъ теперь и рѣшите сами, могутъ-ли они, не говорю съ удовольствіемъ, а безропотно подчиниться новому Положенію.

— Что же вы будете дѣлать?—спросилъ меня Замятинъ.

— Будемъ обѣдать, такъ какъ мы съ 7-ми часовъ ничего не ѣли, а теперь уже 4 часа.

— Да вѣдь надо съ ними кончить,—прервалъ губернаторъ,—придумайте что-нибудь.

— Не могу придумать—голоденъ, вотъ послѣ обѣда придумаю.

Замятинъ разсмѣялся.

— Ну, въ такомъ случаѣ будемъ обѣдать.

Послѣ обѣда я просилъ губернатора не выходить къ крестьянамъ и не принимать ихъ повѣренныхъ, если они къ нему придутъ, до тѣхъ поръ, пока я ему не скажу; и затѣмъ я ушелъ въ свои комнаты. Меня уже дожидались крестьяне, въ томъ числѣ и Лысый.

— Что вамъ надо?—спросилъ я.

— Да мы вотъ къ тебѣ, Владиміръ Константиновичъ, мы, кажется, разсердили губернатора.

— Еще бы не разсердить, онъ пріѣхалъ къ вамъ, чтобы смѣнить вашего управляющаго, устроить васъ съ помѣщикомъ, а вы надѣлали ему грубостей. Теперь онъ не будетъ уже больше говорить съ вами, да и я тоже, а съ вами будетъ говорить военная команда, за которой посылаетъ губернаторъ. Ступайте и скажите это сходу.

— Ну, ладно, мы тебя знаемъ, ты военную команду къ намъ не пришлешь, ты это вѣдь такъ только говоришь: развѣ ты захочешь разорить насъ, ты вотъ что сдѣлай—умиротвори губернатора, чтобы уже онъ не сердился, а насъ научи, что дѣлать.

— Съ губернаторомъ я говорить не буду, это ваше дѣло, а не мое а коли хотите меня послушать, такъ вотъ что сдѣлайте: выберите отъ схода человѣкъ 5 стариковъ, пошлите ихъ къ губернатору просить прощеніе и сказать, что міръ покоряется и грамоту принимаетъ.

— Да, вотъ что: у насъ почитай, Владиміръ Константиновичъ, душъ 900 хотѣли на оброкъ, а душъ съ сотню—на издѣльную, какъ тутъ быть?

— Это уже мое дѣло, а не ваше; только не упрямьтесь, принимайте грамоту.

— Да ужъ упрямиться мы не будемъ, одна бѣда съ нашимъ нѣмцемъ, опять у насъ непорядки выдутъ.

— Кабы вы сначала не дурили, такъ и нѣмца этого у васъ давно бы не было. Я бы попросилъ губернатора, и онъ смѣнилъ бы его [1]).

— Владиміръ Константиновичъ, ты только намъ смѣсти его, все сдѣлаемъ.

— Нѣтъ, ребята, я съ вами торговаться не буду. Вы сдѣлайте прежде то, что я требую отъ васъ по царскому закону, а тамъ можетъ быть и я упрошу губернатора сдѣлать вамъ милость.

Слова мои подѣйствовали. Депутаты отправились къ губернатору. Онъ долго ихъ не принималъ, наконецъ, поздно вечеромъ, грамота была введена. Губернаторъ простилъ крестьянъ и уволилъ отъ должности управляющаго. Наконецъ, у меня свалился этотъ камень!..

---

[1]) Я такъ смѣло говорилъ потому, что у насъ уже было согласіе графа Соллогуба на увольненіе управляющаго.

Ночевать мы уѣхали къ Кротову съ тѣмъ, чтобы завтра выѣхать къ князю Трубецкому и въ Муховку. Къ князю велѣлъ я пріѣхать суходольскому и бѣсовскому волостнымъ старшинамъ и старостамъ, чтобы избавить отъ поѣздки губернатора въ эти волости. Вмѣстѣ съ ними велѣлъ пріѣхать по 12-ти человѣкъ домохозяевъ, уполномоченныхъ для этого приговоромъ сельскаго общества. Я уѣхалъ часа въ 4 въ Муховку прежде губернатора, былъ на мѣстѣ къ 6-ти часамъ, собралъ немедленно сходъ у волостнаго правленія и ожидалъ губернатора, который пріѣхалъ въ 7 часовъ.

Не только домъ князя Трубецкаго, но весь обширный дворъ и улицы Муховки были уставлены плошками, а за деревнею горѣли смоляныя бочки. Губернаторъ подъѣхалъ прямо къ сходу, принялъ хлѣбъ-соль и спросилъ, введена-ли грамота. Староста отвѣтилъ, что нѣтъ еще. Тогда губернаторъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, почему не введена и что, вѣроятно, крестьяне упрямятся. Я отвѣчалъ, что у меня съ крестьянами все давно улажено, но не ввожу оттого, что не могу согласиться на условія, требуемыя владѣльцемъ, относительно отрѣзки части надѣла; что, по не особенно хорошему качеству земли, его слѣдовало бы оставить у крестьянъ и по высокой платѣ, предъявленной владѣльцемъ за топливо. Если владѣлецъ оставитъ эту землю у крестьянъ и понизитъ плату, то я немедленно введу грамоту, а до тѣхъ поръ не введу.

— Это точно, ваше превосходительство, говорили крестьяне. Владиміръ Константиновичъ насъ въ обиду не дастъ, ты ужъ ему предоставь, мы все сдѣлаемъ, какъ онъ прикажетъ.

— Да я и не мѣшаю,—отвѣчалъ губернаторъ,—дѣлайте съ вашимъ посредникомъ какъ знаете, только слушайтесь его не такъ, какъ никольскіе.

— Никольскіе, ваше превосходительство, одно слово подлецы. Ихъ пороть, да пороть надо; а мы, вотъ какъ: скажетъ Владиміръ Константиновичъ отдай эту землю барину, и отдадимъ; велитъ эту взять—возьмемъ. Одно слово, что велитъ, то и сдѣлаемъ.

— Ну ладно, ребята, спасибо,—сказалъ губернаторъ,—теперь покуда прощайте; и мы поѣхали въ домъ князя Трубецкаго.

Когда мы пріѣхали къ нему, было уже 9-ть ч. вечера. Домъ былъ убранъ отлично, хозяйка ждала насъ за чаемъ, гостей было множество; въ числѣ ихъ и мой товарищъ, посредникъ, Наумовъ, съ своимъ отцомъ. Панчулидзевскіе музыканты (человѣкъ 30) играли великолѣпно.

Провели вечеръ отлично, послѣ ужина разошлись по комнатамъ, часа въ два ночи. Губернаторъ пришелъ ко мнѣ.

— Знаете что,—сказалъ онъ,—я много слышалъ отъ князя, но далеко не представлялъ себѣ то, что сегодня видѣлъ, вѣдь это волшебство! Посмотрю, что вы мнѣ покажете завтра.

— Завтра,—сказалъ я,—мы ѣдемъ въ Озерскую волость, и я вамъ покажу Плюшкина, Ноздрева и Коробочку въ лицахъ.

— Ну, вотъ, Владиміръ Константиновичъ, вы и не умѣете жить; развѣ такъ дѣлаютъ, вамъ слѣдовало меня везти туда прежде, а потомъ сюда, иначе хорошее впечатлѣніе изгладится.

— Что же дѣлать, такъ вышло. Въ Озеркахъ я съ вами разстанусь.

— Какъ? Развѣ вы не поѣдете къ Наумову?

— Не могу,—отвѣчалъ я,—не зная заранѣе о вашемъ пріѣздѣ, я на послѣзавтрашнее число назначилъ разбирательства четырехъ дѣлъ въ Матюшкинѣ, вызвалъ и крестьянъ и управляющихъ, а откладывать и отмѣнять не въ моихъ правилахъ.

— Это я и безъ васъ знаю,—отвѣчалъ губернаторъ,—и хотя очень желалъ бы еще провести съ вами нѣсколько дней, но и не подумаю упрашивать, знаю напередъ, что откажете. Однако прощайте, заболтался, пора и спать, а какъ мы завтра поѣдемъ?

— Мы выѣдемъ въ 12-ть ч., а въ 2 пріѣдемъ въ Озерки, часовъ въ 5-ть вы выѣдете оттуда, а въ 7-мь часовъ будете у Наумовыхъ.

На другой день, послѣ великолѣпнаго завтрака, мы выѣхали въ Озерки, гдѣ губернаторъ пробылъ часа два, разговаривалъ со старшиною и старостами и уѣхалъ къ Наумову. Мы разстались съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

На слѣдующій день, окончивъ разборъ дѣлъ, поѣхалъ я домой. Грамоты у меня въ участкѣ,—кромѣ 2-хъ, о которыхъ велись переговоры съ губернскимъ присутствіемъ, были введены вездѣ, и я, въ сравненіи съ прежнимъ, былъ далеко менѣе обремененъ дѣлами. Оставались только очередныя поѣздки на съѣздъ, объѣзды волостей, — шло все весьма покойно и хорошо. Но вотъ забывный случай въ Бѣсовской волости: возвращаясь со съѣзда, заѣзжаю туда. Вечеромъ въ волостное правленіе (я никогда и нигдѣ не останавливался у помѣщиковъ, избѣгая, чтобы крестьяне чего не заподозрили въ этомъ) приходитъ нѣсколько стариковъ.

— Что ты съ нами сдѣлалъ, Владиміръ Константиновичъ,—говорили они,—ты насъ по міру пустилъ, такъ нельзя работать, съ голоду умремъ.

— Какъ съ голоду умрете, что это значитъ?

— Да какже! ты зачѣмъ таку уставную грамоту давалъ: пахать одну борозду сохой, а другую плугомъ; такъ ничего родить не будетъ; снять нельзя, ты самъ хозяинъ.

— Что за вздоръ! Гдѣ это написано въ уставной грамотѣ? — покажи!

— Это въ уставной грамотѣ ты не писалъ, а писалъ работать по Положенію, а въ Положеніи такъ написано. Извѣстно, нашъ батюшка царь самъ не работаетъ и не знаетъ, какъ надо пахать, онъ такъ это

и подписалъ, не знавши; а ты намъ зачѣмъ не сказалъ? мы бы не взяли грамоту.

— Чортъ васъ знаетъ, что вы за чепуху городите! Кто вамъ это читалъ? Откуда? Изъ какой книги?

— Изъ Положенія, что ты намъ далъ.

— Поди принеси его.

Крестьяне ушли; я позвалъ писаря.

— Что они толкуютъ? Я ничего не понимаю; не знаешь-ли ты?

— Не знаю, ваше высокородіе. Назадъ тому недѣли двѣ начали они объ этомъ толковать. Соберутся на сходъ и плачутъ, инда жалко смотрѣть, говорятъ, что съ голоду умрутъ. Къ вамъ донесенія не посылали, знали, что вы заѣдете. Говорятъ, что имъ солдатъ вычиталъ это въ Положеніи.

Крестьяне принесли Положеніе.

— Въ этой книгѣ онъ вамъ читалъ?—спросилъ я.

— Въ этой,—отвѣтили они.

— Гдѣ онъ читалъ? Сначала въ серединѣ или въ концѣ?

— Съ самаго какъ есть начала.

— Ну, ребята, теперь ступайте домой, ложитесь спать, а завтра, какъ солнце взойдетъ, такъ соберитесь полнымъ сходомъ сюда, и я съ вами потолкую.

Отпустивъ ихъ, я съ первой страницы, начиная съ оглавленія, принялся читать. Меня страшно тревожилъ подобный глупый слухъ, вдругъ я напалъ на это мѣсто.

Въ манифестѣ было сказано: «обнимая нашею царскою любовью всѣхъ проводящихъ борозды по полямъ сохою и плугомъ». Тутъ я понялъ въ чемъ дѣло, закрылъ книгу и ушелъ спокойно спать а въ 6-ть часовъ утра уже былъ на сходѣ.

Смотрю, моя мордва стоитъ, насупившись, грустные, смотрѣть на нихъ жалко.

— Здорово, старики!

— Здравствуйте, ваше благородіе,—отвѣчаетъ староста.

— А что, ребята, не хочется пахать по Положенію одну борозду сохою, а другую плугомъ?

Мордва молчитъ.

— Ну, слушайте теперь меня: то, что вамъ читалъ солдатъ, я прочитаю. Прочитавъ, я спросилъ: это тѣ самыя слова?

— Это, это, батюшка!—закричали они.

— Вотъ теперь я съ вами буду говорить; вы кто?

Мордва смотритъ на меня съ недоумѣніемъ и ничего не отвѣчаетъ.

— Я спрашиваю васъ, кто вы? Русскіе? Татары? Чуваши? Ну, кто е вы?

— Мы мордва,—отвѣтили тогда они.

— А чѣмъ вы пашете землю?

— Сохами.

— А гдѣ живетъ вашъ царь?

— Въ Петербургѣ.

— И такъ, вы мордва, пашете сохою, а царь живетъ въ Петербургѣ, такъ?

— Такъ, такъ.

— Деревню «Борокъ» знаете?

— Знаемъ, и Старый и Новый Борокъ знаемъ.

— Кто тамъ живетъ?

— Тамъ живутъ татары.

— Чѣмъ они пашутъ землю?

— Сабанами.

— Гдѣ ихъ царь живетъ?

— Въ Петербургѣ.

— Ладно. Въ Борокѣ живутъ татары, пашутъ сабанами, царь у нихъ живетъ въ Петербургѣ. Въ Николаевскомъ уѣздѣ бывалъ кто изъ васъ?

— Я былъ, я былъ,—отвѣтили человѣкъ пять.

— Хохловъ знаете? видали?

— Знаемъ,—отвѣчала мордва.

— Чѣмъ они пашутъ землю?

— Плугомъ, на волахъ; ихъ нанималъ сюда и нашъ князь. Они работали здѣсь.

— А гдѣ ихъ царь живетъ?

— Извѣстно, ихъ царь—нашъ царь, живетъ въ Петербургѣ.

— Ну, вотъ и слушай: вы, мордва, въ Борокѣ, татары—въ Никольскомъ уѣздѣ, хохлы—въ Малороссіи; царь у всѣхъ одинъ—въ Петербургѣ. Онъ и говоритъ всѣмъ: я васъ всѣхъ люблю, мнѣ всѣ равны, что тѣ, которые пашутъ плугами, что тѣ, которые пашутъ сохами, всѣмъ даю землю, работайте, работайте по-своему. Вотъ это что, а не то, что вамъ пьяный дуракъ толковалъ, чтобы одну борозду пахать сохой, а другую плугомъ.

Между мордвой пошли толки. Не прошло 2-хъ—3-хъ минутъ, какъ они замѣтно повеселѣли и подошли ко мнѣ.

— Вотъ тебѣ большое за это спасибо; вотъ это хорошо, ай, какъ хорошо.

Такимъ образомъ недоразумѣніе уладилось. Мордва успокоилась, и я уѣхалъ домой.

Черезъ нѣсколько времени мнѣ пришлось ѣхать въ Озерки. Тамъ

опять вышла пресмѣшная сцена съ П. Г. Пе—ко. Это было великимъ постомъ. Пріѣзжаю туда, только-что сѣлъ за самоваръ пить чай, смотрю: входитъ ко мнѣ Петръ Григорьевичъ, а вслѣдъ за нимъ его крестьяне и староста.

— Вы что пришли?—спросилъ я старосту.

— Да къ тебѣ, Владиміръ Константиновичъ.

— Прикрикни на подлецовъ,—сказалъ онъ, указывая на крестьянъ. Всѣ лапти отбилъ. Вѣдь у нашего (указывая на барина) щи варятъ по уставной грамотѣ.

— Какъ щи варятъ по уставной грамотѣ?

—Да какже, развѣ у него какой чортъ уживется. Ну, вотъ каждый день и посылаю къ нему бабу щи варить.

— Ну, такъ тебѣ что за дѣло? У тебя въ уставной грамотѣ сказано, сколько бабъ каждый день посылать на работу барскую, ты, и высылай, а что имъ велятъ дѣлать—хлѣбъ молотить, снѣгъ сбрасывать, щи варить, ужъ это не твое дѣло.

— Такъ-то такъ. Да вотъ какъ придетъ воскресенье, никто нейдетъ щи поварить.

— А въ воскресенье ты какое имѣешь право дѣлать нарядъ? Въ воскресенье работы нѣтъ.

— Слышь, староста,—заговорили крестьяне; въ будни мы не споримъ, куда хошь посылай, вездѣ пойдемъ, а въ воскресенье ты къ намъ и носа не показывай, бабъ не дадимъ...

— Помилуйте, батюшка, Владиміръ Константиновичъ,—заговорилъ Пе—ко,—что же я буду ѣсть въ воскресенье? А вѣдь я имъ послѣ этого день засчитываю.

— А это, Петръ Григорьевичъ, ихъ и ваше полюбовное дѣло. Согласитесь вы съ ними, очень радъ, а не согласны будутъ, ихъ заставить работать въ воскресенье—нельзя.

— Намъ не нужно твоего дня. Въ воскресенье мы бабъ не дадимъ.

— Оно конечно, Владиміръ Константиновичъ,—говорилъ Петръ Григорьевичъ,—одно воскресенье ничего, можно и не пообѣдать, но вотъ скоро приходитъ Пасха, какже цѣлую недѣлю ничего не ѣсть?

— Ну, ужъ это ваше дѣло, Петръ Григорьевичъ, я вамъ помочь не могу.

Вотъ еще черта характера этого Плюшкина. Приходитъ ко мнѣ старуха, лѣтъ 70, съ жалобой на Пе—ко.

— Ты что?—спросилъ я ее.

— Я, батюшка, живу у него по найму въ птичницахъ.

— А что получаешь?

— 50 коп. въ мѣсяцъ.

— Ну, и этого много тебѣ.

— Да я, батюшка, ничего, я довольна, только онъ мнѣ часто ихъ

не платитъ, а все вычитаетъ: то, говоритъ, утенокъ пропалъ, то, говоритъ, гусенка нѣтъ, и все записываетъ, придетъ мѣсяцъ, а онъ и даетъ мнѣ либо пятакъ, либо гривну, а остальное все вычитываетъ. Такъ вели отдать.

— Дура ты, какже я разсужу. Вотъ кабы ты утромъ, какъ погонишь птицу, пересчитала бы ее, да и вечеромъ, какъ пригонишь, опять пересчитала бы, а то я почемъ знаю, можетъ быть у тебя и пропадаютъ утята.

— Пробовала, батюшка, считать, не велитъ; не смѣй, говоритъ, барское добро сглазишь.

Я опредѣлилъ, чтобы Пе—ко уплатилъ ей одинъ руб. за два мѣсяца, и старуха осталась довольна. Съ нимъ было тѣмъ покойно, что онъ всегда исполнялъ постановленія посредника, а жаловаться въ съѣздъ никогда не думалъ оттого, что при жалобѣ слѣдовало представить копію съ опредѣленія, а за копію платили по 15 коп. съ листа.

Въ эту зиму былъ у насъ первый рекрутскій наборъ послѣ Крымской кампаніи. Народъ совсѣмъ отвыкъ отъ порядка набора, да и прежде въ рекруты назначалъ помѣщикъ, а тутъ приходилось самимъ крестьянамъ. Я рѣшительно не жилъ дома, крестьяне упрашивали, чтобы непремѣнно я лично присутствовалъ на сходахъ и разъяснялъ порядокъ назначенія въ рекруты. Я принялъ такой порядокъ. Сначала мнѣ сами крестьяне указывали семьи и составляли сходъ, который и опредѣлялъ изъ какой семьи взятъ рекрутъ. Дѣло обошлось весьма хорошо, такъ что изъ моего участка не поступило ни одной жалобы.

Въ концѣ 6-ой недѣли великаго поста я вернулся домой и встрѣтилъ Пасху въ своей семьѣ. На Святой недѣлѣ вдругъ съ нарочнымъ получаю письмо отъ губернатора, гдѣ онъ спрашиваетъ моего согласія на занятіе должности члена отъ правительства въ губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи вмѣсто Д. Н. Рычкова, который подалъ въ отставку. Это было въ 1863 году, семейство мое состояло изъ 2-хъ сыновей и 3-хъ дочерей, требовавшихъ воспитанія.

Нужно было нанимать учителей, но при ограниченномъ состояніи я не могъ пригласить ихъ въ домъ. Въ виду этого, переговоривъ съ женой, я написалъ Замятину, что занять эту должность согласенъ. Дня черезъ два послѣ этого опять нарочный изъ Самары. Получаю на этотъ разъ письмо губернскаго предводителя, который приглашаетъ въ чрезвычайное дворянское собраніе. Въ другой бы разъ пожалуй и не поѣхалъ, но теперь пришлось кстати, и съ губернаторомъ повидаться, и квартиру поискать.

Пріѣхавъ въ Самару, я тотчасъ отправился къ губернатору. Онъ познакомилъ меня съ своей женой, Елисаветой Андреевной, родной сестрой графа Дмитрія Андреевича Толстаго, бывшаго министра народнаго просвѣщенія, а потомъ внутреннихъ дѣлъ. Это была чудная жен-

щина умная, добрая, милая, радушная. Она съ перваго раза приняла меня какъ роднаго.

Я пріискалъ квартиру, написалъ женѣ, чтобы она пріѣхала пока одна осмотрѣть и если понравится, то тогда возвратилась бы въ деревню распорядиться перевозкою мебели и вообще всего хозяйства.

Вскорѣ пріѣхала жена. Мы наняли квартиру помѣсячно, въ надеждѣ найти потомъ болѣе удобную, и затѣмъ собрались ѣхать въ деревню, заняться укладкою вещей для переѣзда. Въ это время пришло высочайшее соизволеніе о назначеніи меня членомъ губернскаго присутствія, и Замятинъ просилъ меня скорѣе вернуться. Я далъ ему слово проѣздить не болѣе недѣли. И дѣйствительно черезъ недѣлю я былъ въ Самарѣ, но все еще одинъ.

На первыхъ порахъ принялся знакомиться съ дѣлопроизводствомъ присутствія.

Всѣ дѣла были раздѣлены между 4-мя членами. Самаринъ завѣдывалъ дѣлами по жалобамъ на мировыхъ посредниковъ по четыремъ уѣздамъ, Рычковъ тоже этими дѣлами по тремъ уѣздамъ, Тургеневъ повѣркою уставныхъ грамотъ, Сосновскій выкупными договорами. Но Тургеневъ никогда не жилъ въ Самарѣ, и дѣла его были раздѣлены между Самаринымъ и Рычковымъ. Въ это время Самаринъ тоже подалъ въ отставку, и на его мѣсто еще никто не былъ приглашенъ, такъ что всѣ дѣла, которыя были у Самарина, Рычкова и Тургенева, перешли ко мнѣ, а у Сосновскаго остались только по выкупу. Секретаремъ былъ у насъ Павелъ Григорьевичъ Рождественскій, очень способный молодой человѣкъ. Въ губернскомъ присутствіи секретарю никогда не поручалось составить ни одной бумаги, онъ не писалъ рѣшенія ни по одному дѣлу, все это исполнялось и докладывалось членами. Такой порядокъ удержалъ и я. Засѣданія были разъ въ недѣлю по четвергамъ, въ квартирѣ губернатора, и начинались въ 6 часовъ послѣ обѣда и нерѣдко продолжались за полночь. При первомъ же засѣданіи обнаружилось, что къ моимъ докладамъ сочувственно относятся губернаторъ и прокуроръ, такъ какъ они вполнѣ раздѣляли мой взглядъ на дѣло. Сосновскій тоже никогда не противорѣчилъ, если мое опредѣленіе не расходилось съ мнѣніемъ Самарина по подобному дѣлу. Какъ только же онъ замѣчалъ, что я не придерживаюсь толкованія Самарина, тотчасъ возставалъ. Причины возраженія всегда были одни: «Юрій Ѳедоровичъ это дѣло не такъ бы рѣшилъ», а почему не такъ, онъ объяснить не могъ. Юрій Ѳедоровичъ былъ для него святыня. Впрочемъ, въ концѣ концовъ всегда соглашался и ни по одному дѣлу не подавалъ мнѣнія. Съ губернскимъ предводителемъ было другое дѣло. Тотъ всегда являлся защитникомъ дворянъ. Былъ-ли помѣщикъ правъ или нѣтъ, для него было безразлично, и когда составлялось рѣшеніе, то

онъ заявлялъ, что онъ при особомъ мнѣніи. Пріѣзжая на другой день въ канцелярію, я сначала спрашивалъ секретаря, прислалъ-ли предводитель мнѣніе, на что получалъ въ отвѣтъ:

— Полноте, Владиміръ Константиновичъ, онъ никогда не пришлетъ, и завтра, когда я заявлю ему, что сегодня послѣдній день для подачи мнѣнія, онъ безъ отговорокъ подпишетъ журналъ.

И, дѣйствительно, это такъ было постоянно. Я три года былъ членомъ губернскаго присутствія, почти каждое засѣданіе между мною и предводителемъ происходили споры, и ни разу особаго мнѣнія онъ не подалъ.

На мѣсто Самарина былъ приглашенъ Валерій Ивановичъ Чарыковъ, человѣкъ очень богатый, весьма добрый, но пунктуальный до мелочей.

Сообщ. **О. В. Червинская.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Любители музъ въ Аѳинахъ.

Переводъ письма графа Каподистріи кн. Волконскому.

19-го (31-го) января 1815 г. Вѣна.

Государь императоръ, узнавъ объ учрежденіи общества любителей музъ, вновь заведеннаго въ Аѳинахъ, и въ ободреніе наукъ соизволилъ участвовать въ открытой подпискѣ, на пользу сего благотворительнаго учрежденія. Его величество повелѣлъ мнѣ подписаться отъ высочайшаго его имени на годовую подписку 200 червонныхъ и обратиться къ вашему сіятельству для взносу суммы сей черезъ посредство мое въ центральную контору означеннаго общества, составленную здѣсь, въ Вѣнѣ.—Я долгомъ поставляю препроводить при семъ къ вашему сіятельству планъ учрежденія [1]), съ спискомъ подписчиковъ, участвующихъ въ здѣшней столицѣ, и надѣюсь, что предпріятіе сіе по пользѣ своей присовокупитъ къ числу оныхъ и имя ваше.

Въ сентябрѣ 1815 года контора любителей музъ была переведена въ Мюнхенъ.

---

[1]) Приложеній въ нашихъ рукахъ не имѣется.

Характеристика декабристовъ Кюхельбекера, Торсона и Фаленберга.

(Изъ ежегоднаго отчета пастора Буцка (Butzka). Выписка изъ книги Евангелическо-лютеранской церкви въ Иркутскѣ).

I.

Донесеніе 1851 года [1]).

Баргузинъ 540 в. отъ Иркутска (на сѣверо-восточномъ прибрежьѣ Байкала). Государственный преступникъ Кюхельбекеръ.

Можетъ явиться вопросъ, принесли-ли какую-нибудь пользу Сибири декабристы послѣ того, какъ они были освобождены отъ каторжныхъ работъ въ Петровскѣ и поселены въ различныхъ городахъ Сибири! Ихъ высокое умственное развитіе и полный досугъ вполнѣ оправдываютъ подобное ожиданіе. Въ настоящее время въ восточной Сибири находится въ живыхъ всего трое декабристовъ-лютеранъ, о коихъ здѣсь только и можетъ быть рѣчь. Одинъ изъ нихъ—Карлъ Кюхельбекеръ, живущій въ Баргузинѣ. Въ отношеніи религіи онъ отличается, повидимому, полнымъ индифферентизмомъ; ибо, хотя онъ не пріобщался св. тайнъ съ 1838 года, когда въ Баргузинѣ былъ послѣдній разъ пасторъ Фрюауфъ (Früauf), но онъ не выразилъ, къ моему удивленію, особеннаго удовольствія, получивъ возможность приступить къ св. причастію. Но за то величайшаго уваженія заслуживаетъ изумительная энергія, съ какою онъ приходитъ на помощь страждущему человѣчеству, оказывая медицинскую помощь населенію Баргузина и его окрестностей, гдѣ нѣтъ ни одного врача по профессіи: удачнымъ лѣченіемъ больныхъ, а еще болѣе своимъ полнѣйшимъ безкорыстіемъ и самоот-

[1]) Число и мѣсяцъ не обозначены.

верженіемъ, свидѣтельствующимъ объ его истинномъ человѣколюбіи, онъ снискалъ уваженіе, любовь и почтеніе какъ самыхъ высокопоставленныхъ, такъ и самыхъ бѣдныхъ лицъ, словомъ, всѣхъ тѣхъ, кто его знаетъ и кто испыталъ лично на себѣ его доброту. Эта похвала не преувеличена, хотя я не могу судить о побужденіяхъ, коими онъ руководствуется въ своихъ поступкахъ; то, чего въ немъ недостаетъ, съ одной стороны по недостатку твердой вѣры, то обнаруживается съ другой стороны еще ярче путемъ его дѣятельной любви къ ближнимъ, такъ что онъ заслуживаетъ въ этомъ отношеніи полнаго уваженія, и лютеранская вѣра, къ которой онъ принадлежитъ, можетъ имъ гордиться.

На мою долю выпала радостная обязанность сообщить ему, сначала письменно, а затѣмъ устно извѣстіе о томъ, что ему дозволено, въ видѣ особой монаршей милости, оставить свое теперешнее мѣстопребываніе и переселиться, по желанію, въ любое мѣсто Иркутской губерніи; но онъ не думаетъ воспользоваться этимъ дозволеніемъ потому, что онъ смотритъ, и вполнѣ основательно, на свою настоящую дѣятельность въ Баргузинѣ какъ на призваніе.

Селенгинскъ (также Забайкальской области). Государственный преступникъ Торсонъ съ матерью и сестрою. Торсонъ—второй изъ оставшихся въ живыхъ декабристовъ лютеранскаго вѣроисповѣданія въ Восточной Сибири. Это человѣкъ весьма благородный, хотя его христіанскіе взгляды, надобно сознаться, не вполнѣ соотвѣтствуютъ догматамъ церкви. Онъ старъ, часто прихварываетъ и нуждается въ посторонней помощи; его мать, которой уже около девяноста лѣтъ, бодрѣе сына, хотя отъ старости она уже почти оглохла. Вся семья живетъ тихо и уединенно и пріобщается св. тайнъ всегда съ благоговѣніемъ.

II.

Донесеніе 23-го мая 1852 г.

Въ послѣднемъ донесеніи, посланномъ изъ-за Байкала, было упомянуто о томъ, что изъ декабристовъ-лютеранъ осталось въ живыхъ въ Восточной Сибири всего трое. Послѣ того, въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года, скончался въ Селенгинскѣ Торсонъ; слѣдовательно, кромѣ Кюхельбекера, въ Баргузинѣ находится въ настоящее время только одинъ Фаленбергъ. Онъ живетъ въ селеніи Шуша, въ 63 верстахъ къ югу отъ уѣзднаго города Минусинска (Енисейской губерніи). Это, кажется, единственный изъ декабристовъ, не принимавшій

лично участія въ событіи 14-го декабря, но пострадавшій въ силу стеченія разныхъ обстоятельствъ по самообвиненію. Написанная имъ собственноручно, по-русски, послѣдняя исповѣдь несчастнаго Петра Фаленберга заслуживала бы быть обнародованною для оправданія его передъ потомствомъ и какъ вещь любопытная психологически. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, для коихъ несчастье, по неисповѣдимымъ путямъ Господнимъ, служитъ ко благу, душевному совершенству и къ христіанскому смиренію. Простота, скромность, чистосердечіе, душевная бодрость составляютъ отличительныя черты его характера. Своею сдержанностью при сужденіи и бесѣдѣ о политикѣ онъ отличается самымъ выгоднымъ образомъ отъ своихъ сотоварищей по несчастью. Отъ его брака съ казачкой изъ Саянска, которую онъ самъ обучилъ и образовалъ, у него двое дѣтей, которыхъ онъ воспитываетъ просто и въ страхѣ Божіемъ. Средства его весьма ограничены, единственное его достояніе составляетъ доходъ съ табачной плантаціи, съ которой онъ получаетъ ежегодно около сорока пудовъ табаку (Минусинскій уѣздъ плодороднѣйшая мѣстность). Весною 1851 г., во время разлива Енисея, когда у этой рѣки образовался новый рукавъ, который, разрушивъ нѣсколько домовъ, отдѣлилъ часть селенія Шуши отъ остальнаго жилья, плантація Фаленберга была затоплена и уничтожена. Жители Красноярска быстро собрали ему въ пособіе довольно значительную сумму денегъ; это доказываетъ, какою любовью и уваженіемъ онъ пользуется во всей округѣ.

Сообщ. баронъ **Николай Таубе**.

Письмо Г. Р. Державина къ генералъ-прокурору П. Х. Обольянинову о формѣ одежды губернскихъ чиновниковъ.

17-го января 1801 г.

Милостивый государь мой Петръ Хрисанфовичъ!

Бѣлорусскій вице-губернаторъ г. статскій совѣтникъ Энгельгардъ испрашиваетъ моего разрѣшенія, въ какихъ мундирахъ опредѣляемые изъ полковъ гвардіи въ Бѣлорусскую губернію счетчики должны быть: въ тѣхъ-ли, каковые положены въ губерніи, или по прежней ихъ службѣ, и съ какою обувью; ибо въ теченіе нынѣшняго года ожидаютъ тамо высочайшаго государя императора шествія чрезъ Бѣлорусскую губернію, то дабы къ тому времени счетчики могли быть надлежащимъ образомъ обмундированы. А какъ въ высочайшемъ его императорскаго величества повелѣніи, объявленномъ Правительствующему Сенату 25-го числа марта 1800 года вашимъ высокопревосходительствомъ, предписано только, дабы при казнѣ опредѣленные присяжные таковыми не именовались, а назывались, по-прежнему, счетчиками, что жъ касается до мундировъ ихъ и обуви, то въ томъ указѣ ничего о томъ не сказано, почему я, съ моей стороны, и побуждаюсь отнестись къ вашему высокопревосходительству съ покорнѣйшею моею просьбою о снабженіи меня въ семъ случаѣ надлежащимъ разрѣшеніемъ, дабы я, основываясь на ономъ, могъ сдѣлать мой отзывъ, какъ упомянутому бѣлорусскому вице-губернатору, такъ, для единообразнаго въ ономъ поступленія, предписать о томъ и всѣмъ казеннымъ палатамъ. Пребываю и проч.

Обольяниновъ отвѣтилъ, что «какъ въ указѣ 1800 г. марта 28-го ничего о мундирахъ для счетчиковъ не сказано, а указомъ 1797 г. февраля 15-го дня повелѣно всѣмъ служащимъ въ губерніи по статской службѣ носить общіе губернскіе мундиры, то за симъ уже особаго разрѣшенія дать не можно».

Сообщ. Н. А. Мурзановъ.

А. А. КАВЕЛИНЪ

И ПИСЬМА КЪ НЕМУ

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

(Впослѣдствіи императора Александра II).

Александръ Александровичъ Кавелинъ [1]) родился въ 1793 г., 1-го іюля, въ Москвѣ, гдѣ отецъ его, тульскій помѣщикъ, самаго умѣреннаго состоянія, находился на службѣ совѣтникомъ въ казенной палатѣ. Лишившись въ дѣтствѣ родителей, Кавелинъ воспитывался у родственниковъ, и, будучи 10-ти лѣтъ отъ роду, помѣщенъ въ Пажескій корпусъ 1803 года, іюля 6-го дня. Юноша, одаренный отъ природы свѣтлымъ умомъ и живымъ характеромъ, сталъ вскорѣ на-ряду съ первыми товарищами. Оказывая большіе успѣхи въ наукахъ, онъ особенно отличался строгою нравственностію, унаслѣдованною отъ родителя его, бывшаго образцомъ безкорыстія, правдивости и рыцарской чести. Эти наслѣдственныя качества содѣлались отличительною, постоянною чертою характера Александра Александровича. Въ 1808 г. онъ произведенъ въ камеръ-пажи и состоялъ при вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, а въ 1810 г. выпущенъ въ офицеры, подпоручикомъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ. Въ достопамятномъ 1812 году Кавелинъ стоялъ въ рядахъ тѣхъ избранниковъ изъ сонма сыновъ Россіи, которымъ судьба предназначила ве-

[1]) Біографическія свѣдѣнія объ А. А. Кавелинѣ заимствованы изъ „Русскаго Инвалида“ 1850 г. № 272 и № 273.

ликую долю, долю—спасти отечество отъ вторгнувшагося въ его нѣдра потока иноплеменниковъ. На Бородинскомъ полѣ юный воинъ соединилъ кровь свою съ кровью многихъ убитыхъ и раненыхъ воиновъ русскихъ: онъ получилъ тяжелую рану въ лѣвую ногу картечью, съ поврежденіемъ костей, и другую рану въ правую руку пулею. Раны не дозволили Кавелину слѣдовать съ полкомъ на новые подвиги: онъ долженъ былъ лѣчиться, а по излѣченіи состоялъ въ резервной арміи, тогда расположенной въ герцогствѣ Варшавскомъ. За Бородинское дѣло Кавелинъ произведенъ въ поручики и награжденъ золотою шпагою съ надписью «за храбрость». Въ 1818 году Кавелинъ, будучи въ чинѣ капитана, назначенъ адъютантомъ къ его императорскому высочеству великому князю Николаю Павловичу. Такое назначеніе было для Александра Александровича совершенною неожиданностію. Узнавъ о немъ, онъ пришелъ въ недоумѣніе, признавая себя для подобной службы вполнѣ неспособнымъ [1]). Знакомство его доселѣ ограничивалось почти одними товарищами, военными людьми; посѣщалъ онъ одинъ или два дома; большое общество было для него вовсе неизвѣстно, а общество дамъ, по его крайней застѣнчивости, недоступно. Александръ Александровичъ высказалъ со всею прямотою и откровенностью свое затруднительное положеніе генералъ-адъютанту Храповицкому, командовавшему тогда Измайловскимъ полкомъ. Онъ просилъ его довести это до свѣдѣнія великаго князя, и при томъ доложить его императорскому высочеству, что, не находя словъ, которыми бы могла выразиться его благодарность, онъ считаетъ обязанностію объяснить совершенную свою неспособность, которая не замедлила бы обнаружиться на самомъ дѣлѣ, еслибъ онъ не предупредилъ обнаруженіе искреннимъ объясненіемъ. Эта черта, столько знаменательная, окончательно рѣшила выборъ великаго князя, съ точностію обрисовавъ предъ его взорами характеръ Кавелина. Необыкновенная милость и вниманіе его высочества скоро уничтожили въ Кавелинѣ застѣнчивость, усвоили ему прекрасные навыкъ и ловкость въ обращеніи. Со вступленіемъ Николая Павловича на престолъ, онъ, бывъ уже съ 1819 года полковникомъ, назначенъ флигель-адъютантомъ къ его императорскому величеству; въ 1827 году произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ въ свиту его императорскаго величества; въ 1828 г., во время похода въ Турцію, занималъ должность коменданта императорской главной квартиры, находился въ сраженіи подъ Шумлою и при осадѣ крѣпости Варны.

Между тѣмъ государь императоръ готовилъ Александру Александровичу порученіе особеннѣйшей важности, порученіе—состоять при его первенцѣ въ качествѣ воспитателя. Когда государю императору благо-

[1]) См. „Семейная Хроника“ Аксакова.

угодно было объявить ему свое намѣреніе, то Александръ Александровичъ, никогда не предполагавшій для себя служенія такого рода, пришелъ въ большее недоумѣніе, нежели въ какомъ былъ при назначеніи въ адъютанты. Письмо его къ государю императору, которое онъ называлъ своею исповѣдію, извѣстное лишь малому кругу самыхъ короткихъ друзей его и долженствующее быть достояніемъ исторіи, выразило всю его душу. Онъ не остановился выказать рѣзко, безъ пощады, всѣ свои недостатки, какъ они ему представлялись, и что онъ совершенно не приготовленъ къ возлагаемому на него служенію. Когда онъ писалъ это письмо, предъ взорами его была высота служенія, отвѣтственность сердца и совѣсти въ служеніи предъ вѣнценоснымъ отцомъ, предъ сыномъ, котораго глава назначена быть вѣнчанною, предъ многочисленнымъ народомъ русскимъ; — себя онъ оставилъ въ сторонѣ. Письмо было написано такъ убѣдительно и сильно—оно было написано изъ глубины души и отъ полноты сознанія—что государь императоръ склонился на представленія Александра Александровича. Мѣсто воспитателя занялъ полковникъ Мердеръ, а Александръ Александровичъ въ 1830 году назначенъ директоромъ Пажескаго корпуса [1]), вслѣдъ за тѣмъ генералъ-адъютантомъ къ его императорскому величеству, а въ 1833 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Вскорѣ Мердеръ заболѣлъ; къ выздоровленію его не было никакой надежды, и онъ, задолго до смерти, долженъ былъ удалиться съ своего поста. Тогда всѣ представленія Александра Александровича были не сильны отклонить отъ него поприща, давно ему предопредѣленнаго: въ 1834 году, мая 5-го, государь императоръ повелѣлъ ему состоять при его высочествѣ государѣ наслѣдникѣ. И кто болѣе достоинъ былъ занять это мѣсто, какъ не тотъ человѣкъ, который явилъ столь ясные и сильные опыты самоотверженія, преданности, строгой христіанской добродѣтели.

О томъ, какъ проходилъ свое служеніе Александръ Александровичъ при государѣ цесаревичѣ, излишнимъ будетъ всякое свидѣтельство: особеннѣйшее, постоянное благоволеніе къ нему цесаревича, какъ увидимъ ниже, свидѣтельствуетъ несравненно громче и краснорѣчивѣе всякаго слова. Друзьямъ почившаго, съ которыми онъ раздѣлялъ свои задушевныя думы, достаточно сказать только то, что онъ въ служеніи своемъ постоянно сохранялъ мысль о своемъ недостаточествѣ къ такому великому служенію. Величайшимъ утѣшеніемъ его было то, что государь императоръ самъ постоянно руководилъ его. Слово царя успокоивало и ободряло его: воспитавшись, такъ сказать, впечатлѣніями этого могущественнаго характера, онъ жилъ, онъ дышалъ ими. Впослѣд-

[1]) Всѣ воспитанники питали благоговѣйную любовь къ нему, какъ къ самому нѣжному отцу.

ствіи Александръ Александровичъ говаривалъ, съ особеннѣйшимъ наслажденіемъ о двухъ эпохахъ своей жизни: о годахъ своего адъютантства, и въ особенности о томъ времени, которое онъ провелъ при цесаревичѣ, въ которое онъ получалъ постоянныя наставленія и лично и письменно государя императора, въ которое онъ былъ зрителемъ изящныхъ качествъ и вѣнценоснаго отца и его наслѣдника. Александръ Александровичъ сопровождалъ цесаревича въ его путешествіи по Россіи и Европѣ. Но въ бесѣдахъ своихъ онъ мало говаривалъ о странахъ, имъ видѣнныхъ: и въ Россіи, и въ Европѣ онъ видѣлъ одну, порученную ему, святыню.

По совершеніи служенія при великомъ князѣ цесаревичѣ, въ 1841 году, Александру Александровичу повелѣно присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ и быть членомъ Совѣта военно-учебныхъ заведеній, а августа 8-го того же года онъ назначенъ, въ званіи сенатора, предсѣдателемъ коммиссіи надъ злоумышленниками въ Вильнѣ. За успѣшное окончаніе этого дѣла удостоился получить высочайшій рескриптъ отъ 6-го декабря 1841 г. [1]).

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ по возвращеніи изъ Вильны, и Александръ Александровичъ почувствовалъ сильные болѣзненные припадки; послѣдствія ихъ были такъ значительны, что врачи должны были прибѣгнуть къ операціи: онъ оправился, но съ этого времени примѣтнымъ образомъ силы его увяли. Эти припадки должно считать началомъ той болѣзни, которая, развиваясь постепенно и почти непримѣтно, произвела въ немъ нервное разстройство—причину окончательнаго сокрушенія его тѣлесной храмины. Въ 1842 году, 2-го декабря, едва болѣзнь его облегчилась, онъ былъ облеченъ саномъ с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора; 8-го декабря назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта; въ 1843 г., 3 го октября, произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи. Александръ Александровичъ чувствовалъ, что тѣлесныя силы его ослабѣли; но онъ старался замѣнить недостатокъ тѣлесныхъ силъ напряженіемъ силъ душевныхъ, трудился неусыпно, съ прямымъ желаніемъ общественной пользы. Онъ былъ понятъ жителями столицы: они признали въ немъ человѣка, готоваго принять участіе во всякомъ нуждающемся. Особенно обратилъ онъ благотворное вниманіе на заключенныхъ въ тюрьмѣ. Пріемъ Александра Александровича, по наружности, былъ холоденъ, не привлекателенъ, какъ и у многихъ людей прямаго характера, чуждыхъ способности ласкательствовать; но сердце его пламенѣло любовію къ ближнему. И скоро жители Петербурга узнали это сердце: не долго могла его скрывать строгая наружность.

Съ начала 1846 года возобновились его болѣзненные припадки, но

---

[1]) Онъ напечатанъ въ „Русской Старинѣ“ 1902 г. № 3.

въ другомъ видѣ: ихъ дѣйствіе пало на нервы. Онъ лишился сна, ощутилъ въ себѣ возбужденіе неестественной дѣятельности: почему долженъ былъ просить увольненія отъ должности военнаго генералъ-губернатора. Государь императоръ, убѣдившись, что болѣзнь Александра Александровича дѣлаетъ для него невозможнымъ продолженіе службы въ многотрудной должности с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, соизволилъ на увольненіе его. При этомъ случаѣ изволилъ выразить чувство сердечнаго сожалѣнія къ болѣзненному состоянію своего вѣрнаго и достойнаго любимца въ всемилостивѣйшемъ рескриптѣ, при которомъ препровождались знаки ордена Святаго Равноапостольнаго князя Владиміра 1-й степени. Этимъ не ограничились вниманіе и милости государя императора. Онъ посѣтилъ больнаго и, находя для него нужнымъ свѣжій воздухъ и удаленіе отъ столичнаго шума, пожаловалъ ему обширное отдѣленіе въ Стрѣльнинскомъ загородномъ дворцѣ, для лѣтняго пребыванія. Въ Стрѣльнѣ проводилъ время Александръ Александровичъ въ обществѣ немногихъ друзей, имѣвшихъ возможность раздѣлять съ нимъ его досугъ. Безсонница и лишеніе аппетита продолжали истощать его. Но болѣзнь усиливалась. Было признано необходимымъ лѣченіе въ чужихъ краяхъ. На эту мѣру Александръ Александровичъ никакъ не соглашался. Нужна была власть надъ его сердцемъ великаго князя цесаревича. Великій князь нарочно для этого пріѣхалъ въ Стрѣльнинскій дворецъ, и предъ его словомъ склонился страдалецъ. Казенный пароходъ понесъ болящаго въ Данію. Въ Килѣ онъ началъ курсъ лѣченія, и, по истеченіи шести недѣль, получилъ совершенное выздоровленіе. Изъ Киля онъ переѣхалъ въ Гельголандъ для купанія въ морѣ. Проведши зиму въ Римѣ и потомъ снова воспользовавшись морскими ваннами, онъ возвратился въ концѣ лѣта 1847 года въ С.-Петербургъ.

Государь императоръ, уволивъ его въ 1846 году отъ должности с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, оставилъ членомъ Государственнаго Совѣта и въ званіи генералъ-адъютанта.

Въ концѣ лѣта 1850 года начали возобновляться его нервные припадки; съ наступленіемъ осени они усилились. Замѣтя усиленіе ихъ, онъ поспѣшилъ удалиться въ Гатчину. Изъ предшествовавшей болѣзни онъ зналъ, что удаленіе отъ семейства и совершенное уединеніе составляютъ необходимое условіе излѣченія. Сонъ и аппетитъ снова его оставили; онъ скончался отъ нервнаго удара. Почувствовавъ рѣшительное изнеможеніе, онъ пожелалъ исповѣдаться и пріобщиться Св. Тайнъ, а вслѣдъ за тѣмъ принялъ на себя помазаніе освященнымъ елеемъ—и въ $8^1/_4$ часовъ утра 4-го ноября 1850 года заснулъ тихо сномъ смертнымъ, будучи 57 лѣтъ. За нѣсколько недѣль до кончины, онъ могъ прогуливаться по улицамъ Гатчины. Встрѣчаясь

съ нищими, останавливалъ ихъ, покупалъ у нихъ набранные ими кусочки хлѣба за нѣсколько рублей серебромъ, прикрывая милостыню предъ глазами простаго человѣка покупкою. Онъ былъ въ душѣ христіанинъ: вѣровалъ, повиновался церкви, часто и по долгу молился, строго наблюдалъ за собою и мужественно боролся съ страстями своими. Отпѣваніе почившаго происходило, по повелѣнію государя императора, въ С.-Петербургѣ, въ Троицкомъ Измайловскаго полка соборѣ. Оно было совершено с.-петербургскимъ митрополитомъ Никаноромъ съ значительнымъ числомъ духовенства, въ присутствіи его императорскаго величества государя императора и ихъ императорскихъ высочествъ великихъ князей Константина, Николая и Михаила Николаевичей. Тѣло предано землѣ въ Троицкой Сергіевой пустынѣ, гдѣ Александръ Александровичъ заблаговременно устроилъ свое фамильное кладбище.

I.

Письма великаго князя Александра Николаевича (впослѣдствіи императора Александра II) Александру Александровичу Кавелину.

1.

17-го ноября 1836 г.

Сожалѣю очень, что мнѣ не удастся сегодня васъ увидѣть, любезный Александръ Александровичъ, но Крейтонъ запретилъ мнѣ выходить по сегодняшней погодѣ.

Я слышалъ, что вы дурно ночь провели и что все еще не совсѣмъ хорошо себя чувствуете, надѣюсь, однако, что вамъ лучше, чѣмъ вчера, желаю вамъ скорѣе поправиться.

У насъ вчера вечеромъ началась военная игра, сегодня будетъ продолженіе, государь вамъ назначилъ корпусъ, который еще только-что идетъ изъ Шлезіи.

До свиданія, любезный Александръ Александровичъ.

Васъ искренно любящій Александръ.

2.

9-го ноября 1837 г. Москва.

Вчера вечеромъ получилъ я письмо ваше, любезный Александръ Александровичъ, отъ 5-го числа, благодарю васъ душевно и радуюсь,

что вы всѣхъ вашихъ нашли здоровыми. У насъ благодаря Бога все шло хорошо. Императрица однако все еще кашляетъ и потому не выѣзжаетъ. Баловъ еще никакихъ не было и сегодня будетъ дѣтскій б. для именинника. Я на прошедшей недѣлѣ ѣздилъ осматривать кадетскіе корпуса, которые оба въ большомъ порядкѣ, былъ еще въ удивительно хорошо устроенномъ Александровскомъ сиротскомъ домѣ, основанномъ послѣ холеры въ 1831 г.; а по вечерамъ были раза три въ театрѣ. Любопытенъ знать, какое дѣйствіе произведетъ на васъ Тальони.

Богъ дастъ, черезъ мѣсяцъ мы будемъ уже въ Петербургѣ, признаюсь, что я этой минуты жду съ нетерпѣніемъ, хотя и здѣсь хорошо, но все-таки дома лучше.

Слухъ о поѣздкѣ государя въ Петербургъ не знаю на чемъ могъ быть основанъ; онъ, слава Богу, здоровъ и вамъ кланяется, равно какъ и императрица и сестры.

Прошу васъ засвидѣтельствовать мое почтеніе Маріи Павловнѣ[1]) и поклониться дѣтямъ вашимъ и всѣмъ нашимъ знакомымъ.

До свиданія, любезный Александръ Александровичъ, обнимаю васъ мысленно.

Васъ душевно любящій Александръ.

3.

14-го іюня 1841 г. Петергофъ.

Посылаю къ вамъ обѣщанные портреты жены и мой собственный и прошу васъ, любезный Александръ Александровичъ, принять ихъ въ залогъ памяти отъ насъ обоихъ.

При семъ случаѣ я радъ письменно выразить вамъ, милый другъ, всю мою искреннюю благодарность за все то время, которое вы были при мнѣ и я васъ такъ часто мучилъ; будьте увѣрены, любезный Александръ Александровичъ, что чувства признательности и истинной дружбы къ вамъ слишкомъ глубоко вкоренились въ моемъ сердцѣ, чтобы могли когда-нибудь измѣниться; это не пустыя слова, а выраженіе того, что я чувствую въ моемъ сердцѣ.

Прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе Маріи Павловнѣ, а васъ самихъ надѣюсь я обнять сегодня вечеромъ или завтра поутру.

Васъ отъ всей души любящій Александръ.

---

[1]) Супругѣ А. А. Кавелина.

4.

9-го іюня 1841 г. Петергофъ.

Завтра утромъ отправляюсь въ городъ и въ $^1/_2$ 1 ч. буду къ вашимъ услугамъ, любезный Александръ Александровичъ. Хочу воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы въ городѣ кое-что посмотрѣть. Юлію Ѳедоровну [1]) я предварилъ о часѣ, она хотѣла тоже поранѣе туда отправиться. Итакъ, до свиданія, любезный Александръ Александровичъ; обнимаю васъ отъ всего сердца.

Васъ душевно любящій Александръ.

5.

29-го августа 1841 г. Царское Село.

Благодарю васъ душевно, любезнѣйшій мой Александръ Александровичъ, за ваше милое письмо изъ Ковны и за подробное описаніе происходившаго въ присутствіи государя. Надѣюсь, что дѣло, по которому вы находитесь въ Вильнѣ, скоро развяжется, и вамъ можно будетъ скоро воротиться. Вчера былъ я у Маріи Павловны, мы имѣли съ ней довольно длинный разговоръ, о которомъ она можетъ быть вамъ напишетъ и за который я ей чрезвычайно благодаренъ; нельзя быть добрѣе ея. У насъ съ самаго отъѣзда государя ничего особеннаго не было, время стоитъ преславное, и мы вполнѣ наслаждаемся нашимъ любимымъ Царскимъ Селомъ.

Завтра утромъ отправляемся съ женой по желѣзной дорогѣ въ городъ, для церемоніи въ Невской Лаврѣ. Мы одни будемъ фигурировать, императрица остается здѣсь. Завтра вечеромъ будетъ здѣсь спектакль, а послѣ завтра балъ. Прежде чѣмъ кончить письмо, я долженъ васъ поздравить, любезный Александръ Александровичъ, съ завтрашнимъ днемъ вашего ангела, какъ моимъ именемъ, такъ и именемъ жены.

Прощайте, милый другъ; обнимаю васъ отъ всего сердца. Васъ душевно любящій Александръ.

6.

31-го октября 1841 г. Царское Село.

Благодарю васъ, любезный Александръ Александровичъ, за ваше поздравительное письмо отъ 11-го октября. Государь, императрица и

---

[1]) Баранова (впослѣдствіи графиня), сестра В. Ѳ. Адлерберга, бывшаго министра императорскаго двора—Ю. Ѳ. Баранова, въ то время была воспитательницею великихъ княженъ Маріи Николаевны и Ольги Николаевны.

Мари поручили мнѣ также благодарить васъ за живое участіе, которое вы принимали въ нашей общей радости. Я хотѣлъ отвѣчать вамъ съ курьеромъ, но такъ какъ это можетъ еще долго продолжиться, то я рѣшаюсь писать по почтѣ.

Ваше милое письмо имѣлъ я удовольствіе получить 10-го числа, на другой день крестинъ новорожденной княжны Маріи.....[1]), передъ самымъ отправленіемъ нашимъ въ Гатчину, гдѣ мы пробыли недѣлю самымъ пріятнымъ образомъ. Порядокъ тамошней жизни, впрочемъ, вамъ довольно извѣстенъ; при томъ погода намъ очень благопріятствовала. 23-го числа послѣ обѣда воротились мы сюда, а 24-го были съ государемъ въ городѣ для панихиды въ крѣпости.

Я съ большимъ вниманіемъ и любопытствомъ читалъ подробную записку о ходѣ всего вашего запутаннаго дѣла и радовался, что нашъ добрый и благородный Назимовъ первый[2]) напалъ на путь истины, хотя и съ личнымъ самоотверженіемъ, что̀ дѣлаетъ ему честь и что̀ меня еще больше радуетъ, это то, что и государь имъ теперь очень доволенъ и отдаетъ ему полную справедливость; скажите ему это моимъ именемъ.

Вы впрочемъ должны получить бумагу отъ военнаго министра, въ которой онъ объявляетъ вамъ высочайшее благоволеніе за успѣшный ходъ слѣдственнаго дѣла, съ тѣхъ поръ какъ вы тамъ предсѣдателемъ.

Зная меня, любезный другъ, вы легко поймете мою радость, ибо вѣрно никто болѣе меня не принимаетъ живѣйшаго участія во всемъ васъ касающемся.

Два дня тому назадъ былъ я у Маріи Павловны, нашелъ ее, слава Богу, здоровою, но она все это время страдала ревматизмомъ; ей, кажется, очень не хочется переѣхать въ городъ, въ новую квартиру, безъ васъ, впрочемъ я не полагаю, чтобы слѣдственное дѣло васъ задержало такъ долго, какъ вы сначала полагали.

Со вчерашняго дня у насъ стала зима, мы уже ѣздили на саняхъ, а сегодня совершенная вьюга; мы, кажется, останемся въ нынѣшнемъ году нѣсколькими днями дольше въ Царскомъ, чѣмъ обыкновенно, чему я впрочемъ очень доволенъ; по-моему хоть бы всю зиму здѣсь провести. Жена поручила мнѣ вамъ кланяться.

Прощайте, любезный Александръ Александровичъ, обнимаю васъ мысленно отъ всей души.

Васъ искренно любящій Александръ.

---

[1]) Слово нельзя разобрать; вѣроятно: «Максимиліановны». П. Кавелинъ

[2]) Слова подчеркнуты въ подлинникѣ.

7.

10-го іюня 1842 г. Петергофъ.

Не могу пропустить сегодняшній день, чтобы не написать вамъ, любезный Александръ Александровичъ, хотя нѣсколько словъ, дабы поздравить васъ отъ всего сердца со днемъ вашего рожденія и пожелать вамъ всевозможнаго счастія, да сохранитъ васъ Богъ еще на многія лѣта!

Я воображаю, какъ вы должны наслаждаться тихою, безмятежною деревенскою жизнью въ вашей идеальной странѣ [1]), куда, признаюсь, и я послѣ всѣхъ вашихъ разсказовъ любопытенъ бы былъ самъ заглянуть.

Здѣсь у насъ начались обыкновенныя лѣтнія попыхи, до которыхъ вы такой особенный охотникъ. Петергофъ началъ уже наполняться иностранными принцами. Первые пріѣхали принцъ Фридрихъ Нидерландскій съ женой, тому уже 2 недѣли, потомъ принцъ Генрихъ Нидерландскій, нашъ лондонскій спутникъ и, наконецъ, вчера принцъ Прусскій; около 19-го числа ожидаютъ короля Прусскаго и кромѣ него двухъ принцевъ Нассаускихъ и эрцъ-герцога Карла (2-го сына эрцъ-герцога Карла). Въ будущее воскресенье, т. е. 14-го числа вечеромъ, начинаются у Царскаго Села маневры, въ которыхъ я буду командовать цѣлымъ корпусомъ, дай Богъ, чтобы все хорошо кончилось.

Вѣроятно, скоро и вы къ намъ будете, любезный Александръ Александровичъ, но покуда попрошу васъ поцѣловать руку отъ меня Маріи Павловнѣ, а васъ самихъ обнимаю еще разъ мысленно отъ всего сердца. Жена вамъ кланяется и проситъ меня васъ также поздравить. До свиданія. Васъ душевно любящій Александръ.

8.

8-го сентября 1842 г. 5 ч. утра. Царское Село.

Спѣшу раздѣлить съ вами, любезный Александръ Александровичъ, нашу радость, Богъ далъ намъ сына Николая, жена благодаря Бога чувствуетъ себя хорошо.

Обнимаю васъ отъ всего сердца. Александръ.

---

[1]) Въ то время Александръ Александровичъ находился въ отпуску и проводилъ лѣто въ имѣніи моей матери, въ Торопецкомъ уѣздѣ, Псковской губ. Слова подчеркнуты въ подлинникѣ. П. Кавелинъ.

9.

Ce 25 avril 1843.

En recevant ce matin votre lettre, j'aurais dû me fâcher, mais après l'avoir lu, je me suis désarmé, car votre belle et noble âme s'est peinte toute entière dans ces lignes que vous m'adressiez, cher et excellent ami! Il ne me reste qu'à vous prier d'agir avec moi toujours franchement, comme avec un vieil ami, devant lequel vous auriez grand tort de cacher la moindre chose, aussi je compte sur votre promesse.

A vous pour la vie
A.

(Переводъ).

25-го апрѣля 1843 г.

Получивъ сегодня утромъ ваше письмо, я чуть не разсердился, но, перечитавъ его, я почувствовалъ себя обезоруженнымъ, ибо ваша высокая и благородная душа вполнѣ обнаружилась въ тѣхъ строкахъ, съ которыми вы ко мнѣ обратились, дорогой и безподобный другъ мой. Остается мнѣ просить васъ поступать со мною всегда откровенно, какъ со старымъ другомъ, передъ коимъ вы были бы не правы скрывать что бы то ни было,—и такъ я разсчитываю на ваше обѣщаніе.

Вашъ на вѣки А.

10.

18-го іюня 1843 г. Александрія.

Благодарю васъ отъ всего сердца, любезный Александръ Александровичъ, за ваше милое письмо, которое я вчера вечеромъ получилъ. Радуюсь, что Гатчинская тихая жизнь вамъ уже стала пользу приносить, дай Богъ, чтобы вы могли точно понравиться и укрѣпиться силами для вашего хлопотнаго мѣста.

Поздравляю васъ, хотя немного поздно, но по крайней мѣрѣ отъ искренняго сердца съ прошедшимъ днемъ вашего рожденія, мой милый другъ; да сохранитъ васъ Богъ для всѣхъ тѣхъ, которые васъ уважаютъ отъ всей души, васъ любятъ, изъ коихъ первый есмь Азъ!

Я вамъ не писалъ потому, что я надѣялся, будучи въ этотъ день въ Царскомъ Селѣ, по случаю смотра 2-ой Гренадерской дивизіи (государь остался совершенно довольнымъ), васъ тамъ увидать, то же самое и 12-го числа я полагалъ, что вы сюда пріѣдете, но ожиданія мои, къ

сожалѣнію, не сбылись! Къ тому же подарокъ мой не поспѣлъ, я вамъ его отправлю или можетъ быть самъ вручу, коль скоро онъ будетъ готовъ.

Вы меня спрашиваете о маневрахъ, они, слава Богу, очень хорошо удались при самой благопріятной погодѣ, за что вамъ спасибо.—Государь былъ въ особенности доволенъ дѣйствіями нашего, т. е. Новгородскаго корпуса, коего авангардъ находился подъ моимъ начальствомъ; мы остались совершенными побѣдителями, и кирасиры снова по своему обыкновенію опоздали и не были даже употреблены. Объ этомъ происшествіи я поручилъ написать ген. Штрандману, чтобы обрадовать бѣднаго больнаго, закоснѣлаго врага кирасиръ.

Здѣсь, въ Петергофѣ, все по-прежнему за исключеніемъ карантина, въ которомъ мы съ женой все еще продолжаемъ находиться; корь ея совсѣмъ уже прошла, но ей не позволяютъ еще выѣзжать, она поручила мнѣ вамъ кланяться, равно и супругѣ вашей.

Итакъ я надѣюсь увидаться съ вами 24-го числа и найти васъ не съ негативными щеками и уже не такъ страшнымъ для глазъ жены и сестры!

Прежде чѣмъ кончать письмо, я хочу просить васъ обратить вниманіе ваше на прилагаемую записку генер.-маіора Романовича, того самаго, въ коляскѣ котораго меня повезли послѣ моего знаменитаго паденія въ 1832 г., съ тѣмъ чтобы, если это возможно, исполнить его желаніе; онъ, бѣдный, въ крайнемъ положеніи, и мнѣ бы очень хотѣлось его бы гдѣ-нибудь здѣсь пристроить. Онъ служилъ полков. въ Л.-Гв. Финляндскомъ п., а теперь по случаю уничтоженія резервной пѣхоты, гдѣ онъ командовалъ бригадой, находится въ распоряженіи инспектора ген.-лейт. Тришатнаго.

О томъ, о чемъ вы въ концѣ вашего письма мнѣ пишете, т. е. чтобы мнѣ быть ходатаемъ между войсками и государемъ, М. П. (Михаилъ Павловичъ) мнѣ говорилъ еще передъ своимъ отъѣздомъ; благодарю за добрый совѣтъ, который, при случаѣ, вы можете быть увѣрены, что я употреблю.

За симъ обнимаю васъ, милый Александръ Александровичъ, отъ всего сердца.

Васъ искренно любящій Александръ.

Государь и императрица вамъ кланяются, а я прошу поцѣловать за меня ручку супруги вашей.

11.

12-го (24-го) іюля 1846 г. Красное Село.

Благодарю васъ отъ всей души, любезный Александръ Александровичъ, за ваше милое письмо; оно принесло мнѣ истинное удоволь-

ствіе. Слава Богу, что здоровье ваше поправляется, и потому надѣюсь, что не въ продолжительномъ времени мы васъ опять увидимъ здѣсь,— вы меня знаете и легко поймете, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду этой минуты! Государь, императрица и жена посылаютъ вамъ свой сердечный поклонъ, равно и сестры. На-дняхъ отпраздновали мы свадьбу Оли. Она, кажется, очень счастлива, да ниспошлетъ Господь Богъ на нихъ свое благословеніе! — Она остается здѣсь до конца августа. Здоровье императрицы, благодаря Бога, значительно поправилось послѣ Палермской зимы, надобно надѣяться, что нашъ ужасный климатъ не испортитъ добро, принесенное сицилійскимъ пребываніемъ.

Здѣсь мы также посреди нашихъ военныхъ занятій. Съ будущей недѣли начнутся смотры (государевы), потомъ большіе маневры. Погода у насъ съ недѣлю стоитъ жаркая, а то была прехолодная.

На осень сбираемся мы въ Царское Село. Гдѣ теперь находится ваше семейство?

За симъ обнимаю васъ, любезный другъ, отъ всего сердца.

Васъ искренно любящій Александръ.

12.

23-го сентября (4-го октября) 1846 г. Царское Село.

Доселѣ не могъ я отвѣчать и благодарить васъ, любезный Александръ Александровичъ, за ваше милое письмо по случаю нашего общаго съ вами праздника. Этотъ годъ провели мы его на Елагиномъ и были съ государемъ въ Невской Лаврѣ, попрежнему. Государь на прежнихъ обыкновенныхъ его осеннихъ поѣздкахъ не былъ тамъ съ 1834 года, т. е. 12 лѣтъ, а я съ 1843 г.

О пріѣздѣ вашемъ во Франкфуртъ узналъ я чрезъ В. А. Жуковскаго; онъ пишетъ мнѣ, что это былъ совершенный для него сюрпризъ и что онъ былъ крайне обрадованъ вашимъ здоровымъ видомъ и полнотой даже вашихъ щекъ, въ послѣднее время столь негативныхъ. Я вполнѣ надѣюсь, что зима, проведенная вами въ умѣренномъ климатѣ, еще болѣе укрѣпитъ ваши силы. Теперь вѣроятно милая Марія Павловна уже съ вами; я воображаю себѣ ваше счастіе послѣ столь долгой разлуки; прошу поцѣловать за меня ея ручки и сказать ей, сколь я сожалѣю, что не могъ пріѣхать съ нею проститься.

Здѣсь, благодаря Бога, все у насъ тихо, съ 7-го сентября переѣхали. мы сюда и ведемъ съ тѣхъ поръ единообразную и пріятную жизнь.

На прошедшей недѣлѣ были 3 дня маневровъ между Царскимъ и городомъ при самой благопріятной погодѣ, а на 4-ый общій парадъ на

Марсовомъ полѣ и, къ полной общей радости, государь всѣмъ остался доволенъ.

Черезъ нѣсколько дней мы собираемся съ нимъ въ Москву на короткое время, чтобы осмотрѣть тамъ собранныхъ безсрочно-отпускныхъ. Государь, императрица и жена посылаютъ вамъ сердечный поклонъ, а я обнимаю васъ, любезный другъ, отъ глубины души.

Васъ искренно любящій Александръ.

13.

1-го (13-го) марта 1847 г. С.-Петербургъ.

Простите мнѣ, любезный Александръ Александровичъ, мое долгое молчаніе, но все это время столько было дѣла, что я едва имѣлъ минуту свободную.

Письмо ваше изъ Рима вручилъ мнѣ почтенный Мирковичъ [1]), онъ словесно подтвердилъ мнѣ то, что я уже слышалъ насчетъ вашего здоровья; дай Богъ, чтобы зима, проведенная въ тепломъ климатѣ, еще болѣе укрѣпила ваши силы и чтобы вы къ намъ воротились вполнѣ довольнымъ вашимъ заграничнымъ пребываніемъ. Вамъ, вѣроятно, уже извѣстно, что государь согласно вашему желанію пожаловалъ награду Мирковичу, который точно вполнѣ ее заслуживаетъ;—этого человѣка нельзя не уважать!

Про наше здѣшнее бытье нечего много разсказывать, зимнія заня-

---

[1]) Александръ Яковлевичъ Мирковичъ, о которомъ великій князь упоминаетъ въ своихъ письмахъ, былъ однимъ изъ ближайшихъ друзей и товарищъ А. А. Кавелина по Пажескому корпусу, изъ котораго были выпущены въ 1810 г. Оба они были камеръ-пажами, а Мирковичъ вышелъ первымъ и имя его занесено на мраморную доску. Братъ его, Ѳедоръ Яковлевичъ Мирковичъ, бывшій также пажемъ, былъ виленскимъ генералъ-губернаторомъ какъ разъ въ то время, когда А. А. Кавелинъ былъ посланъ по высочайшему повелѣнію предсѣдателемъ слѣдственной коммиссіи по дѣлу о политическихъ преступникахъ. Оба брата Мирковичи служили въ Конной гвардіи и въ рядахъ этого полка участвовали въ сраженіи при Бородино, въ которомъ Ѳедоръ Яковлевичъ былъ тяжело раненъ въ ногу. Александръ Яковлевичъ, имѣя хорошее состояніе, не особенно заботился о карьерѣ и хотя числился по военному министерству, но жилъ бо́льшею частію въ своемъ имѣніи и оставался въ чинѣ полковника.

Когда, въ 1846 г., А. А. Кавелинъ заболѣлъ въ первый разъ, то Александръ Яковлевичъ по добротѣ своей и искренной привязанности къ своему другу и товарищу, въ виду того, что доктора рѣшили удалить А. А. Кавелина изъ семейства и по просьбѣ супруги его, принялъ на себя тяжелую обязанность сопровождать больнаго за границу. Онъ безотлучно находился при больномъ болѣе полугода, пока не пріѣхало къ нему семейство.

тія шли и идутъ обыкновеннымъ порядкомъ, и на недостатокъ дѣлъ пожаловаться нельзя.

На прошедшей недѣлѣ лишились мы нашего почтеннаго предсѣдателя Совѣта, онъ съ декабря мѣсяца сталъ все болѣе и болѣе ослабѣвать и, наконецъ, можно сказать, погасъ. Въ немъ лишились мы благороднѣйшаго и поченнѣйшаго человѣка, а государь—истиннаго друга и вѣрнѣйшаго слуги, какихъ немного, за то и сожалѣнія всеобщія!

Мѣсто его еще доселѣ не замѣщено, хотя публика и называетъ много кандидатовъ.

Здоровье императрицы замѣтно поправилось послѣ Палермскаго пребыванія, но къ сожалѣнію далеко еще не въ томъ положеніи, какъ мы бы желали ее видѣть, ибо біеніе сердца еще по временамъ возвращается и всякая малая неосторожность влечетъ за собой простуду. Государь, благодаря Бога, здоровъ, и они оба поручили мнѣ вамъ кланяться, равно и жена моя.

Черезъ полтора мѣсяца ожидаетъ она родовъ, для чего мы намѣрены тотчасъ послѣ Пасхи, т. е. въ началѣ апрѣля, переѣхать въ Царское Село, чему я, признаюсь, очень радуюсь, ибо вы знаете мое особенное расположеніе къ этому любимому моему мѣсту.

Въ началѣ іюня полагаемъ мы ѣхать моремъ за границу въ Германію; для жены необходимо будетъ лѣченіе на минеральныхъ водахъ, но гдѣ, мы еще сами не знаемъ, можетъ быть, гдѣ-нибудь мы съ вами съѣдемся.

Вообразите: нынѣшнимъ лѣтомъ минетъ 10 лѣтъ нашему путешествію по Россіи, неимовѣрно, какъ время скоро пролетѣло! Прощайте теперь, любезный Александръ Александровичъ, будьте здоровымъ не забывайте

Васъ всѣмъ сердцемъ любящаго Александра.

Прошу поцѣловать за меня ручку милой Маріи Павловны [1]).

---

[1]) Странныя случайности: 1) Послѣднее письмо было написано 1-го марта (1847 г.). 2) въ этомъ письмѣ въ первый разъ наслѣдникъ пишетъ: Прощайте теперь, любезный Алек. Алек., и пр.

II.

Письма великаго князя Александра Николаевича — Маріи Павловнѣ Кавелиной.

1.

Merci beaucoup, chère Марія Павловна, pour la lettre de notre excellent Александръ Александровичъ. Je suis enchanté que lui-même s'est décidé à rester à l'étranger, car je suis persuadé que cela ne peut que lui faire du bien. Quand comptez-vous vous mettre en route pour le rejoindre?

Votre dévoué
Alexandre.

(Переводъ). Благодарю васъ, дорогая Марія Павловна, за присылку письма дорогаго нашего Александра Александровича. Очень радъ, что онъ самъ рѣшился остаться за границею, ибо я увѣренъ, что это можетъ только принести ему пользу. Когда собираетесь вы ѣхать къ нему.

Преданный вамъ
(На подлинномъ) Александръ.

2.
Tsarskoé-Sélo, 9 septembre 1846.

Ayant appris trop tard, malheureusement, votre déménagement en ville pour pouvoir venir vous dire adieu, comme je l'avais voulu, permettez-moi de le faire au moins par écrit.

C'est du fond d'un cœur qui vous est bien sincèrement dévoué que je forme les voeux pour votre voyage. Je comprends parfaitement le bonheur que vous devez éprouver à l'idée de revoir bientôt notre cher Александръ Александровичъ. Grâce à Dieu, les nouvelles que Мирковичъ me donne continuent à être aussi satisfaisantes que possibles; il m'écrit que c'est à Francfort-s.-M. qu'il compte vous attendre. J'ose vous prier d'embrasser bien tendrement de ma part notre cher Александръ Александровичъ que j'aime comme un ami et que je vénère du fond de mon âme.

Pardon encore une fois pour mon griffonnage.

Votre dévoué.
Alexandre.

Царское Село. 9-го сентября 1846 г.

(Переводъ). Узнавъ о переѣздѣ вашемъ въ городъ, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно для того, чтобы успѣть проститься съ вами, какъ я этого желалъ, позвольте мнѣ исполнить желаніе мое письменно. Отъ глубины искренно преданнаго вамъ сердца посылаю вамъ мои лучшія пожеланія счастливаго пути. Вполнѣ понимаю ваше счастье при мысли скоро увидать дорогаго нашего Александра Александровича.

Извѣстія, сообщаемыя мнѣ Мирковичемъ, продолжаютъ быть по возможности удовлетворительными. Онъ пишетъ мнѣ, что они намѣрены ожидать васъ во Франфуртѣ-на-Майнѣ. Смѣю васъ просить нѣжно поцѣловать отъ меня нашего дорогаго Александра Александровича, котораго я люблю какъ друга и уважаю отъ глубины души.

Извиняюсь за мой дурной почеркъ.

Преданный вамъ Александръ.

3.

Moscou, ce 10 novembre 1850.

«Да будетъ воля Твоя»! Que puis-je vous dire de plus, chère Марія Павловна? Personne ne sait mieux que moi que dans des malheurs pareils à celui qui vient de vous frapper si terriblement, il n'y a pas de consolation humaine à offrir. Que Dieu vous donne la force de supporter cette cruelle épreuve. Quant à celui que nous pleurons, il aura certes une bonne place là-haut. Car ceux, dont le coeur pareil au sien a toujours été rempli de sentiments si chrétiens, ne peuvent pas ne pas être compris dans l'autre monde au nombre des justes! L'attachement sincère et le dévouement que je portais à notre excellent Александръ Александровичъ vous étaient connus, aussi je suis persuadé que vous ne doutez pas, chère Марія Павловна, de toute la part que je prends à cette cruelle perte.

Oui! je l'aimais de toute mon âme,—et comment aurais-je pu faire autrement; lui qui a été un véritable ami pour moi depuis mon enfance. Que Dieu le récompense pour tout ce qu'il a fait pour moi, cette mort subite a aussi été un coup de foudre pour moi. Mais n'est-ce pas un bonheur pour lui? Car une existence comme celle qu'il a menée les derniers jours, n'en était pas une. Permettez-moi maintenant, chère Марія Павловна, de me mettre complètement à votre disposition, j'ose vous supplier de disposer de moi et de continuer à me regarder comme un des vôtres; car la veuve de mon Александръ Александровичъ et sa famille будутъ всегда близки моему сердцу.

Que Dieu vous soutienne vous et tous les vôtres.

Votre tout dévoué Alexandre.

Москва. 10-го ноября 1850 г.

(Переводъ). «Да будетъ воля Твоя!» Что могу я еще сказать вамъ, дорогая Марія Павловна? Никто лучше меня не знаетъ, что въ несчастіяхъ, подобныхъ тому, которое такъ страшно васъ поразило, всякія утѣшенія излишни. Да поможетъ вамъ Богъ перенести это тяжкое испытаніе. Что касается того, котораго мы оплакиваемъ, то, конечно, онъ займетъ въ вышнемъ мірѣ подобающее ему мѣсто, ибо тѣ, коихъ сердце какъ его, было всегда проникнуто столь христіанскими чувствами, несомнѣнно въ томъ мірѣ будутъ сопричислены къ числу праведныхъ.

Вамъ извѣстны моя искренняя привязанность и преданность моя нашему дражайшему Александру Александровичу, поэтому я убѣжденъ, дорогая Марія Павловна, что вы не сомнѣваетесь въ участіи, которое я принимаю въ столь тяжкой утратѣ.

Да! я любилъ его отъ всей души, и могъ-ли я не любить того, который былъ для меня лучшимъ другомъ съ самаго моего дѣтства. Да наградитъ его Богъ за все, что онъ для меня сдѣлалъ. И для меня внезапная смерть его была громовымъ ударомъ. Но не счастье-ли это для него? вѣдь въ сущности послѣдніе его дни нельзя было считать настоящею жизнію.

Затѣмъ, умоляю васъ, дорогая Марія Павловна, вполнѣ располагать мною и продолжать считать меня однимъ изъ вашихъ близкихъ, ибо вдова моего Александра Александровича и семейство его будутъ всегда близкими моему сердцу.

Да укрѣпитъ Богъ васъ и всѣхъ вашихъ.

Преданный вамъ Александръ.

Сообщ. **П. А. Ковелинъ.**

Походъ Россіи на Индію какъ средство ослабить Англію.

Письмо А. Н. Сеславина къ князю П. М. Волконскому [1]).

1-го декабря 1819 г., Паламосъ, въ Каталоніи.

Близъ полугода, какъ я просилъ васъ поручить мнѣ должность, ежели его императорскому величеству не угодно, чтобы я, скрывъ мое званіе, сдѣлалъ путешествіе отъ Калькутты въ Остъ-Индію чрезъ Делли, Кагоръ въ Кабулъ, осмотрѣвъ берега рѣки Гангеса и Инда, оттуда чрезъ Бухарію и степи въ Оренбургъ или Салочковскую крѣпость, пункты, откуда должно начать наше движеніе, ежели бы рѣшено было когда-нибудь предпріятіе на остъ-индійскія англійскія владѣнія. Извѣстно, что вѣтры отъ мыса Доброй Надежды дуютъ постоянно полгода въ одну сторону и полгода въ другую; чтобы прибыть заблаговременно на мысъ и избѣжать противныхъ вѣтровъ, отправляются обыкновенно изъ Европы въ октябрѣ или ноябрѣ; пропустивъ сіе время, должно ожидать случая цѣлый годъ. Одно мѣсто въ кораблѣ, который отправился на Калькутту изъ Дюнкирхена, удержано было для меня до ноября мѣсяца. Но, не бывъ удостоенъ вашихъ отвѣтовъ столь долгое время, я потерялъ прекрасный случай оказать величайшую услугу отечеству, презирая бѣдствія и опасности, которымъ я могъ подвергнуться.

Предполагая, что служба моя и пламенное усердіе къ престолу содѣлались не нужными, я прошу покорно ваше сіятельство исходатайствовать мнѣ позволеніе остаться въ Италіи; вы избавите меня отъ издержекъ, которыя могли бы меня разстроить совершенно, возвращаясь

[1]) Знаменитый партизанъ, участникъ войнъ 1812—1814 г.г., Александръ Никитичъ Сеславинъ (р. 1780 † 1858) жилъ долгое время за границею, гдѣ лѣчился отъ полученныхъ имъ ранъ. Князь П. М. Волконскій занималъ тогда должность начальника главнаго штаба его императорскаго величества.

въ Россію, ибо арендаторъ не платитъ денегъ, отзываясь неурожаемъ, а при томъ теплый климатъ способствуетъ много къ остановленію кровохарканія и къ излѣченію груди, которую я разбилъ при паденіи въ ровъ съ вала, будучи раненъ насквозь при штурмѣ Рущука [1]), гдѣ я, приведя колонну Уварова на назначенный пунктъ, первый взошелъ на крѣпостной валъ; генералъ-лейтенантъ Уваровъ тому свидѣтель. Ежели бы вы почли сіе невозможнымъ, увольте меня отъ службы; я вполнѣ отдаюсь на волю вашу; я не хочу занимать мѣсто другаго, который имѣетъ, можетъ быть, болѣе способностей, нежели я, не смотря на безпрерывныя занятія мои, которыя заставляли меня желать быть употребленнымъ единственно для того, чтобы принесть плоды оныхъ на пользу службы. Ваше сіятельство всегда были ко мнѣ милостивы, по гробъ того не забуду; скажите мнѣ откровенно, потерялъ-ли я милость и благосклонность государя,—это было бы для меня громовымъ ударомъ, или не находитъ во мнѣ способностей, свойственныхъ званію генерала; ибо болѣе ничего нельзя сказать про меня: въ преданности моей къ государю я буду спорить со всякимъ; я еще молодъ, могу употребить себя на другое, я буду полезенъ самому себѣ, ежели я столь несчастливъ, что не могу быть полезнымъ отечеству; тогда мнѣ ничего не нужно; я обходился и обойдусь безъ большаго, несмотря на то, что ограбленъ родною сестрою въ то время, когда я, защищая земли моихъ прародителей, проливалъ кровь. Тверской губернаторъ по сіе время не сдѣлалъ ничего по сему дѣлу; могли бы въ другомъ ослабить уваженіе и довѣренность къ законамъ, но не во мнѣ. Дай Богъ, чтобъ я ошибся въ моихъ предположеніяхъ, ибо ничего не желаю, какъ только быть полезнымъ службѣ и содѣлаться достойнымъ той благосклонности монарха, которою я пользовался въ продолженіе 22 лѣтъ офицерской моей службы. Ежели я ошибся въ моихъ предположеніяхъ, простите меня великодушно: сіе происходитъ отъ нетерпѣливаго желанія служить, а время проходитъ.

Не думайте, ваше сіятельство, чтобъ предпріятіе мое основано было на легкомысліи; съ 1807 года, когда я принужденъ былъ оставить службу по неудовольствію, я рѣшился предпринять путешествіе въ Остъ-Индію, собравъ напередъ нужныя свѣдѣнія о странахъ, которыя я долженъ былъ проходить. Разсуждая часто объ Англіи и о причинахъ возвышенія ея, утвердился въ той мысли, что не въ Европѣ должно искать средство ослабить вліяніе Англіи на твердую землю, но въ Остъ-Индіи. Россія къ ней ближе всѣхъ; одна Россія въ состояніи разрушить владычество англичанъ въ Индіи и овладѣть всѣми источниками ея богатства и могущества. Вотъ, что побудило меня предпри-

[1]) Въ 1810 году.

нять путешествіе въ Остъ-Индію не чрезъ Персію, ибо на коварныхъ персіанъ полагаться нельзя, но чрезъ Бухарію и Кабулъ должно будетъ проходить; будущая внутренняя война въ Персіи за наслѣдство и неминуемая война англичанъ съ Сѣверною Америкою, удвоивъ долгъ Англіи до двухъ тысячъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, подадутъ новые способы исполнить наше предпріятіе. Три года тому назадъ, какъ наши купцы изъ Сибири встрѣтились съ англичанами, переодѣтыми въ молебщиковъ, у источниковъ Гангеса, которая выходитъ изъ ледяныхъ горъ Гималайя въ Багхирати или Делли. Отъ сего я заключаю, что ежели изъ Сибири и изъ Оренбургской линіи, изъ разныхъ пунктовъ, посланы будутъ надежные люди въ направленіи на Тибетъ, Багхирати, Кагоръ и Делли, мы будемъ имѣть подробное свѣдѣніе о путяхъ, самыхъ трудныхъ для прохожденія войскъ и неизвѣстныхъ по сіе время. Отъ Делли, первой англійской колоніи, останется 1.000 верстъ до Калькутты, земли населенныя и изобильныя, слѣдовательно, удобныя для прохожденія войскъ.

Я не прежде оставилъ Петербургъ, какъ посовѣтовавшись съ Петромъ Петровичемъ Коновницынымъ, которому я открылъ мое предпріятіе. Я просилъ г. Вязьмитинова [1]) исходатайствовать мнѣ паспортъ, какъ простому дворянину; посовѣтовавшись съ вами, объявилъ мнѣ, что государь отказалъ въ моей просьбѣ, это было для меня большимъ препятствіемъ, и я рѣшился чрезъ нѣкоторое время открыть вамъ мое намѣреніе. Въ 1813 году, когда я сдѣлалъ предложеніе идти съ отрядомъ отъ Страсбурга въ Испанію на соединеніе въ Веллингтономъ, предпріятіе, котораго успѣхъ зависѣлъ отъ тайны, было извѣстно всей арміи прежде моего отправленія. Этотъ случай заставилъ меня быть осторожнѣе во всѣхъ моихъ предпріятіяхъ.

Армія, употребленная въ послѣдней войнѣ въ Индіи, подъ командою генерала Гастингса, состояла изъ 90.000 человѣкъ, изъ коихъ 10.000 единственно европейскихъ войскъ; прочіе же изъ индійскихъ дисциплинированныхъ солдатъ (cipayes), подъ командою европейскихъ офицеровъ. Нынѣшняя оборонительная линія англійской земли въ Индіи—2.500 англійскихъ миль. Всего же народа считается въ Индіи около 100 милліоновъ на пространствѣ одного милліона квадратныхъ миль. Три пятыхъ сего многочисленнаго народа повинуется нынѣ Великобританіи. Армія ея коснулась горъ Тибета и открыла источники Гангеса (Gange) и Инда (Indus). Въ 1819 г. подробная опись регулярныхъ и иррегулярныхъ войскъ, содержимыхъ въ восточной Индіи: европейской инфантеріи—20.978, кавалеріи—4.692; артиллеріи—4.563, всего 30.253 чел.; индійской инфантеріи 132.815 чел., кавалеріи—

[1]) Сергѣя Козьмича.

11.011, артиллеристовъ—8.759; всего регулярныхъ индійскихъ войскъ (cipayes) въ службѣ компаніи 152.585 чел.; всего-на-всего регулярныхъ войскъ 182.836 ч. Сверхъ того находится 24 или 25 тысячъ иррегулярныхъ и около 6.000 инвалидовъ.

Ожидая отвѣта отъ вашего сіятельства, я отправился на островъ Минорку, чтобы осмотрѣть важнѣйшій изъ портовъ Средиземнаго моря и крѣпость онаго Магонъ, куда англичане, послѣ экспедиціи на Алжиръ, вошли со всѣмъ флотомъ, для починки онаго. Если Соединенные Штаты Сѣверной Америки посредствомъ переговоровъ съ Испаніею пріобрѣтутъ Флориду, англичане по сему островъ Кубу, почему бы намъ не исходатайствовать полуостровъ Калифорнію, который граничитъ съ нашими владѣніями въ Сѣверной Америкѣ, и островъ Минорку съ портомъ Магонъ; первый послужитъ намъ къ распространенію торговли и доставитъ намъ великія выгоды, послѣдній нуженъ намъ для укрытія нашихъ флотовъ въ Средиземномъ морѣ и для будущихъ предпріятій, заставляя болѣе и болѣе уважать нашъ флагъ. Мы имѣемъ право, кажется, всего отъ Испаніи, ибо мы были столь добры къ нимъ, что уступили часть нашего флота; между нами сказать, какъ же они насъ бранятъ за сію драгоцѣнную уступку, утверждая, что флотъ сей вовсе негодный.

Пишу вашему сіятельству изъ Паламоса въ Испаніи, близъ Барцелоны, куда буря заставила насъ укрыться; купеческіе корабли, которые не послѣдовали намъ, погибли въ нашихъ глазахъ. Исправя снасти, отправляюсь въ Магонъ и оттуда въ Гибралтаръ.

Тоска по отечеству начинаетъ съѣдать меня. Простите меня, что наскучилъ вамъ политическими моими идеями; обѣщаю вамъ не писать болѣе о нихъ. Прошу васъ удостоить меня двумя строками своеручно, я почту сіе новымъ доказательствомъ вашего расположенія ко мнѣ [1]).

Сообщ. **Михаилъ Соколовскій.**

---

[1]) Арх. главн. штаба, дѣла канцеляріи начальники главнаго штаба. св. 30, д. № 1083.

Эпизодъ изъ жизни Н. И. Костомарова.

(По архивнымъ документамъ).

Въ біографіяхъ нашего замѣчательнаго историка, Н. И. Костомарова есть одинъ любопытный пробѣлъ, не восполняемый даже его собственною автобіографіею въ «Литературномъ наслѣдіи», Спб. 1890. Нигдѣ не разсказано объ избраніи Костомарова профессоромъ Казанскаго университета, гдѣ собирались создать для него новую спеціальную каѳедру русскихъ древностей или русской бытовой исторіи. Самъ Н. И. не обмолвился объ этомъ эпизодѣ изъ своей жизни ни единымъ словомъ. Единственно, что до сихъ поръ было извѣстно по указанному поводу въ печати—это одно письмо Н. И. Костомарова, которое было напечатано въ «Историческомъ Вѣстникѣ» уже послѣ его смерти, и котораго мы коснемся ниже.

Работая въ архивѣ Казанскаго университета, мы разыскали не только подлинные документы, относящіеся къ избранію Костомарова на новую, для него особо созданную каѳедру, но и весьма любопытную программу преподаванія, имъ тогда же составленную. Съ этими интересными документами мы и хотимъ ознакомить читателей.

Возвратившись въ 1857 г. изъ заграничнаго путешествія опять въ мѣсто своей ссылки, въ Саратовъ, магистръ историческихъ наукъ Н. И. Костомаровъ, не смотря на все еще тяготѣвшее надъ нимъ высочайшее воспрещеніе «служить по ученой части», наложенное императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ 1848 г. и подтвержденное «во всей силѣ» при вступленіи на престолъ государемъ Александромъ Николаевичемъ [1]),

[1]) „Литературное наслѣдіе“, стр. 100 и 82. Обстоятельства, сопровождавшія водвореніе Костомарова въ Саратовъ, разъяснилъ въ своей статьѣ г.

надо полагать, задумалъ возстановить для себя профессорское званіе, которое онъ когда-то носилъ въ Кіевскомъ университетѣ. Свои взоры Н. И. обратилъ на ближайшій къ Саратову поволжскій университетъ Казанскій. Рѣшеніе это, должно быть, окрѣпло въ немъ къ концу 1857 г., и Костомаровъ 6-го декабря 1857 г. обратился тогда въ университетъ съ слѣдующимъ прошеніемъ:

«Имѣю честь обратиться къ Совѣту Императорскаго Казанскаго университета съ покорнѣйшею просьбою удостоить меня допущеніемъ къ преподаванію русскихъ древностей въ семъ университетѣ; при чемъ честь имѣю представить на обсужденіе ученаго сословія составленную въ общихъ чертахъ программу такого преподаванія».

Прошенію Костомарова данъ былъ законный ходъ. Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ, 17-го января 1858 г., ректоръ далъ историко-филологическому факультету предложеніе за № 15, въ которомъ, препровождая самое прошеніе, просилъ факультетъ высказаться по такимъ тремъ вопросамъ: 1) представляется-ли въ настоящее время необходимость поручить преподаваніе русскихъ древностей—отдѣльно отъ русской исторіи—другому преподавателю, 2) съ какимъ званіемъ долженъ былъ бы быть опредѣленъ такой второй преподаватель, и 3) если отдѣльное преподаваніе русскихъ древностей факультетъ найдетъ нужнымъ, то сочтетъ-ли онъ магистра Костомарова, на основаніи изданныхъ имъ ученыхъ трудовъ, достойнымъ допущенія къ преподаванію означеннаго предмета?

Историко-филологическій факультетъ въ ближайшемъ своемъ засѣданіи заслушалъ и прошеніе аспиранта на каѳедру, и предложеніе ректора, а 30-го января вошелъ въ Совѣтъ съ ходатайствомъ, подписаннымъ деканомъ, протоіереемъ А. П. Владимірскимъ.

«Признательно сознавая просвѣтительную заботливость начальства», факультетъ, указывалъ, что изученіе древностей, поощряемое во всѣхъ европейскихъ университетахъ, есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій современнаго просвѣщенія и просилъ назначить на эту новую каѳедру Костомарова, «по крайней мѣрѣ, со званіемъ экстраординарнаго профессора». Свое рѣшеніе факультетъ мотивировалъ такъ:

Юдинъ, напечатавъ („Историческій Вѣстникъ“, ноябрь 1903 г.) письмо князя А. Ѳ. Орлова изъ Стрѣльны отъ 11-го іюля 1848 г. къ саратовскому губернатору Матвѣю Львовичу Кожевникову. Изъ этого письма, присланнаго съ фельдъегеремъ, который 24-го іюля привезъ Костомарова въ Саратовъ, видно, что Костомаровъ, отсидѣвъ годъ въ крѣпости и принесши въ своихъ „заблужденіяхъ“ „искреннее раскаяніе“, долженъ былъ быть опредѣленъ на службу, „но никакъ не по ученой части“,—и съ учрежденіемъ за нимъ строжайшаго надзора. Шефъ жандармовъ просилъ губернатора быть къ Костомарову „милостивымъ“, какъ къ „человѣку съ достоинствами“.

1. Наука древностей русскихъ, постепенно возникая изъ монографій, частію обогатилась уже матеріалами, приведеніе которыхъ въ единство требуетъ исключительнаго посвященія, частію, сливаясь, по самому значенію своему, съ славянскими древностями, и поясняясь изслѣдованіями, касающимися финскихъ и восточныхъ народовъ, особенно же германскаго и византійскаго міра; (наука эта) представляетъ обширное поприще, къ обозрѣнію котораго нынѣ существующее преподаваніе не представляетъ полныхъ пособій. Основываясь на реальныхъ и письменныхъ матеріалахъ и преданіяхъ, она, обозначая мѣсто, которое занималъ въ древности русскій народъ среди другихъ народовъ, его отличительныя свойства, обнимая познаніе развитія его въ семействѣ, общинѣ и подъ вліяніемъ высшихъ религіозныхъ и гражданскихъ началъ, познаніе бытовыхъ условій, изъ которыхъ возникали разныя явленія частной и общественной жизни, справедливо можетъ почесться отдѣльною, самостоятельною наукою. Если въ настоящее время сфера ея не можетъ быть достаточно опредѣлена, такъ что нѣкоторыя изъ ея задачъ остаются только постулятами, то причиною этому можно поставить то обстоятельство, что, требуя силъ, исключительно направленныхъ на приведеніе въ стройный порядокъ ея содержанія, она не пользовалась такъ же, какъ древности другихъ народовъ въ странахъ образованныхъ, поощрительнымъ распоряженіемъ, ставящимъ ее предметомъ отдѣльной каѳедры. Съ полною увѣренностію можно утверждать, что значеніе ея очевидно обнаружится съ учрежденіемъ этой послѣдней.

Лишнимъ, кажется, будетъ доказывать значеніе науки, задачи которой каждому просвѣщенному поощрителю полезныхъ знаній всегда будутъ казаться достойными отдѣльныхъ трудовъ, но нельзя не упомянуть, что преподаваніе науки русскихъ древностей въ образованіи юныхъ питомцевъ университета связано съ ихъ существеннымъ назначеніемъ. Нынѣ, когда все русское общество борется о томъ, чтобы успѣхамъ своего просвѣщенія придать правильное, естественное теченіе, когда сознано, что стремленіе къ цивилизаціи не лежитъ только въ отрицаніи прошедшаго, но въ познаніи его, въ совершенномъ проникновеніи причинъ и обстоятельствъ образованія и преобразованія въ минувшіе вѣки, по истинѣ великодушно будетъ признаніе пользы науки, выясняющей юношеству нашему условія жизни предковъ.

Рядомъ съ науками, указывающими путь впередъ, наука русскихъ древностей пробудитъ глубже сознаніе закона, столь благодѣтельнаго въ общей и частной жизни, закона п о с т е п е н н а г о нравственнаго развитія. Одна эта мысль, если только она ясно выражена, заставляетъ признать образовательное значеніе науки древностей и признательно выразить глубокое уваженіе къ правительству, покровительству и по-

ощренію котораго русскія древности будутъ одолжены пожертвованіемъ не только для частныхъ изысканій, но и для систематическаго объясненія ихъ въ университетѣ.

2. Что касается условій, которыя поставлены на видъ начальствомъ для соображенія при назначеніи преподавателя, то они непосредственно выходятъ изъ того значенія и того мѣста, которое угодно будетъ придать наукѣ на-ряду съ другими, преподаваемыми въ университетѣ. Согласно съ этимъ, историко-филологическій факультетъ покорнѣйше проситъ Совѣтъ университета принять на себя ходатайство предъ высшимъ начальствомъ о томъ, чтобы преподаваніе русскихъ древностей, какъ самостоятельной науки, присвоивало преподавателю оной права профессора со всѣми преимуществами, присвоенными званію адъюнкта, экстраординарнаго и ординарнаго профессора, дабы съ поощреніемъ науки соединено было поощреніе ея труженика. При томъ, такъ какъ очевидно, что наука русскихъ древностей, имѣя свои общія задачи, постоянно отдѣлялась и отдѣляется отъ русской исторіи, то и преподаваніе ея будетъ, конечно, поставлено въ такомъ отношеніи къ сей послѣдней, что еще яснѣе выразится самостоятельность обѣихъ каѳедръ, необходимость которыхъ доказываетъ ихъ близкое отношеніе ко всему отечественному.

3. Выразивъ свое мнѣніе о необходимости науки русскихъ древностей и объ условіяхъ ея преподаванія, историко-филологическій факультетъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія Совѣта, что предложеніе г. Костомарова въ преподавателя русскихъ древностей служитъ ему лучшимъ доказательствомъ заботливости начальства о существенныхъ пользахъ факультета и возвышенной готовности ходатайствовать о введеніи въ кругъ университетскаго образованія науки, ожидающей отдѣльной каѳедры.

Единогласно признавая этого достойнаго ученаго совершенно отвѣчающимъ сему назначенію, факультетъ въ заслуженномъ отличіи, какимъ начальству угодно будетъ почтить сего труженика, увидитъ знакъ справедливаго возмездія за его труды, сопряженные съ лишеніями. При извѣстности, какою они пользуются въ русскомъ ученомъ мірѣ, достаточно, кажется, только обозначить ихъ общее значеніе. Г. Костомаровъ, соединяя въ себѣ завидныя качества даровитаго литератора [1]) и филолога, давно извѣстный ученому міру своими положительными трудами, касающимися народной словесности [2]), миѳологіи [3]),

---

[1]) Подъ псевдонимомъ извѣстны превосходныя стихотворенія г. Костомарова.

[2]) О народной были „Горе Злосчастіе“; о языкѣ и литературѣ южныхъ руссовъ по отношенію къ сѣвернымъ.

[3]) О миѳологіи славянъ.

исторіи внутренняго развитія сѣверныхъ и южныхъ руссовъ [1]) и, наконецъ, выходящимъ нынѣ изъ печати обширнымъ сочиненіемъ о торговлѣ русской [2]), занялъ уже почетное мѣсто въ ряду немногихъ современныхъ двигателей успѣховъ науки и потому принадлежитъ къ тѣмъ замѣчательнымъ ученымъ, выборъ котораго въ преподавателя науки не можетъ найти препятствія въ мнѣніи людей, давно уважающихъ его самопожертвованія въ дѣлѣ ея успѣховъ.

При томъ, такъ какъ эти труды, оцѣненные также иностранными учеными, доказываютъ и приготовленіе, и призваніе г. Костомарова къ занятіямъ по каѳедрѣ русскихъ древностей, то историко-филологическій факультетъ, не обинуясь, единодушно ходатайствуетъ о присвоеніи сего достойнаго ученаго Казанскому университету, по крайней мѣрѣ, съ званіемъ экстраординарнаго профессора.

Ознакомимся теперь съ программою Костомарова, которую передадимъ въ краткомъ изложеніи.

Направленіе нашей отечественной исторіи, начинаетъ свою записку Костомаровъ, клонится въ настоящее время къ разъясненію и уразумѣнію внутренней жизни и быта. Мыслящей любознательности не можетъ удовлетворить изложеніе однихъ только внѣшнихъ событій, какъ бы вѣрно и живо ни были они изображаемы, и какъ бы разумно они ни были связаны между собой. Внѣшняя и былевая [3]) исторія касается только немногихъ, отдѣльныхъ лицъ изъ цѣлаго народа, именно такихъ лицъ, которыхъ обстоятельства или дарованія выдвинули на поверхность народной массы. Черезъ это остается мало разгаданною жизнь поколѣній, смѣнявшихъ одно другое, и протекавшихъ свой путь подъ вліяніемъ историческихъ событій. Теперь созрѣло и утвердилось сознаніе, что какъ разъ эта жизнь массъ и составляетъ сущность историческаго знанія.

Мы не довольствуемся уже болѣе знаніемъ того, что̀ измѣняло судьбу народа, что̀ заставляло его радоваться или страдать, оживляться или впадать въ апатію. Мы хотимъ теперь знать и то, какъ народъ чувствовалъ, какъ страдалъ, радовался, дѣйствовалъ. Насъ не удовлетворяютъ ни князья, ни полководцы, ни придворныя празднества и мирные договоры, ни важныя минуты государственныхъ явленій. Намъ надобно увидѣть бѣднаго поселянина въ его хатѣ, прислушаться къ его домашней рѣчи, узнать его обращеніе съ семьею и съ сосѣдями. Самыя внѣшнія событія, представляемыя обыкновенно исторіею до

[1]) О православныхъ выходцахъ изъ Литвы; о южной Россіи до Богдана Хмѣльницкаго; Богданъ Хмѣльницкій.

[2]) „Современникъ“ 1857 г., октябрь и проч.

[3]) Погодинъ и другіе пытались одно время замѣнить въ исторической терминологіи иностранное слово фактъ русскимъ быль.

сихъ поръ, не вполнѣ понятны и лишены истиннаго своего смысла—безъ знанія общенародной жизни—потому, что они сохраняютъ свой корень въ глубинѣ народныхъ побужденій. Прославляемые въ исторіи герои всегда останутся для насъ неясными силуэтами, если отъ нашего вниманія ускользнутъ нравственныя и матеріальныя особенности обстановки, сопровождавшей пріемы ихъ дѣятельности. Только соединяя изображеніе важныхъ событій съ картиною протекшаго народнаго быта, среди котораго они совершались, и можно образовать такую науку, которая удовлетворяла бы историческому смыслу, одухотворяющему угасшую жизнь столѣтій, воскрешаемую перомъ дѣписателя.

Честь перваго указанія того, въ чемъ должна состоять наука русской исторіи, принадлежитъ Н. А. Полевому. Онъ впервые въ нашей литературѣ высказалъ эту потребность. Одно названіе его труда: «Исторія русскаго народа» показываетъ, что Полевой уже почувствовалъ недостаточность того историческаго метода, который долго ограничивался изображеніемъ государственныхъ перемѣнъ и все вводилъ единственно въ политическій кругъ. Талантливый писатель не достигъ своей цѣли—и не могъ достигнуть ея: у него было больше дарованія и ума, чѣмъ знаній для постройки предпринятаго творенія; вѣдь сокровищница источниковъ для такой исторіи народа была въ то время слишкомъ бѣдна. Но заслугъ Полеваго современная критика, обличавшая часто вполнѣ справедливо—недостатки его сочиненія, отнять у него не могла.

Чтобы осуществить идеалъ Полеваго и построить такую исторію русскаго народа, о какой онъ мечталъ, надлежало образоваться отдѣльной наукѣ древности: русской археологіи или бытовой исторіи, которая, отдѣлившись отъ подчиненности разсказу и изложенію политическихъ событій, изобразила бы цѣлостную картину народной жизни.

Возможность этой науки приготовили безцѣнныя изданія Археографической коммиссіи, Московскаго общества исторіи и древностей, Кіевской археографической коммиссіи вмѣстѣ съ Румянцовскимъ собраніемъ грамотъ, Древнею вивліоѳикою Новикова и разными матеріалами, изданными любителями старины и отдѣльно, и въ различныхъ сборникахъ, и въ періодическихъ изданіяхъ.

Основаніе построенію русской археологіи положили, по мнѣнію Костомарова, добросовѣстные труды нашихъ ученыхъ, обогатившіе литературу превосходными изслѣдованіями о прошедшей жизни нашей: труды Погодина, Забѣлина, Бѣляева, Калачева, Кавелина, Соловьева, Константина Аксакова, Чичерина, Мейера, Лешкова, Пыпина, Буслаева, Аѳанасьева, Бодянскаго, Срезневскаго, Ундольскаго и др.

Замѣтимъ, что среди русскихъ историковъ на первомъ мѣстѣ въ

костомаровскомъ спискѣ фигурируетъ имя Погодина. Костомаровъ питалъ къ Погодину какую-то странную и мало объяснимую, но очень крѣпкую симпатію. Въ XVII т. біографіи Погодина Н. П. Барсукова собрано и приведено много свидѣтельствъ этой симпатіи, за которую Костомарова и устно, и печатно укоряли Чернышевскій и другіе. Послѣ непріятнаго диспута съ Погодинымъ о литовскомъ происхожденіи Руси и всей тягостной полемики, возгорѣвшейся изъ-за диспута, послѣ рѣзкаго возраженія Костомарова, послѣдній резонно отвѣчалъ Погодину на его неумное и неуклюжее разъясненіе, будто диспутъ въ его представленіи былъ лишь шуткой: «Если Погодину угодно было,—писалъ Н. И. Костомаровъ,—съ кѣмъ-нибудь (только не со мною) шутить публичнымъ разсужденіемъ о варяжскомъ вопросѣ, то умѣстнѣе было бы устроить публичное разсужденіе въ балаганѣ на Адмиралтейской площади или лѣтомъ на Крестовскомъ островѣ». Послѣ всего этого Костомаровъ продолжалъ незлобиво писать Михаилу Петровичу дружескія письма и испрашивать у него «честнаго мира, безобиднаго для обоихъ». «Никакіе норманы, говорилъ онъ, и жмудины не изгладятъ изъ моего сердца того глубокаго уваженія, которое я питалъ къ вамъ болѣе двадцати лѣтъ, не зная васъ лично, и которое теперь еще полнѣе и живѣе послѣ того, какъ въ послѣднее время я имѣлъ удовольствіе сблизиться съ вами». Не мало надобно было заочнаго очарованія Погодинымъ, чтобы даже послѣ личнаго знакомства съ нимъ и послѣ исторіи съ диспутомъ не только не утратить къ Погодину уваженія, но еще увеличить его.

Но обратимся къ запискѣ Костомарова.

«Наступила, кажется, пора», говоритъ онъ, «когда наука русскихъ древностей или бытовой исторіи должна явиться въ университетахъ, въ отдѣльной формѣ преподаванія, независимо отъ преподаванія русской былевой исторіи».

Въ пользу выдѣленія бытовой исторіи и образованія для нея особой, новой каѳедры Костомаровъ приводитъ два соображенія.

Во первыхъ, этого заставляетъ желать важность предмета. Надобно дать ему болѣе значительный объемъ, чтобы развить въ образованной публикѣ сочувствіе къ нему, разлить въ ней необходимыя классическія знанія, безъ которыхъ не можетъ быть участія къ явленіямъ въ мірѣ науки и, наконецъ, приготовить въ юномъ поколѣніи дѣятелей для науки; такого рода преподаваніе послужитъ молодымъ людямъ основою для ихъ послѣдующихъ ученыхъ занятій.

Во вторыхъ, отдѣлить русскія древности отъ преподаванія русской исторіи побуждаетъ трудность предмета. Если бы даже и нашелся такой преподаватель, которому требующаяся для того громадная ученость позволила бы совладѣть съ обѣими отраслями историческаго

знанія какъ съ бытовой, такъ и съ былевою исторіей, то одна только критическая обработка источниковъ для былевой исторіи отниметъ у него все время. При томъ же у насъ нѣтъ подъ рукою никакихъ спеціальныхъ обработанныхъ сочиненій, обнимающихъ собою цѣлый предметъ русскихъ древностей (кромѣ нѣкоторыхъ монографій). Поэтому преподаватель древностей или бытовой исторіи долженъ будетъ прокладывать самъ себѣ дорогу къ систематическому изложенію науки въ кучѣ разнообразныхъ источниковъ, изданныхъ, большею частью, безъ объясненій, и самъ долженъ будетъ заниматься ихъ объясненіемъ и оцѣнкой.

Отграничивъ бытовую исторію объ былевой, Костомаровъ проситъ не смѣшивать археологію или бытовую исторію еще съ археографіею.

Археографія есть только систематическое описаніе памятниковъ, служащихъ къ уразумѣнію тѣхъ сторонъ прошлой жизни народа, которыми занимается археологія. Предметъ археографіи памятники, ведущіе къ уразумѣнію жизни; предметъ же археологіи есть самая жизнь. Дѣло археографіи опредѣлить цѣнность памятниковъ по ихъ древности, указать, что и въ какой степени они выражаютъ. Дѣло археолога или бытоваго историка—извлечь изъ нихъ смыслъ, относящійся къ жизни.

А жизнь народа, полагаетъ Костомаровъ, проявлялась въ четырехъ отношеніяхъ: физіологическомъ, политическомъ, общественномъ и духовномъ. Принимая за основаніе, что наука древностей или бытовая исторія имѣетъ цѣлію изобразить прошедшую жизнь, мы получимъ, что сообразно приведенному выше дѣленію сторонъ наружной жизни полная система русской археологіи будетъ заключать въ себѣ четыре отдѣла.

Въ первомъ, физіологическомъ отдѣлѣ Костомаровъ обѣщается представить вліяніе мѣстности и климата на организмъ народа, его этнографическія особенности, состояніе народнаго здоровья и тѣлеснаго склада, наружный видъ и тѣлесныя способности народа, сообразно памятникамъ прошедшаго.

Во второмъ отдѣлѣ, политическомъ, надобно изобразить государственное строеніе, въ которое облеклась народная жизнь, отношеніе къ сосѣдямъ, средства защиты, относительное могущество или слабость державы.

Третій отдѣлъ, общественный, будетъ обнимать общественный бытъ, т. е. тѣ формальныя связи, въ которыхъ воплощается соединеніе людей между собой. Эти связи: церковь, гражданство, промыселъ и домъ.

Четвертый, духовный, отдѣлъ изобразитъ настроеніе народнаго духа, которое выражается понятіями и чувствами въ отношеніи къ

высочайшему существу, человѣку и природѣ. Сюда войдутъ религія, народныя понятія и суевѣрія, воспитаніе, просвѣщеніе, народная и письменная литература.

Въ нѣкоторыхъ пунктахъ, какъ покажется на первый взглядъ, отдѣлы между собой сливаются; но на самомъ дѣлѣ у каждаго—своя особая сфера. Говоря о церкви, конечно, придется говорить и вообще о религіи; но въ III отдѣлѣ придется, напр., изобразить церковные обряды, а въ IV будетъ показано, какъ эти обряды возбуждали религіозное чувство, и какъ религіозное чувство выражалось въ этихъ обрядахъ. Или: въ III отдѣлѣ нужно разсмотрѣть супружескія отношенія, способъ ихъ проявленія, законы, обезпечивающіе супружескія отношенія, а въ IV отдѣлѣ надлежитъ трактовать взгляды, какіе составилъ себѣ народъ о супружествѣ. Равнымъ образомъ: напр., въ отдѣлѣ политической жизни мы коснемся войска, говоря о средствахъ защиты края, а въ отдѣлѣ общественной жизни должно быть представлено внутреннее устройство военнаго сословія, военное управленіе и военный бытъ.

Несомнѣнно, что Казанскій университетъ очень хотѣлъ пріобрѣсти для себя такую выдающуюся научную силу, какъ Н. И. Костомаровъ. 5-го апрѣля было баллотированіе въ Совѣтѣ, и какъ видно изъ избирательнаго листа, составленнаго тогда же на засѣданіи, Костомаровъ получилъ избирательныхъ голосовъ 15, а неизбирательныхъ—всего лишь 2. Но возникалъ очень трудный вопросъ объ изысканіи средствъ на содержаніе новой каѳедры [1]). Была затребована предварительно справка изъ правленія университета о состояніи средствъ. Правленіе отозвалось [2]), что опредѣлить въ точности остатки экономической суммы невозможно. За то оказались остатки отъ содержанія личнаго состава. Хроническая язва казанскаго университета, некомплектъ преподавателей, и тогда имѣлась на лицо: изъ 13 штатныхъ экстраординарныхъ профессуръ была занята лишь половина—7. За вычетомъ содержанія получавшихъ изъ этихъ же остатковъ четырехъ адъюнктовъ, имѣлся остатокъ въ 2802 р. Тогда Совѣтъ опредѣлилъ въ томъ же засѣданіи 5-го апрѣля 1858 г.: просить ходатайства г. попечителя Казанскаго учебнаго округа объ отдѣленіи преподаванія русскихъ древностей въ Казанскомъ университетѣ и о порученіи онаго магистру историческихъ наукъ Костомарову, съ званіемъ исправляющаго должность экстраординарнаго профессора, съ выдачею ему въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ

[1]) Каѳедры русской бытовой исторіи нѣтъ еще ни въ одномъ русскомъ университетѣ даже до сихъ поръ, не смотря на всю ея очевидную необходимость.

[2]) Отъ 18-го марта за № 700.

содержанія изъ остатковъ штатной суммы, на жалованье преподавателямъ Казанскаго университета отпускаемой, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи этого времени таковая выдача была отнесена на счетъ государственнаго казначейства. Жалованье экстраординарнаго профессора, замѣтимъ мы, равнялось тогда 840 р. 60 коп. Постановленіе Совѣта было отправлено къ попечителю 10-го апрѣля. Итакъ, дѣло, повидимому, улаживалось, и Н. И. Костомаровъ, поставленный въ извѣстность о столь благополучномъ исходѣ его прошенія, прислалъ на имя казанскаго ректора Іосифа Михайловича Ковалевскаго слѣдующее письмо отъ 24-го мая 1858 г. изъ Саратова:

«Согласно отношенію вашего превосходительства отъ 5-го мая 1858 г., за № 179, честь имѣю доставить документъ о моей службѣ.

«Высоко цѣня честь, оказанную мнѣ Казанскимъ университетомъ, я прошу васъ принять изъявленіе моей глубокой признательности почтенному ученому сословію этого университета, удостоившему меня принятіемъ въ число своихъ членовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ позвольте поручить себя на будущее время вашему благосклонному вниманію и принести искреннее увѣреніе въ полнотѣ чувствъ моего глубочайшаго къ вамъ уваженія и совершенной преданности, съ которыми имѣю честь пребыть» и проч.

Когда дѣло было представлено министерству народнаго просвѣщенія, то оно, повидимому, сочло нужнымъ снестись съ саратовскимъ губернаторомъ, которымъ тогда состоялъ (съ 1855 г.) Алексѣй Дмитріевичъ Игнатьевъ, который въ началѣ, повидимому, хорошо относился къ Костомарову [1]). Когда въ 1855 г. новый полицеймейстеръ вытребовалъ Костомарова, какъ поднадзорнаго, къ себѣ на смотръ, вмѣстѣ съ ссыльными поляками, уголовными преступниками, оставленными въ подозрѣніи, даже вмѣстѣ съ содержательницами домовъ терпимости, и на этомъ смотру надѣлалъ Костомарову дерзостей, то Игнатьевъ просилъ за полицеймейстера у Костомарова извиненія и предложилъ ему принять на себя должность дѣлопроизводителя статистическаго комитета. Но теперь, когда зашелъ вопросъ о профессурѣ, губернаторъ, надо думать, отозвался весьма неблагопріятно, чѣмъ всецѣло испортилъ дѣло—не смотря, на всю симпатію, которую питалъ къ Костомарову самъ министръ народнаго просвѣщенія, Е. П. Ковалевскій.

В. Л. Борисовъ извлекъ изъ рукописей Казанскаго общества исторіи, археологіи и этнографіи одно письмо Н. И. Костомарова отъ 26-го іюля 1858 г., писанное изъ Петербурга, управлявшему тогда Казанскимъ учебнымъ округомъ, помощнику попечителя, извѣстному ученому историку-моряку, Ѳеодосію Ѳедоровичу Веселаго. Письмо это поступил

[1]) „Литературное наслѣдіе“, стр. 75—76.

въ общество въ числѣ другихъ бумагъ Веселаго, чрезъ барона В. Р. Розена, и напечатано въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1899 г. [1]). Не перепечатывая самаго письма, приведемъ лишь его существенное содержаніе.

Прибывъ въ С.-Петербургъ съ цѣлію заранѣе сдѣлать запасъ извлеченій изъ рукописей и рѣдкихъ книгъ, необходимый для занятій русскими древностями, Костомаровъ узналъ, что представленіе о немъ и опредѣленіе въ должность профессора останавливается «по причинѣ странныхъ писаній г. саратовскаго губернатора». Костомаровъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія Евграфу Петровичу Ковалевскому, который лично сказалъ ему, что если губернаторъ поставляетъ на видъ старыя событія изъ біографіи Костомарова, то онъ самъ берется испросить высочайшее соизволеніе на опредѣленіе Костомарова профессоромъ въ Казанскій университетъ. Министръ поручилъ Николаю Ивановичу просить казанскаго ректора о скорѣйшемъ представленіи. Тогда Костомаровъ и обратился къ Веселаго, какъ къ помощнику попечителя, съ просьбою посодѣйствовать этому скорѣйшему представленію и «разрѣшенію вопроса: быть или не быть ему въ Казанскомъ университетѣ». Онъ заявилъ, что высоко цѣнитъ честь, оказанную ему почтенными членами университета, и считаетъ себя обязаннымъ Веселаго за оказанное имъ «вниманіе и покровительство». Свое письмо Костомаровъ заканчиваетъ увѣреніемъ, что онъ душевно желаетъ поскорѣе имѣть возможность трудиться съ цѣлію сдѣлаться достойнымъ этого призванія, сколько у него достанетъ силъ, способностей и здоровья.

Утвержденіе Костомарова въ званіи и. д. экстраординарнаго профессора на вновь созданной каѳедрѣ русскихъ древностей, какое испрашивалъ для него Казанскій университетъ, все не приходило. Но, повидимому, не было и прямаго отказа. По крайней мѣрѣ, въ дѣлахъ архива таковаго мы не могли отыскать. Къ сожалѣнію, преклонный старецъ протоіерей А. П. Владимірскій, который тогда былъ деканомъ историко-филологическаго факультета, здравствующій до нынѣ, ничего не могъ сообщить намъ о дѣлѣ Костомарова, которое совершенно изгладилось изъ его памяти, и мы лишены возможности возстановить, какъ представляли себѣ дѣло о неутвержденіи Костомарова тогдашніе казанскіе профессора.

Между тѣмъ время шло, и въ апрѣлѣ 1859 г. [2]), Петербургскій университетъ пригласилъ Костомарова занять каѳедру русской исторіи послѣ удалившагося въ отставку Н. Г. Устрялова. Костомаровъ неме-

---

[1]) Сентябрь (№ 9), стр. 1048—1049.

[2]) „Литературное наслѣдіе“, стр. 109, 110, 112.

дленно отправился въ Петербургъ и представился министру. Е. П. Ковалевскій принялъ его очень любезно, но сказалъ, что онъ уже докладывалъ государю о снятіи запрещенія служить по ученой части, на что государь сказалъ, что ему сообщили, будто бы Костомаровъ написалъ какую-то неблагонамѣренную книгу о Стенькѣ Разинѣ. Когда министръ представилъ, что это сочиненіе вовсе не отличается дурнымъ направленіемъ, то государь обѣщался самъ прочитать книгу и приказалъ ее доставить, а дѣло опять остановилось. Губернаторомъ въ Саратовѣ все еще былъ Игнатьевъ. Наконецъ, уже въ сентябрѣ, Е. П. Ковалевскій пригласилъ Николая Ивановича къ себѣ и сообщилъ ему много радостныхъ вѣстей: государь императоръ лично прочиталъ «Бунтъ Стеньки Разина»; отозвался о немъ очень одобрительно, разрѣшилъ Костомарову опять служить по ученой части и утвердилъ его въ званіи экстраординарнаго профессора при Петербургскомъ университетѣ. 20-го ноября 1859 года состоялась уже вступительная лекція Николая Ивановича въ университетѣ при огромномъ стеченіи публики, съ великимъ успѣхомъ: не довольствуясь аплодисментами, толпа молодежи на рукахъ вынесла лектора изъ аудиторіи. Такимъ образомъ Казанскій университетъ навѣки утратилъ возможность пользоваться дарованіями Николая Ивановича.

Проф. **Е. Бобровъ.**

Воспоминанія педагога.

Бывшій инспекторъ классовъ Александровскаго военнаго училища генералъ-маіоръ Владиміръ Георгіевичъ фонъ-Бооль, воспоминанія котораго мы помѣщаемъ ниже, родился 31-го марта 1836 года.—Окончивъ образованіе въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, онъ былъ произведенъ въ прапорщики 16-го іюня 1856 г., съ назначеніемъ въ л.-гв. Волынскій полкъ и съ прикомандированіемъ къ Михайловской артиллерійской академіи. По окончаніи въ ней курса, по первому разряду, Владиміръ Георгіевичъ былъ отчисленъ въ свой полкъ, а затѣмъ 30-го іюля 1859 года назначенъ репетиторомъ физики въ 1-й кадетскій корпусъ.—Въ іюлѣ 1861 года онъ былъ переведенъ въ л.-гв. конную артиллерію и въ августѣ того же года утвержденъ учителемъ 3-го рода по физикѣ.—22-го ноября 1863 года В. Г. былъ утвержденъ въ должности помощника инспектора классовъ.—Въ іюлѣ 1866 года, будучи уже въ чинѣ штабсъ-капитана, онъ былъ перемѣщенъ на ту же должность въ Николаевское Кавалерійское училище и съ производствомъ въ капитаны назначенъ 4-го іюля 1867 г. инспекторомъ классовъ Петровской Полтавской гимназіи.—Тамъ онъ пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ и въ августѣ того же года перемѣщенъ на ту же должность во Владимірскую-Кіевскую военную гимназію.—30-го августа 1870 года Владиміръ Георгіевичъ произведенъ въ полковники, а 22-го августа 1884 года назначенъ инспекторомъ классовъ 3-го военнаго Александровскаго училища; въ слѣдующемъ году, 30-го августа, онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и 23-го декабря 1899 года скончался. Ред.

Почти всю свою жизнь я провелъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Съ шести до двадцати лѣтъ я былъ кадетомъ сперва въ малолѣтнемъ

Александровскомъ корпусѣ (въ Царскомъ Селѣ), потомъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ въ Петербургѣ, затѣмъ два года я пробылъ въ артиллерійской Академіи, потомъ былъ на службѣ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, въ двухъ военныхъ училищахъ, въ различныхъ военныхъ гимназіяхъ и снова въ кадетскомъ корпусѣ, послѣдовательно въ различныхъ должностяхъ.

Думаю, что такое продолжительное пребываніе мое среди дѣтей и юношей, собранныхъ въ качествѣ интерната, воспитывавшихся при различныхъ системахъ и разными лицами, давшее мнѣ возможность видѣть и наблюдать дѣтей и ихъ воспитаніе въ теченіе почти 60-ти лѣтъ, дѣлаютъ мои наблюденія не безполезными хотя для тѣхъ читателей, которые, подобно мнѣ, рѣшились посвятить свою жизнь воспитанію чужихъ дѣтей. Я сочту цѣль своихъ записокъ вполнѣ достигнутою, если хотя нѣкоторые вопросы, касающіеся личности дѣтей и ихъ воспитанія, наведутъ педагоговъ на размышленіе и заставятъ ихъ серьезнѣе вдуматься и внимательнѣе отнестись къ своимъ обязанностямъ.

I.

Домашняя жизнь и опредѣленіе въ корпусъ.

Предки мои, со стороны отца, были выходцами изъ Германіи. Дѣдъ мой былъ при Екатеринѣ II инженернымъ генераломъ, построилъ дворецъ, садъ и паркъ въ Гатчинѣ и такъ угодилъ императору Павлу, что при своемъ вступленіи на престолъ онъ предложилъ ему просить у него чего пожелаетъ. Дѣдъ мой попросилъ только увольненія отъ службы. Императоръ Павелъ грозно взглянулъ на дѣда, повернулся и отошелъ отъ него. Когда впослѣдствіи дѣдъ подалъ прошеніе объ опредѣленіи своихъ сыновей въ кадетскій корпусъ, императоръ приказалъ отказать въ пріемѣ дѣтей, и только по смерти Павла Петровича состоялось опредѣленіе въ 1-й корпусъ моихъ дядей и моего отца.

Я родился 13-го марта 1835 года въ мѣстечкѣ «Новый дворъ», въ двухъ верстахъ отъ Новогеоргіевска. Отецъ мой, полковникъ артиллеріи, былъ въ это время командиромъ лабораторной роты и, по своей должности, пользовался хорошей казенной квартирой, представлявшей отдѣльный домикъ съ садомъ. Изъ живыхъ дѣтей моихъ родителей я былъ шестымъ; послѣ меня родились еще двѣ сестры.

Въ дѣтствѣ своемъ я обладалъ богатою памятью, такъ что удивлялъ своихъ родныхъ разсказами о различныхъ обстоятельствахъ, бывшихъ въ столь раннее мое дѣтство, что никто не могъ себѣ вообразить,

чтобы я дѣйствительно могъ это помнить. Такъ я помню нѣкоторыя обстоятельства смерти моего отца въ 1838 году, когда мнѣ было всего два года и десять мѣсяцевъ. Мнѣ разсказывали, что отецъ, желая передъ смертью благословить всѣхъ дѣтей, велѣлъ привести ихъ къ себѣ; это было ночью съ 9-го на 10-е января, такъ что я, вѣроятно, былъ сонный и ничего объ этомъ не помню; но на другой день, едва я утромъ одѣлся и выбѣжалъ въ залу, первый предметъ, бросившійся мнѣ въ глаза, былъ мой отецъ, лежавшій на столѣ. Я обошелъ вокругъ стола, всматриваясь въ лицо съ закрытыми глазами, затѣмъ побѣжалъ назадъ, въ дѣтскую, гдѣ мои братья и сестры еще одѣвались, и закричалъ: «посмотрите, папа лежитъ на столѣ!» Я хорошо помню, какъ няньки стали выражать сожалѣніе; это я понялъ только изъ того тона, съ которымъ онѣ стали говорить, при этомъ я въ первый разъ услышалъ слово: «сиротка», хотя и не понялъ значенія его.

Въ день похоронъ отца я узналъ еще одно новое слово «покойникъ», которое часто повторялось вокругъ меня, но не понималъ настоящаго значенія этого слова и связалъ его съ тѣми новыми лицами, которыя я увидѣлъ. Въ комнату набралось много народа и между прочимъ пришли артиллерійскіе солдаты. Къ одному изъ нихъ я обратился съ вопросомъ: зачѣмъ ты сюда пришелъ? Солдатъ посмотрѣлъ на меня, какъ мнѣ тогда показалось, сурово, я струсилъ и предположилъ, что это и есть покойникъ. Года два спустя послѣ этого событія, я, разсказывая о смерти отца, сказалъ, что за нимъ пришли и унесли его покойники, и тогда только мнѣ объяснили это слово.

Весной того же года мать моя переѣхала въ Петербургъ на жительство. Дорога осталась въ моей памяти по нѣкоторымъ хотя и не важнымъ обстоятельствамъ. Мы ѣхали «на долгихъ», т. е. на однѣхъ и тѣхъ же лошадяхъ всю дорогу, и останавливались для ночлега на постоялыхъ дворахъ. На Петербурго-Варшавскомъ шоссе постоялые дворы представляли тогда большія комнаты со скамейками вокругъ стѣнъ. Народу проѣзжало всегда много. Сидя на скамьѣ, я разсматривалъ проѣзжающихъ и, увидѣвъ высокаго, закутаннаго человѣка, я боялся его, вообразивъ себѣ, что это волкъ, такъ какъ, слушая въ сказкахъ о томъ, что волкъ говоритъ, я представлялъ себѣ волка человѣкомъ, пожирающимъ другихъ людей. Такое убѣжденіе сохранялось во мнѣ еще долго, и я былъ не мало удивленъ, когда мнѣ однажды, на пятомъ году, показали картинку съ изображеніемъ волка.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, мать моя остановилась у тетки,—родной сестры моего отца. Хотя мнѣ тогда было всего три года съ тремя мѣсяцами, но я очень хорошо помню домъ Сукмана, на Кирочной улицѣ, гдѣ жила тетка. Мы прожили у тетки очень не долго и къ концу лѣта переѣхали на отдѣльную квартиру. У тетки моей мы встрѣтили стар-

шаго моего брата Александра, посланнаго за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ отцомъ въ Петербургъ, для обученія въ гражданской гимназіи. Такимъ образомъ вся наша семья собралась вмѣстѣ, одинъ только разъ и то на очень короткое время. Кромѣ матери и тетки, насъ было семеро дѣтей: три брата и четыре сестры (самая младшая сестра умерла вслѣдъ за отцомъ въ Новогеоргіевскѣ). Черезъ два или три мѣсяца по нашемъ пріѣздѣ, старшую сестру мою Елизавету отвезли въ Маріинскій институтъ; старшій братъ, оканчивавшій въ это время курсъ въ гимназіи, рѣдко бывалъ дома; младшая сестра—Ольга, постоянно больная ногами, лежала въ кровати и менѣе чѣмъ черезъ годъ умерла; затѣмъ я, второй братъ мой Константинъ и двѣ сестры—Юлія и Софья, мы вчетверомъ оставались безъ всякаго надзора и дѣлали, что хотѣли. Прислуга наша состояла изъ крѣпостнаго человѣка (онъ же и поваръ) и наемной горничной (она же должна была исполнять роль нашей общей няньки); мать моя была цѣлые дни въ отлучкѣ, то хлопотала по дѣламъ опеки, то по опредѣленію дѣтей въ казенныя заведенія, или разыскивала своихъ старыхъ знакомыхъ, а мы оставались одни по цѣлымъ днямъ и часто даже одни обѣдали. Вспоминая теперь дѣтство свое и моихъ сестеръ и брата, невольно удивляешься, какъ никто изъ насъ не выросъ калѣкой. Огромный четырехэтажный домъ, въ которомъ мы жили, былъ нами посѣщаемъ во всѣхъ углахъ. Вмѣстѣ съ другими дѣтьми, которыхъ въ домѣ жило очень много, мы избѣгали всѣ чердаки, лазили по крышамъ, носились по лѣстницамъ въ перегонку, нерѣдко падая, спускались въ пустые подвалы и погреба. Когда намъ надоѣстъ гулять по двору, мы уходили на улицу, гдѣ безъ шапокъ бѣгали въ запуски за экипажами. Зимой катались съ ледяной горы, построенной на заднемъ дворѣ, при чемъ я однажды съѣхалъ съ горы буквально на носу, вслѣдствіе чего истекалъ кровью и надолго затѣмъ закаялся лазить на гору; бросались снѣжками, лазили по сѣноваламъ. Мы такъ привыкли къ бродячей жизни, что тяготились, когда мать бывала дома (хотя это было рѣдко), потому что тогда мы не могли уходить безъ спроса; впрочемъ, на это почти не было запрещенія, потому что мы порядкомъ надоѣдали матери своимъ шумомъ. Если мать посылала съ нами лакея, то бѣганье по улицамъ только усиливалось, такъ какъ лакей, 19-ти или 20-тилѣтній веселый малый, любилъ съ нами бѣгать на перегонку и лазилъ по лѣстницамъ и крышамъ, какъ кошка.

Черезъ два года такого житья, въ августѣ 1840 года, второй братъ, Константинъ, былъ опредѣленъ въ первый кадетскій корпусъ, и тогда мы нѣсколько поутихли, хотя прогулки безъ всякаго надзора продолжались по-прежнему.

Къ особымъ условіямъ моего воспитанія въ младенчествѣ относится

и то обстоятельство, что со времени пріѣзда нашего въ Петербургъ, т. е. съ трехлѣтняго возраста, я постоянно спалъ одинъ въ комнатѣ. Бывало, постелятъ мнѣ на полу въ столовой, и я въ темнотѣ одинъ сплю цѣлую ночь. Одинъ разъ я былъ сильно напуганъ особымъ явленіемъ, которое я не въ состояніи объяснить себѣ и до сихъ поръ. Среди ночи я вдругъ проснулся, какъ бы чувствуя присутствіе кого-то около себя. Открывъ глаза, я увидѣлъ на большомъ сундукѣ, стоявшемъ какъ разъ у моихъ ногъ, человѣка, смотрѣвшаго на меня. Комната была слабо освѣщена луною, свѣтъ которой однако не падалъ прямо въ окна. Со страха я даже сѣлъ на постели и уставился глазами на этого человѣка. Мы молча смотрѣли другъ на друга нѣсколько секундъ. Я замѣтилъ только необыкновенно алый цвѣтъ губъ этого человѣка. Затѣмъ я быстро съ головой завернулся въ одѣяло и, дрожа всѣмъ тѣломъ, лежалъ такимъ образомъ, пока не уснулъ. Когда я проснулся утромъ, никого на сундукѣ не было. Глупая нянька, которой я разсказалъ объ этомъ, вмѣсто того, чтобы успокоить меня, говорила, что надо скромно вести себя, не то этотъ человѣкъ снова придетъ за мною. Никто впрочемъ не обратилъ вниманія на это обстоятельство, и я продолжалъ спать одинъ въ той же комнатѣ.

Лѣтомъ въ 1841 году мы сидѣли за обѣдомъ, когда въ комнату вошелъ человѣкъ съ казеннымъ пакетомъ и подалъ его моей матери. Распечатавъ пакетъ, мать съ радостнымъ видомъ объявила, что я опредѣленъ въ малолѣтній Александровскій кадетскій корпусъ, куда долженъ быть доставленъ 10-го августа.

— Радъ-ли ты?—обратилась мать моя ко мнѣ съ вопросомъ.

Не имѣя ни малѣйшаго понятія о корпусѣ и не зная, какъ скоро это будетъ, я только улыбнулся. Всѣ приняли мою улыбку за знакъ удовольствія и тотчасъ успокоились, что мальчика, едва достигшаго шестилѣтняго возраста, приходится отрывать отъ семьи и отдавать въ казенное заведеніе.

II.

Александровскій кадетскій корпусъ.

Срокъ опредѣленія моего въ корпусъ наступилъ гораздо ранѣе, нежели я воображалъ себѣ; менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ меня повезли въ Царское Село, гдѣ находился Александровскій корпусъ, и представили директору корпуса генералъ-маіору Ивану Ильичу Хатову. Послѣ медицинскаго осмотра меня помѣстили въ третью роту во второе отдѣленіе,

къ классной дамѣ Вознесенской. Трудно передать словами тѣ чувства тоски и одиночества, которыя наполнили собою все мое существо, когда моя мать уѣхала въ Петербургъ, оставивъ меня одного. Я, росшій дома почти безъ надзора, вдругъ попалъ подъ строгую дисциплину кадетскаго корпуса старыхъ временъ, гдѣ играть и бѣгать позволялось лишь на опредѣленномъ небольшомъ квадратѣ залы, а лѣтомъ почти на такой же величины квадратѣ плаца, со ста другими дѣтьми одной и той же роты; гдѣ для того, чтобы пообѣдать или поужинать, надо было построиться и маршировать въ столовую всѣмъ четыремъ стамъ кадетамъ въ ногу; чтобы выйти на прогулку,—опять строиться и маршировать; точно также маршировать въ классы, изъ классовъ въ спальню, изъ спальни для умыванья (при чемъ маршировали въ умывальную комнату по отдѣленіямъ подъ надзоромъ классной дамы, воспитанники въ одномъ нижнемъ бѣльѣ).

Оставшись одинъ въ корпусѣ, я не плакалъ, не смотря на страшную тоску, овладѣвшую мною; не плакалъ только потому, что не въ моемъ характерѣ были слезы. Я въ дѣтствѣ своемъ всегда всѣхъ удивлялъ тѣмъ, что очень рѣдко плакалъ, да и то такъ, чтобы этого никто не видѣлъ, гдѣ-нибудь въ скрытомъ мѣстѣ. Я помню, что меня дома даже называли безчувственнымъ, не видя никогда у меня слезъ.

Надо отдать справедливость Александровскому корпусу, что не въ нравахъ заведенія было обижать новичковъ; напротивъ того, товарищи мои старались всячески развлечь меня, занимали меня разсказами о порядкахъ заведенія, о своемъ житьѣ-бытьѣ и даже успѣли меня научить, какъ я долженъ вести себя въ виду предстоявшей мнѣ перемѣны.

Дѣло въ томъ, что въ ротныя отдѣленія, куда я попалъ, помѣщались воспитанники не моложе семи съ половиною лѣтъ, а такъ какъ мнѣ было всего шесть лѣтъ, то я долженъ былъ по крайней мѣрѣ полтора года находиться въ особомъ м а л о л ѣ т н е м ъ отдѣленіи. Какъ впослѣдствіи я самъ убѣдился, въ малолѣтнемъ отдѣленіи было дѣтямъ гораздо лучше, нежели въ ротныхъ отдѣленіяхъ, но товарищи мои, никогда въ немъ не бывшіе, почему-то составили себѣ о немъ очень дурное представленіе. Сообразивъ, что я по лѣтамъ своимъ буду переведенъ въ малолѣтнее отдѣленіе, они стали описывать мнѣ его въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, чѣмъ успѣли совершенно напугать меня; въ заключеніе они посовѣтовали мнѣ просто не идти туда, увѣривъ меня, что въ такомъ случаѣ меня оставятъ въ ротѣ. Я рѣшился поступить по ихъ совѣту.

Когда въ тотъ же день воспитанники построились къ ужину, директоръ Хатовъ взялъ меня за руку и повелъ въ малолѣтнее отдѣленіе, воспитанники котораго также приходили въ строй и остановились въ концѣ залы. Я упирался и вырывался изъ его рукъ, такъ что Хатовъ съ трудомъ тащилъ меня черезъ всю залу; когда же онъ наконецъ поставилъ меня въ строй къ другимъ дѣтямъ, я тотчасъ же убѣжалъ на свое

прежнее мѣсто, при чемъ Хатовъ, добрый, сѣдой старичекъ [1]), оставилъ меня въ покоѣ, не сказавъ ни слова.

Когда сѣли ужинать, старшая дама третьй роты Елисавета Николаевна Боньотъ, отличавшаяся строгимъ и раздражительнымъ характеромъ, подошла ко мнѣ, накричала на меня за ослушаніе и дерзость директору и настращала такими крутыми мѣрами, что я сразу потерялъ всякую рѣшимость на дальнѣйшее сопротивленіе, и когда на другой день, при построеніи къ обѣду, Хатовъ снова повелъ меня въ малолѣтнее отдѣленіе, я пошелъ безъ всякаго сопротивленія и отобѣдалъ на новомъ мѣстѣ; однако послѣ обѣда я снова ушелъ въ роту. На слѣдующій день отдѣленная моя дама—Вознесенская, сама отвела меня въ помѣщеніе малолѣтняго отдѣленія и сдала на руки, завѣдывавшей отдѣленіемъ дамѣ, добрѣйшей старушкѣ Марьѣ Ивановнѣ Боньотъ. Марья Ивановна занималась въ это время съ двумя только-что поступившими къ ней новичками, показывая и объясняя имъ картинки; она и меня посадила около себя и стала занимать разсказами. Но разсказы товарищей повліяли на меня такъ сильно, что, не смотря на доброту и ласки старушки, я только думалъ о бѣгствѣ, и это удалось мнѣ исполнить часа черезъ два, когда Марья Ивановна вышла въ другую комнату. Однако ласковое обращеніе Марьи Ивановны не прошло безслѣдно: я увидѣлъ, что въ малолѣтнемъ отдѣленіи совсѣмъ не такъ дурно, какъ мнѣ говорили, я даже сталъ жалѣть, что былъ такъ неблагодаренъ къ доброй старушкѣ, и когда Вознесенская вторично свела меня къ ней, я уже больше не пытался бѣжать.

Страннымъ кажется мнѣ теперь, почему ни директору, ни одной изъ классныхъ дамъ не пришло въ голову разспросить меня о причинѣ такого упорнаго съ моей стороны нежеланія идти въ малолѣтнее отдѣленіе; никто изъ призванныхъ для воспитанія дѣтей лицъ не поинтересовался, почему шестилѣтній мальчикъ, только-что привезенный въ заведеніе, несомнѣнно скучающій по дому, вполнѣ покоряется своей участи и остается въ одномъ мѣстѣ, но рѣшительно отказывается идти въ другое, хотя и то и другое мѣсто для него совершенно новыя и незнакомыя? Но дѣло объясняется тѣмъ формальнымъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ, какое существовало между классными дамами. Почти за единственнымъ исключеніемъ, о которомъ будетъ сказано ниже, классныя дамы относились къ дѣтямъ безъ всякой сердечной теплоты, ограничиваясь однимъ только внѣшнимъ надзоромъ и обильнымъ распредѣленіемъ всевозможныхъ наказаній. Могу еще считать очень необыкновеннымъ то обстоятельство, что ни директоръ, ни отдѣленная

[1]) И. И. Хатовъ умеръ въ 1876 году, въ декабрѣ, 90 лѣтъ, справивъ 75-лѣтній юбилей своей службы.

дама не наложили никакого наказанія, какъ это слѣдовало бы по понятію Е. Н. Боньотъ, сразу постращавшей меня розгами.

Пять лѣтъ пробылъ я въ Александровскомъ корпусѣ; заведеніе это, сколько мнѣ извѣстно, еще никѣмъ не было описано и разобрано; оно уже давно закрыто, просуществовавъ около тридцати лѣтъ, воспитывая одновременно 400 мальчиковъ. Въ то время какъ мы подробно знаемъ устройство и ходъ учебнаго и воспитательнаго дѣла многихъ иностранныхъ школъ, никто ничего не знаетъ о томъ, что совершалось въ такомъ обширномъ закрытомъ заведеніи для первоначальнаго воспитанія и образованія, каковъ былъ Александровскій корпусъ; вотъ почему я считаю не лишнимъ войти въ нѣкоторыя подробности, относящіяся къ этому заведенію.

III.

Нѣкоторыя историческія данныя объ Александровскомъ кадетскомъ корпусѣ.

11-го сентября 1766 года императрицею Екатериною II былъ утвержденъ уставъ сухопутнаго кадетскаго корпуса (нынѣ 1-й кадетскій корпусъ, въ Петербургѣ), составленный Иваномъ Ивановичемъ Бецкимъ [1]). По этому уставу воспитанники корпуса раздѣлялись на пять возрастовъ, изъ коихъ первый возрастъ составляли дѣти отъ 5-ти до 9-ти лѣтъ; остальныя были старше. Поступающіе въ корпусъ не должны быть старѣе шести лѣтъ отъ роду. Кадеты перваго возраста были подчинены женскому надзору, составленному изъ одной управительницы и десяти воспитательницъ, которымъ вмѣнялось въ обязанность не отлучаться отъ порученныхъ имъ дѣтей ни днемъ, ни ночью.

Въ 1797 году кадеты сухопутнаго кадетскаго корпуса, вмѣсто возрастовъ, были (по-старому) раздѣлены на пять ротъ и на малолѣтнее отдѣленіе. Пріемъ дѣтей былъ разрѣшенъ и старше шести лѣтъ; но дѣти отъ 5-ти до 10-ти лѣтъ помѣщались въ малолѣтнее отдѣленіе, подчиненное женскому надзору, составляя приготовительное учебное заведеніе для тѣхъ малолѣтнихъ дѣтей, коихъ родители, по недостаточному состоянію, не могли дать имъ самыхъ начальныхъ основаній умственнаго образованія.

Впослѣдствіи, когда 2-ой и Павловскій кадетскіе корпуса были преобразованы по образцу 1-го корпуса, въ нихъ также открылись

---

[1]) Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи, т. XVII, № 12741. Мельницкій. Сборникъ свѣдѣній о военно-учебныхъ завед. Спб. 1857, т. I, ч. I.

малолѣтнія отдѣленія; еще позже было открыто малолѣтнее отдѣленіе въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ.

6-го іюня 1830 года послѣдовало открытіе Александровскаго кадетскаго корпуса, въ Царскомъ Селѣ, въ зданіи упраздненнаго въ 1829 г. благороднаго пансіона при Царскосельскомъ лицеѣ. Цѣль этого заведенія была—воспитаніе малолѣтнихъ сиротъ и дѣтей заслуженныхъ воиновъ дворянскаго происхожденія до того возраста, въ которомъ они могутъ поступить въ столичные кадетскіе корпуса. Чтобы заведеніе это вполнѣ замѣняло для дѣтей материнское воспитаніе,—императрица (Александра Ѳеодоровна) приняла корпусъ подъ свое покровительство во всемъ, что можетъ относиться до умственнаго и нравственнаго образованія дѣтей [1]).

Всѣ, состоявшіе на лицо, малолѣтніе кадеты 1-го, 2-го, Павловскаго и Морскаго кадетскихъ корпусовъ менѣе 11-ти лѣтъ, 5-го іюля 1830 года, были перевезены въ Царское Село и помѣщены въ зданіи Лицея, а 6-го іюля отправились въ церковь вновь открытаго корпуса, куда прибыли императоръ Николай и императрица Александра Ѳеодоровна. Къ этимъ воспитанникамъ прибавили также всѣхъ кандидатовъ, записанныхъ въ кадетскіе корпуса отъ 7 до 10-ти лѣтняго возраста. Въ день открытія корпуса на лицо было 171 воспитанникъ, да сверхъ того считалось неявившихся 195, всего 366 человѣкъ [2]).

Съ открытіемъ Александровскаго корпуса, малолѣтнія отдѣленія 1-го, 2-го, Павловскаго и Морскаго корпусовъ были упразднены.

26-го іюня 1856 года высочайшимъ приказомъ 4-я (морская) рота Александровскаго корпуса была упразднена съ тѣмъ, чтобы не принимать дѣтей вновь, а находившіяся въ ней дѣти оставались до 10-тилѣтняго возраста.

6-го января 1857 года состоялся высочайшій приказъ, въ которомъ сказано: «Александровскій малолѣтній кадетскій корпусъ упразднить. Дѣтямъ, которыя по праву, данному имъ милостивымъ закономъ, воспитывались бы въ семъ заведеніи, предоставить воспитаніе семейное, выдавая на оное (отъ 6-ти до 10-ти-лѣтняго возраста) ежегодныя денежныя пособія изъ суммъ, которыя останутся свободными отъ закрытія Александровскаго корпуса. Всемилостивѣйшія пособія эти производить въ размѣрѣ отъ 300 руб. и меньше... Означенныхъ дѣтей,

---

[1]) Полн. собр. зак. Рос. Имп., т. IV, 6-го августа 1829 г. № 3072, 30-го августа № 3122 и т. V, 5-го дек. 1830 г. № 4170.

[2]) 1-го іюля 1830 г. было открыто малолѣтнее отдѣленіе 1-го Московскаго кадетскаго корпуса на тѣхъ же началахъ, какъ былъ устроенъ Александровскій корпусъ. (Для этого отдѣленія было построено особое зданіе на Нѣмецкой улицѣ, гдѣ нынѣ помѣщается Троицко-Сергіевскій резервный батальонъ).

по достиженіи десяти лѣтъ, принимать въ корпуса на казенное содержаніе, если родители или благотворители ихъ того пожелаютъ».

Вслѣдствіе этого приказа, пріемъ въ Александровскій корпусъ прекращенъ съ того же 1857 года, но корпусъ закрылся только въ 1860 г., съ переводомъ послѣднихъ малолѣтнихъ въ кадетскіе корпуса.

IV.

Размѣщеніе воспитанниковъ и учебная часть.

Александровскій корпусъ помѣщенъ былъ въ Царскомъ Селѣ въ особомъ трехъ-этажномъ зданіи [1]), въ которомъ съ большимъ удобствомъ расположены были спальни, классы, рекреаціонная зала, столовая, церковь, лазаретъ и квартиры классныхъ дамъ. Квартиры учителей, директора, инспектора и другихъ служившихъ при заведеніи лицъ помѣщались въ особомъ флигелѣ. При заведеніи находился большой садъ, при немъ съ одной стороны—песчаный плацъ, а съ другой стороны такой же величины лугъ; кромѣ того небольшой садикъ съ гимнастическими снарядами и большой дворъ съ мостками для прогулокъ въ зимнее время. Рекреаціонная зала была вмѣстѣ съ тѣмъ и гимнастической залой, но всѣ гимнастическія машины находились на одномъ концѣ ея и были отдѣлены скамейками отъ той части, которая назначалась для игръ дѣтей. Столовая зала находилась рядомъ съ рекреаціонной. Спальни помѣщались въ первомъ и второмъ этажахъ главнаго трехъ-этажнаго зданія, въ верхнемъ этажѣ котораго находились: классы, помѣщеніе малолѣтняго отдѣленія, церковь и лазаретъ [2]).

Всѣ четыреста воспитанниковъ были интернами и раздѣлялись на четыре роты отъ 90 до 95 человѣкъ въ каждой и еще малолѣтнее отдѣленіе. Каждая рота дѣлилась на три отдѣленія, такъ что все заведеніе состояло изъ тринадцати отдѣленій (считая и малолѣтнее), каждое подъ особымъ надзоромъ и руководствомъ классной дамы. Въ малолѣтнее отдѣленіе поступали дѣти семи и шести, въ рѣдкихъ случаяхъ пяти лѣтъ. По достиженіи 8 лѣтъ, дѣти переводились въ одно изъ ротныхъ отдѣленій. Всѣхъ дѣтей въ малолѣтнемъ отдѣленіи бывало отъ

---

[1]) Съ упраздненіемъ Александровскаго корпуса, зданіе его было занято сперва Офицерскою стрѣлковою школою, а съ упраздненіемъ послѣдней—стрѣлковымъ баталіономъ Императорской фамиліи.

[2]) Впослѣдствіи надъ помѣщеніемъ рекреаціонной залы и столовой сдѣлали надстройку, куда и перенесли церковь.

25 до 28. Поступавшіе въ заведеніе старше $7^1/_2$ лѣтъ опредѣлялись прямо въ ротныя отдѣленія.

Малолѣтнее отдѣленіе помѣщалось особо отъ остальныхъ; оно имѣло отдѣльную спальню, изъ которой выходила дверь въ квартиру классной дамы. Квартира дамы состояла изъ трехъ комнатъ: двухъ маленькихъ и одной большой; послѣдняя была мѣстомъ препровожденія свободнаго отъ классовъ времени всѣхъ воспитанниковъ малолѣтняго отдѣленія, куда и собирались дѣти по окончаніи классныхъ уроковъ.

Каждое ротное отдѣленіе имѣло свою спальню, изъ нея вела дверь въ квартиру отдѣленной дамы; квартира эта представляла одну очень большую комнату, раздѣленную филенчатыми перегородками на три комнаты: большую и двѣ маленькія; первая назначалась для занятій воспитанниковъ, остальныя двѣ принадлежали дамѣ.

Три отдѣленія, составлявшія одну роту, помѣщались рядомъ и представляли какъ бы отдѣльное воспитательное заведеніе. Одна изъ трехъ дамъ, по представленію директора корпуса и утвержденію этого представленія высшимъ начальствомъ, назначалась старшею; она получала нѣсколько бо́льшее содержаніе противъ остальныхъ и имѣла право налагать болѣе строгія взысканія (напр. розги) и производила отпускъ воспитанникамъ всей роты. Во всѣхъ исключительныхъ случаяхъ классныя дамы остальныхъ двухъ отдѣленій обращались за совѣтомъ и содѣйствіемъ къ старшей дамѣ. Дамы одной роты дежурили, по очереди, черезъ два дня въ третій по всей ротѣ.

При каждомъ отдѣленіи состояли три няньки, которыя прислуживали за столомъ воспитанниковъ, чистили одежду ихъ, убирали спальни. Вся остальная прислуга была мужская.

Въ помощь дежурнымъ дамамъ, при каждой ротѣ состояли двое дядекъ изъ заслуженныхъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, которые дежурили черезъ день и находились при воспитанникахъ только въ рекреаціонное время.

Курсъ ученія Александровскаго корпуса былъ элементарный и состоялъ изъ четырехъ классовъ. Младшій классъ назывался пріемнымъ, сюда поступали дѣти, не знавшія грамоты. Кромѣ того было еще три класса, изъ нихъ каждый раздѣлялся на три параллельныя отдѣленія, такъ что всего было 10-ть классныхъ отдѣленій на 400 человѣкъ, т. е. среднимъ числомъ на классъ приходилось по 40 человѣкъ.

Для поступленія въ заведеніе экзамена не требовалось, подвергали же дѣтей испытанію, чтобы правильно распредѣлить по классамъ: большая же часть поступающихъ ничего не знала и потому прямо поступала въ пріемный классъ, обыкновенно самый многочисленный по своему составу. Такъ какъ дѣти поступали въ заведеніе различнаго возраста, то и время ихъ пребыванія въ заведеніи было различно. По-

ступившій, напр., девятя лѣтъ съ мѣсяцами оставался въ корпусѣ всего одинъ годъ, а поступившій пяти лѣтъ былъ пять, а иногда и шесть лѣтъ въ заведеніи. Такимъ образомъ правильно прошедшихъ всѣ четыре класса заведенія и окончившихъ элементарный курсъ было довольно мало, большинство же проходило два и много три класса.

Классная дисциплина вообще была очень строга; но дѣти привыкали къ ней очень скоро, вслѣдствіе совершенно одинаковыхъ требованій всѣхъ учителей. О всякомъ желаніи своемъ ученикъ заявлялъ поднятіемъ руки, ожидая вопроса со стороны учителя. Безъ приказанія учителя, на столахъ не появлялось ни книги, ни тетради. Учителя наблюдали, чтобы дѣти сидѣли прямо, заложивъ обѣ руки назадъ.

Всѣ эти правила классной дисциплины и самый методъ преподаванія были введены и поддерживались въ заведеніи бывшимъ въ то время инспекторомъ классовъ, полковникомъ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Мецомъ, который жилъ около двухъ лѣтъ за границею, преимущественно въ Германіи и Швейцаріи, куда онъ былъ командированъ для изученія методовъ преподаванія въ начальныхъ школахъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи довольно слабый составъ учителей, Ѳедоръ Ѳедоровичъ умѣлъ однако научить ихъ тѣмъ пріемамъ, которые были наиболѣе цѣлесообразны при обученіи малолѣтнихъ дѣтей[1]). Но при невысокой подготовкѣ учителей, они большею частію усвоили только внѣшнюю форму, внѣшніе пріемы преподаванія, а самое преподаваніе отличалось довольно бѣднымъ содержаніемъ, что особенно было замѣтно въ учителяхъ русскаго языка, отъ которыхъ требовалось также сообщеніе дѣтямъ свѣдѣній изъ естественной исторіи и географіи. Лучше всего велось дѣло по ариѳметикѣ, по крайней мѣрѣ у А. Б. Дихеуса; по иностраннымъ же языкамъ была въ буквальномъ смыслѣ слова «долбня».

Наказанія велись въ классахъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Въ рукахъ учителя находились слѣдующія наказанія:

1) Заставляли ребенка стоять на мѣстѣ болѣе или менѣе продолжительное время.

2) Ставили къ стѣнѣ или въ уголъ.

3) Высылали изъ класса за дверь.

4) Ставили въ журналъ дурной баллъ (даже и за невниманіе).

---

[1]) Положеніе заведенія въ Царскомъ Селѣ составляло, въ отношеніи пріобрѣтенія учителей, значительное затрудненіе. Учителя, не имѣя въ виду занятій въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, неохотно шли на небольшое содержаніе въ Александровскій корпусъ. Если бы для нихъ не полагались казенныя квартиры, то вѣроятно заведеніе было бы поставлено въ положеніе крайне затруднительное (гражданской гимназіи въ Царскомъ Селѣ тогда не было). При казенныхъ квартирахъ комплектъ учителей хотя и былъ полонъ, но съ образованіемъ далеко не высокимъ.

5) Записывали въ классный журналъ.

Обѣ послѣднія мѣры считались особенно сильными, такъ какъ дурные баллы и записи выписывались къ воскресенью въ особую книгу, и классныя дамы оставляли записанныхъ безъ послѣдняго блюда и ставили стоять на часъ или полтора во время игръ.

6) Приносилась жалоба инспектору классовъ, при чемъ обыкновенно дѣло кончалось розгами.

Надо отдать справедливость учителямъ, которые никогда не прибѣгали къ собственноручной расправѣ (за однимъ только исключеніемъ, какъ увидимъ ниже, да и то съ согласія мальчика). Таскань̀е за волосы, за уши и т. п. мѣры, столь распространенныя въ то время въ другихъ заведеніяхъ, здѣсь никогда не примѣнялось.

Къ мѣрамъ поощренія относились:

1) Постановка въ журналъ хорошаго балла (въ заведеніи принята была 12-ти балльная система).

2) Письменное заявленіе въ журналѣ о хорошемъ ученіи.

3) Пересаживаніе учениковъ съ мѣста на мѣсто. Послѣдняя мѣра считалась особенно важной. Въ началѣ курса всѣ ученики разсаживались по скамейкамъ по старшинству балловъ, полученныхъ ими на переводномъ экзаменѣ. Учитель за хорошій отвѣтъ пересаживалъ выше, а за дурной ниже, такъ что черезъ нѣсколько дней послѣ начала курса дѣти у каждаго учителя сидѣли въ особомъ порядкѣ, и при томъ порядокъ этотъ измѣнялся почти каждый урокъ. Сами дѣти хорошо помнили порядокъ для каждаго учителя и строго удерживали его.

Кромѣ этихъ мѣръ, въ рукахъ начальства были и болѣе строгія наказанія и поощренія. За хорошіе успѣхи назначали подарки, записывали фамилію на красную доску, а за упорную лѣность и дурное поведеніе на черную доску. Черная доска считалась столь важнымъ наказаніемъ, что разомъ даже не записывалась вся фамилія мальчика, а сперва писали первую букву фамиліи, потомъ вторую и т. д. Въ продолженіе пяти лѣтъ моего пребыванія въ заведеніи на черной доскѣ ни разу не было написано болѣе трехъ буквъ, да и то только однажды.

Отношенія учителей къ дѣтямъ были въ большей части случаевъ совершенно правильныя; но только одинъ учитель русскаго языка и естественной исторіи—Александръ Петровичъ Запѣнинъ относился къ дѣтямъ безобразно. Дѣти, ожидая его урокъ, заранѣе справлялись у своихъ товарищей того класса, гдѣ онъ былъ на предыдущемъ урокѣ, каковъ сегодня Запѣнинъ: «злой», «добрый» или «веселый». Если злой, то держи ухо остро, не повернись, не проронн слова, умѣй всегда правильно, скоро и бойко отвѣтить, иначе живо вылетишь за дверь, а это положеніе было опасное. Выгнанный за дверь молилъ Бога, чтобы не прошелъ по корридору инспекторъ, который имѣлъ привычку забирать съ

собой всѣхъ стоящихъ за дверьми, приказывалъ принесть розги, и классный писарь, оставивъ свою работу, принимался за другую—сѣченіе. По этой причинѣ очень часто приходилось быть свидѣтелемъ такой сцены: въ классѣ идетъ работа, вдругъ съ шумомъ открывается дверь, и въ нее врываются всѣ стоящіе за дверьми и слезно умоляютъ учителя позволить имъ постоять въ классѣ, при этомъ не рѣдко падаютъ на колѣни. Это значитъ, что вдали корридора показался Ѳедоръ Ѳедоровичъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опасность попасть подъ розги.

Но возвратимся къ Запѣнину. Когда онъ являлся въ классъ «злой», лицо его было красно и крайне сурово, глаза наливались кровью; по классу безпрестанно раздавались восклицанія: «болванъ», «оселъ», «пошелъ изъ класса». Съ особымъ злорадствомъ онъ прогонялъ за дверь тѣхъ, которые, увидя инспектора, возвращались въ классъ, прося прощенія. Если Запѣнинъ былъ «добръ», то онъ являлся въ классъ совершенно другимъ человѣкомъ, онъ дарилъ дѣтямъ тетрадки (казенныя), къ нему можно было безопасно обратиться съ какой угодно просьбой, а если онъ былъ при этомъ еще «веселъ», то самъ предлагалъ вопросъ: «Кто желаетъ тетрадки?». Вскакиваютъ почти всѣ. «Постойте,—прибавлялъ онъ,—«тетрадку получитъ тотъ, кто согласится получить десять ударовъ камышевкою». Желающіе тотчасъ стушевываются; но всегда находился «молодчина» (такъ называли его товарищи), который выступалъ на середину и начиналъ съ учителемъ торговаться. «Я,—говорилъ онъ,—согласенъ на 10-ть ударовъ, только не за одну тетрадку, а за три». Учитель предлагаетъ за три тетрадки 20-ть ударовъ, потомъ 15-ть. Мальчикъ соглашается, но съ тѣмъ, чтобы послѣ каждыхъ пяти ударовъ получать небольшой отдыхъ. При этомъ со стороны учителя ставилось условіемъ: «не кричать». Учитель бралъ мальчика за классную доску и, натянувъ ему штаны, отсчитывалъ должное число ударовъ и потомъ для расплаты посылалъ «старшаго» воспитанника въ канцелярію за тетрадями. Затѣмъ кто-нибудь изъ дѣтей обращался къ Запѣнину съ заявленіемъ, что у него качается зубъ; учитель посылаетъ къ сторожу за ниткой, привязываетъ ее къ зубу и вырываетъ зубъ. Потомъ онъ предлагаетъ свои услуги «зубодера» другимъ дѣтямъ; у дѣтей зубы молочные, поэтому въ классѣ всегда найдутся два-три мальчика, у которыхъ зубъ качается, и учитель находитъ работу. Такъ проходитъ полутора-часовой урокъ. Нерѣдко случалось слышать, какъ дѣти разговариваютъ между собою: «у меня зубъ качается; попрошу Запѣнина выдернуть», и приготовляютъ для этого нитку.

Вотъ шести и семилѣтнія дѣти пріемнаго класса, все новички (въ 1841 году, въ августѣ), пришли въ классъ; они еще не знаютъ, что такое Запѣнинъ; они, при входѣ его въ классъ, обращаются къ нему съ дѣтскою наивностью съ такими просьбами и вопросами, съ какими

привыкли обращаться къ своимъ родителямъ дома, съ какими обращались уже въ заведеніи къ другимъ учителямъ, бывшимъ въ классѣ въ утренніе часы; но Запѣнинъ сегодня «злой», онъ обдалъ всѣхъ такимъ взглядомъ, что дѣти тотчасъ присмирѣли, затѣмъ раздается крикъ: «по мѣстамъ, ослы!» Всѣ съ поспѣшностью заняли свои мѣста; у большинства, что называется, ушла душа въ пятки. Учитель подходитъ къ самому рослому, девятилѣтнему мальчику. Мальчикъ этотъ, только-что поступившій, былъ дома постоянно боленъ глазами, поэтому не могъ учиться и поступилъ въ корпусъ, не зная даже азбуки. Отъ продолжительной болѣзни глазъ онъ привыкъ держать голову наклоненной, при чемъ постоянно морщилъ лобъ; это придавало ему угрюмый видъ. Онъ былъ выше всѣхъ насъ на цѣлую голову и одѣтъ былъ еще въ домашнемъ сюртучкѣ. Къ этому-то мальчику подошелъ Запѣнинъ.

— Какъ фамилія?

— Тверитиновъ.

— Подыми голову!

Мальчикъ продолжаетъ стоять по-прежнему.

— Встань къ дверямъ!

Тверитиновъ становится около двери. Затѣмъ Запѣнинъ обращается къ классу: «сидѣть смирно, чтобы я не слышалъ ни малѣйшаго шума». Выйдя изъ класса, Запѣнинъ пошелъ въ сосѣдній классъ, гдѣ стояли шкафы съ моделями животныхъ, и взялъ тамъ модель слона. Едва Запѣнинъ вошелъ въ классъ со слономъ въ рукахъ, какъ стоявшій у дверей Тверитиновъ испугался слона и побѣжалъ по классу. Запѣнинъ вдругъ пришелъ въ «веселое» состояніе и со слономъ въ рукахъ погнался за Тверитиновымъ, стращая его, что слонъ вотъ-вотъ укуситъ. Мы всѣ разразились хохотомъ, удивляясь, что самый большой мальчикъ испугался слона, котораго никто изъ насъ не боялся. Сцена продолжается минуту или полторы: ребенокъ бѣгаетъ между скамьями, учитель за нимъ, дѣти повскакивали съ мѣстъ, наконецъ, мальчикъ падаетъ на колѣни и проситъ прощеніе. Учитель смилостивился, посадилъ его на мѣсто и постращалъ, что если онъ будетъ шалить, то принесетъ не только слона, но еще и другихъ звѣрей.

Впрочемъ, это былъ единственный учитель, державшій себя такъ съ дѣтьми, остальные исполняли свои обязанности по своему разумѣнію добросовѣстно. Я слышалъ, что впослѣдствіи учитель этотъ былъ удаленъ изъ заведенія за пьянство, но съ 1841 и до 1846 года, пока я былъ въ заведеніи, онъ оставался въ немъ.

Пропуски уроковъ учителями бывали очень рѣдки. Учителя жили тутъ же, въ зданіи, имѣли занятія только въ заведеніи, поэтому были всецѣло преданы ему и приходили въ классы, даже будучи не совсѣмъ здоровыми. Во случаѣ продолжительной болѣзни учителя, уроки его

обыкновенно занимала дежурная классная дама, которая исключительно занималась съ дѣтьми французскимъ языкомъ.

Классныя занятія продолжались отъ 15-го августа до 15-го іюня. Въ концѣ учебнаго года производились экзамены, но не по всѣмъ предметамъ, а по одному или двумъ, по назначенію инспектора классовъ. О днѣ экзамена заранѣе не объявлялось, только въ старшемъ классѣ это было извѣстно дня за два. Въ то время, какъ въ одномъ классномъ отдѣленіи производился экзаменъ, во всѣхъ остальныхъ классахъ шли обычныя занятія. Цѣль экзамена, какъ видно, заключалась въ контролированіи учителя; принятый же порядокъ экзамена, т. е. назначеніе его только по нѣкоторымъ предметамъ и безъ предварительнаго приготовленія, не обременялъ дѣтей и не выводилъ ихъ изъ обычнаго строя жизни, и потому можно считать вполнѣ правильнымъ.

По окончаніи годовыхъ занятій, лучшимъ ученикамъ назначались подарки, состоявшіе изъ книгъ. Ко дню, назначенному для раздачи наградъ, всѣ заслужившія ихъ дѣти долго приготовлялись у танцмейстера и его помощниковъ, какъ подходить къ столу, кланяться на три стороны, принимать подарки, отступать два шага, снова кланяться на три стороны, и затѣмъ уходить на мѣсто. Раздача наградъ производилась въ присутствіи многочисленной публики, приглашенной изъ Петербурга, и каждому мальчику вручались подарки, при звукахъ трубъ и литавръ, игравшихъ тушъ. Для этой цѣли въ заведеніе приглашался извѣстный въ то время оркестръ Павловскаго вокзала Германа.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Виды на торговлю съ Азіею въ началѣ XIX вѣка.

Письмо князя Г. П. Гагарина къ П. Е. Величко [1]).

13-го февраля 1804 года. С. Богословское.

Милостивый государь мой Павелъ Елисѣевичь.

Письмо ваше отъ 19-го генваря, съ приложеніемъ описанія Хивы и проч., я сего теченія 4-го числа получилъ. Благодарю васъ покорнѣйше за оное, ибо мнѣ весьма пріятно видѣть опыты вашего ко мнѣ благорасположенія, служащаго дѣйствительнымъ возмездіемъ за искреннее уваженіе, которое къ достоинствамъ вашимъ имѣю, и которыя, по истинѣ скажу, заставляли меня желать имѣть васъ помощникомъ въ доставленіи оренбургской торговлѣ всѣхъ тѣхъ выгодъ, которыя я, для блага отечества, въ виду имѣлъ и о которыхъ я съ вами говаривалъ.

Теперь не обинуясь скажу вамъ мою мысль насчетъ сообщенныхъ ко мнѣ бумагъ: топографическое описаніе ваше вниманія достойно и нынѣ и на предбудущія времена; но мщеніе Хивѣ, въ теперешнихъ политическихъ обстоятельствахъ, едва-ли возможно. Зажжемъ мы пожаръ на Востокѣ, но опасаться надобно, чтобъ не воспользовались имъ на Западѣ—въ такую эпоху времени, гдѣ весь политическій составъ не только Европы, но и другихъ частей свѣта, угрожается сильнымъ потрясеніемъ. Кажется, есть средства миролюбивыя, которыя я

---

[1]) Настоящее письмо писано княземъ Гавріиломъ Петровичемъ Гагаринымъ (р. 1745 † 1807), бывшимъ съ 30-го августа 1800 по 1802 годъ министромъ коммерціи, къ Павлу Елисѣевичу Величко, занимавшему въ то время должность директора оренбургской таможни († въ 1821 году въ званіи начальника оренбургскаго пограничнаго таможеннаго округа).— Письмо печатается по копіи, сохранившейся въ бумагахъ академика А. Ѳ. Бычкова.

и употребить хотѣлъ; но они, не знаю почему, разрушены, такъ, какъ и многія другія предпріятія, между которыми одно наименую: населеніе китайской границы.

Сіе предпріятіе, смѣю сказать, безошибочно было хорошо, но не знаю, для чего и почему испровергнуто, и люди и деньги потеряны. У насъ многое для того только испровергается, что для чего н е я, а д р у г о й э т о в ы д у м а л ъ. Жалкая это истина, но она, къ несчастію, существуетъ.

Азіатская торговля для насъ весьма важна; въ десять лѣтъ прилежной надъ нею работы, съ потребнымъ, но не весьма важнымъ иждивеніемъ, можетъ она для насъ быть нѣсколько разъ важнѣе европейской. Но для сего потребна твердая система, а гдѣ людей мѣняютъ такъ, какъ туфли, тамъ ничего добраго не выдетъ, ибо всякой преемникъ не можетъ въ точности войтить въ мысли своего предшественника. Изъ этого и выходитъ, что Россія всегда остается и оставаться будетъ п р и б л а г и х ъ н а ч и н а н і я х ъ.

Еще долженъ я вамъ сдѣлать мое замѣчаніе о Мангишлакѣ. Сіе мѣсто ни къ какому важному назначенію неудобно. Я нѣкогда имѣлъ намѣреніе сдѣлать тутъ укрѣпленную торговую контору для бо́льшаго сближенія съ Азіею,—подъ прикрытіемъ двухъ или трехъ батальоновъ и небольшой эскадры, но принужденъ былъ это предпріятіе оставить; ибо, по взятымъ справкамъ, оказалось, что для такого числа людей въ сладкой водѣ великой будетъ недостатокъ.

Вѣрьте, что съ истиннымъ почтеніемъ навсегда пребуду вамъ, милостивому государю моему, покорнѣйшимъ слугою князь Гавріилъ Гагаринъ.

Къ письму присоединены, въ копіи же, слѣдующія два примѣчанія, сдѣланныя сыномъ П. Е. Величко, Александромъ Павловичемъ (занимавшимъ въ 1827—1837 гг. должность управляющаго дѣлами Сибирскаго Комитета):

1) П о п р е д п о л о ж е н і ю о н а с е л е н і и С и б и р и.

Предположеніе о населеніи Сибирскаго края, прилегающаго къ границамъ китайскимъ, о которомъ князь Гагаринъ упоминаетъ въ своемъ письмѣ, состояло въ слѣдующемъ и имѣло слѣдующія послѣдствія:

По его докладу, состоялся 17-го октября 1799 года (Полн. Собр. Зак., № 19.157) указъ, заключающій въ себѣ нѣсколько пунктовъ. Въ 1, 2 и 3 пунктахъ говорится о населеніи Сибирскаго края, прилегающаго къ границамъ китайскимъ, отставными солдатами, преступниками и прочими; въ пунктѣ же 4 говорится о дозволеніи помѣщикамъ отдавать на поселеніе въ Сибири крестьянъ, не старѣе 45 лѣтъ, съ семействами, и съ зачетомъ въ рекруты.

Вслѣдствіе этого дозволенія вскорѣ начали поступать въ Сибирь помѣщичьи крестьяне—тысячами, и какъ ни о продовольствіи ихъ, ни о размѣщеніи или водвореніи не было сдѣлано предварительно никакихъ распоряженій,—то эти люди, столпясь въ Тобольской губерніи, скитались по дорогамъ безъ всякаго пристанища, умирали сотнями отъ холода и голода; жены родили въ оврагахъ или подъ возами, такъ что высшее правительство, по дошедшему о томъ свѣдѣнію, — нашлось въ необходимости, немедленно отмѣнивъ эту мѣру заселенія Сибирскаго края, прилегающаго къ границамъ китайскимъ, командировать въ Сибирь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лаббу, которымъ и были возникшіе безпорядки въ свое время, по возможности, устранены.

2) О Мангишлакѣ.

Дабы имѣть опорный пунктъ на сѣверо-восточномъ берегу Каспійскаго моря и для защиты нашихъ эмбенскихъ промышленниковъ отъ нападенія туркменскихъ морскихъ разбойниковъ, въ 1833 г. было возведено титулярнымъ совѣтникомъ Карелинымъ, у Мертваго Калтука, при началѣ залива Кайданъ или Кара-су, Ново-Александровское укрѣпленіе, но какъ впослѣдствіи оказалось, что качество воды, имѣющейся въ окрестностяхъ, вредно для организма, что самое укрѣпленіе расположено на неудобномъ мѣстѣ и что достигнуть до него съ моря (Аральскаго) можно только при благопріятствующихъ нѣсколькихъ вѣтрахъ, то въ 1839, 1840 и 1844 годахъ были посылаемы на Мангишлакскій полуостровъ офицеры генеральнаго штаба, морскіе и другіе чиновники для подробнѣйшаго обозрѣнія и описанія мѣстности и для выбора пункта, на которомъ можно бы возвести укрѣпленіе вмѣсто Ново-Александровскаго. По тщательномъ обозрѣніи мѣстъ, оказалось, что выгоднѣйшій и удобнѣйшій для того пунктъ—есть Курганъ-Ташъ при Тюкъ-Караганскомъ заливѣ. Этотъ пунктъ находится при главномъ торговомъ сообщеніи Хивы съ Астраханью, на разстояніи 300 верстъ отъ послѣдней и 250 верстъ отъ Гурьева Городка. Вода хорошаго качества и добывается изъ колодцевъ. Около береговъ Мангишлакскаго полуострова производится ловля рыбы и бой тюленей. Неудобства мѣстности укрѣпленія (построеннаго подъ названіемъ Ново-Петровскаго) заключаются въ затруднительномъ и едва-ли возможномъ воздѣлываніи тамошней почвы, каменистой и солонцеватой, въ недостаткѣ пастбищныхъ мѣстъ и топлива.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

Пожалованіе дворянства племянникамъ фельдмаршала князя Барклая де-Толли.

Указъ Правительствующему Сенату.

31-го декабря 1827 г.

Въ справедливомъ уваженіи къ памяти и знаменитымъ заслугамъ покойнаго генералъ-фельдмаршала князя Барклая де-Толли, всемилостивѣйше жалуемъ племянникамъ его, сыновьямъ двоюроднаго его брата Августа Барклая де-Толли, бывшаго въ Ригѣ первенствующимъ бургомистромъ, Георгу, Августу и Іоанну Барклаямъ де-Толли дворянское Россійской Имперіи достоинство, повелѣвая гербъ для нихъ составить въ Герольдіи и поднести къ намъ на утвержденіе.

Сообщ. А. В. Безродный.

И. С. Тургеневъ и В. П. Боткинъ.

Взаимныя отношенія И. С. Тургенева и В. П. Боткина мало обращали на себя вниманія біографической литературы объ Иванѣ Сергѣевичѣ, почему, можетъ быть, каждый разъ при обсужденіи ихъ дѣлались или неправильные выводы или совсѣмъ невѣрныя ссылки. Правда, важнѣйшій матеріалъ для характеристики дружескихъ связей этихъ выдающихся людей сороковыхъ годовъ, т. е. ихъ переписка, за ничтожнымъ исключеніемъ, до сихъ поръ остается неопубликованною. Тѣмъ не менѣе накопился достаточный запасъ фактовъ, на основаніи которыхъ можно придти къ опредѣленнымъ заключеніямъ. Насколько немаловажнымъ является Боткинъ въ біографіи Тургенева, можно судить по продолжительности ихъ дружбы.

В. П. Боткинъ (1810—1869 гг.), происходя изъ зажиточной московской купеческой семьи, т. е. изъ той среды, которая до половины XIX вѣка совсѣмъ не отличалась культурными стремленіями, былъ самъ себѣ обязанъ обширнымъ и разностороннимъ образованіемъ. «Воспитанія у меня никакого не было,—писалъ онъ впослѣдствіи; вышедши изъ пансіона (весьма плохаго), я ровно ни о чемъ не имѣлъ понятія». Стремленіемъ къ наукѣ и къ знанію онъ отличался до послѣднихъ дней своей жизни. Боткинъ какъ бы вѣчно искалъ пробѣловъ въ своемъ образованіи и, наткнувшись на таковые, тотчасъ же съ поразительнымъ рвеніемъ принимался за пополненіе ихъ. На пятидесятомъ году своей жизни онъ пишетъ, напримѣръ: «Я началъ Гиббона, котораго, къ стыду моему, еще не читалъ. Теперь начинаемъ уже пятый томъ. Книга умная и необходимая, въ особенности для знакомства съ Византійскою исторіею» [1]). «Исторія Индіи составляетъ мой пробѣлъ,—говорилъ онъ

[1]) Фетъ. „Мои воспоминанія“, I, 375.

два года спустя, указывая на томы мелкой печати—и мнѣ необходимо его восполнить». Такъ занимался Боткинъ подъ старость, утративъ наполовину зрѣніе; какова же была его энергія въ молодости! Правда, у Тургенева, какъ у человѣка, получившаго систематическое образованіе, не могло случиться, чтобы онъ прочелъ Гиббона и англійскія книги по исторіи Индіи, не познакомившись съ Исторіей Россіи Соловьева, какъ это случилось съ Боткинымъ, но, несмотря на это, у Василія Петровича не замѣтно отрицательныхъ сторонъ самоучки: онъ не «открывалъ Средиземнаго моря», не отличался самомнѣніемъ и чувствовалъ себя совершенно свободно среди самыхъ образованныхъ людей.

Любимымъ однако занятіемъ В. П. Боткина было изученіе искусствъ, особенно живописи и музыки. Наиболѣе крупная его литературная работа «Письма объ Испаніи» имѣла большой успѣхъ въ свое время, благодаря, главнымъ образомъ, тому, что эстетическій интересъ былъ въ ней на первомъ планѣ. Другое сравнительно крупное его сочиненіе о Шекспирѣ, широко задуманное, но не оконченное, свидѣтельствуетъ о его горячей любви къ театру. До послѣднихъ дней занимала его мысль написать книгу по исторіи искусствъ, и онъ раза два серьезно приступалъ къ задуманному [1]).

В. П. Боткинъ былъ по преимуществу эстетикъ, но онъ не чуждался и другихъ интересовъ, какіе поглощали его современниковъ, людей сороковыхъ годовъ, особенно кружокъ Бѣлинскаго, къ которому онъ принадлежалъ. Недаромъ, прочтя письма великаго критика, напечатанныя Панаевымъ въ его воспоминаніяхъ (1860 г.), Боткинъ писалъ: «Они произвели на меня такое впечатлѣніе, что я цѣлый вечеръ проходилъ словно во снѣ, забылъ идти на одинъ званный вечеръ и до перваго часа ночи бродилъ по Парижу, совершенно погруженный въ прошлое» [2]). Какъ и лучшіе люди того прошлаго, о которомъ такъ горячо вспоминалъ онъ, Боткинъ не только увлекался философіей Гегеля, но и былъ въ этомъ случаѣ однимъ изъ наставниковъ Бѣлинскаго. Послѣднему Василій Петровичъ помогалъ даже личнымъ трудомъ. Друзья критика свидѣтельствуютъ, напримѣръ, что страницы о романтизмѣ въ статьяхъ Бѣлинскаго написаны Боткинымъ [3]). Василій Петровичъ раздѣлялъ вполнѣ и политическіе взгляды своихъ друзей. Онъ даже просилъ разъ Тургенева (1858 г.) передать Герцену, что симпатизируетъ его дѣятельности и что по его, Боткина, мнѣнію «Колоколъ» «составляетъ эпоху въ жизни Россіи». «Назвавшись европейскимъ государствомъ, надо идти сообразно съ европейскимъ духомъ,

---

[1]) „Анненковъ и его друзья“, стр. 578—579.

[2]) Фетъ, I, 319.

[3]) „Анненковъ и его друзья“, стр. 578.

или потерять всякое значеніе»—писалъ онъ въ 1859 году, характеризуя современную ему русскую жизнь [1]).

Но лишь до 60-ыхъ годовъ Боткинъ шелъ нога въ ногу со своими друзьями, до этой поры переживалъ вмѣстѣ съ ними нѣмецкій идеализмъ, потомъ французскій политическій либерализмъ, позднѣе—обширные проекты и планы отечественныхъ реформъ. Когда же его знаменитые сверстники приступили уже къ самой преобразовательной работѣ, Боткинъ внезапно оказался не только въ сторонѣ, но и въ лагерѣ противниковъ реформъ.

Дѣло въ томъ, что, на-ряду съ дѣйствительно замѣчательными качествами ума и образованія, у Василія Петровича развивался одинъ недостатокъ—эпикуреизмъ, подъ конецъ жизни совсѣмъ извратившій и изломавшій его богато-одаренную и оригинальную натуру. Неудачная женитьба, сдѣлавшая его одинокимъ человѣкомъ черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы, усиливавшаяся съ годами болѣзненность довели этотъ эпикуреизмъ до крайнихъ, отталкивающихъ формъ. Фетъ, принадлежавшій къ самымъ горячимъ панегиристамъ Боткина, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Я не встрѣчалъ человѣка, въ которомъ бы стремленіе къ земнымъ наслажденіямъ высказывалось съ такой беззавѣтной откровенностью, какъ у Боткина. Но нигдѣ стремленіе это не проявлялось въ такой полнотѣ, какъ въ клубѣ передъ превосходною закускою». «Вѣдь это все прекрасно—восклицалъ Боткинъ съ сверкающими глазами—вѣдь это все надо ѣсть!» Послѣдніе дни жизни Василія Петровича были достойнымъ концомъ такого сибарита. Занявъ одну изъ лучшихъ квартиръ Петербурга, обставивъ ее со всевозможной роскошью, онъ устроилъ себѣ прекрасный квартетъ изъ мастерскихъ исполнителей и нанялъ повара изъ кухни цесаревича. Не будучи въ силахъ по болѣзненному состоянію отдаваться удовольствію ѣды, онъ заказывалъ все-таки лукулловскіе обѣды, чтобы, созвавъ на нихъ гостей, хоть посмотрѣть, какъ они ѣдятъ, настойчиво рекомендуя блюда, казавшіяся ему особенно удачными. «Митя,—говорилъ онъ брату,—вотъ меня осуждали за бережливость. Зато ты видишь, какъ я обставилъ свою жизнь передъ концомъ. Ты не можешь себѣ представить, до какой степени мнѣ это пріятно. Райскія птицы поютъ у меня на душѣ». И это говорилъ человѣкъ на краю могилы, со сведенными жестокимъ ревматизмомъ руками и ногами, котораго приходилось переносить на особыхъ носилкахъ изъ одной роскошно убранной залы въ другую [2])...

Общественная и политическая жизнь въ Россіи съ 60-ыхъ годовъ сдѣлалась гораздо сложнѣе, чѣмъ была въ предыдущія десятилѣтія; она

---

[1]) Фетъ, I, 298.
[2]) Фетъ, II, 202.

крѣпче захватила всѣ слои общества, заставивъ больно почувствовать и обратную сторону великаго преобразовательнаго движенія, каковую мало предвидѣло поколѣніе, создавшее эти реформы, т. е. люди сороковыхъ годовъ. Особенно тяжело отразилось все это на впечатлительномъ и раздражительномъ Боткинѣ, успѣвшемъ къ тому времени выработать цѣлый культъ тонкихъ наслажденій. «Увы! мы дошли до такого времени, когда рѣшительно некуда дѣться отъ политики,—писалъ онъ,—подъ тѣмъ или другимъ видомъ она преслѣдуетъ всюду, для объективнаго взгляда не осталось ни одного мѣста. Несмотря на то, что я представляю изъ себя олицетвореніе басни «Муха и Дорожные», тѣмъ не менѣе кипячусь и волнуюсь, и рѣшительно не въ состояніи ничего дѣлать, и чувствую величайшую потребность въ душевномъ спокойствіи. А какъ и гдѣ найти его?» «Я думаю, эта проклятая политика нисколько васъ не интересуетъ. Да и я ее терпѣть не могу: она мѣшаетъ жить», восклицаетъ Боткинъ черезъ три мѣсяца въ письмѣ къ тому же Фету [1]). Не видя возможности избавиться, уйти отъ «проклятой политики», Боткинъ началъ искать выхода изъ своего мучительнаго положенія въ томъ политическомъ лагерѣ, который могъ дать ему большее спокойствіе. Такимъ лагеремъ оказалась крайняя консервативная партія, во главѣ которой сталъ къ тому времени Катковъ.

Была еще одна причина, заставившая Боткина примкнуть къ этому теченію—его непониманіе тѣхъ фактовъ литературнаго движенія 60-ыхъ годовъ, которые носили рѣзкій, невѣжественный и грубый характеръ. И Тургеневъ, и Герценъ не менѣе его негодовали на «поганое, тупое, самодовольное глумленіе и зубоскальство» [2]), установившееся въ нѣкоторыхъ органахъ нашей журналистики 60-ыхъ годовъ послѣ смерти Добролюбова (17-го ноября 1861 г.); но Тургеневъ, равно какъ и Герценъ, видѣли въ этихъ крайностяхъ новые факты только по формѣ, Боткинъ же—новые—по самой сущности. Герценъ писалъ о молодежи 60-ыхъ годовъ: «Развѣ въ нахальной дерзости манеръ и отвѣтовъ вы не ясно видите дерзость николаевской офицерщины и въ людяхъ, говорящихъ свысока и съ пренебреженіемъ о Шекспирѣ и Пушкинѣ—внучатъ Скалозуба, получившихъ воспитаніе въ домѣ дѣдушки, хотѣвшаго «дать фельдфебеля въ Вольтеры?» Тургеневъ устами Потугина въ «Дымѣ» сдѣлалъ еще болѣе рѣшительное обобщеніе: «Правительство освободило насъ отъ крѣпостной зависимости, спасибо ему; но привычки рабства слишкомъ глубоко въ насъ внѣдрились; не скоро мы отъ нихъ отдѣлаемся. Намъ во всемъ и всюду нуженъ баринъ; бариномъ этимъ бываетъ, большею частію, живой субъектъ, иногда какое-нибудь такъ-

[1]) Фетъ, „Мои воспоминанія“, II, 62, 83, 87, 90.

[2]) Выраженіе одного письма Тургенева къ Анненкову.

называемое направленіе надъ нами власть возымѣетъ... теперь, напримѣръ, мы всѣ къ естественнымъ наукамъ въ кабалу записались... Почему, въ силу какихъ резоновъ мы записываемся въ кабалу, это дѣло темное; такая ужъ, видно, наша натура. Но, главное дѣло, чтобъ былъ у насъ баринъ. Ну, вотъ онъ и есть у насъ; это значитъ нашъ, а на все остальное мы наплевать! Чисто холопы! И гордость холопская, и холопское униженіе. Новый баринъ народился—стараго долой! То былъ Яковъ, а теперь Сидоръ; въ ухо Якова, въ ноги Сидору! Вспомните, какія въ этомъ родѣ происходили у насъ продѣлки! Мы толкуемъ объ отрицаніи, какъ объ отличительномъ нашемъ свойствѣ; но и отрицаемъ-то мы не такъ, какъ свободный человѣкъ, разящій шпагой, а какъ лакей, лупящій кулакомъ, да еще, пожалуй, и лупитъ-то онъ по господскому приказу».

Боткинъ въ тѣ же годы по поводу запрещенія «Современника» и «Русскаго Слова» высказался такимъ образомъ: «Все, что бунтующій пролетаріатъ и самая дикая демагогія выработали въ себѣ разлагающаго для неопытныхъ и слабоумныхъ головъ—все это проповѣдывалось въ нихъ (т. е. въ названныхъ журналахъ) за высочайшую истину» [1]). Вотъ почему онъ хватался прежде всего за полицейскія мѣры, тогда какъ Тургеневъ выдвигалъ на первый планъ образованіе. «Возьмите науку, цивилизацію и лѣчите этой гомеопатіей мало-по-малу», писалъ Иванъ Сергѣевичъ Герцену въ декабрѣ 1867 года, по поводу крайностей, въ которыя впадаетъ русскій человѣкъ, «самому себѣ предоставленный». Боткинъ, подъ конецъ жизни чуждый въ сущности литературѣ, по собственному его признанію, «пользовался знакомствомъ съ членами совѣта по книгопечатанію, стараясь поддержать ихъ въ ихъ энергіи» относительно репрессивныхъ мѣръ противъ печати [2]). Тургеневъ, лично и неоднократно задѣваемый недружелюбными и несправедливыми нападками «Современника», пишетъ черезъ два года послѣ своего выхода изъ журнала по поводу его пріостановки: «Мое старое литературное сердце дрогнуло, когда я прочелъ о прекращеніи «Современника»... Мнѣ кажется, Головнинъ поторопился» [3]).

«Тонкій и вѣрный вкусъ» В. П. Боткина сказался въ оцѣнкѣ произведеній Тургенева съ самаго начала литературной дѣятельности Ивана Сергѣевича. Замѣчательно, что Василій Петровичъ до конца жизни былъ въ числѣ очень немногихъ изъ друзей Тургенева, сумѣвшихъ сдѣлать надлежащую и разностороннюю оцѣнку его наиболѣе крупныхъ произведеній. Только Анненковъ и Боткинъ стали въ этомъ отношеніи

[1]) Фетъ. „Мои воспоминанія“, II, 92.

[2]) Фетъ. „Мои воспоминанія“. II, 82.

[3]) „Вѣстникъ Европы“ 1887 г., янв., стр. 8. А. В. Головнинъ министръ народнаго просвѣщенія, главный начальникъ цензуры.

выше современниковъ и отнеслись безъ предвзятыхъ взглядовъ къ его, такъ сказать, боевымъ романамъ, несмотря на то, что Василій Петровичъ, напримѣръ, судилъ ихъ прежде всего съ эстетической точки зрѣнія. «Какая прелесть «Записки Охотника»,—писалъ Боткинъ Анненкову 12-го окт. 1847 г.,—«Пѣночкинъ» (т. е. разсказъ «Бурмистръ») и «Контора», помѣщенныя въ 10-мъ номерѣ «Современника». Какой артистъ Тургеневъ! Я читалъ ихъ съ такимъ же наслажденіемъ, съ какимъ, бывало, разсматривалъ золотыя работы Челлини» [1]). Въ февралѣ 1848 года онъ писалъ тому же Анненкову: «Записки Охотника» Тургенева доставили мнѣ истинное наслажденіе, и въ этомъ отношеніи я совершенно расхожусь съ мнѣніемъ Бѣлинскаго. Каждый изъ разсказовъ прекрасенъ по-своему, и я въ затрудненіи, которому изъ нихъ отдать преимущество. Больше всего восхищаетъ меня въ нихъ артистичность рисунка, поэтическое чувство природы и, что̀ важно, русской природы и тонкая наблюдательность». Сдержаннѣе отзывы Боткина о драматическихъ произведеніяхъ Ивана Сергѣевича: «Нахлѣбникъ» Тургенева очень хорошъ, хотя основной мотивъ и не совсѣмъ идетъ къ русской жизни. На сценѣ эта пьеса произвела бы фуроръ, и Щепкинъ былъ бы превосходенъ»,—писалъ онъ 10-го марта 1849 г. О «Провинціалкѣ» отзывался Василій Петровичъ, какъ о вещицѣ «недурной и граціозной» [2]). Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Тургеневу (1852 г.), онъ, сообщивъ Ивану Сергѣевичу слова Гоголя, высказанныя за два мѣсяца до смерти послѣдняго, что «во всей теперешней литературѣ больше всѣхъ таланта у Тургенева», прибавляетъ: «Меня этотъ отзывъ такъ обрадовалъ, что я не могу тотчасъ же не сообщить его тебѣ. Я совершенно согласенъ съ этимъ. Только ты больно лѣнивъ и неусидчивъ у меня—вотъ что плохо. Я знаю, что «Свои люди» Островскаго великолѣпная вещь, а все-таки сочности и таланта, поэтическаго таланта, въ тебѣ больше. Только, можетъ быть, не для театра» [3]). Черезъ годъ, въ письмѣ къ Ивану Сергѣевичу отъ 18-го іюля (1853 г.), онъ, между прочимъ, такъ характеризуетъ манеру творчества своего друга: ея «отличительную черту составляетъ тонкій артистическій юморъ, который безпрестанно задѣваетъ читателя то оригинальною метафорой, то неожиданнымъ сравненіемъ, то поэтическимъ, быстро мелькающимъ взглядомъ (и тѣмъ оно дороже!) и постоянно держитъ умъ его en éveil» [4]).

Но на-ряду съ похвалами творчеству Тургенева въ отзывахъ Ва-

---

[1]) Челлини (1500—1571 г.)—знаменитый итальянскій золотыхъ дѣлъ мастеръ эпохи возрожденія; пользуется славой первокласснаго художника.

[2]) „Анненковъ и его друзья“, стр. 553, 554, 556 и 565.

[3]) Перв. собр. пис., 19.

[4]) „Русск. Обозрѣн.“, 1894 г., № 10-й, стр. 494.

силія Петровича около половины 50-хъ годовъ начинаетъ встрѣчаться и нѣкоторое недовольство: онъ сталъ считать талантъ Ивана Сергѣевича способнымъ дать больше, чѣмъ онъ далъ до сихъ поръ. Незадолго до появленія «Рудина» Боткинъ писалъ Дружинину (4-го сент. 1855 г.): «Это правда, что Тургенева сбилъ съ толку Гоголь, и мнѣ всегда казалось, что направленіе, избранное Тургеневымъ, не соотвѣтствуетъ вовсе его таланту. Въ томъ-то и бѣда, что Тургеневу не достаетъ пока самости и смѣлости—этихъ всегдашнихъ признаковъ большихъ талантовъ. Самъ онъ несравненно выше и лучше всего, что до сихъ поръ онъ написалъ». Двадцать четвертаго того же сентября Василій Петровичъ сообщалъ Дружинину изъ Москвы: «Съ нетерпѣніемъ жду сюда Тургенева и его повѣсть (рѣчь идетъ о «Рудинѣ», законченномъ вчернѣ 24-го іюля), въ которой я почему-то надѣюсь, онъ гораздо болѣе приблизится къ самому себѣ, нежели въ прежнихъ своихъ повѣстяхъ» [1]). Надежда не обманула Боткина. Появленіе серіи романовъ Ивана Сергѣевича, открывшихъ новый періодъ въ его творчествѣ, окончательно поставило Тургенева въ глазахъ его друга на первое мѣсто среди современныхъ писателей. Къ сожалѣнію, пока еще неизвѣстны подробные отзывы Василія Петровича о «Рудинѣ» и «Дворянскомъ гнѣздѣ», но «Наканунѣ» вызвало такія строки въ письмѣ Боткина къ Фету отъ 20-го марта 1860 года: «Несмотря на всѣ недоразумѣнія, «Наканунѣ» я прочелъ съ наслажденіемъ. Я не знаю, есть-ли въ какой повѣсти Тургенева столько поэтическихъ подробностей, сколько ихъ разсыпано въ этой. Словно онъ самъ чувствовалъ небрежность основныхъ линій зданія и, чтобы скрыть эту небрежность, а можетъ быть и неопредѣленность фундаментальныхъ линій, онъ обогатилъ ихъ превосходнѣйшими деталями, какъ иногда дѣлали строители готическихъ церквей. Для меня эти поэтическія, истинно художественныя подробности заставляютъ забывать о неясности цѣлаго. Какіе озаряющіе предметы эпитеты, да, солнечные эпитеты, неожиданные, вдругъ раскрывающіе внутреннія перспективы предметовъ. Правда, что несчастный болгаръ рѣшительно не удался; всепоглощающая любовь его къ родинѣ такъ слабо очерчена, что не возбуждаетъ ни малѣйшаго участія, а вслѣдствіе этого и любовь къ нему Елены болѣе удивляетъ, нежели трогаетъ. Успѣха въ публикѣ эта повѣсть имѣть не можетъ, ибо публика вообще читаетъ по-утиному и любитъ глотать цѣликомъ. Но я думаю, едва-ли найдется хоть одинъ человѣкъ съ поэтическимъ чувствомъ, который не проститъ повѣсти всѣ ея математическіе недостатки, за тѣ сладкія ощущенія, которыя пробудятъ въ душѣ

[1]) „XXV лѣтъ“. „Сборникъ Общества для пособія нуждающ. литер. и учен.“

его ея нѣжныя, тонкія и граціозныя детали. Да, я заранѣе согласенъ со всѣмъ, что можно сказать о недостаткахъ этой повѣсти, и, все-таки, я считаю ее прелестною. Правда, что она не тронетъ, не заставитъ задуматься, но она повѣетъ ароматомъ лучшихъ цвѣтовъ жизни» [1]).

Судя по воспоминаніямъ Щербаня [2]), одного изъ сотрудниковъ Каткова и посредника между послѣднимъ и Тургеневымъ въ дѣлѣ печатанія «Отцовъ и дѣтей», Боткинъ былъ въ положительномъ восхищеніи отъ этого романа. Самъ Тургеневъ писалъ К. К. Случевскому $^{14}/_{26}$-го апрѣля 1862 года: «До сихъ поръ Базарова совершенно поняли, то-есть поняли мои намѣренія, только два лица: Достоевскій и Боткинъ» [3]). Василій Петровичъ боялся лишь одного, слѣдя за окончательной отдѣлкой «Отцовъ и дѣтей»—излишней какъ-бы придирчивости Тургенева къ частностямъ романа, выражавшейся въ безконечныхъ, по его мнѣнію, поправкахъ.

— Зализешь, Иванъ Сергѣевичъ,—говорилъ онъ,—зализешь!

— Нѣтъ, такъ лучше,—доказывалъ Тургеневъ,—ты пойми: Базаровъ въ бреду. Не просто «собаки» могутъ ему мерещиться, а именно «красныя», потому что мозгъ у него воспаленъ приливомъ крови».

Впрочемъ, боязнь Боткина была слишкомъ преувеличена. При внимательномъ чтеніи романа, мы замѣтимъ лишь два пятнышка, которыя могли произойти отъ поправокъ, посланныхъ, такъ-сказать, въ догонку, сданному уже въ печать произведенію, и потому не согласованныхъ по торопливости съ другими частностями романа. Описывая первый визитъ Базарова къ Одинцовой (гл. XV), Тургеневъ говоритъ, между прочимъ, о «свѣтѣ весенняго солнца», тогда какъ свиданіе это происходило во второй половинѣ іюня. Катѣ, сестрѣ Одинцовой, въ XVI гл., авторъ указываетъ 18-ть лѣтъ, а изъ данныхъ, приводимыхъ имъ раньше, ей долженъ былъ тогда идти 21-й годъ [4]). У Шекспира встрѣчаются нерѣдко гораздо болѣе грубые промахи въ этомъ родѣ, и, конечно, художникамъ, ищущимъ психологической правды, нельзя ставить въ вину нѣкоторыя фактическія несообразности. Но Тургеневъ былъ въ высокой степени требователенъ къ себѣ въ этомъ отношеніи, почему указанные недочеты могутъ быть объяснены у него лишь обиліемъ поправокъ, отъ которыхъ старался удерживать его Боткинъ.

Наконецъ, послѣднее крупное произведеніе Тургенева, появившееся при жизни Василія Петровича—«Дымъ»—вызвало такой отзывъ со стороны Боткина: «Иванъ Сергѣевичъ читалъ мнѣ свою новую повѣсть.

---

[1]) Фетъ. „Мои воспомин.“, I, 323.
[2]) „Русск. Вѣстн.“, 1890 г., кн. VII.
[3]) Перв. собр. пис., 107.
[4]) См. стр. 76, 80 и 85 тома II-го, по изданію „Нивы“.

Тутъ нѣтъ и тѣни похожаго на «Призраки» или «Собаку». Это настоящая сочная повѣсть съ его извѣстными достоинствами и съ меньшими противъ прежняго недостатками» [1]).

Какъ извѣстно, послѣ выхода въ свѣтъ «Отцовъ и дѣтей», въ творчествѣ Ивана Сергѣевича наступилъ долгій перерывъ. «Призраки», «Довольно» и разсказъ «Собака» на протяженіи четырехъ лѣтъ очень мало, конечно, заполняютъ этотъ пробѣлъ въ дѣятельности Тургенева, тѣмъ болѣе, что первыя два произведенія были начаты еще раньше появленія «Отцовъ и дѣтей». Боткинъ не могъ не обратить вниманія на продолжительное молчаніе и объяснялъ его тѣмъ, что Тургеневъ «не пришелъ еще ни къ какому опредѣленному міровоззрѣнію (т. е. послѣ бури, поднятой знаменитымъ романомъ) и никакъ не можетъ примириться съ тѣмъ, что въ молодомъ поколѣніи онъ потерялъ всякое значеніе. Нечего сказать, есть чѣмъ дорожить! Я бы желалъ, чтобы мнѣ уяснили, какое значеніе имѣетъ большинство нашего молодаго поколѣнія, съ его тупостью, всяческимъ невѣжествомъ, наглостью и самоувѣренностью дураковъ?» [2]). Это вѣрно, что шумный и враждебный походъ на Тургенева, предпринятый молодымъ поколѣніемъ 60-хъ годовъ съ «Современникомъ» во главѣ, заставилъ замолкнуть на нѣкоторое время Ивана Сергѣевича; правда и то, что авторъ «Отцовъ и дѣтей» былъ огорченъ въ тѣ годы потерей вниманія со стороны молодежи. Но Боткинъ не могъ понять того, что Тургеневъ дорожилъ мнѣніемъ молодыхъ читателей не ради сохраненія или исканія популярности, а ради торжества тѣхъ идеаловъ, которымъ онъ неизмѣнно служилъ. Онъ по самой натурѣ своей не могъ отнестись съ презрѣніемъ даже къ той аудиторіи, въ средѣ которой громче, чѣмъ слѣдуетъ, раздавался «судъ глупца и смѣхъ толпы холодной». Вотъ почему Иванъ Сергѣевичъ высказывался, что «мнѣніемъ молодежи нельзя не дорожить», и на закатѣ дней своихъ съ искренней радостью признался въ знаменитомъ письмѣ къ Иногородному Обывателю: «Тѣ овацiи (молодежи), о которыхъ упоминаетъ г. Иногородный Обыватель, мнѣ были пріятны и дороги именно потому, что не я шелъ къ молодому поколѣнію, нерасположеніе котораго я весьма философически переносилъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ (со времени появленія «Отцовъ и дѣтей»), но потому, что оно шло ко мнѣ, онѣ были мнѣ дороги, эти овацiи, какъ доказательство проявившагося сочувствія къ тѣмъ убѣжденіямъ, которымъ я всегда былъ вѣренъ и которыя громко высказывалъ въ самыхъ рѣчахъ моихъ, обращенныхъ къ людямъ, которымъ угодно было меня чествовать».

Что касается личныхъ отношеній между Тургеневымъ и Боткин-

---

[1]) Письмо къ Фету отъ 14-го марта 1867 г. „Мои воспом.“, II, 115.

[2]) Письмо къ Фету отъ 9-го іюня 1866 г. „Мои воспомин.“, II, 91.

нымъ, то таковыя завязались еще въ кружкѣ Бѣлинскаго, память о которомъ была одинаково священна для нихъ обоихъ, и быстро приняли характеръ весьма дружескій. Только съ начала 60-хъ годовъ наступаетъ замѣтное охлажденіе между пріятелями, и они постепенно начинаютъ даже избѣгать другъ друга. Не то было въ предшествующее десятилѣтіе. Такъ, почти весь май 1855 года Боткинъ провелъ у Тургенева въ Спасскомъ, цѣлую зиму 1857—58 гг. проводятъ они неразлучно въ Италіи, а зиму 1861—62 гг. въ Парижѣ. Щербань, часто встрѣчавшій ихъ тогда вмѣстѣ, говоритъ, что Боткинъ относился къ мало-практичному Тургеневу совсѣмъ какъ нянюшка, простирая заботы свои о немъ до мелочей. Самъ Иванъ Сергѣевичъ оставилъ намъ не мало свидѣтельствъ тому; такъ, въ письмѣ изъ Парижа, отъ 22-го мая 1860 года, Тургеневъ пишетъ, напр., Анненкову: «Боткинъ, зайдя ко мнѣ, чуть не прибилъ моего портнаго за то, что онъ хочетъ мнѣ сдѣлать пиджакъ съ тальею; портной трепетно извинялся, а Василій Петровичъ with a wittering smile (съ надменной улыбкой): Mais c'est une infamie, monsieur (вѣдь это низость, государь мой)» [1]). Еще раньше Иванъ Сергѣевичъ разсказывалъ такой эпизодъ: «Сошлись мы съ нимъ (Боткинымъ) за обѣдомъ въ большомъ Берлинскомъ отелѣ (1858 г.). Заговорившись съ сидѣвшимъ противъ меня гостемъ, я упомянулъ о необычайномъ приростѣ городскаго населенія и замѣтилъ, что давно-ли мы учили по географіи, что въ Берлинѣ 400.000, а вотъ ихъ уже 700 тысячъ. Это нѣсколько преувеличено,—сказалъ мой собесѣдникъ,—такъ какъ ихъ всего неполныхъ 600.000. При этомъ возражающій ссылался на то, что ему, какъ здѣшнему жителю, это должно быть хорошо извѣстно. Я не уступалъ, и завязалось пари на два золотыхъ, которое нѣмецъ взялся немедля разрѣшить, сходивши въ свой номеръ за гидомъ. Когда онъ вышелъ изъ-за стола, Боткинъ, сидѣвшій рядомъ со мною, излилъ на меня всю желчь, вѣроятно, возбужденную въ немъ необычнымъ эпизодомъ во время методическаго трапезованія.

— Вотъ это чисто русское, растрепаннсе многознайство! Вотъ такъ-то мы по всему свѣту развозимъ свое невѣжество! Мнѣ стыдно подлѣ тебя сидѣть. Нашелъ, съ кѣмъ спорить! Съ туземцемъ! Я очень радъ, что онъ тебя оштрафуетъ за твое позорное русское хвастовство.

Я уткнулся носомъ въ тарелку и замеръ подъ его безпощадными упреками. Вдругъ чувствую руку на своемъ правомъ плечѣ, и споривній со мною нѣмецъ, шепнувши мнѣ на ухо: «извините, я проигралъ», положилъ около моей тарелки два наполеона.

— Кельнеръ,—сказалъ я,—бутылку шампанскаго!

---

[1]) „Вѣстн. Евр.“, 1885 г., апр., 467.

Надо было видѣть сладчайшій медъ, которымъ мгновенно засіяло лицо Боткина.

— Молодецъ, молодецъ!—воскликнулъ онъ, гладя меня по правому рукаву [1]).

Тургеневъ, впрочемъ, не сердился на непрошенную опеку и часто надъ ней подтрунивалъ: «что ты мнѣ за дядька дался»,—говаривалъ онъ Василію Петровичу, когда тотъ слишкомъ выказывалъ свою заботливость. Боткину, котораго Иванъ Сергѣевичъ любилъ величать въ шутку: то «дономъ Базиліемъ», то «старцемъ Василіемъ», или «новоявленнымъ исповѣдникомъ», больно, однако, доставалось отъ Тургенева за его эпикуреизмъ, раздражительность и капризность. Еще въ 50-хъ годахъ Иванъ Сергѣевичъ напалъ на эти его недостатки въ одной эпиграммѣ,—пародіи на Пушкинскаго «Анчара», заканчивавшейся слѣдующимъ куплетомъ:

„Къ нему читатель не спѣшитъ,
И журналистъ его боится,
Панаевъ сдуру набѣжитъ
И, корчась въ мукахъ, далѣ мчится“ [2]).

Къ сожалѣнію, эпикуреизмъ Боткина съ годами лишь развивался, и прежнія, добродушныя насмѣшки Ивана Сергѣевича надъ его аппетитомъ, надъ тѣмъ, что онъ «ѣстъ гигантски», что Василій Петровичъ заставляетъ его, Тургенева, «объѣдаться до глупости», эти шутливыя замѣчанія постепенно стали вытѣсняться другими. Уже изъ совмѣстной поѣздки въ Римъ (1857 г.) Иванъ Сергѣевичъ писалъ Анненкову: «Боткинъ здоровъ, я съ нимъ ежедневно вижусь, но я не живу съ нимъ. Въ его характерѣ есть какая-то старческая раздражительность—эпикуреецъ въ немъ то и дѣло пищитъ и киснетъ; очень ужъ онъ заразился художествомъ» [3]). А въ февралѣ 1861 года изъ Парижа онъ сообщаетъ тому же Анненкову: «Боткину немного лучше, и есть надежда на окончательное выздоровленіе. Но, если бы вы знали, какъ безобразно грубо выступилъ въ немъ эгоистъ, это даже поразительно! Охъ, Павелъ Васильевичъ, въ каждомъ человѣкѣ сидитъ звѣрь, укрощаемый одною только любовью» [4]). «Коли Боткина не будетъ въ Петербургѣ»,—пишетъ Тургеневъ упомянутому корреспонденту $^{13}/_{25}$-го апрѣля 1868 года,—«я на его квартирѣ остановлюсь, а то ужъ въ прошломъ году отзывало отъ него трупомъ, да еще ядовитымъ» [5]).

---

[1]) Фетъ. „Мои воспомин.“, I, 250.
[2]) Воспом. Полонскаго. „Нива“, 1884 г., стр. 87.
[3]) „Вѣстн. Евр.“, 1885 г., мартъ, стр. 11.
[4]) „Вѣстн. Евр.“, 1885 г., апр., 479.
[5]) „Русское Обозрѣніе“, 1894 г., февраль, стр. 495.

Если дѣло не дошло до полнаго разрыва между прежними друзьями, то причиной этого была не столько давность связей между ними, сколько снисходительность Ивана Сергѣевича къ Боткину, какъ къ неудачнику. Одинъ Тургеневъ видѣлъ въ немъ въ сущности горемыку, что̀ и высказалъ, между прочимъ, въ одномъ изъ писемъ къ Анненкову изъ Бадена (2-го іюня (ст. ст.) 1864 г.): «Боткинъ здѣсь замиралъ и таялъ отъ нѣги, что̀ не помѣшало ему съ остервенѣніемъ и скрежетомъ зубовъ отправиться къ Фету, у котораго онъ выстроилъ флигель, стоившій ему 1.500 рублей сер.! Вотъ человѣкъ—осудилъ себя на добровольное мученичество! А впрочемъ, я думаю, его тоска гложетъ и гонитъ съ мѣста на мѣсто» [1]).

Узнавъ о смерти Василія Петровича, Тургеневъ такъ высказался въ письмѣ къ Анненкову: «Давно не исчезало съ житейской сцены человѣка, столь способнаго наслаждаться жизнью; это былъ своего рода талантъ; но неумолимая судьба не щадитъ и талантовъ. Товарищемъ меньше! Съ братьями своими и пр. онъ поступилъ хорошо, но наше бѣдное общество [2]) осталось въ его глазахъ недостойнымъ козлищемъ. Удивительно ретроградные инстинкты и предубѣжденія сидѣли въ этомъ московскомъ купеческомъ сынѣ. Не хуже любаго прусскаго junker'a или николаевскаго генерала... Литература для него все-таки отзывалась чѣмъ-то въ родѣ бунта!» [3]). Нѣсколько мягче отозвался о немъ Иванъ Сергѣевичъ въ письмѣ къ Фету: «Итакъ, Василія Петровича не стало. Жалко его не какъ человѣка, а какъ товарища... Себялюбивое сожалѣніе! Умница былъ, а хоть и говорятъ, что «l'esprit court les rues», но только не у насъ въ Россіи... Да, у насъ и улицъ мало» [4])...

Н. Гутьяръ.

---

[1]) „Вѣстн. Евр.“, 1887 г., янв., стр. 25.
[2]) Литературный фондъ.
[3]) „Русское Обозрѣніе“, 1894 г., янв., стр. 28.
[4]) Фетъ. „Мои воспомин.“, II, 206.

Оцѣнка канцелярской отписки [1]).

Отвѣтъ г. Шумигорскаго представляетъ, какъ и слѣдовало ожидать, канцелярскую отписку чиновника, обязаннаго отвѣчать по вопросамъ, чуждымъ его вѣдомству. Разобраться въ этой отпискѣ вовсе, однако, не трудно.

Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ идетъ рѣчь?

Три года назадъ г. Шумигорскій издалъ переводъ французской рукописи Souvenirs de la comtesse Golovine. Вслѣдствіе незнанія французскаго языка переводъ г. Шумигорскаго кишитъ ошибками, извращающими смыслъ оригинала. Точными выписками, съ указаніемъ страницъ, мы доказали всю негодность перевода. Съ этими нашими указаніями г. Шумигорскій соглашается вполнѣ и ни одного не опровергаетъ—этимъ онъ росписывается въ своемъ полномъ незнаніи французскаго языка. Это во-первыхъ.

Во-вторыхъ, рядомъ указаній, точно обоснованныхъ, мы установили, что г. Шумигорскій, не обладающій общимъ историческимъ образованіемъ (allgemeine historische Bildung), допустилъ рядъ ошибокъ, которыя, согласно элементарнымъ требованіямъ историческихъ изданій, подлежали исправленію. Г. Шумигорскій, оставляя наши указанія безъ всякихъ возраженій, опять самъ же признаетъ свое невѣжество.

Наконецъ, въ третьихъ, мы указали, что г. Шумигорскому вовсе незнакома та technische Schulung, которая требуется отъ издателей архивнаго матерьяла.

Въ своей канцелярской отпискѣ г. Шумигорскій вновь подтверждаетъ всѣ эти наши три тезиса и упорно старается оправдать наше суж-

---

[1]) Бильбасовъ. Записки русскихъ женщинъ, въ „Русской Старинѣ“, CXVII, 99; Шумигорскій. Отвѣтъ по поводу статьи Записки русскихъ женщинъ, Ibid., 413.

деніе о его переводѣ. Чтобы не быть голословными, приведемъ опять примѣры съ указаніемъ страницъ:

1) Незнаніе французскаго языка: выраженіе nouvellement conquis г. Шумигорскій переводитъ «вновь присоединенные» (420), даже и не подозрѣвая, что nouvellement значитъ недавно, а не вновь, и объясняя невѣрный переводъ слова conquis желаніемъ исправить текстъ гр. Головиной, на что онъ не имѣлъ никакого права.

2) Недостатокъ общаго историческаго образованія: г. Шумигорскій, незнакомый даже съ «Записками императрицы Екатерины II», наивно предполагаетъ, что готовящееся академическое изданіе этихъ записокъ «конечно, заставитъ г. Бильбасова передѣлать какъ изданные имъ томы его «Исторіи Екатерины Второй», такъ и послѣдующіе» (416). Какое невѣжество: Записки Екатерины II обрываются на второмъ пріѣздѣ принца Саксонскаго, въ 1759 г., и уже для воцаренія Екатерины, въ 1762 г., не имѣютъ значенія историческаго матерьяла!

3) Незнакомство съ техникой изданія: г. Шумигорскій не даетъ себѣ отчета въ томъ, что пишетъ, и въ своей отпискѣ самъ же укоряетъ себя въ пропускѣ одной строки и одного стихотворенія (414), хотя то и другое имъ же напечатано на стр. 144 и 221.

Такова сущность нашей замѣтки о переводѣ г. Шумигорскимъ «Воспоминаній гр. Головиной». Въ своей канцелярской отпискѣ г. Шумигорскій уклоняется отъ этой сущности и предпочитаетъ разглагольствовать о вопросахъ, до перевода не относящихся, при чемъ самодовольно перепечатываетъ цѣлыя страницы изъ своего предисловія и послѣсловія, которыхъ мы не касались, прямо заявивъ, что они не имѣютъ значенія (107). Насъ интересовали историческія воспоминанія графини Головиной, а не дешевая болтовня г. Шумигорскаго. Въ самомъ дѣлѣ, кого можетъ интересовать наборъ пустыхъ фразъ г. Шумигорскаго, не отличающаго dessous отъ dessus, о гр. Головиной, писавшей свои воспоминанія на французскомъ языкѣ? Въ вопросѣ объ обществѣ Іисуса чего можно ожидать отъ г. Шумигорскаго, не отдѣляющаго католицизма отъ іезуитизма? Въ доказательство, что Огаръ былъ іезуитъ, г. Шумигорскій приводитъ буквально слѣдующее: l'honneur de l'introduction du catholicisme parmi les Russes est dû au chevallier d'Augard (423). Для кого и зачѣмъ г. Шумигорскій аттестуетъ г. Бильбасова «іезуитомъ», «жрецомъ исторической истины», «вольтерьянцемъ», «недобросовѣстнымъ критикомъ», «заслуженнымъ историкомъ», «либераломъ»? Мы можемъ на это только замѣтить, что появившіеся уже тридцать томовъ нашихъ ученыхъ изслѣдованій достаточно свидѣтельствуютъ, что Бильбасовъ

n'a jamais mérité
Ni cet excès d'honneur, ni cette indignité.

Но жрецъ-ли, вольтерьянецъ-ли, Бильбасовъ всегда старался высоко держать знамя исторической науки, рѣзко выступая противъ невѣжества историковъ-дилеттантовъ. Эту особенность нашихъ критическихъ замѣтокъ давно уже отмѣтили въ нѣмецкой исторической литературѣ, поставили намъ ее въ заслугу, признавъ въ то же время, что, при всей рѣзкости, мы никогда не переступали за предѣлы дозволеннаго [1]). Такъ отнеслись мы и къ труду г. Шумигорскаго, указавъ на невѣжество, но не дозволивъ себѣ войти съ нимъ въ ученый споръ, ему совершенно недоступный. Говорить объ исторической наукѣ съ г. Шумигорскимъ значитъ oleum et operam perdere.

Мы знаемъ г. Шумигорскаго по его писаніямъ въ журналахъ, преимущественно въ «Историческомъ Вѣстникѣ», и потому никогда не позволили бы себѣ серьезно говорить о научной сторонѣ его трудовъ. Можно-ли серьезно говорить съ господиномъ, который въ 1900 г. печатаетъ хвалебный отзывъ о 2-мъ томѣ «Исторіи кавалергардовъ» [2]), вышедшемъ въ свѣтъ лишь два года спустя? Argumentum ad crumenam, руководившій въ данномъ случаѣ г. Шумигорскимъ, однако, не обманулъ его. По крайней мѣрѣ вскорѣ послѣ этого «поступка» г. Шумигорскій помѣстилъ въ «Новомъ Времени» объявленіе, приглашавшее всѣхъ подписываться на печатаемое имъ сочиненіе «Царствованіе императора Павла I». Подписка шла, вѣроятно, очень успѣшно, потому что нѣсколько мѣсяцевъ спустя новое объявленіе извѣщало, что подписавшіеся могутъ взять деньги обратно, такъ какъ названное сочиненіе г. Шумигорскаго не появится въ свѣтъ. Да и какъ ему появиться: въ 1902 г. въ «Русскомъ Біографическомъ Словарѣ» напечатана г. Шумигорскимъ біографія Павла I, при чемъ изъ помѣщеннаго въ концѣ перечня матеріаловъ несомнѣнно усматривается, что авторъ не изслѣдуетъ представляющіеся вопросы, а только разсказываетъ своими словами факты, находимые въ матеріалахъ. Г. Шумигорскій понялъ, вѣроятно, что разсказать исторію царствованія Павла I, снабдивъ разсказъ массой иллюстрацій, хотя бы даже художественно исполненныхъ въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, вовсе еще не значитъ написать исторію императора Павла, и отказался отъ своего намѣренія. Оно ему къ тому же и не по силамъ: судя по его трудамъ,

[1]) Unter den Lebenden ist Prof. Bilbassow ohne Zweifel der bedeutendste der russischen Historiker; sein Verdienst, dass er mit unerschrockener und oft scharfer Kritik eingreift, wo Halbwissen und methodische Unsicherheit oder Flüchtigkeit und Tendenz ihm entgegentreten... Ausserordentlich scharf ist die an den russischen Arbeiten geübte Kritik, aber wir finden nicht, dass dabei gebotene Grenzen überschritten werden. Historische Zeitschrift, XCI I, 140.

[2]) „Историческій Вѣстникъ“, LXXX, 292.

ему чужды даже элементарныя свѣдѣнія объ исторической критикѣ, безъ которой невозможно никакое историческое изслѣдованіе.

Этимъ мы прекращаемъ всякій споръ съ г. Шумигорскимъ по поводу его перевода воспоминаній гр. Головиной. Мы и теперь взялись за перо, слѣдуя лишь указанію Виргилія, совѣтующаго parcere subjectis et debellare superbos.

В. Бильбасовъ.

Бытовые очерки В. П. Лободовскаго.

IV [1]).

Большое удѣльное село Трусиха было крайнимъ пунктомъ 2-го стана, управляемаго Степаномъ Ивановичемъ. Экипажи, миновавъ двѣ церкви, очень хорошія для села, выѣхали на большую площадь, обстроенную по сторонамъ высокими и просторными домами. Въ отворенныя ворота одного изъ нихъ въѣхала карета генеральши, затѣмъ и дормезъ. На широкомъ крыльцѣ дома показались хозяинъ съ хозяйкой, очень дородные, съ подобострастными улыбками смотрѣвшіе на высаживаемую камердинеромъ генеральшу; возлѣ нихъ же стоялъ и сморщенный старичекъ, въ синемъ кафтанѣ, съ какимъ-то значкомъ на груди, очевидно, лицо оффиціальное, въ родѣ старосты или старшины. Всѣ трое низко кланялись, пока генеральша, при помощи камердинера, подымалась по ступенькамъ на крыльцо.

— Давно, ваше превосходительство, почитай, лѣтъ двадцать не были у насъ,—сказалъ хозяинъ, почтительно склонивъ голову и рукою, вытянутою по направленію къ сѣнямъ, приглашая генеральшу въ приготовленныя для нея комнаты.

— Да,—отвѣчала она, ласково раскланиваясь: — я сама теперь вспомнила, что въ послѣдній разъ ночевала у васъ съ мужемъ, а этому будетъ уже больше 20-ти лѣтъ.

— Мы только-что поженимшись тогда были,—ввернула на ходу

---

[1]) См. „Русскую Старину“, февраль 1904 г.

свое замѣчаніе бѣлая, какъ лебедь, и полная, какъ пышка, съ пріятными ямочками на щекахъ и подбородкѣ, хозяйка дома.

— Это село, ваше превосходительство, — продолжалъ хозяинъ, — только въ народѣ прозывается Трусиха, а по бумагамъ оно пишется «Большіе Овражки». Старики помнятъ, съ коихъ поръ и за что прозвали деревню Трусихой. Сказываютъ, зимой проходилъ босикомъ Божій человѣкъ и говорилъ всѣмъ на деревнѣ, что народился антихристъ и скоро пойдетъ по весямъ и градамъ, и поставитъ на лбу грѣшниковъ огненные значки, а нечистая сила, вслѣдъ за нимъ идущая, потянетъ ихъ всѣхъ въ геенну огненную. Такъ послѣ этого половина села разбѣжалась по лѣсамъ, и уже начальство облавами загоняло ихъ оттуда назадъ въ деревню. Отъ этого самого, вишь, и прозвали ее Трусихой, а по бумагамъ она значится «Большіе Овражки».

Камердинеръ доложилъ, что кушать подано. Обѣдъ прошелъ въ оживленной бесѣдѣ, по поводу Божьихъ людей, нерѣдко причиняющихъ большой вредъ суевѣрному народу. Александра Андреевна разсказала, какъ не любилъ подобнаго рода людей покойный ея мужъ, и какъ онъ однажды за конвоемъ отправилъ въ городъ одну юродивую, которая по пятаку продавала мужикамъ грязные лоскутки для сосанія отъ всякихъ болѣзней.

Послѣ обѣда всѣ вчетверомъ отправились на площадь къ церкви.

Клодочкѣ, повидимому, доставляло большое удовольствіе то обстоятельство, что Александра Андреевна въ разговорахъ своихъ постоянно обращалась къ Перепелкину, какъ бы желая изгладить впечатлѣніе, какое могъ произвести на него давешній споръ ея съ нимъ въ каретѣ. Недалеко отъ церкви, около запруды водяной мельницы копошились три старика и два подростка. Они вбивали сваю, но она пошла вкось и врѣзалась въ иловатый грунтъ такъ, что слабосильные работники не въ состояніи были ни дать ей прямое направленіе, ни вытащить ее назадъ, какъ ни старались и ни подзадоривали себя «дубинушкой», выкрикивая: «еще разъ, еще два, зеленая, ухнемъ!» Потъ градомъ катился съ нихъ, но дѣло не спорилось.

— Что вы не пригласите кого на помощь?—сказала генеральша, обращаясь съ видомъ состраданія къ рабочимъ, когда они, едва переводя духъ, пріостановились на минуту.

— Некого, барыня,—отвѣчалъ старичекъ, повидимому изъ отставныхъ:—вишь, пора рабочая, всѣ страдуютъ въ полѣ. И насъ Христомъ Богомъ насилу упросили остаться, да, видно, придется бросить.

— Ну, я васъ выручу. Сходи кто-нибудь вонъ въ тотъ домъ,—указала она рукой,—и приведи сюда сейчасъ кучера моего Ефрема.

— Вотъ вы увидите,—сказала она, обращаясь къ Перепелкину,—какая у этого человѣка силища.

Въ ожиданіи прихода Ефрема, генеральша направилась къ церкви и сѣла на лежавшихъ у ограды бревнахъ, приглашая и свиту тутъ же расположиться.

Изъ воротъ показался Ефремъ въ сопровожденіи посланнаго за нимъ малаго. Вслѣдъ за ними, шагахъ въ десяти, шелъ Терентьичъ, очевидно, желавшій посмотрѣть на удаль Ефрема.

Ефремъ, смѣривъ презрительно съ головы до ногъ каждаго изъ нихъ, поднялъ съ земли колотило, которое едва по силамъ было пятерымъ, и такъ хватилъ сваю въ бокъ, что она сразу стала прямо. Потомъ сталъ на скамейку и, размахнувшись съ страшной силой, сразу же вогналъ ее въ грунтъ чуть-чуть не глубже, чѣмъ сколько требовалось, къ общему изумленію всѣхъ, особенно рабочихъ, которые, разинувъ рты, только руками разводили. Такимъ же способомъ, хотя и съ бо́льшими трудностями, онъ загвоздилъ еще двѣ, и, обливаясь по́томъ, спросилъ:

— Что больше ничаво не потребовается?

Генеральша велѣла ему спросить у хозяина, гдѣ остановились, два стакана водки за труды свои и отпустила его.

На другой день, къ 8 часамъ утра, прибылъ въ Трусиху Степанъ Ивановичъ.

Перепелкинъ, заслышавъ колокольцы, вышелъ изъ дормеза, въ которомъ спалъ, и объявилъ ему, что дамы едва-ли скоро встанутъ, такъ какъ до 2 часовъ слушали чтеніе.

— Ну, я, батенька, только и могу оставаться здѣсь, пока перемѣнятъ мнѣ лошадей: ѣду на встрѣчу губернатору. Вчера послали слѣдователи ему депешу, что если, согласно инструкціямъ, производить слѣдствіе по дѣлу Свистунова съ послабленіями ему, то всенепремѣнно будетъ бунтъ. Предводитель дворянства предлагалъ этому забіякѣ отправиться съ нимъ въ городъ, въ видѣ арестованнаго по распоряженію начальства, но онъ назвалъ это глупостью и трусостью. А между тѣмъ, въ позапрошлую ночь, чуть живьемъ его не сожгли на хорахъ въ залѣ, гдѣ онъ, мертвецки пьяный, ночью уснулъ на полу, въ одномъ бѣльѣ, безъ всякой постилки. Видите-ли, вздумалось ему поразвлечься забавами, обычными въ прежнее время, но теперь оставленными по случаю пріѣзда слѣдователей, помѣщавшихся во флигелѣ. Узнавъ, что они, послѣ тяжелыхъ дневныхъ трудовъ, рано улеглись спать, онъ велѣлъ собрать женщинъ и дѣвокъ и заставилъ ихъ плясать въ залѣ, въ костюмѣ праматери Евы, даже безъ фиговаго листка, а самъ съ хоръ любовался на нихъ. Когда кончилась эта оргія—никто не могъ сказать. Слѣдователи были разбужены набатомъ и гвалтомъ на дворѣ и сами видѣли, какъ Свистуновъ выбросился изъ окна на балконъ, въ одномъ бѣльѣ, затѣмъ съ балкона—на крышу главнаго подъѣзда, а оттуда по

дождевой трубѣ спустился на землю и тутъ же въ бѣшенствѣ закричалъ: «не перепорю, а перерѣжу всѣхъ». Слѣдователи едва могли урезонить его, предупредивъ, что, въ случаѣ надобности, они прибѣгнутъ къ насилію надъ нимъ. Между тѣмъ, домъ пылалъ, но тушить нечѣмъ было: ни воды, ни инструментовъ пожарныхъ въ наличности не имѣлось. Такъ и сгорѣлъ домъ до тла. Еще счастье, что тихо было и моросилъ мелкій дождикъ.

— А какъ же спаслось его семейство?—спросилъ Перепелкинъ.

— Какое тамъ семейство можетъ быть у этого развратнаго разбойника! Онъ одну жену вогналъ въ могилу своимъ поведеніемъ, а другая вскорѣ послѣ свадьбы бросила его и уже десятый годъ живетъ у отца и не имѣетъ съ нимъ никакихъ сношеній.

— Но какъ ему сходятъ всѣ эти звѣрства и безчинства?

— Деньги, батенька, деньги выручаютъ, да большія связи: въ нихъ вся сила. Законы только къ маленькимъ людямъ прилагаются, а для сильныхъ они никакого значенія не имѣютъ, потому что они всячески могутъ обходить ихъ,—злобно проговорилъ Степанъ Ивановичъ.

— Да неужели же всѣ чиновники торгуютъ закономъ и совѣстью?—спросилъ, краснѣя и съ замѣтною робостію, Перепелкинъ.

— Торгуютъ! это слишкомъ много сказано и неправильно. А проще: берегутъ себя. Вотъ у Свистунова теперь два слѣдователя: одинъ—совѣтникъ изъ старыхъ, и разумѣется, держитъ сторону Свистунова; другой—стряпчій, изъ новыхъ, университетскаго образованія, и изъ кожи лѣзетъ, чтобы обвинить его. Первый, по-моему, бережетъ себя, а послѣдній дѣйствуетъ на гибель себѣ. Упекутъ-ли Свистунова—это еще вилами писано, а что его, голубчика, т. е. стряпчаго-то, вытурятъ изъ службы—это для меня несомнѣнно, какъ дважды два—четыре.

Было 9 часовъ. Барыни не вставали.

На дворъ влетѣла извѣстная уже Перепелкину таратайка съ перемѣнными лошадьми. Степанъ Ивановичъ, преподавъ Ефрему нѣкоторыя инструкціи насчетъ длинныхъ гатей впереди, дружески простился съ своимъ юнымъ протеже и быстро ускакалъ.

Только въ 11 часовъ открыли ставни на занимаемой дамами половинѣ. Эту операцію совершилъ самъ почтенный хозяинъ, не допустивъ лакея, чтобы онъ «неосторожнымъ выдергиваніемъ и опусканіемъ болтовъ не обезпокоилъ ея превосходительства»; за свое же безпокойство онъ уже напередъ разсчитывалъ баснословный кушъ.

На крыльцо выпорхнула Клодочка, свѣжая, румяная и, замѣтно, искала глазами кого-то.

Увидавъ гуляющаго по двору Перепелкина, съ книгой съ рукѣ, она граціозно кивнула ему головкой и ту жъ минуту направилась къ нему.

— Ma tante въ восторгѣ отъ васъ,—говорила она, еще издали мило протягивая ему миніатюрную свою ручку и выражая неподдѣльную радость по случаю такого оборота дѣлъ,—мы не скоро уснули послѣ васъ, и, я думаю, съ полчаса болтали и все о васъ. Когда Амалія Ѳедоровна разсказала, что вы начали у нея учиться говорить по-нѣмецки и по-французски, то ma tante выразилась такъ: «онъ очень любознательный молодой человѣкъ, и потому мы всѣ втроемъ примемся отъ скуки за это дѣло». Это, кажется, тетѣ Бланкѣ не понравилось. Вы смотрите, не влюбитесь въ нее,—пригрозила шалунья розовымъ пальчикомъ и убѣжала въ комнаты.

Когда вскорѣ затѣмъ былъ позванъ туда же и Перепелкинъ, пить чай, то, противъ ожиданія, онъ нашелъ Александру Андреевну далеко не въ духѣ, даже разстроенною.

Во-первыхъ, ей досадно было, что становой ускакалъ, не дождавшись ея пробужденія, хотя хозяинъ обстоятельно уже объяснилъ ей, почему Степанъ Ивановичъ не могъ этого сдѣлать; во-вторыхъ, росписаніе, сдѣланное послѣднимъ съ такимъ стараніемъ, оказывается, по ея мнѣнію, неудобоисполнимымъ. Вотъ теперь предстоитъ сдѣлать до ночлега два перегона, по 35 верстъ каждый, и послѣдній, по словамъ хозяина, очень трудный,—такъ какъ на немъ есть гать до 2-хъ верстъ,—придется совершать ночью, что-де совсѣмъ ужъ неудобно при такихъ громоздкихъ экипажахъ.

— Да почему же ночью? —говорила она нетерпѣливо и съ замѣтнымъ раздраженіемъ,—вѣдь, теперь только четверть 12-го; ну, ровно въ 12 выѣдемъ, а въ 3 часа будемъ на первой станціи.

— Это точно такъ, ваше превосходительство, но выстаивать и кормить лошадей надо не менѣе пяти часовъ, стало быть, придется выѣхать съ этой станціи часовъ около девяти.

Позвали Ефрема.

Оказалось, что предусмотрительный Степанъ Ивановичъ все взвѣсилъ, сообразилъ заблаговременно и на всякія случайности далъ толковому Ефрему опредѣленныя инструкціи, согласно которыхъ, если ея превосходительство изволитъ пробудиться отъ сна поздно, то поваровъ поспѣшить отправить на первую станцію, а господскимъ экипажамъ черезъ часъ ѣхать легкой рысцой, и, по пріѣздѣ на станцію, лошадей, въ сбруѣ, только выводить, пока господа будутъ кушать, и потомъ давши имъ по ведру воды, немедленно закладывать и ѣхать.

— Лошади всѣ у насъ выносливыя,—присовокупилъ Ефремъ,—ничего имъ не сдѣлается, что безъ корма пробудутъ часовъ семь—восемь, да хоть бы и десять, потому что ночевки наши очень ужъ длинныя и успѣютъ вдоволь нажраться.

Генеральша очень обрадовалась такому удовлетворительному рѣше-

нію этого вопроса и сохранила хорошее расположеніе духа даже и послѣ того, какъ услужливый и до приторности подобострастный и предупредительный хозяинъ содралъ съ нея жидовскую плату за свои безпокойства. Всего удивительнѣе для Перепелкина было то, что этотъ безсовѣстно алчный человѣкъ, видя послѣ этого явную холодность и невниманіе къ нему со стороны генеральши и всѣхъ ея спутниковъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ лебезить передъ нею и другими и, выведя на крыльцо супругу, устроилъ такіе же проводы, какъ была встрѣча, поминутно кланяясь и вмѣстѣ съ женой подобострастно причитывая разныя благопожеланія на дальнѣйшій путь.

Пока накрывали на столъ, при остановкѣ на станціи, молодые люди сдѣлали маленькую прогулку по селу, во время которой выяснилось, что дня черезъ три они проведутъ сутки въ самомъ дальнемъ помѣстьѣ Александры Андреевны, Сухаревкѣ, куда должна быть выслана послѣдняя почта. Это любимое село управляющаго, гдѣ онъ развелъ великолѣпный фруктовый садъ, приносящій уже значительный доходъ, и гдѣ, по слухамъ, онъ завелъ во всемъ такіе образцовые порядки, что сосѣдніе помѣщики стали перенимать ихъ, а нѣкоторые даже пробовали переманить къ себѣ и виновника ихъ, почтеннаго Эдуарда Ивановича Лампіуса.

— Затѣмъ,— продолжала объяснять Клодочка, — близко уже отъ города N., они свернутъ въ сторону, верстъ за 20, и проведутъ дня три—четыре, а можетъ быть и гораздо больше у бабушки Флоры. Ее зовутъ Анна Петровна, но мужъ, страстно ее любившій, когда-то далъ ей имя Флоры, по поводу какого-то выиграннаго ею пари, и вотъ, послѣ смерти его, она настоятельно требовала, чтобы всѣ родственники не иначе называли ее, какъ бабушка Флора,—сказала Клодочка,—дѣлая не безъ успѣха усилія выговаривать слова такъ, какъ условились.

— Вы не разсердитесь, если она встрѣтитъ васъ грубовато, даже— боюсь я—дерзко: она со всѣми такова.... Имѣнія ея переходятъ по наслѣдству ко мнѣ и къ двоюродному моему брату, Полю. То, въ которомъ она теперь живетъ и гдѣ мы прогостимъ нѣсколько дней, отписано на меня, значитъ, вы будете у меня въ гостяхъ, а потому, изъ любезности ко мнѣ, отнесетесь снисходительно къ причудамъ бабушки, весьма доброй, впрочемъ, и справедливой.

— Эта перспектива интересна, если только бабушка Флора не возненавидитъ меня,—сказалъ Перепелкинъ:—но меня, собственно, не то теперь занимаетъ, а ваша упорная работа надъ собой, обѣщающая, повидимому, блистательный успѣхъ.

Съ чувствомъ глубокой живой признательности она пожала руку собесѣднику, и оба они поспѣшили къ обѣду.

Около четырехъ часовъ выѣхали, обезпокоенные мыслями о длинной

членовредительной гати, по поводу которой велся тихонько какой-то загадочный серьезный разговоръ между дворовыми людьми генеральши, обѣдавшими на дворѣ въ тѣни.

Александра Андреевна, на время своего обычнаго послѣобѣденнаго отдыха, только разъ вчера нарушеннаго, перемѣстила къ себѣ въ карету и вторую горничную, а молодыхъ людей отослала къ Амаліи Ѳедоровнѣ.

Вдругъ экипажи почему-то остановились. Выглянули въ окошки—оказалось, что они стоятъ на гати, но почему—не извѣстно.

Подождавъ немного, всѣ встали изъ дормеза и подошли къ первому экипажу, къ окнамъ кареты.

Генеральша спала, лежа на правомъ боку, прикрытая сѣрою вуалью. Горничныя, очевидно, только-что очнувшіяся отъ сна, съ недоумѣніемъ посматривали, что́ бы такое могло случиться, что и кучера нѣтъ на козлахъ, и господа изъ другаго экипажа вышли.

Кучеръ Ефремъ далеко впереди виднѣлся на гати и что-то внимательно осматривалъ.

Перепелкинъ прошелъ къ нему.

Оказалось, что гати аршина на три не существуетъ, а торчавшая въ трясинѣ саженная палка, оставленная какъ бы для измѣренія опасности, свидѣтельствовала, что тутъ очень топкое мѣсто и что всякій предметъ легко можетъ въ него погрузиться до значительной глубины.

— Что это значитъ?—спросилъ Перепелкинъ.

— А то и значитъ,—угрюмо отвѣчалъ Ефремъ,—что не нужно было посылать поваровъ впередъ.

— Да повара-то тутъ при чемъ? Вѣдь они же проѣхали, стало быть, и мы проѣдемъ.

— Проѣхали!—сказалъ насмѣшливо Ефремъ:—проѣхали потому, что гать была не испорчена, а какъ на деревнѣ узнали, какіе экипажи вслѣдъ ѣдутъ, ну, и разобрали гать, чтобъ содрать, значитъ, съ барыни. Извѣстно, тѣмъ и промышляютъ. Становой, вѣдь, чай, говорилъ объ этомъ барынѣ?

— Не знаю, не слыхалъ.

— Ну, мнѣ все это онъ досконально разсказалъ.

— Да почему жъ ты не предупредилъ барыню, что здѣсь дѣлаются такія пакости?

— А потому и не предупредилъ, что всѣ говорили, что это сказки, а взаправду ничего этого нѣтъ. Опять же наше дѣло подневольное: говоримъ только то, что у насъ спрашиваютъ.

Изъ-за пригорка показался верхомъ на лошади мужикъ и спѣшно направился на плотину. Подъѣхавъ къ разобранному мѣсту, онъ выразилъ удивленіе, что случилась «такая оказія».

— Вишь ты, на самой-то глыбкой трясинѣ!—разсуждалъ онъ, покачивая не покрытой лохматой головой.—Что жъ, господа,—обратился онъ къ Перепелкину:—не ночевать же вамъ туто-ка! Можно живо исправить. Тамо-т-ка, за буеракомъ,—указалъ онъ рукой,—недалече есть рабочій народъ. Только время-то, вишь, какое... страдное... себѣ дорого... дюже дорого,—говорилъ онъ, сдѣлавъ умильную физіономію и тряся головой:—дешево, стало, не возьмутъ—вотъ что бѣда!

— Ну, а какъ же, примѣрно?—полюбопытствовалъ Перепелкинъ.

— Да, что съ васъ, господа-бояре? Надо, значитъ, по-божьему, чтобъ ни вамъ, ни работникамъ, примѣрно сказать, обиды не было: двѣ десятирублевки—только и всего! Мигомъ сърудуемъ,—проговорилъ онъ уже съ сіяющимъ лицомъ.

— Эхъ, вы пропойцы безстыжіе! А какъ становому-то вашему довести это дѣло-то, такъ, вѣдь, онъ такъ всполыснетъ васъ, что недѣли двѣ почесываться будете,—гнѣвно, съ суровымъ видомъ сказалъ Ефремъ.

— А ты, милый, не лайся! потому страда... по-божьему, значитъ, дѣйствуемъ... вотъ что, милый! А то становой... становой—что же? Нешто мы сдѣлали это?

А генеральша спала крѣпкимъ сномъ. Горничныя объяснили, что она и уснула только предъ тѣмъ, какъ остановились, а до того она то смотрѣла на дорогу, то подрёмывала.

Признали нужнымъ безотложно прервать сонъ ея превосходительства, для каковой цѣли сначала заговорили погромче, а когда этотъ пріемъ не удался, Клодочка вошла въ карету и тихонько дотронулась рукой до спящей.

— Доѣхали?—спросила Александра Андреевна, поспѣшно сдернувъ съ лица вуаль.

— Нѣтъ, ma tante, мы стоимъ на гати...

— Ахъ, гать, гать,—заговорила она, высовывая голову изъ окна кареты:—что же тутъ случилось?

Ей разсказали все подробно.

— Ну, я тутъ одна виновата,—сказала она, противъ ожиданія всѣхъ, совершенно спокойно:—мнѣ нужно было приказать поварскому экипажу, оставивъ поваровъ на станціи, вернуться на плотину и дожидаться насъ, какъ совѣтовалъ Степанъ Ивановичъ, а я эту предосторожность сочла ненужной, приписывая ее излишнему его усердію, тѣмъ болѣе, что многіе мнѣ говорили, будто такія продѣлки на этой гати случались давно когда-то, а что теперь о нихъ не слыхать.

Она вышла изъ кареты и, сопутствуемая свитой и прислугой, направилась къ мужику, который, запустивъ палку въ мѣсиво грязи, доказывалъ Ефрему, какъ глубоко можетъ засѣсть экипажъ.

— Ахъ, Боже мой, какіе негодяи!—воскликнула генеральша, по-

дойдя къ краю настилки:—вѣдь, за это могутъ васъ судить,—обратилась она строго къ лохматому мужику.

— Что жъ, барыня, нешто мы виноваты? Вѣстимо, шалости, да поди ты ищи, кто сдѣлалъ.

— Ты дорого просишь,—сказала Александра Андреевна:—довольно и половины того.

— Несходно, барыня, вотъ-те Христосъ—несходно. Пора, слышь, страдная, отъ работы всѣмъ животы подтянуло. Ну, да ужъ Богъ съ вами, одну десятку да одну пятитку дадите, а я живо слетаю, коли задаточку рублика два пожалуете.

Согласились, только потребовали, чтобъ черезъ часъ все было готово.

— Что вы, барыня, черезъ часъ!—сказалъ онъ,—пряча деньги за пазуху: у насъ тутъ близко за горкой... чрезъ полчаса все будетъ готово.

Прошли полчаса, но изъ-за горки никто не показывался.

Поѣхалъ туда верхомъ Ефремъ, но скоро вернулся и объявилъ, что меньше тридцати рублей не берутъ и то пріѣдутъ только къ вечеру, когда совсѣмъ управятся съ полосой.

Начались барскіе капризы, потребовавшіе растиранія висковъ одеколономъ, нюханія спирта и разныхъ пріемовъ для успокоенія расходившихся генеральскихъ нервовъ. А тутъ еще какъ на бѣду оказались всѣ эти флакончики и пузырьки съ разными аптечными и парфюмерными снадобьями именно въ поварскомъ экипажѣ, какъ значилось въ росписаніи, сохранившемся, дѣйствительно, или, по крайней мѣрѣ, оказавшемся на лицо, только у одного Перепелкина. Посыпались на всѣхъ обвиненія: и почему никто не напомнилъ, что поваровъ незачѣмъ было послѣ обѣда пускать впередъ, такъ какъ приготовить тѣсто для мягкихъ булокъ не поздно было бы и въ 8 часовъ вечера, и почему не помѣстили аптеки въ ея экипажѣ—хотя именно это и сдѣлано по ея приказанію,—да куда дѣвали ея росписаніе, да почему никто не смотритъ за людьми—это ужъ камушки летятъ въ огородъ Перепелкина—и распустили всѣхъ такъ, что камердинеръ даже потерялъ свое росписаніе. А когда Клодочка напомнила, что росписаніе сохранилось у Саввы Саввича, то ея превосходительство даже взвизгнула. «Что мнѣ въ росписаніи, когда всѣ распущены!»

Горекъ хлѣбъ въ чужихъ людяхъ! все время думалось Перепелкину, не смотря не всѣ сочувственныя отношенія къ нему Клодочки.

Но пока всѣ суетились около барыни, всячески успокоивая ее, Ефремъ, по совѣту Перепелкина, распорядился иначе и такъ скоро и ловко, что разомъ облегчилъ раздраженную до истерики барыню, безъ посредства всякихъ аптечныхъ снадобій. Онъ сгребъ, при помощи дру-

гаго кучера и форейторовъ, трехъ-аршинную по длинѣ настилку сзади экипажей и мигомъ застлалъ ею вѣроломную проруху впереди.

Когда, къ изумленію сидѣвшихъ въ каретѣ, занятыхъ уходомъ за генеральшей и потому не видѣвшихъ всего этого, экипажи тронулись съ мѣста и свободно поѣхали, то ея превосходительство съ ужасомъ обвела глазами всѣхъ, какъ бы спрашивая: дѣйствительно-ли все это происходитъ, или не рехнулись-ли ужъ они въ умѣ?

Черезъ нѣсколько минутъ дѣйствительность представилась ей въ полной очевидности.

Два всадника какъ изъ земли выросли на концѣ гати и стали поперекъ дороги, преградивъ путь экипажамъ. Третій всадникъ, съ литовкой за плечами, явился откуда-то сзади экипажей и былъ не кто иной, какъ лохматый мужичокъ, рядившійся съ барыней и обѣщавшій ей въ полчаса кончить работу.

Онъ подъѣхалъ къ Ефрему и, злобно сверкая глазами, закричалъ ему:

— Есть-ли у тебя крестъ-отъ на шеѣ, безстыжіе твои глаза?— и замахнулся на него косой. Ефремъ передалъ возжи сидѣвшему съ нимъ рядомъ лакею, соскочилъ съ козелъ, выхватилъ у лохматаго литовку и, отбросивъ ее далеко въ болото, такого тумака далъ владѣльцу ея, что и онъ кубаремъ свалился съ лошади туда же, послѣ чего всадники, загородившіе путь, стремглавъ ускакали впередъ.

Предполагая, что ускакавшіе дадутъ знать другимъ и сдѣлаютъ нападеніе, на что̀, повидимому, намекалъ барахтавшійся въ грязи лохмачъ, велѣно было камердинеру и лакею, сидѣвшимъ на козлахъ, держать пистолеты на виду, а Ефрему кривая турецкая сабля вручена съ приказаніемъ ѣхать поскорѣе.

Нападеніе сдѣлано не было, но всѣ трое, съ сельскимъ старостой во главѣ, до заката солнца явились на станцію, или, правильнѣе сказать, къ дому, гдѣ остановились проѣзжающіе.

Александра Андреевна со всею свитою сидѣла на крыльцѣ, выходящемъ на улицу. Мужики еще издали, снявъ шапки, остановились шагахъ въ двухъ отъ крыльца—трое въ рядъ, а староста впереди—и низко поклонились.

Откашлявшись въ руку и сплюнувъ въ сторону, подслѣповатый староста, или старшина началъ такъ:

— Къ вашей чести, господа проѣзжающіе—кто тута у васъ старшо́й, али старшая,—искалъ онъ глазами.

Перепелкинъ объяснилъ, что ѣдетъ генеральша.

— Енеральша!—съ испугомъ сказалъ онъ и, подавшись назадъ, огрызнулся на главнаго коновода, лохматаго мужика: почто жъ ты сбрехалъ, что ѣдутъ купцы? Ахъ-ты брехачъ скаредный!

— Купцы!—передразнилъ сердито лохмачъ: кто тебѣ сказалъ—купцы? нешто купцы ѣздятъ въ-простяжъ (цугомъ)?

— Въ-простяжъ!—передразнилъ и староста:—я нешто видѣлъ?

— Но что вамъ надо?—строго спросила генеральша.

Мужики переминались, сбитые съ толку.

Староста стоялъ, потупившись въ землю, сквозь которую, пожалуй, не прочь былъ бы провалиться, такъ, очевидно, озадачило и смутило его одно слово—генеральша.

— Что жъ, енеральша, такъ и енеральша, а обижать хоша бы и мужика тоже не полагается, потому законъ,—дерзко заговорилъ, выступая впередъ и сверкая злыми черными глазами, лохмачъ.

— И ты еще смѣешь, каналья, говорить о законѣ?—вскрикнула Александра Андреевна.

Клодочка попросила ее по-французски предоставить Перепелкину объясняться съ ними, а самой не безпокоиться.

— Но какой же законъ, любезный, нарушенъ нами?—обратился Перепелкинъ къ дерзкому лохмачу.

— Какъ же! Рядились, по рукамъ били, зад....

— Ну, вотъ ужъ и солгалъ! по рукамъ не били,—прервалъ его Перепелкинъ.

— Задатокъ дали, это все едино—и спятились назадъ, какъ не крещеные.

— За эти слова могутъ подвергнуть тебя наказанію, потому что спятились не мы, а ты. Зачѣмъ ты измѣнилъ условія? Вѣдь, ты рядился сдѣлать все въ полчаса и за 15 рублей, а когда, прождавши напрасно часъ—наибольшій срокъ, какой тебѣ назначенъ ея превосходительствомъ, послали кучера за тобой, ты ему сказалъ, что меньше тридцати рублей нельзя взять, да и поѣдете только послѣ уборки полосы.

— Ну, это все едино,—загалдѣли всѣ: что вамъ? лежи себѣ въ каретѣ, а то и усни, а насъ дѣло-то не ждетъ, потому страда.

— Ну, а плату же зачѣмъ увеличили вдвое?

— А нешто кто чураецца своево счастья, хоша бы, примѣрно, и господа?—сказали всѣ въ голосъ: Богъ послалъ такой случай, рѣдкостный...

— Ну, такъ что же вамъ нужно?—теряя терпѣніе, спросила генеральша.

— А нужно, значитъ, раздѣлаться,—продолжалъ лохматый: примѣрно, по-божьему, чтобъ ни намъ, ни вамъ быдто не въ обиду, пятнадцать рублёвъ, какъ рядились, да вонъ староста велитъ застлать то мѣсто, что вы разобрали—ну, за это положь хошь тоже 15 рублёвъ, да за обиду—ударилъ, значитъ, меня—ну, клади хошь пятитку, всего, зна-

чить, 35 рублевъ, примѣрно, значитъ, по-божьему, чтобъ ни намъ, ни вамъ было не въ обиду.

Генеральша обвела глазами всѣхъ и молчала, повидимому, соображала что-то.

— Да вотъ тоже штрафу съ вашей милости хошь пятитку, за самовольную, значитъ, поруху отчественной гати,—сказалъ съ нѣкоторой робостью староста, къ которому уже замѣтно стала возвращаться бодрость духа.

— Здѣсь есть кто старше тебя по должности?—спросила генеральша старосту.

— Нѣту! волость наша тута-ка въ сторонѣ, верстъ пять буде, тамотка голова и писарь,—отвѣчалъ староста, сильно опять заробѣвшій.

— Такъ вотъ что,—продолжала генеральша:—ты поѣдешь сейчасъ съ этимъ молодымъ человѣкомъ,—указала она на Перепелкина—въ свою волость и тамъ, въ присутствіи головы и писаря, получишь требуемыя деньги, а вы—обратилась она къ Перепелкину—потребуете отъ того и другаго отдѣльныхъ росписокъ въ томъ, что деньги вами уплачены старостѣ, и за что именно, по пунктамъ въ ихъ присутствіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вы возьмете отъ нихъ росписку и въ принятіи моего письма къ губернатору (при этомъ староста блѣднѣетъ и трясется, другіе кашляютъ и переминаются съ ноги на ногу), которое они должны отправить эстафетой, на что и деньги имъ вручите. Я сейчасъ напишу письмо, а вы прикажите лошадей заложить,—сказала она, уходя въ комнаты.

Не ожидали мужички такого оборота дѣла и, видимо, растерялись.

— Эхъ, ты скаредъ лохматый!—сказалъ сердито староста,—обращаясь къ коноводу и отходя въ сторону.

За нимъ послѣдовали и другіе, тихонько перекоряясь между собою, и остановились шагахъ въ десяти отъ крыльца.

— Право слово, скаредъ!—долетало до крыльца.

— Чаво лаешься? може, брешетъ, ничаво не буде,—огрызался лохмачъ.

— Ну, вы заварили кашу, сами и расхлебывайте, а мнѣ тута-ка неча дѣлать,—сказалъ староста, уходя.

Въ это время лихо выѣхала изъ воротъ и подкатила къ крыльцу легкая хозяйская таратайка, заложенная парой лошадей, и Перепелкинъ крикнулъ, чтобъ староста не уходилъ, пока генаральша кончитъ письмо.

Мужики—какъ будто изъ ружья выпалили въ нихъ, бросились бѣжать вразсыпную. Староста хотѣлъ было соблюсти престижъ

своего званія и удалиться медленно, но, пораженный такой легкомысленной стремительностію другихъ, и самъ быстро поковылялъ за уголъ дома.

— Блудливы, какъ кошки, трусливы, какъ зайцы!—сказала Александра Андреевна, весело смѣясь, когда ей сообщили объ этомъ.

V.

Въ воскресенье, 26-го іюня, наконецъ, прибыли въ дальнее имѣніе Александры Андреевны Сухаревку, гдѣ предполагалось провести сутки, а можетъ быть и болѣе.

Въ Сухаревку вела и другая, кратчайшая дорога изъ Разбѣжнаго, но для громоздкихъ экипажей она признавалась совершенно неудобною, почему Александра Андреевна, ни въ чемъ не любившая стѣснять себя, десять лѣтъ не была уже въ этомъ имѣніи, хоть ежегодно объ этомъ подумывала и всѣмъ говорила. При прежнихъ управляющихъ Сухаревское имѣніе было ей въ тягость, потому что годъ отъ года дѣла тамъ все болѣе разстраивались, и оно почти не приносило доходовъ. Но вскорѣ послѣ вступленія Лампіуса въ управленіе всѣми имѣніями, оно оказалось однимъ изъ лучшихъ по доходности. Нашлись заброшенныя, по нерадѣнію прежняго управленія, пустоши, которыя пошли подъ сады, лѣса и посѣвы. Всего удивительнѣе для Александры Андреевны и сосѣднихъ помѣщиковъ было то, что пустовавшее испоконъ вѣка, на задахъ барской усадьбы, огромное пространство зыбкой болотной трясины, посредствомъ дренажа, было превращено въ прекрасный садъ, уже другой годъ приносящій хорошій доходъ, который Александра Андреевна, по чувству справедливости, пока цѣликомъ отдавала въ благодарность своему достойнѣйшему управляющему, Эдуарду Ивановичу Лампіусу. Плоды его полезной энергической дѣятельности она видѣла на каждомъ шагу. Такъ, при въѣздѣ въ село, она обратила вниманіе на разведенные у домовъ, для безопасности отъ пожаровъ, полисадники, въ которыхъ принялись и уже хорошо разрослись: верба, осина, бузина, а кое-гдѣ кленъ и липа. Не могла она также не замѣтить хорошо выбѣленныхъ снаружи стѣнъ избъ, а главное, торчавшихъ на нихъ дымовыхъ трубъ, между тѣмъ какъ прежде это считалось излишней роскошью для крестьянъ, испоконъ вѣковъ жившихъ въ курныхъ избахъ, гдѣ, по словамъ Лампіуса,—зимой дѣти задыхались отъ дыма во время

топки при закрытыхъ дверяхъ, а при открытыхъ замораживались, какъ тараканы.

По случаю воскреснаго дня, крестьяне были на селѣ и, одѣтые въ праздничную одежду, встрѣтили свою госпожу, въ большихъ группахъ, съ низкими поклонами, у воротъ господскаго дома, куда двумя часами ранѣе прибыли повара.

Генеральша привѣтливо кланялась изъ оконъ кареты.

Выйдя изъ экипажа, она прежде всего радушно поздоровалась съ стоявшимъ у крыльца священникомъ, очень старымъ на видъ, но тѣмъ не менѣе очень благообразнымъ, представлявшимъ собою типъ древняго патріарха. Такой же древній былъ и дьячекъ, прошамкавшій какое-то привѣтствіе госпожѣ, котораго она, навѣрное, не разслыхала.

Крестьяне, посмѣлѣе, подходили къ крыльцу и образовали кругъ. Были между ними красивые на видъ бабы и мужики. Послѣдніе были одѣты въ пестрыя ситцевыя рубашки, за немногими исключеніями, а дѣвки и бабы, большею частью, въ красные сарафаны; бабы имѣли на головахъ красивые кокошники.

— Все-ли у васъ благополучно, и какъ вамъ живется?—ласково и съ привѣтливой улыбкой спросила барыня, подойдя ближе къ толпѣ.

— Слава Богу! все благополучно,—отвѣчалъ староста.

— Что говорить!—загалдѣли въ толпѣ: супротивъ прежняго не въ примѣръ лучше... Живемъ за Хабаръ Ивановичемъ, какъ у Христа за пазухой...

— За какимъ Хабаръ Ивановичемъ?

— Боваръ Ивановичъ,—серьезно поправилъ староста.

— И онъ не обижается, что вы такъ исковеркали его имя?—смѣясь, спросила генеральша.

— Почто обижается! — опять заговорили въ толпѣ, онъ у насъ какъ свой... это не то, что̀ прежній, пьяный Карлушка, который за все про все билъ по зубамъ, да поролъ... Что говорить—душа человѣкъ!

И многое въ этомъ родѣ слышалось, пока господа уходили въ комнаты.

Приглашенный остаться обѣдать и сопутствуя генеральшѣ въ прогулкѣ ея со всей своей свитой по новому обширному фруктовому саду, священникъ довершилъ характеристику Лампіуса, сказавъ:

— Я, ваше превосходительство, восьмой десятокъ живу на свѣтѣ, а такого разумнаго, добраго и справедливаго человѣка, признаться, не встрѣчалъ ни въ какомъ сословіи у насъ.

Генеральшу это какъ-будто немножко задѣло.

— Конечно, свѣтъ не безъ добрыхъ людей,—поправился священникъ,—но мнѣ не приходилось долго наблюдать такихъ людей. А къ Эдуарду Ивановичу я вотъ восьмой годъ уже присматриваюсь—и что же? Ни единаго раза мнѣ не пришлось перемѣнить своего мнѣнія о немъ. Мужики правду говорятъ: душа человѣкъ! Я никогда не слыхалъ, чтобъ на кого сердился онъ, кричалъ, бранилъ, а между тѣмъ всѣ слушаютъ его и безпрекословно исполняютъ его приказанія.

— Но знаете-ли, батюшка, мнѣ приходитъ на мысль вотъ что: такая кротость, вѣдь, можетъ и разнуздать крестьянство—присмотрятся къ нему и забалуютъ.

— Что вы, сударыня!—ужаснулся батюшка: да онъ очень строгъ и поблажки никому не даетъ и не дастъ. Вотъ если соизволите пройтись къ церкви, я вамъ покажу мѣсто злачное, котораго, какъ огня, боятся крестьяне, старъ и младъ—это сторожка при церкви о двухъ комнатахъ, въ которую и сажаетъ онъ,—а безъ него староста, провинившихся. А боятся ея потому, что сажаютъ только по праздникамъ, да прежде еще со мною побесѣдуетъ виновный, да иногда на колѣняхъ постоитъ въ церкви—вотъ и боятся.

Камердинеръ доложилъ, что пріѣхали господа Рашковы.

Дамы поспѣшили въ комнаты, а Перепелкинъ остался съ батюшкой въ саду.

Послѣдній, узнавъ намѣренія Перепелкина, сообщилъ ему нѣкоторыя данныя, какъ объ академіи, гдѣ его сынъ недавно кончилъ курсъ, такъ и о ея ректорѣ, на котораго-де положиться нельзя, такъ какъ по мягкости и слабости его характера имъ не только заправляютъ, а просто помыкаютъ всѣ, кто только этого пожелаетъ, вслѣдствіе чего и неправды тамъ творится много: кормятъ иногда очень дурно, оцѣнка студентовъ не всегда производится по дѣйствительнымъ успѣхамъ или даровитости, а чаще по отношеніямъ ихъ къ начальству. Преобладаетъ во всемъ монашествующій элементъ съ крайней нетерпимостью всего несроднаго ему.

— Моему сыну, по его способностямъ, начитанности и познаніямъ, предлежало остаться въ академіи профессоромъ церковной исторіи, о чемъ всѣ и говорили до выпуска; но послѣ выпуска ему предпочли монаха, котораго лучшіе профессоры академіи считали совершенною бездарностью,—заключилъ батюшка.

Въ саду показались Александра Андреевна со своими гостями. Это были: огромнаго роста мужчина съ длинными сѣдыми усами и густыми сѣдыми бровями, жена его, полная и очень важно державшая себя барыня, и двѣ дочери, очень красивыя лицомъ, но обѣ косыя.

Они шли по той аллеѣ, гдѣ сидѣли на скамейкѣ Перепелкинъ

и священникъ. Послѣдній привсталъ и, снявъ шляпу, привѣтствовалъ гостей почтительнымъ поклономъ, но въ отвѣтъ на это привѣтствіе не удостоился даже легкаго кивка ни отъ кого изъ нихъ. Это взорвало Перепелкина.

— Вы знакомы съ ними, батюшка?

— Какъ же: случалось справлять у нихъ разныя требы по случаю болѣзни ихъ священника.

— Отчего же никто изъ нихъ не счелъ нужнымъ отвѣчать вамъ на ваше привѣтствіе?

— А Господь ихъ вѣдаетъ! Такъ... гордыня...

— Ну, я въ такомъ случаѣ никогда не поклонился бы имъ первый.

— Нѣтъ, намъ, духовнымъ, не къ лицу гордость; да и не въ моихъ правилахъ на грубость отвѣчать грубостью,—скромно замѣтилъ добродушный старикъ.

Къ обѣду явилось еще нѣсколько гостей, между прочимъ Шпакъ-Дротовскій, бывшій уѣздный предводитель дворянства, и проживавшій у него отставной корнетъ Гжимайло, котораго онъ отрекомендовалъ такъ: «великій смѣхотворъ, изрядный стихотворъ, страстный обожатель прекраснаго пола и усерднѣйшій поклонникъ Бахуса».

— Гжимайло—фамилія мнѣ знакомая,—сказалъ Рашковъ.

— Въ послѣднюю турецкую войну,—обратился онъ къ Александрѣ Андреевнѣ,—мы съ покойнымъ вашимъ мужемъ производили слѣдствіе по одному дѣлу, въ которомъ былъ замѣшанъ старшій корпусный докторъ, совершенно оправданный нами, по фамиліи Гжимайло.

— Это мой отецъ, имѣю честь рекомендоваться,—расшаркался отставной корнетъ. Онъ уже давно отправился въ Елисейскія поля, практиковать тамъ «безъ лимоновъ»—прибавилъ онъ, захлебываясь отъ смѣха.

— Да, это была цѣлая исторія,—продолжалъ Рашковъ: въ турецкую войну въ войскахъ открылась цынга. Больнымъ велѣно было отпускать на каждаго человѣка по одному свѣжему лимону ежедневно. Лимоны были розданы. Старшій докторъ, Гжимайло, обходя утромъ кровати, спрашивалъ цынготнаго: «мялъ-ли ты лимонъ?—т. е. имѣлъ-ли ты лимонъ? По-польски мялъ—имѣлъ.

— Нѣтъ, не мялъ, ваше благородіе,—простодушно отвѣчалъ первый спрошенный.

Къ другому, къ третьему—тотъ же отвѣтъ,—хотя всѣ они получили по лимону и съѣли ихъ. Прибѣжалъ смотритель госпиталя. Онъ сразу понялъ, въ чемъ дѣло, но выдержалъ бурю отъ разбушевавшагося доктора, порѣшивъ въ своемъ умѣ воспользоваться этимъ лингвистическимъ недоразумѣніемъ.

— Виноватъ, ваше превосходительство: все готово и сейчасъ будетъ

исполнено, не успѣли еще,—поминутно твердилъ онъ доктору, чуть не съ кулаками наступавшему на него.

— На другой день, рано утромъ, фельдшера, помогавшіе ему обворовывать госпиталь, поставили въ каждой палатѣ, на видномъ мѣстѣ, по вазочкѣ съ пятью—шестью лимонами и дали инструкцію больнымъ, чтобы каждый изъ нихъ два раза въ день, утромъ и вечеромъ, подходилъ къ вазочкѣ, бралъ въ руку лимонъ и, помявши его легонько, опять клалъ бы его на мѣсто.

— Мялъ-ли ты лимонъ?—спрашиваетъ на другой день больнаго недогадливый докторъ.

— Мялъ, ваше скородіе,—отвѣчаетъ съ сіяющимъ лицомъ каждый больной.

И вотъ больные мяли лимоны до тѣхъ поръ, пока госпиталемъ не была выведена поражающая цыфра расходовъ на нихъ—по случаю войны лимоны были очень дороги,—такъ что главнокомандующій, обративъ на это вниманіе, велѣлъ произвести, подъ рукой, секретное разслѣдованіе. Докторъ Гжимайло, безусловно честный человѣкъ, чуть съ ума не сошелъ, когда приступили къ раскрытію этого дѣла.

Однако сынокъ этого почтеннаго доктора не дослушалъ всѣхъ занявшаго разсказа Рашкова и, должно быть, исчезалъ въ столовую, гдѣ уже стояли разныя яства и питія, потому, что явился навеселѣ.

Проходя мимо барышенъ, ходившихъ по залѣ, онъ сказалъ имъ какой-то каламбуръ, отъ котораго косенькія красавицы и фрейлейнъ Амалія расхохотались, а Клодочка сдѣлала серьезную физіономію.

Она сдѣлала еще болѣе серьезную физіономію, а батюшка даже глубоко вздохнулъ, когда этотъ господинъ продѣлалъ такую штуку. Прогнавъ камердинера, сновавшаго черезъ залу, и, заперевъ ее, онъ вызвалъ изъ гостиной своего патрона, за которымъ послѣдовали супруги Рашковы и Александра Андреевна, и, легши брюхомъ на полъ посреди залы, сталъ выводить пальцемъ мистическіе круги на полу и произносить непонятныя слова, пока его патронъ, Шпакъ-Дротовскій, не принесъ изъ столовой графина съ водкой, который ставя передъ нимъ на полъ, бывшій уѣздный предводитель дворянства подмигнулъ публикѣ, давая знать, что ихъ ожидаетъ необычайное зрѣлище. Отставной корнетъ подвернулъ фалды своего темнозеленаго сюртука взъерошилъ себѣ волосы и, наливъ полную рюмку водки, поставилъ ее въ мнимый кругъ, очерченный пальцемъ. Затѣмъ онъ отошелъ отъ нея шаговъ на пять и оттуда сталъ дѣлать скачками круги около нея, все приближаясь къ ней и громко распѣвая:

Чарочка,
Сударочка!
Чапорушечка,

Моя душечка!
Ты залей тоску,
Потуши печаль:
Сокрушила змѣя
Молодецку грудь.

При послѣднихъ словахъ онъ опять бросается брюхомъ на полъ, схватываетъ зубами полную рюмку и, опрокинувъ немного голову назадъ, вышиваетъ всю до дна, при забористомъ смѣхѣ своего патрона, за которымъ взвизгнули, было, и косенькія барышни, но, пораженныя сдержанностію остальной публики, пріумолкли и даже замѣтно сконфузились, когда батюшка испустилъ протяжный и глубоко сокрушительный вздохъ.

— Это что!—говорилъ наивный Шпакъ-Дротовскій:—такія-ли штуки онъ продѣлываетъ! Я вамъ говорилъ: великій смѣхотворъ и изрядный стихотворъ.

Польщенный своимъ патрономъ, отставной корнетъ вдругъ закружился быстро на однихъ носкахъ и, сдѣлавъ тройной пируэтъ, высоко подскочилъ, крикнувъ сверху какой-то каламбуръ и, опускаясь, громко захохоталъ, но внизу встрѣтилъ гробовое молчаніе.

Хозяйка дома пригласила всѣхъ въ столовую.

— Sic transit gloria mundi!—сказалъ добродушно батюшка, слѣдуя за Перепелкинымъ и выбирая себѣ послѣднее мѣсто.

— Нѣтъ, отецъ Никита, вы садитесь вотъ сюда, поближе ко мнѣ,—сказала генеральша: я васъ давно не видала, и мнѣ хотѣлось бы побесѣдовать и съ вами.

Отецъ Никита повиновался.

— Откуда же взялась у васъ эта страшная, какъ вы говорите, для крестьянъ, церковная ваша сторожка?—спросила генеральша батюшку, когда онъ усѣлся поближе къ ней.

— Да кто жъ, какъ не Эдуардъ Ивановичъ, устроилъ ее, еще въ первый разъ какъ пріѣхалъ къ намъ.

— Да, вашъ управляющій—золотой человѣкъ!—сказали въ одно время Рашковъ и Шпакъ-Дротовскій. А все-таки пьянства не искоренилъ, какъ ни преслѣдовалъ пьяницъ,—добавилъ Рашковъ.

— Эдуардъ Ивановичъ вовсе не изъ такихъ людей, чтобы могъ преслѣдовать кого,—сказалъ батюшка: онъ жалостливъ къ людямъ, а главное, справедливъ—вотъ этимъ онъ много зла пресѣкъ въ имѣніи. Здѣсь были, по нашему мнѣнію, неисправимые люди, а у Эдуарда Ивановича они не только исправились, но сдѣлались первыми людьми. Вотъ хотя бы Матвѣевъ, нашъ церковный староста, вѣдь это былъ при прежнемъ управителѣ погибшій пьяница и воръ, а нынѣ это первый человѣкъ на селѣ, которому и цѣны нѣтъ. Или Антипъ, сельскій ста-

роста. Такого пьяницы поискать нужно было, а теперь онъ шестой годъ и въ ротъ не беретъ водки.

— Что жъ это сторожка церковная все дѣлаетъ такія чудеса у васъ?—спросила иронически мадамъ Рашкова, два раза уже пробовавшая переманить Эдуарда Ивановича въ дальнія имѣнія своего отца.

— Нѣтъ, не сторожка, сударыня,—отвѣчалъ съ воодушевленіемъ старикъ-священникъ,—а сострадательно-участливое и справедливое отношеніе къ людямъ, чего не было при прежнихъ злыхъ и безсмысленныхъ управляющихъ, которые своимъ гнуснымъ поведеніемъ и жестокосердною несправедливостью развращали людей и доводили ихъ до преступленія.

— Да, я помню, вы даже хотѣли изъ-за этого перейти въ другой приходъ,—замѣтила Александра Андреевна, вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно порѣшивъ въ своемъ умѣ увеличить жалованье Эдуарда Ивановича на тысячу рублей и давать къ праздникамъ больше наградныхъ.

— Послѣднее время управленія Карла Карловича Крейцберга,—продолжалъ священникъ,—отличалось такими жестокостями, что можно было ожидать бунта, или же просто убійства управляющаго, которое, по слухамъ, и задумывали уже многіе, въ томъ числѣ и Матвѣевъ, о которомъ я вамъ говорилъ. Этотъ Матвѣевъ больше всѣхъ претерпѣлъ отъ злаго Карлушки, какъ звали, обыкновенно, у насъ на селѣ послѣдняго управляющаго. До пріѣзда его къ намъ, Матвѣевъ считался хорошимъ работникомъ, хорошимъ хозяиномъ и никогда ни въ чемъ предосудительномъ не замѣчался. Но Карлушка, и ко всѣмъ любившій придираться, почему-то его особенно возненавидѣлъ и то и дѣло назначалъ на барщину то его, то жену его; а у нихъ дѣтей куча малъ мала меньше и своего домашняго дѣла по горло. Тутъ еще жена стала похварывать. Начались прижимки и преслѣдованія со стороны злаго нѣмца, который, въ пьяномъ видѣ (а трезвымъ онъ никогда и не былъ), принималъ за ослушаніе и неповиновеніе ему всякое уклоненіе отъ барщины, хотя бы оно обусловливалось видимою для всѣхъ болѣзнію, или другими не предвидѣнными, но уважительными причинами. Запилъ мужикъ. Жена его окончательно слегла послѣ тѣлеснаго наказанія, которому ее подвергъ жестокосердный управляющій, несмотря на болѣзненное ея состояніе. Хозяйство ихъ стало опускаться, и наконецъ домашнія дѣла разстроились дотого, что Матвѣевъ, прежде честный человѣкъ, сталъ воровать у сосѣдей изъ клѣтушекъ муку, чтобы не уморить голодомъ дѣтей.

— Да, вы писали мнѣ объ этомъ,—прервала разсказъ генеральша.

— Какъ не писать, когда мы всѣ—я, жена и домочадцы сами ежедневно мучились, слыша о такихъ свирѣпостяхъ Крейцберга отовсюду.

— Да, вѣдь, безъ наказаній не обойдешься при нашемъ крестьянствѣ,—замѣтилъ не совсѣмъ спокойно Рашковъ.

— Тѣмъ болѣе, что притворяться больными, или тамъ другое что всѣ они большіе мастера,—подхватила мадамъ Рашкова.

— Такъ что и не разберешь, кто боленъ, а кто, просто, отвиливаетъ отъ работы,—поддержалъ чету бывшій уѣздный предводитель дворянства, Шпакъ-Дротовскій.

— Ну, такъ и катай-валяй по всѣмъ по тремъ!—заключилъ съ дикимъ хохотомъ отставной корнетъ Гжимайло.

— Зачѣмъ же катать-валять непремѣнно, да еще безъ разбора!—вступился батюшка. Вотъ Эдуардъ Ивановичъ совсѣмъ не такъ дѣйствуетъ. Онъ, какъ только сюда пріѣхалъ, всѣ дворы обошелъ, все внимательно осмотрѣлъ, всѣхъ обласкалъ, дѣтей одарилъ пряниками (онъ очень любитъ дѣтей, особенно маленькихъ), старшихъ подробно разспросилъ о всѣхъ ихъ нуждахъ и началъ съ того, что всѣмъ разгорившимся оказалъ существенную помощь, чѣмъ и поднялъ на ноги опустившихся и погибавшихъ: вотъ почему всѣ любятъ его, слушаются, охотно обращаются къ нему за совѣтами по своимъ домашнимъ дѣламъ, и вотъ почему имѣетъ свое дѣйствіе и церковная сторожка. При томъ же и собственный примѣръ его: онъ неправды ни въ чемъ не любитъ и не допускаетъ ни въ чемъ несправедливости, хотя онъ и лютеранинъ, а праздники наши чтитъ, всегда бываетъ при богослуженіи и духовенство уважаетъ, отчего церковь не пустуетъ, какъ прежде, когда въ воскресенье собирались спозаранку въ кабакъ, гдѣ творились всякія непотребства и...

Вдругъ, къ общему изумленію и испугу, раздалось за столомъ: кукареку! кукареку! кукареку!

Это отставной корнетъ Гжимайло, совершенно натурально, какъ настоящій пѣтухъ, прокричалъ трижды кукареку, трепля себя ладошками по бокамъ, какъ это дѣлаютъ пѣтухи крыльями.

Дамы вздрогнули. У Клодочки и генеральши выступила краска на лицѣ. Рашковы сдѣлали серьезныя физіономіи.

Корнетъ заливался смѣхомъ, а патронъ его вытиралъ слезы на глазахъ, выступившія у него отъ неудержимаго хохота. Не замѣчая, или не обращая вниманія на растерянность присутствовавшихъ за столомъ, онъ, поворачиваясь ко всѣмъ, поминутно твердилъ: «я вамъ говорилъ, я вамъ говорилъ, что это за смѣхотворъ!»

Батюшка опять тяжко вздохнулъ и устремилъ глаза на Перепелкина, на котораго съ испытующимъ любопытствомъ посматривали генеральша и Клодочка.

Всѣ хранили глубокое молчаніе во все время, пока продолжалось

веселое настроеніе «великаго смѣхотвора» и его патрона, сопровождаемое взрывами хихиканья.

— Я въ умѣ своемъ, пока вы говорили, батюшка, дважды перерѣшала вопросъ о вознагражденіи Эдуарда Ивановича за его труды,— сказала генеральша, увидѣвъ, что «смѣхотворы» окончательно умолкли: Я попрошу васъ увѣдомить его письменно, что съ нынѣшняго же года жалованье его опредѣляется въ шесть тысячъ рублей, кромѣ наградныхъ, размѣръ которыхъ будетъ зависѣть отъ количества годовыхъ доходовъ съ имѣній.

Когда послѣ обѣда подали въ гостиной кофе, камердинеръ доложилъ генеральшѣ, что крестьяне просятъ позволенія «играть пѣсни и водить хороводы» на площади, предъ барскимъ домомъ.

Позволеніе было дано.

Молодежь, не допивъ кофе, бросилась на площадь. За нею послѣдовали Амалія Ѳедоровна и отставной корнетъ Гжимайло.

Площадь вся была залита народомъ въ праздничной, преимущественно, пестрой одеждѣ. По срединѣ площади красовалась молодежь, попарно мужчины и женщины, въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ группахъ. Дальше, по сторонамъ, виднѣлся народъ обоего пола постарше возрастомъ, а еще дальше, у самыхъ избъ, на завалинкахъ, сидѣли старики и старухи, освѣщаемые косыми лучами заходящаго солнца.

На срединѣ площади отдѣльныя группы совѣщались, съ чего начать. Однѣ предлагали начать съ хоровода, другія затѣвали какую-то игру, для которой требовалось выбрать бабенокъ, способныхъ изображать «бѣлую лебедь и утицу-хохлатку». Выборъ палъ на двухъ «молодухъ», очень красивыхъ и нарядно одѣтыхъ. Одна выступала плавно, другая—съ перевальцемъ, какъ подобаетъ утицѣ. Онѣ заняли мѣсто напротивъ заправилы этой игры, молодцаватаго парня, въ плисовой безрукавкѣ и таковыхъ же шароварахъ. Перепелкинъ, какъ малороссъ, вовсе еще незнакомый съ великорусскими играми, сильно заинтересовался ожидаемымъ зрѣлищемъ и сталъ искать позицію, откуда бы удобнѣе было слышать и видѣть все, но, увы! его вожделѣніямъ на этотъ разъ не суждено было сбыться.

Откуда ни возьмись, между молодцоватымъ парнемъ и молодухами какъ изъ земли выросъ отставной корнетъ. Сказалъ-ли онъ или сдѣлалъ какую непристойность, только бабенки, долженствовавшія изображать бѣлую лебедь и утицу-хохлатку, со всѣхъ ногъ шарахнулись въ сторону съ визгомъ и руганью.

Молодцоватый парень выпрямился и не безъ достоинства сказалъ:

— Что жъ ты, баринъ, мѣшаешься въ наши игры? нѣшто мы для тебя ихъ затѣяли? Мы свою барыню и своихъ барышень хотѣли потѣшить, а не тебя. Вотъ что!

— Прохвостъ ты этакой!—слышалось въ одной группѣ.

— Кому мяли бока и по загривку надавали въ сусѣдяхъ за Стешку?—слышалось въ другой.

— Знаютъ тебя во всей округѣ,—громко заговорили во всѣхъ группахъ:—ходишь съ ружьемъ быдто для охоты, а взаправду охотишься только за горѣлкой да за бабами. Вотъ что! Пострѣлъ экой!

Отставной корнетъ свирѣпо посматривалъ, какъ бы ища глазами смѣльчаковъ, которые дерзаютъ такъ относиться къ его благородію, но не находя виновныхъ, онъ подошелъ къ барышнямъ и, разводя руками, говорилъ: «вотъ оно къ чему ведетъ сантиментальничанье управляющихъ съ этимъ народомъ»! Не встрѣтивъ, повидимому, и здѣсь никакого сочувствія, онъ быстро направился въ барскій домъ, куда чрезъ нѣсколько минутъ генеральша чрезъ камердинера пригласила пожаловать и всѣхъ господъ.

Отставной корнетъ стоялъ посреди гостиной, ерошилъ волосы и разглагольствовалъ: помилуйте, это разбойники!

— Вотъ вамъ и золотые управляющіе!—ехидно замѣтила госпожа Рашкова.

Генеральша замѣтно волновалась. Она велѣла позвать приказчика.

— Все, что слышалось въ толпѣ оскорбительнаго для господъ, относилось къ одному лицу, и это лицо само виновато въ томъ,—рѣзко отчеканилъ Перепелкинъ, къ общему удивленію.

Корнетъ устремилъ на него молніеносный взглядъ, но, къ счастію, Перепелкина поддержали всѣ барышни, даже старая дѣва Амалія Ѳедоровна.

Косенькія красавицы, наперерывъ другъ дружкѣ, стали подробно объяснять, какъ было дѣло, и генеральша, убѣдившись изъ ихъ словъ, что отставной корнетъ не только пустой скоморохъ, но еще и лгунъ превеликій, совершенно успокоилась и, выйдя на крыльцо, велѣла приказчику поблагодарить людей за ихъ желаніе доставить ей удовольствіе и объявить имъ, чтобъ они продолжали свои игры и пѣсни, и что она будетъ смотрѣть и слушать ихъ съ крыльца.

Но разъ разстроенное дѣло не всегда поправляется. Нѣкоторые уже разошлись, заслышавъ, что барыня позвала въ горницы приказчика, другіе какъ-то слишкомъ заробѣли еще прежде, когда послѣ ухода корнета, камердинеръ явился съ приглашеніемъ отъ генеральши всѣмъ господамъ пожаловать въ комнаты. Какъ ни суетились два парня въ красныхъ рубахахъ, дѣло какъ-то не ладилось, и въ концѣ концовъ провизжали только двѣ-три пѣсни и стали расходиться.

Но какъ ни очевидно для всѣхъ было, что оскорбительныя слова относились только къ одному корнету и что они имъ самимъ были вы-

званы, тѣмъ не менѣе возобновившійся на эту тему разговоръ опять обезкуражилъ генеральшу.

— Я не говорю, что мужиковъ за все про все непремѣнно надо драть, я этого не говорю,—горячился Рашковъ,—но что ихъ слѣдуетъ держать въ ежовыхъ рукавицахъ и впроголодь,—это подсказываетъ здравый смыслъ и чувство самохраненія, иначе они всякому сантименталу будутъ плевать прямо въ физіономію.

— Что плевать! Плевать они не будутъ, это не въ ихъ нравахъ, а изъ-за угла будутъ убивать всякаго попустителя, потому что мужикъ—звѣрь: ни ласки, ни справедливости не цѣнитъ и не понимаетъ, а считаетъ ихъ слабой уздой, отъ которой и стремится освободиться, какъ отъ послѣдняго несноснаго стѣсненія его свободы,—сказалъ авторитетно приземистый, черный, съ крупными и грубыми чертами лица, господинъ, до сихъ поръ не проронившій ни одного слова.

— Помнишь случай въ Михайловкѣ?—сказала его жена,—тоже ничѣмъ раньше не заявившая о своемъ существованіи.

— Какъ же! это всѣмъ извѣстно: управляющій сталъ кумиться да дружиться съ крестьянами,—а они возьми да и выкупай его во хмѣлю, въ брагѣ—чуть, вѣдь, не захлебнулся!

— Вотъ оно сантиментальничанье-то съ простымъ народомъ!—самодовольно замѣтилъ отставной корнетъ.

— А я вотъ какъ совѣтовалъ бы вамъ, Александра Андреевна, поступить на этотъ разъ,—внушительно говорилъ экс-предводитель Шпакъ-Дротовскій,—велѣть приказчику, во что бы то ни стало, открыть виновныхъ въ произнесеніи дерзкихъ словъ, и, не взирая на полъ и возрастъ, отодрать хорошенько, чтобъ не только самъ или сама закаялись это дѣлать, но внукамъ и правнукамъ заказали бы: никогда и ни въ какомъ случаѣ не разѣвать рта противъ господъ.

— Запрутся!—кто-то замѣтилъ.

— А въ случаѣ запирательства,—заговорилъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, какъ будто вспомнилъ нѣчто необыкновенно пріятное для себя, Шпакъ-Дротовскій,—выстроить въ линію всѣхъ, бывшихъ на площади, да пятаго или пятую и того... т. е. отполосовать на всѣ четыре корки, какъ дѣлалось это у насъ въ корпусѣ. Тутъ двѣ цѣли разомъ достигаются: и запираться не станутъ, и отъ дерзостей отвыкнутъ.

— Да,—сказали въ одно время супруги Рашковы:—оставлять такія выходки безнаказанными невозможно, въ видахъ собственнаго самосохраненія.

— Да и по чувству собственнаго достоинства,—дополнилъ отставной корнетъ Гжимайло.

— Сама я тутъ ничего не сдѣлаю,—сказала, очевидно, волнуясь, генеральша,—но попрошу васъ, отецъ Никита, сообщить объ этомъ

приключеніи, равно какъ и о сужденіяхъ по поводу его добрыхъ нашихъ сосѣдей по имѣнію, Эдуарду Ивановичу. Относительно же увеличенія его жалованья теперь, пока, ничего не пишите: я ужъ сама... послѣ... потомъ,—закончила она какъ-то растерянно.

Священникъ вздохнулъ и распростился съ генеральшей, пожелавъ ей здравія и благоденствія.

Стали разъѣзжаться и другіе гости.

Остались только супруги, лишь подъ конецъ заявившіе о своемъ пребываніи въ компаніи. И не безъ цѣли. Они уже давно, лѣтъ нѣсколько назадъ, зарились на примыкавшую къ ихъ имѣнію, бывшую пустошь, а теперь превосходно воздѣланную землю, торговали ее чрезъ управляющихъ и письменно у Александры Андреевны, а теперь лично пріѣхали сюда за этимъ дѣломъ. Но Александра Андреевна, при первомъ словѣ объ этомъ, оборвала ихъ, рѣшительно заявивъ, что ни за какія деньги этого участка она теперь никому не продастъ.

— Да, вѣдь, вы, ваше превосходительство, прежде располагали продать его,—сказалъ вкрадчивымъ голосомъ приземистый черный господинъ:—мы такъ были обрадованы возможностью засвидѣтельствовать вамъ лично наше почтеніе, когда узнали о вашемъ намѣреніи, проѣздомъ, завернуть въ Сухаревку,—продолжалъ онъ слащаво подъѣзжать къ генеральшѣ.

— Благодарю за честь, которую вы мнѣ оказываете своимъ посѣщеніемъ, но все-таки повторяю, что этого участка я вамъ не продамъ теперь, хотя прежде, какъ никуда негодную, по словамъ управляющихъ, пустошь, я, пожалуй, и даромъ отдала бы, если бы настоятельно лично меня о томъ просили.

Супруги переглянулись, помялись немного и то же отретировались.

— Замѣчательная чета!—сказала Александра Андреевна, проводивъ ихъ черезъ залу до передней:—онъ изъ сдаточныхъ въ солдаты крѣпостной, кажется, Шереметевыхъ, по отставкѣ попалъ въ швейцары къ почтъ-директору, а жена его въ судомойки. Оба понравились въ семействѣ всѣмъ, и онъ въ скоромъ времени былъ сдѣланъ помощникомъ эконома въ почтамтѣ. Пронырливостію и лукавствомъ успѣлъ выжить эконома и самъ сѣлъ на его мѣсто. Должно быть, хорошо экономилъ; по полученіи перваго орденка, давшаго ему право на потомственное дворянство, онъ сталъ скупать имѣнія. Наконецъ, таки попался, черезчуръ ужъ запустивъ руку въ казенный сундукъ. На метлы дворникамъ въ почтовыхъ зданіяхъ, да на рогожи и веревки для укупорки посылокъ онъ сталъ выводить по 30 тысячъ въ годъ. Ну, какъ-то досмотрѣлись, выгнали изъ службы и предали суду, подъ которымъ онъ и теперь состоитъ, живя себѣ припѣваючи и продолжая скупать и округлять прежнія имѣнія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Восточный вопросъ въ 1856—1859 гг. [1].

III [1].

Ближайшимъ послѣдствіемъ торжественнаго протеста со стороны французскаго посланника было паденіе Решида-паши. Въ виду разрыва дипломатическихъ сношеній, вызваннаго его образомъ дѣйствій, всемогущій великій визирь не могъ удержаться на своемъ посту. Его смѣнилъ Мустафа-паша, это было нѣкоторой уступкой Франціи со стороны султана, но при томъ обостреніи, до котораго дошло дѣло, она не могла этимъ удовлетвориться. Въ Парижѣ возлагали большія надежды на свиданіе императора Наполеона III съ англійскою королевою. И Тувенелю было послано приказаніе обождать въ Константинополѣ результата этого свиданія.

Тѣмъ временемъ интриги, которыя велись въ турецкой столицѣ представителями Англіи и Австріи, не прекращались. Лордъ Стратфордъ, пользуясь тѣмъ, что результатъ обмѣна мыслей съ Осборнѣ еще не былъ извѣстенъ, распространялъ слухъ, что «Франція рѣшила оставить вопросъ о Княжествахъ». Прокешъ, также не желавшій сдаться, искажалъ факты и утверждалъ, что достоинство турецкаго правительства не позволяетъ ему отмѣнить выборы, произведенные по его приказанію.

Между тѣмъ волненіе, вызванное въ Парижѣ константинопольскими событіями, возростало, и всѣ ожидали съ страстнымъ нетерпѣніемъ возвращенія Наполеона III изъ Англіи.

«По моему мнѣнію, писалъ Бенедетти Тувенелю 2-го (14-го) ав-

[1]) См. „Русскую Старину“, февраль 1904 г.

густа 1857 г., мы одержали (въ Осборнѣ) полную побѣду. Мы были тверды и держали себя съ достоинствомъ; мы ни на іоту не отступили отъ требованій, высказанныхъ нами съ самаго начала, и Англія обязалась поддержать ихъ въ Константинополѣ и обѣщала привлечь на свою сторону австрійцевъ, которые выйдутъ изъ этой борьбы, не мало потерявъ въ общественномъ мнѣніи.

«Итакъ, лордъ Стратфордъ будетъ вынужденъ побудить Порту признать то, отъ чего онъ заставилъ ее отказаться. Это случай безпримѣрный въ жизни вашего коллеги; болѣе того, это есть самое положительное осужденіе всего его образа дѣйствій. Таковъ взглядъ печати и публики на развязку кризиса, который всецѣло приписываютъ ему, и всѣ удивлены одержаннымъ нами успѣхомъ».

Впрочемъ, успѣхъ, одержанный Франціей, нельзя было назвать полнымъ, такъ какъ послѣ Осборнскаго свиданія французское правительство умалчивало о самомъ главномъ пунктѣ своихъ требованій, а именно о полномъ соединеніи Молдавіи и Валахіи въ одно княжество, на чемъ во время Парижскаго конгресса такъ энергично настаивалъ Наполеонъ III.

Не отказываясь, въ принципѣ, отъ своей точки зрѣнія въ этомъ вопросѣ, французское правительство хотѣло теперь только «съ честью» покончить дѣло, на которомъ оно надѣялось, вначалѣ, настоять силою своего вліянія.

Легко себѣ представить впечатлѣніе, произведенное въ Молдавіи успѣхомъ, который былъ одержанъ французской политикой:

«Вѣсть объ отмѣнѣ выборовъ была громовымъ ударомъ, писалъ Тувенелю Пласъ, 15-го (27-го) августа 1857 г., но она вызвала (во всемъ населеніи) усиленную радость.

«Какое счастье, что умы успокоятся, ибо здѣсь, можно сказать, нѣтъ болѣе правительства. Все идетъ скверно, казна расхищена, администрація находится въ полнѣйшемъ безпорядкѣ, военный министръ, который только что былъ у меня, говорилъ мнѣ, что солдаты уже три мѣсяца не получали жалованья и въ его кассѣ нѣтъ болѣе денегъ на ихъ продовольствіе. Вогородисъ понялъ, наконецъ, что его положеніе было весьма опасно и возвратился, повидимому, къ болѣе правильнымъ взглядамъ.

«Онъ полагаетъ, что для упроченія своего положенія въ будущемъ ему необходимо примириться съ тѣми, коихъ онъ такъ возстановилъ противъ себя. Съ этой цѣлью онъ сдѣлалъ предложенія нѣкоторымъ лицамъ,—сторонникамъ соединенія, чтобы составить новое министерство, но онъ сумѣлъ внушить къ себѣ такое недовѣріе, что до сихъ поръ всѣ, къ кому онъ ни обращался, отвѣчали ему отказомъ. Тѣмъ временемъ европейская комиссія, засѣдавшая въ Бухарестѣ, вре-

менно прекратила свои занятія. Да и могли-ли эти безцвѣтныя засѣданія имѣть какое-либо значеніе въ то время, какъ въ Осборнѣ и на берегахъ Босфора рѣшались столь важные вопросы?»

Когда тревога, которая была вызвана въ Парижѣ разногласіемъ, происшедшимъ между союзниками, мало-по-малу улеглась, то французское министерство иностранныхъ дѣлъ постаралось выяснить, какъ велика была доля каждаго изъ нихъ въ происшедшемъ недоразумѣніи.

«Не вѣнскій кабинетъ, а лордъ Стратфордъ убѣдилъ англичанъ перейти въ лагерь нашихъ противниковъ, писалъ Бенедетти Тувенелю 16-го (28-го) августа. Это было ему необходимо для того, чтобы доставить власть Решиду-пашѣ и сдѣлать его снова всемогущимъ въ Константинополѣ. Повѣрьте мнѣ, въ этомъ кроется тайна многихъ, на первый взглядъ необъяснимыхъ вещей. Мы извѣстили здѣшняго турецкаго посланника, что съ нимъ будутъ прерваны сношенія, ежели, по прошествіи трехъ дней, не будетъ получено извѣстія о томъ, что наше требованіе исполнено, и на третій день Мехметъ-бей получилъ изъ Константинополя по телеграфу извѣщеніе объ отмѣнѣ выборовъ, произведенныхъ въ Молдавіи.

«Пережитый нами кризисъ весьма полезенъ для упроченія нашего вліянія. Теперь (въ Турціи) знаютъ, что съ нами надобно считаться; будьте увѣрены, что лордъ Стратфордъ и Решидъ-паша, которые расчитывали на нашу обычную снисходительность, будутъ, впредь, дѣйствовать осмотрительнѣе. Въ Константинополѣ, наконецъ, убѣдятся, что надобно считаться не только съ событіями, но и съ лицами, и что мы не можемъ разсчитывать со стороны Решида-паши на то безпристрастіе, которое намъ хотѣлось бы видѣть въ первомъ министрѣ султана.

«3-го (15-го) іюля, императоръ (Наполеонъ III), бесѣдовавшій со всѣми членами дипломатическаго корпуса, не сказалъ ни слова турецкому посланнику; бѣдный Мехметъ-бей, который не виноватъ ни душой, ни тѣломъ, вытерпѣлъ третьяго дня также цѣлую бурю со стороны министровъ. Я не могу понять роли султана въ этой борьбѣ, во время которой всѣ обнаружили свои тайныя мысли. Его слова противорѣчатъ поступкамъ. Никогда еще онъ не выказалъ такой слабости, какъ въ тотъ день, когда Решидъ-паша вынудилъ его утвердить составъ министерства, на другой же день онъ выказалъ истинное мужество, назначивъ сераскиромъ Мехмедъ-Ружди-пашу.

«Дайте понять преемникамъ Решида-паши, что, настаивая на нашемъ взглядѣ въ вопросѣ о соединеніи Княжествъ, мы никогда не думали насиловать мнѣнія другихъ державъ; однимъ словомъ, что вопросъ остается открытымъ; что онъ будетъ еще обсуждаться и что самымъ плохимъ средствомъ добиться побѣды было бы замолчать этотъ вопросъ. Графъ Валевскій возвратится изъ Біарица лишь 9-го (21-го) съ тѣмъ,

чтобы отправиться 11-го (23-го) въ Штутгардъ, гдѣ онъ будетъ присутствовать на свиданіи императоровъ, на которомъ будутъ также князь Горчаковъ и Киселевъ».

Въ тотъ же день, когда Бенедетти писалъ Туневелю вышеприведенныя строки, другой его парижскій корреспондентъ, поздравляя Туневеля съ благополучнымъ окончаніемъ столкновенія, писалъ:

«Одно изъ самыхъ любопытныхъ обстоятельствъ, вызванныхъ настоящимъ кризисомъ во взаимномъ положеніи державъ, состоитъ въ покорности, съ какою три державы (Пруссія, Россія и Сардинія) примкнули къ нашему рѣшенію. Вначалѣ столкновенія въ Петербургѣ, въ Потсдамѣ и въ Туринѣ оно вызвало никѣмъ не скрываемое удовольствіе; одни были въ восторгѣ при мысли, что между нами и Англіей возникло, наконецъ, явное несогласіе; другіе радовались тому, что это поставило насъ въ дурныя отношенія къ Австріи и что наша злоба обратится главнымъ образомъ противъ нея. Впрочемъ, ликовали болѣе всего въ Туринѣ. Въ Петербургѣ и въ Берлинѣ были нѣсколько встревожены, узнавъ о разрывѣ дипломатическихъ сношеній и о томъ что вашъ отъѣздъ изъ Константинополя, повидимому, неизбѣженъ. Въ это время разнесся слухъ, будто Австрія намѣрена вновь занять Княжества, что еще болѣе ухудшило бы положеніе дѣлъ, а когда сталъ извѣстенъ результатъ Осборнскаго свиданія, то ему обрадовались не менѣе какъ при извѣстіи о возникшемъ недоразумѣніи.

«Происшедшее недоразумѣніе дало намъ возможность оцѣнить по достоинству слухи о сближеніи, происшедшемъ якобы между Австріей и Россіей, которыя распространились въ Германіи, гдѣ, какъ говорятъ, вопросъ о Княжествахъ долженъ послужить почвою для временнаго сближенія между этими державами; этимъ объясняется сдержанный образъ дѣйствій Базили въ Бухарестѣ. Къ этому добавляютъ, что соглашеніе состоялось во время послѣдняго путешествія императора Александра и что посредникомъ при этомъ былъ король Виртембергскій. Изъ этого ясно, что со стороны Австріи дѣйствительно была сдѣлана попытка къ сближенію, но она была принята холодно. Это вытекаетъ изъ словъ, сказанныхъ княземъ Горчаковымъ во время поѣздки по Германіи, куда онъ сопровождалъ императора. Что касается отношеній вѣнскаго кабинета къ Англіи и къ Портѣ, то любопытно знать освящены-ли они какимъ-нибудь дипломатическимъ актомъ? Де-Буркене отрицаетъ это самымъ положительнымъ образомъ. Какъ бы то ни-было очевидно, что главнымъ виновникомъ недоразумѣній былъ лордъ Стратфордъ; въ настоящую минуту его правительство также страдаетъ отъ этого, какъ и мы. Если онъ останется на своемъ посту, то мы будемъ имѣть въ лицѣ его въ Константинополѣ самаго злостнаго врага. Но англійское правительство не имѣетъ обыкновенія отзывать уполно-

моченнаго, который занимаетъ въ обществѣ и въ палатѣ такое видное положеніе, какъ лордъ Стратфордъ Редклифъ. Всѣ согласны съ тѣмъ, что его образъ дѣйствій достоинъ порицанія, но въ сущности онъ льститъ самолюбію страны. Лордъ Кларендонъ признаетъ, что «присутствіе этого стараго маніака въ Константинополѣ опасно», какъ онъ высказалъ это на-дняхъ Персиньи, но нѣтъ никакихъ признаковъ, чтобы въ Лондонѣ думали объ его отозваніи изъ Константинополя».

Въ виду отставки Решида-паши и отмѣны выборовъ, произведенныхъ въ Молдавіи, французское правительство сочло себя удовлетвореннымъ и предписало своему посланнику возобновить сношенія съ Блистательной Портой.

23-го августа (5-го сентября) Тувенель былъ принятъ султаномъ, который пожелалъ придать аудіенціи особенную торжественность: подлѣ дворца были выстроены подъ ружьемъ войска, на лѣстницѣ стояли тѣлохранители.

Нѣсколько дней спустя, Тувенель, описывая герцогу Грамону сдѣланный ему пріемъ, коснулся въ своемъ письмѣ, между прочимъ, вопроса о сближеніи между Австріей и Россіей, который особенно занималъ въ то время дипломатовъ и въ возможность котораго онъ не вѣрилъ.

«Здѣсь можно отлично изучить настроеніе державъ, — писалъ онъ,—здѣсь страсти не скрываются и хотя уполномоченные державъ иногда преувеличиваютъ ихъ, но никогда не искажаютъ. Что касается того, что Россія какъ будто колеблется идти до конца вмѣстѣ съ нами въ вопросѣ о Княжествахъ, то причина этого кроется въ поѣздкѣ императора Наполеона III въ Осборнъ, которая многимъ не особенно нравилась».

Отмѣна выборовъ вызвала, какъ мы уже говорили, въ Яссахъ всеобщую радость. Каймакамъ, заботившійся прежде всего о своихъ собственныхъ интересахъ, совершенно перемѣнилъ образъ дѣйствій, но, перейдя неожиданно на сторону Франціи, онъ тѣмъ самымъ испортилъ свои отношенія къ Австріи, озлобленіе которой противъ него не имѣло границъ. Несчастный Вогоридесъ, лавируя между недовѣрявшимъ ему французскимъ правительствомъ и озлобленной противъ него Австріей, былъ все время въ страхѣ; «онъ даже заболѣлъ отъ волненія»,—писалъ Пласъ. Результаты новыхъ выборовъ были торжествомъ сторонниковъ соединенія, за которое почти единодушно высказалось все сельское населеніе.

Въ Валахіи избирательная кампанія началась при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ; что касается оттоманскаго правительства, которое было вынуждено преклониться передъ совершившимся фактомъ, то результаты выборовъ въ Молдавіи и Валахіи чрезвычайно смущали

министерство,—какъ писалъ Тувенелю въ своемъ донесеніи первый драгоманъ французскаго посольства, Амедей Утре,—«и оно чувствовало, какъ трудна будетъ его задача послѣ всѣхъ ошибокъ и неосторожностей, сдѣланныхъ министерствомъ Решида-паши. Али-паша сознался мнѣ, писалъ Утре, что выборы въ обоихъ Княжествахъ дали результаты благопріятные соединенію». Но онъ рѣшилъ разослать всѣмъ уполномоченнымъ Турціи при дворахъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ, циркулярное посланіе, въ которомъ, выражая твердое намѣреніе честно исполнить обязательства, принятыя на себя Турціей (30-го марта) 1856 г., онъ напомнилъ имъ взглядъ Блистательной Порты на соединеніе и обращался къ доброжелательству и благоразумію правительствъ, торжественно провозгласившихъ «независимость и цѣлость» Оттоманской имперіи. Въ циркулярѣ говорилось, что Порта отвергаетъ мысль о политическомъ соединеніи Княжествъ, которое нарушило бы ея верховныя права, но что она не имѣетъ ничего противъ ихъ административнаго соединенія. Наконецъ, Али-паша сказалъ мнѣ дословно слѣдующее:

— Повидимому, даже тѣ коммиссары, которые вполнѣ чистосердечно желаютъ соединенія, испугались революціоннаго направленія «диванов» и страха, который внушаютъ нѣкоторые дѣятели 1848 г., вошедшіе въ ихъ составъ. Базили, въ особенности, смотритъ на будущее весьма мрачно.

Вскорѣ послѣ свиданія Наполеона III съ англійской королевою въ Осборнѣ, въ Штутгардтѣ состоялось свиданіе французскаго императора съ императоромъ Александромъ II, при чемъ такъ же точно, какъ въ Осборнѣ, монархами былъ затронутъ вопросъ о Княжествахъ, но и тутъ французскому правительству пришлось купить цѣною новыхъ уступокъ въ своей первоначальной молдаво-валахской программѣ политическую дружбу, возникшую между русскимъ и французскимъ монархами въ столицѣ Виртемберга въ исходѣ сентября 1857 года.

Нѣсколько дней спустя послѣ свиданія императоровъ, Бенедетти послалъ Тувенелю нижеслѣдующее въ высшей степени любопытное письмо отъ 3-го (15-го) октября:

«Штутгардтское свиданіе принесло все то, что отъ него ожидали,—писалъ онъ. Переговоривъ обо всемъ, императоры и ихъ министры разстались, обмѣнявшись увѣреніями во взаимномъ уваженіи и довѣріи, въ самомъ хорошемъ смыслѣ этихъ словъ. Само собою разумѣется, былъ разговоръ о Княжествахъ. Въ сущности, Россія не хочетъ ихъ соединенія, и мы постепенно направимъ свой руль въ другую сторону и будемъ добиваться ихъ соединенія только въ административномъ смыслѣ. Въ Штутгардтѣ старались осуществить то, что, какъ полагали, было уже условлено въ Осборнѣ. Мы сдѣлаемъ первый шагъ въ новомъ на-

правленіи въ нашемъ отвѣтѣ на циркулярное посланіе Али-паши; вы можете приписать всю заслугу этого дѣла ему; но не увлекайтесь и намекните ему, что мы это дѣлаемъ изъ любезности къ оттоманскому кабинету. Главное, не показывайте моего письма Бутеневу; наведите его на разговоръ о дѣлахъ и увѣрьте его, что (императоръ) возвратился изъ Штутгардта въ восторгѣ, очарованный; несомнѣнно, что нашъ императоръ имѣлъ большой личный успѣхъ въ Германіи.

«Вамъ извѣстно, что русская императрица не особенно хотѣла ѣхать въ Штутгардтъ и что она отклонила эту поѣздку подъ предлогомъ болѣзни. Но императоръ Александръ, очарованный своимъ первымъ свиданіемъ съ императоромъ Наполеономъ, положилъ конецъ всякимъ колебаніямъ, вызвавъ императрицу немедленно въ Штутгардтъ, и увѣряютъ, что ея величество раздѣляетъ нынѣ всѣ чувства своего супруга къ нашему монарху. Онъ имѣлъ не меньшій успѣхъ и среди мѣстнаго населенія. Его путешествіе было рядомъ овацій. Все это, непосредственно послѣ свиданія въ Осборнѣ, создаетъ намъ совершенно исключительное положеніе. Но Штутгардтское свиданіе вызвало волненіе въ Австріи, и подъ вліяніемъ этого чувства былъ рѣшенъ вопросъ о свиданіи русскаго и австрійскаго императоровъ въ Вѣнѣ. Императоръ Александръ обѣщалъ дать понять, что ничто не можетъ нарушить нашихъ дружескихъ отношеній и что онъ не допуститъ никакого разговора о дѣлахъ... Впрочемъ, неудовольствіе Россіи направлено скорѣе противъ Буоля, котораго не пожелали видѣть въ Веймарѣ. Балабинъ [1]) говорилъ мнѣ на-дняхъ, въ минуту неудовольствія, что «Россія не можетъ выслушивать никакихъ совѣтовъ изъ Вѣны до тѣхъ поръ, пока дѣлами Австріи будетъ руководить тріо: Буоль-Прокешъ-Гюбнеръ». Впрочемъ, Буоль, въ разговорѣ съ Де-Буркене высказалъ, что веймарское свиданіе «дополняетъ» Штутгардтское и что оно довершитъ такимъ образомъ «дѣло всеобщаго примиренія». Сущность въ томъ, что Австрія хотѣла, во что бы то ни стало, выйти изъ того одинокаго положенія, въ какое ее поставила ея настойчивая и неблагоразумная политика послѣдняго времени, пожертвовавъ для этого хотя бы самолюбіемъ. По общераспространенному мнѣнію, инициатива этого свиданія принадлежала Австріи. Переговоры велись Рехбергомъ, который обо всемъ условился съ королемъ Виртембергскимъ, великимъ герцогомъ Гессенскимъ [2]) и княземъ Горчаковымъ. Но существуетъ и другая версія, согласно которой въ этихъ переговорахъ принималъ дѣятельную роль Будбергъ [3]). Говорятъ, будто представитель Россіи въ Вѣнѣ нашелъ свое положеніе въ Австріи

[1]) Повѣренный въ дѣлахъ Россіи въ Парижѣ въ отсутствіе графа Киселева.

[2]) Людовикъ III, великій герцогъ Гессенскій, р. 1806 † 1877 г.

[3]) Русскій посланникъ въ Берлинѣ.

столь затруднительнымъ, что онъ поставилъ себѣ, лично, цѣлью сблизить, по возможности, оба кабинета.

«Наконецъ, говорятъ, будто свиданіе въ Веймарѣ не отличалось особенной сердечностью. Императоръ австрійскій первый сдѣлалъ визитъ императору Александру, а на слѣдующій день послѣ свиданія, хотя оба императора поѣхали въ Дрезденъ, но русскій императоръ выѣхалъ четверть часа позже Франца-Іосифа. Князь Горчаковъ получилъ орденъ св. Стефана, но о томъ, чтобы графъ Буоль получилъ Андрея Первозваннаго, до сихъ поръ не слышно; словомъ, сближеніе двухъ монарховъ въ Веймарѣ не имѣло, пока, никакихъ существенныхъ послѣдствій».

Понятное движеніе французской политики въ вопросѣ о Княжествахъ, послѣ того какъ Франція высказала къ нимъ такія горячія симпатіи, могло поколебать ея авторитетъ въ глазахъ Порты; это огорчало и приводило въ уныніе Тувенеля, и онъ писалъ 4-го (16-го) октября 1857 г. герцогу Грамону:

«Слыша столько противорѣчивыхъ толковъ, я бы напрягъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы разгадать загадку Осборнскаго свиданія, если бы мнѣ не предстояло ломать голову надъ загадкою, заданною намъ въ Штутгардтѣ! Я все еще не знаю, каковъ нашъ истинный взглядъ на вопросъ о Княжествахъ, и меня утѣшаетъ только мысль, что мы какъ будто ровно ничего не думаемъ. Однако, намъ все-таки придется на что-нибудь рѣшиться, такъ какъ молдаво-валахи собрались уже на совѣщанія, и было бы благоразумно подсказать имъ, за что они должны подавать голосъ, чтобы они не натворили глупостей. Пока, вотъ вкратцѣ національная программа: иностранный принцъ съ наслѣдственной и конституціонной властью. Я сомнѣваюсь, чтобы эти три слова звучали пріятнѣе въ ушахъ русскихъ, нежели австрійцевъ, и легко можетъ случиться, что наши прекрасные петербургскіе друзья отступятся отъ насъ въ рѣшительный моментъ. Единственный благоразумный исходъ заключался въ соединеніи Княжествъ, выборѣ принца Портою и устройствѣ хорошей турецкой крѣпости въ Измаилѣ, и я, право, не знаю, что мы выиграли, поддерживая иллюзіи румынъ.

«Между тѣмъ, Решидъ-паша и его приверженцы извлекли пользу изъ свиданія въ Штутгардтѣ, и султанъ оказалъ великому сановнику честь пировать у него прошлую субботу. Вотъ событіе дня. Друзья бывшаго великаго визиря утверждаютъ, что онъ скоро будетъ снова у дѣлъ.

«Меня посѣтили великій логофетъ [1]) и Іоаннъ-Музурусъ [2]). Послѣдній

[1]) Николай-Аристархъ-бей.

[2]) Іоаннъ-Музурусъ-бей былъ долгое время турецкимъ посланникомъ въ Туринѣ.

произвелъ на меня впечатлѣніе эмиссара; поэтому я сказалъ ему, что «французскій посланникъ, не имѣя лично ничего противъ Решидъ-паши, будетъ, въ виду всего случившагося, вынужденъ воздержаться отъ всякихъ сношеній съ великимъ визиремъ». На что онъ мнѣ отвѣчалъ, впрочемъ довольно печальнымъ тономъ, «что Решидъ и не думаетъ вернуться на свой постъ до окончательнаго рѣшенія вопроса о Княжествахъ». Между тѣмъ его адъютантъ Косцельскій (Сеферъ-паша) отправляется въ Парижъ, и снова начнется фабрикація нелѣпыхъ писемъ, которыя будутъ представляться на прочтеніе султану. Надѣюсь, что Косцельскій будетъ принятъ въ Тюильри и въ Пале-Рояль холодно».

«Что касается лорда Стратфорда, то онъ озабоченъ, хотя въ то же время онъ клянется честью, что «Франція отказалась въ Осборнѣ отъ соединенія Княжествъ».

«Впрочемъ, мой англійскій коллега, кажется, серьезно подумываетъ о томъ, что онъ можетъ очутиться въ Лондонѣ одновременно съ сэромъ Генри Бульверомъ, который собирается вернуться туда. Мнѣ сказалъ это, по секрету, Решидъ-паша, присовокупивъ, что «онъ будетъ въ восторгѣ отдѣлаться отъ своего патрона».

Между тѣмъ, избранные недавно «диваны» начали свою дѣятельность:

«Я хотѣлъ бы,—писалъ Пласъ Тувенелю 26-го сентября (8-го октября) 1857 г.,—чтобы вы были свидѣтелемъ восторженнаго настроенія, которое охватило здѣсь всѣхъ и каждаго, по случаю открытія совѣщаній. Вы были бы вознаграждены этимъ за все свое стараніе поддержать несчастное изнемогающее населеніе, которое иначе было бы проглочено австрійцами и турками.

«Диванъ подавляющимъ большинствомъ высказался за «соединеніе Княжествъ подъ властью иностраннаго принца».

Въ это самое время въ Яссы прибыли неожиданно сэръ Генри Бульверъ и Базили съ цѣлью «установить сношенія «дивана» съ европейской коммиссіей».

«Одинъ изъ нихъ дипломатъ,—писалъ Пласъ,—а другой грекъ интриганъ. Изображать Россію на каждомъ шагу какъ верхъ совершенства въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, приписывать все «своему двору» съ такою настойчивостью, которая до-нельзя раздражаетъ нервы, говорить молдаванскому духовенству: «Помните, господа, что существуютъ узы, болѣе прочныя, нежели узы политическія, это связь религіозная, и не забывайте, что вы принадлежите къ великой православной семьѣ, обитающей на Востокѣ и во главѣ которой стоитъ Россія»,—многознаменательно; но въ этихъ словахъ здѣсь видятъ лишь новую попытку завоеванія со стороны Россіи при помощи религіи. Сэръ Генри Бульверъ дѣйствовалъ искуснѣе, но я полагаю все-таки,

что онъ уѣхалъ съ враждебнымъ чувствомъ къ «диванамъ», такъ какъ онъ всячески старался найти какой-нибудь недостатокъ въ системѣ выборовъ.

«Оставивъ на второмъ планѣ вопросы чисто политическіе и отдавъ предпочтеніе вопросамъ внутренней политики, молдавскій «диванъ» поступилъ весьма благоразумно, такъ какъ эти вопросы не терпѣли отлагательства, ибо управленіе князя Вогоридеса привело страну въ самое печальное положеніе.

«Какое жалкое правительство! Бессарабію грабятъ, присутственныя мѣста не что иное, какъ разбойничьи притоны; Вогоридесъ окружилъ себя только одними мошенниками. Въ Галацѣ убиваютъ на улицахъ, на большихъ дорогахъ нападаютъ на проѣзжихъ съ оружіемъ въ рукахъ, крестьяне творятъ насилія. Князь—человѣкъ въ высшей степени легкомысленный, лѣнивый, неспособный. Онъ и не думаетъ уходить въ отставку, но хотѣлъ бы получить какой-нибудь орденокъ, который упрочилъ бы его положеніе; нѣтъ той низости, которой онъ не сдѣлалъ бы для этого».

Въ октябрѣ мѣсяцѣ начались засѣданія валахскаго «дивана» въ Бухарестѣ.

«Базили и Бульверъ возвратились изъ Яссъ,—писалъ Тувенелю Талейранъ, присутствовавшій на первыхъ засѣданіяхъ «дивана». Молдаване, которые любятъ острить, говорятъ, что русскій уполномоченный хитеръ, какъ интриганъ, а англичанинъ хитеръ, какъ дипломатъ. Что касается меня, то я охотно отдалъ бы Базили тому, кто освободилъ бы меня отъ Бульвера. Послѣдній рветъ и мечетъ противъ австрійской циркулярной ноты, предлагающей, чтобы европейская коммиссія только зарегистровала политическія желанія «диванов», не подвергая ихъ обсужденію и критикѣ, что значительно упростило бы наше дѣло.

«Базили получилъ депешу, въ коей ему предписывается подготовить умы къ соединенію Княжествъ въ одномъ лишь административномъ отношеніи, такъ какъ сверхъ этого Княжествамъ ничего не добиться. Базили никому не говоритъ объ этой депешѣ, и если бы я былъ о немъ лучшаго мнѣнія, то я бы подумалъ, что онъ такъ же стыдится ея, какъ и я! Мнѣ проговорилось объ этомъ одно лицо. Если здѣсь это узнаютъ, то послѣ всѣхъ надеждъ, поданныхъ нами населенію, наше дальнѣйшее пребываніе здѣсь окажется невозможнымъ. А въ Парижѣ по этому поводу хранятъ упорное молчаніе!»

Убѣждаясь все болѣе и болѣе въ томъ, что подъ этимъ молчаніемъ скрывалось намѣреніе отказаться отъ поддержки требованій молдаво-валаховъ, Талейранъ писалъ нѣсколько дней спустя, что «послѣдствія нашей (французской) кротости уже даютъ себя чувствовать, и дерзкій тонъ нѣмецкихъ и англійскихъ газетъ показываетъ, какъ выгодно мол-

чать и ничего не возражать. Здѣсь это впечатлѣніе нѣсколько ослабляется невѣдѣніемъ, въ какомъ находится публика, но мало-по-малу дѣло выяснится, и тогда настанетъ разочарованіе».

Положеніе становилось въ самомъ дѣлѣ критическимъ. Молдавскій «диванъ», большинствомъ восьмидесяти голосовъ противъ двухъ, высказался за соединеніе Княжествъ въ одно нейтральное, автономное государство, подъ главенствомъ Порты и подъ управленіемъ наслѣдственнаго и конституціоннаго иностраннаго монарха. То же было высказано «единогласно» валахскимъ «диваномъ», а Европа заговорила о какомъ-то неопредѣленномъ соединеніи Княжествъ въ административномъ отношеніи, при чемъ во главѣ Княжествъ стоялъ бы все тотъ же господарь, но подъ другимъ названіемъ.

Франція же, добившаяся отставки Решида паши,—яраго противника соединенія Княжествъ, порвавшая изъ-за вопроса о Княжествахъ громогласно дипломатическія сношенія со своей союзницей Турціей, поссорившись одновременно съ Австріей и Англіей, безмолвствовала.

Такой-ли результатъ можно было ожидать отъ блестящихъ свиданій въ Осборнѣ и Штутгардтѣ?

Сколько даромъ потраченной энергіи, сколько борьбы для того, чтобы достигнуть какого-то жалкаго административнаго соединенія Молдавіи и Валахіи.

Между тѣмъ, въ Константинополѣ подготовлялось событіе, которое повергло въ изумленіе всю Европу.

Решидъ-паша, лишившійся власти при такихъ обстоятельствахъ, которыя на вѣки погубили бы всякаго другаго человѣка, былъ слишкомъ ловокъ, чтобы не воспользоваться перемѣною, которая произошла въ Молдаво-Валахскомъ вопросѣ, и, собравъ всѣ свои силы, попытался еще разъ вернуться къ власти. Это ему удалось, и Европа узнала въ одинъ прекрасный день съ такимъ же изумленіемъ, какъ и Турція, о томъ, что-Решидъ паша назначенъ снова великимъ визиремъ.

Это неожиданное возвращеніе къ дѣламъ самаго извѣстнѣйшаго изъ государственныхъ людей современной Турціи подало поводъ къ одному факту, не имѣющему себѣ подобнаго въ лѣтописяхъ дипломатіи.

Предоставимъ слово Тувенелю, который въ частномъ и совершенно конфиденціальномъ письмѣ изобразилъ графу Валевскому по-истинѣ невѣроятныя подробности той сцены, которая вполнѣ заслуживаетъ стать достояніемъ исторіи.

«Прошлую субботу явился ко мнѣ Эминъ-бей [1]), въ сопровожденіи Антона Тингира [2]), армянина, семейство котораго издавна имѣетъ связи

---

[1]) Секретарь султана.

[2]) Антонъ Тингиръ, впослѣдствіи Яверъ-паша, почтъ-директоръ.

въ посольствѣ и который долженъ былъ служить ему переводчикомъ. Вотъ, дословно, начало нашего разговора:

— Его величество приказалъ мнѣ явиться къ вамъ и сказать, что онъ питаетъ къ вамъ лично чувства величайшаго уваженія и самой искренней дружбы.

Я поклонился, ничего не отвѣчая.

— Его величество,—продолжалъ Эминъ бей,—будетъ въ отчаяніи, если вы, хотя на минуту, могли бы предположить, что назначеніе Решида-паши великимъ визиремъ имѣетъ какое-либо политическое значеніе.

— Султанъ,—возразилъ я,—имѣетъ полное право выбирать въ министры тѣхъ лицъ, коихъ онъ считаетъ для этого подходящими; я никогда не осмѣлюсь оспаривать его право, но никогда не соглашусь съ тѣмъ, что, пользуясь этимъ правомъ, его величество не долженъ былъ бы руководствоваться политическими соображеніями.

— Вотъ именно въ этомъ мнѣ и поручено вполнѣ увѣрить васъ,— возразилъ Эминъ-бей. Его величество настоятельно просилъ васъ вѣрить, что онъ рѣшился предоставить снова власть Решиду-пашѣ только подъ вліяніемъ чисто личныхъ, особенныхъ, его одного касающихся, причинъ. Его величество приказалъ ему во всемъ удовлетворить васъ, обращать особенное вниманіе на дѣла посольства и не измѣнять составъ министерства. Если можетъ показаться, что это имѣетъ какой-либо политическій характеръ, то это совершенно не вѣрно. Поэтому его величество желаетъ, чтобы вы, изъ дружбы къ нему, позабыли все происшедшее и чтобы между вами и его великимъ визиремъ не существовало холодныхъ отношеній. Его величество предлагаетъ съ этой цѣлью быть посредникомъ между вами.

— Я весьма тронутъ,—отвѣчалъ я,—тѣми чувствами, коихъ вы являетесь выразителемъ, и я, лично, съ своей стороны, готовъ сдѣлать все возможное, чтобы показать, насколько я цѣню дружеское отношеніе султана. Но я имѣю обязанности по отношенію къ своему правительству и, какъ ни лестно для меня побужденіе, коимъ руководствовался его величество, давая мнѣ тѣ объясненія, коихъ я никогда не осмѣлился бы потребовать отъ него лично, тѣмъ не менѣе я обязанъ сказать вамъ, что, какъ посланникъ, я, къ величайшему моему сожалѣнію, не могу этимъ быть удовлетворенъ. Въ поступкахъ людей внѣшній видъ имѣетъ столь же важное значеніе, какъ самая сущность ихъ дѣйствій.

— Клянусь вамъ,—прервалъ меня Эминъ-бей, что его величество руководствовался въ этомъ случаѣ чисто личными побужденіями, которыя онъ, быть можетъ, разрѣшитъ мнѣ передать вамъ.

— Не меня въ данномъ случаѣ надобно убѣждать,—сказалъ я,— я вполнѣ довѣряю словамъ султана, но общественное мнѣніе имѣетъ

свои требованія. Всѣ помнятъ, что всего два мѣсяца тому назадъ, паденіе Решида-паши было вызвано политическими причинами первостепенной важности, и никто не повѣритъ, что его возвращеніе къ дѣламъ не было вызвано подобнаго же рода, но совершенно обратными причинами. Лучше было бы оставить его великимъ визиремъ, нежели удалить его съ тѣмъ, чтобы какъ можно скорѣе вернуть ему власть. Мы не ставили вопроса о личности, но султанъ, обсудивъ положеніе дѣлъ во всей совокупности, не только уволилъ Решида-пашу отъ должности великаго визиря, но даже вычеркнулъ его имя изъ состава вновь сформированнаго кабинета.

— Будьте увѣрены, что онъ заслужитъ своимъ образомъ дѣйствій ваше одобреніе. Ему приказано это.

— Я слышалъ изъ устъ самого султана, что это было приказано ему и прежде, и вы видите, какъ онъ исполнилъ это приказаніе.

«Выслушавъ меня, Эминъ-бей печально склонилъ голову въ знакъ безмолвнаго согласія и, заговоривъ снова о чисто личныхъ соображеніяхъ, руководствовавшихъ въ этомъ случаѣ султана, онъ произнесъ нѣсколько словъ, изъ коихъ я понялъ, что единственная цѣль, къ которой стремился при этомъ султанъ, было возстановленіе спокойствія и мира въ своемъ домѣ. Этого заявленія, въ связи съ новыми увѣреніями въ чувствахъ султана, было, по мнѣнію Эминъ-бея, вполнѣ достаточно, чтобы убѣдить меня, поэтому онъ спросилъ, «разрѣшаю-ли я передать султану, что я согласенъ забыть все прошлое».

Отвѣтивъ на это секретарю, что онъ самъ можетъ вывести заключеніе изо всего сказаннаго во время разговора, Тувенель увидѣлъ по выраженію его лица и по отрывочнымъ фразамъ, коими онъ обмѣнялся по-турецки съ сопровождавшимъ его Тингиромъ, что исполнить это порученіе было свыше силъ Эминъ-бея, и предполагая, что при устной передачѣ его слова могли быть искажены, Тувенель предложилъ изложить свой отвѣтъ въ запискѣ. Эминъ-бей и его переводчикъ приняли это заявленіе съ живѣйшею благодарностью, и записка была составлена тутъ же.

Вотъ содержаніе этого любопытнаго документа, который сохранился въ бумагахъ Тувенеля:

«Г. Тувенель чрезвычайно тронутъ особымъ благоволеніемъ, выказаннымъ ему его величествомъ султаномъ, о чемъ свидѣтельствуетъ порученіе, съ коимъ былъ посланъ къ нему одинъ изъ его секретарей. Какъ посланникъ, онъ также признателенъ за это, такъ какъ его величество не обязанъ никому давать отчета въ томъ, какъ онъ считаетъ за благо воспользоваться своей монаршей властью. Но, высказавъ свою признательность, г. Тувенель долженъ заявить, что онъ имѣетъ, съ своей стороны, извѣстныя обязанности и, хотя увѣреніе въ томъ,

что «назначеніе новаго великаго визиря не вызвано никакими политическими соображеніями, но обусловлено исключительно соображеніями чисто личнаго характера», не оставляетъ никакихъ сомнѣній относительно намѣреній самого султана, но такъ какъ событія, происшедшія столь недавно, и которыя поэтому не могли быть забыты, не позволяютъ ему, къ сожалѣнію, относиться съ такимъ же довѣріемъ къ намѣреніямъ настоящаго главы оттоманскаго министерства, то онъ считаетъ должнымъ выждать дальнѣйшихъ событій, пребывая до тѣхъ поръ въ строго выжидательномъ положеніи».

Появленіе на сцену Решида-паши вызвало въ Парижѣ величайшее изумленіе и подало поводъ къ довольно непріятному и рѣзкому объясненію между министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Валевскимъ, и турецкимъ посланникомъ, Мехмедъ-Джемиль-беемъ, но, благодаря ловкой тактикѣ Решида-паши, это неблагопріятное для него настроеніе скоро измѣнилось.

Великій визирь, прекрасно освѣдомленный обо всемъ, что дѣлалось въ Парижѣ черезъ своего сына, Мехмедъ-Джемиль-бея, человѣка весьма симпатичнаго, назначеннаго посланникомъ во Францію по его настоянію, не довольствовался оффиціальными сношеніями съ французскимъ правительствомъ и, будучи мастеромъ въ интригахъ, послалъ въ Парижъ своего тайнаго агента, который долженъ былъ дѣйствовать въ тамошнихъ высшихъ сферахъ въ его пользу. Этимъ агентомъ и его довѣреннымъ лицомъ былъ графъ Косцельскій, натурализованный французъ, сдѣлавшійся въ Константинополѣ Сеферъ-пашею.

— Косцельскій плутъ и негодяй,—сказалъ о немъ однажды Неджибъ-паша первому драгоману французскаго посольства.

— Но вы прекрасно знаете, ваше превосходительство, что Решидъ-паша имѣетъ несчастье употреблять только подобнаго рода людей,—отвѣчалъ ему Амедей-Утре.

Какъ бы то ни было, Косцельскій, одаренный изворотливымъ умомъ, человѣкъ вкрадчивый, льстивый, прекрасно розыгралъ въ Парижѣ свою роль и дѣйствовалъ какъ нельзя болѣе успѣшно въ пользу своего патрона. Благодаря своимъ связямъ въ высшемъ парижскомъ обществѣ, онъ получилъ доступъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, видѣлся съ графомъ Валевскимъ и, болѣе того, былъ приглашенъ въ Компьень, гдѣ находился въ то время Наполеонъ III, котораго онъ съумѣлъ обойти.

Словомъ, всего нѣсколько дней спустя послѣ вторичнаго назначенія Решидъ-паши на постъ великаго визиря, Тувенель былъ удивленъ, получивъ отъ графа Валевскаго нижеслѣдующее письмо, написанное изящнымъ женскимъ почеркомъ графини Валевской, которой графъ диктовалъ иногда свои конфиденціальныя письма. По странной ироніи судьбы

это письмо служило отвѣтомъ на длинное посланіе, въ которомъ посланникъ описывалъ свое оригинальное свиданіе съ секретаремъ султана, Эминъ-беемъ.

«Императоръ вполнѣ одобряетъ ваше поведеніе относительно Решида-паши,—писалъ ему графъ Валевскій.—Тѣмъ не менѣе вамъ придется нынѣ измѣнить его. Здѣсь отъ его имени были сдѣланы шаги, и ему надобно дать возможность доказать искренность его намѣреній. Насъ увѣряютъ, что онъ готовъ сойтись съ нами по всѣмъ пунктамъ. Говорятъ даже, что въ вопросѣ о Княжествахъ, если мы пожертвуемъ иностраннымъ принцемъ, то Решидъ-паша согласится на соединеніе на тѣхъ условіяхъ, какія будутъ нами поставлены. Если насъ не обманываютъ, то вы можете обѣщать ему забвеніе прошлаго.

«Великій визирь обставляетъ свои обѣщанія только однимъ условіемъ, а именно, чтобы вы вели, въ этомъ случаѣ, переговоры не черезъ третье лицо, а условились бы обо всемъ съ нимъ лично, держа въ величайшей тайнѣ свой разговоръ съ нимъ и въ особенности тѣ послѣдствія, какія онъ можетъ имѣть. Особенно настаиваютъ на томъ, чтобы вашъ драгоманъ, Амедей-Утре, не принималъ участія въ этомъ дѣлѣ, и я прошу васъ обставить дѣло такъ, чтобы въ этомъ отношеніи было исполнено выраженное намъ желаніе. Это необходимое условіе для взаимнаго соглашенія».

Какъ видно, старанія Косцельскаго увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и тонъ, которымъ заговорили въ Парижѣ, былъ далеко не тотъ, какимъ тамъ говорили о Княжествахъ въ 1855 г., когда впервые возникъ о нихъ вопросъ.

Но, казалось, самой судьбою было рѣшено, что на зыбкой почвѣ турецкой столицы событія должны были слѣдовать одно за другимъ съ головокружительной быстротою. Этотъ разъ счастье, повидимому, улыбнулось французскому посольству. Лордъ Стратфордъ Реклифъ уѣзжалъ въ Лондонъ, въ отпускъ, что было предвѣстникомъ его окончательнаго увольненія, состоявшагося вскорѣ послѣ этого. Это было большимъ успѣхомъ для французскаго посланника, который оставался такимъ образомъ въ глазахъ публики хозяиномъ положенія послѣ ожесточенной двухлѣтней борьбы.

Между тѣмъ дѣло «диванов» подвигалось впередъ, но очень медленно. Мы уже упоминали о единодушномъ желаніи, высказанномъ обоими собраніями народныхъ представителей относительно будущей формы правленія Княжествъ. Это было въ глазахъ дипломатовъ самымъ главнымъ пунктомъ, и если не могло быть никакихъ сомнѣній въ искренности желаній, выраженныхъ молдаво-валахами, то, съ другой стороны, это рѣшеніе было принято европейскими державами съ разными оговорками.

Европейская коммиссія въ Бухарестѣ спѣшила закончить свои засѣданія и выработать совмѣстно редакцію протокола, что составляло, главнымъ образомъ, возложенную на нее задачу. Но между злополучными уполномоченными возникли болѣе чѣмъ когда-либо жаркія пререканія изъ-за выраженій, въ какихъ должна была состояться редакція этого документа.

По этому поводу французскій уполномоченный, пришедшій окончательно въ уныніе, писалъ изъ Бухареста Тувенелю 17-го (29-го) декабря 1857 года:

«Послѣ нескончаемыхъ свиданій, кислосладкихъ разговоровъ и черновиковъ, которые каждымъ изъ насъ безчисленное множество разъ перечеркивались и исправлялись, выяснилось окончательно, что мы никогда не придемъ къ соглашенію относительно того, что слѣдуетъ написать. Тогда насъ осѣнила блестящая мысль сговориться молчать, и вотъ разсужденіе, которое я собираюсь предложить завтра на обсужденіе моихъ коллегъ: «Диванъ выразилъ четыре политическихъ пожеланія, относительно которыхъ коммиссія не должна была выражать своего мнѣнія; слѣдовательно, коммиссіи остается заняться обсужденіемъ вопросовъ внутренняго управленія, относительно которыхъ «диванъ» отказался высказаться. Итакъ, нашъ трудъ сводится съ нашей точки зрѣнія къ нулю, и для этого мы съѣхались сюда. Есть отъ чего придти въ отчаяніе. Но что особенно грустно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, смѣшно, это—то, что нѣтъ ни одного вопроса, относительно котораго мы не пришли бы къ точно такому же результату. Мы окончательно погибнемъ, если правительства, получивъ нашъ протоколъ, не протянутъ намъ руку спасенія, приказавъ намъ вернуться по домамъ.

«У Бульвера сдѣлалась мигрень, у Рихтгофена—желтуха, у Бензи бронхитъ, у Лихмана—запоръ, у меня—разстройство желудка, а Савфетъ... бѣдный Савфетъ, ему приходится совсѣмъ плохо».

Изъ ложнаго положенія, въ какое были поставлены европейскіе кабинеты вопросомъ о Придунайскихъ Княжествахъ, столь чреватымъ самыми неожиданными послѣдствіями, было только два выхода: война или созывъ конференціи. Къ счастью, дѣло обошлось конференціей, которая была какъ бы дополненіемъ Парижскаго конгресса и собралась также въ столицѣ Франціи, чтобы рѣшить такъ или иначе надѣлавшій дипломатіи столько хлопотъ молдаво-валахскій вопросъ.

Такимъ образомъ 1857 годъ, ознаменовавшійся для французской политики въ Константинополѣ столь блестящими успѣхами, окончился довольно смутно и въ полной неизвѣстности относительно того, удастся-ли придумать такую комбинацію, которая хотя бы отчасти удовлетворила единодушное желаніе молдаво-валаховъ слиться и составить одно самостоятельное цѣлое.

IV.

Графъ Валевскій скоро разочаровался въ добрыхъ намѣреніяхъ Решида-паши и въ лживыхъ обѣщаніяхъ его агента Косцельскаго, и писалъ Тувенелю 26-го декабря 1857 г. (7-го января 1858 г.):

«Вамъ необходимо при первой же возможности разъяснить Решиду-пашѣ, что коль скоро онъ отказывается дать своему уполномоченному на Парижской конференціи точныя инструкціи въ условленномъ нами смыслѣ, то всякій изъ насъ получитъ полную свободу дѣйствій, и мы будемъ обсуждать вопросъ о соединеніи Княжествъ, исключительно съ точки зрѣнія интересовъ нашей политики. Скажу вамъ по секрету, что хотя мы и не прочь придти къ соглашенію, но все же мы сдѣлаемъ попытку добиться настоящаго, простаго соединенія Княжествъ, безъ иностраннаго принца и безъ всякихъ наслѣдственныхъ правъ. Если, что̀ весьма вѣроятно, всѣ выкажутъ готовность пойти на уступки, то и мы, со своей стороны, сдѣлаемъ то же. А если Турція вздумаетъ упрямиться и будетъ поддерживать политику Австріи, то она дорого за это поплатится, ибо, въ такомъ случаѣ, мы энергично поддержимъ Россію, которая находитъ, что въ вопросѣ объ избраніи господаря или господарей слѣдуетъ придерживаться постановленій 1834 г., въ силу которыхъ они назначаются самими Княжествами. Если пойдутъ на уступки, то мы постараемся настоять на назначеніи господаря или господарей Портою изъ списка трехъ кандидатовъ, представленныхъ Княжествами.

«Очевидно, что лица, коимъ было поручено говорить здѣсь отъ имени Решида-паши, зашли слишкомъ далеко. Сначала я хотѣлъ высказать имъ откровенно свой образъ мыслей. Но затѣмъ я рѣшилъ, что лучше оставить дѣло такъ, какъ оно есть. Что касается Косцельскаго, котораго я до сихъ поръ не называлъ вамъ, то онъ былъ главнымъ, хотя не единственнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этихъ переговорахъ. Да будетъ вамъ также извѣстно, что англійское правительство хочетъ показать парламенту, что въ вопросѣ о Княжествахъ оно вполнѣ раздѣляетъ нашъ взглядъ. Поэтому можно ожидать, что лорды Пальмерстонъ и Кларендонъ выскажутся за соединеніе. Дѣло въ томъ, что они прекрасно понимаютъ, что если будетъ извѣстно, что они отказались отъ своего первоначальнаго взгляда, т. е. отъ союза съ Франціей и отъ своихъ симпатій къ молдаво-валахамъ, въ угоду Вѣнскому кабинету, то противъ нихъ тотчасъ образуется парламентское большинство, которое встрѣтитъ сочувствіе въ общественномъ мнѣніи, по прежнему настроенномъ враждебно къ Австріи».

«Мы стараемся опровергнуть въ печати распространяемые здѣсь слухи о несогласіи, возникшемъ яко бы между нами, Россіей и Прус-

*

сіей,—писалъ Тувенелю въ то же время другой его парижскій корреспондентъ, Бенедетти. Если вѣрить этимъ слухамъ, то въ Петербургѣ и въ Берлинѣ оффиціально отказались отъ мысли о соединеніи Княжествъ. Въ сущности, по крайней мѣрѣ, насколько мнѣ извѣстно, въ Россіи этого никогда и не могли желать; и въ этомъ, кстати сказать, заключается наше оправданіе передъ тѣми, кои утверждаютъ, будто соединеніе Княжествъ было бы выгодно для Россіи. Не желая въ душѣ этого соединенія, Россія не высказывалась, однако, противъ него, чтобы не идти наперекоръ желанію, выраженному населеніемъ Княжествъ. Пруссія, напротивъ того, сочувствуетъ соединенію потому, что это непріятно Австріи, но она боится слишкомъ громко выказать это сочувствіе, чтобы не обнаружить своихъ заднихъ мыслей. Такимъ образомъ, эти двѣ державы могутъ сказать, что онѣ всегда воздерживались высказывать свое мнѣніе. Въ этомъ заявленіи нѣтъ ничего непріятнаго для насъ, и онѣ сдѣлаютъ все возможное, чтобы устранить всякій поводъ къ неудовольствію въ томъ послѣднемъ фазисѣ, въ который вступаетъ нынѣ вопросъ о Княжествахъ. Время, остающееся до окончательнаго рѣшенія этого вопроса, будетъ, по всей вѣроятности, употреблено на обмѣнъ мыслей относительно той комбинаціи, которая скорѣй всего могла бы повести къ соединенію Княжествъ, если не въ настоящемъ, то, по крайней мѣрѣ, въ будущемъ. Что касается англичанъ, то они сдѣлали все возможное, чтобы отнять у насъ всякую охоту быть сговорчивыми.

«Де-Буркене [1]) въ настоящее время въ Парижѣ. Сожалѣя о томъ, что Парижскій трактатъ не принесъ лучшихъ плодовъ, онъ не отрицаетъ, что нѣкоторая доля отвѣтственности за это падаетъ на вѣнскій кабинетъ».

Въ то время какъ вниманіе всей Европы было возбуждено предстоявшей конференціей, въ Константинополѣ, гдѣ чрезвычайныя событія слѣдовали одно за другимъ съ неимовѣрной быстротою, случилось новое, никѣмъ не предвидѣнное и чрезвычайно важное событіе.

26-го декабря 1857 г. (7-го января 1858 г.) скончался великій визирь Решидъ-паша.

Дней десять спустя Тувенель взялся за перо, чтобы сообщить графу Валевскому подробности неожиданной кончины перваго государственнаго дѣятеля современной Турціи:

«Мнѣ трудно передать вамъ,—писалъ онъ графу [2]),—какія-либо достовѣрныя свѣдѣнія, которыя могли бы объяснить это неожиданное событіе. Я долженъ, однако, упомянуть, какъ объ обстоятельствѣ весьма

---

[1]) Французскій посланникъ въ Австріи.

[2]) Тувенель—графу Валевскому 7-го (19-го) января 1858 г.

странномъ, что кафеджи [1]) великаго визиря скончался скоропостижно нѣсколько дней спустя послѣ своего хозяина. Какъ бы то ни было, согласно одной версіи, которая, за отсутствіемъ приговора людей науки, пользуется наибольшимъ довѣріемъ, Решидъ-паша поплатился жизнью за нѣкоторыя слабости, не свойственныя его возрасту, и которыя онъ тщательно скрывалъ. За стѣнами Эмиргіана [2]), гдѣ его жена была не только полновластною хозяйкою, но даже тираномъ своего мужа и не допускала ни малѣйшаго признака полигаміи, великій визирь имѣлъ два гарема, одинъ въ домѣ главнаго эвнуха, а другой у своего домоправителя, и въ каждомъ изъ нихъ было по двѣ молодыя невольницы-черкешенки. Съ его смертью тайна открылась, и сыновья покойнаго поспѣшили, по правиламъ Корана, отпустить на волю этихъ четырехъ одалисокъ, сдѣлавъ Портѣ общепринятую въ подобныхъ случаяхъ декларацію; обнаружилось также, что въ пятницу, 13-го (25-го) декабря, въ тотъ день когда Решидъ-паша посѣтилъ меня, на обратномъ пути домой, онъ побывалъ въ обоихъ гаремахъ и такъ злоупотребилъ своими силами, что заболѣлъ.

Ревность, которую испытывала ханумъ [3]) великаго визиря, не имѣла границъ и выражалась подъ часъ такими бурными вспышками, о которыхъ говорили въ обществѣ. Решидъ-паша, желая избѣжать непріятныхъ домашнихъ сценъ, устроилъ себѣ на сторонѣ тайные гаремы. Послѣ его кончины эти подробности дошли до свѣдѣнія ханумъ, которая быстро осушила свои слезы и стала поносить память своего супруга. Она изгнала изъ своего дома Салихъ-бея, младшаго сына Решида-паши, котораго она обвиняетъ въ томъ, что онъ былъ посвященъ въ тайны своего отца, такъ какъ онъ предъявилъ, при освобожденіи одалисокъ, документы, коими доказывались законныя права собственности, отъ которой онъ отказался какъ наслѣдникъ. Не довольствуясь изгнаніемъ Салихъ-бея, ханумъ призвала муллу, который допросилъ всѣхъ довѣренныхъ слугъ покойнаго великаго визиря и вынудилъ ихъ открыть на его счетъ разные факты, которые еще болѣе усилили гнѣвъ вдовы; она не выпускаетъ изъ своего дома Палеолога, врача, который сдѣлалъ санитарной коммиссіи, приглашенной въ Эмиргіанъ, докладъ о ходѣ болѣзни Решида-паши и о всѣхъ ея странныхъ и противорѣчивыхъ признакахъ, на основаніи котораго этого врача можно обвинить по меньшей мѣрѣ въ преступной небрежности.

«Въ Константинополѣ всѣ передаютъ другъ другу эти печальные анекдоты, и мнѣ хотѣлось, въ свою очередь, сообщить ихъ вамъ, чтобы

---

[1]) Слуга, имѣющій спеціальную обязанность приготовлять кофе.

[2]) Дворца великаго визиря.

[3]) Ханумъ значитъ жена. Решидъ-паша имѣлъ только одну законную жену. Онъ былъ женатъ два раза. Тутъ идетъ рѣчь о его второй женѣ.

вамъ были извѣстны всѣ подробности, касающіяся послѣднихъ минутъ жизни самаго выдающагося историческаго дѣятеля Турціи, въ царствованіе Абдулъ-Меджида».

Надобно замѣтить, что Тувенель сообщилъ эти интимныя подробности только одному графу Валевскому.

Въ письмѣ о кончинѣ великаго визиря къ герцогу де-Грамону, который, находясь въ Туринѣ, всегда живо интересовался восточной политикой, французскій посланникъ писалъ коротко:

«Промедливъ отвѣтить вамъ два дня, я былъ далекъ отъ мысли, что мнѣ придется извѣстить васъ о смерти Решида-паши, которая случилась недѣлю спустя послѣ моего примиренія съ нимъ, коего я не могъ избѣжать.

«Великій визирь не выходилъ послѣдніе дни изъ дома вслѣдствіе легкаго нездоровья, которое имѣло трагическій исходъ послѣ принятой имъ слишкомъ горячей ванны, вызвавшей, какъ полагаютъ, параличъ легкихъ.

«Съ точки зрѣнія внѣшней и внутренней политики, это весьма крупное событіе для Турціи. Отъѣздъ лорда Стратфорда Редклифа и смерть Решида-паши совершенно измѣняютъ положеніе дѣлъ. Если бы намъ не предстояло перерѣшать вопроса о Княжествахъ, то всѣ сдѣланныя нами ошибки могли бы быть исправлены въ одну минуту и мы вернули бы здѣсь то вліяніе, какимъ мы пользовались до злополучной исторіи о Болградѣ.

«Какъ бы то ни было, съ исчезновеніемъ тѣхъ двухъ лицъ, которыя сѣяли въ Константинополѣ вражду между Англіей и Франціей, положеніе дѣлъ на Востокѣ упростится и будетъ менѣе натянуто».

Въ Парижѣ также вполнѣ понимали, какія важныя послѣдствія могла имѣть кончина Решида-паши, въ связи съ отъѣздомъ лорда Стратфорда.

Роль Косцельскаго, со смертью Решида-паши, была сыграна. Когда онъ явился съ Мехметъ-Джемиль-беемъ въ Тюильри, въ день новаго 1858 года, то ему замѣтили, что ему тутъ нечего дѣлать, и Косцельскому пришлось уѣхать изъ дворца, а вскорѣ послѣ того и изъ Парижа.

Кончина Решида-паши обнаружила страшный безпорядокъ, царствовавшій въ турецкихъ финансахъ вслѣдствіе расточительности султана. Первый драгоманъ французскаго посольства, Амедей Утре, писалъ объ этомъ въ своемъ донесеніи Тувенелю слѣдующее:

«Мехметъ-Кибризли-паша, сказалъ мнѣ: «Если бы султанъ губилъ себя одного, намъ это было бы безразлично, такъ какъ въ концѣ концовъ онъ человѣкъ и мы могли бы выбрать на его мѣсто его брата или сына. Но онъ губитъ страну, и мы нарушаемъ свой долгъ, не лишая его возможности дѣлать зло. Наше молчаніе преступно; мы по-

ощряемъ этимъ султана идти далѣе по тому пагубному пути, на который онъ вступилъ».

«Министры понимаютъ, что въ Европѣ у нихъ не будетъ кредита до тѣхъ поръ, пока они не упорядочатъ внутренняго управленія государствомъ, и что о займѣ нечего и думать, такъ какъ условія его были бы слишкомъ тягостны.

«Бюджетъ истекшаго 1273 года [1]) сводится съ дефицитомъ въ 150 милліоновъ піастровъ. Вотъ балансъ печальнаго управленія великаго Решида-паши».

Между тѣмъ въ Княжествахъ «диваны» окончили свое дѣло. Въ Молдавіи, гдѣ избирательный періодъ прошелъ, какъ мы видѣли, весьма бурно, дѣятельность депутатовъ, была очень почтенная.

«Молдавскій «диванъ» кончилъ, наконецъ, свои занятія,—писалъ Пласъ Тувенелю 22-го декабря 1857 г. (3-го января 1858 г.),—исполнивъ всѣ обязательства, возложенныя на него фирманомъ, коимъ были созваны «диваны». Заявивъ свои политическія желанія, онъ высказался также за необходимость внутреннихъ реформъ».

Представивъ результатъ своихъ трудовъ коммиссіи, «диванъ» приложилъ къ нимъ благодарственный адресъ державамъ.

«Послѣднее засѣданіе «дивана»,—писалъ Пласъ,—было весьма трогательное». «Въ этомъ народѣ есть еще много хорошаго и если удастся дать ему сносное правительство, то изъ него что-нибудь выйдетъ».

Въ Валахіи, гдѣ выборы прошли мирно, дѣятельность «дивана» дала, напротивъ того, менѣе практичный результатъ. Это собраніе, желая рельефнѣе выставить желанія народа, принесло все въ жертву политикѣ и пренебрегло вопросами внутренняго управленія.

Европейской коммиссіи оставалось только составить сообща протоколъ своихъ засѣданій и представить его на конференцію, которая должна была собраться въ Парижѣ. Но видимо самой судьбою было рѣшено, чтобы коммиссіи ничего не удавалось.

«Если насъ хотятъ увидѣть вскорѣ въ Парижѣ,—писалъ Талейранъ, то ничего не остается какъ прислать намъ приказаніе выѣхать отсюда съ протоколомъ или хотя бы безъ него. Бульверъ—это наша Пенелопа, которая уничтожаетъ ночью то, что было сдѣлано днемъ. Одежда арлекина болѣе одноцвѣтна, чѣмъ слогъ нашего интернаціональнаго труда. Бормотанье Бульвера смѣшивается въ немъ съ тарабарщиной Рихтгофена; туманная фразеологія Базили—съ грубымъ и тяжеловѣснымъ слогомъ Эйхмана; кудахтанье Савфета—съ безобиднымъ воркованіемъ Бензи.

«Я умалчиваю объ ошибкахъ противъ грамматики и орѳографіи.

---

[1]) Т. е. 1856 г.

Я полагаю, что теперь было бы своевременно объявить оффиціально, что нашъ трудъ будетъ отвратителенъ и составленъ не по формѣ, чтобы этимъ не были особенно поражены; нашъ протоколъ составленъ дотого не по формѣ, что Базили, Рихтофенъ и я рѣшили дополнить его «конфиденціальнымъ и тождественнымъ поясненіемъ», въ коемъ мы изложимъ нашимъ дворамъ истинное положеніе дѣла, о которомъ не можетъ дать понятіе оффиціальный отчетъ коммиссіи».

Нѣсколько дней спустя, Талейранъ послалъ Тувенелю свою лебединую пѣснь.

«Завтра мы подписываемъ протоколъ,—писалъ онъ.—Нельзя сказать, чтобы конецъ вѣнчалъ дѣло. Злополучное совпаденіе 1-го апрѣля ст. ст. съ 13-го апрѣля н. ст. заставляетъ насъ подписать нашъ трудъ заднимъ числомъ, изъ предосторожности, чтобы не дать злымъ языкамъ повода къ насмѣшкамъ. А пока мы просимъ судить насъ снисходительно».

Въ виду окончанія «диванами» и коммиссіей ихъ трудовъ, интересно уяснить себѣ, какой ими былъ достигнутъ результатъ?

«Созванные, согласно 24-ой статьѣ Парижскаго трактата для выраженія желаній народа относительно окончательной организаціи Княжествъ, диваны высказались, какъ мы уже знаемъ, въ Валахіи единодушно, а въ Молдавіи большинствомъ 81 голоса противъ 2 «за соединеніе княжествъ въ одно нейтральное, автономное государство вассальное, по отношенію къ Портѣ, подъ управленіемъ иностраннаго принца съ наслѣдственной и конституціонной властью». Какъ только это желаніе было высказано, державы, подписавшія Парижскій трактатъ, заволновались. Турція запротестовала; Россія таинственно молчала; Пруссія и Сардинія воздерживались высказать какое-либо мнѣніе. Франція, довольная успѣхомъ, который льстилъ ея самолюбію, не спѣшила воспользоваться плодами своей побѣды. Ей было довольно того, что она спасла Турцію въ Крымскую войну, а затѣмъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, вела трудную борьбу, отстаивая національные интересы молдаво-валаховъ. Что касается Австріи, то она твердила: «Диваны требуютъ, чтобы княжества были соединены въ одно. Видите, какіе они революціонеры. Они хотятъ имѣть свою монархію; болѣе того, они готовы принять, съ закрытыми глазами, принца, котораго имъ выберутъ. Очевидно, валахскіе и молдавскіе депутаты вернулись къ злополучнымъ днямъ 1848 г. и руководствуются лозунгомъ Мадзини».

«Англія вносила въ обсужденіе вопроса менѣе страстности, но ея газеты утверждали, что желанія «диванов» «смѣшны и дерзки». Французскія газеты тщетно пытались замолвить слово въ защиту бѣдныхъ диванов, которые, ошеломленные этими нападками, напрасно отстаивали свою невинность; ихъ никто не слушалъ».

Таковъ былъ результатъ молдавскихъ выборовъ, которые едва не ввергли Европу въ войну. Можно-ли удивляться послѣ этого, что валахскій диванъ рѣшилъ «отложить обсужденіе основныхъ законовъ до тѣхъ поръ, пока Парижская конференція не выскажется относительно его первой просьбы». Если бы молдавскій «диванъ» принялъ подобное же рѣшеніе, то Княжества были бы обвинены въ неповиновеніи и заслужили бы, по мнѣнію державъ, наказаніе за ихъ мятежный духъ».

Что касается европейской коммиссіи, представительницы европейскихъ державъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ, то она совершенно не могла разобраться въ обиліи документовъ, не была въ состояніи согласовать столько различныхъ мнѣній и не знала, какъ примирить страсти. «Это былъ третейскій судъ безъ судьи, оркестръ безъ дирижера, гдѣ каждый музыкантъ наигрывалъ тотъ мотивъ, который наиболѣе ему нравился». Утомленные борьбою дипломаты, кои въ отдѣльности всѣ были люди умные и вполнѣ достойные, выработали безцвѣтный, ничтожный и совершенно несообразный въ нѣкоторыхъ пунктахъ протоколъ, скрѣпленный, правда, семью подписями, но который нисколько не измѣнилъ дѣла по существу; оно осталось въ томъ же положеніи, въ какомъ было два года передъ тѣмъ, въ моментъ заключенія парижскаго трактата. Никогда еще такъ ясно не обнаруживалось безсиліе Западной Европы при столкновеніи съ фаталистическимъ восточнымъ сфинксомъ, и Тувенель имѣлъ полное право съ грустью писать Бенедетти:

«Измѣна Англіи не дала Франціи возможности настоять на своемъ въ вопросѣ о Княжествахъ. Я пробѣжалъ наскоро протоколъ европейскихъ коммиссій. Онъ болѣе интересенъ, нежели я думалъ по скромному объ немъ отзыву Талейрана. Тѣмъ не менѣе задача представителей державъ на конференціи будетъ не изъ легкихъ, и я не могу себѣ представить, какой миръ можетъ народиться изъ этого хаоса».

Въ это время въ Англіи палъ кабинетъ Пальмерстона, котораго замѣнило министерство лорда Дерби. Министромъ иностранныхъ дѣлъ въ новомъ кабинетѣ былъ лордъ Мальмсбери. Пронесся слухъ будто этотъ высокій постъ займетъ лордъ Стратфордъ Редклифъ, но слухъ этотъ не только не подтвердился, но престарѣлый англійскій дипломатъ вышелъ въ это именно время въ отставку.

«Любопытство, возбужденное въ Константинополѣ перемѣною (министерства)—происшедшей въ Лондонѣ,—писалъ Тувенель Бенедетти 20-го февраля (3-го марта) 1858 г.,—ничто въ сравненіи съ радостью, какую всѣ испытали при полученіи телеграммы Музуруса, извѣстившаго насъ о томъ, что королева приняла отставку лорда Стратфорда. Я получилъ это извѣстіе во время обѣда, даннаго мною принцу Баварскому Адальберту, прибывшему въ Константинополь прошлую субботу

на австрійскомъ фрегатѣ «Donau»; надобно сознаться, что это неожиданное блюдо доставило всѣмъ не менѣе удовольствія, какъ индюшка, начиненная трюфелями.

«Султанъ сказалъ великому визирю Али-пашѣ: «Если бы это счастье случилось при жизни Решида-паши! Теперь же лордъ Стратфордъ все равно былъ бы безсиленъ».

Вздохнувъ свободнѣе съ исчезновеніемъ изъ Константинополя двухъ недоброжелателей Франціи, лорда Стратфорда Редклифа и Решида-паши, французскій посланникъ предвидѣлъ для своего правительства новый источникъ заботъ въ народившемся незадолго передъ тѣмъ Черногорскомъ вопросѣ, въ которомъ Франція приняла живое участіе.

Первый свѣтскій князь Черногоріи, Даніилъ Нѣгошъ, добившійся въ 1852 г. со стороны Россіи и Австріи признанія княжескаго достоинства, съ успѣхомъ боролся противъ турокъ въ эпоху Крымской войны и старался установить границы своего новаго княжества, для чего онъ искалъ поддержки не только у Россіи и Австріи, но и у Франціи.

1-го (13-го) марта 1857 г. одно лицо, прекрасно освѣдомленное относительно того, что дѣлалось въ правительственныхъ сферахъ Франціи, писало Тувенелю изъ Парижа:

«Князь Даніилъ Черногорскій составляетъ въ настоящее время самое великолѣпное украшеніе Лувра. Онъ пріѣхалъ сюда, чтобы посовѣтываться съ императоромъ, который предпочелъ бы, впрочемъ, чтобы онъ былъ въ Цетиньи. Князь Даніилъ уже видѣлся съ министромъ, который спросилъ его, «сдѣлалъ-ли онъ визитъ турецкому посланнику?» Энергическое «нѣтъ» было отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Тогда графъ Валевскій намекнулъ князю, что «было бы приличнѣе обратиться къ Мехметъ-Джемиль-бею, чтобы быть представленнымъ императору».

— Лучше смерть,— возразилъ свирѣпый Даніилъ.

«Вы видите изъ этого, что намъ придется преодолѣть не мало препятствій, чтобы придти къ соглашенію.

Уступки, которыя турецкое правительство было вынуждено сдѣлать Черногоріи, подъ давленіемъ Франціи, были большимъ униженіемъ для турецкихъ государственныхъ дѣятелей, которые не могли этого забыть.

Но это была не единственная услуга, оказанная Черногоріи французскимъ правительствомъ.

Въ то время, когда Россія не имѣла вліянія въ Константинополѣ, русскій императоръ обратился къ Наполеону III, чтобы онъ не допустилъ турецкія войска раздавить окончательно Черногорію. Быть можетъ, императору французовъ наскучили столкновенія, возникавшія на Востокѣ вслѣдствіе происковъ англійскаго и австрійскаго кабинетовъ, или же ему хотѣлось обезпечить себѣ поддержку Петербургскаго каби-

нета противъ Вѣны, изъ-за его дальнѣйшихъ видовъ на Италію, какъ бы то ни было, но еще 2-го (14-го) марта 1857 г. графъ Валевскій писалъ Тувенелю «совершенно конфиденціально», что Франціи «хотѣлось бы дѣйствовать осмотрительно въ вопросѣ о Черногоріи. «Мы никогда не имѣли намѣренія дѣйствовать въ этомъ вопросѣ въ духѣ враждебномъ Россіи»,—писалъ онъ,—а Петербургскій кабинетъ, которымъ, во время послѣднихъ событій, мы имѣли поводъ быть вполнѣ довольны, принимаетъ очень близко къ сердцу наше стараніе склонить князя Даніила къ признанію верховныхъ правъ Порты. Поговорите объ этомъ конфиденціально съ Бутеневымъ и скажите ему, что единственною нашею цѣлью было всегда положить конецъ столкновеніямъ между черногорцами и турками, и мы полагаемъ, что всѣ заинтересованы въ томъ, чтобы отношенія между княземъ Даніиломъ и Блистательной Портою были, по возможности, улажены».

Тувенель, опасавшійся, чтобы изъ-за Черногоріи не возникли для Франціи новыя осложненія, со своей стороны, писалъ Бенедетти 28-го марта (9-го апрѣля) 1858 г.: «какъ бы намъ не пришлось испытать новыя затрудненія, если мы примемъ въ дѣлахъ Черногоріи участіе, болѣе горячее, нежели того требуютъ наши собственные интересы. Я предчувствую съ этой стороны западню. Никогда еще Утре не видалъ Али-пашу въ столь возбужденномъ состояніи. «Не обвиняйте насъ болѣе въ томъ, что мы австрійцы,—сказалъ ему паша,—иначе я стану обвинять васъ въ томъ, что вы русскіе. Всѣ думаютъ, что мы упали очень низко, но мы еще уважаемъ себя настолько, что не можемъ мириться съ тѣмъ, чтобы атаману разбойниковъ выказывали такое же участіе, какъ султану».

«Турки въ этомъ вопросѣ такъ унижены, что это можетъ побудить ихъ къ какому-нибудь безумному поступку. Они помирились съ разграниченіемъ Черногоріи, но они выходятъ изъ себя при мысли вести переговоры съ княземъ Даніиломъ; пожаръ Антивари [1]) не произвелъ бы на турокъ такого удручающаго впечатлѣнія, какъ поѣздка адмирала Jurien de la Gravière въ Цетинье. Съ другой стороны, цѣлыхъ двадцать судовъ не произвели бы на нихъ того впечатлѣнія, какое произведетъ видъ русскаго флага, развѣвающагося рядомъ съ нашимъ флагомъ въ Рагузѣ. Какая разница между 1855 и 1858 годами!

«Мехметъ-Кибризли-паша и Риза-паша говорили Утре съ ожесточеніемъ объ ужасахъ, которые творятъ черногорцы надъ ранеными турецкими солдатами. Не говоря уже объ отрѣзанныхъ носахъ, разска-

---

[1]) Приморскій городъ Черногоріи былъ до 1878 г. подъ турецкимъ владычествомъ.

зываютъ о всевозможныхъ пыткахъ, причиняемыхъ туркамъ этими дикими горцами.

— Насъ называютъ варварами,—сказалъ Мехметъ-Кибризли-паша,— но ни одинъ турокъ не сдѣлалъ бы тѣхъ звѣрствъ, въ коихъ виновны ваши новые друзья, коимъ вы покровительствуете. Мы надѣемся, что истина обнаружится и что во Франціи узнаютъ, достаточно-ли называться христіаниномъ, чтобы быть человѣкомъ цивилизованнымъ.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ герцогу Грамону Тувенель писалъ, по поводу столь обиднаго для турецкаго самолюбія столкновенія Турціи съ Черногоріей: «Наши друзья, черногорцы, продолжаютъ свои подвиги. На-дняхъ они напали ночью врасплохъ на турецкую деревню. Всѣ дома были сожжены, мужчины избиты, женщины и дѣти похищены! Мнѣ было бы любопытно видѣть, какъ извернется «Moniteur», чтобы прикрасить этотъ подвигъ. Я, право, не понимаю, чего мы хотимъ; надобно быть очень легкомысленнымъ, чтобы поворачивать всегда туда, куда дуетъ вѣтеръ. Развѣ мы не знали турокъ, когда пришли имъ на помощь, развѣ они менѣе нужны намъ въ 1858, нежели въ 1854 году? Эти несчастные не понимаютъ, почему на нихъ теперь всѣ обрушились и почему ихъ бранятъ. Точно такъ же, какъ греки были весьма удивлены, когда изъ «героевъ» ихъ произвели въ «разбойники»; они клялись, что они ничуть не измѣнились, турки точно также говорятъ, что они сегодня тѣ же, какіе были вчера.

«Исторія убѣждаетъ насъ, что мусульмане и христіане живутъ какъ кошка съ собакой и что почти повсюду замѣтны признаки народнаго самоуправства. Все это идетъ на пользу одной Россіи; сдѣланныя нами ошибки вполнѣ вознаграждаютъ ее за паденіе Севастополя.

«Я получаю изъ Франціи отъ нѣкоторыхъ моихъ корреспондентовъ въ высшей степени туркофобскія и грекофильскія письма! Если бы они попутешествовали на Востокѣ, то ихъ восторгъ значительно поубавился бы. Что касается меня, жившаго въ Аѳинахъ и въ Константинополѣ, то я нахожу, что христіане и мусульмане другъ друга стоятъ, т. е. стоятъ немногаго. Но у турокъ есть качества, которыхъ недостаетъ грекамъ, и, съ тѣхъ поръ, какъ вторые освободились отъ ига первыхъ, я не нахожу, чтобы они проявили въ своихъ поступкахъ особенный умъ, который такъ необходимъ народамъ».

Парижскій конгрессъ, возложивъ на великія державы обязанность выяснить права румынской національности, принялъ этимъ на себя, серьезное нравственное обязательство по отношенію къ Молдавіи и Валахіи.

И теперь державамъ, поддерживавшимъ надежды Княжествъ, было очень трудно избавиться отъ справедливыхъ нареканій народа, который хотѣлъ, во что бы то ни стало, жить; имъ также было неловко сознаться

оффиціально въ своемъ безсиліи настоять на своемъ взглядѣ: такого позора нужно было избѣжать во что бы то ни стало, но это было трудно, по причинѣ тѣхъ вѣчныхъ несогласій, возникавшихъ между великими державами, которыя не позволяли имъ придти къ какому-либо рѣшенію. Въ Англіи, въ одномъ изъ засѣданій парламента было высказано, что если Княжества будутъ соединены, то это предоставитъ ихъ во власть Россіи». На это имъ можно было бы возразить, что соединеніе Молдавіи и Валахіи подъ властью иностраннаго принца представляло меньше шансовъ для вліянія Россіи, нежели сохраненіе двухъ господарей, на которыхъ ей несравненно легче было вліять.

Австрія смотрѣла на дѣло точно такъ же. «Прокешъ,—писалъ Тувенель Бенедетти,—полагаетъ, что между Австріей и Россіей неизбѣжна со временемъ война изъ-за обладанія землями и изъ-за вліянія въ бассейнѣ Дуная. Онъ обрисовалъ мнѣ на-дняхъ будущее въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. По его мнѣнію, разногласія, возникшія между державами послѣ заключенія Парижскаго трактата, нанесли Турціи смертельный ударъ; одна только Австрія, по его словамъ, была послѣдовательна, стараясь вездѣ, гдѣ только могла, идти наперекоръ Россіи; такъ какъ Франція измѣнила въ этомъ отношеніи свою политику, а въ Англіи происходитъ постоянная борьба партій въ парламентѣ, то Вѣнскому кабинету остается только волей неволей присоединиться къ остальной Германіи и готовиться, съ ея помощью, къ возможному паденію Оттоманской имперіи.

— Мы не хотимъ,—сказалъ мнѣ Прокешъ въ заключеніе,—мы не хотимъ ни подъ какимъ видомъ имѣть Россію на границѣ нашихъ южнославянскихъ земель. Это вопросъ жизни и смерти для половины нашей имперіи; одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, изъ-за которыхъ люди сражаются по двадцати лѣтъ.

«Что касалось Турціи, то она ссылалась на весьма удобный для нея аргументъ о «неприкосновенности ея территоріи», многократно и торжественно гарантированной державами. Но соединеніе Княжествъ, хотя бы подъ властью иностраннаго принца, не могло особенно сильно измѣнить положенія султана по отношенію къ Княжествамъ, такъ какъ державы были готовы признать его верховныя права.

Находившіеся въ 1858 г. въ Парижѣ представители Австріи, Англіи, Пруссіи, Россіи и Сардиніи, баронъ Гюбнеръ, лордъ-Коулэй, графъ Гацфельдъ, Киселевъ и маркизъ Вилламприни, всѣ, кромѣ Киселева участники Парижскаго конгресса, были назначены участвовать въ конференціи. Представителемъ Франціи явился французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Валевскій. Что касается Турціи, то она не назначила своимъ уполномоченнымъ посланника Мехметъ-Джемиль-бея, но Фуадъ-пашу, который вмѣстѣ съ великимъ визиремъ

Али-пашею былъ въ то время самымъ главнымъ сановникомъ Турецкой имперіи.

«Итакъ, Фуадъ-паша назначенъ уполномоченнымъ въ Парижъ,—писалъ Тувенель Бенедетти по поводу этого назначенія. Онъ на седьмомъ небѣ! Онъ будетъ имѣть отнынѣ руководящее вліяніе на дѣла Турціи.

«Повѣрьте мнѣ, что наше положеніе здѣсь (въ Константинополѣ) въ значительной степени будетъ зависѣть отъ того, подъ какимъ впечатлѣніемъ Фуадъ-паша вернется изъ Парижа».

На это Бенедетти отвѣчалъ:

«Я въ восторгѣ отъ замѣны Мехметъ-Джемиль-бея, на конференціи, Фуадъ-пашою; я не знаю человѣка, которому болѣе подходила бы задача, выпавшая на долю турецкаго уполномоченнаго. Для Турціи это представляетъ ту выгоду, что она будетъ имѣть случай показать, что и у нея есть люди способные быть достойными ея представителями».

Къ несчастью для Фуада-паши, положеніе, принятое, въ то время, турецкимъ правительствомъ относительно Черногоріи, которымъ Наполеонъ III былъ чрезвычайно недоволенъ, такъ какъ оно шло въ разрѣзъ съ его симпатіями къ князю Даніилу, обнаружившимися въ угоду Россіи, было причиною, что французскій императоръ принялъ Фуада-пашу крайне нелюбезно, и его первая аудіенція прошла бурно.

«Вамъ извѣстно уже, какимъ образомъ «Monitеur» привѣтствовалъ Фуада-пашу,—сообщилъ Тувенелю Бенедетти 14-го (26-го) мая 1858 г. Дѣло было еще хуже на аудіенціи у императора! Его величество перечислилъ ему все то, въ чемъ мы можемъ упрекнуть Турцію, упомянулъ о ея неблагодарности и томъ, что она вынуждаетъ насъ дать ей почувствовать ту твердость, которая ее спасла.

— Неужели же мы ошиблись,—сказалъ ему императоръ,—думая, что Порта, во вниманіе къ оказаннымъ ей услугамъ, должна была внять нашимъ совѣтамъ и повременить непріязненными дѣйствіями противъ Черногоріи? Турція отвѣтила намъ движеніемъ своихъ войскъ къ Грахову [1]), повинуясь такимъ образомъ внушеніямъ, которыя отнюдь не могутъ быть объяснены правильно понимаемыми интересами Турціи и т. д.

«Фуадъ-паша держалъ себя прекрасно, не выказывая особеннаго смущенія; я предупредилъ его, что ему придется выдержать грозу, и онъ поблагодарилъ меня, сказавъ, что мои слова вполнѣ оправдались.

---

[1]) Грахово или Граово — сѣверо-западная часть Черногоріи, населенная племенами граховлянъ и руднянъ. Въ 1858 г. турки вторглись въ Граховскую область и были на-голову разбиты подъ Граховцемъ. Послѣ этого европейская коммиссія 1859—60 г. г. согласилась на присоединеніе Грахова къ Черной горѣ.

«По крайней мѣрѣ онъ вернется въ Константинополь, убѣжденный въ томъ, что съ нами надобно считаться.

«Надобно сознаться, что турки дѣлаютъ въ настоящее время все возможное, чтобы мы охладѣли къ нимъ. Посѣщеніе Фуадъ-пашою Вѣны по пути въ Парижъ значительно умаляетъ благопріятное впечатлѣніе, произведенное здѣсь вашимъ «секретнымъ соглашеніемъ» съ нимъ по вопросу о Княжествахъ.

«Черногорское дѣло было также большою неловкостью, и оно можетъ имѣть, во многихъ отношеніяхъ, самыя печальныя послѣдствія. Де-Буркене уѣхалъ изъ Парижа только вчера вечеромъ, Банвиль [1]) въ отпуску, его замѣщаетъ временно Мосбургъ [2]), и онъ не могъ особенно повліять на графа Буоля. Впрочемъ, онъ имѣлъ случай заставить его высказаться относительно циркуляра Фуада-паши о сосредоточеніи турецкихъ войскъ. Буоль выразилъ полное довѣріе къ сдержанному образу дѣйствій Порты. Онъ, повидимому, вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что въ Константинополѣ имѣли въ виду только оказать покровительство сосѣднимъ съ Черногоріей округамъ, чтобы защитить ихъ отъ набѣговъ горцевъ. Однако, трудно повѣрить, чтобы Буолю не были извѣстны всѣ подробности дѣла и въ особенности, чтобы онъ не зналъ о демонстраціи турокъ на Грахово; доказательствомъ служитъ то, что въ настоящее время онъ оправдываетъ ее, хотя довольно робко».

«Смущенный единодушіемъ, съ какимъ державы осуждаютъ образъ дѣйствій Порты, онъ признаетъ теперь необходимость предотвратить непріязненныя дѣйствія (турокъ). Какъ глупо поступили турки, сдѣлавъ эту выходку, именно въ тотъ моментъ, когда имъ нужно было покончить вопросъ о Босніи и Герцоговинѣ и главное постараться, чтобы о немъ забыли державы, которыя будутъ участвовать на конференціи».

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Маркизъ де-Банневиль состоялъ въ то время при французскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ, а впослѣдствіи былъ посланникомъ при австрійскомъ дворѣ.

[2]) Графъ de Mosbourg, впослѣдствіи французскій посланникъ въ Баденѣ.

Поправка къ статьѣ: „Отвѣтъ по поводу статьи: Записки русскихъ женщинъ“.

Редакторъ получилъ письмо П. О. Пирлинга отъ 8-го (21-го) февраля слѣдующаго содержанія:

«Обращаюсь къ вамъ съ просьбою о слѣдующей поправкѣ.

«Въ февральской книгѣ «Русской Старины», стр. 415, напечатано, что я перевелъ предисловіе къ Запискамъ графини Головиной.

«Это не точно.—Самъ я никакого перевода не дѣлалъ, а только доставилъ графу Строганову посторонняго переводчика».

Изъ переписки князя В. Ѳ. Одоевскаго [1]).

IV. Письма М. П. Погодина.

1.

2-го марта 1827 г.

Давно уже долженъ былъ я благодарить васъ, милостивый государь князь Владиміръ Ѳедоровичъ, за то участіе, которое вы приняли въ нашемъ «Московскомъ Вѣстникѣ» [2]),—но... да зачѣмъ оправдываться: виноватъ и каюсь, я надѣялся на вашу снисходительность. Теперь исполняю долгъ свой. Еще благодарю за отзывъ вашъ объ Аѳ(оризмахъ) [3]), переданный мнѣ Титовымъ [4]). Такіе отзывы и отъ такихъ людей всего дороже.

Разборъ вашъ «Пам(ятник)а Музъ» [5]) сокращенъ по настоятельному требованію Пушкина. Вотъ его слова, повторяемыя съ дипломатической точностію:

«Здѣсь есть много умнаго, справедливаго, но авторъ не знаетъ приличій: можно-ли о Державинѣ и Кар(амзинѣ) сказать, что „имена ихъ возбуждаютъ пріятныя воспоминанія“, что „съ прискорбіемъ видимъ ученическія ошибки въ Держ(авинѣ)“: Державинъ все—Державинъ. Имя его намъ уже дорого. Касательно жив(ыхъ) писателей также не могу я, объявленный участникомъ въ журналѣ, согласиться

[1]) См. „Русскую Старину“, февраль 1904 г.

[2]) См. выше, стр. 385, прим. 3-е.

[3]) Въ № II „Московскаго Вѣстника“ 1827 года была напечатана (стр. 109—116) статья Погодина „Историческіе аѳоризмы и вопросы“.

[4]) См. выше, стр. 384, прим. 1-е.

[5]) Въ № V „Московскаго Вѣстника“ 1827 года, въ отдѣлѣ „Критика“ (стр. 78—81), помѣщенъ разборъ изданнаго Б. М. Ѳедоровымъ альманаха „Памятникъ Отечественныхъ Музъ“. Разборъ подписанъ буквами: И. К.

на такія выраженія. Я имѣю связи. Меня могутъ почесть согласнымъ съ мнѣніемъ рецензента. И вообще—не должно говорить о Державинѣ такимъ тономъ, какимъ говорятъ объ N.N., объ S.S. Симъ долженъ отличаться «М(осковскій) Вѣстникъ». Оставьте одно общее сужденіе».

Мы спорили во многомъ, но должны были уступить, рѣшились было оставить статью до сношенія съ вами, но должно было выдавать книжку; Пушкинъ читалъ уже по корректурѣ.

Прося у васъ статей, совѣтовъ, брани, извѣстій и—благосклонности, честь имѣю пребыть вашимъ покорнѣйшимъ слугою М. Погодинъ.

P. S. Скажите, прошу васъ, Дмитрію Венев(итинову) [1]), чтобъ онъ извинилъ меня, какъ умѣетъ, передъ Козловымъ [2]) въ поздней присылкѣ журнала. Не знаю, впрочемъ, не другой-ли уже экземпляръ я посылаю ему.

2.

2-го августа 1827 г.

Во время моей отлучки [3]), любезный князь Владиміръ Ѳедоровичъ [4]), пришло письмо ваше. Жалѣю, что отвѣтъ получаете вы поздно.

Вотъ извѣстіе, на первый случай, о числѣ проценсурованныхъ рукописей и книгъ въ Мос(ковскомъ) ценз(урномъ) комитетѣ, заимствованное изъ актовъ университетскихъ, по годамъ академическимъ, а не гражданскимъ:

Въ 1824 г. (т. е. полов. 1823 и полов. 1824)	разсмотр. и одобр.	173	рукописи
„ 1825 г. (id.)	„ „	150	„
„ 1826 г. (id.)	„ „	182	„
„ 1827 г. (id.)	„ „	185	рук(описей) и 39 книгъ.

Число листовъ опредѣлить нельзя, ибо они большею частью отмѣчаются наобумъ. Впрочемъ извѣстно содержаніе листовъ рукописныхъ къ печатному, ergo etc.—Въ четвергъ будетъ собраніе ценз(урнаго)

---

[1]) Поэтъ Дмитрій Владимировичъ Веневитиновъ скончался 15-го марта того же 1827 года.

[2]) Поэтомъ Иваномъ Ивановичемъ.

[3]) Въ Орловскую губернію, по случаю предсмертной болѣзни отца (см. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, книга вторая, Спб. 1889, стр. 123).

[4]) Съ 14-го октября 1826 года князь В. Ѳ. Одоевскій поступилъ на службу въ Цензурный комитетъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а 20-го сентября 1827 года былъ назначенъ секретаремъ общаго собранія цензурнаго комитета.

комитета, и тамъ выправлюсь по возможности и дамъ вамъ знать немедленно.

Присылайте порученій больше—я радъ и радехонекъ служить.

Благодарю васъ паки и паки за жемчугъ, и бисеръ, и камни драгоцѣнные въ окладъ на образъ «М(осковскаго) В(ѣстник)а». Христа ради присылайте больше критикъ на всѣ петерб(ургскія) книги. Мы надѣемся, что слѣдующій годъ вознаградитъ насъ за всѣ труды. Да неужели Петербургъ такъ очеловѣчился, что у васъ д о с а д ъ никакихъ не бываетъ?

Еще до васъ просьба, о которой мы уже писали къ Титову [1]).

Постар(айтесь) прислать намъ Біогр(афію) Нап(олеона) Валтеръ-Скотта, какъ можно скорѣе, съ голубями [2]).

Я думаю, что эту книгу пропуститъ Иностр(анная) цензура. Непозволительное она можетъ вырѣзать изъ экз(емпляровъ). Книгу, о которой у насъ столько твердили, не пропустить, кажется, будетъ неполитично. А за ограниченіе сердиться никто не будетъ имѣть права.

Хитро!—Мы же довольны будемъ и позволительнымъ, и если изъ 9 т(омовъ) издадимъ по-русски 5, то все еще хорошо [3]).

Да здравствуйте вы и да будетъ вамъ благо.

Этого желаетъ вамъ искренно вашъ М. Погодинъ.

Имперія Телеграфическая [4]) раздѣляется на восточную, западную и южную.

3.

28-го сентября 1828 г.

Прошу тебя, равноапостольный [5]), или князя Одоевскаго, сообщить слѣдующее его превосх(одительству) Блудову [6]):

---

[1]) См. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, книга вторая, Спб. 1889, стр. 104—105.

[2]) Въ № 15 „Московскаго Вѣстника“ 1827 года И. С. Мальцовъ помѣстилъ (стр. 311—314), за подписью „ —въ“, статью „Нѣчто объ Исторіи Наполеона Бонапарта, сочиненной Валтеромъ-Скоттомъ“, а въ № 16 (стр. 361—393) напечаталъ переводъ отрывковъ изъ этой книги („Отрывки изъ Жизнеописанія Наполеона Бонапарте, сочиненнаго С. Валтеромъ Скоттомъ“).

[3]) О намѣреніи Погодина издать переводъ „Жизни Наполеона“ и о столкновеніяхъ его по этому поводу съ Н. А. Полевымъ, занимавшимся переводомъ этого же сочиненія Вальтеръ-Скотта, см. у Н. Барсукова, Жизнь и труды М. П. Погодина, книга вторая, стр. 176—178.

[4]) Рѣчь идетъ о „Московскомъ Телеграфѣ“.

[5]) Т. е. Владимиръ Павловичъ Титовъ. Настоящее письмо Погодина писано къ нему и къ князю В. Ѳ. Одоевскому.—Погодинъ мечталъ въ это время попасть адъюнктомъ въ Академію Наукъ. В. П. Титовъ чрезъ своего дядю, Дмитрія Васильевича Дашкова (въ то время товарища министра юстиціи) старался содѣйствовать исполненію желанія Погодина (см. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, книга вторая, стр. 232.

[6]) Дмитрій Николаевичъ Блудовъ былъ въ это время товарищемъ министра народнаго просвѣщенія.

*

Я очень благодарю его за и проч. [1]). Меньше 5.000 р. асс. жалованья, вѣрнаго и положительнаго, взять не могу: ибо у меня на рукахъ семейство. (Мнѣ хочется пріѣхать въ Петерб(ургъ) совершенно на готовое, чтобъ не нужно было сдѣлать ни одного лишняго визита, ни одного лишняго поклона). Между нами, я соглашусь взять покамѣстъ и 4.000 р. въ случаѣ совершенной невозможности получить больше. Этого не сказывать никому; я буду выжидать положительнаго отвѣта отъ нихъ и, сообразуясь съ тѣмъ будущимъ отвѣтомъ, я скажу въ случаѣ нужды и свой.

У васъ, впрочемъ, любятъ, кажется, пересыпать изъ пустаго въ порожнее: что есть новаго въ предложеніяхъ, привезенныхъ ко мнѣ Шевыревымъ [2])? Ничего. Я все уже это слышалъ прежде и отъ Блудова, и отъ Круга [3]).

Мѣста всѣ предлагаемыя еще не существуютъ, а будутъ существовать. Чѣмъ же я буду жить и что будутъ мнѣ давать до ихъ рожденія? Ничего не понимаю.

Въ запискѣ Шевырева упоминается мѣсто при музеѣ Румянц(ова), но вѣдь тамъ Востоковъ [4]). Христа ради, чтобъ для меня не было обиды ему: ни за что на свѣтѣ я не соглашусь сдѣлать что-либо непріятное этому почтенному человѣку, волею и неволею.

Шевыревъ пріѣхалъ, съ свѣтлыми рогами, какъ у Моисея. Такъ и бодается.

Что вы зѣвали о Слов. Греч. [5])? Мимо всѣхъ васъ министръ [6]) прислалъ мнѣ предложеніе довольно выгодное.

Прощайте, будьте здравы. Вашъ М. Погодинъ.

P. S. Я посылаю въ комитетъ [7]) Риттеровы карты [8]): не примутъ-ли ихъ въ число учебныхъ пособій. Похлопочите. Только нужна дѣятельность.

---

[1]) Какое мѣсто предлагалъ Блудовъ Погодину—неизвѣстно.

[2]) Недавно возвратившимся изъ поѣздки въ Петербургъ.

[3]) Академика Филиппа Ивановича Круга, который хотѣлъ видѣть Погодина адъюнктомъ Академіи по каѳедрѣ русской исторіи (см. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, книга вторая, стр. 232—233).

[4]) Александръ Христофоровичъ Востоковъ съ 1824 года занимался описаніемъ славянскихъ рукописей Румянцовскаго музея.

[5]) Такъ сокращенно эти два слова написаны въ подлинникѣ.

[6]) Министромъ народнаго просвѣщенія былъ въ это время генералъ-отъ-инфантеріи князь Карлъ Андреевичъ Ливенъ. Какое предложеніе было имъ сдѣлано Погодину—неизвѣстно.

[7]) Въ Ученый комитетъ Главнаго правленія училищъ.

[8]) „Карты Европы“ (въ физико-географическомъ отношеніи) знаменитаго германскаго географа Карла Риттера. Въ переводѣ Погодина этотъ трудъ вышелъ въ свѣтъ въ Москвѣ въ 1828 году.

Для меня теперь самое трудное время: лбомъ прошибать надо стѣну, которую складываютъ на моей дорогѣ друзья, недрузья и обстоятельства.

Шев(ырева) нѣтъ дома: цѣлую недѣлю рыскаетъ и не ночуетъ даже дома.

4.

22-го января (1829 г.).

Благодарю васъ, любезнѣйшій князь Владиміръ Ѳедоровичъ, б л а г о д а р ю в а с ъ и с к р е н н о и у с е р д н о за обстоятельное изложеніе вашего мнѣнія объ Арцыб(ашевскомъ) дѣлѣ [1]). Жалѣю, что получилъ его слишкомъ поздно.

Ваши причины я разобралъ, кажется, всѣ въ своихъ прежн ихъ статьяхъ [2]), и, по моему мнѣнію, удовлетворительно,—слѣдователь но, я съ вами или лучше почти со всѣми несогласенъ. Что жъ дѣлать? Не могу же говорить противъ себя, и признаюсь, если бъ въ другой разъ попалъ въ такія же обстоятельства, то опять поступилъ бы такъ же, хоть бы и вдвое еще мнѣ за то досталось!

Участникомъ я не объявлялъ васъ нигдѣ [3]),—впрочемъ, напечатаю еще [4]), что виноватъ (если) я одинъ, и что буду издавать «Вѣстникъ» одинъ.

---

[1]) Рѣчь идетъ о помѣщенныхъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1828 года (въ №№ 19—24) Замѣчаніяхъ Н. С. Арцыбашева на „Исторію Государства Россійскаго“ Карамзина. Написанныя грубымъ тономъ и съ явнымъ недоброжелательствомъ къ Карамзину, эти „Замѣчанія“ вызвали въ весьма многихъ негодованіе и къ ихъ автору, и къ самому издателю „Московскаго Вѣстника“ Погодину. Князь В. Ѳ. Одоевскій также возсталъ противъ Погодина и написалъ ему длинное письмо, отъ 12-го января 1829 года (большая выдержка изъ него приведена у Н. Барсукова, Жизнь и труды М. П. Погодина, книга вторая, стр. 260—263), на которое настоящее письмо Погодина и служитъ отвѣтомъ.

[2]) Помѣщенныхъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1828 г., №№ 19 и 20, стр. 285—287, и №№ 23 и 24, стр. 389—395. („Нѣсколько объяснительныхъ словъ отъ издателя“). Обѣ эти статьи Погодина перепечатаны Н. П. Барсуковымъ въ Жизни и трудахъ М. П. Погодина, книга вторая, стр. 240—243 и 250—254.

[3]) „Напечатайте критику Арцыбашева отдѣльно—надъ нею бы посмѣялись, и только. Но когда она въ журналѣ—за нее отвѣчаютъ нѣкоторымъ образомъ всѣ участники въ ономъ“—писалъ князь Одоевскій (Жизнь и труды М. П. Погодина, книга вторая, стр. 263).

[4]) Въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1829 г., ч. II, стр. 261—262, появилось объясненіе „Отъ издателя“, помѣченное 28-мъ января 1829 года. „Литературное гоненіе на меня, въ разныхъ видахъ, за помѣщеніе статьи г-на Арцыбашева, все еще продолжается“—читаемъ мы въ началѣ этого объясненія.—„Даже нѣкоторые изъ помѣщавшихъ труды свои у меня въ журналѣ

«Земное и неб(есное)» я исключилъ по вашему требованію и оставилъ только «Утро ростовщика» [1]).

Будьте увѣрены въ чувствахъ моей искренней преданности. Вашъ М. Погодинъ.

5.

1-го декабря 1836 г.

Ты удивишься, получивъ письмо отъ меня, любезнѣйшій князь Владиміръ Ѳедоровичь,—послѣ двухлѣтняго молчанія. Вотъ въ чемъ дѣло: я боленъ и сижу дома въ своей закутѣ на краю города, города Москвы [2]), слѣдовательно въ десяти верстахъ отъ срединной; другими словами, я имѣю свободное время и не знаю ничего новаго. Передъ болѣзнью, однакоже, слышалъ, что «Наблюдатель» [3]) переводится въ Петербургъ. Правда-ли это? Если правда, то дѣло. Въ Москвѣ ни журнала, ни книгъ никакихъ издавать невозможно: безтолковѣе нашей цензуры придумать ничего нельзя, и я не понимаю, какъ ее терпятъ попечитель и министръ! Беззаконное она пропускаетъ, какъ то было съ «Телескопомъ» [4]), а совершенно невинное и чистое останавливаетъ. Наши цензоры люди, рѣшительно не понимающіе своего дѣла, и могутъ цензуровать только Всеобщіе письмовники и сонники. Во-вторыхъ—за изданіе берется Плюшаръ [5]). Это еще лучше. Надо непремѣнно останавливать этого безсовѣстнаго поляка [6]) и еще безсовѣст-

---

требовали, чтобы я выгородилъ ихъ изъ подъ мнимой опалы, какъ не принимавшихъ участія въ этомъ дѣлѣ.—(Не пугаются-ли иные робкіе читатели даже и того, что читали статью? o tempora! o mores!). На сіе долгомъ поставляю объявить, что вся вина, если есть какая, въ помѣщеніи Замѣчаній г-на Арцыбашева, простирается на одного меня, ибо оно ни отъ кого болѣе не зависѣло. Прибавлю однакожь, что, еслибъ случилось мнѣ опять попасть въ такія же обстоятельства, то опять поступилъ бы я также, хотя бъ всотеро непріятностей должно было мнѣ вынести послѣ".

[1]) См. „Московскій Вѣстникъ" на 1829 годъ, ч. II, стр. 147—159: Утро ростовщика. (Отрывокъ изъ романа). Статья подписана буквою К.

[2]) Въ началѣ 1836 года Погодинъ купилъ у князя Д. М. Щербатова домъ на Дѣвичьемъ полѣ; въ этомъ домѣ Погодинъ прожилъ до конца своей жизни (см. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, книга четвертая, Спб. 1891, стр. 429).

[3]) Журналъ „Московскій Наблюдатель", издававшійся съ 1835 года В. П. Андросовымъ при участіи С. П. Шевырева. Слухи о переводѣ изданія „Московскаго Наблюдателя" въ Петербургъ не оправдались.

[4]) Погодинъ намекаетъ на помѣщеніе въ „Телескопѣ" 1836 года извѣстнаго „Философическаго письма" П. Я. Чаадаева, за которое этотъ журналъ былъ запрещенъ.

[5]) Адольфъ Александровичъ, извѣстный книгопродавецъ-издатель.

[6]) Сенковскаго, издававшаго „Библіотеку для Чтенія".

нѣйшаго, то есть литературно, великороссіянина, Полеваго, которые дѣлаютъ что хотятъ въ нашей безпріютной литературѣ и наносятъ стыдъ русскому имени. Если у васъ уладится, я берусь доставлять ежемѣсячно по печатному листу, и даже иногда по два, принимая на свою обязанность статьи по русской исторіи и всеобщей исторіи, литературныя новости по этимъ частямъ и критику всѣхъ вновь выходящихъ книгъ объ нихъ. Скажи это редактору, который у васъ будетъ. Принимайтесь за работу, господа! Какъ вамъ не стыдно сидѣть безъ дѣла. Смотрите, какъ у меня кипитъ, да еще если бы у меня были рога.

У меня вышли—чужаго: Исторія Герена древняя [1]); Исторія Среднихъ Вѣковъ Демишеля [2]), къ 1 янв(аря); Славянскія древности Шафарика [3]), къ 15 янв(аря) (чудное сочиненіе). Свое: Лекцій 2 часть [4]), къ 15 янв(аря); Рус(ская) Исторія 2 изданіемъ [5]), къ 1 февр(аля); Изслѣдованія о древн(ей) рус(ской) истор(іи) [6]), къ 15 февр(аля); Псковская лѣтопись [7]), къ 15 дек(абря); Почерки примѣч(ательныхъ) людей (Русскій Историческій Альбомъ) [8]), къ 15 дек(абря). На тотъ годъ печатаю: Робертс(она) [9])... [10]); исторіи всѣхъ государствъ [11]), карманная библіотека, всякія двѣ недѣли по книжкѣ; Исторію Рима Фидлера [12]) съ 150 картинами.

А?—Сурки! А все ни въ честь, ни въ славу.

Прощай. Твой М. Погодинъ.

Да. Въ іюнѣ пришли мои книги черезъ Фосса [13]). Иностр(анная) цен-

---

[1]) Руководство къ познанію древней политической исторіи, сочиненіе Герена, переводъ съ нѣмецкаго кандидата Московскаго университета А. Кояндера (Москва. 1836).

[2]) Исторія Среднихъ Вѣковъ, соч. М. Демишеля, вышла въ свѣтъ въ переводѣ студентовъ-слушателей Погодина, въ Москвѣ въ 1836 году.

[3]) Въ 1837 г. вышли въ свѣтъ двѣ книги перваго тома „Славянскихъ древностей“ Шафарика, въ переводѣ О. М. Бодянскаго.

[4]) Вторая часть Лекцій по Герену о политикѣ, связи и торговлѣ главныхъ народовъ древняго міра. (Москва. 1836, но вышла въ свѣтъ въ 1837 году).

[5]) Начертаніе Русской исторіи для гимназій, 2-е, исправленное и умноженное изданіе. (Москва. 1837).

[6]) „Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи“ Погодина стали выходить лишь съ 1845 г.

[7]) Псковская Лѣтопись (Москва. 1837).

[8]) Русскій Историческій Альбомъ вышелъ въ свѣтъ въ 1837 году.

[9]) Вѣроятно, какое-либо сочиненіе англійскаго историка Вилліама Робертсона († 1792).

[10]) Два слова не разобраны.

[11]) Вѣроятно, „Всеобщая Историческая Библіотека“, пять книжекъ которой было издано Погодинымъ въ 1838—1842 г.г.

[12]) Намѣреніе Погодина издать переводъ Исторіи Рима Фидлера не осуществилось.

[13]) Книгопродавца.

зура остановила Роминга о свободѣ и необходимости и Ясновидя(щая Преворстъ [1]). Выручи эти книги. Я профессоръ и имѣю право на полученіе всѣхъ, а это прямо по моей части, то есть первая книга.

Скажи Пушкину, чтобъ онъ прислалъ мнѣ «Современника».

Гдѣ бы учредить въ Петерб(ургѣ) депо моихъ изданій?

Скажи Краевскому [2]), чтобъ онъ, получивъ деньги отъ Смирдина [3]) за Русск(ую) Исторію, отдалъ ихъ Назарову для отправленія къ Фоссу чрезъ Карла Ланца etc.

Поцѣлуй ручку у княгини и напомни обо мнѣ. Да, ну, поскорѣе!

6.

5-го апрѣля 1841.

Милостивый государь князь Владиміръ Ѳедоровичъ.

Мужъ мой [4]) боленъ и потому не могъ до сихъ поръ отвѣчать вамъ на письмо ваше отъ 26 марта [5]). Онъ поручаетъ мнѣ благодарить васъ за оное. Голосъ искренней дружбы и живаго участія тронулъ его очень, какъ прежде огорчила исторія съ анекдотами [6]). Они очень глупы, онъ соглашается, и хотѣлъ было самъ въ слѣдующемъ номерѣ написать что-нибудь противъ. Напечаталъ же ихъ, не разсмотрѣвъ порядочно по возвращеніи изъ Петербурга за недостаткомъ времени. Вообще, онъ мало думаетъ о Смѣси и не обращаетъ на нее вниманія, думая, что ею интересуются только провинціальные читатели, которые забавляются подобными пошлостями. Мы всѣ ожидали замѣчанія, но запретить журналъ, послѣ такихъ статей, какъ Взглядъ Русскаго [7]), Петръ I [8]), мысли въ разборахъ и проч., за этотъ вздоръ, котораго

---

[1]) О ясновидящей Преворстъ (Фредерикѣ Гауффъ, р. 1801 † 1829) было издано много сочиненій.

[2]) Андрею Александровичу.

[3]) Александра Филипповича, книгопродавца.

[4]) Это письмо писано женою Погодина, Елизаветою Васильевною, но, очевидно, подъ диктовку самого Погодина.

[5]) Безъ сомнѣнія, это то письмо, которое напечатано Н. П. Барсуковымъ въ „Жизни и трудахъ М. П. Погодина“, книга шестая, Спб. 1892, стр. 46—48.

[6]) Въ 3 № „Москвитянина“—журнала, который сталъ издаваться съ 1841 г. Погодинымъ,—въ отдѣлѣ Смѣси, было напечатано (стр. 248—251) нѣсколько анекдотовъ, изъ которыхъ нѣкоторые касались чиновниковъ. Эти анекдоты обратили на себя вниманіе шефа жандармовъ графа А. Х. Бенкендорфа, и „Москвитянину“, за помѣщеніе ихъ, грозило даже запрещеніе (см. тамъ же, стр. 44—46).

[7]) „Взглядъ Русскаго на образованіе Европы“—статья С. П. Шевырева, помѣщенная въ 1-мъ № „Москвитянина“ (стр. 219—296).

[8]) Статья самого Погодина „Петръ Великій“, которою открывается 1-й № „Москвитянина“ (стр. 3—29).

есть столько въ «Ревизорѣ», въ «Ябедѣ» и въ другихъ извѣстныхъ и любимыхъ сочиненіяхъ, онъ никакъ не могъ себѣ вообразить. Вы знаете его нравъ: получивъ извѣстіе, онъ хотѣлъ самъ уничтожить журналъ. «Я считалъ свой журналъ предпріятіемъ общеполезнымъ,—сказалъ онъ,—если я ошибся, и онъ неугоденъ правительству, я возвращаюсь къ своимъ прежнимъ занятіямъ». Насилу мы могли уговорить его. Критика «Москвитянина» вызвала доносы. Михаилъ Петровичъ предвидѣлъ это и заранѣе предупреждалъ министра, попечителя и генералъ-губернатора, прося объ покровительствѣ и защитѣ въ случаѣ нужды [1]).

Теперь онъ хотѣлъ писать къ графу Бенкендорфу, котораго всѣ знаютъ за добраго и безпристрастнаго человѣка, или къ генералу Дуппельту [2]), о которомъ также слышно много хорошаго, хотя онъ и недоволенъ имъ за то, что тотъ не отвѣчалъ ему на его письмо о Гаѣ [3]), и объяснить имъ все дѣло, просить у нихъ особыхъ цензоровъ, ибо мы въ Москвѣ ходимъ какъ въ темномъ лѣсу и не знаемъ часто, что годится и что не годится. Въ такихъ разсужденіяхъ застала его болѣзнь, и онъ велѣлъ мнѣ передать ихъ вамъ, не надѣясь скоро имѣть довольно силъ, чтобъ самому написать порядочное и обстоятельное письмо.

Исполнивъ, какъ умѣла, его порученіе, я прошу васъ покорно засвидѣтельствовать мое почтеніе вашей супругѣ, которой доброму расположенію себя поручаю и съ искреннимъ почтеніемъ остаюсь, милостивый государь, готовою къ услугамъ Елизавета Погодина.

P. S. Михаилу Петровичу ставили 40 піявокъ и до 60 каленыхъ припарокъ, но теперь ему гораздо лучше, и мы спокойны.

Шевыреву ваше письмо отдано, и онъ, кажется, будетъ также отвѣчать вамъ.

Еще позабыла одно обстоятельство: Михаилъ Петровичъ получилъ вскорѣ вѣрную копію съ того смѣшнаго донесенія, которое помѣщено въ «Москвитянинѣ»: изъ нея видно, что ухо оторвали ямщики у станціоннаго смотрителя, а не чиновники у своего начальника [4]). Это го-

---

[1]) Въ „Жизни и трудахъ Погодина“ нѣтъ свѣдѣній относительно этихъ доносовъ на Погодина и его сношеній по этому поводу съ С. С. Уваровымъ, графомъ С. Г. Строгановымъ и княземъ Д. В. Голицынымъ.

[2]) Т. е. къ Леонтію Васильевичу Дубельту, начальнику штаба корпуса жандармовъ.

[3]) Главный дѣятель въ эпоху литературнаго и политическаго возрожденія хорватовъ Людевитъ Гай (р. 1809 † 1872) пріѣзжалъ въ Москву въ 1840 году хлопотать о поддержкѣ иллирійскаго движенія. Погодинъ съ Шевыревымъ выказали большое сочувствіе къ Гаю (см. Н. Барсуковъ, „Жизнь и труды М. П. Погодина“, книга пятая, Спб. 1892, стр. 444—449). О перепискѣ Погодина съ Дубельтомъ о Гаѣ въ трудѣ Н. П. Барсукова не упоминается.

[4]) Въ четвертомъ анекдотѣ, напечатанномъ въ „Смѣси“ № 3 „Москвитянина“ (стр. 250), разсказывалось, что чиновникъ былъ откомандированъ на

раздо правдоподобнѣе, смѣшнѣе и безопаснѣе, но цензоръ изъ четвертой книжки исключилъ это поясненіе, опасаясь, можетъ быть и справедливо, чтобъ оно не подало повода къ новымъ толкамъ.

7.

27-го октября 1843.

А вотъ и просьба къ тебѣ, отщепенецъ! Черезъ 15 лѣтъ [1]) я вспомнилъ о своемъ «Петрѣ», и вздумалъ напечатать въ «Москвит(янинѣ)».— Перечелъ, какъ чужое сочиненіе: право, кажется, это опытъ не лишній въ литературѣ! Помоги же выдать его въ свѣтъ. Я пишу къ князю Григорью Петр(овичу) Волхонскому [2]). Я видѣлъ его однажды, но вы всѣ столько говорили мнѣ, что я не устыдился обезпокоить его. Попроси и ты съ своей стороны. Мнѣ кажется, ему легко это сдѣлать, воспользуясь какимъ-нибудь благопріятнымъ случаемъ—чрезъ гр. Бенкендорфа или князя Петра Михайл(овича) [3]), тѣмъ болѣе, что все дѣло въ недоразумѣніи. Я увѣренъ, что государь запрещалъ представленіе, а не печатаніе [4]). Я же приложилъ теперь историческія цитаты, изъ коихъ увидятъ, что въ трагедіи нѣтъ ничего новаго и всѣ черты взяты изъ подлинныхъ оффиціальныхъ документовъ. Сдѣлалъ нѣкоторыя поправки. Въ послѣднее время Петръ I безпрестанно является на сценѣ въ поэзіи, повѣстяхъ, даже піесахъ—за что же я, несчастный, долженъ терпѣть? И терпѣнія моего было довольно—почти 15 лѣтъ. Мнѣ хотѣлось бы напечатать «Петра I» въ 1 нумерѣ [5]).

Здоровье мое теперь получше,—но я рѣшился на тотъ годъ ѣхать съ пенсіей и поселиться въ Гейдельбергѣ года на три или четыре, чтобы заняться, вдали отъ шума и суеты и настоящаго времени, исторіей [6]).

слѣдствіе; у него подъ командою было нѣсколько человѣкъ, которые вышли изъ повиновенія,—и вотъ онъ доноситъ начальству: „Дошло до свѣдѣнія моего, что ввѣренная управленію моему канцелярія изъ чиновниковъ, пребывающая въ различномъ художествѣ и азарствѣ, причиняетъ мнѣ въ ономъ непотребное насиліе съ нанесеніемъ ударовъ и оторваніемъ въ пьяномъ видѣ уха“ и т. д.

[1]) Трагедія „Петръ I“ была написана Погодинымъ въ 1831 году (см. Н. Барсуковъ, „Жизнь и труды М. П. Погодина“, книга третья, Спб. 1890, стр. 252—253 и 310), слѣдовательно, тринадцать, а не пятнадцать лѣтъ тому назадъ отъ 1843 года.

[2]) Тогдашнему попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа.

[3]) Волконскаго, министра императорскаго двора, отца князя Григорія Петровича Волконскаго.

[4]) Погодину измѣнила память; на всеподданнѣйшей докладной запискѣ С. С. Уварова о трагедіи Погодина „Петръ I“ императоромъ Николаемъ была положена резолюція: „Не дозволять печатать“ (см. Н. Барсуковъ, „Жизнь и труды М. П. Погодина“, книга четвертая, Спб. 1891, стр. 13).

[5]) Трагедія „Петръ I“ не появилась въ „Москвитянинѣ“ 1844 года и впервые была напечатана лишь въ 1873 году.

[6]) Ср. Н. Барсуковъ, „Жизнь и труды М. П. Погодина“, книга седьмая, Спб. 1893, стр. 287—288.—Въ слѣдующемъ 1844 году Погодинъ покинулъ университетскую каѳедру, но въ Гейдельбергъ не поѣхалъ, а остался въ Москвѣ.

Если граф(иня) Ростопчина [1]) въ Петербургѣ, сдѣлай милость, извини меня передъ нею. Я думалъ, что она уѣхала въ чужіе края, и не отвѣчалъ на ея любезное письмо.

Поцѣлуй ручку у своей супруги.

Шев(ыревъ) здоровъ и работаетъ по-прежнему. Здѣсь теперь Языковъ. Ждемъ Хомякова. Прощай.

Сердитый, но все-таки любящій тебя по-прежнему М. Погодинъ.

Поклонись Веневитинову [2]) и скажи ему, чтобы онъ на меня не сердился: я не былъ у него, какъ и у тебя, и у прочихъ, по невозможности.

8.

12-го мая (1864).

Поплачемъ о товарищѣ: сейчасъ получилъ печальное извѣстіе—Шевыревъ скончался въ Парижѣ [3]). Надо устроить по немъ панихиду. Пишу къ ректору университета, а потомъ увѣдомлю тебя. Остается насъ немного.

Твой М. П.

На Святой недѣлѣ еще получилъ отъ него стихи въ память о Шекспирѣ [4]), написанные дрожащею рукою въ постелѣ.

9 [5]).

16-го января.

Химику и алхимику, физику и метафизику, Фаусту и музыки учителю, любезнѣйшему князю Владимиру Ѳедоровичу, посылаю гостинцу изъ Петербурга: Zauberphotographie, съ наставленіемъ, какъ воспроизводить ее.

Какъ образчикъ—прилагаются двѣ картиночки воспроизведенныя, кои просимъ возвратить.

Дѣлать не публично, т. е. прежде посмотрѣть, что выйдетъ, ибо есть картинки соблазнительныя.

Изъ Петербурга куча поклоновъ. Пріѣхалъ бы самъ, но спина болитъ донельзя.

---

[1]) Графиня Евдокія Петровна.

[2]) Алексѣю Владимировичу, брату поэта Д. В. Веневитинова.

[3]) С. П. Шевыревъ скончался въ Парижѣ 8-го мая 1864 года.

[4]) Стихи „Дань памяти Шекспира въ день трехсотлѣтняго юбилея его рожденія 1564—1864 23-го апрѣля“. Эти стихи были напечатаны въ издававшейся И. С. Аксаковымъ газетѣ „День“ 1865 года, № 6, стр. 125—126.

[5]) Эта и слѣдующія двѣ записки писаны въ 1860-хъ годахъ.

Не знакомъ-ли тебѣ близко г. Шаховъ [1]), котораго нужно попросить мнѣ о сынѣ. Преданный М. П.

10.

3-го февраля.

14-го февраля день кончины св. Кирилла. Будетъ архіерейское служеніе, засѣданіе Славянскаго комитета, а вечеромъ нуженъ бы духовный концертъ. Не придумаешь-ли чего съ Разумовскимъ [2]) и Потуловымъ [3])? Концертъ въ пользу Славянскаго комитета пополамъ хоть съ участниками. Надо только устроить, чтобъ имѣть время сговориться съ начальствомъ пѣвчихъ и объявить.

2 записки по дѣлу наслѣдницы Иннокентіевой [4]), о которой я уже просилъ тебя. Похлопочи. Преданный М. Погодинъ.

11.

Понедѣльникъ.

Ты нуждался въ писцѣ—вотъ грамотный.

Завтра въ думѣ вопросъ объ освѣщеніи города: хотѣлось бы поговорить съ тобою, ибо ты par excellence по просвѣщенію, но никакъ не могу оторваться отъ письменнаго стола. Кланяюсь. М. П.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Александръ Николаевичъ, старшій предсѣдатель Московской судебной палаты.

[2]) Протоіерей Дмитрій Васильевичъ Разумовскій († 1889), знатокъ русскаго церковнаго пѣнія, авторъ сочиненія „Церковное пѣніе въ Россіи".

[3]) Николай Михайловичъ Потуловъ, также изслѣдователь древняго русскаго пѣнія.

[4]) Знаменитаго архіепископа херсонскаго Иннокентія († 1857), съ которымъ Погодинъ находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Князь В. Ѳ. Одоевскій былъ съ 1862 г. сенаторомъ въ Москвѣ.

Издатель С. **Зыковъ.** Редакторъ **Н. Дубровинъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1904 г.

ТОМЪ СТО СЕМНАДЦАТЫЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Записки и Воспоминанія.

		стран.
I.	Записки адъютанта. Н. Г. Залѣсова.	39— 58
II.	Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина.	129—144 325—340
III.	Изъ записокъ В. К. Луцкаго. Сообщ. О. В. Червинская	303—323 557—575
IV.	Воспоминанія педагога. В. Г. фонъ-Бооля	615—630

Портреты.

I. Портретъ княгини Дарьи Христофоровны Ливенъ. (При 1-ой книгѣ).

II. Портретъ Ивана Акимовича Никотина. (При 2-ой книгѣ).

III. Портретъ Александра Александровича Кавелина. (При 3-ой книгѣ).

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

		стран.
I.	Послѣ отечественной войны. (Изъ русской жизни въ началѣ XIX вѣка) Н. Дубровина	5—28 241—274 481—515

СТРАН.

II. И. С. Тургеневъ и его дочь Полина Брюэръ. Н. Гутьяра . . . . . 29— 38
III. Изъ дневника барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа . . . . . 59—98, 275—302
IV. Записки русскихъ женщинъ В. А. Бильбасова . . . . . 99—113
V. Имп. Екатерина II и гр. Орловъ-Чесменскій: письмо графа Орлова 12-го іюля и письмо Екатерины II 19-го іюля 1795 г. Сообщ. Ал. Успенскій 114
VI. Два письма князя П. А. Вяземскаго къ А. Ѳ. Воейкову. Сообщ. И. А. Бычковъ . . . . . 115—122
VII. Названный Дмитрій и Адамъ Вишневецкій. П. Пирлинга . . . . . 123—128
VIII. Бытовые очерки В. П. Лободовскаго . . 145—163, 387—407, 651—674
IX. Высочайшее разрѣшеніе Г. Р. Державину съѣздить на одинъ день въ Царское Село. 23-го дек. 1800 г. Сообщ. Н. А. Мурзановъ . . 164
X. Къ біографіи А. А. Фета (Шеншина). Сообщ. А. Григоровичъ. . . . . 165—168
XI. Княгиня Д. Х. Ливенъ и ея переписка съ разными лицами. (Окончаніе) . . . . . 169—195
XII. Указъ имп. Александра графу Штейнгелю по поводу неповиновенія крестьянъ Выборгской губ. 15-го апрѣля 1829 г. Сообщ. Мих. Соколовскій 196
XIII. Петербургская жизнь въ 1825—1827 гг. (По письмамъ англичанки) . . . . . 197—205
XIV. Возвращеніе Тарнопольской области Австріи. 26-го іюня 1815 г. 206
XV. Цензура въ царствованіе императора Николая I. 207—222, 433—443
XVI. По поводу записокъ Н. Г. Залѣсова. А. Литвинова . . . . . 223—224
XVII. Соображенія гр. Ланжерона о необходимости уменьшить обширныя пространства генералъ-губернаторствъ. Сообщ. П. Майковъ . . . 225—230
XVIII. Къ исторіи наводненія въ С.-Петербургѣ въ 1824 г. Сообщили Н. Д. и Е. Н. Погожевъ. 231—239
XIX. Православная миссія въ Америкѣ въ 1795 г. Сообщ. Александръ Успенскій. . . . 240
XX. Великій князь Константинъ Павловичъ отказывается отъ переписки по своей административной дѣятельности въ Царствѣ Польскомъ. 6-го дек. 1830 г. Сообщ. А. В. Безродный. 324
XXI. Награда за цѣлованіе ножки императ. Павла I. Сообщ. Александръ Успенскій. . . . 341—342
XXII. Наполеонъ III и князь Бисмаркъ во время польскаго мятежа. Сообщ. С. Норманъ . . . . 343—357

		стран.
XXIII.	Мѣры противъ распространенія ложныхъ и вредныхъ слуховъ 2-го мая 1824 г.	358
XXIV.	Графъ А. А. Кейзерлингъ	359—370
XXV.	Изъ переписки князя В. Ѳ. Одоевскаго. Сообщ. И. А. Бычковъ	371—385, 705—716
XXVI.	Высочайшая благодарность объ успѣшномъ окончаніи студентовъ 1-го курса въ Спб. духовной академіи: I. митроп. Амвросію; II. архимандриту Филарету. 27-го августа 1814 г.	386
XXVII.	Мнѣніе Государственнаго Совѣта о мѣстѣ наказанія преступниковъ. 24-го янв. 1822 г. . . .	408
XXVIII.	Московскій университетъ и князь П. В. Лопухинъ. Сообщ. Н. А. Мурзановъ.	409—412
XXIX.	Отвѣтъ по поводу статьи: «Записки русскихъ женщинъ». Евгенія Шумигорскаго . .	413—424
XXX.	Письма С. П. Шевырева—К. С. Сербиновичу и кн. П. А. Ширинскому-Шихматову.	425—431
XXXI.	О перевезеніи тѣла кн. Понятовскаго въ Варшаву. I. Отношеніе графа Аракчеева ген.-губ. герцогства Варшавскаго Ланскому. 9-го декабря 1813 г.; II. Высочайшее повелѣніе саксонск. ген.-губ., ген.-адъютанту князю Рѣпнину 12-го мая 1814 г.	432
XXXII.	Празднованіе въ Москвѣ возвращенія императора Александра въ Спб. 6-го дек. 1815.	444
XXXIII.	Къ біографіи В. Г. Варенцова. Сообщ. Б. Л. Модзалевскій.	445—451
XXXIV.	Литературные листки какъ прибавленіе къ «Сѣверному Архиву». 9-го апр. 1823 г.	452
XXXV.	Восточный вопросъ въ 1856—1859 гг. 453—472	675—703
XXXVI.	Письма графа Н. П. Румянцева и записка Н. М. Карамзина къ А. И. Ермолаеву. Сообщ. И. А. Бычковъ.	473—478
XXXVII.	Благодарность О. П. Козодавлеву за управленіе министерствомъ юстиціи.	479—480
XXXVIII.	Малая заботливость по возстановленію благосостоянія крестьянъ послѣ Отечественной войны. 27-го марта 1816 г.	516
XXXIX.	Императоръ Николай I и европейскія революціи. С. З.	517—551
XL.	Всеподданнѣйшее собственноручное письмо Алексѣя Оленина о назначеніи ему аренды 10-го іюня 1815 г.	552
XLI.	Шуточныя басни И. А. Крылова. Сообщ. Л. Ильинскій	553—556
XLII.	Любители музъ въ Аѳинахъ. 19-го (31-го) янв. 1815 г.	576
XLIII.	Характеристика декабристовъ: Кюхельбекера, Торсона и Фаленберга. Сообщ. бар. Ник. Таубе.	577—579

		стран.
XLIV.	Письмо Г. Р. Державина къ генер.-прокурору П. Х. Обольянинову о формѣ одежды губернскихъ чиновниковъ. 17-го янв. 1801 г. Сообщ. Н. А. Мурзановъ.	580
XLV.	А. А. Кавелинъ и письма къ нему великаго князя Александра Николаевича (впослѣдствіи импер. Александра II). Сообщ. П. А. Кавелинъ . .	581—598
XLVI.	Походъ Россіи на Индію, какъ средство ослабить Англію. Сообщ. Мих. Соколовскій . . .	599—602
XLVII.	Эпизодъ изъ жизни Н. И. Костомарова. (По архив. документамъ). Проф. Е. Боброва . .	603—614
XLVIII.	Виды на торговлю съ Азіею въ началѣ XIX в. Сообщ. И. А. Бычковъ.	631—633
XLIX.	Пожалованіе дворянства племянникамъ фельдмаршала кн. Барклая-де-Толли. 31-го дек. 1827 г. Сообщ. А. В. Безродный	634
L.	И. С. Тургеневъ и В. П. Боткинъ. Н. Гутьяра.	635—646
LI.	Оцѣнка канцелярской отписки. В. А. Бильбасова.	647—650
LII.	Поправка къ статьѣ: «Отвѣтъ по поводу статьи Записки русскихъ женщинъ».	704

Библіографическій листокъ.

1. Краткая всемірная исторія. Выпускъ I-й. Древнѣйшіе народы. Съ 100 рисунками и 1 картой. Выпускъ II-й. Древнѣйшій Египетъ. Съ 100 рисунками и 1 картой. З. А. Рагозиной. Изданіе А. Ф. Маркса.—Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ январьской книги).

2. Большой всемірный настольный атласъ Маркса. Изданъ подъ редакціей профессора Э. Ю. Петри и Ю. М. Шокальскаго (тамъ же).

3. І. И. Иллюстровъ. Сборникъ россійскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ. 1904 г. Цѣна 3 руб.—Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ февральской книги).

4. Щукинскій сборникъ. Выпускъ второй. М. 1903 г.—Б. Модзалевскаго (тамъ же).

5. Русскій біографическій словарь. Сабанѣевъ—Смысловъ. Спб. 1904, 8°,673 стр. Ц. 10 р.—Б. Г. (на оберткѣ мартовской книги).

6. Иванъ Ивановичъ Бецкой. Опытъ его біографіи. Составилъ П. М. Майковъ. Спб. 1904 г.—Б. М. (тамъ же).

7. Николай Энгельгардтъ. Очеркъ исторіи русской цензуры въ связи съ развитіемъ печати (1703—1903). Спб. 1904 г.—Н. И. Кашкадамова (тамъ же).

Первымъ днемъ русской періодической литературы считается 2-е января 1703 г. Указъ Петра Великаго объ изданіи первой русской газеты послѣдовалъ 16-го декабря 1702 года, а 27-го декабря вышелъ „Юрналъ, или поденная роспись, что въ мимошедшую осаду подъ крѣпостью Нотенбурхомъ чинилось". Починъ, такимъ образомъ, принадлежитъ монарху. 16-го декабря 1702 г. указомъ Петра повелѣно было „печатать куранты и печатныхъ курантовъ вѣдомости". Повелѣніе это и было исполнено 2-го января 1703 г., когда вышли „Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ значенія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ и во иныхъ окрестныхъ странахъ". Эти „Вѣдомости" печатались по мѣрѣ надобности и накопленія матеріаловъ, въ неопредѣленные сроки, по 1728 годъ.

2-го января 1728 г. появляются „С.-Петербургскія Вѣдомости", издаваемыя съ присовокупленіемъ ежемѣсячныхъ „примѣчаній" Академіею наукъ, а 26-го апрѣля 1756 года въ Москвѣ, при университетѣ, начинаютъ выходить и „Московскія Вѣдомости", при Елисаветѣ Петровнѣ. „Московскія Вѣдомости" выходили постоянно два раза въ недѣлю, по вторникамъ и пятницамъ, и печатались на небольшомъ листѣ толстой сѣрой бумаги, сложенной in quarto, безъ нумераціи страницъ. На заглавной страницѣ была виньетка, изображавшая крылатую трубящую славу.

Первый учено-литературный журналъ въ Россіи, „Ежемѣсячныя Сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія", вышелъ подъ редакціей Миллера въ 1755 г., и былъ изданіемъ оффиціальнымъ,—Академіи наукъ; онъ существовалъ 10 лѣтъ и читался съ жадностью русской публикою; расходъ его по тому времени былъ громадный—отъ 500 до 700 экз.

2-го января 1759 г. начало выходить составляемое молодежью Шляхетскаго корпуса въ Петербургѣ первое частное періодическое (еженедѣльное) и уже чисто-литературное изданіе: „Праздное время, въ пользу употребленное". Въ корпусѣ оно писалось, тамъ и печаталось. Въ томъ же году появилось и другое частное (ежемѣсячное) литературное изданіе А. П. Сумарокова „Трудолюбивая Пчела".

Такимъ образомъ, періодъ съ 2-го января 1703 г. по 2-е января 1759 г. является совершенно законченнымъ и своеобразнымъ первымъ періодомъ русской печати, чисто оффиціальнаго, казеннаго почина и характера.

Второй періодъ, характеризуемый широкимъ развитіемъ частной предпріимчивости и нарожденіемъ извѣстнаго спроса на печатные органы, обнимаетъ время съ 1759 по 1803 г. и можетъ быть раздѣленъ на два неравномѣрные отдѣла: а) отъ 1759 г. („Праздное Время") до 1791 г. („Московскій Журналъ"), и б) отъ 1791 г. („Московскій Журналъ" Карамзина) до 1802 г. („Вѣстникъ Европы" Карамзина).

Исторію періодической печати XIX столѣтія можно раздѣлить на два періода: Первый обнимаетъ царствованія Александра I и Николая I, съ „Вѣстника Европы" Карамзина въ 1802 г. по „Русскій Вѣстникъ" Каткова въ 1856 г.; второй періодъ обнимаетъ время со смерти императора Николая I до конца столѣтія.

Цензура, какъ правильно организованное, постоянное учрежденіе, возникла сравнительно поздно. Гоненія на человѣческое слово—стары, какъ міръ. Древняя цивилизація была почти цѣликомъ повергнута въ огонь рукою фанатизма: въ 406 г. брошены въ огонь книги Сивиллъ; въ 642 г. сарацинами сожжена Александрійская библіотека (въ теченіе 6 мѣсяцевъ рукописями топились всѣ бани въ Александріи); въ XI в., по повелѣнію шведскаго короля Олая, брошены въ огонь руническія книги; въ 1508 г. кардиналъ Хименесъ сжегъ 100.000 арабскихъ рукописей; въ 1510 г. императоръ Максимиліанъ предписалъ сжигать всѣ еврейскія книги, кромѣ Библіи.

Въ Россіи еще въ XVII столѣтіи наши патріархи подвергали проклятію и отлученію многія книги, изданныя въ Кіевѣ малороссійскими учеными; но только съ конца XVIII в. начинается дѣйствительная исторія цензуры, какъ организованнаго учрежденія. Въ „Полномъ собраніи законовъ" находятся постановленія 1720—1722 гг., но лишь о церковныхъ книгахъ, исправленіе которыхъ ввѣрялось Синоду. Въ 1732 г. запрещено было ввозить въ Россію книги, уже напечатанныя при Академіи. 11-го ноября 1745 г. Елизавета Петровна приказала: привозимыя на корабляхъ и сухимъ путемъ книги отбирать и объявлять Синоду, нѣтъ-ли въ нихъ противностей вѣрѣ.

Съ 1796 г. начинается борьба правительства съ „вредными" идеями: указомъ 16-го сентября 1796 г.,—„въ прекращеніе разныхъ неудобствъ, которыя встрѣчаются отъ свободнаго и неограниченнаго печатанія книгъ",—была учреждена цензура (изъ одной духовной и двухъ свѣтскихъ особъ) въ обѣихъ столицахъ и Ригѣ, Одессѣ и при Радзивиловской таможнѣ. 17-го мая 1798 г. послѣдовалъ указъ объ учрежденіи цензуры при всѣхъ портахъ, но, за недостаткомъ цензоровъ, была учреждена лишь при Кронштадтскомъ, Ревельскомъ, Выборгскомъ, Фридрихсгамскомъ и Архангельскомъ; въ другіе порты книгамъ, газетамъ и всякаго рода сочиненіямъ доступъ былъ совсѣмъ запрещенъ. 18-го апрѣля 1800 г. совершенно былъ запрещенъ ввозъ въ Россію иностранныхъ книгъ.

Такимъ образомъ исторія русской цензуры распадается на три періода: первый—XVIII вѣкъ, когда правильная регламентація отсутствовала; второй—по 1865 г.—періодъ предупредительной цензуры, когда былъ созданъ уставъ и центральное учрежденіе цензуры; третій періодъ, съ 1865 г. по наши дни,—періодъ введенія и дѣйствія карательной цензуры.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1904 г.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина“**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину“** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1903 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна **2** р., съ пересылкою.

Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXV-й. АПРѢЛЬ. 1904 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Послѣ отечественной войны. (Изъ русской жизни въ началѣ XIX вѣка). Н. Дубровина ... 5—34
II. Императоръ Николай I и европейскія революціи. С. З. ... 35—63
III. Посольство князя Меншикова въ Персію въ 1826 г. (Изъ дневника ген.-лейт. Ѳ. Ѳ. Бартоломея). Сообщ. В. А. Бартоломей. 65—92
IV. Разсказъ о „Безъимянномъ". Сообщила Кл. Вл. З—а. ... 93—109
V. Воспоминанія педагога. В. Г. фонъ-Вооля. 111—123
VI. Свиданіе двухъ императоровъ въ Черновцахъ въ 1823 г. П. Вигель-Панчулидзева. ... 125—135
VII. Изъ записокъ В. К. Луцкаго. Сообщ. О. В. Червинская. ... 137—150
VIII. Императоръ Александръ II въ Варшавѣ въ 1860 г. 151—152
IX. Польская конституція 3-го мая 1791 года и отношеніе къ ней Россіи. В. В. Тимощукъ. ... 153—178
X. Англо-французскій флотъ предъ Одессою въ 1854 г. Сообщ. И. А. Вычковъ. 179—180
XI. Тургеневъ и славянофилы. Пав. Матвѣева. 181—192
XII. Изъ переписки князя В. Ѳ. Одоевскаго. Сообщ. И. А. Вычковъ. ... 193—217
XIII. Восточный вопросъ въ 1856—1859 гг. ... 219—234
XIV. Послѣднее слово г. Бильбасову. Евгенія Шумигорскаго. ... 235—239
XV. Записная книжка „Русской Старины": Импер. Екатерина II и ея землячки. I.—Прошеніе Шарлотты-Фридерики Эспе, урожд. Килль, дочери кормилицы имп. Екатерины II. Нарва, 19-го янв. 1794 г. II.—Письмо гр. Луизы Гогенлогенской, урожд. граф. Столбергъ-Россельской, изъ Шротсберга, при Ротенбургѣ. 25 мая 1794 г. Сообщ. Александръ Успенскій (стр. 64).—Отобранный высочайшій подарокъ въ 1820 г. Сообщ. Александръ Успенскій (110).—Самоволіе Н. А. Демидова. Высочайш. указъ. 9-го янв. 1762 г. (124).—Основаніе училища въ Одессѣ. 17 іюля 1815 г. (136).—Наставленіе воронежскаго епископа Митрофанія, въ схимонасѣхъ Макарія. Сообщ. Георгій Спиюхаевъ (218).—Назначеніе ген.-фельд. Миниха сибирскимъ ген.-губ. 9-го іюня 1762 г. (240).
XVI. Библіографич. листокъ. (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ генер.-лейтенанта Ѳедора Ѳедоровича Бартоломея.
2) При этой книгѣ для городскихъ подписчиковъ прилагается объявленіе о нормальномъ чаѣ фирмы „Цзинь-Лунъ".

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1904 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза",
Большая Подъяческая, № 39.
1904.

IV-я книга „Русской Старины" вышла 1-го апрѣля 1904 года.

Библіографическій листокъ.

Архивъ графовъ Мордвиновыхъ. Изданъ подъ редакціею В. А. Бильбасова. Т. IX и X. С.-Петербургъ, 1903 г.

Этими двумя томами заканчивается, можно сказать, монументальное изданіе, снабженное множествомъ примѣчаній и ссылокъ.

Въ IX томѣ помѣщены Записки для памяти и соображенія, веденныя Н. С. Мордвиновымъ въ теченіе своей жизни. Запискамъ этимъ Мордвиновъ придавалъ большое значеніе.

„Всѣ онѣ статьи,—говоритъ онъ,—содержатъ въ себѣ драгоцѣнныя сѣмена для будущаго благосостоянія Россіи, которыя управляющіе государствомъ должны бы имѣть у себя въ виду". Это объясняется самою сущностью замѣтокъ, касающихся разнообразныхъ вопросовъ государственной и общественной жизни, не только возникавшихъ въ пережитое Мордвиновымъ время четырехъ царствованій, но и вѣчно присущихъ пытливому уму. Многія изъ этихъ замѣтокъ, если не большинство, сохраняютъ и для нашего времени извѣстное значеніе или какъ государственное соображеніе, какъ статистическое указаніе, или какъ непреложная истина, какъ аксіома, составляющая достояніе всего человѣчества.

„Эти замѣтки имѣютъ, сверхъ того, особенную важность для характеристики Мордвинова, какъ русскаго человѣка и русскаго сановника. При составленіи своихъ всеподданнѣйшихъ докладовъ и мнѣній, представленныхъ въ Государственный Совѣтъ и Комитетъ Министровъ, Мордвиновъ естественно обращалъ вниманіе на то, кому и для чего онъ пишетъ, кто и при какихъ условіяхъ будетъ читать или слушать его писаніе; въ своихъ заявленіяхъ въ различныя общественныя учрежденія, въ своей служебной перепискѣ, даже въ письмахъ частнымъ лицамъ онъ сообразовался съ обстоятельствами, нерѣдко не имѣющими никакого отношенія къ сущности вопроса; только въ своихъ „Запискахъ для памяти" онъ былъ совершенно свободенъ, былъ вполнѣ самимъ собою, какъ по чуткости мысли, такъ и по искренности изложенія.

„Что же такое эти „Записки для памяти"? Заявивъ или выслушавъ во время преній въ Государственномъ Совѣтѣ, Комитетѣ Министровъ или Финансовомъ Комитетѣ какое-либо интересное замѣчаніе, Мордвиновъ тщательно отмѣчаетъ его на особомъ листкѣ; читая книгу иностраннаго ученаго или просматривая періодическое изданіе, свое или чужое, онъ выписываетъ строки, почему-либо обратившія на себя его вниманіе, и высказываетъ свое мнѣніе о примѣнимости прочитаннаго къ Россіи; слушая разсужденія по тому или другому вопросу, онъ записываетъ дома впечатлѣніе, вынесенное изъ засѣданія, при чемъ рисуетъ его членовъ, не стѣсняясь ни сановитостью лицъ, ни выборомъ выраженій; составляя свое „мнѣніе", онъ собираетъ статистическія данныя, географическія указанія, сообщенія частныхъ лицъ и заявленія оффиціальныхъ органовъ; онъ записываетъ слышанный разсказъ, видѣнную сцену, пришедшую на умъ мысль, какое-нибудь соображеніе, нерѣдко какую-либо фразу. Вотъ почему „Записки для памяти" рисуютъ внутренняго человѣка, безъ внѣшнихъ прикрасъ, безъ всякихъ условностей, рисуютъ Мордвинова такимъ, какимъ онъ былъ самъ по себѣ, что въ значительной степени дорисовываетъ его образъ, составленный по его писаніямъ, и дѣлаетъ его еще болѣе привлекательнымъ".

Въ большинствѣ мнѣній Мордвинова видно его стремленіе къ свободѣ и въ особенности къ свободѣ труда. Въ особенности сказывается это въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ.

Необходимость освобожденія крестьянъ Мордвиновъ доказывалъ тою пользою, которая послѣдуетъ отъ этого для всѣхъ сословій. „Крестьяне, то-есть земледѣльцы, составляютъ въ Россіи самое большое число народа. Число земледѣльцевъ далеко превышаетъ мѣру, должную быть въ отношеніи другихъ народа сословій для водворенія общаго взаимнаго благосостоянія. Гдѣ въ селахъ живутъ и занимаются посѣвомъ хлѣба 18 милл., а въ городѣ обитаютъ только 2 милл. людей, не можетъ таковое государство быть богатымъ, и каждое сословіе особенно не можетъ преизбыточествовать во всемъ для онаго потребномъ. Изъ сего слѣдуетъ, что благосостояніе дворянъ, купцовъ и мѣщанъ зависитъ отъ благосостоянія крестьянъ".

Будучи военнымъ, Мордвиновъ всегда высоко ставилъ значеніе военнаго сословія, но былъ противъ возложенія на офицеровъ гражданскихъ обязанностей. Онъ былъ противъ предпочтенія военной службы гражданской и противъ милитаризма, въ какой бы формѣ онъ ни проявлялся.

Убѣжденный, что „Россія по числу народонаселенія своего не можетъ содержать числа войскъ, въ спискахъ военныхъ министерствъ находящееся" и что „издержки потребныя на содержаніе войскъ не соотвѣтствуютъ доходамъ государственнымъ", Мордвиновъ находилъ необходимымъ „учредить земское ополченіе", „уменьшить число гвардейскихъ полковъ" „уничтожить всѣ излишества въ одеждѣ солдатъ—шнурки, мѣдныя бляхи, аршинные султаны, галуны, басманы, обезображивающіе военную одежду" и приглашалъ „вникнуть въ напрасные и безполезные для службы расходы".

Какъ членъ Государственнаго Совѣта, Мордвиновъ много лѣтъ занималъ постъ предсѣдателя департамента гражданскихъ дѣлъ и потому, близко знакомый съ тяжебными дѣлами, онъ оставилъ замѣчанія объ отношеніи судьи къ закону и собственной совѣсти. Онъ представилъ нѣсколько мнѣній противъ смертной

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ

ѲЕДОРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ

БАРТОЛОМЕЙ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1904.

АПРѢЛЬ.— МАЙ.— ІЮНЬ.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., № 39.
1904.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1904 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить **1-го числа** каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

---

*

ВЫШЕЛЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

за 1897—1902 г.г.

Цѣна съ пересылкою для подписчиковъ «Русской Старины» 1 рубль, а для всѣхъ остальныхъ 1 рубль 50 коп.

Послѣ отечественной войны.

(Изъ русской жизни въ началѣ XIX вѣка).

VI [1]).

Манифестъ 1-го января 1816 г. — Первыя административныя распоряженія послѣ войны: устройство военныхъ поселеній и освобожденіе эстляндскихъ крестьянъ.—Неудачная попытка петербургскаго дворянства обратить своихъ крестьянъ въ обязанныхъ поселянъ. — Записка П. Д. Киселева о необходимости крестьянской реформы въ Россіи.—Образованіе тайнаго общества подъ именемъ «Союза спасенія» или «Истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества». — Уставъ союза.—Съѣздъ въ Москвѣ. — Слухъ о присоединеніи Западныхъ губерній къ царству Польскому. — Вліяніе его на членовъ тайнаго союза.— Общество Военныхъ.

Возвратясь изъ Варшавы въ Петербургъ, императоръ Александръ привезъ съ собою еще бо̀льшее разочарованіе въ людяхъ и еще бо̀льшее охлажденіе къ дѣламъ. «Язвительная улыбка равнодушія явилась на устахъ его, скрытность заступила мѣсто откровенности и любовь къ уединенію сдѣлалась господствующею его чертою». Онъ обращалъ свою проницательность преимущественно на то, чтобы открывать въ людяхъ пороки и слабости, предугадывать пагубныя намѣренія ихъ и изыскивать средства отъ нихъ уклоняться. Государь видѣлъ во всемъ обманъ и неблагодарность и все болѣе сознавалъ, что расположеніе его къ добру употребляли во

[1]) См. „Русскую Старину“ мартъ 1904 г.

зло и не цѣнили. Поляки, для устройства судьбы которыхъ онъ выдержалъ упорную борьбу на Вѣнскомъ конгрессѣ и испыталъ много горькихъ минутъ, были недовольны тѣмъ, что онъ сдѣлалъ для нихъ. Франція, которой Александръ далъ конституцію согласную съ свободною волею французскаго народа, очень скоро забыла о ней, приняла сторону бѣжавшаго съ острова Эльбы, бывшаго своего императора и тѣмъ вызвала новую войну.

Въ 1814 году Александръ считалъ себя другомъ Франціи, а теперь не могъ говорить о ней иначе, какъ съ сильнымъ раздраженіемъ, и впослѣдствіи называлъ ее «грязною и проклятою» Франціею [1]).

Подъ такимъ впечатлѣніемъ императоръ, «для пользы и наставленія» своихъ подданныхъ, издалъ 1-го января 1816 года весьма обширный манифестъ, характерный по содержанію и изложенію, составляющій обвинительный актъ по адресу Наполеона и Франціи. Онъ настолько важенъ для будущей жизни Россіи, что необходимо привести его здѣсь вполнѣ.

«Событія на лицѣ земли,—сказано въ немъ [2]),—въ началѣ вѣка сего въ немногіе годы совершившіяся, суть толь важны и велики, что не могутъ никогда изъ бытописаній рода человѣческаго изгладиться. Сохраненіе ихъ въ памяти народовъ нужно и полезно для нынѣшнихъ и будущихъ временъ. Рука Господня, Ему едиными извѣстными, но явнымъ очамъ смертнаго путями, вела ихъ, сорасполагала, сцѣпляла, устрояла, да исправитъ людскія неустройства, да утишитъ колеблющіяся волны умовъ и сердецъ, и да изъ нѣдръ смѣси и боренія изведетъ порядокъ и покой. Богъ сильный низложилъ гордость; Премудрый—разогналъ тьму; Источникъ милосердія и благости—не допустилъ людямъ во мракѣ страстей своихъ погибнуть. Итакъ, пройдемъ кратко теченія всѣхъ сихъ происшествій. Возвѣстимъ ихъ народу нашему, не для тщеславія, но для пользы его и наставленія. Да прочтетъ дѣла и судъ Божій; да воспалится къ нему любовію и вмѣстѣ съ царемъ своимъ во глубинѣ сердца и души своей воскликнетъ: «Не намъ, не намъ, Господи, но Имени Твоему». Такъ, да сохранится память о семъ въ роды родовъ.

«Лютая, кровавая, разорительная, нынѣ промысломъ Всевышняго благополучно оконченная война, ни причинами своими, ни огромностью ополченій, ни превратностью обстоятельствъ не подобна ни какимъ извѣстнымъ доселѣ въ бытописаніяхъ войнамъ. Она есть особенное не бывалое на земномъ шарѣ приключеніе и какъ бы нѣкое во вну-

---

[1]) Воспоминанія Михайловскаго-Данилевскаго. «Русская Старина» 1897 г № 7, стр. 82.

[2]) Полное Собр. Закон. Т. XXXIII, № 26059.

тренностяхъ ада предуготовленное зло, на потрясеніе и пагубу всего свѣта возникшее и усилившееся до такой степени, до какой праведнымъ судьбамъ Всевышняго угодно было допустить оное. Начало и причины сей войны, безпрестанно тлѣвшей, многократно вновь возгаравшейся, потухавшей иногда, но для того токмо, дабы съ новою силою и лютостію воспылать, возвеличиться, удалиться и скоро потомъ изъ величайшей силы упасть, сокрушиться, опять возстать и опять низвергнуться,—являютъ нѣчто непостижимое и чудесное. Она съ самаго начала своего, какъ нѣкое багровое, огнями и тлетворными дыханіями чреватое облако, возстала не изъ случайнаго состязанія одного царства съ другимъ, возстала не съ тѣмъ, чтобы погаснуть; но чтобъ, по истребленіи въ сердцахъ человѣческихъ всѣхъ Богомъ насажденныхъ добродѣтелей, всѣми послѣдующими изъ того бѣдствіями насытиться и не прежде какъ въ пролитой крови всего рода смертныхъ утонуть. Она есть порожденное злочестіемъ нравственное чудовище, въ отпавшихъ отъ Бога сердцахъ людскихъ угнѣздившееся, млекомъ лжемудрости воспитанное, таинствомъ злоухищренія и лжи облегченное, долго подъ личиною ума и просвѣщенія изъ страны въ страну скитавшееся и медоточивыми устами въ неопытныя сердца и нравы сѣмена разврата и пагубы сѣявшее. Чудовище сіе въ юности своей злобное, но лукавое, въ возрастѣ же лютое и наглое, изливаетъ первую ярость свою на гнѣздо, въ которомъ родилось. Народъ, возлелѣявшій оное и зловреднымъ дыханіемъ его зараженный, поправъ вѣру, престолъ, законы и человѣчество, впадаетъ въ раздоръ, въ безначаліе, въ неистовство, грабитъ, казнитъ, терзаетъ самого себя и, кидаясь изъ бѣшенства въ бѣшенство, изъ злодѣянія въ злодѣяніе, осквернённый убійствомъ верховныхъ властей своихъ и всего, что̀ было въ немъ лучшаго и почтеннѣйшаго, избираетъ себѣ въ начальника, потомъ въ царя, простолюдина, чужеземца. Сей тако посреди пылкости страстей Богоотступнаго народа воцарившійся чужеземецъ сначала лицемѣрствуетъ, выдаетъ себя за возстановителя благонравія и порядка, за истребителя того изрыгнутаго злочестіемъ и безвѣріемъ чудовища, которое тѣми же когтями угрожало растерзать цѣлый свѣтъ, которыми растерзало утробу матери своей, Франціи; но вскорѣ потомъ, вмѣсто истребителя онаго является первѣйшимъ его воиномъ и поборникомъ. Сопрягшись съ нимъ душою и мыслями, надежный на успѣхъ распространеннаго имъ безнравія, проложившаго ему путь къ возвышенію, напыщенный любовію къ одному себѣ и презрительнымъ хладнокровіемъ ко всему роду человѣческому, мощный многолюдствомъ, слѣпотою и дерзостію своего народа, собираетъ онъ великое воинство и устремляется съ неимовѣрною яростію на разрушеніе сосѣдственныхъ и отдаленныхъ царствъ. Успѣхи сопровождаютъ всѣ его

шаги. Державы одна за другою передъ нимъ преклоняются. Рѣки пролитой крови доставляютъ ему господство. Онъ низвергаетъ съ престоловъ законныхъ государей, дѣлитъ, слагаетъ новыя области и поставляетъ надъ ними изъ семейства своего, подъ именемъ королей начальниковъ подъ собою. Начинаетъ войну, дабы расхищеніемъ имуществъ, обобраніемъ людей, занятіемъ крѣпостей и налогами странныхъ даней, не токмо разорить городъ или область, но и въ мирѣ съ нею быть ея полнымъ повелителемъ. Мирится, вступаетъ въ союзъ, дабы, наруша договоры, безконечными требованіями и насильственными средствами ослабить, истощить союзника и новою потомъ войною наложить на него узы совершеннаго порабощенія. Неслыханное дѣло: воюетъ съ однимъ царствомъ и въ то же время людьми того царства воюетъ съ другимъ! Даже часто вооружаетъ ихъ противъ собственнаго ихъ отечества и вѣрность ихъ къ оному называетъ измѣною! Сими неистовыми, безчеловѣчными способами, присовокупляя къ нимъ ужасъ казней, расточеніе награбленныхъ корыстей, языкъ лжи и обмана, гласъ надменности и повелительства, достигаетъ до того, что дѣлается толико же силенъ оружіемъ, колико страшенъ наглостію и свирѣпствомъ. При всякомъ, кровопролитіемъ или хитростію или угрозами одержанномъ успѣхѣ, гордость его выше и выше возрастаетъ. Онъ предпріемлетъ присвоить себѣ Богу токмо единому свойственное право: единовластнаго надъ всѣми владычества. Предпріятіе безумное, безразсудное, но не меньше того кровавое, пагубное, ужасное! Богопочитаніе и вѣроисповѣданіе угрожаемы были паденіемъ; поставленные отъ Бога цари долженствовали отрещись отъ власти управлять своими подданными; народы осуждались не имѣть ни отечества своего, ни законовъ, ни языка, ни свободы, ни собственности, ни торговли, ни нравовъ, ни обычаевъ, ни добродѣтелей; просвѣщеніе, науки, художества, искусства, промышленность,—словомъ, всѣ трудолюбивыя дѣянія человѣческія, низверглись въ первобытный мракъ и невѣжество, изъ коихъ черезъ толикіе вѣки труды и опыты главу свою подъяли. Всеобщее рабство долженствовало произвесть всеобщую бѣдность и взаимное другъ друга истребленіе. Въ сихъ богопротивныхъ помыслахъ, не щадящій никакихъ потоковъ крови, не признающій никакой законной власти, не уважающій никакихъ правъ народныхъ, возмечталъ онъ на бѣдствіяхъ всего свѣта основать славу свою, стать въ видѣ Божества на гробѣ вселенной.

«Съ сей высоты великихъ надеждъ и мечтаній своихъ обращаетъ онъ завистные взоры свои на Россію. Напыщенный побѣдами и покореніемъ многихъ земель, полагаетъ онъ ее удобопреодолимою, но еще для него страшною и могущею воспрепятствовать, или по крайней мѣрѣ

воспротивиться устремленнымъ на завладѣніе всего свѣта пагубнымъ его намѣреніямъ.

«Итакъ, дабы сломить и расторгнуть сію единственную преграду, напрягаетъ, совокупляетъ онъ всѣ свои силы, приневоливаетъ всѣ подвластные и зависящіе отъ него державы и народы соединиться съ нимъ и съ симъ ужаснымъ, изъ двадцати царствъ составленнымъ ополченіемъ, не переставая къ силѣ прилагать обманы и съ приготовленіемъ къ брани твердить о продолженіи мира, приближается къ предѣламъ Россійской имперіи и въ то же самое время, безъ всякаго объявленія войны, вторгается стремительно въ ея области. Тако на подобіе быстрой съ горъ водотечи, завоеватель сей, мощный силою, неукротимый злобою, течетъ, несется въ самую грудь ея. На пути покупая каждый шагъ кровію, движется, грабитъ, истребляетъ села, пожигаетъ грады, разоряетъ Смоленскъ и, достигнувъ до Москвы, предаетъ ее хищенію и пламени. Торжествуетъ, злодѣйствуетъ, ругается надъ человѣчествомъ, надъ святынею.

«Какая оставалась надежда ко спасенію? Когда великому злу сему, въ началѣ еще возникшему, вся Европа не могла воспротивиться, то возможно-ли было ожидать, чтобъ сему самому злу, толь высоко возросшему и силами всей Европы утученному, единая и то уже глубоко уязвленная Россія могла поставить оплотъ? Но что воспослѣдовало? О Провидѣніе! Мечъ, сѣкира, гладъ и моръ соединяются на пагубу пришедшихъ съ яростію и бѣгущихъ со страхомъ изъ Москвы враговъ. Не спасаетъ ихъ ни многочисліе, ни оборона, ни бѣгство. Месть Божія совершается надъ ними. Не помогаетъ имъ оставленіе всѣхъ орудій; всѣхъ колесницъ съ порохомъ, съ золотомъ, съ корыстями; кони ихъ падаютъ подъ ними; сколь велико было число войскъ ихъ при входѣ, столь велико число труповъ ихъ при выходѣ. Образъ истребленія и казни ихъ ужасаютъ природу: мертвыя снѣдаемыя вранами тѣла на окостенѣлыхъ лицахъ своихъ являли отчаяніе и рука смерти не могла изгладить застывшихъ на нихъ при послѣднемъ издыханіи мучительныхъ чувствъ святотатства и злодѣянія. Тако всѣ умирали! Единый повелитель ихъ, избѣгши отъ погибели и плѣна, съ немногими полководцами своими, уходитъ въ свою землю. Россійскіе воины, спасшіе отечество свое, идутъ спасти Европу. Народы, по неволѣ противъ нихъ ополченные, видя ихъ дружественно къ нимъ приближающихся, возникаютъ, возстаютъ духомъ мужества, соединяются съ ними и единъ по единому, разрывая узы порабощенія, оружіе свое съ радостію на истиннаго врага своего обращаютъ. Онъ, какъ разбитая вѣтрами, но еще угрюмая и мрачная туча, скопляется, усиливается, исходитъ на брань. Новыя рѣки крови текутъ, и никакія бѣдствія человѣческія не могутъ подвинуть свирѣпой души его къ миролюбію. Гордость обладать всѣмъ

свѣтомъ и алчность къ истребленію всего не погасаютъ въ сердцѣ его даже и тогда, когда послѣ многихъ кровопролитыхъ битвъ пораженъ, расторженъ и разсѣянъ и утекаетъ онъ въ свою беззащитную столицу. Тамъ еще ополчается, еще собираетъ воинство, еще отвергаетъ миръ, и новыми усиліями и бранями доводитъ себя и народъ свой до совершеннаго изнеможенія, доводитъ и низвергается съ похищеннаго имъ престола въ прежнее свое ничтожество.

«Такъ пріуготовляемая цѣлымъ вѣкомъ, возросшая 17-ти-лѣтними успѣхами и побѣдами, сооруженная на кострахъ костей человѣческихъ, на пожарахъ и разореніяхъ городовъ и царствъ, исполинская власть, дерзавшая поглотить весь свѣтъ, падаетъ безъ возстанія во едино лѣто, и россійскіе, какъ-бы крылатые воины, изъ-подъ стѣнъ Москвы, съ окомъ Провидѣнія въ груди и со крестомъ въ сердцѣ являются подъ стѣнами злочестиваго Парижа. Сія гордая столица, гнѣздо мятежа, разврата и пагубы народной, усмиренная страхомъ, отверзаетъ имъ врата, пріемлетъ ихъ, какъ избавителей своихъ, съ распростертыми руками и радостнымъ восторгомъ. Имя чужеземнаго хищника изглаживается, воздвигнутые въ честь ему памятники низвергаются долу, и законный король изъ древле владѣтельнаго дома Бурбоновъ, Людовикъ XVIII, въ залогъ мира и тишины по желанію народа возводится на прародительскій престолъ. Тамъ — о чудное зрѣлище! тамъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ изрыгнутое адомъ злочестіе свирѣпствовало и ругалось надъ вѣрою, надъ властію царей, надъ духовенствомъ, надъ добродѣтелью и человѣчествомъ; гдѣ оно воздвигало жертвенникъ и курило ѳиміамъ злодѣйству; гдѣ несчастный король Людовикъ XVI былъ жертвою буйства и безначалія; гдѣ, въ страхъ добронравію и въ ободреніе неистовству, повсюду лилась кровь невинности: тамъ, на той самой площади, посреди покрывавшихъ оную въ благоустройствѣ различныхъ державъ войскъ, и при стеченіи безчисленнаго множества россійскими священно-служителями, на россійскомъ языкѣ, по обрядамъ православной нашей вѣры приносится торжественное пѣснопѣніе Богу, и тѣ самые, которые оказали себя явными онъ него отступниками, вмѣстѣ съ благочестивыми сынами церкви, преклоняютъ предъ нимъ свои колѣна во изъявленіе благодарности за посрамленіе дѣлъ ихъ и низверженіе ихъ власти! Тако водворяется на землю миръ, кровавыя рѣки престаютъ течь, вражда всего царства превращается въ любовь и благодарность, злоба обезоруживается великодушіемъ, и пожаръ Москвы потухаетъ въ стѣнахъ Парижа.

«Кто человѣкъ, или кто люди, могли совершить сіе высшее силъ человѣческихъ дѣло? Не явенъ-ли здѣсь Промыслъ Божій? Ему единому слава! Забвеніе Бога, отпаденіе отъ вѣры воскормило сію войну, сіе лютое чудовище, утучнѣвшее кровососаніемъ жертвъ, отростившее чер-

ныя крылія свои, дабы, летая по свѣту, стрясать съ нихъ дождь бѣдствій и золъ на землю. Вѣчная правда Божія допустила возрасти оному, да накажется родъ человѣческій за преступленіе свое, да пострадаетъ и научится изъ сего ужаснаго примѣра, что въ единомъ страхѣ Господнемъ состоитъ благоденствіе и безопасность людей. Но положивый тако въ праведномъ гнѣвѣ своемъ, не до конца гнѣвающійся Господь, видя чудовище сіе готовымъ превзойти мѣру дерзновенія своего, обращаетъ на него взоръ прещенія: тогда власть его мгновенно проходитъ, сила разрушается, очарованіе исчезаетъ, и оно, повсюду гонимое, разтерзанное, притекаетъ погибнуть съ шумомъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ возникло, и отколѣ толь высоко вознесло ядовитую свою главу.

«Таковъ былъ конецъ лютой, долговременной брани народовъ. Умолкъ громъ оружія; престала литься кровь; потухли пожары градовъ и царствъ. Солнце мира и тишины взошло и благотворными лучами освѣтило вселенную. Глава и предводитель сей ужасной войны, Наполеонъ Бонапарте, отрекшись отъ похищеннаго имъ престола, предается въ руки своихъ противоборниковъ. Судъ человѣческій не могъ толикому преступнику изречь достойное осужденіе: не наказанный рукою смертнаго, да предстанетъ онъ на Страшномъ судѣ, всемірною кровію обліянный, предъ лице безсмертнаго Бога, гдѣ каждый по дѣламъ своимъ получитъ воздаяніе! По таковому мнѣнію союзныхъ державъ предложили онѣ безъ всякой мести дружелюбную руку французскому народу, дали въ удѣлъ Наполеону Бонапарте, для всегдашняго пребыванія его, островъ Эльбу и приступили къ утвержденію на прочномъ основаніи мира и къ приведенію въ порядокъ разстроенныхъ толиками войнами и насильствами европейскихъ дѣлъ и обстоятельствъ. Но между тѣмъ, какъ съ одной стороны благонамѣреніе пеклось о возстановленіи всеобщаго покоя и тишины, съ другой злонамѣреніе не преставало помышлять о разрушеніи оныхъ. Духъ злочестія и гордости не знаетъ раскаянія, не покидаетъ злыхъ своихъ умысловъ: лишенный власти, онъ таится въ сердцахъ развратныхъ людей; обезоруженный вооружается ухищреніями; низверженный силится возстать; пощада рождаетъ въ немъ новую злобу и месть. Бонапарте, по тайнымъ крамоламъ и сношеніямъ съ своими единомышленниками, уходитъ съ острова Эльбы, приплываетъ съ немногими своими приверженцами къ французскимъ берегамъ. При каждомъ шагѣ находитъ онъ новыхъ себѣ сообщниковъ. Посланныя противъ него, пріученныя имъ къ войнамъ и грабительствамъ, королевскія войска, поощряемыя толико же развращенными предводителями къ измѣнѣ законному королю своему, предаются снова беззаконному хищнику. Народъ отчасти буйственный и мятежный, отчасти устрашенный и приневоленный, пріемлетъ и снова провозглашаетъ императоромъ своимъ низверженнаго и

отрекшагося навсегда отъ обладанія Франціею чужеземца. Король удаляется, и столица Франціи отворяетъ врата свои бѣглецу съ Эльбы. Симъ образомъ вновь возникаетъ злочестіе, вновь возносится черная злодышащая туча, вновь возгорается толикою кровію и бѣдствіями потушенная война. Но Богъ и здѣсь являетъ чудотворную благость свою: зломысліе, мнившее возстановить прежнюю власть и величіе свое на разногласіи союзныхъ державъ, находитъ ихъ, противъ чаянія своего, единодушными. Всѣ силы ихъ неукоснительно обращаются на потушеніе сего внезапу вспыхнувшаго изъ пепла пламени. Новособранныя силы бѣглеца подъ собственнымъ его предводительствомъ поражаются кровопролитнымъ, но послѣднимъ ударомъ. Тако духъ брани и гордости вторично низлагается и умолкаетъ, послѣднія искры его погасаютъ, народное волненіе утихаетъ, король Людовикъ XVIII возвращается въ Парижъ, Наполеонъ Бонапарте отвозится въ заточеніе на окруженный пространствомъ океана островъ Святыя Елены, и миръ, всеобщій миръ, къ радости и благоденствію всѣхъ народовъ, процвѣтаетъ на моряхъ и на земли.

«Что изречемъ, россіяне, любезные наши вѣрноподданные? Какими преисполнимся чувствованіями послѣ толикихъ чудесныхъ событій? Падемъ предъ Всевышнимъ; повергнемъ предъ Нимъ сердца свои, дѣла и мысли! Мы претерпѣли болѣзненныя раны; грады и села наши, подобно другимъ странамъ, пострадали; но Богъ избралъ насъ совершить великое дѣло; Онъ праведный гнѣвъ Свой на насъ превратилъ въ неизреченную милость. Мы спасли отечество, освободили Европу, низвергли чудовище, истребили ядъ его, водворили на землю миръ и тишину, отдали законному королю отъятый у него престолъ, возвратили нравственному и естественному свѣту прежнее его блаженство и бытіе; но самая великость дѣлъ сихъ показываетъ, что не мы то сдѣлали. Богъ для совершенія сего нашими руками далъ слабости нашей Свою силу, простотѣ нашей Свою мудрость, слѣпотѣ нашей Свое всевидящее око. Что изберемъ: гордость или смиреніе? Гордость наша будетъ несправедлива, неблагодарна, преступна предъ Тѣмъ, Кто изліялъ на насъ толикія щедроты; она сравнитъ насъ съ тѣми, которыхъ мы низложили. Смиреніе наше исправитъ наши нравы, загладитъ вину нашу предъ Богомъ, принесетъ намъ честь, славу и покажетъ свѣту, что мы никому не страшны, но и никого не страшимся.

«Благочестіе, вѣра и вѣрность твоя, россійское христолюбивое воинство и народъ, ознаменовались милостію къ тебѣ Божескою. По краткомъ наказаніи за прегрѣшенія наши, Онъ, какъ праведный судія сердецъ, обращается къ намъ съ милосердіемъ и покрываетъ насъ невечернимъ свѣтомъ славы. Въ щедротѣ Его является купно и спасительное для насъ поученіе. Да пребываетъ всегда въ памяти и предъ

очами нашими претерпѣнное нами наказаніе и приводящая природу въ содроганіе, ужасная казнь, постигшая враговъ нашихъ. Она громче трубы вопіетъ намъ: се плоды безбожія и безвѣрія! Сія страшная мысль, проницая во глубину душъ нашихъ, да преходитъ потомъ въ утѣшительное и радостное воспоминаніе о неизреченномъ къ намъ милосердіи Божіемъ, и слава, которою Онъ увѣнчалъ главы наши, да проливаетъ свѣтлѣйшій солнца свѣтъ свой въ чистыя сердца наши, воспаляя въ нихъ благодарность къ Богу и любовь къ добродѣтели.

«Мы, послѣ толикихъ происшествій и подвиговъ, обращая взоръ свой на всѣ состоянія вѣрноподданнаго намъ народа, недоумѣваемъ въ изъявленіи ему нашей благодарности. Мы видѣли твердость его въ вѣрѣ, видѣли вѣрность къ престолу, усердіе къ отечеству, неутомимость въ трудахъ, терпѣніе въ бѣдахъ, мужество въ браняхъ. Наконецъ, видимъ совершившуюся на немъ Божескую благодать. Видимъ, и съ нами видитъ вся вселенная. Кто, кромѣ Бога, кто изъ владыкъ земныхъ и что можетъ ему воздать? Награда ему дѣла его, которымъ свидѣтели небо и земля. Намъ же, преисполненнымъ любовію и радостію о толикомъ народѣ, остается токмо во всегдашнихъ къ Богу моленіяхъ нашихъ призывать на него вся благая; да славится, да процвѣтаетъ, да благоденствуетъ онъ подъ всесильнымъ его покровомъ въ роды родовъ!»

Манифестъ этотъ произвелъ дурное впечатлѣніе въ Европѣ и особенно во Франціи, а въ русскихъ людяхъ вызвалъ недоумѣніе къ цѣли его обнародованія.

Лагарпъ писалъ Александру, что бываютъ минуты, когда онъ не сомнѣвается болѣе въ томъ, что существуетъ заговоръ противъ славы, пріобрѣтенной государемъ въ 1814 году [1]). Русскіе же люди видѣли въ манифестѣ крутой поворотъ въ мысляхъ и политическихъ воззрѣніяхъ государя, видѣли въ нихъ обратное движеніе, видѣли, что обычная безмятежность характера государя «уступила мѣсто гнѣвнымъ порывамъ». Онъ сталъ болѣе взыскателенъ въ отношеніи къ военной дисциплинѣ, запретилъ офицерамъ носить гражданское платье и приказалъ строжайше наблюдать установленную форму одежды. Отбросивъ прежнюю нерѣшительность, Александръ сталъ болѣе настойчивъ и не допускалъ никого брать надъ собою верхъ [2]). «Онъ употреблялъ теперь своихъ генераловъ не какъ совѣтниковъ, но какъ исполнителей своей воли и желалъ, чтобы все исходило исключительно только отъ него самого».

Вопреки мнѣнію многихъ, императоръ настаивалъ теперь на ско-

---

[1]) Императоръ Александръ. Н. Шильдера. Т. IV, стр. 2.

[2]) Онъ, какъ мы видѣли, не согласился даже и съ Аракчеевымъ по вопросу о посылкѣ денегъ въ царство Польское.

рѣшемъ устройствѣ военныхъ поселеній. Еще 5-го августа 1815 года послѣдовалъ указъ, на имя новгородскаго губернатора Муравьева, расположить второй баталіонъ гренадерскаго графа Аракчеева полка на р. Волховѣ въ Высоцкой волости, Новгородскаго уѣзда. Осенью 1816 г. графъ Аракчеевъ доносилъ уже государю, что лично видѣлъ «добрыя начала принятыхъ мѣръ». Жители селеній, назначенныхъ для водворенія войскъ, зачислялись въ военные поселяне подъ именемъ коренныхъ жителей, подчинялись военному начальству, подвергались всѣмъ правиламъ военной муштровки и въ то же время обязаны были обрабатывать свои поля. Дѣти ихъ зачислялись въ кантонисты и служили для пополненія поселенныхъ войскъ. Народъ принялъ эту мѣру со страхомъ и трепетомъ, просилъ избавить его отъ зачисленія въ военные поселяне, и когда просьба не была уважена, то пытался оказать сопротивленіе, но, испытавъ за то жестокое наказаніе, онѣмѣлъ.

Осенью 1817 года, когда императорская фамилія отправилась въ Москву, крестьяне остановили императрицу Марію Ѳеодоровну и просили ея защиты. Сверхъ того нѣсколько сотъ человѣкъ, вышедшихъ изъ лѣса, остановили великаго князя Николая Павловича и просили его о томъ же. Они говорили, что у нихъ все отобрано и сами они изгнаны изъ домовъ. Они готовы были отдать все свое имущество, все, что нажили трудомъ, лишь бы только оставили ихъ въ покоѣ.

— Прибавь намъ подать,—говорили они,—требуй изъ каждаго дома по сыну на службу, отбери у насъ все и выведи насъ въ степь: мы охотнѣе согласимся; у насъ есть руки, мы и тамъ примемся работать и тамъ будемъ жить счастливо, но не тронь нашей одежды, обычаевъ отцовъ нашихъ, не дѣлай всѣхъ насъ солдатами.

Желанія и просьбы не были исполнены: имъ дали форменную одежду и росписали по ротамъ, устроили въ гумнахъ манежи и стали учить строю. Крестьянинъ, котораго желали облагодѣтельствовать, принужденъ былъ обработывать поле, ходить на продолжительныя строевыя ученья и кормить на свой счетъ отъ 8 до 12 солдатъ. Промышленность и торговля въ этихъ селеніяхъ почти прекратились. «Вмѣсто того, чтобы ѣхать въ городъ или столицу для продажи своихъ продуктовъ, что̀ приноситъ большую пользу тамошнимъ жителямъ, хозяина семьи наряжаютъ вѣстовымъ къ капитану, у котораго въ запачканной кухнѣ онъ толкается цѣлыя сутки, будучи въ тягость какъ самъ себѣ, такъ и командирскимъ денщикамъ».

Такое положеніе дѣлъ въ военныхъ поселеніяхъ вызывало всеобщее негодованіе и въ особенности среди тѣхъ лицъ, которыя помышляли объ освобожденіи крестьянъ и предоставленіи имъ правъ и самостоятельности.

Члены только-что образовавшагося тайнаго общества обсуждали

этотъ вопросъ неоднократно. Они собирали постоянно свѣдѣнія, какъ и что дѣлалось въ военныхъ поселеніяхъ, прислушивались къ разговорамъ въ гостиныхъ и составили собственное мнѣніе, во многомъ оправдавшееся впослѣдствіи.

— Пріучивъ поселянъ,—говорили они,—съ малолѣтства къ отправленію военной службы, представится возможность держать войско съ меньшими отягощеніями народа, уничтоживъ частые рекрутскіе наборы; но, съ другой стороны, оно образуетъ въ государствѣ особую касту, которая, не имѣя съ народомъ ничего общаго, можетъ сдѣлаться орудіемъ угнетенія. Эта каста, составляя особую силу, которой ничто въ государствѣ противостоять не можетъ, сама будетъ въ повиновеніи безусловномъ у нѣсколькихъ лицъ, а можетъ случиться, что и у одного; и если это будетъ искусный честолюбецъ, то онъ легко можетъ, пріобрѣтя любовь подчиненныхъ, обольстить ихъ и сдѣлать изъ нихъ орудіе своего честолюбія. Сверхъ того ненавистный начальникъ можетъ быть причиною возстанія ввѣренной ему части, и тогда какая возможность къ усмиренію озлобленныхъ, имѣющихъ средство къ отпору силы силою. Кто можетъ поручиться, что небольшое даже неудовольствіе не породитъ бунта, который, вспыхнувъ въ одномъ полку, быстро распространится въ цѣломъ округѣ поселенія, и можно-ли предвидѣть, чѣмъ кончится такое возстаніе многихъ полковъ вмѣстѣ [1]).

Всѣмъ было извѣстно, что многія лица, стоявшія во главѣ администраціи, въ томъ числѣ и графъ Аракчеевъ, были противъ устройства военныхъ поселеній; что послѣдній предлагалъ сократить срокъ службы нижнимъ чинамъ, назначивъ его, вмѣсто 25-ти лѣтняго, восьмилѣтній, и тѣмъ усилить контингентъ арміи; но императоръ Александръ твердо и рѣшительно отстаивалъ свою идею. Онъ одновременно одною рукою закрѣпощалъ поселянъ, подвергалъ ихъ суровой дисциплинѣ, а другою, въ маѣ 1816 года, освободилъ эстляндскихъ крестьянъ.

«Дворянство Эстляндской губерніи, сказано было въ указѣ Сенату [2]), соотвѣтствуя нашимъ отеческимъ попеченіямъ объ утвержденіи и обезпеченіи навсегда всѣхъ состояній любезныхъ и вѣрныхъ подданныхъ нашихъ, еще съ 1811 года изъявило намъ желаніе отречься отъ крѣпостнаго и наслѣдственнаго права на своихъ крестьянъ... предоставляя себѣ токмо право собственности на одну землю».

Утвердивъ составленный на этихъ условіяхъ проектъ Положенія объ эстляндскихъ крестьянахъ, императоръ Александръ писалъ эстляндскому

[1]) Изъ записокъ князя С. П. Трубецкаго. Это послѣднее разсужденіе дало впослѣдствіи членамъ тайнаго общества возможность разсчитывать на содѣйствіе военныхъ поселеній.

[2]) Отъ 23-го мая 1816 года.

дворянству, что онъ къ особенному его удовольствію признаетъ въ составленномъ Положеніи «безкорыстныя и великодушныя намѣренія, приличествующія наипаче дворянскому сословію», и находитъ весьма пріятнымъ удостовѣрить эстляндское дворянство въ совершенной признательности и непремѣнномъ благоволеніи» [1]).

Эстляндскій крестьянинъ былъ освобожденъ только лично, безъ земли, которая перешла въ собственность дворянства.

«Чудное распредѣленіе,—писалъ украинскій помѣщикъ(Каразинъ)[2]),—дворянству оставить земли, дворянству, которое не можетъ ихъ обработывать, и которое воспитывается къ иному назначенію!! Отнять ихъ у народа, которому онѣ принадлежатъ, поелику въ потѣ лица изъ вѣка оныя воздѣлывалъ! По моему понятію тутъ кроется вопіющая неправда подъ личиною милосердія. Бѣдный народъ пускаютъ на волю, какъ птицу. Какой-нибудь нѣмецкій юристъ устами эстляндскаго дворянина говоритъ ему: «иди во всѣ страны свѣта», но иди нагъ, безъ подпоры и безъ промысла о тебѣ. Иди, я предоставляю тебѣ слѣпцовъ, тебѣ же подобныхъ, въ вожаки по новымъ для тебя путямъ. Иди, проси нищенски позволенія у дворянства воздѣлывать уголокъ земли, которая тебя щедро питала прежде. Но нѣтъ; ты рѣдко и такимъ образомъ для себя можешь ее получить. Ты будешь только наемникомъ у той части собственной твоей братіи, которая найдетъ способы и будетъ имѣть всѣ выгоды обращать тебя въ рабочій себѣ скотъ. Иди, несчастный. Твоего помѣщика, котораго прадѣдъ еще благодѣтельствовалъ твоему прадѣду, а отецъ посѣщалъ отца въ болѣзняхъ, который твоихъ братьевъ и сестеръ въ сиротствѣ воспиталъ у себя и научилъ полезнымъ художествамъ, сего твоего бывшаго помѣщика я нашелъ искусство превратить въ торгаша землею твоею. Ты былъ членомъ его семейства—я разорвалъ природныя узы, васъ связывавшія. Я поставилъ между тобою и имъ непримиримую корысть на стражѣ: ожесточилъ, отчуждилъ отъ тебя его сердце. Пусть настанетъ теперь зима; и ты чтобы обогрѣть себя, возьмешь вязанку дровъ изъ лѣсовъ его,—ты уголовный преступникъ. Пусть семья твоя въ нуждѣ, въ горести, или въ болѣзни потолчется у дверей его; онѣ будутъ заключены (заперты). Нѣтъ у васъ теперь ничего—иди. Я далъ тебѣ вольность, каковую имѣютъ звѣри въ дубравахъ, или каковою пользуются дикіе твои собратья въ лѣсахъ Ка-

---

[1]) Грамата эстляндскому дворянству 8-го іюня 1816 г.

[2]) Мнѣніе украинскаго помѣщика объ указѣ 23-го мая 1816 г. и объ эстляндскихъ постановленіяхъ. Сборникъ матеріаловъ изъ архива Собст. его величества канцеляріи, выпускъ VII, стр. 147. См. также соч. В. И. Семевскаго „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“. Изд. 1888 г., т. I, стр. 379. Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, 1860 г. кн. II.

надскихъ и Бразильскихъ, но съ тою разностію, что тамъ они, имѣя вольность, имѣютъ и собственность—все окружающее ихъ, по необъятному пространству пустынь, имъ безпрекословно принадлежитъ; здѣсь же, въ Европѣ, и въ студеномъ отечествѣ твоемъ все для тебя чуждо. Земля, по которой, ты пойдешь принадлежитъ другимъ, и та, въ которую положатъ прахъ твой, есть чужая».

Такимъ образомъ освобожденный крестьянинъ оказался еще болѣе закабаленнымъ: онъ не могъ тронуться съ мѣста, принужденъ былъ заключать самые стѣснительные контракты съ владѣльцемъ, но на первыхъ порахъ одно слово освобожденіе производило большое впечатлѣніе. Многіе сторонники крестьянской реформы надѣялись, что Александръ приступитъ къ такой же реформѣ и въ Россіи, тѣмъ болѣе что императоръ при пріемѣ эстляндскаго дворянства сказалъ:

— Радуюсь, что дворянство оправдало мои ожиданія. Вашъ примѣръ достоинъ подражанія. Вы дѣйствовали въ духѣ времени и поняли, что либеральныя начала одни могутъ служить основою счастія народовъ.

На эти слова прежде другихъ откликнулось петербургское дворянство, согласившееся обратить своихъ крестьянъ въ обязанныхъ поселянъ, на основаніи давно уже существовавшихъ постановленій. Составленный о томъ актъ былъ подписанъ 65 помѣщиками [1]), уполномочившими И. В. Васильчикова (впослѣдствіи князя), героя Отечественной войны, пользовавшагося расположеніемъ къ нему государя, поднести актъ на высочайшее утвержденіе. Предувѣдомленный о намѣреніяхъ дворянства, императоръ Александръ встрѣтилъ Васильчикова вопросомъ: Кому, по его мнѣнію, принадлежитъ законодательная власть въ Россіи?

— Безъ сомнѣнія,—отвѣчалъ Васильчиковъ,—вашему императорскому величеству, какъ самодержцу имперіи.

— Такъ предоставьте же мнѣ,—сказалъ государь,—возвыся голосъ, издавать тѣ законы, которые я считаю наиболѣе полезными для моихъ подданныхъ—и приказалъ уничтожить актъ.

Такой отвѣтъ, поставленный рядомъ со словами государя эстляндскому дворянству, огорчилъ многихъ. Въ немъ видѣли предпочтеніе, оказываемое Александромъ иноземцамъ противу русскихъ, требованіе отъ дворянства полнаго повиновенія своей воли и желаніе, чтобы источникъ свѣта исходилъ только лично отъ него. Сознаніе же въ необходимости крестьянской реформы въ Россіи было такъ велико, что нашлись лица, которыя, не смотря на отказъ петербургскому дворянству,

[1]) Исторія царствованія императора Александра I, М. Богдановича, т. I, стр. 129.

считали необходимымъ высказать мнѣніе свое государю. Подъ живымъ впечатлѣніемъ происшедшаго П. Д. Киселевъ, тогда флигель-адъютантъ, а впослѣдствіи графъ, написалъ записку «О постепенномъ уничтоженіи рабства въ Россіи» [1]). Записка эта была представлена имъ лично императору Александру 27-го августа 1816 года.

«Гражданская свобода,—писалъ П. Д. Киселевъ, есть основаніе народнаго благосостоянія. Истина сія столь мало подвержена сомнѣнію, что излишнимъ считаю объяснять здѣсь, сколько желательно бы было распространеніе въ государствѣ нашемъ законной независимости на крѣпостныхъ земледѣльцевъ, неправильно лишенныхъ оной. Сіе тѣмъ болѣе почитаю нужнымъ, что успѣхи просвѣщенія и политическое сближеніе наше съ Европою, усиливая часъ отъ часу болѣе броженіе умовъ, указываютъ правительству необходимость предупредить тѣ могущія послѣдовать требованія, которымъ отказать будетъ уже трудно или невозможно; кровью обагренная революція французская въ томъ свидѣтельствуетъ.

«Болѣе двухъ вѣковъ крѣпостная зависимость существуетъ въ Россіи; дворянство привыкло права свои почитать наслѣдственнымъ и законнымъ достояніемъ. Уничтожить оныя внезапно и своевольно было бы несправедливо и не осторожно.

«Первый порывъ вольности влечетъ къ буйству; потеря правъ—къ негодованію, и такимъ образомъ благодѣтельное преднамѣреніе превратиться можетъ во зло, коего слѣдствія неисчислимы.

«Дабы предупредить подобное опасеніе, надлежитъ признать за необходимое постепенное распространеніе гражданскихъ правъ на крѣпостныхъ земледѣльцевъ и въ обратной соразмѣрности—таковое же ограниченіе власти, помѣщиками незаконно присвоенной»...

Запискѣ этой не было дано никакого хода, но послѣдующія событія наводили на мысль, что императоръ Александръ все-таки желалъ освобожденія крестьянъ. Въ Эстляндіи они были освобождены, въ Курляндіи и Лифляндіи освобожденіе подготовлялось. Псковская губернія была присоединена къ остзейскому генералъ-губернаторству, и это объяснили тѣмъ, что освобожденіе крестьянъ въ Россіи начнется именно съ этой губерніи. Лаская себя надеждою, что предположенія эти могутъ осуществиться, но что государь неминуемо встрѣтитъ сопротивленіе со стороны помѣщиковъ, члены тайнаго общества рѣшились придти къ нему на помощь.

«Требовалось,—говоритъ князь Трубецкой [2]),—неусыпное дѣйствіе членовъ, для поддержанія его (государя) и направленія общаго убѣж-

---

[1]) „Графъ П. Д. Киселевъ и его время“ Заблоцкаго-Десятовскаго, т. IV, стр. 197.

[2]) Отрывокъ изъ записокъ князя Трубецкаго.

денія въ необходимости этой мѣры. Должно было представить помѣщикамъ, что рано или поздно крестьяне будутъ освобождены, что гораздо полезнѣе помѣщикамъ самимъ ихъ освободить, потому что тогда они могутъ заключить съ ними выгодныя для себя условія; что если помѣщики будутъ упорствовать и не согласятся добровольно на освобожденіе, то крестьяне могутъ вырвать у нихъ свободу, и тогда отечество можетъ стать на краю бездны. Съ возстаніемъ крестьянъ неминуемо соединены будутъ ужасы, которыхъ никакое воображеніе представить себѣ не можетъ, и государство сдѣлается жертвою раздоровъ, а можетъ быть добычею честолюбца; наконецъ, можетъ распасться на части и изъ одного сильнаго государства обратиться въ разныя слабыя. Вся слава и сила Россіи можетъ погибнуть, если не на всегда, то на многіе вѣка».

Такъ разсуждали члены тайнаго общества, такую программу составили они для дѣйствія противъ сопротивленія помѣщиковъ. Всѣ они были люди молодые, не имѣвшіе еще собственныхъ помѣстьевъ, и потому не могли фактически освободить собственныхъ крестьянъ. Имъ оставался одинъ только способъ дѣйствій—убѣжденіе словомъ; но для этого членамъ общества необходимо было сплотиться въ одно цѣлое, дать форму обществу и опредѣлить порядокъ дѣйствія, которымъ намѣрены были поддерживать и подкрѣплять предначертанія государя» [1]).

Съ этою цѣлью Пестелю, князю Долгорукову и князю Трубецкому поручено было написать уставъ общества, получившаго за тѣмъ названіе «Союза спасенія или Истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества». Лица эти составили коммиссію, секретаремъ которой считался князь Шаховской [2]). Князь Трубецкой занимался составленіемъ правилъ для принятія членовъ и порядкомъ дѣйствій ихъ въ обществѣ; князь Долгорукій—изложеніемъ цѣли общества и средствъ для достиженія ея, а Пестель—формою принятія членовъ и внутреннимъ образованіемъ. Въ то время масонство было въ полномъ ходу, и многіе изъ членовъ были масонами. Такъ, Пестель въ началѣ 1812 года поступилъ въ ложу «Соединенныхъ Друзей» и въ 1816 году перешелъ въ ложу «Трехъ Добродѣтелей», начальникомъ которой былъ князь П. П. Лопухинъ, а вторымъ по немъ членомъ Александръ Муравьевъ, и гдѣ употреблялся русскій языкъ, тогда какъ въ ложѣ «Соединенныхъ Друзей» былъ въ употребленіи—французскій. Въ той же ложѣ «Трехъ Добродѣтелей» были Матвѣй Ивановичъ и Сергѣй Ивановичъ Му-

---

[1]) Отрывокъ изъ записокъ кн. С. Трубецкаго.

[2]) Показаніе П. Пестеля 13-го января 1826 г. Госуд. Арх. I, Южное общество, д. № 1.

равьевы-Апостолы и Никита Михайловичъ Муравьевъ [1]). Всѣ они, за исключеніемъ Александра Муравьева, не были убѣжденными масонами, а привлечены въ ложу друзьями и знакомыми [2]). Александръ же Муравьевъ по складу своего ума и характера былъ убѣжденнымъ масономъ, видѣлъ въ масонствѣ совершенство ума человѣческаго и предлагалъ всѣмъ вступить въ ложу [3]). Онъ доказывалъ, что общество только и можетъ существовать при посредствѣ ложи, а потому и при составленіи устава необходимо руководствоваться масонскими правилами. Пестель сначала также предполагалъ примѣнить ихъ для торжественности, но противъ этого возстали князь С. Трубецкой, Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, Шиповъ и другіе. Они признавали, что масонскіе обряды стѣснительны, будутъ затруднять дѣйствія сбщества и введутъ какую-то таинственность, которая не соотвѣтствовала характеру бо́льшей части членовъ. «Они хотѣли дѣйствія явнаго и открытаго, хотя и положили не разглашать намѣреніе, съ которымъ соединились, чтобы не вооружать противъ себя людей неблагонамѣренныхъ». Подъ давленіемъ большинства членовъ Александръ Муравьевъ также отказался отъ своей мысли отчасти и потому, «что все время засѣданій ложи занято масонскими работами и всякій масонъ имѣетъ право пріѣхать въ ложу» [4]). Этимъ нарушалась бы тайна, единство дѣйствій, и являлась бы возможность присутствія нежелательныхъ лицъ.

При первомъ общемъ засѣданіи, для прочтенія проекта устава, Пестель говорилъ въ своемъ вступленіи, что Франція блаженствовала подъ управленіемъ Комитета общественной безопасности. Всѣ слушатели возстали противъ такого предисловія, указывавшаго на установленіе какой-

---

[1]) Матеріалы для исторіи масонства А. Н. Пыпина. „Вѣстн. Европы“ 1872 г., № 2, стр. 600. Князь С. Трубецкой въ своемъ показаніи заявлялъ, что онъ никогда не былъ масономъ (Госуд. Арх. I д. № 1).

[2]) „Въ концѣ 1816 г.,—показывалъ Пестель,—или въ первыхъ числахъ 1817 г. оставилъ я совсѣмъ масонство и съ тѣхъ поръ никогда уже съ онымъ никакого сношенія не имѣлъ. Засѣданія происходили въ С.-Петербургѣ, въ особомъ домѣ, обществомъ масонскимъ нанимавшемся. Въ запретительномъ повелѣніи верховной власти о существованіи масонства не читалъ я приказанія истребить знаки и патенты масонскіе. Впрочемъ, остались сіи вещи у меня безъ истребленія по забвенію о нихъ. Онѣ валялись въ числѣ прочихъ вещей; я на нихъ смотрѣлъ какъ на игрушки прежнихъ лѣтъ и никакой въ нихъ не видѣлъ ни цѣли, ни важности...“ (Показаніе 22-го декабря. Госуд. Арх. Южное общество, д. № 1).

[3]) Впослѣдствіи онъ показывалъ, что дѣлалъ это съ тою цѣлью, чтобы „подъ покровомъ сей масонской ложи обезопасить членовъ общества“. (Показаніе Александра Муравьева 3-го февраля 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 19).

[4]) Отрывокъ изъ записокъ князя С. Трубецкаго (рукоп.). Показаніе Матвѣя Муравьева-Апостола 13-го апрѣля 1826 г. Госуд. Арх. Южное общество, д. № 4.

то новой цѣли общества, до сихъ поръ неизвѣстной большинству. Въ поступкѣ Пестеля увидѣли самовластіе, желаніе навязать обществу иную дѣятельность и руководить имъ.

Павелъ Ивановичъ Пестель отличался необыкновеннымъ умомъ, «яснымъ взглядомъ на предметы самые отвлеченные и рѣдкимъ даромъ слова, увлекательно дѣйствующимъ на того, кому онъ довѣрялъ свои задушевныя мысли. Трудно было устоять противъ такой обаятельной личности. Но при всемъ достоинствѣ его ума и убѣдительности слова, каждый изъ насъ,—говоритъ князь Е. П. Оболенскій [1]),—чувствовалъ, что, единожды принявъ предложеніе Павла Ивановича, каждый долженъ отказаться отъ собственнаго убѣжденія и, подчинившись ему, идти по пути, указанному имъ».

По словамъ князя И. Долгорукаго, первенствующимъ чувствомъ Пестеля было желаніе поработить каждаго своей волѣ. «Умъ и отличныя его способности увлекали многихъ, и я часто предостерегалъ ослѣпленныхъ отъ такого къ нему безпредѣльнаго удивленія» [2]).

За предисловіе Пестеля стоялъ Никита Муравьевъ, и въ происшедшихъ спорахъ было замѣчено многими, что оба они домогались нѣкоторой поверхности надъ прочими членами.

— Они цѣнили себя,—говорилъ Ѳ. Н. Глинка,—выше прочихъ и не совсѣмъ осторожно.

О Пестелѣ составилось тогда же невыгодное впечатлѣніе, «которое никогда не могло истребиться и поселило къ нему недовѣрчивость» [3]). Послѣдующія его дѣйствія убѣдили членовъ, что онъ стремится къ преобладанію и деспотизму въ обществѣ. Это послужило впослѣдствіи къ устройству надъ нимъ надзора самими членами, а въ данномъ случаѣ было поводомъ къ выходу изъ общества многихъ лицъ [4]), имѣвшихъ болѣе твердый характеръ и не желавшихъ подчиняться своеволію одного лица.

Въ каждомъ тайномъ обществѣ есть всегда съ одной стороны непомѣрное высокомѣріе, деспотизмъ или злой умыселъ, не знающій предѣловъ потому, что онъ тайный и для другихъ членовъ не видимый, а съ другой—легкомысліе, малодушіе и слабость характера, легко подчиняющагося болѣе сильному.

«Учрежденіе тайнаго общества,—говоритъ князь П. А. Вяземскій,—и участіе въ немъ, съ цѣлью болѣе или менѣе политическою, съ цѣлью замѣнить существующій государственный порядокъ новымъ порядкомъ

---

[1]) Воспоминанія кн. Е. П. Оболенскаго. Лейпцигъ, изд. 1861 г., стр. 8 и 9.
[2]) Показаніе кн. И. Долгорукаго. Госуд. Арх. I, д. № 230.
[3]) Отрывокъ изъ записокъ князя С. П. Трубецкаго.
[4]) Показаніе Ѳ. Н. Глинки 15-го февраля 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 82.

есть преступленіе: оно заключаетъ въ себѣ виновность не только противъ правительства, но можно сказать еще болѣе противъ гражданскаго общества, противъ народной гражданской семьи, къ которой принадлежишь. Горсть людей изъ этой семьи, какія бы ни были побужденія и цѣли ихъ, никогда не въ правѣ, по собственному почину своему распоряжаться судьбами отечества и судьбами тысячи милліоновъ ближнихъ своихъ. Возставая противъ злоупотребленій настоящаго и противъ произвола лицъ, власть имѣющихъ, эти господа сами покушаются на величайшій произволъ: они присвояютъ себѣ власть, которая ни въ какомъ случаѣ законно имъ не принадлежитъ. Они въ кружкѣ своемъ, мимо всего общества согражданъ своихъ, тайно, притворно, двулично, замышляютъ дѣло, котораго не могутъ они предвидѣть ни значеніе, ни исходъ» [1]).

Большая часть политическихъ обществъ не достигали своей цѣли но губили много людей, заслуживавшихъ полнаго вниманія и сочувствія по ихъ нравственнымъ качествамъ и любви къ родинѣ. Это сознали и сами декабристы, но тогда, когда было уже поздно и возврата не было.

«Не должно полагать,—показывалъ князь С. П. Трубецкой [2]),—чтобы люди, вступающіе въ какое-либо тайное общество, были всѣ злы, порочны или худой нравственности и имѣли бы преступныя и дурныя намѣренія. Напротивъ, общество, составленное изъ таковыхъ людей, не могло бы долго существовать. Но во всякомъ подобномъ обществѣ, хотя бы оно первоначально было составлено изъ самыхъ честнѣйшихъ людей, непремѣнно найдутся, наконецъ, выше упомянутые люди, которые, конечно, сначала примутъ на себя пристойную личину, безъ которой они поступить бы въ оное не могли. Тогда они стараются непремѣнно склонить общество къ своей цѣли и почти всегда успѣть могутъ, когда не пощадятъ для того трудовъ и времени, если при томъ одарены достаточными къ тому умомъ и способностями. Вотъ истинное зло и вредъ существованія всякихъ тайныхъ обществъ.

«Предлогъ составленія тайныхъ политическихъ обществъ есть любовь къ отечеству. Сіе чувство, которымъ всякій человѣкъ обязанъ къ своей родинѣ, хорошо понятное, заставляетъ дѣйствовать къ пользѣ государства;—худо понятое можетъ сдѣлать величайшій вредъ, и бѣдственныя послѣдствія онаго не могутъ быть довольно исчислены. Сіе худо понятое чувство любви къ отечеству составляетъ тайныя политическія общества. Люди съ пылкимъ воображеніемъ, съ горячимъ сердцемъ, съ пламенною душою, при чистыхъ и великодушныхъ чувство-

---

[1]) Сочин. князя П. А. Вяземскаго, т. VII, стр. 416 и 417.

[2]) Госуд. Арх. I д. № 1.

ваніяхъ, легко могутъ быть увлечены ревностью и усердіемъ къ пользѣ общей, не предвидя гибельныхъ послѣдствій, къ коимъ худо избранный путь можетъ привести ихъ. Тѣ изъ нихъ, которые узнаютъ, наконецъ, свою ошибку, по несчастію узнаютъ ее уже слишкомъ поздно, чтобы исправить ее. Иные остаются въ обществѣ для того только, чтобы не потерять уваженія, которымъ они прежде отъ сочленовъ своихъ пользовались; другіе, опасаясь, что отдаленіе ихъ будетъ сочтено робостію, ибо всякая принадлежность къ тайному обществу влечетъ за собой болѣе или менѣе опасности; еще другіе потому, что страшатся, чтобы не сочли ихъ охладѣвшими въ тѣхъ благородныхъ чувствованіяхъ, которыя они всегда оказывать старались. Нѣкоторые остаются въ обществѣ, хотя и предвидятъ, что оно можетъ обратиться ко вреду, но, мечтая, что, пребываніемъ своимъ въ обществѣ, они могутъ препятствовать сему вреду, или по крайней мѣрѣ отдалить его и удержать общество въ такихъ предѣлахъ, въ коихъ оно не можетъ, по ихъ мнѣнію, быть вредно. Сія и многія подобныя причины препятствуютъ удаленію членовъ отъ тайнаго общества, въ кое они сначала были завлечены по непредвидѣнности своей. Причиною же, что таковыя общества не бываютъ открываемы членами правительству,—одна: укоризна прослыть измѣнникомъ передъ тѣми, коимъ былъ прежде товарищемъ, и страхъ сдѣлаться, черезъ предательство, орудіемъ ихъ гибели».

Не одинъ князь Трубецкой, но и другіе, съ теченіемъ времени, съ пріобрѣтеніемъ опыта и съ переходомъ въ болѣе зрѣлый возрастъ, сознали преступность въ образованіи тайнаго общества. Основатель его, Александръ Муравьевъ, называлъ день учрежденія общества «днемъ черным и постыднымъ», а такъ называемыя либеральныя идеи—«вольно-дерзко-безумствомъ»[1]). Въ маѣ 1819 года онъ отрекся отъ общества, поводомъ къ образованію котораго, по его словамъ, послужила ложно понимаемая любовь къ отечеству, служившая покровомъ безпокойнаго честолюбія.

Но тогда члены общества не сознавали, что никакая истинно полезная цѣль не могла быть ими достигнута[2]), что участіе въ тайномъ обществѣ беззаконно и противно нравственности[3]); что рано или поздно, даже и безъ измѣны нѣкоторыхъ членовъ, должна была произойти ихъ собственная гибель и вредъ для государства[4]).

Имъ не приходила въ голову мысль, что одинъ или два члена мо-

---

[1]) Показанія Александра Муравьева 3-го февраля и 21-го апрѣля 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 22.

[2]) Показаніе его же.

[3]) Показаніе Никиты Муравьева 5-го января 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 4.

[4]) Показаніе князя С. П. Трубецкаго.

гутъ помимо ихъ воли и желанія и безъ ихъ вѣдома измѣнить цѣль общества и дать ему иное направленіе. Тогда большинство оспаривало только предисловіе или вступленіе Пестеля къ уставу общества потому именно, что не желало вводить ничего преступнаго. Отъ большинства первоначальныхъ членовъ были скрыты истинныя намѣренія учредителей, и они шли только на помощь государю, на дѣла благотворительности и на содѣйствіе къ уничтоженію злоупотребленій,—цѣли благородныя, возвышенныя и нравственныя.

Чтобы не лишиться сочленовъ, Пестель долженъ былъ уступить, и уставъ общества былъ написанъ въ общихъ выраженіяхъ, но съ допущеніемъ насилія, яда и кинжала противу измѣнниковъ обществу. «Это было мною написано,—показывалъ Пестель,—въ подражаніе уставамъ нѣкоторыхъ масонскихъ ложъ» [1]).

Общество дѣлилось на три степени: Братій, Мужей и Боляръ. Послѣдними были названы учредители общества, но возводили и принимали въ это званіе и нѣкоторыхъ вновь поступавшихъ членовъ. Такъ Пестель присоединилъ къ обществу князя Лопухина прямо съ званіемъ Болярина. Изъ послѣднихъ должны были избираться ежемѣсячно старѣйшины: предсѣдатель, надзиратель и блюститель или секретарь. Цѣль ежемѣсячнаго избранія была та, «чтобы никто не могъ пріобрѣсти власти, верха и управленія надъ другими и надъ обществомъ, и чтобы не могъ наклонять и направлять членовъ къ собственной своей цѣли» [2]). Это постановленіе не нравилось и не соотвѣтствовало видамъ главарей, и потому правило это съ самаго начала не было исполняемо, и въ должности никто избранъ не былъ [3]).

Боляре обязаны были, когда число ихъ по какимъ-либо причинамъ уменьшится, стараться о пополненіи ихъ числа достойнѣйшими новыми членами, дабы, отъ убыли ихъ, общество не могло разрушиться. Если бы случилось, что въ обществѣ остался одинъ боляринъ, то и тогда онъ долженъ стараться о возстановленіи вновь общества. Имена боляръ были тайною для остальныхъ членовъ. Послѣдніе, при поступленіи въ общество, давали присягу сохранять въ тайнѣ все, что имъ откроютъ, хотя бы то было и не согласно съ ихъ мнѣніемъ. Члены обязывались стремиться къ достиженію цѣли общества, исполнять честно свои обязанности и покоряться рѣшеніямъ Верховнаго собора боляръ,—

---

[1]) Показаніе Пестеля. Госуд. Арх. I. Южное общество, д. № 1.

[2]) Показаніе Александра Муравьева 3-го февраля 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 19.

[3]) Пестель въ собственноручномъ показаніи 13-го января 1826 г. говоритъ, что предсѣдателемъ былъ избранъ князь С. П. Трубецкой, надзирателями: князь Лопухинъ и Александръ Муравьевъ, а секретаремъ Никита Муравьевъ. Всѣ они отрицаютъ это показаніе.

такъ было названо главное правленіе общества. Обрядъ принятія былъ установленъ торжественный, масонскій, но никогда не соблюдался. По вступленіи въ общество, каждый давалъ клятву, различную для каждой степени и даже для старѣйшинъ [1]). Первоначальное предположеніе, чтобы предлагающій кого-либо въ члены, прежде объявленія ему о существованіи тайнаго общества, представлялъ собору письменное доказательство о связяхъ, знакомствѣ и образѣ мыслей предлагаемаго въ видѣ отвѣтовъ на заданные ему вопросы, было отмѣнено, какъ затруднительное для исполненія.

Въ случаѣ размноженія членовъ предполагалось образовать округи, изъ коихъ каждый управлялся бы особою Думою, подъ предсѣдательствомъ болярина, уполномоченнаго отъ Верховнаго собора; подъ вѣдомствомъ Думъ предполагалось устроить Управы изъ братій и мужей [2]). Члены общества должны были собираться не въ опредѣленное заранѣе время, а въ назначаемые каждый разъ дни.

Уставъ этотъ не сохранился, но, по словамъ И. Д. Якушкина [3]),—онъ имѣлъ цѣлью приготовить постепенно государство къ принятію представительнаго правленія. «Послѣдняя цѣль предполагалась быть извѣстной однимъ только членамъ высшей степени, равно какъ и намѣреніе, въ случаѣ смерти царствующаго въ то время императора, не прежде принести присягу наслѣднику, какъ по удостовѣреніи, что въ Россіи единовластіе будетъ ограничено представительствомъ».

Вскорѣ послѣ составленія устава общества многіе члены, которыхъ и безъ того было мало, разъѣхались. Князь Трубецкой былъ тяжко боленъ съ іюня 1816 года до января 1817 г.; Пестель уѣхалъ въ Митаву къ мѣсту своей службы, И. Д. Якушкинъ перешелъ въ 37-й егерскій полкъ и уѣхалъ въ г. Сосницы, князь Шаховской перешелъ въ 38-й егерскій полкъ. Передъ отъѣздомъ Пестель получилъ полномочіе Собора завести Думу въ Митавѣ, но ничего не сдѣлалъ въ этомъ отношеніи [4]).

Александръ Муравьевъ и оставшіеся въ Петербургѣ члены находили, что ихъ слишкомъ мало, чтобы начать какія-либо дѣйствія. На одномъ изъ совѣщаній, бывшихъ въ казармахъ л.-гв. Семеновскаго полка, было положено,—говорилъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ [5]),—«что такъ какъ мы

---

[1]) Показаніе Никиты Муравьева 5-го января 1826 г. Госуд. Архивъ. I, д. № 4. Въ чемъ именно заключалась даваемая клятва, сказать трудно, такъ какъ уставъ общества былъ уничтоженъ членами и не приводился въ исполненіе.

[2]) Показаніе С. П. Трубецкаго. Госуд. Арх. I, Сѣверное общество, д. № 1.

[3]) Показаніе И. Д. Якушкина 13-го февраля 1826 г. Гос. Арх. I, д. № 20

[4]) Дополнительное показаніе кн. Трубецкаго. Государ. Архивъ I. Сѣверное общество, д. № 1.

[5]) Въ своемъ показаніи. Тамъ же, Южное общество, д. № 2.

не имѣемъ никакихъ средствъ къ введенію представительнаго порядка въ Россіи, то и должны ограничиваться дѣйствіемъ на умы и пріобрѣтеніемъ членовъ, впредь, пока общество усилится».

Въ то время пріѣхалъ въ Петербургъ Михаилъ Орловъ, который, какъ мы видѣли, имѣлъ желаніе составить свое общество. Въ разговорѣ съ Александромъ Муравьевымъ они открылись другъ другу, и каждый сталъ уговаривать вступить въ свое общество. Переговоры кончились тѣмъ, что они обѣщали, не соединяясь, идти къ одной цѣли и оказывать взаимныя пособія. Обществу «Союзъ спасенія» сталъ извѣстенъ одинъ только Орловъ, а его обществу, только предполагаемому подъ именемъ «Русскихъ рыцарей»—одинъ Александръ Муравьевъ. Послѣдній очень желалъ привлечь къ обществу своего брата Михаила [1]), И. Г. Бурцова и П. И. Колошина, но они не иначе соглашались поступить въ общество, какъ съ условіемъ, чтобы уставъ, проповѣдующій насиліе, основанный на клятвахъ и слѣпомъ повиновеніи, былъ отмѣненъ и чтобы общество ограничилось медленнымъ дѣйствіемъ на мнѣніе и образъ мыслей соотечественниковъ [2]). Точно такого же мнѣнія былъ и И. Д. Якушкинъ, особенно возставшій противъ слѣпаго повиновенія, котораго уставъ требовалъ отъ двухъ низшихъ степеней къ волѣ бояръ, а отъ самихъ бояръ Якушкинъ требовалъ подчиненія рѣшенію большинства голосовъ.

Неудача въ пріобрѣтеніи новыхъ членовъ, расколъ, возникшій между существующими, и малая дѣятельность ихъ привели «Союзъ спасенія» къ разрушенію, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ его существованія. «Всѣ формы онаго,—говорилъ Никита Муравьевъ,—были уничтожены, и возникли безконечныя пренія, какое дать устройство обществу».

Вскорѣ Михаилъ Муравьевъ и Петръ Колошинъ были переведены въ Москву; большая часть членовъ пошла туда же, въ составѣ отряда войскъ гвардейскаго корпуса. Въ Московскую губернію былъ переведенъ и 37-й егерскій полкъ, въ которомъ служилъ И. Д. Якушкинъ. Онъ сблизился съ командиромъ полка Михаиломъ Александровичемъ фонъ-Визинымъ и сообщилъ ему какъ о существованіи тайнаго общества, такъ и о цѣляхъ его.

---

[1]) Впослѣдствіи графъ и виленскій генералъ-губернаторъ.

[2]) Показаніе Никиты Муравьева 5-го января 1826 г. Гос. Арх. I, д. № 4. „Братъ мой родной, Михаилъ Николаевичъ,—показывалъ Александръ Муравьевъ,—всегда удалялся или съ омерзеніемъ прекращалъ всякіе преступные разговоры. Онъ всегда держался прямой писанной (въ уставѣ) цѣли общества, которая была—распространеніе просвѣщенія и добродѣтели, и когда мнѣ случалось увлеченну быть страстью, то онъ всегда приводилъ меня къ порядку". (Показаніе Александра Муравьева 17-го января 1826 г. Гос. Арх. I, д. № 19).

«Въ 1816 году,—говорилъ фонъ-Визинъ [1]),—переведенъ я былъ въ Москву. Въ 1817 г. пришла туда же часть гвардіи. Я увидѣлся съ пріятелями Александромъ Муравьевымъ, двумя братьями Муравьевыми-Апостолъ. Сіи господа познакомили меня съ Никитой Муравьевымъ и княземъ Шаховскимъ. Всѣхъ сихъ господъ нашелъ я съ подобными моимъ мнѣніями. Они сообщили мнѣ объ учреждающемся тайномъ обществѣ, котораго крайнею цѣлью должно быть достиженіе нашихъ тогдашнихъ любимыхъ идей: конституціи, представительства народнаго, свободы книгопечатанія,—однимъ словомъ, всего того, что составляетъ сущность правленія въ Англіи и другихъ земляхъ. Я не задумался и далъ слово вступить въ общество. Сіе происходило въ квартирѣ Александра Муравьева».

Поселившись въ Москвѣ, фонъ-Визинъ разрѣшилъ и И. Д. Якушкину перебраться туда же, и они оба жили въ одной квартирѣ съ Александромъ и Никитою Муравьевыми [2]). Тамъ и открыто было первое засѣданіе, вызвавшее споры, какую дать форму обществу и какую цѣль опредѣлить его дѣятельности. Всѣ говорили о необходимости распространять просвѣщеніе и сдѣлать себя полезными отечеству [3]). Еще въ Петербургѣ князь Лопухинъ доставилъ обществу книжку нѣмецкаго журнала «Freywillige Blätter», въ которой былъ напечатанъ уставъ Tugend-Bund (Тугендбундъ), а князь И. Долгорукій, бывшій въ то время за границей, прислалъ второй экземпляръ его въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ былъ представленъ въ 1808 году королю прусскому на утвержденіе. Петръ Колошинъ перевелъ его на русскій языкъ, и онъ очень понравился какъ ему, такъ и Михаилу Муравьеву, фонъ-Визину и И. Д. Якушкину, которые настаивали, чтобы онъ былъ примѣненъ къ тогдашнему положенію Россіи и народному характеру. Другіе члены не соглашались, требовали составленія новаго устава, или, по крайней мѣрѣ, передѣлки Тугендбунда, и тогда Михаилъ Муравьевъ и Петръ Колошинъ отказались быть членами общества [4]). Тѣмъ не менѣе въ основу будущаго устава были положены правила Тугендбунда, которымъ приписывали успѣхъ въ возстаніи Пруссіи противъ Франціи. Этотъ успѣхъ, по мнѣнію многихъ, произошелъ отъ того, что во главѣ общества стояли такія лица, какъ извѣстный политическій дѣятель и министръ Штейнъ, генералъ Гнейзенау и многіе другіе [5]).

Большинство совѣщавшихся тогда въ Москвѣ членовъ вѣрили, что императоръ Александръ дѣйствительно, готовъ дать, по примѣру Польши,

---

[1]) Въ показаніи 21-го февраля 1826 г. Гос. Арх. I, д. № 21.
[2]) Показаніе И. Д. Якушкина 16-го февраля 1826 г. Тамъ же, дѣло № 20.
[3]) Показаніе кн. Ѳ. Шаховскаго. Госуд. Арх. I, д. № 22.
[4]) Показаніе Никиты Муравьева 5-го января 1826 г. Тамъ же, д. № 4
[5]) Показаніе князя С. Трубецкаго. Тамъ же, д. № 1

представительный образъ правленія и только не приступаетъ къ преобразованіямъ потому, что не имѣетъ въ виду людей, могущихъ помочь ему въ этомъ дѣлѣ. И вотъ, соединившіеся въ общество, молодые люди, готовые придти на помощь государю, не сомнѣвались въ томъ, что онъ возьметъ ихъ подъ свое покровительство, подобно королю прусскому, и при ихъ содѣйствіи обновитъ Россію. На это разсчитывала не одна молодежь, но и люди, умудренные опытомъ жизни.

«Ожидаю,—писалъ графъ С. Р. Воронцовъ графу Растопчину [1]),—какія будутъ послѣдствія пребыванія двора въ Москвѣ. Увидимъ, въ чемъ будутъ заключаться великія идеи, привезенныя туда для обнародованія? Не слѣдуетъ-ли предполагать, что, поддержавъ французскую конституцію и водворивъ таковую же въ Польшѣ, намъ будетъ даровано нѣчто несравненно лучшее, потому что имѣлось много времени, чтобы взвѣсить и испытать на практикѣ все то, что было примѣнено къ Франціи и Польшѣ».

Неожиданныя обстоятельства смутили однако же членовъ тайнаго общества. Въ октябрѣ 1817 года, прежде прибытія императора въ Москву, было получено Александромъ Муравьевымъ письмо князя С. П. Трубецкаго, въ которомъ онъ писалъ, что слышалъ отъ флигель-адъютанта кн. Лопухина, будто императоръ Александръ, давъ конституцію Польшѣ и сформировавъ отдѣльный Литовскій корпусъ, намѣренъ возвратить Польшѣ Западныя губерніи. Зная однако же, что такое предпріятіе не можетъ исполниться безъ сопротивленія со стороны русскихъ его подданныхъ, государь, по словамъ письма князя Трубецкаго, будто бы намѣренъ удалиться, со всею царствующею фамиліею, въ Варшаву и издать тамъ манифестъ о вольности крѣпостныхъ крестьянъ. Тогда,—писалъ князь Трубецкой,—народъ возстанетъ противъ дворянъ, и среди всеобщаго смятенія русско-польскія губерніи будутъ присоединены къ царству Польскому [2]).

Князь Трубецкой показывалъ [3]), что онъ писалъ, кажется, не къ Александру Муравьеву, а къ Сергѣю Муравьеву-Апостолу, потому что «по уставу общества полагалъ себя обязаннымъ увѣдомить о томъ членовъ и въ надеждѣ, что заблаговременное распространеніе таковаго слуха удержитъ государя императора отъ приведенія въ дѣйствіе сего намѣренія».

«Я могу только утвердительно сказать,—говорилъ князь Трубецкой

---

[1]) Въ письмѣ отъ 8-го октября нов. ст. 1817 г. „Русскій Арх.“ 1872 г., т. II, 2206.

[2]) Показаніе Никиты Муравьева 5-го января 1826 г. Гос. Арх. I, д. № 4.

[3]) Отвѣтъ князя Трубецкаго на вопросные пункты 10-го января 1826 г. Тамъ же, д. № 1.

на другой день [1]),—что я не съ инымъ намѣреніемъ писалъ означенное письмо, какъ единственно съ тѣмъ, что желалъ, чтобы почитаемое мною тогда истиннымъ намѣреніе государя императора отдѣлить россійскія провинціи къ царству Польскому сдѣлалось извѣстнымъ, ибо, сколько замѣчено было, то блаженной памяти государь императоръ обыкновенно не приводилъ въ дѣйствіе того, о чемъ много говорили и о чемъ предполагали, что будетъ сдѣлано его величествомъ».

Не смотря на всю несообразность и даже нелѣпость письма князя Трубецкаго, извѣстіе, имъ сообщенное, въ первое время произвело громадное впечатлѣніе. Въ квартирѣ Александра Муравьева собрались: Никита Муравьевъ, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы-Апостолъ, И. Д. Якушкинъ, М. А. фонъ-Визинъ, князь Ѳ. Шаховской и М. И. Лунинъ. Письмо князя Трубецкаго казалось имъ «при раздраженномъ воображеніи» правдоподобнымъ по той любезности и вниманію, которыя императоръ Александръ оказывалъ полякамъ [2]). Въ этомъ они видѣли желаніе государя имѣть въ полякахъ вѣрную опору при сопротивленіи Россіи къ тѣмъ «угнетеніямъ», которыя угрожали ей при учрежденіи и развитіи военныхъ поселеній. Патріотическое чувство вызвало горячія и шумныя пренія: всѣ говорили, не слушая другихъ, ходили по комнатѣ, усиленно курили. Наконецъ, рѣшили немедленно что-нибудь предпринять, чтобы не допустить присоединенія Западныхъ губерній къ Польшѣ.

Князь Ѳ. Шаховскій, вскорѣ послѣ того совсѣмъ оставившій общество, былъ теперь въ самомъ возбужденномъ состояніи и готовности на всякое преступленіе. Ему и прочимъ собравшимся членамъ общества казалось, что Россія находилась въ самомъ гибельномъ положеніи, и не можетъ быть для нея несчастнѣе, какъ оставаться подъ такимъ управленіемъ, и потому покушеніе на жизнь императора необходимо. Онъ предлагалъ выждать, когда баталіонъ Семеновскаго полка будетъ въ караулѣ, и тогда исполнить свое намѣреніе [3]).

Выжиданіе казалось пылкому по характеру И. Д. Якушкину слишкомъ долгимъ, и онъ объявилъ собравшимся, что готовъ пожертвовать собою, дабы спасти Россію отъ гибели, и рѣшается покуситься на жизнь императора.

«Какимъ образомъ хотѣлъ я совершить убійство,—говорилъ И. Д.

---

[1]) Въ отвѣтѣ на вопросные пункты 11-го января 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 1.

[2]) По словамъ кн. Трубецкаго, Александръ былъ влюбленъ въ Польшу и смотрѣлъ на нее какъ на часть Европы.

[3]) Показаніе Сергѣя Муравьева-Апостола 19-го апрѣля 1826 г. Госуд. Арх. I, Южное общество, д. № 22.

Якушкинъ, я не знаю и сколько могу припомнить, никогда не зналъ, ибо не имѣлъ довольно времени, чтобы сіе обдумать» [1]).

Михаилъ Ивановичъ Лунинъ предлагалъ, не ожидая прибытія императора Александра въ Москву, нѣсколькимъ человѣкамъ въ маскахъ ѣхать на Царскосельскую дорогу и привести въ исполненіе предложеніе Якушкина. Лунинъ, по выраженію товарищей, былъ «рыцарь безъ страха», человѣкъ рѣшительный и безусловно вѣрный данному слову. Въ молодости своей онъ былъ большимъ дуэлистомъ и за дуэль былъ уволенъ изъ Кавалергардскаго полка. Отецъ разсердился за это на него и пересталъ выдавать ему содержаніе. Лунинъ уѣхалъ въ Парижъ и тамъ жилъ нѣкоторое время, давая уроки на фортепіано. Возвратясь въ Россію, онъ написалъ письмо великому князю Константину Павловичу съ просьбою принять его вновь на службу. Великій князь не любилъ Лунина за его поведеніе, но довѣріе, съ какимъ онъ обратился, понравилось ему, и онъ принялъ его въ одинъ изъ уланскихъ полковъ Литовскаго корпуса, а потомъ перевелъ въ гвардейскій полкъ въ Варшаву, и Лунинъ сталъ его любимцемъ. Когда послѣ 14-го декабря 1825 года пришло въ Варшаву приказаніе арестовать Лунина, то великій князь долго не вѣрилъ, что онъ могъ участвовать въ заговорѣ. Призвавъ его къ себѣ, цесаревичъ сказалъ ему, что даетъ мѣсяцъ сроку, которымъ онъ можетъ воспользоваться для устройства своей судьбы, но Лунинъ отказался и просилъ только позволенія съѣздить на силезскую границу на охоту.

— Но ты поѣдешь и не вернешься,—сказалъ великій князь.

— Честное слово, ваше высочество, вернусь.

— Скажи Курутѣ, чтобы написалъ билетъ.

Курута билета не выдалъ и отправился къ цесаревичу.

— Помилуйте, ваше высочество,—говорилъ онъ,—мы ждемъ съ часу на часъ, что изъ Петербурга пришлютъ за Лунинымъ—какъ можно его отпустить!

— Послушай, Курута,—отвѣчалъ, шутя, Константинъ Павловичъ;—я не лягу спать съ Лунинымъ и не совѣтую тебѣ ложиться съ нимъ—онъ зарѣжетъ; но когда Лунинъ дастъ честное слово, онъ его сдержитъ.

Дѣйствительно, Лунинъ возвратился въ Варшаву тогда, когда вторые сутки ждалъ его фельдъегерь, присланный изъ Петербурга. Арестованный, онъ передъ отъѣздомъ говорилъ, что непремѣнно пошлетъ двѣ тысячи рублей въ Римъ, чтобы папа молился о здравіи цесаревича

---

[1]) Показаніе 13-го апрѣля 1826 г. Тамъ же, д. № 20.

за то, что онъ послѣ арестованія приказалъ кормить гончихъ и борзыхъ его собакъ [1]).

— C'est une générosité de sa part,—сказалъ онъ.

Когда въ слѣдственной коммиссіи спросили Лунина, говорилъ-ли онъ о покушеніи на жизнь императора, то онъ отвѣчалъ, что быть можетъ и говорилъ, но не припомнитъ точно, что имъ было сказано [2]).

Между тѣмъ присутствовавшіе на совѣщаніи съ удивленіемъ выслушали предложеніе Якушкина и, зная, что онъ нѣсколько лѣтъ страдалъ и мучился отъ безнадежной любви, доводившей его до припадковъ сумасшествія [3]), тяготился жизнью, искалъ смерти и даже пытался наложить на себя руки, но былъ спасаемъ товарищами [4]), стали удерживать его отъ такого безразсуднаго поступка.

— Это сумасшествіе,—говорилъ фонъ-Визинъ и выражалъ увѣренность, что рѣшимость Якушкина пройдетъ съ лихорадкою, «которую я тогда чувствовалъ»,—прибавлялъ послѣдній [5]).

Якушкинъ настаивалъ на своемъ.

— Я вижу,—говорилъ онъ,—что судьба избрала меня жертвою—я убью царя и послѣ застрѣлюсь; убійца не долженъ жить.

Тогда присутствующіе, чтобы ослабить его намѣреніе, предложили раздѣлить съ нимъ опасность предпріятія и предоставить жребію назначить того, кто долженъ привести въ исполненіе преступную мысль. Якушкинъ отвергъ это предложеніе, не желая никого изъ присутствующихъ подвергать опасности при исполненіи его личнаго предложенія [6]).

---

[1]) Записка декабриста Цебрикова (рукоп.). Замѣчанія С. П. Трубецкаго на записки Штейнгеля (рукоп.).

[2]) Показаніе Лунина 16-го апрѣля 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 23. По показанію Матвѣя Муравьева-Апостола, Пестель хотѣлъ, зная рѣшительный характеръ Лунина, набрать изъ молодыхъ отчаянныхъ людей такъ называемую cohorte perdue (обреченный на гибель отрядъ) и поручить начальство оною Лунину, чтобъ всѣхъ губить кого нужно (pour faire main basse sur tout). Но это относилось къ послѣдующему времени, и Пестель отвергъ это показаніе и не сознался. Кн. Барятинскій также отвергъ это показаніе.

[3]) Показаніе Лунина 8-го апрѣля 1826 г. Государст.Архивъ, I, д. № 23. Показаніе фонъ-Визина 2-го февраля 1826 г. Тамъ же, д. № 21.

[4]) „Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого,—говорилъ Никита Муравьевъ,—Якушкинъ преодолѣлъ страсть свою, женился на другой особѣ, оставилъ общество совершенно и ведетъ теперь жизнь самую уединенную въ деревнѣ, занимаясь своимъ семействомъ и хозяйствомъ". Показаніе Никиты Муравьева 5-го января 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 4.

[5]) Показаніе И. Якушкина 16-го февраля 1826 г. Тамъ же, д. № 20.

[6]) Въ своихъ запискахъ, написанныхъ въ позднѣйшее время, И. Д. Якушкинъ разсказываетъ это нѣсколько иначе. „Александръ Муравьевъ,—говоритъ онъ,—перечиталъ вслухъ еще разъ письмо Трубецкаго, потомъ начались толки и сокрушенія о бѣдственномъ положеніи, въ которомъ находится Рос-

На слѣдующій день собравшіеся на совѣщаніе у фонъ-Визина получили письмо Сергѣя Муравьева-Апостола, не могшаго присутствовать на совѣщаніи по болѣзни. Онъ поручилъ брату Матвѣю прочитать его членамъ и «усовѣщивалъ ихъ не прибѣгать къ подобной мѣрѣ, доказывая скудость средствъ ихъ и совершенную невозможность начинанія какого-либо дѣйствія» [1]). Тогда фонъ-Визинъ и другіе стали доказывать, что письмо князя Трубецкаго нелѣпо, рѣшили вызвать его въ Москву и дождаться его объясненій. Князь Трубецкой не привезъ съ собою никакихъ доказательствъ въ достовѣрности сообщенныхъ имъ свѣдѣній о намѣреніяхъ императора Александра и принужденъ былъ даже сознаться въ нѣкоторомъ извращеніи фактовъ. Онъ уже не говорилъ о присоединеніи Западныхъ губерній къ царству Польскому, а сообщилъ сдѣлавшійся извѣстнымъ разговоръ наединѣ государя съ княземъ Лопухинымъ. Трубецкой говорилъ, что передъ самымъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга императоръ будто бы объявилъ князю Лопухину, что онъ непремѣнно желаетъ освободить крестьянъ отъ зависимости помѣщиковъ. На представленіе князя о трудности исполне-

---

сія... Меня проникла дрожь; я ходилъ по комнатѣ и спросилъ у присутствующихъ, точно-ли они вѣрятъ всему сказанному въ письмѣ Трубецкаго, и тому, что Россія не можетъ быть болѣе несчастна, какъ оставаясь подъ управленіемъ царствующаго императора; всѣ стали меня увѣрять, что то и другое несомнѣнно. Въ такомъ случаѣ, сказалъ я, тайному обществу тутъ нечего дѣлать, и теперь каждый изъ насъ долженъ дѣйствовать по собственной совѣсти и по собственному убѣжденію. На минуту всѣ замолчали. Наконецъ Александръ Муравьевъ сказалъ, что для отвращенія бѣдствій, угрожающихъ Россіи, необходимо прекратить царствованіе императора Александра, и что предлагаетъ бросить между нами жребій, чтобы узнать, кому достанется нанесть ударъ. На это я ему отвѣчалъ, что они опоздали, что я рѣшился безъ всякаго жребія принести себя въ жертву и никому не уступлю моей чести. Затѣмъ наступило опять молчаніе. Фонъ-Визинъ подошелъ ко мнѣ и просилъ меня успокоиться, увѣряя, что я въ лихорадочномъ состояніи и не долженъ въ такомъ расположеніи духа брать на себя обѣтъ, который завтра же покажется мнѣ безразсуднымъ. Съ своей стороны я увѣрялъ фонъ-Визина, что я совершенно спокоенъ, въ доказательство чего предложилъ ему сыграть въ шахматы и обыгралъ его. Совѣщаніе прекратилось, и я съ фонъ-Визинымъ уѣхалъ домой. Почти цѣлую ночь онъ не далъ мнѣ спать, безпрестанно уговаривая меня отложить безразсудное мое предпріятіе и со слезами на глазахъ говорилъ мнѣ, что онъ не можетъ себѣ представить безъ ужаса ту минуту, когда меня выведутъ на эшафотъ. Я увѣрялъ, что не доставлю такого ужаснаго для него зрѣлища. Я рѣшился по прибытіи императора Александра отправиться съ двумя пистолетами къ Успенскому собору и когда царь пойдетъ во дворецъ,—изъ одного пистолета выстрѣлить въ него, а изъ другаго въ себя. Въ такомъ поступкѣ я видѣлъ не убійство, а только поединокъ на смерть обоихъ. (Записки, стр. 17 и 18).

[1]) Показаніе Сергѣя Муравьева-Апостола. Тамъ же, Южное общество, д. № 2.

нія, при сопротивленіи, которое будетъ оказано дворянствомъ, государь будто-бы сказалъ:

— Если дворяне будутъ противиться, то я уѣду со всей своей фамиліей въ Варшаву и оттуда пришлю указъ.

Хотя подобная мѣра могла вызвать ужасное безначаліе и безпорядки, могущіе повлечь за собою гибель Россіи, но въ глазахъ совѣщавшихся членовъ положеніе дѣлъ видоизмѣнялось. Они не допускали, что дѣло дойдетъ до того, чтобы Александръ принужденъ былъ исполнить свое намѣреніе, видѣли въ этомъ только угрозу и вмѣстѣ съ тѣмъ были довольны тѣмъ, что государь намѣренъ вступить на тотъ путь дѣйствій, который составлялъ любимую ихъ мечту и вызывалъ ихъ дѣятельность.

Необходимо было выждать, какое направленіе примутъ событія, и предложеніе И. Д. Якушкина являлось несообразнымъ съ обстоятельствами. Князь Трубецкой привезъ съ собой просьбу Пестеля не предпринимать пока ничего. Онъ считалъ еще слишкомъ отдаленнымъ «время начатія революціи и необходимымъ находилъ приготовить напередъ планъ конституціи и даже написать бо́льшую часть уставовъ и постановленій, дабы, съ открытіемъ революціи, новый порядокъ могъ сейчасъ быть введенъ сполна, ибо я,—показывалъ Пестель,—не имѣлъ еще тогда мысли о временномъ правленіи. Сіе мнѣніе мое побудило Лунина сказать съ насмѣшкою, что я предлагаю напередъ написать энциклопедію, а потомъ къ революціи приступить» [1]).

Такимъ образомъ общими усиліями членовъ удалось уговорить И. Д. Якушкина оставить безъ исполненія свое намѣреніе. Его убѣждали, что своимъ поступкомъ онъ погубитъ не только ихъ, но и тайное общество при самомъ его началѣ, которое со временемъ можетъ принести много пользы для Россіи.

«Я согласился,—говорилъ онъ [2]),—на ихъ предложеніе, но вмѣстѣ съ симъ объявилъ имъ, что сообщество ихъ подвергло меня малодушію отказаться отъ исполненія того, что ими же признано было единственнымъ средствомъ спасти Россію, или въ противномъ случаѣ увлекло меня къ намѣренію, исполненіе котораго не только было бы вредно, но совершенно пагубно для Россіи, почему и поставляю себѣ долгомъ отказаться отъ всякаго сношенія съ ними, какъ съ членами тайнаго общества, и къ оному болѣе не принадлежать. Послѣ сего совѣщанія до 1820 года съ обществомъ никакого сношенія не имѣлъ».

Лишившись въ лицѣ Якушкина одного изъ учредителей общества

---

[1]) Показаніе Пестеля 9-го апрѣля 1826 г. Госуд. Арх. I, Южное общест., дѣло № 1.

[2]) Показаніе Якушкина 13-го февраля 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 20.

и уничтоживъ уставъ «Союза спасенія», оставшіеся члены рѣшили заняться составленіемъ новаго письменнаго устава, а до того времени устроить, такъ сказать, подготовительное общество.

По словамъ однихъ, оно носило названіе «Военнаго», по показанію другихъ, называлось «Обществомъ благомыслящихъ».

«Въ 1817 году,—показывалъ Л. Перовскій [1]),—часть гвардіи получила приказаніе отправиться въ Москву. Полковникъ (Александръ) Муравьевъ былъ назначенъ начальникомъ штаба отряда, а я—квартирмейстеромъ. Въ Москвѣ Муравьевъ предложилъ мнѣ поступить въ благотворительное общество для призрѣнія инвалидовъ, ихъ вдовъ и семействъ. Это общество называлось «Обществомъ благомыслящихъ». По предположенію учредителей, оно должно было приготовлять членовъ для главнаго общества, не имѣвшаго тогда настоящаго образованія и находившагося въ неопредѣленномъ положеніи. Военное общество раздѣлялось на два отдѣленія. Въ одномъ первенствующимъ членомъ былъ Никита Муравьевъ, а въ другомъ л.-гв. Преображенскаго полка капитанъ Катенинъ [2]).

Общество Военныхъ просуществовало только нѣсколько мѣсяцевъ и не оставило по себѣ никакихъ слѣдовъ своей дѣятельности. Большая часть его членовъ перешла въ образовавшійся потомъ «Союзъ Благоденствія».

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Всеподданнѣйшее письмо Л. Перовскаго 25-го февраля 1826 года. Госуд. Арх. I, д. № 248.

[2]) Показаніе Пестеля 13-го января 1826 г. Госуд. Арх. I, Южное общество, д. № 1. Въ числѣ лицъ, совѣщавшихся объ устройствѣ этого общества, по словамъ Якушкина, были: Никита Муравьевъ, капитанъ Катенинъ, два брата Перовскіе и князь Ѳ. Шаховской.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I
и
ЕВРОПЕЙСКІЯ РЕВОЛЮЦІИ.

III [1]).

Отношенія Россіи и Пруссіи послѣ польской революціи.—Надзоръ Россіи за прусскою печатью.—Кончина Фридриха-Вильгельма III.—Политическое завѣщаніе короля.—Попытки новаго короля примѣниться къ духу времени.—Его разговоръ съ Меттернихомъ.—Взглядъ Николая Павловича на королевскія попытки.—Отношенія къ Австріи отъ 1830 до 1848 года.—Смерть императора Франца.—Парижская революція 1848 года.—Князь Варшавскій и князь Волконскій.—Революція въ Берлинѣ и Познани.—Гольштинское дѣло.—Переписка съ фельдмаршаломъ.

По окончаніи польской войны, императоръ Николай не переставалъ слѣдить за европейскими событіями и настаивалъ, чтобы Петербургскій и Берлинскій кабинеты имѣли только одну мысль и слѣдовали только одной системѣ; что Пруссія можетъ разсчитывать на него какъ на свою опору, если на нее совершитъ нападеніе Франція.

Между тѣмъ общественное мнѣніе въ Пруссіи старалось порвать связь съ Россіею. На сторонѣ послѣдней были король, принцы королевскаго дома, нѣкоторые министры и высшіе офицеры, помнящіе общую войну противъ Наполеона; все же остальное смотрѣло на Россію какъ на ретроградную силу опасную для народной свободы. Императоръ Николай желалъ убѣдить Берлинскій кабинетъ въ необходимости вступить

[1]) См. «Русскую Старину» мартъ 1904 г.

въ систему «взаимной помощи и защиты», которую онъ желалъ устроить изъ трехъ сѣверныхъ монархическихъ государствъ, то есть Россіи, Австріи и Пруссіи. Въ то же время нашъ посланникъ при Берлинскомъ дворѣ, согласно полученной инструкціи, постоянно противодѣйствовалъ всякимъ либеральнымъ стремленіямъ, въ чемъ бы они ни проявлялись, жаловался на прессу и доносилъ, что «не изъ сочувствія къ польскимъ повстанцамъ или изъ ненависти къ Россіи прусскіе либералы защищаютъ бунтовщиковъ, но корифеи революціонной партіи проникнуты желаніемъ очернить вообще каждое мѣропріятіе державы, которую они основательно признаютъ представительницею и наиболѣе крѣпкою опорою законности».

Прусское правительство вполнѣ сочувствовало этому походу противъ либерализма и заявило русскому посланнику, что Берлинскій и Вѣнскій дворы не сдѣлаютъ ни малѣйшей уступки или поблажки духу революціи, все равно въ какомъ бы мѣстѣ онъ ни обнаружилъ свое погубное вліяніе.

Но Николай Павловичъ не довольствоваться тѣмъ, что по его приказанію приняты были нѣкоторыя мѣры для воздѣйствія на прусскую печать. Послѣ польскаго возстанія онъ рѣшилъ принять энергическія мѣры не только противъ поляковъ, но противъ либераловъ и революціонеровъ вообще. При этомъ онъ принялъ за постоянное правило: 1) никогда не вступать въ сдѣлки съ бунтовщиками; 2) изолировать возстаніе, поддерживая самый тѣсный союзъ съ пограничными съ Польшей державами; 3) закрывать всякую возможность какому-либо иностранному вмѣшательству; 4) ограничиться сообщеніемъ иностраннымъ дворамъ только о ходѣ военныхъ дѣйствій.

Въ это же время въ Вѣнѣ возникла мысль о заключеніи особенной конвенціи между тремя сѣверными державами для общей борьбы противъ поляковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, противъ всѣхъ враговъ общественнаго порядка.

По пути въ Мюнхенгрецъ Николай Павловичъ въ Шведтѣ встрѣтился съ королемъ прусскимъ, и здѣсь между двумя государями произошло соглашеніе, на основаніи котораго между Россіею и Пруссіею заключена была конвенція о способахъ помощи и взаимнаго содѣйствія, основанныхъ на принципѣ полной солидарности и взаимной гарантіи спокойнаго и мирнаго владѣнія польскими провинціями. Обѣ стороны обязывались, въ случаѣ нужды, доставлять обоюдно помощь и содѣйствіе въ случаѣ вспыхнувшаго мятежа.

Не смотря почти на полное согласіе взглядовъ императора Николая и короля прусскаго Фридриха-Вильгельма III, послѣдній, по положенію своему въ центрѣ Европы и на границѣ съ Франціею, не могъ не поддаваться вліянію общественнаго мнѣнія. Въ виду своего положенія прус-

скій король оправдывалъ свои уступки относительно Франціи и Англіи въ бельгійскомъ вопросѣ и въ отношеніи Луи-Филиппа. Въ рѣшеніи бельгійскаго вопроса онъ дѣйствовалъ вопреки мнѣнію какъ русскаго, такъ и австрійскаго императоровъ. По словамъ русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, въ Пруссіи существуетъ партія либераловъ, евреевъ и резонеровъ, которая питаетъ большую симпатію къ Франціи и съ ненавистью относится къ Россіи. Въ Германіи распространено мнѣніе, что Пруссія такое же чисто монархическое государство, какъ Австрія и Россія, въ которыхъ конституціонныя идеи никогда не получаютъ примѣненія. Берлинское правительство должно было поневолѣ относиться съ нѣкоторою слабостью къ либеральнымъ и демократическимъ тенденціямъ, ибо тенденціи эти господствовали въ значительной части германскаго народа. Прусское правительство для сохраненія своего первенствующаго положенія въ Германіи должно было покровительствовать всѣмъ разумнымъ и законнымъ ея интересамъ. Нельзя не обратить вниманія на замѣчательныя слова императора Николая по поводу одного меморандума, въ которомъ король прусскій увѣрялъ его въ своихъ чувствахъ: «король знаетъ мои чувства; они составляютъ въ продолженіе 20 лѣтъ мою жизнь и мое счастіе; онъ мой отецъ и я его сынъ».

Хотя русскій императоръ заявилъ, что онъ не вмѣшивается во внутреннія дѣла Германіи, однако весьма зорко слѣдилъ за ходомъ тамошнихъ дѣлъ, тѣмъ болѣе, что̀ обо всемъ, что̀ тамъ происходило, ему сообщали изъ Берлина. Такъ, въ 1834 году нашъ посланникъ Рибопьеръ препроводилъ въ Петербургъ объемистое дѣло относительно революціоннаго дѣла въ Пруссіи, обвинявшее нѣмецкихъ студентовъ въ преступленіи, заключавшемся въ томъ, что они стремились къ весьма преступной цѣли, то есть «къ объединенію всей Германіи». Нашъ посланникъ Рибопьеръ также нашелъ эту цѣль весьма преступною.

Господствовать императору Николаю надъ прусскимъ королемъ было тѣмъ легче, что русскій государь былъ молодъ, энергиченъ и не останавливался ни предъ какими препятствіями для исполненія своихъ плановъ, тогда какъ король прусскій былъ 68 лѣтнимъ старикомъ, утомленный событіями, боявшійся нападенія Франціи и который, по словамъ Рохова, принялъ за правило ничего не дѣлать, а министры были люди неспособные. Поэтому представитель Россіи занималъ совершенно особое положеніе. Онъ былъ довѣреннымъ лицомъ и короля, и его министровъ; предъ нимъ нерѣдко оправдывались за принятыя правительственныя мѣры и у него часто искали совѣта и помощи въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Замѣнившій Рибопьера баронъ Мейендорфъ говоритъ, что король предпочитаетъ страдать отъ извѣстнаго зла, нежели вызвать, изъ желанія отъ него избавиться, неудобства, которыя трудно предвидѣть. Характеризуя приближенныхъ короля, баронъ Мейен-

дорфъ останавливается на князѣ Витгенштейнѣ, который пользуется особымъ довѣріемъ короля. Будучи близкимъ другомъ князя Меттерниха, онъ всегда былъ наиболѣе дѣятельнымъ агентомъ австрійскаго вліянія. Князю слѣдуетъ также приписать, что въ продолженіе болѣе чѣмъ двадцати лѣтъ всѣ проекты о дарованіи Пруссіи конституціи канули въ воду. И долго еще вліяніе императора на Пруссію было подавляющее.

23-го мая (4-го іюня) 1840 г. скончался Фридрихъ-Вильгельмъ III, и на престолъ вступилъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV. Къ завѣщанію короля было приложено письмо покойнаго къ наслѣднику престола. Въ письмѣ ему вмѣнялось въ обязанность поддерживать во всѣхъ обстоятельствахъ наитѣснѣйшій союзъ съ Россіею и Австріею, «составляющій основанія спокойствія и тишины міра».

По словамъ русскаго посланника, положеніе Пруссіи при воцареніи новаго короля было удовлетворительно. По его мнѣнію, оно могло сдѣлаться опаснымъ только въ двухъ случаяхъ: если бы новый король сдѣлалъ какія-нибудь уступки либеральной партіи, и если бы онъ предался піитистамъ. Но ничего этого не случилось. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ новый король утвердился въ убѣжденіи, что конституція для Пруссіи невозможна, хотя въ то же время онъ разрѣшилъ собраніе провинціальныхъ чиновъ, чтобы дать населенію возможность высказаться о своихъ мѣстныхъ нуждахъ и потребностяхъ, а для заключенія государственнаго займа—собрать генеральные штаты. Эти дѣйствія объясняются секретнымъ «политическимъ завѣщаніемъ» покойнаго короля, которое было написано по мысли императора Николая рукою князя Витгенштейна. Хотя это завѣщаніе не имѣло формальнаго характера, но король призналъ его для себя обязательнымъ. На основаніи этого завѣщанія, король не считалъ себя въ правѣ дать конституцію своему народу и ограничить унаслѣдованныя имъ верховыя права. Но по тому же «политическому завѣщанію» онъ считалъ обязательнымъ для заключенія государственныхъ займовъ или увеличенія налоговъ выслушать голосъ представителей народа. Однако даже въ этомъ видѣли посягательство на монархическій принципъ.

Полное согласіе между королемъ и императоромъ Николаемъ обнаруживается тотчасъ же по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ. Такъ какъ въ это время послѣдовало сближеніе съ Англіею, то Николай Павловичъ велѣлъ заявить Пруссіи, что это сближеніе нисколько не разстраиваетъ его союза съ Австріею и Пруссіею и что онъ принялъ систему союза и тѣснаго единенія съ ними съ цѣлью образовать сплошную силу, достаточно внушительную и могущественную, чтобы защищать принципы порядка и охраненія, которые «мы всегда провозглашали и поддерживали. По мнѣнію государя, можно было только выиграть принятіемъ Англіи въ нашъ союзъ и включеніемъ ея въ нашу систему. Но изъ

этого не слѣдуетъ, что нужно бѣгать за англійскимъ союзомъ, который желателенъ и полезенъ; однако никто не думаетъ, что мы пропали, если Англія отъ него откажется».

Тяжелая рука русскаго императора продолжала тяготить прусское правительство и при новомъ королѣ. Такъ когда польскій депутатъ Рачинскій произнесъ въ Познанской провинціи на провинціальномъ собраніи рѣчь, въ которой высказывались всѣ надежды поляковъ на будущее время, то нашъ посолъ, предугадывая мысли императора, протестовалъ энергическимъ образомъ, и государь вполнѣ одобрилъ его. — Точно также посолъ протестовалъ противъ газетныхъ статей и всегда получалъ удовлетвореніе. Барону Мейендорфу предписывалось обратить серьезное вниманіе прусскаго правительства на необходимость вообще положить предѣлъ безобразіямъ періодической прессы. Мейендорфъ немедленно исполнялъ предписанія и предъявлялъ формальныя жалобы. Понятно, какъ общественное мнѣніе тяготилось этою опекою Россіи. А между тѣмъ Мейендорфъ не переставалъ жаловаться на прессу за малѣйшую неточность въ передачѣ какого-нибудь извѣстія о Россіи, и прусское правительство постоянно заставляло газеты печатать опроверженія и даже неоднократно налагало чувствительныя взысканія. Наконецъ, въ 1842 году баронъ Мейендорфъ торжественно извѣстилъ свое правительство, что проектированы новыя строгія правила относительно прусской печати. Эта строгость простиралась до того, что случился эпизодъ невозможный ни въ какое другое время. Адъютантъ военнаго министра Циммерманъ издалъ сочиненіе о походѣ англичанъ въ Афганистанъ, при чемъ не совсѣмъ тружелюбно отзывался о русской арміи. Посланникъ немедленно спросилъ прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ: не раздѣляетъ-ли военный министръ, генералъ Бойенъ, мнѣніе своего адъютанта, книга котораго издана подъ его покровительствомъ? И вотъ на другой же день къ посланнику явился самъ прусскій военный министръ съ извиненіями за мѣста въ сочиненіи его адъютанта, вызвавшія неудовольствіе Мейендорфа. Къ этому военный министръ прибавилъ, что онъ далъ строгій выговоръ автору и даже намѣренъ былъ возвратить его въ полкъ, но онъ надѣется, что императорское правительство нисколько не сомнѣвается въ привязанности его къ Россіи и въ чувствахъ удивленія къ русской арміи. Посланникъ благодарилъ за чувства, выраженныя военнымъ министромъ, но не предупредилъ отставки, данной все-таки Циммерману.

Уже съ 1845 года дѣла въ Пруссіи начали принимать характеръ далеко не утѣшительный и стали возбуждать опасенія за сохраненіе прежняго порядка вещей, установленнаго послѣ 1815 года. Не смотря на всѣ возможныя противодѣйствія со стороны правительства конституціоннымъ тенденціямъ, онѣ все-таки обнаруживались какъ въ

печати, такъ и въ собраніяхъ провинціальныхъ чиновъ. По словамъ Мейендорфа, «въ Кенигсбергѣ господствовали конституціонныя идеи, на Рейнѣ демократическія, въ Силезіи ненависть къ дворянству; среднее сословіе революціонно и крестьяне пропитаны коммунизмомъ, а вся консервативная партія разстроена и лишена бодрости духа».

Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось намѣреніе прусскаго короля идти навстрѣчу общественному мнѣнію своего народа и всей Германіи, на что весьма неодобрительно глядѣлъ Меттернихъ. Еще въ 1843 году онъ былъ въ Варшавѣ гостемъ императора Николая и представилъ ему записку, въ которой изложилъ свой взглядъ на положеніе Пруссіи. По словамъ Меттерниха, прусское могущество беретъ свое начало съ Фридриха II, который однако далъ своему государству только матеріальную силу, но не далъ ему нравственной основы. Фридрихъ-Вильгельмъ IV царствуетъ безъ всякой системы. Прусскій король слишкомъ поддался вліянію своей горячей фантазіи; его умъ и воображеніе слишкомъ часто приходятъ въ столкновеніе. Наконецъ, что касается будущности Пруссіи, то Меттернихъ не затруднился сказать: «Народное представительство въ Пруссіи было бы приговоромъ о распаденіи единства этого королевства».

Въ 1845 же году Меттернихъ на свиданіи съ прусскимъ королемъ въ Штольценфельдѣ велъ слѣдующій разговоръ:

— Я не знаю,—сказалъ король,—того изъ истинныхъ пруссаковъ, который бы не зналъ, что земское представительство (Reichsschtände), то, что принято называть «представительною системою», немыслимо въ нашей странѣ. Пруссія не можетъ жить при такой системѣ. Я далъ сословное представительство (Landstände) и при этомъ останусь. Изъ обѣщанія 1815 года я исполню только практическую часть.

— Необходимо различать два вопроса,—возразилъ Меттернихъ: обѣщаніе 1815 года и способъ его исполненія. Королю слѣдуетъ открыто высказать свое намѣреніе, что онъ ни въ какомъ случаѣ не согласится на введеніе общаго представительства. Покойный король сдѣлалъ ошибку, давъ обѣщаніе, но онъ хорошо поступилъ, не осуществляя того, что противорѣчитъ самому существованію государства. На смертномъ одрѣ онъ просилъ ваше величество не ставить на карту существованіе Пруссіи. Отъ васъ зависитъ выбирать между «быть или не быть» Пруссіи и непослушаніемъ волѣ отца.

— Никогда,—прервалъ король,—я не соглашусь на земское представительство.

— Слѣдовательно, остается только собраніе провинціальныхъ членовъ.

— Да, и только для заключенія займовъ могутъ быть собраны провинціальные члены.

— Но все зависитъ,—сказалъ Меттернихъ,—отъ того, какъ они бу-

дутъ собраны; они могутъ быть собраны: всѣ вмѣстѣ, только въ отдѣльныхъ собраніяхъ, или, наконецъ, въ коммисію подъ предсѣдательствомъ подлежащаго представителя правительства.

— Въ отдѣльныхъ собраніяхъ немыслимо, вслѣдствіе ограниченности круга вѣдомства собраній. Идея коммиссіи мнѣ нравится, но она будетъ признана слишкомъ узкою. Остается, слѣдовательно, только третій исходъ: созваніе общаго собранія, въ которомъ я могу разсчитывать на большинство.

— Если ваше величество дѣйствительно этого желаете, то я положительно утверждаю, что ваши 600 депутатовъ провинцій въ этомъ качествѣ будутъ созваны, но разойдутся они въ качествѣ земскихъ представителей. Для того, чтобы предупредить это, вашей воли будетъ недостаточно.

Подумавъ немного, король возразилъ:

— За моею волею еще стоитъ мое могущество.

— Я высказалъ свое мнѣніе,—закончилъ Меттернихъ,—вы властны дѣйствовать, только не властны надъ силою вещей.

Изъ этого разговора Меттернихъ вынесъ убѣжденіе, что король не измѣнитъ своего взгляда. Императоръ же Николай совершенно соглашался съ Меттернихомъ на счетъ опасности опыта, который рѣшился сдѣлать прусскій король. Чѣмъ менѣе сочувствовалъ императоръ этому опыту, чѣмъ бо́льшую опасность видѣлъ онъ въ немъ для общественнаго порядка, тѣмъ больше онъ цѣнилъ дружбу Австріи.

Рѣшаясь сдѣлать нѣкоторыя уступки общественному мнѣнію, прусскій король въ то же время какъ бы опасался возбудить неудовольствіе Николая Павловича. Онъ какъ бы заранѣе хотѣлъ оправдаться передъ нимъ за тѣ уступки, которыя онъ предполагалъ осуществить. Для этого, наканунѣ новаго 1846 года, онъ послалъ въ Петербургъ генерала Рауха съ письмомъ, которое написалъ собственноручно отъ начала до конца.

Обмѣнъ мыслей по означенному поводу весьма характерный.

Въ письмѣ Фридрихъ-Вильгельмъ IV старается предусмотрѣть всѣ возраженія, которыя могъ бы сдѣлать государь противъ проектированныхъ королемъ преобразованій. Король предупреждаетъ его, что государь первое лицо, которому онъ откровенно высказываетъ свои мысли.

Прежде всего король торжественнымъ образомъ объявляетъ, что онъ «не желаетъ и не допуститъ никогда: 1) ни хартіи, 2) ни конституціи, 3) ни періодическихъ собраній земскихъ чиновъ, 4) ни выборовъ для собраній земскихъ чиновъ», но я хочу, писалъ онъ—«вѣнчать зданіе, заложенное отцомъ, которое безъ хорошей крыши можетъ разрушиться». Король признаетъ себя обязаннымъ закономъ о долгахъ 1820 года; въ этомъ законѣ содержится «торжественное обѣщаніе никогда не заклю-

чать новаго займа безъ участія и содѣйствія земскихъ чиновъ. Изданіе этого закона было великою ошибкою и большимъ несчастіемъ, которое имѣло непосредственнымъ послѣдствіемъ болѣзненное состояніе прусскаго общества. Либеральная партія чувствуетъ подъ собою твердую юридическую почву положительнаго закона. Настала минута для радикальнаго врачеванія болѣзни прусскаго общества, посредствомъ совершенія хирургической операціи. Для этого необходимо изданіе въ установленной и должной формѣ такого акта, который уничтожилъ бы заблужденіе всѣхъ партій и объявилъ бы мертвымъ и погребеннымъ все, что̀ осталось несостоятельнаго изъ законодательства Гарденберга. Но благоразуміе требуетъ, чтобы взамѣнъ я далъ бы что-нибудь и такое, что̀ не является призрачнымъ».

Поэтому король рѣшился отмѣнить законъ 1815 года и отчасти законъ 1820 года и «соединить въ одно собраніе восьми провинціальныхъ чиновъ». Это соединенное собраніе восьми провинціальныхъ сеймовъ «нисколько не будетъ періодическимъ»—прибавляетъ король.

Вслѣдъ затѣмъ король доказываетъ всѣ выгоды, которыя онъ извлечетъ изъ этой государственной мѣры. «Прежде всего,—пишетъ онъ,—я выигрываю то, что выигрываетъ каждый смертный, совершая справедливое дѣло». Но кромѣ того онъ долженъ признать неопровержимое право «германскихъ чиновъ» участвовать въ установленіи налоговъ, податей и всевозможныхъ сборовъ. Затѣмъ навсегда будутъ отмѣнены «несчастные законы 1815 года, которые въ продолженіе тридцати лѣтъ держатъ въ лихорадочномъ состояніи весь прусскій народъ». Наконецъ, соединяя въ одно собраніе провинціальные чины, король устраняетъ собраніе генеральныхъ земскихъ чиновъ.

Но это письмо императоръ Николай отвѣчалъ съ полною откровенностью.

«Много разъ,—пишетъ онъ,—вы мнѣ открывали ваше сердце и говорили о вашихъ намѣреніяхъ. Вы припомните, что, отдавая полную справедливость вашему сердцу и благородству вашихъ чувствъ, я всегда позволялъ себѣ сомнѣваться въ практической пользѣ вашихъ проектовъ. Мало того: въ качествѣ хранителя священной воли и намѣреній вашего блаженной памяти отца, я старался убѣдить васъ, что они совершенно противорѣчатъ тому, что вы затѣваете». Съ большимъ краснорѣчіемъ государь старался доказать королю, что онъ не видитъ пропасти, въ которой погибнетъ Пруссія, съ нею вся Европа, если онъ осуществитъ свой планъ собранія соединенныхъ провинціальныхъ сеймовъ. «Вездѣ огонь революціи тлѣетъ подъ наружнымъ спокойствіемъ Европы; вездѣ революціонная пропаганда дѣлаетъ новыя завоеванія, и съ ужасающею скоростью увеличивается число враговъ общественнаго порядка».

«Оставаясь вѣрнымъ началамъ, унаслѣдованнымъ мною отъ моего брата и вашего отца, я отъ нихъ никогда не отрекусь и буду сражаться на бреши до послѣдняго моего вздоха. Господь Богъ будетъ намъ судьею».

Это письмо произвело на короля весьма сильное впечатлѣніе. Въ особенности весьма сильно подѣйствовалъ на короля намекъ государя, что введеніе представительныхъ учрежденій въ Пруссіи могло бы повліять на дружескія отношенія между Россіею и Пруссіей.

Переписка эта весьма замѣчательна тѣмъ, что Николай Павловичъ нисколько не стѣснялся и высказывалъ королю свои мысли совершенно откровенно. Такъ 12-го декабря 1847 года король писалъ:

«Вы мнѣ говорите, что наша дружба происхожденія слишкомъ торжественнаго и слишкомъ хорошо основаннаго, чтобы когда-либо могла измѣниться, но что учрежденія, которыя я призналъ полезнымъ даровать моему народу, измѣнили наши политическія отношенія и что они уже не прежнія! На что я отвѣчу: нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Вѣдаетъ Богъ, что я говорю правду, я ничего не сдѣлалъ, что могло бы дать вамъ право измѣнить ваши политическія отношенія къ Пруссіи. Я не ослабилъ моей короны, я не измѣнилъ своего суверенитета; я не перемѣнилъ стараго, естественнаго и «матримоніальнаго» устройства моего государства, я не далъ ни современной конституціи, ни обѣщанія дать конституцію, ни вообще обѣщанія, которое связывало бы мои руки. Вѣдь скорѣе отецъ мой могъ бы упрекнуть императора Александра I въ томъ, что онъ нашелъ полезнымъ надѣлить героическую Пользу конституціею, совершенно новой, совершенно модной, совершенно французской, стиля Людовика XVIII. Все это очень противорѣчило принципамъ отца и моимъ.

«Но развѣ отецъ когда-либо думалъ, что это можетъ измѣнить его отношенія политической дружбы, союза и дѣйствительнаго сердечнаго согласія съ императоромъ Александромъ I».

Императоръ Николай не считалъ возможнымъ оставить это безъ отвѣта, и въ письмѣ 6-го (18-го) января 1848 года онъ протестуетъ противъ мнѣнія короля, что императоръ Александръ I находился въ такомъ же положеніи, въ какомъ находился Фридрихъ-Вильгельмъ IV въ моментъ созванія соединеннаго ландтага.

«Вы замѣчаете,—пишетъ государь,—что императоръ Александръ первый далъ конституцію Польшѣ и, не смотря на неудобства, которыя она вызывала для сосѣдей, никто на это не жаловался. Это безспорно; но, если я не ошибаюсь, вѣдь около того же самаго времени покойный король обѣщалъ конституцію Пруссіи. Если такимъ образомъ первая была плачевнымъ фактомъ, то другая была плачевнымъ обѣщаніемъ».

Въ такихъ отношеніяхъ была Пруссія и Россія наканунѣ европейскихъ революцій 1848 года.

Отношенія Австріи къ Россіи до заключенія Адріанопольскаго мира уже извѣстны изъ предъидущей статьи. Посмотримъ теперь, каковы были отношенія по окончаніи войны до революцій 1848 года къ Австріи.

Было уже сказано, что князь Меттернихъ убѣдился, что всѣ выгоды Австріи заключаются въ тѣсномъ союзѣ съ Россіею. Это было тѣмъ естественнѣе, что оба императора совершенно сходились въ образѣ мыслей. Насколько императоръ Николай отъ души ненавидѣлъ всякія революціонныя затѣи и рѣшилъ неумолимо бороться противъ враговъ общественнаго порядка, настолько же императоръ Францъ до мозга костей былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что только посредствомъ поддержанія во что бы то ни стало существующаго законнаго порядка могутъ быть обезпечены благоденствіе и развитіе народовъ. Такимъ образомъ, у Австріи и Россіи были однѣ и тѣ же цѣли. Поэтому всякая революціонная попытка, гдѣ бы она ни происходила, только сближала между собою двухъ императоровъ. Князь Меттернихъ первый сознаlъ, какую огромную цѣну имѣетъ союзъ съ Россіею, сдѣлалъ первый шагъ для сближенія и старался дѣйствительными заслугами загладить свою политику во время турецкой войны. Русское правительство хотя не могло вполнѣ довѣрять австрійскому, однако Николай Павловичъ заявилъ, что онъ готовъ забыть прошлое, если Вѣнскій дворъ на дѣлѣ докажетъ искренность своего желанія сблизиться съ Россіею.

При совершившейся въ 1830 году французской революціи, мы уже видѣли, что Меттернихъ нашелъ необходимымъ признать Луи-Филиппа; Николай же Павловичъ призналъ его послѣ всѣхъ.

Во время польскаго возстанія, между Петербургскимъ и Вѣнскимъ дворами было полное согласіе. Ни императоръ Францъ, ни Меттернихъ не могли сочувствовать новому порядку вещей, введенному въ въ царствѣ Польскомъ. Оба они уже прежде возвѣщали возникновеніе бунта. Въ августѣ 1830 года императоръ Францъ предупредилъ русскаго посла, сказавъ ему, что поляки народъ безпокойный, и примѣръ Франціи навѣрно на нихъ подѣйствуетъ. Императоръ самъ вызвался сообщать русскому правительству всѣ свѣдѣнія о революціонныхъ замыслахъ поляковъ, которые онъ можетъ имѣть въ своемъ распоряженіи. Возстаніе въ Польшѣ очень огорчило императора Франца; онъ по этому поводу высказалъ искреннее сожалѣніе послу Татищеву, сказавъ: «Я полагался на поддержку Россіи,—это была моя наиболѣе крѣпкая надежда на случай возмущеній у меня. Но теперь вы сами заняты у себя дома».

Во время же самаго возстанія, австрійское правительство добро-

совѣстно старалось содѣйствовать скорѣйшему его усмиренію. Оно запрещало подвозъ бунтовщикамъ оружія, сосредоточило свои войска на русской границѣ, захватывало поляковъ и большею частью выдавало ихъ русскимъ властямъ. Только оно не выдало бывшаго въ Австріи князя Чарторыйскаго и графа Ледоховскаго.

Признавъ новый порядокъ вещей во Франціи и въ Бельгіи, императоръ Николай никакъ не могъ въ душѣ съ нимъ примириться. Онъ былъ твердо намѣренъ не дѣлать никакихъ дальнѣйшихъ уступокъ духу революціи и его представителю,—французскому правительству. На этомъ основаніи онъ призналъ необходимымъ, чтобы три союзныя державы занялись устройствомъ «системы общей обороны». Согласно съ этою мыслью, императоръ готовъ былъ исполнить желаніе Вѣнскаго двора, чтобы сто тысячъ русскаго войска было сосредоточено въ Польшѣ для сохраненія спокойствія и пятьдесятъ тысячъ отправлены въ Германію. Мало того, въ Польшѣ сосредоточено 150 тысячъ, и такъ какъ дѣло идетъ о спасеніи соціальнаго порядка всей Европы, императоръ объявилъ, что 200.000 ч. русскаго войска готовы выступить противъ Франціи.

Въ 1832 году Поццо-ди-Борго, возвращаясь на свой постъ въ Парижъ, долженъ былъ остановиться въ Берлинѣ и Вѣнѣ, чтобы еще лучше утвердить союзъ трехъ монарховъ. Въ письмѣ къ королю прусскому высказывается, что монархическая Европа возлагаетъ теперь всѣ свои надежды на союзъ трехъ сѣверныхъ державъ, который одинъ въ состояніи служить оплотомъ противъ враговъ общественнаго порядка. И Поццо-ди-Борго при обоихъ дворахъ встрѣтилъ одинаковую рѣшимость съ оружіемъ давать отпоръ попыткамъ Франціи вмѣшиваться во внутреннія дѣла Германскаго союза. Оба германскіе дворы совершенно сходились въ томъ, что Франція служитъ въ настоящее время главнымъ очагомъ всѣхъ революціонныхъ идей. Отсюда родилась мысль о свиданіи всѣхъ трехъ монарховъ, при чемъ особенно желалъ свиданія императоръ Францъ, давно искавшій случая познакомиться съ энергичнымъ русскимъ императоромъ. Но чтобы это свиданіе не имѣло слишкомъ оффиціальнаго характера, рѣшено было свидѣться съ каждымъ изъ союзниковъ порознь, при чемъ прусскій король выбралъ городокъ Шведтъ, а австрійскій императоръ—Мюнхенгрецъ. Прежде свиданіе произошло въ городѣ Шведтъ. Прусскій министръ Ансильонъ былъ въ воинственномъ настроеніи такъ же, какъ и наслѣдный принцъ, считавшій прусскую армію первою въ мірѣ. Когда Николай Павловичъ заявилъ свое желаніе, чтобы Ансильонъ сопутствовалъ ему для переговоровъ, то тотъ положительно отказался, сказавъ между прочимъ, что его присутствіе въ Мюнхенгрецѣ «не соотвѣтствовало бы достоинству короля». «Какъ, вскричалъ государь, такъ меня смѣютъ обвинять

въ такомъ требованіи, которое унизило бы достоинство моего тестя»? и увлеченный крайнимъ раздраженіемъ, въ присутствіи принцевъ излился противъ наглаго министра.

Чтобы въ Мюнхенгрецѣ было непремѣнно довѣренное лицо короля, рѣшено было, что туда отправится наслѣдный принцъ. Это свиданіе только, такъ сказать, подчеркнуло неразрывность союза трехъ сѣверныхъ державъ; главнымъ же предметомъ обсужденія былъ Восточный вопросъ. Разсмотрѣніе этого вопроса и окончательный результатъ соглашенія между Австріею и Россіею составляетъ крайне интересный дипломатическій документъ, о которомъ мы впрочемъ говорить не можемъ, ибо это выходитъ изъ рамокъ нашей задачи. Подписанная Меттернихомъ, Фикельмономъ, графомъ Нессельроде, Татищевымъ и Орловымъ, секретная конвенція помѣщена въ собраніи трактатовъ и конвенцій г. Мартенса. Что же касается до европейскихъ дѣлъ вообще, то въ Мюнхенгрецѣ былъ заключенъ актъ о взаимной гарантіи, и тремъ державамъ дано право на взаимную помощь противъ бунтовщиковъ и враговъ законнаго порядка.

Въ началѣ 1835 г. умеръ императоръ Францъ, и на австрійскій престолъ вступилъ Фердинандъ, который, въ день смерти своего отца, написалъ письмо императору Николаю, въ которомъ заявлялъ, что, помимо упованія на Бога, онъ, прежде всего, полагается на сохраненіе прежняго тѣснаго союза съ Россіею. Онъ надѣется, что русскій императоръ будетъ относиться къ нему съ тѣми же чувствами расположенія, которыми онъ осчастливилъ его покойнаго отца. Въ свою очередь Меттернихъ въ письмѣ къ императору Николаю писалъ: «свиданіе въ Мюнхенгрецѣ осталось до того момента, когда императоръ отдалъ свою душу Богу, однимъ изъ наиболѣе драгоцѣнныхъ воспоминаній его долговременной жизни, пройденной имъ среди столькихъ бурь... Продолжайте питать къ императору Фердинанду тѣ же чувства, которыя вы имѣли къ его отцу. Ничего, ни въ принципахъ, ни въ ихъ примѣненіи не будетъ измѣнено подъ новымъ царствованіемъ».

Въ отвѣтъ на это письмо, императоръ Николай заявлялъ, что онъ искренно желаетъ сохранить на будущее время союзъ, основанный ихъ предшественниками. При свиданіи императоровъ въ Теплицѣ было рѣшено въ будущемъ покончить съ Краковскою республикою, судьба которой была только отсрочена до 1846 года, когда она была наконецъ присоединена къ Австріи.

Поддерживая повсюду принципъ законности, Николай Павловичъ даже принялъ на себя поручительство въ займѣ, заключенномъ Донъ Карлосомъ, и назначилъ ему значительную субсидію. Въ то же время ни Россія, ни Австрія не вѣрили въ прочность буржуазной монархіи

Луи-Филиппа. Особенно опасны для общественнаго порядка Европы стали либеральныя идеи Тьера.

Такъ шли дѣла до ноября 1842 года, когда въ Кроаціи произошли серьезныя смуты, вызванныя ожесточенною борьбою двухъ партій, на которыя раздѣлилось все населеніе этой области. Одна партія желала присоединенія къ Венгріи, другая же, къ которой принадлежало большинство населенія, состояла изъ приверженцевъ партіи «иллирійской національности». Послѣдняя партія поставила себѣ цѣлью добиться соединенія всѣхъ славянскихъ земель, находящихся между Адріатическимъ моремъ, съ одной стороны и венгерскими и нѣмецкими землями Австріи, съ другой. Всѣ эти славянскія земли должны были составить «Иллирійское королевство», со столицею въ Тріестѣ. Между прочими, въ составъ этого королевства должны были также войти: Сербія, Болгарія, Герцоговина и Боснія. Австрійское правительство естественно было сильно озабочено этимъ движеніемъ, и оно съ откровенностью выразило нашему послу свои опасенія. Императоръ Николай, убѣжденный въ необходимости поддержанія монархическаго принципа и своего союза съ Австріею, не одобрилъ этого славянскаго движенія и чрезъ русскаго посла заявилъ, что никогда его правительство не опустилось бы до того, чтобы поддерживать революціонную агитацію въ сосѣднемъ дружескомъ государствѣ. При этомъ онъ заявилъ, что уже давно обратилъ вниманіе на общее возбужденіе умовъ въ южно-славянскихъ земляхъ Австріи.

За два года до европейскихъ революцій, въ 1846 г. Россія и Австрія рѣшились покончить съ Краковскою республикою и, послѣ нѣкотораго завистливаго колебанія Пруссіи, три державы объявили объ этомъ формально Франціи и Англіи, которыя протестовали. Первоначально Австрія колебалась, но императоръ Николай велѣлъ объявить Вѣнскому двору, что «Австрія можетъ положиться на силы Россіи, подобно тому, какъ государь императоръ желалъ бы разсчитывать на силы Австріи». Но Австрія все ожидала какихъ-то болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Это колебаніе вызвало сильное неудовольствіе Николая Павловича, который приказалъ спросить: присоединитъ-ли она Краковъ или не присоединитъ изъ боязни Англіи и Франціи. «Въ послѣднемъ случаѣ пусть она откровенно объявитъ, и пусть она тогда предоставитъ государю одному отвѣтственность за положеніе, которое его величество готовъ принять, вслѣдствіе слабости своихъ союзниковъ, присоединяя Краковъ къ своей имперіи, чего впрочемъ не желаетъ нисколько». Это и побудило Австрію окончательно занять Краковъ.

12-го (24-го) января императоръ Николай писалъ Паскевичу: «Въ политикѣ новаго ничего кромѣ глупости, трусости и нерѣшительности

въ швейцарскомъ дѣлѣ [1]), все возгорается, я себя держу въ сторонѣ, ибо не нахожу крайности участвовать въ дѣлѣ, недостойно веденномъ. Въ Италіи очень плохо, и тогда, какъ два года тому доказывалъ я, сколь необходимо заняться этими дѣлами и усилить ихъ армію, они теперь только очнулись, когда уже поздно. Такъ идутъ и прочія дѣла».

Семнадцать лѣтъ прошло безъ крупныхъ политическихъ событій, хотя во все это время происходили повсюду частныя попытки избавиться отъ того страшнаго гнета, подъ которымъ находились европейскіе народы, насильственно втиснутые въ ретроградныя рамки условій Вѣнскаго конгресса. Народы почувствовали свою силу, которая развивалась пропорціонально тому гнету, который они испытывали подъ тяжкимъ управленіемъ Меттерниховской системы. Правительствамъ становилось все труднѣе бороться съ народнымъ самосознаніемъ, и мы видѣли, какъ въ Пруссіи сама королевская власть начала постепенно внимательнѣе отнóситься къ народному голосу, требовавшему бóльшей свободы.

Спокойствіе Европы было только кажущимся; въ дѣйствительности же въ это время назрѣвали весьма важныя событія, которыя императоръ Николай предвидѣлъ заранѣе и предсказывалъ прусскому королю въ своихъ письмахъ.

Первый сигналъ подала Франція, заставивъ своего короля отречься отъ престола и бѣжать, передавая свои права внуку. Но подобно тому, какъ въ 1830 году вопреки волѣ Карла X престолъ перешелъ, по желанію народа, къ Луи-Филиппу, герцогу Орлеанскому, такъ и теперь, по желанію же французовъ, королевское достоинство было уничтожено и объявлена республиканская форма правленія.

Императоръ Николай получилъ это извѣстіе изъ Варшавы 21-го февраля, въ субботу. По словамъ Гримма, вечеромъ 22-го февраля былъ балъ у наслѣдника цесаревича. Среди музыки и танцевъ распахнулись двери, и на средину зала выступилъ императоръ съ какою-то бумагою въ рукѣ и подалъ знакъ прекратить музыку. Послѣ нѣсколькихъ секундъ ожиданія, государь громкимъ голосомъ сказалъ: Sellez vos chevaux messieurs: la république est proclamée en France (господа сѣдлайте коней; во Франціи провозглашена республика). Государь продолжалъ говорить еще нѣсколько времени, привѣтствуя особенно милостиво командировъ гвардейскихъ полковъ, но прибавляя при этомъ, что даетъ слово, что за этихъ бездѣльниковъ-французовъ не будетъ пролито ни одной капли русской крови.

Однако Николай Павловичъ не могъ равнодушно выносить евро-

[1]) Вопросъ шелъ объ изгнаніи іезуитовъ и о преобразованіи въ демократическомъ духѣ союзной конституціи, что противорѣчило устройству 1815 г.

пейскихъ революцій, которыя вслѣдъ за парижскою начались въ Берлинѣ, Вѣнѣ и въ Германіи. Въ первое время по полученіи этихъ извѣстій, имъ овладѣлъ, подобно тому, какъ и въ 1830 году, воинственный пылъ. У Шильдера приведенъ интересный разговоръ Николая Павловича съ кн. Волконскимъ, переданный княземъ Панаеву.

«На другой день бала у наслѣдника министръ двора, кн. Волконскій, возвратился отъ доклада съ раскраснѣвшимися щеками, что̀ означало, что онъ имѣлъ съ государемъ споръ.

— Вы, кажется, взволнованы, ваша свѣтлость?—спросилъ Панаевъ.

— Да.

— Отчего?

— Поспорилъ съ государемъ.

— О чемъ?

— Хочетъ воевать.

Хотя я сейчасъ догадался, но, желая болѣе ввести князя въ разговоръ, спросилъ его: съ кѣмъ?

— Съ французами.

— За что?

— За то, что прогнали Филиппа.

— Да вѣдь онъ не жалуетъ Филиппа.

— Ну, вотъ подите. Говоритъ, что чрезъ два мѣсяца поставитъ на Рейнъ 300.000 войска. На это я замѣтилъ ему, что у него не найдется столько войскъ, чтобы отдѣлить на Рейнъ 300.000, а есть-ли деньги, безъ которыхъ нельзя воевать.—Деньги,—возразилъ государь,—да какъ же вы съ Александромъ Павловичемъ вели три года такую большую войну? Нашлись же деньги. Но развѣ вы не знаете, что мы вели ее на чужія деньги? Англія осыпала насъ субсидіями, а попробуйте попросить теперь—не дадутъ ни гроша. Ну, кажется, я прохладилъ его жаръ, думаю, что отступится отъ своего намѣренія.

И теперь, какъ въ 1830 году, были представители воинственныхъ и миролюбивыхъ тенденцій. Въ 1830 году государя удерживали Нессельроде и Константинъ Павловичъ, а за войну стояли Дибичъ и Чернышевъ, теперь же удерживалъ князь Волконскій, а за войну стоялъ князь Паскевичъ.

Князь Варшавскій въ это время находился въ Петербургѣ; при встрѣчѣ съ графомъ Киселевымъ онъ высказывалъ, что къ веснѣ мы можемъ выставить 370.000 войска, и съ ними пойдемъ и раздавимъ Европу.

— Очень хорошо,—возразилъ Киселевъ,—да гдѣ же вы возьмете на эту армію деньги?

— Деньги! всякій дастъ, что у него есть, и я самъ пошлю продать послѣдній мой серебряный сервизъ.

— Ну, не велики еще будутъ эти деньги; другой вопросъ: кому же командовать вашей арміей?

— Кому? А на что же Паскевичъ?—отвѣтилъ разгнѣванный фельдмаршалъ. Кто поправилъ Ермолова грѣхи, кто Дибичевы? Кто во всей новѣйшей исторіи счастливо и съ полнымъ успѣхомъ совершилъ пять штурмовъ? Все тотъ же Паскевичъ. Авось Богъ дастъ ему теперь не ударить лицомъ въ грязь.

Прошло нѣсколько дней, и Паскевичъ совершенно измѣнилъ свой взглядъ, а 29-го февраля уѣхалъ въ Варшаву въ совершенно мирномъ настроеніи, находя безполезность съ нашей стороны внѣшнихъ дѣйствій и считая болѣе подходящимъ заботиться объ охраненіи внутренняго спокойствія.

Вслѣдъ за революціею въ Парижѣ послѣдовали революціонныя движенія въ Берлинѣ и во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Какъ здѣсь, такъ и тамъ правительство задалось переустройствомъ Германіи, которая должна была составить одно союзное государство, при чемъ требовалось учрежденіе представительства, свободы печати и суда присяжныхъ.

12-го марта въ Берлинѣ на Королевской площади собралась многочисленная толпа, чтобы благодарить короля за дарованіе конституціи. Король въ радостномъ настроеніи вышелъ на балконъ, у дворца была небольшая часть войскъ, изъ которой раздалось два выстрѣла и вѣроятно холостые, и при томъ нечаянные. Не смотря на то, народъ принялъ это за вѣроломство, и при крикахъ: измѣна! къ оружію! бросился устраивать баррикады. Уже съ самаго начала можно было видѣть, что войскамъ ничего не стоило тотчасъ подавить эту вспышку, однако въ 2 часа самъ король отдалъ приказаніе войскамъ оставить городъ, при чемъ во главѣ гвардіи и берлинскаго гарнизона долженъ былъ удалиться наслѣдный принцъ, считавшійся главою ретроградной партіи. Этотъ наслѣдный принцъ былъ ни кто иной, какъ будущій германскій императоръ Вильгельмъ I, основатель Германской имперіи.

Тотчасъ же составлено было либеральное министерство и объявлено, что отнынѣ Пруссія соединяется съ Германіею, объявлена всеобщая амнистія и созывалось народное представительство.

Баронъ Мейендорфъ писалъ, что прусскій король находится во власти бюргеровъ, но если онъ въ состояніи собрать въ Потсдамѣ 20 тысячъ войска, то династія еще можетъ быть спасена.

За мѣсяцъ до начала этой революціи императоръ Николай писалъ прусскому королю: «наступила торжественная минута, которую я предсказывалъ въ продолженіе 18 лѣтъ; революція воскресла изъ пепла, и Луи-Филиппъ лишился захваченнаго престола тѣмъ же путемъ, если только не болѣе страннымъ, чѣмъ какимъ онъ достигъ престола. Нашему существованію угрожаетъ неминуемая опасность, въ виду кото-

рой необходимо дѣйствовать по общему плану и общими средствами».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Николай Павловичъ предлагаетъ не признавать новаго правительства, сосредоточить армію на Рейнѣ, а съ своей стороны обѣщаетъ королю на помощь ему 350.000 армію, приведенную на военное положеніе. Но король былъ совершенно другаго взгляда; на первый планъ онъ ставилъ не войну съ Франціею, а хотѣлъ «вырвать изъ рукъ демагоговъ опасное и фатальное оружіе германской національности и стать во главѣ законныхъ стремленій всѣхъ германскихъ народовъ къ лучшему и болѣе могущественному объединенію».

Хотя русскій императоръ и заявлялъ, что онъ воевать не будетъ, тѣмъ не менѣе онъ рѣшилъ торжественно заявить Европѣ свой взглядъ на совершающіяся событія, возвѣстивъ о томъ 14-го марта 1848 г. слѣдующимъ манифестомъ:

«Послѣ благословеній долголѣтняго мира западъ Европы внезапно взволнованъ нынѣ смутами, грозящими ниспроверженіемъ законныхъ властей и всякаго общественнаго устройства.

«Возникнувъ сперва во Франціи, мятежъ и безначаліе скоро сообщились сопредѣльной Германіи, и, развиваясь повсемѣстно съ наглостью, возраставшею по мѣрѣ уступчивости правительствъ, разрушительный потокъ сей прикоснулся наконецъ и союзныхъ намъ имперіи Австрійской и королевства Прусскаго. Теперь, не зная болѣе предѣловъ, дерзость угрожаетъ въ безуміи своемъ и нашей, Богомъ намъ ввѣренной, Россіи.

«Но да не будетъ такъ.

«По завѣтному примѣру православныхъ нашихъ предковъ, призвавъ на помощь Бога всемогущаго, мы готовы встрѣтить враговъ нашихъ, гдѣ бы они ни предстали, и, не щадя себя, будемъ въ неразрывномъ союзѣ съ святою нашею Русью защищать честь имени русскаго и неприкосновенность предѣловъ нашихъ.

«Мы удостовѣрены, что всякій русскій, всякій вѣрноподданный намъ отвѣтитъ радостно на призывъ своего государя; что древній нашъ возгласъ: за вѣру, царя и отечество, и нынѣ предукажетъ намъ путь къ побѣдѣ, и тогда, въ чувствахъ благоговѣйной признательности, какъ теперь, въ чувствахъ святаго на него упованія, мы всѣ вмѣстѣ воскликнемъ:

«Съ нами Богъ! да разумѣйте языцы и покоряйтеся, съ нами Богъ!»

Какъ ни старался министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Нессельроде разъяснить и сгладить этотъ грозный для всей Европы манифестъ, разъясненіемъ его во французской газетѣ «Journal de S.-Petersbourg», тѣмъ не менѣе онъ произвелъ на Европу самое непріятное впечатлѣ-

ніе. На Россію въ иностранной журналистикѣ посыпались обвиненія и справедливыя и несправедливыя, клеветы и инсинуаціи всякаго рода.

Вслѣдъ за манифестомъ армія была приведена на военное положеніе, и 19-го марта начали выступать части войскъ на западную границу.

Февральская революція 1848 года также отразилась и на Россіи, которая была совершенно спокойна и не помышляла ни о малѣйшихъ безпорядкахъ. Сборище молодыхъ людей у Петрашевскаго, толковавшихъ о разныхъ вопросахъ, имѣвшихъ чисто академическій характеръ, и читавшихъ журналы русскіе и иностранные, было принято за революціонное собраніе, угрожающее общественному порядку. Члены этого кружка, среди которыхъ былъ Достоевскій и другіе, жестоко поплатились за свою неосторожность.

Та же февральская революція имѣла подавляющее вліяніе на русскую литературу и журналистику. Казалось бы, что при томъ желѣзномъ режимѣ цензуры, который господствовалъ въ Россіи, трудно было бы найти литературное произведеніе и журнальную статью, высказывавшія свободную мысль; однако нашлись люди, которые находили въ нихъ революціонныя идеи. Князь Меншиковъ находилъ, что у насъ явно идетъ «подкопная работа либерализма», которая отзывается и въ преподаваніи наукъ, и въ направленіи журналовъ. То же самое началъ проповѣдывать баронъ Корфъ; онъ даже не ограничился однимъ разговоромъ, а изложилъ свои мысли письменно. Слѣдствіемъ этого было учрежденіе подъ предсѣдательствомъ князя Меншикова особаго цензурнаго учрежденія надъ цензурою. 11-го марта были призваны въ этотъ комитетъ всѣ редакторы, и имъ было объявлено, что «за напечатаніе либеральныхъ и коммунистическихъ статей они подвергнутся личному взысканію, независимо отъ отвѣтственности цензуры». Наконецъ, 2-го апрѣля взамѣнъ этого комитета былъ учрежденъ всегдашній негласный, такъ названный Бутурлинскій комитетъ, который надзиралъ одинаково какъ за періодическими изданіями, такъ и за литературою вообще, за каждою книженкою. По этому поводу государь заявилъ комитету: «такъ какъ самому мнѣ некогда читать всѣ произведенія нашей литературы, то вы станете это дѣлать за меня и доносить мнѣ о вашихъ замѣчаніяхъ, а потомъ мое уже дѣло будетъ расправляться съ виновными». А что дѣлалъ комитетъ, то читатели наши хорошо знакомы съ этимъ изъ труда г. Энгельгардта, помѣщеннаго въ нашемъ журналѣ.

Что же касается до личности Бутурлина, то характеристика его дана ему его дочерью, графинею Блудовою. Она пишетъ, что онъ «по врожденной рѣзкости и деспотизму характера доходилъ до такихъ крайнихъ предѣловъ, что иногда приходилось спросить себя: не плохая-ли

эта шутка. Напримѣръ, онъ хотѣлъ, чтобы вырѣзали нѣсколько словъ изъ акаѳиста Покрову Божіей Матери, находя, что они революціонны. Батюшка сказалъ ему, что онъ такимъ образомъ осуждаетъ своего собственнаго ангела, св. Дмитрія Ростовскаго, который сочинилъ этотъ акаѳистъ и который никогда не считался революціонеромъ; преосвященный же Иннокентій п о н о в и л ъ въ этомъ акаѳистѣ, такъ сказать, слогъ устарѣвшій.

— Кто бы ни сочинилъ, тутъ есть опасныя выраженія [1]),—отвѣчалъ Бутурлинъ.

— Вы и въ Евангеліи встрѣтите выраженія, осуждающія злыхъ правителей.

— Такъ что же,—отвѣчалъ мой отецъ,—переходя въ шуточный тонъ; если бы Евангеліе не была такая извѣстная книга, конечно, надобно было цензурѣ исправить ее».

Одновременно съ этимъ были приняты особенныя мѣры противъ университетовъ, въ которыхъ ограниченъ былъ комплектъ студентовъ, а изъ предметовъ преподаванія была исключена философія, замѣненная богословіемъ.

Вслѣдъ за Берлиномъ начались безпорядки въ Познани. Намѣстникъ царства Польскаго доносилъ императору Николаю, что извѣстный агитаторъ Мѣрославскій выпущенъ изъ тюрьмы и былъ встрѣченъ народомъ съ овраціями и цвѣтами, что народъ надѣлъ польскія кокарды, вооружается косами, да къ тому же повсюду объявляется, что отнынѣ Польша и Пруссія будутъ другъ друга поддерживать противъ Россіи. Необузданная шляхта познанская, можетъ быть, чрезъ нѣсколько дней проникнетъ шайками въ царство Польское, и вскорѣ образуются сильные отряды, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ Галиціи. По мнѣнію Паскевича, нельзя даже не опасаться, чтобы съ открытіемъ сейма въ Берлинѣ, правительство не было принуждено объявить намъ войну.

И, дѣйствительно, поляки тотчасъ же потребовали отдѣленія Познани отъ Пруссіи, хотя король предупреждалъ ихъ, что тогда неизбѣжна война съ Россіею, а вмѣстѣ съ тѣмъ началъ сосредоточивать тамъ войска, назначивъ командующимъ генерала Виллизена, полонофильскія чувства котораго хорошо были извѣстны въ Россіи.

Въ виду такихъ дѣйствій, баронъ Мейендорфъ прямо заявилъ министру иностранныхъ дѣлъ графу Арниму:

— Берегитесь утвердить какимъ-либо оффиціальнымъ актомъ такое положеніе вещей въ Познани, не компрометтируйте ваше правительство передъ моимъ, которое не пожелаетъ долго остаться равнодуш-

---

[1]) Радуйся, незримое укрощеніе владыкъ жестокихъ и звѣронравныхъ... Совѣты неправедныхъ князей разори; зачинающихъ рати погуби и пр.

нымъ зрителемъ всѣхъ этихъ возбужденій къ бунту, исходящихъ изъ Познанской провинціи. Если у васъ нѣтъ силы препятствовать тому, чтобы тамъ утвердился очагъ революціи, вы можете это сказать, и тогда мы увидимъ, что дѣлать. Но если вы берете его подъ свое покровительство, вы дѣлаете изъ этого предметъ обсужденія и, можетъ быть, войны между Россіею и Пруссіею.

На донесеніи этомъ императоръ написалъ резолюцію: «отлично сказано».

Съ цѣлью устранить въ Берлинѣ всякія сомнѣнія на счетъ готовности Россіи къ защитѣ существующаго на основаніи трактатовъ порядка вещей, государь точнымъ образомъ исчисляетъ силы, собранныя имъ въ пограничныхъ губерніяхъ. Всего было мобилизовано 420 тысячъ человѣкъ, а въ резервѣ еще сто тысячъ.

«Назначеніе этой арміи,—пишетъ государь,—охранять неприкосновенность нашихъ границъ и парализовать замыслы злодѣевъ или съумасшедшихъ, мечтающихъ о возможности возстановить другую Польшу, кромѣ той, которую русское оружіе со славою пріобрѣло и закрѣпило за Имперіею. Я никогда никого не задѣну, но бѣда, кто насъ задѣнетъ. Аминь».

Въ то же время 2-го (14-го) марта императоръ писалъ Паскевичу:

«Любезный отецъ командиръ, сейчасъ я получилъ письмо короля прусскаго, въ которомъ онъ въ самыхъ черныхъ краскахъ описывалъ происходящее во всей Германіи. Въ заключеніе онъ говоритъ, что по слухамъ, сообщеннымъ ему изъ Варшавы, готовятся въ Познани перерѣзать всѣхъ нѣмцевъ и что, хотя не слѣпо вѣритъ сему, однако вовсе не пренебрегаетъ симъ слухомъ и проситъ меня къ границѣ Познанской приблизить войска наши, чѣмъ, полагаетъ, умы сейчасъ успокоятся. Не могу въ этомъ отказать и уполномочиваю тебя подвинуть вдоль сей границы бригаду или что удобно будетъ. Черезъ границу однако безъ моего разрѣшенія не переходить. Мейендорфъ пишетъ, что духъ войскъ въ Пруссіи очень хорошъ, что въ краѣ хорошаго много, но есть и дурной духъ, которому не намѣрены уступать.

«За то въ южной Германіи до того плохо, какъ и на Рейнѣ, что самъ король Виртембергскій хотѣлъ услать свое семейство, на что моя дочь Ольга не согласилась, хочетъ, какъ прямая русская, раздѣлить опасность съ тѣмъ, съ коимъ Богъ ей опредѣлилъ участь. Онъ требуетъ уже помощи отъ австрійскихъ и баварскихъ войскъ, вблизи расположенныхъ—вотъ настоящее. Будущее въ рукахъ Божьихъ; ежели король прусскій будетъ сильно дѣйствовать, все будетъ возможно спасти, въ противномъ случаѣ придется намъ вступить въ дѣло».

Изъ царства Польскаго Паскевичъ доносилъ государю, что самыя неожиданныя и разрушительныя событія совершаются съ неимовѣрною

быстротою. Онъ доносилъ, что обстоятельства, сопровождавшія освобожденіе Мѣрославскаго и его сообщниковъ, вѣнчаніе ихъ цвѣтами въ присутствіи короля, и объявленное ими, что Польша и Пруссія будутъ другъ друга поддерживать противъ Россіи, неоспоримо доказываютъ изступленіе умовъ, коимъ правительство не можетъ уже поставлять никакихъ преградъ. Это оказывается и на самомъ дѣлѣ. По послѣднимъ рапортамъ изъ Калиша почти все Познанское княжество въ возстаніи; всѣ носятъ польскія кокарды; толпы вооружаются косами; мѣстечко Милославъ взбунтовано Домбровскимъ, на пограничныхъ столбахъ выставлены польскіе орлы. Необузданная шляхта познанская, можетъ быть, чрезъ нѣсколько дней будетъ со всѣхъ сторонъ стараться проникнуть съ шайками въ царство Польское, и вскорѣ образуются для того сильные отряды. Тому, что будетъ дѣлаться въ Познанскомъ княжествѣ, будутъ, вѣроятно подражать и въ Галиціи, и мы будемъ подвержены вторженіямъ и съ запада, и съ юга. Нельзя даже не опасаться, чтобы съ открытіемъ сейма въ Берлинѣ правительство не было принуждено объявить намъ войну.

На это донесеніе Паскевича государь отвѣчалъ 10-го (22-го) марта:

«Сегодня утромъ я получилъ письмо твое, любезный отецъ командиръ отъ 7-го (19-го) марта. Про военныя дѣла узналъ я черезъ твою телеграфическую депешу. Сколько ни ожидалъ я глупостей тамъ [1]), но, признаюсь, происшедшее превзошло далеко всѣ мои опасенія. Ты правду говорилъ, что оно значительно теперь измѣнитъ положеніе наше, но, уповая на милосердіе Божіе, не стану унывать, но продолжать буду готовиться всѣми мѣрами ко всему, что намъ грозитъ, спокойно, твердо и съ должной дѣятельностью.

«Ежели король прусскій, опираясь на испытанную вѣрность войскъ, подавитъ бунтъ въ Берлинѣ оружіемъ, а не уступчивостью, и исполнитъ ожиданія всѣхъ благомыслящихъ, ополчась на помощь низвергнутыхъ правленій, я въ томъ убѣжденъ, что, даже не смотря на всякія глупости, законный порядокъ можетъ быть возстановленъ. Но если король сдастся тоже, тогда въ Германіи все потеряно, и намъ однимъ придется стоять грудью противъ анархіи, призвавъ Бога на помощь. О сю пору не перемѣню плана, о которомъ условились. Однако, быть можетъ, что при новомъ австрійскомъ правленіи они дадутъ волю революціи, запоютъ что-либо противъ насъ въ Галиціи; въ такомъ случаѣ, не давъ сему развиться, но именемъ самого императора Фердинанда займу край и задушу замыслы. Мои извѣстія изъ Берлина по 4-е (16-е) вечеромъ; войска дѣйствовали славно и были въ такомъ раздраженіи на чернь, что съ трудомъ ихъ удерживали; авось слухи,

[1]) Въ Пруссіи.

до насъ доходящіе, несправедливы. Киселевъ пишетъ, что въ Парижѣ ждать должно скоро новаго переворота, самаго кроваваго.

«Что въ Германіи происходитъ и описать нельзя, тамъ близко къ французскому, и правительство только еще существуетъ по названію.

«Что-то наши поляки затѣваютъ. При малѣйшей попыткѣ короткій имъ конецъ. Выѣзды за границу запретилъ; сдѣлай то же самое у себя, въѣздъ только за личною отвѣтственностью нашихъ министровъ и съ моего предварительнаго разрѣшенія. Вели то же въ Польшѣ!»

Когда первыя опасенія гражданской войны въ Парижѣ отчасти миновали, французское правительство начало заниматься иностранными дѣлами, которыя были почти потеряны изъ виду въ бурной суматохѣ первыхъ революціонныхъ дней. Вопросъ иностранной политики, представившійся временному правительству, былъ прямо вопросъ о мирѣ или о войнѣ. Могущественныя основанія побуждали къ войнѣ. Прежде всего это былъ народный голосъ; онъ требовалъ войны, какъ единственнаго средства уничтожить ненавистные договоры 1815 года, за которые съ необыкновенною твердостью стоялъ русскій императоръ. Между тѣмъ во Франціи, наоборотъ, соблюденіе договоровъ 1815 года издавна составляло одно изъ главныхъ обвиненій правительства.

6-го марта Ламартинъ предложилъ правительству проектъ циркуляра къ дипломатическимъ агентамъ Франціи за границею, который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ служить манифестомъ новой республики къ европейскимъ дворамъ. Основныя мысли его были: признаніе и для другихъ государствъ права политическаго самоопредѣленія, которымъ Франція воспользовалась въ февральской революціи, и отказъ отъ всякой наступательной войны. Ламартиновская нота говорила: «Договоры 1815 года не имѣютъ болѣе никакого юридическаго значенія въ глазахъ французской революціи».

Несмотря на мирныя слова и расположеніе министра иностранныхъ дѣлъ, правительство не могло, или не хотѣло воспрепятствовать тому, чтобы изъ Франціи революціонныя предпріятія не направились въ нѣкоторыя сосѣднія страны. Иностранцы, жившіе въ большомъ числѣ во Франціи, именно нѣмцы, бельгійцы, итальянцы и поляки, вслѣдствіе февральскихъ событій пришли въ болѣе или менѣе живое политическое движеніе, которое получало не малое содѣйствіе отъ французскаго правительства и отъ французскаго народа. Въ особенности это содѣйствіе временное правительство проявило въ томъ смыслѣ, что оно обнаруживало крайнюю готовность облегчать возвращеніе иностранцамъ всѣхъ націй на родину и тѣмъ освободить Парижъ отъ части его горючаго политическаго матеріала и остававшагося безъ хлѣба населенія. Прежде всего, при открытомъ содѣйствіи правительства, значительныя толпы нѣмцевъ, подъ знаменемъ чернаго, краснаго

и золотаго цвѣта, и съ явными революціонными намѣреніями имѣли возможность двинуться къ Рейну, который большинство ихъ перешло спокойно, такъ какъ въ это время политическое положеніе въ Германіи, казалось, могло обѣщать большой успѣхъ. Въ то же время поляки, жившіе во Франціи въ числѣ многихъ тысячъ, послѣ многихъ дерзкихъ попытокъ вынудить отъ правительства объявленіе войны, получили паспорта и деньги на дорогу, чтобы отправиться на родину, которой, какъ можно было думать, открывалось поприще для дѣйствій противъ Россіи.

Послѣ того, какъ оставшіеся въ Парижѣ поляки потерпѣли неудачу своей попыткой вынудить у временнаго правительства дѣятельную поддержку своему дѣлу, они съ удвоенною ревностью бросились въ клубы, чтобы съ ихъ помощью устроить поворотъ иностранной политики отъ мира къ войнѣ. Посланные изъ возставшихъ польскихъ мѣстностей раздували огонь страстными изображеніями событій въ Познани и Краковѣ. 10-го мая Воловскій, полякъ, натурализованный во Франціи и членъ Національнаго собранія, представилъ собранію адресъ, подписанный депутатами изъ Познани, Кракова и Галиціи. Адресъ пламенными словами вызывалъ французскій народъ помочь, наконецъ, фактически польскому дѣлу, о которомъ семнадцать лѣтъ говорились одни только пустыя слова. Чтобы дать больше силы воззванію, составители его представляли въ немъ войска, усмирявшія польское возстаніе, оскорбителями святыни, грабителями храмовъ, поджигателями, убійцами женщинъ и дѣтей. «Мы посылаемъ вамъ нашихъ братьевъ,—говорилось въ концѣ адреса,—не для того, чтобы выпрашивать вашего состраданія, но чтобы открыто требовать вашей помощи противъ варварства.

«Они должны призвать васъ исполнить священную миссію, которую Богъ поручилъ вашей націи, и которой не отвергнетъ Франція,—исполнить эту миссію для своей сестры, окровавленной ножемъ убійцы».

Оказалось однако, что поляки только усилили соціалистическую партію, съ которой они соединились для совершенія переворота и чтобы въ члены Собранія выставить отъявленныхъ соціалистовъ. Поляки и пьяная толпа самаго низшаго слоя народа подняли шумъ противъ депутатовъ собранія, грозя кулаками. И вотъ среди хаоса и гвалта, въ которомъ не могли понимать другъ друга, дебатировался польскій адресъ и требовалось, чтобы Франція поставила сѣвернымъ державамъ короткій срокъ для полнаго возстановленія Польши и по истеченіи срока немедленно двинула войска, чтобы достигнуть цѣли силою оружія. Извѣстный коммунистъ Барбесъ потребовалъ даже, чтобы Національное собраніе въ пользу войны за Польшу наложило на богатство

налогъ въ мильярдъ. Коммунисты, завладѣвшіе собраніемъ, постановили объявить войну противъ Австріи, Пруссіи и Россіи въ случаѣ, если они тотчасъ не приступятъ къ возстановленію Польши. Въ то же время началось возстаніе противъ Національнаго собранія, кончившееся кровопролитнымъ междоусобіемъ. Парижъ былъ объявленъ въ осадномъ положеніи, а генералу Кавеньяку поручена была вся исполнительная власть. Кавеньякъ усмирилъ кровопролитный мятежъ въ іюнѣ мѣсяцѣ и 28-го числа передалъ свою власть въ руки Національнаго собранія. Такимъ образомъ шумныя попытки за освобожденіе Польши кончились ничѣмъ.

Въ это время въ Петербургѣ собирались безсрочно отпускные, изъ которыхъ каждую партію осматривалъ самъ государь, напутствуя своимъ горячимъ воодушевляющимъ словомъ. По этому поводу онъ 13-го (25-го) марта писалъ Паскевичу:

«Сегодня утромъ, только-что всталъ, прибылъ твой курьеръ, любезный отецъ командиръ, съ извѣстіями изъ Берлина; другихъ же мы здѣсь не получили, ибо почти нѣтъ уже другія сутки. Здѣсь не только безсрочные являются съ большимъ усердіемъ, но даже отставные солдаты просятся вновь на службу; трогательно видѣть! Духъ прекрасный! Завтра выдаю манифестъ, который счелъ нужнымъ выдать, дабы объявить мой взглядъ на дѣло и мои намѣренія. Событія въ Вѣнѣ хотя по наружности пріутихли, но я сему не вѣрю: мысли славянскихъ католическихъ провинцій соединяются; движенія въ Краковѣ; польскій легіонъ въ Парижѣ и, наконецъ, тайное увѣдомленіе короля Вюртембергскаго ко мнѣ изъ достовѣрнаго источника, что Ламартинъ обѣщалъ полякамъ возстановленіе Польши; все это мнѣ знакомо, что здѣсь насъ ждетъ борьба; я велѣлъ сказать въ Лондонѣ, что на волосъ не уступлю изъ своихъ правъ и припоминаю имъ съ ними заключенный по сему трактатъ, c'est un bon avertissemant pour eux. Неслыхано-ль было, ежели бы Австрія и Пруссія были довольно дерзки и глупы провозгласить воскресеніе Польши, имъ же хуже, ибо тогда Польша будетъ наша, а не для другихъ.

«Вели еженедѣльно меня увѣдомлять объ успѣхѣ приведенія войскъ въ Польшѣ въ охранное положеніе».

«Сегодня вечеромъ узнали мы, — пишетъ государь въ другомъ письмѣ,—про декларацію короля прусскаго, гдѣ онъ объявилъ, что становится главой новой Германіи и уничтожаетъ Пруссію. Посмотримъ, кто послѣ подобныхъ его дѣйствій захочетъ признать его за свою главу.

«Геройскому поведенію прусской гвардіи видѣть подобную награду—

подобное уничиженіе, взрываетъ всякое благородное сердце [1])! Мы всѣ поражены, какъ громомъ! Король теперь слѣпое орудіе демагоговъ, которые имъ ворочаютъ, какъ куклой, и все его заставятъ сдѣлать, даже самое подлое.

«Давно-ли просилъ меня объ помощи противъ Позена, теперь же дозволилъ имъ обѣщать, что они будутъ ему помогать противъ насъ! Не мерзость-ли?

«Вчера издалъ я манифестъ свой; онъ указываетъ всѣмъ, и нашимъ, и врагамъ, что я хочу, не трогая другихъ, но и не дозволяя трогать себя; въ этомъ вся моя задача.

«Къ оной всѣ наши мѣры должны клониться.

«Про войну новаго ничего не знаю; говорятъ, будто Богемія съ Моравіей и Силезіей хотятъ соединиться; тогда и Галиціи дадутъ что-либо подобное. Ежели же возстаніе въ Познани не будетъ укрощено или укротятъ одними польскими обѣщаніями, тогда близко будетъ къ войнѣ. Буду писать и въ Берлинъ, и въ Вѣну, чтобъ стараться это предупредить, но вопросъ, будетъ-ли удача. Впрочемъ, хлопотъ въ самой Германіи столько, во Франціи все въ такомъ положеніи, что не могу понять, чтобъ имъ достало силъ на какое-либо предпріятіе противъ насъ. Приказалъ въ Литвѣ сдѣлать обезоруженіе. Хочу велѣть собрать всѣхъ помѣщиковъ въ губернскіе города, чтобы имѣть ихъ подъ рукой, и велю объявить, чему подвергнутся при малѣйшемъ видѣ къ бунту; лучше его предупредить, чѣмъ къ нему допустить.

«Пересмотри съ Горчаковымъ достоинство дивизіонныхъ и бригадныхъ начальниковъ и, буде гдѣ ненадежны, представь мнѣ къ перемѣнѣ ихъ, дабы не подвергнуть войско быть ведому людьми недостойными довѣрія.

«Тяжелое время, но унывать не стану, а вся надежда на милосердаго Бога и на тебя, мой отецъ командиръ; постой за Русь святую».

Изъ приводимой здѣсь переписки императора Николая съ Паскевичемъ видно, какъ внимательно слѣдилъ онъ за всѣми событіями въ Европѣ, и особенно строго наблюдалъ за тѣмъ, что происходило въ царствѣ Польскомъ и въ сосѣднихъ областяхъ: Познани и Галиціи.

Упоминая почти въ каждомъ письмѣ о тѣхъ мѣрахъ, которыя онъ предписывалъ принять для спокойствія края, онъ въ то же время сообщалъ Паскевичу все, что до него доходило и заслуживало вниманія.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ помимо вопроса о спокойствіи въ царствѣ Польскомъ, императора Николая начало озабочивать поведеніе прусскаго короля въ вопросѣ о Гольштиніи или Шлезвигѣ.

---

[1]) Войска во время возстанія безъ труда подавили бы его, но самъ король приказалъ удалить ихъ изъ Берлина.

Герцогство Шлезвигъ, считавшееся въ средніе вѣка германскою страною, въ началѣ прошлаго столѣтія было почти на половину населено датчанами и уже издавна принадлежало датской коронѣ. Когда на датскій престолъ послѣ смерти Христіана VIII вступилъ послѣдній представитель Глюксбургской династіи, Фридрихъ VII, то въ Шлезвигѣ проявилось сильное стремленіе значительной части его населенія къ присоединенію къ Германіи до такой степени, что, когда въ мартѣ мѣсяцѣ новый король призвалъ въ составъ своего правительства датчанъ, признававшихъ Шлезвигъ за неотъемлемую собственность датской короны, то нѣмецкая партія въ Килѣ учредила временное правительство и выслало своихъ депутатовъ во Франкфуртъ въ среду представителей Германскаго Союза.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, временное шлезвигское правительство образовало шлезвигъ-гольштинскую армію. Это была толпа, плохо вооруженная и мало обученная, но въ ряды которой стали поступать волонтеры изъ Германіи. Прусское правительство приняло подъ свою защиту возмутившееся населеніе.

Въ теченіе марта мѣсяца государь не переставалъ усиленно сноситься съ Паскевичемъ, написавъ въ этотъ мѣсяцъ семь писемъ, въ которыхъ извѣщалъ о положеніи дѣлъ въ Европѣ и дѣлалъ распоряженія для подготовленія арміи къ войнѣ.

Возстаніе въ Шлезвигѣ было подкрѣплено бандами нѣмцевъ, вторгнувшихся изъ Германіи. Однако, датскія войска почти совершенно уничтожили эти банды. Тогда прусскій король, понуждаемый народомъ, принужденъ былъ послать въ Данію войска, для подкрѣпленія возставшихъ. Начальникъ этого отряда, генералъ Врангель, взялъ штурмомъ Даніверскія укрѣпленія, при помощи контингента ганноверской арміи, и принудилъ датчанъ отступить на острова.

Для защиты этого дѣла, прусскій король прислалъ генерала Пфуля, который долженъ былъ убѣдить императора Николая въ законности дѣйствій прусскаго короля. Однако, убѣжденія эти не подѣйствовали, не смотря на собственноручное письмо короля. Николай Павловичъ не находилъ никакихъ оправданій для нападенія на Данію. По его мнѣнію, прусское правительство, заступаясь за гольштинцевъ, собственно говоря, заступалось за бунтовщиковъ, возставшихъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ законнаго своего государя,—короля датскаго. Мало того, Пруссія, опираясь на Германскій Союзъ, требуетъ еще присоединенія Шлезвига къ Германскому Союзу. Такое требованіе, по мнѣнію императора, было вполнѣ незаконное и противорѣчило акту Вѣнскаго конгресса 1815 года. Государь поручилъ Мейендорфу выразить сожалѣніе по поводу такого несправедливаго нападенія на Данію и вмѣстѣ съ тѣмъ объявить, что Россія не можетъ относиться равно-

душно къ этой войнѣ. И такъ какъ Данія просила посредничества Россіи, то государь выразилъ надежду, что прусская армія остановится въ своемъ движеніи и возвратится въ Пруссію. Когда прусская армія не остановилась и подошла къ границамъ Ютландіи, тогда посланнику нашему поручено было объявить Берлинскому кабинету, что вторженіемъ въ Ютландію Пруссія нанесетъ тяжелый ударъ интересамъ всѣхъ прибрежныхъ на Балтійскомъ морѣ государствъ и нарушитъ равновѣсіе державъ.

По этому поводу онъ писалъ Паскевичу:

«Вчера вечеромъ я получилъ твое письмо отъ 29-го, за которое душевно благодарю, мой любезный отецъ командиръ. Положеніе дѣлъ въ Европѣ становится день ото дня хуже и хуже. Король прусскій, слѣпое орудіе революціонной партіи, вдался въ несправедливую войну противъ Даніи и тѣмъ принудилъ уже Швецію и меня объявить, что мы не можемъ сего допустить, но примемъ сіе за объявленіе намъ войны, и уже король шведскій посылаетъ 15 тысячъ войска въ Данію на помощь. Желаю, чтобы сіе предвареніе остановило безсмысленность короля, но опасаюсь, что онъ слишкомъ съ ума сбрелъ, чтобъ остановиться, и тогда война неминуема. Для того настоятельно прошу тебя велѣть 1-й легкой кавалерійской дивизіи слѣдовать въ Литву ближайшимъ путемъ, дабы корпусъ имѣлъ свою кавалерію при себѣ; сіе необходимо, дабы въ случаѣ войны мы могли наводнить восточную Пруссію кавалеріей, дабы не дать имъ очнуться и собраться.

«Жду извѣстій изъ Берлина въ отвѣтъ на мое объявленіе, что буде атакуютъ собственно Данію, приму это за разрывъ съ нами. Какъ служатъ поляки? Надѣюсь, что уличенныхъ въ заговорахъ, или измѣнѣ накажешь по заслугамъ; теперь примѣры заслуженныхъ взысканій еще болѣе необходимы. Пойманныхъ въ Литвѣ заграничныхъ каналій; поймался покуда одинъ, но пробралось извѣстныхъ пять; надо ихъ отыскать».

Король прусскій и его правительство до такой степени было деморализовано, что главнокомандующій нѣмецкими войсками въ Даніи генералъ Врангель, не смотря на приказанія короля, рѣшился ослушаться и оставался въ Даніи. Эта неурядица усиливалась тѣмъ болѣе, что эрцгерцогъ австрійскій Іоаннъ, призванный во Франкфуртъ-на-Майнѣ, намѣстникомъ главы Германскаго Союза, приказывалъ Врангелю не выходить изъ Даніи, а продолжать военныя дѣйствія.

Такое положеніе окончательно возмутило императора Николая, и онъ по этому поводу писалъ Паскевичу:

«Третьяго дня послѣ обѣда получилъ я письмо твое отъ 6-го (18-го) іюля, любезный отецъ командиръ, за которое душевно благодарю.

«Обстоятельства столь неожиданно, столь быстро мѣняются, что едва

сдѣлаешь одно распоряженіе, какъ новое обстоятельство опять принуждаетъ измѣнить предъидущее. Такъ было вчера. Получивъ письмо твое, я отмѣнилъ предполавшееся движеніе гренадеръ и кавалеріи сходно мнѣнію твоему. Въ полдень прибылъ курьеръ изъ Копенгагена съ извѣстіемъ, что генералъ Врангель ослушался короля прусскаго, отзываясь, что, давъ присягу франкфуртскому правленію, онъ не обязанъ слушать короля, отказалъ въ перемиріи и хотѣлъ возобновить военныя дѣйствія! Можешь себѣ вообразить, что̀ все это произвело въ Даніи.

«Сейчасъ велѣлъ написать королю прусскому, что я держусь смысла намѣренія его, которое выказалъ, давъ Врангелю приказаніе заключить перемиріе и возвратить войска. Съ омерзеніемъ узналъ объ ослушаніи Врангеля и ожидаю, что король велитъ прямо своимъ генераламъ, вѣрнымъ долгу, не слушаться его, а воротиться съ войсками. Иначе, повторяю королю, что шагъ дальше будетъ сигналомъ войны съ Россіею. Послѣ обѣда прибыли письма изъ Берлина отъ Мейендорфа, Бенкендорфа и самого короля къ женѣ. Король внѣ себя; послалъ г. Неймана къ Врангелю съ повелѣніемъ слушаться и воротить войска, или что его отставитъ.

«Посмотримъ, что будетъ изъ этого. Мейендорфъ пишетъ, что король, обманутый и обиженный выборомъ эрцгерцога Іоанна, дотого разочарованъ насчетъ мнимаго германизма, что сбросилъ съ себя германскую кокарду и явно ее осмѣиваетъ. Что послѣ этого думать еще объ немъ! Король пишетъ женѣ, что только ждетъ возвращенія своихъ войскъ изъ Гольштиніи, чтобы ввести ихъ въ Берлинъ и укротить анархію, и что ежели отъ стороны Германіи ему будетъ угрожать опасность, то надѣется на насъ! Каково это? Виндишгрецъ пишетъ мнѣ подъ величайшимъ секретомъ, что онъ въ ужасномъ положеніи, что въ Вѣнѣ анархія нынѣ, какъ и прежде, и что на эрцгерцога Іоанна никакой нѣтъ надежды, ибо онъ точно такъ же плохъ, какъ и прежній»...

Напрасно король прусскій въ своихъ письмахъ, присланныхъ съ генераломъ Пфулемъ, старался подробнымъ и убѣдительнымъ образомъ доказать императору Николаю законность войны противъ Даніи, такъ какъ король Фридрихъ VII, февральскимъ декретомъ 1848 года, включилъ гергогство Шлезвигское въ составъ Датскаго королевства. Въ письмѣ отъ 21-го іюня король утверждаетъ, что онъ только желаетъ возстановленія прежняго порядка вещей, и что отъ русскаго государя зависитъ принять на себя роль «ангела мира» и заставить датскаго короля уважать права Германскаго Союза и герцога аугустенбургскаго на Шлезвигское герцогство.

Твердость и настойчивость императора охладила прусскаго короля, который отдалъ генералу Врангелю приказъ возвратиться въ Германію, что̀ имъ и было приведено въ исполненіе.

По поводу ослушанія Врангеля государь писалъ Паскевичу, 24-го іюля (7-го августа): «Въ Берлинѣ признаютъ, что Врангель съ ума сбрелъ, но не смѣютъ его смѣнить».

Когда государь узналъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій въ Даніи и о заключеніи въ августѣ перемирія въ Мальмэ, онъ воскликнулъ: «Уфъ! однимъ меньше».

С. З.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Императрица Екатерина II и ея землячки.

I.

Прошеніе-Шарлотты-Фридерики Эспе, урожденной Килль, дочери кормилицы имп. Екатерины II.

Нарва, 19-го января 1794 г.

Всемилостивѣйшая государыня! Предстоящія намъ бѣдствія отъ безпрерывныхъ болѣзней и совершенной глухоты мужа моего, маіора Эспе, проведшаго 39 лѣтъ въ вѣрномъ и ревностномъ служеніи вашему императорскому величеству, коего отнынѣ продолжать онъ уже не въ силахъ, понуждаютъ насъ повергнуться къ стопамъ вашего величества и просить себѣ высочайшей милости. Благополучными почтемъ себя, если вашему величеству удобно будетъ пожаловать намъ, по смерть обоихъ насъ, пенсію, какову получала покойная мать моя, бывшая кормилицею вашего императорскаго величества.

II.

Письмо графини Луизы Гогенлогенской, урожденной графини Столбергъ-Россельской, изъ Шротсберга, при Ротенбургѣ.

25-го мая 1794 года.

Позвольте, всемилостивѣйшая государыня, 73-хъ-лѣтней старицѣ, повергшись къ стопамъ вашего императорскаго величества, всеподданнѣйше представить вамъ вкратцѣ объ угнетающей ее крайности. Хотя по кончинѣ мужа моего наслѣдовала я всѣмъ его имѣніемъ, но онъ оставилъ долги, нажитые имъ по причинѣ болѣзненныхъ его припадковъ и частой ѣзды къ цѣлительнымъ водамъ, коихъ по сіе время выплатить не могу. Посему и прошу ваше величество, хотя и безъ всякой моей заслуги, пожаловать мнѣ что-нибудь отъ щедротъ вашихъ, тѣмъ паче, что я имѣю счастіе быть недостойною вашего величества единоземкою, ибо Ангальтъ-Цербстъ и родина моя Россель, при Гарцѣ, отстоятъ не болѣе, какъ на 4 мили.

Оба эти прошенія землячекъ императрицы Екатерины II-й не имѣли успѣха, по поводу перваго прошенія была сдѣлана своевременно слѣдующая помѣта: «Отказано», а по поводу втораго: «Оставлено безъ всякаго дѣйствія».

Сообщ. **Александръ Успенскій.**

ПОСОЛЬСТВО КНЯЗЯ МЕНШИКОВА ВЪ ПЕРСІЮ
въ 1826 году.

(Изъ дневника генералъ-лейтенанта Ѳ. Ѳ. Бартоломея).

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бартоломей родился 1-го іюня 1800 г. и происходилъ изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи. Онъ вступилъ въ службу 16-го мая 1809 г. въ бывшій Лѣсной департаментъ, изъ котораго въ 1812 году переведенъ въ департаментъ государственныхъ имуществъ, и на тринадцатомъ году отъ рожденія (въ 1812 г. 31-го декабря) произведенъ въ коллежскіе регистраторы. Въ 1813 г. (августа 14-го) онъ былъ опредѣленъ по прошенію портупей-юнкеромъ лейбъ-гвардіи въ Саперный баталіонъ, изъ котораго въ 1814 году переведенъ л.-гв. въ конную артиллерію и въ іюлѣ 1816 года за отличіе по службѣ произведенъ въ прапорщики. Въ февралѣ 23-го 1819 года Ѳ. Ѳ. Бартоломей, будучи въ чинѣ подпоручика, былъ переведенъ лейбъ-гвардіи въ Конно-Піонерный эскадронъ. Произведенный 2-го іюля 1822 г. въ капитаны, онъ былъ назначенъ командиромъ I-го конно-піонернаго эскадрона, въ томъ же эскадронѣ за отличіе по службѣ произведенъ 5-го декабря 1823 г. въ подполковники, и 1-го января 1826 г. въ полковники. Затѣмъ, 17-го января 1826 года высочайшимъ приказомъ онъ былъ причисленъ къ временной миссіи, отправленной подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Меншикова въ Персію [1]). Печатаемый ниже

[1]) О послѣдующей службѣ Ѳ. Ѳ. Бартоломея мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

дневникъ [1]) Ѳедора Ѳедоровича хорошо рисуетъ то положеніе, въ которомъ находилось посольство и самъ князь Меншиковъ.

Желаніе утвердить миръ и союзъ между Россіею и Персіею и отстранить нѣкоторыя несогласія относительно границъ, которыя хотя и были подробно описаны въ Гюлистанскомъ трактатѣ, но, не бывъ окончательно размежеванными, подавали часто поводъ къ непріятностямъ,—побудили императора Николая I отправить въ началѣ 1826 г. въ Персію посланника, который бы, возвѣстивъ Фетхъ-Али-шаху о вступленіи на престолъ государя, устроилъ бы окончательно и пограничное дѣло. Эти порученія требовали для переговоровъ съ правительствомъ хитрымъ, вѣроломнымъ, часто не признававшимъ святость договоровъ,—человѣка умнаго и тонкаго, тѣмъ болѣе, что отдаленность отъ Петербурга не дозволяла въ случаяхъ сомнительныхъ требовать разрѣшеній правительства. Данныя же инструкціи, по безпрестанно перемѣнявшимся обстоятельствамъ, дѣлались часто недостаточными и должно было всегда почти руководствоваться собственнымъ благоразуміемъ. Выборъ монарха, для исполненія этого труднаго порученія, палъ на князя Меншикова. Стеченіе непредвидимыхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствъ не только затруднило переговоры, но и уничтожило всякую возможность привести ихъ къ желаемой цѣли. Князь, принятый въ Персіи съ почестями, требуемыми его званіемъ, впослѣдствіи со всею миссіею былъ задержанъ вопреки правъ народныхъ, и мирный посолъ дружественной державы—едва не подвергся участи военноплѣннаго. Его твердости, умѣренности и проницательности обязана миссія освобожденіемъ своимъ и спасеніемъ жизни лицъ, ее составлявшихъ.

Въ числѣ прочихъ чиновниковъ миссіи назначенъ былъ и я. Миссія отправилась тремя дорогами. Князь съ большею частію оной поѣхалъ прямымъ путемъ въ Тифлисъ. Подарки, назначенные шаху,—между ними и прекрасная хрустальная кровать, коею жители Петербурга любовались въ Таврическомъ дворцѣ,—отправлены были водою черезъ Астрахань, по Каспійскому морю, въ Тегеранъ. Мнѣ съ двумя чиновниками назначено было ѣхать черезъ Черное море до Редутъ-Кале; а тамъ черезъ Мингрелію, Имеретію и Карталинію въ Тифлисъ.

Я отправился въ первыхъ числахъ февраля 1826-го года. Со дня моего назначенія въ миссію вознамѣрился я записывать вкратцѣ въ памятную книжку всѣ происшествія, стоющія нѣкотораго вниманія, равно

---

[1]) Сообщеніемъ этого интереснаго дневника редакція обязана внуку покойнаго В. А. Бартоломею, которому и приноситъ искреннюю благодарность.

какъ и замѣчанія мои. Такимъ образомъ составились путевыя записки, которыя впослѣдствіи по разнымъ обстоятельствамъ не были мною окончены. Оставались однако же въ памятной книжкѣ моей краткія отмѣтки главныхъ событій. Двѣнадцать слишкомъ лѣтъ записки мои покоились въ портфелѣ. Походы, занятія по службѣ, житейскія хлопоты не позволяли мнѣ даже пересмотрѣть этихъ матеріаловъ, набросанныхъ мною хотя наскоро, но на самомъ мѣстѣ, по горячимъ слѣдамъ, и которые могу назвать очеркомъ первыхъ впечатлѣній, произведенныхъ на меня новою страною, новыми событіями. Только послѣ двѣнадцати лѣтъ могъ я удѣлить нѣсколько свободныхъ минутъ, чтобы прочесть давно написанное и освѣжить въ памяти происшествія, волновавшія нѣкогда душу мою и промчавшіяся мимо меня, какъ фантастическія тѣни волшебнаго фонаря. Я окончилъ бѣглымъ и сколько можно сжатымъ разсказомъ повѣствованіе, которое во время путешествія началъ нѣсколько пространнѣе, и чувствую самъ, что трудъ мой весьма далекъ отъ совершенства. Сдѣлавъ изъ журнала своего нѣкоторыя выписки, которыя полагалъ необходимыми и сообразными съ цѣлью изданія записокъ въ свѣтъ, я однако же не позволилъ себѣ нигдѣ ни малѣйшаго измѣненія въ нихъ, хотя я на многое теперь смотрю совсѣмъ съ другой точки зрѣнія. Но, по моему мнѣнію, первыя наши впечатлѣнія, какъ вдохновеніе юности, при всѣхъ недостаткахъ, не должны быть истребляемы охлаждающимъ опытомъ свѣта. Если я заслужилъ этимъ порицаніе, то безропотно подвергаюсь ему, тѣмъ болѣе, что и не ожидаю ни одобренія, ни похвалъ.

16-го февраля, Кіевъ.

Февраля 5-го, въ 8 часовъ вечера, я выѣхалъ изъ Петербурга. Жестокіе морозы не позволяли ѣхать день и ночь; и какъ, по случаю приближающагося равноденствія мореплаваніе по Черному морю откроется не позже, какъ черезъ мѣсяцъ, то мнѣ и не къ чему торопиться.

Около Могилева встрѣтилъ я на станціи адмирала Грейга, къ которому имѣлъ бумаги. Отъ него узналъ, что изъ Николаева долженъ буду ѣхать въ Севастополь и оттуда уже отправлюсь моремъ. И такъ увижу хотя часть Крыма, что́ давно желалъ бы.

1-го марта, Николаевъ.

22-го февраля пріѣхалъ я въ Николаевъ, гдѣ прожилъ недѣлю, потому что назначенный для меня въ Севастополѣ фрегатъ «Поспѣшный» будетъ снаряженъ только къ 7-му числу будущаго мѣсяца.

*

11-го марта. Севастополь.

Вечеромъ 7-го числа мы подъѣзжали къ Севастополю. У берега залива мы остановились, ожидая гребцовъ, которые должны были перевезти насъ на другой берегъ, гдѣ построенъ городъ. Вечеръ былъ прекрасный! Луна важно плыла на безоблачномъ небѣ; бѣлыя строенія Севастополя, какъ будто привидѣніе, неподвижно стояли въ мрачныхъ окрестностяхъ; серебряныя воды тихо струились и отражали корабли, которые тамъ и сямъ, какъ черныя фантастическія тѣни исходили изъ бездны; далѣе въ сторону взоръ терялся въ мрачной пучинѣ моря, глухой гулъ волнъ раздавался издали и придавалъ картинѣ сей нѣчто таинственное... Проѣзжая мимо фрегата, вдругъ раздался голосъ часоваго, насъ окликавшаго. «Это нашъ фрегатъ»—сказалъ я и точно не ошибся.

Мы остановились во дворцѣ, гдѣ не задолго передъ тѣмъ останавливался императоръ Александръ, чувствуя себя уже не совсѣмъ здоровымъ.

15-го марта. Фрегатъ „Поспѣшный“ (на Черномъ морѣ).

Утромъ 11-го марта отслужено было на фрегатѣ молебствіе. По случаю штиля не могли мы однако же сняться съ якоря прежде 13-го числа въ 7 часовъ утра. Вѣтеръ былъ столь слабый, что, имѣя всевозможные паруса, мы едва подвигались и должны были взять фрегатъ на буксиръ, чтобы вывести его изъ гавани. Погода была прекрасная, и медленность нашего плаванія мнѣ вовсе не была непріятна. Стоя на палубѣ, смотрѣлъ я, какъ Севастополь тихо погружается въ бездну морскую. Монастырь Св. Георгія на салютъ нашъ отвѣчалъ колокольнымъ звономъ. Утесистый берегъ Крыма, мало-по-малу превращаясь въ темную синеватую полосу, наконецъ исчезъ совсѣмъ...

Кто въ первый разъ на морѣ, для того все ново, все занимательно. Въ первые дни нашего плаванія видѣли мы прекрасную цѣпь горъ южнаго берега Крыма; потомъ, отнесенные бурею въ середину Чернаго моря, намъ пришлось видѣть иногда живописную картину горъ Анатоліи.

Въ двѣнадцатый день нашего плаванія, утромъ забѣлѣли на темноголубомъ горизонтѣ, съ одной стороны, покрытыя снѣгомъ горы Кавказскія, съ другой Трапезондскія. Рано утромъ голосъ съ вершины мачты закричалъ: б е р е г ъ! б е р е г ъ! и всѣ сбѣжали на палубу и бросились къ картѣ корабля. Скоро черезъ зрительныя трубы отличили Редутъ-Кале, который, какъ чернѣющееся пятно, едва былъ примѣтенъ.

Марта 23-го въ 7 часовъ вечера, когда начинало уже смеркаться, бросили мы якорь въ двухъ верстахъ отъ берега. Вскорѣ засверкавшіе огоньки обозначили въ черномъ пространствѣ Редутъ-Кале и крѣпость.

Поти. Мы сдѣлали сигнальный выстрѣлъ. Намъ отвѣчали таковымъ же съ пущеннымъ фальшвейеромъ. Я остался на фрегатѣ, гдѣ провелъ послѣднюю ночь.

На разсвѣтѣ другаго дня увидали мы ясно берега древней Колхиды. Нѣсколько лодокъ съ турецкими рыбаками въ чалмахъ и острыхъ шапкахъ показали намъ, что мы въ Азіи, у тѣхъ самыхъ мѣстъ, гдѣ болѣе нежели за три тысячи лѣтъ Язонъ и Аргонавты искали золотое руно, и гдѣ нѣкогда Фазисъ (нынѣ рѣка Ріонъ) струился по золотому дну.

Простясь съ капитаномъ и офицерами, сѣли мы въ катеръ и вышли на берегъ новаго для насъ края, гдѣ были встрѣчены комендантомъ.

24-го марта. Кр. Редутъ-Кале.

Редутъ-Кале, на берегу Чернаго моря и рѣки Хоніи,—небольшое укрѣпленіе, окруженное земляным валомъ со стороны моря, почти каждый годъ смываемымъ. По болотистому мѣстоположенію, нездоровому климату и большой смертности, Редутъ-Кале почитается самымъ опаснымъ мѣстомъ въ Мингреліи.

Черезъ Редутъ-Кале ведется торгъ изъ Одессы и Константинополя съ Грузіею, и потому здѣсь ни въ чемъ нѣтъ недостатка. Торговля была бы гораздо значительнѣе, если бы Редутъ-Кале имѣлъ гавань, но теперь, по мелководію, корабли не могутъ подходить близко къ берегу и буруны бываютъ причиною крушеній многихъ судовъ. Торгъ большею частью производятся при помощи плоскодонныхъ турецкихъ лодокъ, которыя, плывя по берегу, при видѣ буруновъ тотчасъ втаскиваются на берегъ. Часъ послѣ того какъ мы вышли на берегъ, начались буруны, но фрегатъ, примѣтивъ по вѣтру ихъ приближеніе, снялся съ якоря, пустился въ море, и скоро мы потеряли его изъ виду.

25-го марта.

Вчера посѣтилъ меня молодой владѣтельный князь возмутившейся Абхазіи, Михаилъ Шервашидзе. Онъ живетъ здѣсь съ матерью и сестрами, изъ коихъ одну по красотѣ называютъ солнцемъ Абхазіи. Отъ этого солнца получилъ я въ подарокъ собственной ея работы шелковый золотомъ вышитый мѣшечекъ для огнива. Не должно воображать, чтобы князья жили здѣсь великолѣпно и роскошно. Небольшая хижина безъ оконъ, а еще чаще только плетень съ камышевою крышею,—вотъ ихъ замокъ. Пища соотвѣтствуетъ скромному жилищу, и только богатая одежда отличаетъ ихъ отъ подданныхъ. Оно и не можетъ быть иначе. Грузія и Имеретія изобилуютъ князьками, а потому и нѣтъ возмож-

ности быть имъ всѣмъ богатыми. Княжеское ихъ достоинство имѣетъ много сходства съ нѣкоторыми европейскими баронствами.

28-го марта. Кутаисъ.

Послѣ двухъ дней странствованія пріѣхали мы 28-го марта въ Имеретію, древнюю Иберію. Вечеромъ, при захожденіи солнца, выѣзжая изъ горъ, увидѣли городъ Кутаисъ, построенный на лѣвомъ берегу Ріона. По крутому и утесистому берегу мы поднимались къ городу. Съ лѣвой стороны узкая дорога упирается къ высокой гранитной скалѣ; съ правой она виситъ, такъ сказать, надъ бездною. Внизу волны Ріона свирѣпо бушуютъ. Тамъ, гдѣ оба берега рѣки, достигнувъ самой большей высоты, сближаются, составляя надъ волнами какъ бы разрушившійся сводъ, перекинутъ деревянный мостъ, ведущій къ городу.

31-го марта. Кутаисъ.

Вчера пришли сюда наши вьюки. Мы полагали ихъ погибшими. Завтра отправляются далѣе. По извѣстіямъ, изъ Тифлиса полученнымъ, узналъ я, что князь Меншиковъ съ прочими чиновниками миссіи уже тамъ.

3-го апрѣля. Городъ Гори.

Перваго апрѣля отправились мы въ путь.

Отъ Кутаиса (въ Тифлисъ) начинается военно-имеретинская дорога, во многихъ мѣстахъ хорошо отдѣланная и украшенная мостиками изъ бѣлаго камня... Въ г. Гори прибылъ я на третій день. Завтра, не верхами, но на почтовыхъ русскихъ телѣгахъ отправляемся въ Тифлисъ, отстоящій отъ Гори почти 80 верстъ.

16-го апрѣля. Тифлисъ.

Вчера мнѣ объявилъ князь Меншиковъ, что я долженъ ѣхать въ Тавризъ къ наслѣднику персидскому Аббасъ-Мирзѣ. Полагалъ провести праздники здѣсь, а на мѣсто того отправляюсь въ Персію на второй день Пасхи.

22-го апрѣля. Селеніе Каракилиса.

20-го апрѣля послѣ грузинскаго угощенія въ загородномъ домѣ,— отправились мы въ путь верхомъ въ 4 часа послѣ обѣда. Переправясь черезъ Алгетку, когда уже смеркалось, подъѣзжали мы къ быстрой рѣкѣ Куры или Храмъ, въ которой вода иногда по нѣсколько разъ въ день то прибываетъ, то убываетъ и, разливаясь широко, дѣлаетъ переправу опасною, тѣмъ болѣе, что невозможно означить въ ней брода.

Наконецъ добрались до казачьего поста въ деревни Шулавѣрахъ, остались тамъ ночевать, потому что вьюки, опасаясь переправиться, ожидали разсвѣта на берегу Храма.

21-го числа, рано утромъ отправились далѣе, верхомъ же на ху-

дыхъ казачьихъ лошадяхъ. Мы ѣхали черезъ высокія горы. Дикое мѣстоположеніе представляло прекрасные и вмѣстѣ мрачные виды. Дорога шла черезъ узкое каменное ущелье, прозванное Акзебіюкъ (большая пасть). Русскіе называютъ это мѣсто Волчьими воротами. Сдѣлавъ 64 версты, поздно вечеромъ пріѣхали мы въ Джелалъ-Оглы на рѣкѣ Каменкѣ. Рѣка эта быстро течетъ среди высокихъ гранитныхъ береговъ. Внизу рисуется деревянный мостъ, и вблизи съ крутаго берега, низвергается водопадъ. Въ сторонѣ видны развалины замка и крѣпости Лори, мѣстопребыванія послѣднихъ армянскихъ царей. На правомъ берегу рѣки построены казармы артиллерійской роты.

Въ 7-ми верстахъ отъ Джелалъ-Оглу на рѣчкѣ Гергерѣ находится казачій постъ и поселена рота женатыхъ солдатъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка. Жены ихъ обучены не только ружейнымъ пріемамъ, но и стрѣльбѣ въ цѣль, такъ что въ случаѣ нападенія эти амазонки могутъ защищаться.

Наши лошади съ трудомъ поднимались на крутизны величественнаго Безобдала. На вершинѣ его я остановился, чтобы дать лошади вздохнуть, а самому полюбоваться картиною, которая надо мною рисовалась. Солнце изъ-за тучъ слабо освѣщало эти дикія мѣста. Снѣгъ кой-гдѣ мелькалъ на вершинахъ скалъ, въ провалахъ и между безлиственными деревами и кустарниками. Внизу надо мною тянулись по объѣздной дорогѣ тяжелые и неуклюжіе мои вьюки съ казаками.

Завтра ѣду на границу для осмотра мѣста, которое принадлежитъ намъ по Гюлистанскому трактату, но оспариваемо персіанами.

Эривань. 25-го апрѣля.

Я въ Персіи. Сижу на земляной стѣнѣ сада Армянскаго монастыря въ Анабатѣ [1]), гдѣ остановился. — Влѣво видна крѣпость. Внизу рѣка Занга шумитъ между крутыми скалами. На противоположномъ берегу бесѣдка сердаря желтѣетъ среди зелени сада. Оба Арарата, покрытые снѣгомъ, величественно возвышаются передо мною.

Вчера рано по утру выѣхалъ я изъ Амамловъ на дрожкахъ. Около двухъ сотъ человѣкъ важнѣйшихъ жителей тѣхъ провинцій, всѣ въ богатыхъ одеждахъ и на прекрасныхъ лошадяхъ, провожали насъ. Два сына хана Шурагельскаго отличались отъ прочихъ богатствомъ конской сбруи и красотою коней. Множество всадниковъ разсыпались по обширной долинѣ. Наѣздничество ихъ, пестрота одеждъ, при единообразіи черныхъ бараньихъ шапокъ; блескъ золота, серебра и драго-

[1]) Крѣпость Эривань стоитъ отдѣльно. Та часть города, которая построена на крутомъ берегу рѣки, называется Анабатъ и большею частію обитаема армянами. Здѣсь обыкновенно отводятъ квартиры для христіанъ-путешественниковъ.

цѣнныхъ камней; азіатскія лица и звуки чуднаго нарѣчія; картинный видъ горъ, между коими вдали возвышался Алагезъ, разсѣкая тучи снѣжною своею головою,—все это поражало и дышало великолѣпіемъ востока. Черезъ горы мы ѣхали верхомъ. Дрожки мои едва перетащили черезъ снѣгъ, покрывавшій глубоко хребетъ горъ Памбакскихъ.— Дорогою къ намъ выѣхалъ навстрѣчу персидскій ханъ Исмаилъ, пріѣхавшій съ нѣсколькими татарами и курдами для занятія спорнаго мѣста.

Близъ татарскаго селенія Алекючакъ мы остановились покормить лошадей. Эта деревня, какъ и всѣ прочія въ Персіи, построена изъ земли близъ ручейка, который отводятъ во всѣ стороны для поливанія полей и садовъ.

Мы отправились далѣе и скоро увидѣли Араратъ во всемъ его блескѣ при заходящемъ солнцѣ. Дорогою встрѣтили дервиша въ ободранной одеждѣ, съ кокосовой чашей, висѣвшей на рукѣ на серебряной цѣпочкѣ. Имѣя болѣе видъ разбойника, нежели святаго странника, онъ остановилъ насъ, призывая ужаснымъ крикомъ имя Аллаха и его благословеніе на насъ съ распростертою къ небесамъ рукою.

Бросивъ ему въ чашу подаяніе (которое однако же должно быть довольно значительно, если не желаешь подвергнуться ругательству или фанатическому бѣшенству этихъ святошей), мы продолжали путь, преслѣдуемые его восклицаніями, заглушившими насъ.

Уже смеркалось, когда мы подъѣзжали къ татарской деревнѣ близъ развалинъ Армянскаго монастыря Іанна-Ванкъ, т. е. монастырь Іоанна. Здѣсь мы расположились ночевать. Нечистота подземельныхъ жилищъ, гдѣ и люди и скотъ живутъ вмѣстѣ, заставила насъ предпочесть лужокъ, на которомъ татары разбили небольшую палатку нашу. Опасаясь скорпіоновъ и тарантулъ, коими страна эта изобилуетъ, долго не могъ я заснуть; но наконецъ усталость превозмогла и усыпила меня крѣпко.

Желая видѣть достопримѣчательный Армянскій монастырь Эчміадзинъ, отправилъ я вьюки и верховыхъ лошадей прямо въ Эривань, а самъ поѣхалъ на дрожкахъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ армянъ мимо небольшаго монастыря св. Георгія, гдѣ вышли монахи, приглашая посѣтить ихъ. Не имѣя времени, я отдѣлался нѣсколькими червонцами, и они остались весьма довольны. Дорогою вправо и влѣво мы видѣли еще много монастырей и церквей, опустошенныхъ и приходящихъ нынѣ въ разрушеніе, но доказывающихъ цвѣтущее нѣкогда состояніе Арменіи, въ тѣ времена, когда христіанство распространилось здѣсь скоро послѣ проповѣдыванія его святыми апостолами.

У селенія Аштаракъ, на крутыхъ берегахъ быстрой рѣчки того же имени, съ трудомъ могли мы проѣхать. На кремнистомъ берегу

построенъ монастырь и селеніе, окруженные садами. Каменный мостъ краснаго цвѣта [1]) легкими сводами перегибался черезъ ручей. Дрожки были почти перенесены жителями на рукахъ по ступенямъ огромныхъ камней, гдѣ съ трудомъ выбирались лошади и мы сами. Бѣлоснѣжный Араратъ, какъ блестящій геній той страны, возвышался на темноголубомъ небѣ и навѣвалъ святыя воспоминанія.

Древній монастырь Эчміадзинъ или по-татарски Ючь-Килиса [2]),—всегдашнее мѣстопребываніе армянскаго патріарха. Нынѣшній патріархъ Нэрсезъ, притѣсняемый персіанами, убѣжалъ въ Тифлисъ и извѣстенъ своею приверженностію къ Россіи. У воротъ монастыря встрѣтило насъ нѣсколько плечистыхъ не весьма старыхъ, но хорошо откормленныхъ монаховъ. Намъ отвели особую комнату. Эчміадзинъ окруженъ каменною стѣною, внутри которой нѣсколько строеній, садъ съ фонтанами и большое четырехъугольное строеніе въ три этажа для странниковъ и посѣтителей.

Митрополитъ и прочіе монахи, показывая намъ въ большой залѣ портретъ нынѣшняго персидскаго шаха, жаловались на притѣсненія, которыя претерпѣваютъ отъ невѣрныхъ, на бѣдность монастыря и изъявляли желаніе быть освобожденными Россіею.

Эривань имѣетъ видъ живописный. Крѣпость украшена внутри нѣсколькими мечетями. Круглые куполы и высокіе минареты выложены узорчато-зелеными и темносиними кафлями. На верху подъ куполами и башнями блеститъ на синемъ небѣ золотой рогъ луны и напоминаетъ вамъ, что вы среди поклонниковъ Магомета. Какъ всѣ дома съ окружающими ихъ стѣнами построены изъ нежженнаго кирпича или просто глинистой земли и имѣютъ вмѣсто крышъ плоскія террасы, то видъ городовъ въ Персіи представляетъ издали какія-то бѣлѣющія массы посреди зелени садовъ.

Одни мечети, минареты и каравансараи возвышаются надъ прочими строеніями.

Часъ спустя послѣ моего пріѣзда, сердарь эриванскій Гуссейнъ ханъ прислалъ меня привѣтствовать и препроводилъ въ подарокъ черную овцу. Въ продолженіе почти двухъ часовъ мы не имѣли ни малѣйшаго покоя. Безпрестанно ко мнѣ приходили длиннобородые персіяне, которыхъ я долженъ былъ угощать чаемъ, входящимъ въ Персіи въ такое же употребленіе, какъ и въ Россіи.

---

[1]) Въ Грузіи и древней Арменіи находится много такихъ мостовъ, построенныхъ изъ большихъ вытесанныхъ камней краснаго цвѣта.

[2]) Эчміадзинъ по-армянски значитъ сошествіе единороднаго. Ючь-Килиса, по-татарски три церкви. Названіе это татарами дано потому, что близъ Эчміадзина находятся еще два монастыря, исключая того, который построенъ на самой покатости Арарата.

Сидя съ поджатыми ногами на полу, коврами устланномъ, въ комнатѣ къ сторонѣ сада совсѣмъ открытой, я и товарищъ мой были предметомъ любопытства всего города. Жители прибѣгали къ намъ, останавливались на террасѣ передъ комнатой, показывали на насъ пальцами, смѣялись надъ нашимъ нарядомъ, разсуждали, толковали между собою и наконецъ расходились, чтобы привести съ собою или прислать своихъ родственниковъ, друзей или знакомыхъ, которые насъ еще не видѣли. Наконецъ, мнѣ надоѣло быть какъ бы на выставкѣ; я потерялъ терпѣніе и, узнавъ отъ переводчика, что я много выиграю даже въ собственномъ мнѣніи этихъ невѣжъ, если прикажу палками согнать ихъ со двора, тотчасъ же воспользовался случаемъ показать, сколько цѣню персидскіе обычаи. Татары мои, раздавая во всѣ стороны палочные удары, съ благоговѣніемъ принимаемые, въ одно мгновеніе пріобрѣли мнѣ уваженіе, которое по добротѣ своей я начиналъ уже терять въ глазахъ персіанъ. Я приказалъ затворить калитку и не впускать никого.

Пока приготовляли намъ походныя кровати наши, разставляли столъ и стулья, и приготовляли ужинъ, я пошелъ любоваться величественнымъ Араратомъ. На небольшомъ возвышеніи передъ крѣпостію пестрѣетъ толпа персіанъ, въ длинныхъ разноцвѣтныхъ одеждахъ и черныхъ шапкахъ. Толпа эта смотритъ на небо, и безмолвно и нетерпѣливо ожидаетъ появленія луны, чтобы поклониться ей. Вдругъ раздаются радостные клики: Аллахъ! Аллахъ! — Кто-то изъ толпы замѣтилъ блѣдный рогъ луны на темноголубомъ небѣ. Всѣ вдругъ повергаются на землю и творятъ молитву, или вечерній намазъ.

Эриванъ. 26-го апрѣля.

Сегодня по утру, прислалъ сердарь своего адъютанта и секретаря мирзу-Джаффера [1]) спросить о моемъ здоровьи, а еще болѣе, какъ замѣтилъ я, чтобы вывѣдать, зачѣмъ я отправленъ, и узнать о посольствѣ нашемъ и о всемъ, въ Россіи происходившемъ. Въ одиннадцать же часовъ пришелъ ферашъ-баши (начальникъ слугъ) пригласить меня къ сердарю.

Въ сопровожденіи татаръ, при мнѣ находившихся, отправился я съ

---

[1]) Слово мирза, когда стоитъ послѣ имени собственнаго, какъ напримѣръ: — Аббасъ-мирза, Сеферъ-Муллукъ-мирза, Хозревъ-мирза и т. п., означаетъ принца. Если же оно поставлено впереди имени, какъ здѣсь, или какъ напримѣръ: Мирза-Нариманъ, Мирза-Али-Эгберъ, и проч., то означаетъ секретаря, иногда министра и вообще чиновника гражданской службы. Мирза однако же можетъ быть при томъ и ханомъ (высшее дворянское достоинство), какъ, напримѣръ, персидскій министръ иностранныхъ дѣлъ (бывшій нѣкогда посломъ въ Россіи и Англіи) Мирза-Аббулъ-Гассанъ-ханъ. Дипломатическихъ чиновниковъ нашей миссіи персіане называли также мирзами.

К.... верхомъ [1]). Впереди шелъ ферашъ-баши и нѣсколько ферашей, которые палками разгоняли толпящійся вокругъ насъ народъ. Одинъ изъ моихъ людей назначенъ былъ для раздаванія милостыни дервишамъ и нищимъ. Послѣднихъ колотили немилосердно, но, привыкшіе къ такому обхожденію, они тѣснились и принимали почти съ одинакимъ усердіемъ и деньги и побои. Съ такимъ церемоніаломъ въѣхали мы въ крѣпость, построенную на крутой скалѣ берега Занги и окруженную двумя рвами и тремя толстыми и высокими стѣнами. Передъ крѣпостью на площадкѣ стоялъ артиллерійскій паркъ, составленный изъ 6-ти орудій малаго калибра съ красными лафетами, въ самомъ жалостномъ видѣ. Иныя были безъ колесъ и стояли на колодахъ. Зарядныхъ ящиковъ и даже передковъ вовсе не было. Часовой въ широкихъ бѣлыхъ шароварахъ, спрятанныхъ въ кожѣ, которою были безобразно обернуты его ноги, съ ружьемъ на плечѣ, важно прогуливался на посту своемъ. Меня съ намѣреніемъ повезли мимо этого парка, но довольно однако же далеко, полагая, что не замѣчу тогда неисправностей артиллеріи. Провожавшіе меня персіане обратили мое вниманіе на эту батарею и старались увѣрить, что крѣпость въ весьма хорошемъ оборонительномъ положеніи. Внутренно улыбаясь надъ ихъ самонадѣянностію [2]), я выказывалъ свое удивленіе насчетъ всего мною видѣннаго. Въ самой крѣпости была съ обѣихъ сторонъ вродѣ шпалеровъ разставлена иррегулярная пѣхота, т. е. ободранная толпа, вооруженная саблями и ружьями, изъ коихъ нѣкоторыя были даже безъ замковъ.

На дворѣ дворца, построеннаго, какъ и всѣ жилища въ Персіи, изъ нежженнаго кирпича, сошли мы съ лошадей и вошли въ Диванъ-ханэ [3]). Зала эта съ одной стороны, какъ открытая галлерея, примыкала къ саду. Тутъ, на террасѣ, билъ фонтанъ въ мраморномъ бассейнѣ. На противуположной сторонѣ, надъ крутизною быстрой Занги, сквозь отворенныя окна рисовался на темноголубомъ небѣ величественный Араратъ и правый берегъ рѣки, съ садами и посреди ихъ бесѣдкою сердаря. Окна и вся комната были убраны разноцвѣтными стеклами. Полъ былъ устланъ гератскими коврами.

Напротивъ сердаря, сидѣвшаго на полу и облокотившагося на большую круглую подушку, поставлены были для насъ двое креселъ, что

---

[1]) Полная фамилія въ оригиналѣ не обозначена.

[2]) Впослѣдствіи однако же крѣпость Эриванская, и безъ того сильная уже по природному мѣстоположенію своему, была снабжена всѣмъ нужнымъ для долговременной обороны.

[3]) Диванъ-ханэ, во дворцахъ называется аудіенціонная зала; въ прочихъ же домахъ это гостиная или пріемная комната. Въ великолѣпныхъ и огромныхъ шатрахъ персидскихъ находятся также диванъ-ханэ, убранные богатыми коврами.

означало большое вниманіе и уваженіе со стороны персіанъ. Передъ сердаремъ лежали большіе карманные часы и красиво эмальированный кувшинъ.

Я отдалъ письмо, которое сердарь положилъ подлѣ себя, не распечатавъ, потому, что не умѣлъ читать. На террасѣ стояло множество придворныхъ, и между ними секретарь мирза-Джафферъ, которому приказано было прочесть письмо вслухъ. Пока сердарь черезъ переводчика со мною разговаривалъ, ему и намъ принесли богатые кальяны. Просидѣвъ такимъ образомъ около часу времени, я всталъ и простился съ сердаремъ, который, обѣщая мнѣ прислать мегмендаря, т. е. провожатаго для дороги, пробормоталъ, кивая важно головою: Худофисъ [1]).

Мы отправились домой тѣмъ же самымъ порядкомъ, какъ и прежде, провожаемые любопытными, которые толпились вокругъ насъ, не взирая на побои, раздаваемые ферашами съ удивительною щедростію и ловкостію. Вечеромъ приходилъ ко мнѣ армянскій меликъ Сачакъ, объявить мнѣ отъ имени сердаря, что его высокостепенство былъ мною весьма доволенъ и присылаетъ еще черную овцу.

Завтра утромъ я отправлюсь далѣе.

Сердарь эриванскій Гуссейнъ-Кули-ханъ, 86-ти лѣтній старецъ, родомъ каджаръ, какъ и самъ шахъ. Онъ одинъ изъ первыхъ вельможъ Персіи и имѣетъ полную довѣренность своего государя, который отчасти ему обязанъ престоломъ. Какъ непримиримому врагу русскихъ, ему поручена область Эриванская, пограничная съ Россіею.

Онъ управляетъ ею хорошо, привелъ въ такое состояніе, что она почитается одною изъ лучшихъ и богатѣйшихъ провинцій Персіи, и пріобрѣлъ любовь и уваженіе магометанскихъ жителей; но армянъ онъ притѣсняетъ. Любя восточную пышность, онъ имѣетъ большой дворъ. Его приближенные богаче и лучше содержаны, нежели какъ служащіе у самого наслѣдника.

Не умѣя ни читать, ни писать, онъ безъ образованія; но одаренъ отъ природы умомъ и тѣми способностями, которыя нужны для государственнаго человѣка въ Персіи.

Деревня Девалу. 27-го апрѣля.

Хотя изъ Эривани мы выѣхали рано утромъ, однако же не освободились отъ непріятной церемоніи, которой всѣ иностранцы подвергаются въ Персіи. Эта церемонія состояла въ томъ, что, бывъ предметомъ любопытства всего города, насъ провожала толпа праздной черни. Нищіе толпились и, прося подаянія, едва не тащили насъ съ

[1]) Прощай!—Это выраженіе есть начало цѣлой фразы, которая однако же почти никогда не говорится вся.

лошадей. Дервиши молились и благословляли на путь крикомъ, походившимъ болѣе на проклятія. Плясуны и фигляры коверкались подъ ногами лошадей, останавливали насъ на каждомъ шагу и судорожными и неблагопристойными движеніями, ходя то на рукахъ, то на головѣ, казалось, хотѣли испытывать наше терпѣніе. Пѣсельники и какіе-то крикуны ревѣли немилосердно. Музыканты били въ бубны, бряцали на какихъ-то лютняхъ, вродѣ нашихъ балалаекъ, и трубили въ большіе загнутые вверхъ рога, коихъ глухой гулъ наводилъ тоску и уныніе. Словомъ, всѣ шумѣли и кричали. Мы раздавали деньги, кому только могли. Люди же наши щедрѣе насъ надѣляли ударами всѣхъ безъ изъятія, дѣйствуя вправо и влѣво большими дубинами и нагайками.

За городомъ передъ нами открылась прекрасная равнина Эриванской области. Множество разбросанныхъ селеній, окруженныхъ зеленью садовъ, оживляли эту картину. Быстрый Араксъ мчался, изгибаясь близъ подошвы Арарата, и мелькалъ вдали серебряною змѣею. Двѣ снѣжныя вершины Арарата, ярко позолоченныя лучами солнца, сближаясь другъ къ другу, казалось, шли намъ навстрѣчу. Искусственные водопроводы часто останавливали насъ, и мы должны были иногда объѣзжать довольно далеко, чтобы для дрожекъ моихъ находить переѣздъ.

Вечеромъ пріѣхали мы въ Девалу.

Деревня Норашенъ. 28-го апрѣля.

Выѣхавъ сегодня изъ Девалу, еще нѣсколько любовались мы прекрасною долиною; но скоро она превратилась въ голую, скучную степь, изрѣдка населенную и кой-гдѣ пересѣченную возвышенностями. Дорогою виднѣлись въ разныхъ мѣстахъ около ручейковъ черныя палатки кочующихъ куртинцевъ. Иногда выскакивалъ изъ кочевья на лихомъ конѣ любопытный куртинецъ, чтобы посмотрѣть на насъ. Длинная бамбуковая пика, небольшой щитъ изъ кожи носорога, на головѣ платокъ въ видѣ чалмы или шапка съ висячимъ внизъ краснымъ концомъ, въ родѣ казачьей, иногда вмѣсто архалука, куртка, обшитая шнурками,— вотъ одежда этой неустрашимой конницы.

Дрожки мои возбуждали любопытство не только куртинцевъ и жителей селеній, но даже и самыхъ животныхъ. Забавно было видѣть, какъ иногда пасущійся близъ дороги рогатый скотъ, слыша стукъ колесъ, подходилъ медленно къ дорогѣ и съ удивленіемъ вглядывался въ незнакомый для него экипажъ; при приближеніи же его вдругъ съ испугу поворачивался и бѣжалъ назадъ, лягаясь и дѣлая самыя смѣшныя тѣлодвиженія. Мы не разъ этимъ забавлялись. Послѣ небольшаго привала въ селеніи Купи, приблизились мы къ нѣсколькимъ деревнямъ, которыя всѣ вмѣстѣ называются Шаруръ. Въ одной изъ нихъ, Норашенъ, мы остановились для ночлега. Тутъ для проѣзжихъ построенъ домъ,

какъ и въ Девалу. Большой дворъ окруженъ зеленою стѣною и раздѣленъ на двѣ части. На одной сторонѣ конюшни, на другой домъ въ одинъ этажъ съ двумя покоями, совсѣмъ открытыми со стороны двора; въ каждомъ покоѣ небольшой камелекъ и въ стѣнахъ ниши, которыя служатъ шкапами. Вотъ обыкновенная архитектура здѣшнихъ строеній, и одни только украшенія и величина комнатъ составляютъ великолѣпіе и богатство домовъ.

Мегмендарь, данный мнѣ изъ Эривани, провожаетъ насъ безотлучно, и намъ рѣшительно не нужно ни о чемъ хлопотать. Лошади и пища для насъ и для прислуги нашей доставляются безденежно; но я обязанъ за то дѣлать хозяевамъ, гдѣ пристаю, подарки, превышающіе цѣнность всего нами употребляемаго.

При путешествіяхъ въ Азіи, мегмендарь необходимъ. Безъ него христіане не получали бы иногда и за деньги того что, имъ нужно. Мегмендарь получаетъ фирманъ (повелѣніе), въ которомъ написано, сколько ежедневно долженъ требовать. Тутъ не пропущено ни малѣйшей бездѣлицы и все назначено въ излишествѣ. По этому фирману онъ все нужное собираетъ отъ жителей, при чемъ конечно находитъ свои выгоды. Уѣзжая, даетъ имъ квитанціи въ полученномъ, и при сборѣ податей всякій представляетъ квитанціи въ зачетъ денегъ, которыя долженъ уплатить. Мегмендари даются только знатнымъ путешественникамъ и чиновникамъ, посылаемымъ правительствомъ по важнымъ порученіямъ. Иностранцы однако же всѣ безъ исключенія пользуются этою почестію. Когда пріѣзжали мы на ночлегъ, то намъ тотчасъ постилали на полъ ковры, и высокій стройный персіанинъ (они вообще большаго роста и стройны) приносилъ на головѣ обѣдъ, разложенный на большомъ подносѣ, и, становясь на колѣни, тихо опускалъ его передъ нами на коверъ. Подносы эти, всегда круглые, сдѣланы изъ металла и обыкновенно вылужены. Иногда кругомъ ихъ рѣшеточка составлена изъ буквъ, которыми означено какое-нибудь реченіе Корана. На подносѣ разложены чуреки, т. е. огромные тонкіе блины или сухари, употребляемые вмѣсто хлѣба и салфетокъ. При обѣдѣ и ужинѣ любимая приправа персидскихъ блюдъ, зеленый лукъ, никогда не забывается. Онъ наложенъ особенными большими кучками и употребляется безпрестанно. Не имѣя ни ножей, ни вилокъ, персіане ѣдятъ всегда пальцами правой руки. По окончаніи обѣда или ужина, приносится высокій металлическій кувшинъ съ теплою водою для омовенія рукъ. Полотенецъ и салфетокъ у персіанъ нѣтъ, и для того они утираются всегда носовыми платками. Послѣ обѣда, а часто и цѣлый день они сидятъ на колѣняхъ или полулежа облокачиваются на круглыя подушки, въ родѣ вальковъ, молча и куря кальянъ или трубки. Это восточный к е й ф ъ.

Зная, что въ Персіи нѣтъ хорошаго вина (исключая ширазскаго.

котораго весьма трудно здѣсь достать), я взялъ съ собою цѣлый бурдюкъ кахетинскаго вина. Магометане, не взирая на запрещеніе Корана, большіе пьяницы и находятъ всегда тому какой-нибудь предлогъ или извиненіе. Сейчасъ, напримѣръ, прислала ко мнѣ жена здѣшняго Асланъ-хана, дочь сердаря эриванскаго, овцу и арбузъ, и огромную пустую чашу, прося наполнить ее для больнаго мужа тѣмъ лѣкарствомъ, которое у меня въ бурдюкѣ. Я полагалъ, что свиной бурдюкъ спасетъ вино отъ персіанъ, но ошибся. Свиная ножка безпрестанно развязывается, бурдюкъ мой съ часу на часъ дѣлается тоще и тоще, и нектаръ Кахетіи наполняетъ огромные сосуды беззаконниковъ.

Нахичевань. 29-го апрѣля.

Выѣхавъ изъ Норашена, мы тотчасъ же должны были переправляться въ бродъ черезъ десять рукавовъ Арпачая. Теперь въ нихъ воды было мало, и нѣсколько рукавовъ были совсѣмъ сухи, но иногда, при сильномъ разлитіи, все пространство такъ заливаетъ, что образуется озеро, и тогда переправа опасна. Въ селеніи Каврахъ мы сдѣлали привалъ. Здѣсь провезено было одно восьми-фунтовое орудіе. Два топчи (артиллериста) верхами на хорошихъ лошадяхъ провожали его. Эти топчи были хорошо одѣты. Красивыя черныя бараньи шапки, темно-синія суконныя куртки съ красными воротникомъ и обшлагами, широкія бѣлыя шаровары—все это такъ ловко и свободно сшито; все такъ способно для дѣйствія артиллериста около орудія. Хотя топчи и были верхами, но не должно полагать, чтобы это была конная артиллерія. Она въ Персіи не существуетъ. На походѣ вообще многіе солдаты, даже пѣхотные имѣютъ собственныхъ лошадей или ословъ, на которыхъ ѣдутъ верхами.

Тавризъ. 2-го мая.

Въ 5 часовъ вечера мы подъѣзжали къ Тавризу, который имѣетъ издали довольно красивый видъ. Въ шести верстахъ отъ города у большаго каменнаго моста встрѣтилъ насъ исправлявшій тогда должность повѣреннаго въ дѣляхъ Россіи при дворѣ персидскомъ, Амбургеръ, съ прочими чиновниками россійской миссіи и съ множествомъ купцовъ и другихъ русскихъ подданныхъ, выѣхавшихъ навстрѣчу въ богатыхъ одеждахъ и верхами на прекрасныхъ персидскихъ жеребцахъ.

Вскорѣ встрѣтилъ меня присланный отъ Аббасъ-мирзы (наслѣдника) съ привѣтствіемъ начальникъ вновь сформированнаго гвардейскаго баталіона Кассимъ-ханъ.

Близъ города встрѣтили насъ, какъ обыкновенно, плясуны, дервиши, нищіе, музыканты и любопытные, которые, шумя и коверкаясь, провожали насъ до города. По узкимъ улицамъ между высокихъ стѣнъ, окру-

жающихъ дома, гдѣ на верху всегда множество собакъ лаютъ и грызутся,—притащились мы наконецъ на свою квартиру.

Тавризъ, отдаленный отъ Маранда на 10 агачей или 65 верстъ, столица персидскаго Нагибъ-Султанэ, Шахъ-Задэ Аббасъ-мирзы [1]). Городъ этотъ нѣкогда былъ довольно великъ, но послѣднее землетрясеніе (бывшее впрочемъ 40 лѣтъ тому назадъ) его почти совсѣмъ разрушило. А какъ здѣсь совсѣмъ не думаютъ о строеніяхъ и устройствѣ городовъ, то слѣды этого землетрясенія еще до сихъ поръ не изгладились.

5-го мая.

Я живу въ домѣ россійской миссіи и имѣю безсмѣнный персидскій караулъ, изъ одного унтеръ-офицера и нѣсколькихъ сарбазовъ состоящій. Сарбазами называются персидскіе пѣхотные солдаты. Тѣ изъ нихъ, которые служатъ въ войскѣ самого шаха, зовутся джамбазами [2]).

Чтобы дать читателямъ нѣкоторое понятіе о строгомъ порядкѣ здѣшней гарнизонной службы, разскажу поступокъ одного изъ сарбазовъ моего караула. Для облегченія солдатъ я не приказалъ выходить для меня безпрестанно въ ружье, такъ что одинъ только часовой у фронта отдавалъ мнѣ честь, а прочіе обыкновенно разсуждали и играли съ нашими людьми. Въ одной изъ этихъ дружескихъ бесѣдъ кучеръ мой, природный русскій, поссорясь съ однимъ изъ сарбазовъ, поколотилъ его порядочно, извиняясь впослѣдствіи передо мною тѣмъ, что тотъ бусурманъ. Сдѣлавъ ему за это строгое замѣчаніе и запретивъ впередъ бить даже и бусурмановъ, далъ я битому сарбазу два червонца. Довольный такою наградою, онъ послѣ того, когда даже и не стоялъ на часахъ, не позволялъ никому мнѣ отдавать чести; но, увидя меня издали, подбѣгалъ къ часовому, вырывалъ у него ружье, сталкивалъ его съ мѣста и самъ, улыбаясь, отдавалъ мнѣ честь. Впослѣдствіи хотя другіе товарищи его, видя значительную выгоду быть битыми русскими, старались всячески заводить ссору и драку съ моимъ кучеромъ, но онъ уже самъ избѣгалъ ея для того только—какъ признавался мнѣ—чтобы не доставлять тѣмъ выгоды бусурманамъ, коихъ былъ непримиримымъ врагомъ.

Домъ нашей миссіи въ Тавризѣ отдѣланъ по-европейски; столы и кресла отличаютъ его отъ прочихъ персидскихъ домовъ, гдѣ все убранство въ комнатѣ состоитъ въ богатомъ большомъ коврѣ посреди пола, вокругъ котораго вдоль стѣнъ положены узкіе, но длинные верблюжіе войлоки съ разноцвѣтными узорами или міанскіе продолговатые верблюжіе ковры.

---

[1]) Нагибъ-Султанэ—по-персидски наслѣдникъ султана (т. е. шаха); Шахъ-Задэ—сынъ шаха.

[2]) Сарбазъ значитъ головою играющій, джамбазъ—душою играющій.

На другой день моего пріѣзда имѣлъ я нѣсколько посѣщеній. Аббасъ-мирза, находясь за городомъ, прислалъ съ привѣтствіемъ своего церемоніймейстера Мегметъ-Хуссейнъ-хана. Второй министръ въ Персіи Мирза-Абдулъ-Кассимъ каймакамъ (поэтъ и сынъ извѣстнаго здѣсь нѣкогда покойнаго Мирза-Бизюрка) прислалъ мнѣ въ подарокъ вазу съ сиренями.

Должно знать, что еще издревле существуетъ въ Персіи обыкновеніе посылать людямъ, которымъ хочешь показать особенное расположеніе или дружбу, цвѣты, фрукты и другіе подарки. Гуляя по саду, персіанинъ никогда не пропуститъ случая поднести вамъ букетъ изъ розъ или другихъ цвѣтовъ, сказавъ ласковое привѣтствіе. Они вообще большіе мастера на комплименты, говорятъ все въ отвлеченномъ смыслѣ, любятъ аллегорію и сравненіе, и потому разговоръ ихъ, хотя рѣдко бываетъ искреннимъ, но довольно пріятенъ. Иногда однако же сравненія черезчуръ натянуты и приторны, такъ, что возбуждаютъ невольный смѣхъ. Докучливая ихъ учтивость также скоро надоѣдаетъ.

Всѣ эти дни проходили во взаимныхъ посѣщеніяхъ. Я познакомился съ англичанами, служащими у Аббасъ-мирзы, а именно съ капитаномъ Гартономъ, инструкторомъ здѣшнихъ регулярныхъ войскъ, и съ докторомъ Корминкомъ. У меня былъ племянникъ каймакама Измаилъ-ханъ, молодой, довольно образованный говорунъ, родъ персидскаго fachionable и Ахметъ-ханъ, сынъ здѣшняго Беглеръ-беги, т. е. генералъ-губернатора Өехтъ-Али-ханъ. Отецъ его посланъ на границу Карабага для встрѣчи князя Меншикова.

Сегодня въ первомъ часу по полудни потребовалъ меня къ себѣ Аббасъ-мирза. Мы поѣхали обыкновеннымъ церемоніаломъ верхами, я, К—нъ[1]) и Амбургеръ, который находится здѣсь уже семь лѣтъ и прекрасно говоритъ по-персидски. Шествіе шло по узкимъ улицамъ Тавриза мимо базара, среди толпы любопытныхъ. По приближеніи нашемъ ко дворцу, цѣлая рота, въ караулѣ стоявшая, вышла въ ружье и отдала намъ честь съ барабаннымъ боемъ.

Мы вошли въ небольшой покой, гдѣ сидѣли придворные. Тутъ, по обыкновенію, всѣ тѣ, которые должны были предстать предъ наслѣдникомъ, надѣвали длинные красные чулки. Европейцы также подвержены этой церемоніи, исключая русскихъ, которые входятъ въ сапогахъ. Какъ у персіанъ въ комнатахъ по коврамъ ходятъ въ однихъ чулкахъ, а зеленыя на высокихъ каблукахъ туфли оставляютъ у порога дверей, то и мы на улицахъ носили всегда калоши, которыя, входя въ комнату, снимали, чтобы не марать персидскихъ богатыхъ ковровъ. Пока продолжалась чулочная комедія и ханы вмѣсто черной бараньей шапки

[1]) Такъ въ оригиналѣ.

надѣвали другія, обвернутыя шалью, намъ подносили кальяны. Важные вельможи, когда они при дворѣ, то носятъ всегда на головѣ шали. Это однако же особое отличіе, на которое должно получать позволеніе, даваемое иногда въ видѣ награды. Здѣсь, въ этой маленькой гардеробной комнатѣ, происходили, сколько я могъ замѣтить, всѣ придворныя интриги и сплетни. Сидя посреди разговаривающихъ бородачей, я очень сожалѣлъ, что не понималъ ихъ, а то конечно услышалъ бы много любопытнаго. Наконецъ насъ потребовали на аудіенцію.

Мы вошли на обширный дворъ, гдѣ у открытой стороны большой залы, называемой диванъ-ханэ (т. е. пріемная), сидѣлъ Аббасъ-мирза на коврѣ. Передъ нами шелъ церемоніймейстеръ. Вмѣстѣ съ нимъ сдѣлали мы три обычныхъ поклона, одинъ входя во дворъ, другой на половинѣ дороги, третій приближаясь къ диванъ-ханэ, куда вошли, оставя у порога наши калоши. Мы были по европейскому обычаю съ открытыми головами, всѣ же прочіе въ шапкахъ.

Аббасъ-мирза, кивая головою, повторилъ нѣсколько разъ: хошъ-келды! (добро пожаловать, обыкновенное персидское привѣтствіе) и приказалъ намъ сѣсть. Въ самой залѣ кромѣ насъ никого не было, а на террасѣ у самаго пристѣнка открытой стороны стоялъ каймакамъ. Посреди двора стояли два персіанина съ сѣкирами. Это исполнители казней или просто палачи. Далѣе за ними стояли на благородномъ, какъ говорится, разстояніи прочіе вельможи и придворные.

Я отдалъ Аббасъ-мирзѣ письма, и мы всѣ сѣли на коверъ, потому что креселъ не было. Прочтя письма, его высочество началъ со мною разговаривать очень благосклонно и иногда шутилъ. Ему, напримѣръ, очень нравились черные глаза и волосы К—на, и онъ удивлялся, что холодный сѣверъ, а не Персія произвела ихъ. Когда же я сказалъ его высочеству, что К—нъ родомъ изъ Архангельска, лежащаго еще ближе къ сѣверу, чѣмъ Петербургъ, то онъ, оборотясь къ нему, сказалъ, улыбаясь:

— И такъ вамъ стоило только шагнуть, чтобы быть на другомъ полушаріи.

Я между прочимъ изъявилъ желаніе видѣть вновь сформированный гвардейскій баталіонъ. Довольный этимъ, наслѣдникъ Персіи приказалъ его показать и просилъ меня послѣ того сказать откровенно мое мнѣніе, потому что, зная, что я служилъ и самъ формировалъ часть войска подъ личнымъ начальствомъ царствующаго нынѣ императора, онъ увѣренъ, что я долженъ хорошо знать службу. Аудіенція продолжалась слишкомъ часъ, и потомъ мы были отпущены благосклонно.

Аббасъ-мирза, прекрасный мужчина средняго роста, лѣтъ сорока двухъ. Онъ одѣвается весьма просто, и только кинжалъ украшенъ драгоцѣнными камнями неимовѣрной величины. Онъ говоритъ пріятно и

ласково, и весьма отличаетъ европейцевъ. Регулярное войско въ Персіи введено имъ. Не имѣя твердаго нрава, онъ слушаетъ совѣты окружающихъ и подверженъ всѣмъ тѣмъ порокамъ, которые составляютъ отличительный характеръ персіанъ. Между этими пороками самые непозволительные, въ особенности для наслѣдника престола,—сребролюбіе и вѣроломство. Хотя онъ, какъ и шахъ, почитаются въ Персіи самыми добрыми и милосердными изъ всѣхъ деспотовъ Азіи, однако еще недавно Аббасъ-мирза приказалъ въ своемъ присутствіи распороть кинжаломъ животъ одному изъ придворныхъ своихъ и смотрѣлъ хладнокровно, какъ несчастный въ ужасныхъ мукахъ при немъ скончался. Потомъ онъ сѣлъ на коня и поѣхалъ на охоту. Не знаю тайной причины этой казни, но явная была та, что онъ во время салама [1]), долго продолжавшагося, посмотрѣлъ на часы свои, изъ чего Аббасъ-мирза заключилъ, что ему скучно быть у него и что онъ предпочитаетъ удовольствіе гарема своей обязанности.

10-го мая.

Вчера смотрѣлъ я ученье здѣшняго гвардейскаго баталіона. Между ротными командирами отличались двое сыновей, Аббасъ-мирза [2]) и его племянникъ. У каждой роты находился англійскій фельдфебель, замѣчавшій и поправлявшій ошибки. Капитанъ Гартонъ, въ красномъ его изобрѣтенія сюртукѣ (онъ называлъ это uniforme de phantaisie), съ русскимъ киверомъ на головѣ [3]) находился повсюду, гдѣ присутствіе его было нужно, и съ палкою въ рукѣ распоряжался ученьемъ. Власть его обширна. Онъ имѣетъ право наказывать палками по пятамъ полковниковъ и офицеровъ, что онъ иногда и дѣлаетъ. Не знаю, можетъ-ли чинопочитаніе идти далѣе.

Ученье продолжалось два часа и, признаюсь, превзошло мое ожиданіе. Все дѣлалось по англійскому уставу. Ловкость ружейныхъ пріемовъ, плавность движеній, чистота и правильность построеній, полнота шага, тишина во фронтѣ, словомъ, всѣ тонкости и сноровки, коихъ техническіе термины можете узнать отъ любаго фельдфебеля и коихъ упущенія приводятъ въ отчаяніе хорошихъ служакъ,—все было соблюдено въ точности. Въ одеждѣ, которая довольно хороша (въ особенности шапки) замѣтно небреженіе. Аммуниція не хороша и совсѣмъ не пригнана.

---

[1]) Саламомъ называется съѣздъ во дворцѣ всѣхъ знатныхъ вельможъ по какому-нибудь торжественному случаю.

[2]) Въ числѣ ихъ былъ и Хозревъ-мирза, присланный впослѣдствіи въ С.-Петербургъ, по случаю умерщвленія Грибоѣдова.

[3]) Странно было видѣть англійской службы капитана, у котораго на киверѣ (купленномъ въ Тифлисѣ) была бляха съ Андреевскою звѣздою и надписью з а в ѣ р у и в ѣ р н о с т ь.

Баталіонъ, построенный по-англійски въ двѣ шеренги, сформированъ изъ рослыхъ красивыхъ людей. Офицеры отличаются отъ солдатъ только красными кушаками и бородами. Солдаты почти всѣ были бриты. Персіане вообще стройны, ловки, неутомимы, довольствуются малою пищею, уважаютъ мужество, однимъ словомъ, одарены всѣми качествами нужными для солдата, и потому, при лучшемъ образованіи и хорошихъ офицерахъ, Персія могла бы имѣть прекраснѣйшее войско. Но что можно ожидать тамъ, гдѣ нѣтъ никакого устройства въ правительствѣ и высшемъ управленіи, гдѣ все основано на самоуправствѣ и гдѣ необразованныхъ начальниковъ можно бить по пятамъ палками? Честолюбіе, неоспоримо, есть главнѣйшая пружина великихъ подвиговъ; самое даже чинопочитаніе должно быть на немъ основано; безъ этого войско не можетъ быть славнымъ.

На-дняхъ Аббасъ-мирза прислалъ мнѣ сласти, приготовленныя въ гаремѣ его женами. Должно знать, что когда шахъ или его наслѣдникъ посылаетъ кому-либо подарокъ, то этому подарку отдается такая же почесть, какъ и имъ самимъ. И вотъ почему для бараньяго сала съ медомъ и другимъ подобнымъ же гадостямъ, принесеннымъ ко мнѣ на огромныхъ подносахъ съ большимъ церемоніаломъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ придворныхъ,—всѣ караулы отдавали честь съ барабаннымъ боемъ и играли: Боже, царя спаси (God save the King), потому что при отданіи чести музыкантами, играютъ въ Персіи эту англійскую пѣснь, какъ тогда было и у насъ въ Россіи.

Я начинаю пріучаться къ персидскимъ обычаямъ; сижу въ черной бараньей шапкѣ на коврѣ, поджавши ноги, говорю встрѣчающимся селямъ-алейкумъ (здравствуй), приходящимъ ко мнѣ: хошъ-гелды (добро пожаловать), уходящимъ: худо-фисъ (прощай), и вотъ я себѣ уже воображаю, что знаю очень много по-персидски. Курить такая же необходимость въ Персіи, какъ у насъ, въ Россіи, играть въ винтъ, вотъ почему и я принялся за кальянъ и кричу каждые полчаса: Бега! каліунъ біаръ, т. е., малый, подай кальянъ, на что̀ малый отвѣчаетъ: Бэлэ! т. е. слушаю! Слово бэлэ собственно значитъ да! но оно имѣетъ множество различныхъ и иногда даже совсѣмъ не сходныхъ между собою значеній, какъ малороссійское эгэ. Иногда оно значитъ да, иногда нѣтъ, иногда: слушаю, иногда же: что угодно. Часто оно вопросъ, часто отвѣтъ, однимъ словомъ, весь его смыслъ заключается въ удареніи и напѣвѣ, съ коими его произносятъ; вотъ тутъ уже точно можно сказать: le ton fait la musique. Когда кальянщикъ приноситъ вамъ кальянъ, то онъ держитъ его въ лѣвой рукѣ, правую кладетъ на сердце и низко кланяется. Обычаи Востока меня очень занимаютъ. Я наблюдаю ихъ и вижу, что и тутъ, какъ въ просвѣщенной Европѣ, можно

написать огромные томы свѣтскихъ нелѣпостей, странностей и несообразностей.

11-го мая.

Вчера ѣздили мы осматривать окрестности города и встрѣтили весь гаремъ Аббасъ-мирзы. Жены его гуляли и сидѣли по-мужскому. Длинныя покрывала съ головы до ногъ скрывали прелести ихъ, и сѣтки въ родѣ кружевовъ или тюля покрывали отверстія, сдѣланныя для глазъ, такъ что не можно даже было различить цвѣта глазъ.

Не удивительно, что я возвращусь изъ Персіи, не видѣвъ женщинъ. Меня удивляетъ, что персіанки, сотворенныя такъ же, какъ и прочія женщины, и имѣющія, судя по климату, чувства пылкія, при всемъ угнетеніи и неволѣ, терпѣливо сносятъ свое заключеніе и не отыскиваютъ права повелѣвать своими мужьями, какъ это водится у насъ въ Европѣ. Странно было видѣть, какъ при нашемъ приближеніи безбородый и блѣдно-желтый стражъ этихъ несчастныхъ грозными криками и поднятою палкою собралъ ихъ, какъ стадо овецъ, въ одну кучу и приказалъ отвращать отъ насъ любопытные взоры. Мы сами поѣхали въ сторону, чтобы избавить женъ его высочества отъ побоевъ и самимъ не подвергаться дерзости евнуха, который всегда громко ругаетъ и грозитъ встрѣчающимся. Одинъ изъ чиновниковъ нашей миссіи въ Тавризѣ, при такой же встрѣчѣ, едва не претерпѣлъ одинъ разъ удара отъ этого хранителя гарема, который на него замахнулся палкою. Хотя по жалобѣ этого чиновника, ханумъ (т. е. главная жена) и приказала тотчасъ же при себѣ наказать дерзкаго нѣсколькими сотнями ударовъ по пятамъ; однако я полагаю, что она сдѣлала это болѣе изъ мщенія, дабы отплатить ему за полученные ею нѣкогда отъ него побои.

Должно знать, что изъ множества женъ, позволяемыхъ имѣть магометанамъ,—пять только законныхъ. Первая изъ числа этихъ пяти, называемая ханумъ, повелительница въ гаремѣ, и она пользуется общимъ уваженіемъ, хотя бы даже и не была любима мужемъ. Приказанія ея отчасти исполняются. Не смотря на это она, не бывъ еще первою женою, могла легко подвергаться побоямъ евнуха, который имѣетъ право бить всѣхъ прочихъ невольницъ гарема, чѣмъ даже доказываетъ исправность свою и приверженность къ своему повелителю. Евнухи шаха и Аббасъ-мирзы пользуются особенною довѣренностію и имѣютъ вліяніе на государственныя дѣла. Они допускаются всюду безъ доклада и могутъ присутствовать, если хотятъ, при совѣтахъ и совѣщаніяхъ всякаго рода.

13-го мая.

Сердарь эриванскій донесъ, что у Башъ-Абарана русскіе начали строить укрѣпленіе, и потому персидскія войска расположились по бли-

зости лагеремъ. По этому случаю былъ я сегодня въ пять часовъ утра у каймакама, а позже у Аббасъ-мирзы. Послѣ многихъ переговоровъ объявилъ я его высочеству желаніе ѣхать съ Амбургеромъ по дорогѣ къ Карабагу, чтобы на Араксѣ встрѣтить князя Меншикова и увѣдомить его объ этомъ происшествіи. Аббасъ-мирза согласился на это и посылаетъ съ нами Мирзу-Джафера съ письмомъ къ князю.

15-го мая. Деревня Шегерекъ.

Сегодня въ 8 часовъ утра оставили мы Тавризъ и пустились въ путь верхами. Все время мы ѣхали безплодными и скалистыми горами и ущельями. Въ 3 часа по полудни пріѣхали мы въ деревню Шегерекъ, въ 45 верстахъ отъ Тавриза. Вьюки наши едва только притащились въ 8 часовъ вечера, и тогда намъ для ночлега раскинули палатки близъ ручейка.

17-го мая. Селеніе Пуште Беглу (близъ города Ахара).

Вчера мы выѣхали рано утромъ. Дорога шла черезъ горы, ущелья и прекрасныя долины. Насъ догналъ Мирза-Джаферъ. Тогда караванъ нашъ, увеличась, принялъ видъ совершенно восточный. Впередъ отправлялись вьюки съ палатками. За нами ѣхали кальянщики наши, которые, останавливаясь, чтобы закуривать кальяны, подвозили намъ ихъ всегда на рысяхъ. Впереди къ сѣдлу кальянщика придѣланы особыя кобуры для графина, чубуковъ и прочаго прибора. Съ боковъ висятъ на длинныхъ цѣпочкахъ, съ одной стороны кожанная бутыль съ водою, съ другой желѣзная жаровня съ пылающими угольями. Жаровня эта безпрестанно болтается подъ брюхомъ лошади.

Въ виду города Ахара, намъ раскинули палатки. Мы теперь въ провинціи Карадагской, которая отъ Карабага отдѣляется Араксомъ.

19-го мая. Деревня Ногади.

Вчера утромъ отправились мы далѣе. Безпрестанный дождь служилъ доказательствомъ, что мы удалялись отъ знойныхъ равнинъ Персіи и поднимались на горы. На вершинѣ высокой горы, близъ Ахъ-дерэ (т. е. бѣлое ущелье), въѣхали мы въ тучу. Мы не могли другъ друга видѣть въ трехъ шагахъ. Непріятный холодъ и сырость проникали сквозь одежду. Спустясь по каменной тропинкѣ къ ручью, расположились мы отдохнуть и позавтракать. Солнце опять согрѣло насъ. Подъ огромными камнями нашли мы градъ необычайной величины, который выпалъ за день передъ тѣмъ и еще не растаялъ. Проѣхавъ 4 агача, т. е. 24 версты, мы ночевали въ деревнѣ Юзбендъ, гдѣ древнее покинутое кладбище странными надгробными камнями своими обратило наше вниманіе.

Намъ опять пришлось видѣть дикія красоты природы, которыхъ такъ давно не видѣли, путешествуя по однообразнымъ равнинамъ. Опять освѣжала насъ прохладная тѣнь деревъ дубовыхъ, финниковыхъ, гранатовыхъ и орѣховыхъ. Обширные луга, усѣянные то желтыми, то красными цвѣтами, а иногда однѣми незабудками, казались издали неизмѣримыми коврами, то разноцвѣтными, то голубыми. Кустарники желтыхъ розъ и жасмина вились около деревъ. Сквозь темную зелень ихъ мелькали шумящіе водопады, или величественно ниспадали съ черныхъ скалъ. Недовѣрчивости персіанъ обязаны мы были путешествіемъ по этимъ живописно-дикимъ мѣстамъ. Не желая показать обыкновенную дорогу, удобопроходимую для войска, они вели насъ тропинками по ужаснымъ горамъ и мрачнымъ ущельямъ, желая увѣрить насъ, что со стороны Карабага они безопасны и неприступны. Часто поднимаясь по ступенямъ каменистой дороги на высокія горы, то гранитныя, то мраморныя, видѣли мы надъ собою ужасныя пропасти, съ острыми въ нихъ скалами, куда по крутому узкому спуску должны были мы спускаться. Внизу иногда ревѣлъ ручей. Переходя черезъ скалы, повисшія надъ безднами, мы должны были слѣзать съ коней и вести ихъ въ поводу. Отказываясь за нами слѣдовать, лошади часто съ ужасомъ останавливались, и всякій невѣрный шагъ угрожалъ намъ неминуемой смертію.

20-го мая. Персидскій лагерь на Араксѣ.

Сегодняшній переходъ нисколько не былъ безопаснѣе вчерашняго. Пропасти и горы составляли нашъ путь. Иногда дорога вилась около крутой скалы по карнизу, висящему надъ бездною. Дремучіе лѣса придавали еще болѣе мрачности этой странѣ. Мы нашли въ глухомъ ущельѣ, заросшемъ частымъ, почти непроницаемымъ лѣсомъ, покинутое селеніе, похожее на разбойничье гнѣздо. Видѣли также зимнія жилища кочующихъ жителей. Это ямы, вырытыя въ горахъ, гдѣ они скрываются, какъ дикіе звѣри въ берлогахъ. Эти мѣста богаты дичью, и сопутники мои охотились все время нашего путешествія. Я, не бывъ охотникомъ, не раздѣлялъ съ ними трудовъ и опасностей этого удовольствія и находилъ спокойнѣе помогать имъ тогда уже, когда вкусная дичь появлялась за обѣдомъ въ видѣ жаркого.

Съ высокихъ горъ увидѣли мы Араксъ, сверкающій вдали серебряною полосою. Вправо виднѣлся Асландузскій бродъ, драгоцѣнный всякому русскому воспоминаніемъ о славной побѣдѣ, одержанной здѣсь знаменитымъ Котляревскимъ надъ персіанами въ 1811 году. Спустясь съ горъ и выѣхавъ изъ ущелья въ пять часовъ вечера, мы пріѣхали въ лагерь Өетхъ-Али-хана у Худоаферинскаго моста. Этотъ древній мостъ, построенный изъ кирпича и удивляющій своими смѣлыми арками, при-

ходитъ теперь въ разрушеніе. Одна изъ арокъ его уже совсѣмъ не существуетъ и на мѣсто ея перекладины изъ дерева и хвороста, отъ чего переѣздъ черезъ этотъ мостъ не совсѣмъ безопасенъ. Вблизи видны развалины еще древнѣйшаго моста, который, если вѣрить преданіямъ, построенъ Александромъ Македонскимъ.

Мы не нашли здѣсь Өетхъ-Али-хана, который, какъ мегмендарь князя Меншикова, поѣхалъ къ нему навстрѣчу. Для ожидаемой русской миссіи раскинуты здѣсь великолѣпные персидскіе шатры и палатки. Почетный караулъ съ однимъ офицеромъ прибылъ отъ близъ стоящаго баталіона. Мы будемъ здѣсь ожидать князя.

22-го мая.

Вчера цѣлый день прошелъ въ ожиданіи нашей миссіи и прогулкѣ по берегу Аракса, который быстрыми и мутными своими волнами отдѣляетъ здѣсь двѣ гористыя провинціи одну отъ другой: прекрасный Карабагъ, этотъ великолѣпный дикій садъ природы, лежитъ на лѣвомъ берегу; величественныя же горы и мрачныя ущелья Карадага,—на правомъ берегу рѣки [1]).

Сегодня узнали мы, что недалеко отъ насъ на противоположномъ берегу разбиты кибитки для русской миссіи, которую скоро ожидаютъ. Въ 11 часовъ утра переправился я черезъ Араксъ и скоро встрѣтилъ выѣзжающаго изъ ущелья князя Меншикова со всею миссіею. Князя сопровождалъ Өетхъ-Али-ханъ съ многочисленной свитою и комендантъ крѣпости Шуши, съ множествомъ карабагскихъ бековъ. Богатство одежды, красота коней, драгоцѣнность сбруи, наѣздничество лихихъ татаръ,—все это напоминало прежнюю роскошь и минувшее великолѣпіе Востока.

До вечера оставались мы съ княземъ на лѣвомъ берегу Аракса. По порученію, мнѣ даннному, я долженъ завтра же ѣхать въ Тифлисъ и потомъ опять возвратиться въ Тавризъ.

24-го мая. Село Чинахчи (въ Карабагѣ).

Вчера, пробывъ цѣлый день въ русскомъ лагерѣ, проводилъ я князя Меншикова черезъ Худоаферинскій мостъ и въ 5 часовъ вечера отправился въ Тифлисъ, верхомъ, въ сопровожденіи коменданта крѣпости Шуши и множества карабагскихъ бековъ. Скоро смерклось, небо покрылось черными тучами, и насъ настигла ужасная гроза. Громовые удары раздавались въ горахъ, и молнія безпрестанно освѣщала дикіе виды Карадаха. Дождь лился съ шумомъ. Ни бурки, ни башлыки не

[1]) Кара-багъ по-татарски значитъ черный садъ; кара-дагъ,—черная гора. Обѣ эти области, изъ коихъ первая подвластна Россіи, вторая Персіи, не могли по мѣстоположенію своему получить приличнѣйшаго названія.

спасли насъ отъ него, и мокрые и усталые, едва добрались мы поздно ночью до селенія Дашкесента, въ 45-ти верстахъ отъ Аракса, гдѣ отдохнули въ приготовленныхъ для насъ кибиткахъ.

Сегодня рано утромъ поѣхалъ я далѣе. Карабагскіе беки пестрою толпою провожали насъ. Такимъ образомъ ѣхалъ я до кочевья Шишлахъ, гдѣ въ самый полдень богатый Кассимъ-бекъ угощалъ насъ обѣдомъ. Тутъ представилась картина временъ патріархальныхъ. Въ открытой ставкѣ, на богатыхъ коврахъ сидѣли мы и важнѣйшіе беки Карабага, съ семействомъ хозяина, исключая его женъ и дочерей, которыя были отъ насъ скрыты. Далѣе, въ полѣ, прочіе гости расположились группами. Множество слугъ приносило на большихъ подносахъ пилавъ и прочія кушанья. Бурдюки съ кахетинскимъ виномъ безпрестанно истощались и замѣнялись новыми. Въ сторонѣ паслись осѣдланные наши кони. Далѣе чернѣлись кибитки карабагцевъ, и многочисленныя стада живописно пестрѣли на скатѣ высокихъ горъ. Послѣ угощенія отправились мы далѣе. Я распростился съ беками, которые разъѣхались въ разныя стороны по кочевьямъ своимъ. Въ 8 часовъ вечера пріѣхалъ я въ Чинахчи.

26-го мая. Городъ Елизаветполь (бывшая Ганжа).

Вчера утромъ осмотрѣвъ въ Чинахчахъ прекрасный и богато убранный домъ князя Мадатова [1]), поѣхалъ я далѣе. Дорога вела черезъ дикія, но прекрасныя мѣста. Проѣхавъ 15 верстъ, когда солнце начало пробиваться черезъ густоту и мрачность лѣса, нашимъ глазамъ представилась прелестная картина. На двухъ высотахъ, отдѣляющихся отъ прочихъ пропастями, увидѣли мы бѣлую зубчатую стѣну, вѣнчающую вершины двухъ горъ. Это Шуша, неприступная и самою природою поставленная здѣсь для отраженія враговъ Карабага. Съ одной стороны крутой утесъ ея раздѣляется пропастью. Тамъ быстрый ручей мчится по огромнымъ камнямъ и мутною красноватою водою, какъ будто окровавленный, шумитъ и пѣнится. Кажется, это онъ раздвоилъ гору, и, проложивъ себѣ путь, бѣснуется между гранитными скалами [2]). Отсель низвергались въ древности преступники, какъ говорятъ народныя преданія и грузинскія легенды.

---

[1]) Этотъ домъ, который отличается внутреннимъ убранствомъ и богатствомъ мебели и бронзовыхъ вещей, изъ Франціи черезъ Черное море привезенныхъ, впослѣдствіи, при нашествіи персіанъ, былъ разграбленъ и сожженъ, равно какъ и вся деревня Чинахчи. Богатыя вещи Аббасъ-мирза отправилъ къ себѣ въ Тавризъ.

[2]) Тогда было сильное разлитіе отъ безпрестанныхъ дождей. Въ другое время года этотъ ручей весьма незначителенъ и почти не существуетъ.

По крутой, каменистой тропинкѣ, съ трудомъ добрались мы до крѣпости, скрывающейся почти всегда въ туманѣ, который и теперь спускался и скоро обложилъ ее со всѣхъ сторонъ. Крѣпость Шуша построена на двухъ высокихъ горахъ. Она окружена зубчатою стѣною. Посреди самой крѣпости между обѣими горами глубокая лощина. Когда облака туда спускаются, то не могутъ выдти, и крѣпость нѣсколько дней покрыта густымъ туманомъ.

Послѣ обѣда отправился я далѣе въ 7 часовъ вечера, при сильномъ дождѣ. Небо покрывалось черными тучами, и скоро сдѣлалась такая темнота, что мы сбились съ дороги и долго ѣхали, сами не зная куда. Вдругъ лошади остановились, и нельзя было принудить ихъ идти далѣе. Осмотрѣвъ или, вѣрнѣе, ощупавъ мѣсто, мы замѣтили, что передъ нами оврагъ. Брошенные туда камни насъ удостовѣрили, что онъ крутъ и довольно глубокъ. Намъ не оставалось другаго средства, какъ ожидать здѣсь разсвѣта. Мы готовились уже къ этой непріятности, какъ вдругъ на другой сторонѣ оврага заблестѣлъ огонекъ и раздались невнятные звуки разговаривающихъ людей и лай собакъ.

— Это кочевье карабагцевъ!—радостно воскликнулъ одинъ изъ конвойныхъ казаковъ,—у нихъ можемъ мы переночевать.

Тогда мы начали кричать имъ, что сбились съ дороги и просимъ ночлега. Одинъ изъ нихъ отвѣчалъ, что мы близъ самой дороги и продолжали бы путь свой, потому что они насъ къ себѣ не пустятъ. Ни просьба, ни угрозы наши не могли ихъ склонить. Страхъ-ли, ненависть-ли къ гяурамъ или присутствіе ихъ женъ были причинами ихъ отказа, намъ не извѣстно. Скоро огонь потухъ, голоса умолкли, и насъ опять окружила темнота непроницаемая. Вѣтеръ выл порывисто; дождь лился и съ шумомъ стекалъ въ оврагъ, образуя ручьи; въ кочевьѣ надъ черною бездною страшно и тоскливо выли собаки. Не смотря на бурю и непогоду, усталость наша заставляла насъ думать о покоѣ. Я снялъ съ себя промокшую бурку свою, постлалъ ее на мокрую же землю, обернулъ около руки поводья коня, легъ головою на камень и уснулъ спокойно, не смотря на холодъ и дождь. Спутники, видя мое равнодушіе, послѣдовали моему примѣру. Послѣ нѣсколькихъ часовъ сна я проснулся и не могъ уже опять заснуть. Я всталъ, надѣлъ опять бурку, сѣлъ на камень и отъ нечего дѣлать началъ размышлять. Мракъ ночи, шумъ вѣтра, дикость мѣста, непріятность положенія, въ которомъ я находился, отдаленность отъ отечества, все это приглашало къ задумчивости и наводило на душу унынie. Наконецъ, дождь пересталъ; но съ горъ еще съ ревомъ текли мутные ручьи. Небо начинало проясняться, и таинственный свѣтъ луны разливался за облаками, которыя прозрачною пеленою и въ фантастическихъ формахъ мчались по небу. Скоро луна въ полномъ блескѣ выглянула изъ-за разорванныхъ тучь и ярко

освѣтила все вокругъ меня. Я сидѣлъ на краю бездны; спутники мои спали надъ нею спокойно. Тутъ же вилась дорога, которую тщетно искали мы, находясь на ней. Я разбудилъ провожатыхъ моихъ, мы поѣхали далѣе и на посту Калчинскомъ еще нѣсколько отдохнули.

Сегодня въ 6 часовъ утра оставилъ я казачій постъ и переѣхалъ р. Тертеръ черезъ мостъ; къ 7-ми часамъ вечера я пріѣхалъ въ Елизаветполь и остановился у окружнаго начальника.

Послѣ завтра надѣюсь прибыть въ Тифлисъ, до котораго считаютъ слишкомъ 200 верстъ.

27-го мая. Нѣмецкая колонія Аненфельдъ (близъ ручья Шамхорскаго).

Въ нѣмецкой колоніи Аненфельдъ я намѣревался нанять какую-нибудь телѣгу, не будучи уже въ силахъ продолжать путешествіе верхомъ, и потому поѣхалъ туда.

Деревянный домъ, отличающійся отъ прочихъ величиною своею и множествомъ оконъ, стоялъ посреди поля. Ни крестъ, ни изображеніе пѣтуха не означали, что это храмъ. Внутри не было ни каѳедры, ни алтаря. За простымъ столомъ, на которомъ лежали книги священнаго писанія, сидѣлъ пасторъ и два кандидата его. Противу ихъ, на скамьяхъ, толстыя колонистихи съ книгами въ рукахъ. Мужчины сидѣли вдоль стѣнъ. Прихода моего никто не замѣтилъ. Я пробрался между сидящими нѣмцами, поближе къ пастору. Тогда сосѣдъ мой, толстый, грубый колонистъ въ старо-германскомъ костюмѣ голубаго цвѣта, съ огромными перламутровыми пуговицами, далъ мнѣ засаленный молитвенникъ, и, насадивъ мѣдныя очки на широкій носъ, совсѣмъ ими сжатый, указалъ мнѣ стихъ, который съ важнымъ видомъ собирался пѣть. Послѣ таковыхъ приготовленій всѣ вдругъ затянули:

Unsre Zeit ist kurz,
Die Welt ist am Sturz [1]) и т. д.

---

[1]) „Наше время коротко, свѣтъ близокъ къ паденію“. Этотъ кантъ находится въ весьма старомъ молитвенникѣ, напечатанномъ Мартиномъ Лютеромъ послѣ реформаціи. Въ колоніи употреблялся еще этотъ молитвенникъ, и добрые колонисты, сами не зная, предсказывали этою молитвою близкую свою участь. Вскорѣ эта колонія и другая, Еленендорфъ (близъ Тифлиса) были разорены набѣгомъ персіанъ и измѣнившихъ намъ татаръ. Жители частію были вырѣзаны, частію спаслись бѣгствомъ въ Тифлисъ, другіе скитались въ горахъ.

Впослѣдствіи колоніи получили вспомоществованіе, въ особенности же отъ ея высочества великой княгини Елены Павловны.

29-го мая, городъ Тифлисъ.

Оставивъ Аненфельдъ, до ночи, мы переѣхали нѣсколько ручьевъ и въ 2 часа ночи, усталые и измокшіе, едва дотащились до Тифлиса.

2-го іюня.

Получено печальное извѣстіе о кончинѣ императрицы Елизаветы Алексѣевны.

Окончивъ порученіе и отдохнувъ нѣсколько, отправлюсь завтра опять въ Тавризъ, гдѣ надѣюсь еще застать князя.

Сообщ. **В. А. Бартоломей.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Разсказъ о „Безъимянномъ“.

Въ 1887 году, во время путешествія по Волгѣ, я заболѣла и должна была остановиться въ маленькомъ городкѣ С. Пока я тамъ жила, мнѣ случайно пришлось прочесть нѣсколько книжекъ «Русской Старины» за прежніе годы. Въ одной изъ книжекъ за 1876 годъ я встрѣтила слѣдующую замѣтку г. Чумикова «Таинственный узникъ 1802 г.» [1]).

«Въ отчетѣ финляндскаго общества «Древностей» нашли мы слѣдующій случай, сообщенный почтмейстеромъ Гренквистомъ. Императоръ Александръ I, посѣтивъ въ августѣ 1802 г. Кексгольмъ, приказалъ упразднить въ немъ крѣпость и при этомъ самъ лично освободилъ изъ нея какую-то личность, которая была заключена въ ней около 30 лѣтъ и принадлежала къ такъ называемымъ «безъимяннымъ». Кто могла быть эта личность»?

Тогда же читала я въ «Русской Старинѣ» и о замѣчательной личности управителя Верхъ-Исетскаго завода Зотова.

Объ этихъ обоихъ лицахъ я не разъ слышала отъ моего дѣда и моихъ родителей.

Людей, знавшихъ Зотова, давно уже нѣтъ въ живыхъ; потомкамъ же его извѣстенъ лишь тотъ фактъ, что ихъ дѣдъ или прадѣдъ за жестокое управленіе людьми былъ сосланъ пожизненно въ Кексгольмъ, а о томъ, какой былъ онъ замѣчательный человѣкъ, имъ и знать не откуда и не отъ кого.

---

[1]) Эта замѣтка помѣщена въ январской книжкѣ „Русской Старины“ за 1876 г., стр. 218.

Моя бабушка (со стороны матери) была родной племянницей Зотова; а ея мужъ (мой дѣдъ) К. Н. П., по неотступной просьбѣ жены и другихъ родныхъ Зотова, подъ видомъ «вязниковца», т. е. разъѣзжающаго съ товарами, проникъ въ крѣпость Кексгольмъ, успѣлъ видѣть старика Зотова и передать ему деньги, а также получить желаемыя родными свѣдѣнія.

Нижеслѣдующій разсказъ я много разъ слышала отъ моихъ отца и матери [1]).

Въ 1824 году императоръ Александръ посѣтилъ Уралъ и осматривалъ заводы, какъ казенные, такъ и частные; центромъ его пребыванія былъ Екатеринбургъ.

Въ верстѣ отъ него находится Верхъ-Исетскій заводъ Яковлева; въ немъ было два управляющихъ изъ его крѣпостныхъ: Зотовъ и Китаевъ.

Извѣстіе о пріѣздѣ императора встревожило всѣхъ. Изъ государей никто не бывалъ на Уралѣ; въ народѣ же была извѣстна пословица: «Близъ царя—близъ смерти», и всѣ ждали со страхомъ пріѣзда Александра.

Но когда государь прибылъ, настроеніе народа измѣнилось. Обаятельная красота лица Александра, ласковость его и доступность обворожила всѣхъ. Народъ называлъ его ангеломъ, при его проѣздѣ становился на колѣна и молился на него, какъ на святаго.

Въ назначенный день, рано утромъ, пріѣхалъ императоръ Александръ въ Верхъ-Исетскій заводъ и встрѣченъ былъ управляющими у завода съ хлѣбомъ и солью, на блюдѣ, вылитомъ изъ чугуна.

Заводъ былъ громадный, безъ оконъ, не было ничего видно въ полутьмѣ; огромная печь, раскаленная, съ клокочущимъ чугуномъ, гулко раздававшимся въ замкнутомъ пространствѣ, наводила страхъ на того, кто въ первый разъ тамъ бывалъ.

Какъ только императоръ вошелъ и, предшествуемый Зотовымъ, показывавшимъ дорогу, всталъ на мѣсто, ему приготовленное, доложили, что чугунъ готовъ. Зотовъ подошелъ къ императору, прося дозволенія начать работу; получивъ разрѣшеніе, онъ подошелъ къ «домнѣ» (печи) и, засучивъ рукава своего кафтана, съ словами: «Господи, благослови!» отстранилъ мастера и открылъ устье печи, какъ громъ гремѣвшей отъ расплавленнаго металла. Наполнивъ огромный ковшъ расплавленнымъ чугуномъ, онъ подошелъ къ платформѣ, гдѣ стоялъ импе-

[1]) Въ воспоминаніяхъ лейбъ-медика Д. К. Тарасова („Русская Старина“ 1872 года, томъ V), упоминается объ этомъ Григоріи Зотовѣ и его разговорѣ съ императоромъ Александромъ, во время посѣщенія имъ Верхъ-Исетскаго завода (стр. 366—372). Нынѣ печатаемый разсказъ во многомъ несходенъ съ разсказомъ Тарасова.

раторъ, и началъ наливать въ формы съ портретами государя и другихъ членовъ царской фамиліи. Какъ только полилось «молочко» (какъ звали здѣсь расплавленный чугунъ),—все ожило, люди забѣгали, разнося ковши съ металломъ, а потомъ металлъ полился огненными полосами; искры сыпались во всѣ стороны, освѣщая всѣхъ присутствовавшихъ. Зрѣлище было чудное. Императоръ Александръ сказалъ:

— Такой картины и у Данта нѣтъ.

Засмотрѣвшись, государь подвинулся немного и не замѣтилъ, что стоитъ на бороздѣ, приготовленной для чугуна; огненная струя между тѣмъ быстро подвигалась ему подъ ноги; одинъ изъ рабочихъ, которые зорко слѣдили каждый за своей полосой, во-время замѣтилъ опасность и въ полуаршинѣ отъ ногъ государя загородилъ огненную струю обнаженною рукою [1]). Императоръ ахнулъ и быстро отступилъ, спроса: что рука—ожегъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше величество,—отвѣчалъ рабочій.

— Молодецъ,—сказалъ государь—и, вынувъ изъ кошелька большой золотой, далъ рабочему.

Тотъ поблагодарилъ по-военному.

— Ты солдатъ?—спросилъ императоръ.

— Никакъ нѣтъ, ваше величество.

— А какъ знаешь военную выправку?

— Государь, управляющій съ работъ и на работы ведетъ насъ маршемъ,—отвѣчалъ тотъ.

Императоръ улыбнулся.

Люди работали быстро и умѣло; не было ни криковъ, ни суеты; всякій зналъ свое мѣсто и свое дѣло, ни одного слова не было произнесено, а выпускъ металла былъ оконченъ блистательно. Словно огромная, сторукая машина была въ ходу. Народъ былъ крупный, здоровый, не то, что государь видѣлъ на своихъ заводахъ, гдѣ мастеровые были малорослые и безсильные, да и чугунъ дурнаго качества.

Выходя изъ фабрики, императоръ поблагодарилъ Зотова и сказалъ, что нигдѣ не видѣлъ такого порядка и быстроты въ работѣ.

— Отчего на казенныхъ заводахъ такое дурное желѣзо и чугунъ?—спросилъ государь Зотова.

— Причинъ много, ваше величество; но здѣсь не время и не мѣсто

---

[1]) На желѣзо-дѣлательныхъ заводахъ принято дѣлать крицы (желѣзныя полосы) одной длины, и рабочіе, приставленные къ каждой полосѣ, зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы когда полоса дойдетъ въ указанную мѣру,—остановить струю, загораживая ей дальнѣйшее теченіе кускомъ дерева. У рабочихъ принятъ обычай пересѣкать ее р у к о й, для чего они всегда при выпускѣ имѣютъ кожаную рукавицу, чтобъ рука была сухая. Если же рука влажная, то желѣзо пристанетъ къ кожѣ и руку придется отрубить.

высказывать ихъ,—сказалъ спокойно Зотовъ. Адмиральскій часъ прошелъ и вашему величеству пора откушать.

— Да, ты правъ. Я проголодался. Завтра въ 7 часовъ утра будь у меня—потолкуемъ.

Тогда второй управляющій Китаевъ подошелъ къ императору и, низко кланяясь, попросилъ:

— Ваше величество, удостойте посѣтить мою хижину и откушать хлѣба-соли.

— А недалеко?—спросилъ императоръ.

— Сажень сто, не болѣе.

— Хорошо,—сказалъ государь, садясь въ коляску.

Лихая четверка дорогихъ лошадей дружно внесла экипажъ на крутую гору. Жилище Китаева представляло изъ себя громадный домъ въ два этажа съ бельведеромъ наверху, откуда видны были окрестности за 50 и болѣе верстъ, около дома были флигеля, строенія были окружены высокою стѣною.

— Хороша хижина!—сказалъ, смѣясь, императоръ и спросилъ: это твой домъ или барскій?

— Мой, ваше величество; у меня большая семья.

Домъ былъ полонъ пріѣзжихъ гостей; иные пріѣхали за тысячу верстъ видѣть императора. Китаевъ представилъ государю двѣнадцать своихъ сыновей: 7 женатыхъ съ дѣтьми, одного холостаго и 4 малолѣтнихъ, всего болѣе сорока человѣкъ.

— Настоящій патріархъ,—проговорилъ императоръ,—рано женился?

— Семнадцати лѣтъ,—отвѣчалъ Китаевъ.

За обѣдомъ былъ 4-хъ аршинный осетръ, громадныя стерляди, привезенныя за 700 верстъ, и десяти-вершковые ерши, выкормленные въ мѣстныхъ озерахъ.

За обѣдомъ императоръ былъ веселъ и разговорчивъ.

За обѣдомъ императоръ еще разъ спросилъ у Зотова:

— Не ожегся-ли рабочій?

— А чего ему сдѣлается? не впервой. А если бы ожегъ, заоралъ бы: боль эту не скроешь. А вотъ крица-то пострадала, короче мѣры. Да мы ее не станемъ передѣлывать, а хранить будемъ: она была у ногъ вашего величества.

— Такой сосѣдъ не очень желателенъ, и я могъ бы быть безъ ногъ, не спаси меня смѣльчакъ,—сказалъ государь.

— Зато онъ вѣчно будетъ Бога молить за ваше величество; у насъ обычай: если кто спасетъ кого изъ товарищей отъ опасности, сбавлять годы работъ,—а онъ съ разу перескочилъ годовъ 15. Я ужъ сказалъ ему, что онъ будетъ кричнымъ мастеромъ.

При отъѣздѣ восьмой сынъ хозяина, высокій, статный красавецъ подошелъ къ государю и просилъ принять его въ военную службу.

— А ученье военное знаешь?—спросилъ императоръ.

— Знаю, ваше величество,—отвѣчалъ тотъ, красиво и свободно стоя, по-военному противъ государя.

— Налѣво кругомъ—маршъ!—скомандовалъ императоръ.

Широкими шагами прошелъ молодой Китаевъ комнату и, дойдя до стѣны, продолжалъ шагать на одномъ мѣстѣ.

— Браво! налѣво кругомъ! вольно,—снова скомандовалъ государь, и Китаевъ съ низкимъ поклономъ подошелъ къ императору.

— А ты отпускаешь его?—спросилъ онъ отца.

— Съ великою радостью,—отвѣчалъ тотъ.

— Хорошо; буду ходатайствовать у барина. По зимнему пути пріѣзжай въ Петербургъ, тамъ тебя устрою.

Но этимъ предположеніямъ не суждено было сбыться.

Императоръ Александръ въ 1825 году умеръ въ Таганрогѣ, а тотъ, кого онъ обѣщалъ устроить, простудился передъ отъѣздомъ государя на своемъ прощальномъ балу и черезъ недѣлю умеръ отъ воспаленія легкихъ.

На утро въ 7 часовъ Зотовъ былъ у императора и былъ принятъ въ его кабинетѣ. Часа три проговорилъ государь съ Зотовымъ. Всѣ окружающіе со страхомъ ждали, что будетъ; всѣ знали, что Зотовъ такой человѣкъ, что ни о комъ и ни о чемъ не побоится сказать правду императору.

Когда дверь отворилась и императоръ вышелъ, въ сопровожденіи Зотова, всѣ вздохнули свободно; императоръ былъ веселъ, тогда какъ наканунѣ онъ былъ молчаливъ и озабоченъ.

— Вчера вы угостили меня роскошнымъ обѣдомъ, а сегодня позавтракаемъ со мной,—сказалъ государь и посадилъ Зотова за завтракомъ по лѣвую руку отъ себя.

Зотовъ, садясь, перекрестился.

За завтракомъ императоръ спросилъ Зотова:

— Зачѣмъ у васъ два управляющихъ. Развѣ ты одинъ не можешь управиться?

— И одному дѣла мало,—отвѣчалъ тотъ:—но двоихъ господа держатъ для того, что если одинъ управляющій вздумаетъ воровать или дѣломъ не заниматься, то другой донесетъ господамъ; а будь одинъ, они никогда бы не узнали объ этомъ; служащіе не посмѣли бы, да имъ выгоднѣе, когда старшой воруетъ. Мое дѣло завѣдывать производствомъ желѣза и его выдѣлкою. Я встаю первый и самъ звоню на работы, а ложусь наравнѣ съ рабочими. А товарища дѣло: письменная отчетность, да гостей принимать, а мнѣ некогда.

— Правду сказалъ: съ балами да картами некогда слѣдить за дѣломъ...

Императору донесли, что на многихъ казенныхъ заводахъ управители по цѣлымъ недѣлямъ не бываютъ на заводѣ, а все время уходитъ у нихъ на попойки и карты.

— Почему ты не откупишься на волю, или средствъ нѣтъ? такая голова, какъ твоя, не должна пропадать на маломъ дѣлѣ; ты можешь и родинѣ пользу принести.

— Господа ни за какія деньги не отпускаютъ на волю никого,— отвѣчалъ Зотовъ.

— Разумно! Умные и честные уйдутъ, а съ дураками да ворами дѣло гибнетъ.

Завтракъ окончился. Императору доложили, что пора ѣхать въ окрестные заводы.

— Садись и пиши, кого ты изъ семьи желаешь на волю,—сказалъ императоръ, указывая на письменный столъ дежурнаго адъютанта.

Зотовъ написалъ сына и двухъ родныхъ племянниковъ, вырощенныхъ въ его домѣ.

— Что мало?—спросилъ государь, когда Зотовъ подалъ ему бумагу.

— Будетъ, ваше величество, надо же и господамъ кого оставить.

Императору очень понравился отвѣтъ Зотова.

Я забыла сказать, что императоръ въ разговорѣ съ Зотовымъ за завтракомъ,—спросилъ: «чѣмъ наказываютъ, если кто заслуживаетъ наказанія? Въ Сибирь ссылаютъ?»

— Это своихъ-то людей будетъ ссылать нашъ баринъ на волю? какъ не такъ! Люди нужны.

— Такъ какъ же ихъ наказываютъ?—спросилъ государь.

— А есть у насъ такой заводъ: Калатукъ, туда и посылаютъ, кто заслужитъ.

— Что жъ, работы тамъ каторжныя?

— Работы на заводахъ вездѣ каторжныя, а тамъ мѣдь плавятъ, и ужъ больно пахнетъ сѣрою... Кого сошлютъ, годъ-другой проскрипитъ, да и въ могилу,—отвѣчалъ Зотовъ.

— А за побѣги какъ наказываютъ? Во всѣхъ заводахъ мнѣ жаловались на это,—сказалъ императоръ.

— Побѣговъ у насъ нѣтъ,—отвѣчалъ спокойно Зотовъ.

— Быть не можетъ! Отъ такой работы не мудрено, что и побѣги бываютъ,—сказалъ государь.

— А вздумай у насъ кто убѣжать, отца въ Калатукъ. А если есть жена да дѣти, и ихъ.

— За что же отца и семью? Они не виноваты.

— Отца, что сына плохо училъ, а семью за то, чтобы не пошли по

отцовой дорогѣ. Вотъ и нѣтъ побѣговъ: семью жалѣютъ. Бываетъ, у насъ, уходятъ въ лѣса, а лѣса-то у насъ вплоть до Студенаго моря, до Ерань (такъ звали на Уралѣ вогуловъ); но то дѣло другое, уходятъ душу спасать и терпѣть всякую скорбь и тѣсноту для души. Тѣхъ и не ищутъ. А если кто не стерпитъ и вернется домой, накажутъ поотечески и только,—отвѣчалъ Зотовъ.

Когда Зотовъ подалъ императору бумагу, гдѣ вписалъ сына и двухъ племянниковъ, императоръ сказалъ, отдавая ее дежурному адъютанту:

— Эти люди мнѣ понравились, и я беру ихъ себѣ. Обратясь затѣмъ къ окружающимъ, онъ сказалъ:

— Когда было объявлено о моей поѣздкѣ сюда, я шелъ по Невскому, гуляя; вдругъ подлетаетъ ко мнѣ Яковлевъ и говоритъ: ваше величество ѣдете въ нашъ край; и если, что вамъ понравится, прошу принять отъ меня въ подарокъ. Меня поразила его дерзость, а теперь я доволенъ. Эта геніальная голова мнѣ понравилась. И пусть Яковлевъ обдуманнѣе раздаетъ подарки.

На другой день, государь уѣхалъ въ Петербургъ и на прощаніи сказалъ Зотову: «до свиданія».

Объ этомъ никто и не подозрѣвалъ. Зотовъ продолжалъ такъ же управлять заводами, какъ и ранѣе, и когда получена была отпускная отъ Яковлева, всѣхъ какъ громомъ поразило: «По желанію государя императора отпускаются Зотовы на свободу не въ примѣръ прочимъ».

Императоръ Александръ умеръ, не успѣвъ исполнить свое намѣреніе сдѣлать Зотова начальникомъ всѣхъ Уральскихъ заводовъ,—да и слава Богу! Тогда судьба Урала была бы иная. Это былъ бы Аракчеевъ надъ цѣлою областью, и дѣло могло бы окончиться кровавою рѣзней...

Освобожденный Зотовъ переѣхалъ въ городъ. Сынъ его былъ женатъ на богатой наслѣдницѣ Расторгуева. Другая ея сестра была за Харитоновымъ. Сватъ Расторгуева и пригласилъ Зотова управлять пятью заводами, купленными отъ Милославскаго въ 1810 году. Зотовъ началъ вводить здѣсь свои порядки, но народъ былъ здѣсь совсѣмъ другой; все населеніе съиздавна было «рыболовы». Огромныя озера, изобиловавшія рыбою, давали легкій заработокъ; заводы были богаты. Народъ былъ все крупный и красивый, да и Милославскій бралъ ничтожный оброкъ.

Закрѣпить это населеніе въ каторжную работу было не легко, и другой бы отступился, но геніальная голова, какъ назвалъ императоръ Александръ Зотова, не способна была на уступки, пошли обоюдныя неудовольствія, и кончилось тѣмъ, что народъ послалъ къ своему прежъ-

*

нему барину ходаковъ, чтобы довести о всемъ до государя. Но ихъ переловили, и они пропали безслѣдно. Нашлись другіе, и тѣхъ тоже перестрѣляли, но одинъ изъ нихъ спасся и добрался до своего барина, какъ они всѣ звали Милославскаго. А тотъ далъ посланцу случай подать доносъ самому императору Николаю. Три слѣдствія одно за другимъ оправдывали Зотова (что это стоило Зотову, Богъ вѣсть), и только тогда, когда присланъ былъ флигель-адъютантъ государя, отчасти узнали истину, но и за это была назначена Зотову пожизненная ссылка. Кромѣ Зотова, пострадалъ и владѣлецъ заводовъ Харитоновъ, пострадалъ онъ напрасно, лишь за то, что, довѣряя Зотову, не входилъ ни въ какія дѣла, а подписывалъ все, что ему давали. Это былъ свѣтскій баринъ, какъ его звали, проводившій время въ однихъ удовольствіяхъ.

Крѣпость Кексгольмъ, куда былъ сосланъ Зотовъ, славилась своею строгостью. Сынъ Зотова съ женой и семьей жилъ въ Петербургѣ, но не имѣлъ никакой возможности узнать что-либо объ отцѣ. «Какъ въ воду канулъ»,—говорили о Зотовѣ. Прошло нѣсколько лѣтъ, и одинъ солдатъ, отслуживъ урочные годы, получилъ отставку и вернулся на Уралъ, принеся поклоны роднымъ Зотова. Писемъ онъ не рѣшился взять, зная, какъ строго обыскиваютъ тѣхъ, кто выходитъ изъ крѣпости, но разсказалъ, въ какой строгости живутъ заключенные.

— Только и видишь живыхъ людей, какъ пріѣдутъ торгаши съ товарами,—а то, какъ въ могилѣ живешь,—сказывалъ солдатъ.

Это навело на мысль послать кого-нибудь съ товарами въ крѣпость. Стали просить моего дѣда съѣздить туда. Долго дѣдъ мой отказывался, но слезы и просьбы жены и родныхъ заставили его рѣшиться поѣхать въ Кексгольмъ.

Дѣдъ отправился въ Москву и тамъ обратился за совѣтомъ къ московскому богачу М., съ фирмой котораго вели торговыя дѣла его дѣдъ и отецъ, а потомъ и онъ самъ. М. далъ ему подходящихъ товаровъ, и дѣдъ, подъ видомъ довѣреннаго М., давшаго ему своего прикащика, поѣхалъ въ Кексгольмъ.

Дальнѣйшій разсказъ записанъ мною со словъ моего дѣда [1]).

---

[1]) Въ 1858 году я медленно оправлялась отъ тяжелыхъ родовъ, и все время должна была лежать въ постели. На крестины моей новорожденной дочки я ждала пріѣзда моего дѣда, онъ жилъ на покоѣ за сто верстъ отъ насъ, на томъ заводѣ, гдѣ поселились его предки болѣе 200 лѣтъ тому назадъ. Уроженцы Москвы, они вели большую торговлю, сначала мѣновую, съ печерскими, кочующими вогулами; отъ нихъ брали мѣха, а имъ отдавали московскія издѣлія. Потомъ, чтобъ быть ближе къ мѣсту торговли,—да и въ краѣ былъ объявленъ безпошлинный ввозъ товаровъ,—они поселились на Уралѣ еще при Петрѣ Великомъ. Когда всѣхъ поселившихся закрѣпили за заводами,

«Распродажа товаровъ приходила къ концу. Мы спѣшили ее окончить, чтобъ къ Пасхѣ вернуться въ Петербургъ, но вышло иначе. Дней за десять до отъѣзда нашего, сдѣлалась сильная буря, ледъ на озерѣ сломало, и вода залила дорогу, по которой ѣздили въ Петербургъ.

и мои предки изъ вольныхъ стали заводскими, а потомъ и крѣпостными, они все-таки не оставляли торговли и по прежнему ѣздили съ товарами въ Москву и на Украйну.

Дѣдъ мой пріѣхалъ, чтобы быть крестнымъ отцомъ своей первой правнуки. Его пріѣздъ былъ для насъ праздникомъ. Хотя дѣду уже шелъ восьмой десятокъ, какъ говорилъ онъ,—но на видъ ему нельзя было дать болѣе 50 лѣтъ; въ его темно-орѣховыхъ кудряхъ не было ни одного сѣдаго волоса; кочевая жизнь укрѣпила организмъ и спасла его отъ преждевременной старости. Читалъ онъ безъ очковъ. Память была у него превосходная. Образованіе онъ получилъ для своего времени хорошее.

Его учитель долго упрашивалъ отца его отпустить мальчика доучиваться въ университетѣ, но отецъ и слышать не хотѣлъ и на слова учителя: „Мальчикъ войдетъ въ большіе чины“, отецъ отвѣчалъ: „Баръ и безъ него много, только народъ избалуетъ, а хорошій купецъ больше добра сдѣлаетъ“.

Дѣдъ мой много видѣлъ, много самъ испыталъ; читать любилъ онъ все, что только найдетъ.

Его разсказы были интересны, и я, ребенкомъ, заслушивалась его. У моего отца было слабое зрѣніе; послѣ обѣда онъ проводилъ часа два въ слабо освѣщенной комнатѣ, и тогда дѣдъ разсказывалъ о старыхъ временахъ. Разъ получивъ извѣщеніе о смерти послѣдняго Зотова, дѣдъ разсказалъ о своей поѣздкѣ въ крѣпость Кексгольмъ и о томъ, какъ встрѣтилъ онъ тамъ „затворника“. Вечеръ передъ отъѣздомъ дѣда мы провели съ нимъ вдвоемъ.

Все время я проговорила съ дѣдомъ. Въ 9 часовъ онъ сказалъ мнѣ „Прощай, внучарушка, тебѣ пора въ постель; а мнѣ надобно еще помолиться о „затворникѣ“: ему завтра годинка... Я далъ ему слово, что молиться буду.

— О какомъ „затворникѣ?“—спросила я съ удивленіемъ.

Выросши въ религіозной семьѣ, я знала всѣхъ, мѣстно-чтимыхъ святыхъ (уральскіе лѣса были наполнены монастырями и скитами, въ нихъ были о т ш е л ь н и к и и з а т в о р н и к и).

— Да это не тотъ-ли, что въ крѣпости былъ замурованъ?—спросила я.— Помнишь, ты разсказывалъ.

— Да вѣдь это было давно,—какъ ты знаешь?

— Бывало, ты станешь разсказывать папѣ, а я заберусь въ уголъ и слушаю. Дѣдушка, иди помолись, да и приходи ко мнѣ, ты знаешь, что у меня безсонница—часто до утра лежу, глазъ не закрывая,—вотъ и разскажешь мнѣ о затворникѣ; хоть я и помню многое, но не все ясно...

Черезъ три часа дѣдъ вернулся и до разсвѣта разсказывалъ, какъ ѣздилъ къ Зотову въ Кексгольмъ и какъ видѣлъ „затворника“.

На разсвѣтѣ дѣдъ уѣхалъ; проводя его, я была глубоко взволнована, и чтобъ чѣмъ-нибудь успокоить свои нервы, стала записывать то, что слышала отъ дѣда. Скоро и я уѣхала за границу съ больнымъ мужемъ и прожила тамъ нѣсколько лѣтъ. Вернувшись домой, я не нашла дѣда въ живыхъ; но разсказъ его я бережно хранила, какъ послѣдній съ нимъ разговоръ.

Я былъ въ отчаяніи. Праздникъ великій,—а даже и помолиться было негдѣ. Къ Зотову невозможно было идти (я всего только въ день пріѣзда ихъ и видѣлъ); а книгъ духовныхъ со мною не было.

Въ первый день Пасхи, послѣ обѣда, я пошелъ на крѣпостной валъ, гдѣ была единственная скамейка, посидѣть и посмотрѣть на озеро. На ней уже сидѣлъ какой-то старикъ во фризовой шинели и въ фуражкѣ съ кокардой. Поклонясь, я спросилъ: можно-ли сѣсть. Онъ промычалъ что-то и отвернулся. Я сѣлъ, засмотрѣвшись на бушующее озеро, забылся и сталъ напѣвать: «Среди долины ровныя» и заплакалъ.

— О чемъ, паренёкъ, тоскуешь? А-ли своихъ жаль,—проговорилъ тихій голосъ. Я вздрогнулъ и обернулся. Старикъ ласково смотрѣлъ на меня своими голубыми глазами.—А ты зачѣмъ здѣсь?

— Торговать прислали изъ Москвы, да вотъ и жди теперь, когда можно уѣхать,—а праздникъ, семья далеко,—тоскливо отвѣтилъ я.

— А ты бы шелъ помолиться! Развѣ ты тоже въ церковь не ходишь, какъ и твоя родня?—сказалъ онъ, указывая по направленію, гдѣ жили Зотовы.

— А ты почемъ знаешь, что они родня мнѣ?—спросилъ я, испугавшись.

— По говору; да и одежа-то у тебя такая же. Да ты не бойся: съ доносомъ не пойду; а стало тебя жаль, я и заговорилъ съ тобою.

Я и самъ не знаю, что сдѣлалось со мною, и я все разсказалъ: кто я и зачѣмъ здѣсь.

— Сколько времени живу, а все ничего не знаю, какъ они живутъ, и не надо-ли чего имъ; а можетъ еще долго придется здѣсь прожить.

— У меня ломота начинается,—проговорилъ старикъ,—скоро ледъ пройдетъ,—можетъ завтра; а ты поѣзжай водой—покойнѣе.

— Водой не ѣздилъ. Боюсь,—отвѣчалъ я.

— Чего бояться—люди ѣздятъ, не тонутъ. Покачаетъ малу-толику—и только! А поѣдешь, зайди проститься сюда... А ты угости хозяина, вина не пожалѣй, такъ все о своей роднѣ и узнаешь. А теперь иди домой, да не сказывай, что со мною говорилъ.

Послѣдовавъ совѣту, я на другой же день послѣ обѣда зазвалъ хозяина побаловаться чайкомъ «по-московски» и, не пожалѣвъ «Цымлянскаго», которымъ разбавлялъ я чай, скоро добился того, что онъ разговорился и разсказалъ все подробно, какъ жили Зотовы; какъ ихъ сторожили; какъ притѣсняли. «И я дивлюсь, какъ это тебѣ удалось продать, да еще лично, а не черезъ пристава; а то бы ты и половины денегъ не видалъ, вѣрно сунулъ «барашка въ бумажкѣ»?—сказалъ мой собесѣдникъ.

Я усмѣхнулся, но ничего не сказалъ, зная обычай всѣхъ: жить доносомъ одинъ на другаго.

— Вчера на валу, какъ я шелъ со взморья, я заблудился и не зналъ, какъ попасть домой, и никого не встрѣчалъ изъ прохожихъ. На валу сидѣлъ какой-то старикъ, я и спросилъ его, а онъ промолчалъ и отвернулся, не сказавъ ни слова. Нѣмой онъ, али «блаженный»?

— Нѣтъ, онъ можетъ говорить, да не хочетъ и человѣкъ умственный; да говорить ему не велѣно ни съ кѣмъ; да и спрашивать его тоже.

— А-ли злодѣй какой?—спросилъ я.

— А Богъ его вѣдаетъ! — отвѣчалъ хозяинъ;—онъ былъ сперва-началу въ стѣнѣ замурованъ годовъ, чай, съ тридцать, а потомъ императоръ Александръ его выпустилъ на волю и пенсію генеральскую далъ,—а изъ Кексгольма выѣзжать не велѣлъ. Ему годовъ много, а все живетъ.

— Что ты небылицу разсказываешь,—подстрекнулъ его я, — такъ и повѣрю! Гдѣ это слыхано, что живыхъ людей въ стѣну замуровывали. Живали въ Кіевѣ святые, да тѣ сами себя замуровывали,—это другое дѣло.

— Вотъ тѣ Христосъ! не лгу! Не чужія рѣчи говорю, а самъ видѣлъ,—сказалъ хозяинъ, крестясь.

— Это было давно, а ты еще не старый! —замѣтилъ я.

— Да мнѣ седьмой десятокъ доходитъ, а голова не сѣдая потому: позапрошлый годъ въ горячкѣ я хворалъ; волосы и вылѣзли, а эти выросли другіе, да и куда чернѣе, чѣмъ тѣ. Мнѣ было годовъ 12 или 13, какъ его привезли, а я помню, словно вчера было; да и забыть-то мудрено: отецъ за любопытство такъ выдралъ меня, что я чуть не умеръ—не забудешь.

— Это другое дѣло,—сказалъ я;—а то много и сказокъ разсказываютъ; а дураки—и вѣрятъ.

«А вотъ разскажу, и самъ повѣришь, — проговорилъ хозяинъ, важно развалясь на креслѣ. — Надо тебѣ сказать, купецъ честной, отецъ мой былъ главнымъ тюремщикомъ: дѣдъ былъ сосланъ въ крѣпость за вѣру. И много тогда ссылали за нее; да и вѣры-то были разныя; бывало, соберутся ссыльные на дворѣ крѣпости; примутся спорить, до драки доходило; разнимутъ ихъ, передерутъ всѣхъ; да неймется; какъ сойдутся, такъ и опять примутся спорить. Дѣдъ, такъ и умеръ, не ходя въ великороссійскую церковь; отецъ ходилъ—да рѣдко, а я и ни разу не бывалъ. Нашъ комендантъ былъ страстный игрокъ, да и болтали послѣ: игралъ на обманъ; такія у него карты были; въ какой-то фараонъ играли. Если онъ проигрывалъ—хоть два дня играютъ—не отпуститъ; а выиграетъ, скажетъ: «Усталъ», а отцу прикажетъ: «Разскажи-ка что-нибудь о старыхъ порядкахъ». Эти-то разсказы я любилъ, хотя морозъ по кожѣ пробиралъ, какъ о пыткахъ говорятъ. Я все время бывалъ при играющихъ—ихъ трубки набивалъ; тутъ и спалъ.

Разъ заигрались долго; глухая ночь была, я уже спалъ давно. Вдругъ стукъ въ ворота необычный (ночами у насъ была тишина могильная), прибѣгаетъ солдатикъ съ караула и говоритъ впопыхахъ: «Коменданта требуютъ, изъ Питера пріѣхали!» Перепуганный старикъ-комендантъ съ трудомъ розыскалъ свой мундиръ,—а въ ворота просто ломались. Отецъ забралъ всѣ ключи и спрятался подъ лѣстницу, думая, что ломятся разбойники, желавшіе освободить заключенныхъ. Переполохъ былъ невообразимый. Наконецъ, комендантъ добрался до воротъ; требуютъ отворить, а тотъ боится. Въ маленькое отверстіе передали бумагу, предписывающую принять арестанта. Ворота отворили, въѣхала карета въ 6 лошадей, всѣ въ мылѣ. Изъ кареты вышелъ офицеръ, передъ которымъ комендантъ вытянулся въ струнку. На выговоръ, что долго не отворяли, оправдался тѣмъ, что крѣпостныя ворота отворяются только для его величества въ неуказное время.

— Или по его предписанію,—строго сказалъ офицеръ.

За нимъ вышелъ арестантъ во фризовой шинели со многими воротниками (тогда модная); изъ нихъ верхніе были перевязаны шарфомъ, такъ что лица не было видно, и въ нахлобученной шапкѣ. Офицеръ подъ руку провелъ его по лѣстницѣ. Въ комнатѣ онъ сказалъ что-то тихо коменданту, а тотъ, позвавъ отца, взялъ огромную связку ключей, которые висѣли на стѣнѣ; отецъ зажегъ факелъ, и всѣ начали спускаться по узкой каменной лѣстницѣ, а потомъ пошли узкимъ корридоромъ. Наконецъ дошли до толстой двери съ маленькимъ оконцемъ. Отецъ едва могъ отворить дверь, до того замокъ заржавѣлъ; офицеръ заглянулъ въ нее, нѣтъ-ли выхода, и самъ ввелъ арестанта и потомъ заперъ дверь, а ключъ отдалъ коменданту, сказавъ:

— Сейчасъ позвать каменщиковъ и заложить дверь.

Приказаніе было исполнено, кирпичами заложили дверь до оконца; а офицеръ сказалъ коменданту:

— Ты будешь самъ приносить хлѣбъ и воду ежедневно; но ни самъ не спрашивай и на его вопросы не отвѣчай; а то и тебя такъ же запрутъ.

Я забылъ еще сказать, что велѣли принести арестантское платье; и когда арестантъ вошелъ въ камеру, офицеръ самъ снялъ съ него шинель и шапку. Шинель онъ отдалъ коменданту, сказавъ: «Храните», а шапку тамъ оставилъ. Другаго платья на арестантѣ не было: одна шинель, да рубашка.

Потомъ всѣ ушли наверхъ, оставивъ арестанта одного въ потьмахъ.

Тогда отецъ увидалъ меня и пригрозилъ.

Офицеръ потребовалъ тюремную книгу и самъ вписалъ въ нее арестанта, назвавъ его: «безъимяннымъ».

Каждый годъ присылался запросъ о немъ: Живъ-ли?

Годы шли, а узникъ не умиралъ.

Отецъ, проводя пріѣзжихъ, такъ жестоко наказалъ меня, что я захворалъ горячкою и раны долго не заживали на тѣлѣ; но это еще больше утвердило во мнѣ желаніе узнать: кто этотъ узникъ?

Передъ смертью отецъ покаялся священнику, что онъ долго допрашивалъ узника, кто онъ и за что посаженъ? Но онъ упорно молчалъ, только разъ сказавъ еще сначала: «я далъ слово молчать, и умру, но не скажу». Отецъ сознался, что не давалъ ему по долгу ни хлѣба, ни воды, но тотъ выдержалъ и не открылъ, кто онъ.

Время шло. Я выросъ, отецъ дряхлѣлъ; съ согласія коменданта я исполнялъ должность отца во всемъ, кромѣ узника; ему отецъ самъ продолжалъ носить пищу.

Отецъ сталъ съ нимъ заговаривать, но тотъ все молчалъ. «Сегодня Пасха; Христосъ Воскресе», — въ первый разъ сказалъ отецъ, узникъ не отвѣчалъ.

— Сегодня Новый годъ,—тоже молчаніе.

— Императрица Екатерина скончалась; императоръ у насъ Павелъ Петровичъ.

— Царство небесное, — глухо и тихо отвѣтилъ узникъ, и опять молчаніе.

Годы шли... Я женился на одной сосланной (и женщинъ присылали въ Кексгольмъ); дѣтей у насъ не было; да и жена скоро умерла. Такъ я и рѣшилъ не жениться болѣе.

Императоръ Павелъ Петровичъ скоро умеръ. Воцарился императоръ Александръ. Комендантъ былъ уже давно другой, скупой и лѣнивый; все пришло въ запустѣніе; все загрязнилось...

Вдругъ разнеслась вѣсть: императоръ Александръ ѣдетъ по крѣпостямъ осматривать ихъ.

Принялись все мыть и чистить, но въ нѣсколько дней что подѣлаешь, когда годами нажита грязь и все сгнило.

Мы всѣ думали, что коменданта разжалуютъ въ солдаты, да и намъ достанется.

Отца моего и узнать было трудно; онъ уже былъ такъ слабъ, что я ежедневно водилъ его подъ-руку по лѣстницѣ и несъ хлѣбъ и воду,— а онъ самъ несъ ихъ до камеры, съ трудомъ передвигая ноги; но на предложеніе мое донести ихъ до камеры всегда отвѣчалъ одно и то же: «Когда умру, тогда и донесешь».

Послѣдніе годы онъ сталъ приносить ему иногда что-нибудь другое, кромѣ хлѣба и воды, и всегда скажетъ: «Это прислалъ рабъ Божій» (и имя);—это былъ одинъ богатый купецъ, его отецъ тоже умеръ въ крѣпости, и онъ посылалъ заключеннымъ что-нибудь съѣстное.

Вѣсть о пріѣздѣ императора оживила отца.

Государь пріѣхалъ въ Кекгольмъ рано утромъ. Потребовалъ тюремную книгу. Самъ обошелъ камеры; спрашивалъ, за что кто посаженъ, и всѣхъ выпускалъ на свободу, самъ отмѣчая передъ каждымъ именемъ: «П р о щ е н ъ».

Когда всѣ камеры были пусты, императоръ спросилъ: «Нѣтъ-ли еще кого?

— Одинъ—безъименный,—отвѣчалъ комендантъ.

— Какой «безъименный?» Почему его нѣтъ въ книгѣ?—спросилъ строго императоръ.

— Онъ лѣтъ 30 сидитъ и значился въ старыхъ книгахъ,—отвѣчалъ комендантъ.

— Гдѣ же его камера? Здѣсь всѣ пусты.

— Онъ замурованъ въ подземной тюрьмѣ,—отвѣчалъ комендантъ, весь дрожа.

— И живетъ 30 лѣтъ?

— Такъ точно, ваше величество.

— Проведите меня туда,—сказалъ государь.

Комендантъ ни разу не бывалъ въ подземельи и не зналъ, гдѣ тюрьма «безъименнаго».

— Пожалуйте, выше величество,—сказалъ мой отецъ,—я каждый день ношу ему хлѣбъ и воду.

Зажгли факелы; вся свита пошла за императоромъ; я хотѣлъ помочь отцу сойти съ лѣстницы; но онъ отстранилъ меня и твердо пошелъ впередъ, словно молодой.

— Ты давно здѣсь?—спросилъ государь.

— Я родился здѣсь, а мнѣ 87 лѣтъ,—отвѣчалъ отецъ.

Я взялъ два факела и пошелъ впередъ, за мною шелъ отецъ. Лѣстница, хотя и каменная, была вся разрушена; щебень, осыпаясь со стѣнъ и потолка, загораждалъ дорогу; съ трудомъ пробрались по коридору; здѣсь я ни разу не бывалъ (я только спускался по лѣстницѣ) и потому часто спотыкался, а отецъ шелъ увѣренно, зная дорогу.

— Здѣсь, ваше величество,—сказалъ отецъ.

Видя, что кирпичи закрываютъ дверь, государь спросилъ отца: «Какъ отворить»?

— Отломать надобно, — отвѣчалъ онъ, и послалъ меня за солдатами; а самъ подошелъ къ окну и сказалъ громко:

— Живъ, старина?

— Живъ,—отвѣчалъ тихій и глухой голосъ.

Послѣдніе два дня отецъ не приносилъ узнику ни воды, ни хлѣба, хлопоча къ пріѣзду государя.

Солдаты быстро разобрали кирпичи; дверь съ трудомъ отворили.

— Мы пришли за тобой,—сказалъ отецъ,—выходи скорѣе.

Но узникъ молчалъ.

Отецъ вошелъ къ нему и за руку вывелъ въ корридоръ, но какъ только узникъ вдохнулъ воздухъ корридора, онъ потерялъ сознаніе. Докторъ, сопровождавшій государя, велѣлъ вынести его на верхъ. Съ кого-то изъ солдатъ сняли шинель и на ней вынесли его.

До смерти не забуду, какого я увидѣлъ узника: арестантское платье висѣло на немъ клочьями; волосы и борода скатались, какъ войлокъ; ногти были какъ когти; тѣло все было покрыто словно корой.

Но лицо и руки были сравнительно бѣлѣе. Докторъ сказывалъ, что узникъ по два и по три дня не пилъ воды, чтобъ умыть лицо.

Я случайно взглянулъ на императора: онъ былъ блѣденъ, какъ покойникъ.

— Обмойте... одѣньте... Платье дайте мое... Когда отдохнетъ, приведите ко мнѣ,—сказалъ императоръ.

Докторъ самъ обмывалъ узника, но грязь сильно засохла; и лишь когда стали лить горячую воду—грязь стала отставать отъ тѣла, какъ кора.

Я все время былъ въ числѣ хлопотавшихъ. Докторъ только и спрашивалъ: «Не больно-ли? Не горячо-ли»? Узникъ говорилъ только одно: «нѣтъ»!

Когда узника обмыли, то его одѣли въ платье императора. Оно висѣло на немъ какъ на вѣшалкѣ.

Докторъ уложилъ его на диванъ, укрылъ одѣялами и заставилъ выпить крѣпкаго мяснаго бульона съ виномъ. Узникъ уснулъ и спалъ съ часъ времени. Докторъ нѣсколько разъ подносилъ зеркало къ его губамъ: такъ тихо лежалъ онъ, словно мертвый.

Наконецъ, глубоко вздохнувъ, узникъ открылъ глаза; но сейчасъ же закрылъ рукою отъ свѣта. (А въ комнатѣ было темно отъ толстыхъ рѣшетокъ).

— Какъ себя чувствуете?—спросилъ докторъ.

— Я думалъ, что во снѣ вижу... бывало...

— Нѣтъ, это не сонъ; вы свободны,—отвѣтилъ докторъ.

Нѣсколько мгновеній узникъ молчалъ.

— Такъ я не сплю?—спросилъ онъ еще разъ.

— Я уже сказалъ вамъ, что ваше заключеніе окончилось; вы свободны,—сказалъ докторъ.

Слабая улыбка показалась на губахъ узника.

— Дожилъ,—прошепталъ онъ.

Подождавъ нѣсколько минутъ, докторъ спросилъ его:

— Можете-ли вы увидѣться съ тѣмъ, кто освободилъ васъ? Желаете-ли?

— Да... да... могу,—и узникъ началъ вставать на ноги, но не могъ удержаться и снова сѣлъ.

— Скажите себѣ: я хочу идти, и вы пойдете, — посовѣтовалъ докторъ.

— Да, я хочу идти,—проговорилъ узникъ, и, поддерживаемый докторомъ, медленно пошелъ съ нимъ.

— Закройте глаза, такъ будетъ лучше.

Тотъ исполнилъ, что говорилъ докторъ.

Пройдя залъ, они вошли въ комнату, гдѣ находился императоръ.

Государь запретилъ узнику говорить, кто онъ. Императоръ самъ усадилъ его въ кресло противъ себя и грустно смотрѣлъ на него.

— Кто вы? За что были въ заключеніи?

— Я могу сказать это только его величеству государю императору Павлу Петровичу,—отвѣчалъ узникъ, тихо и медленно выговаривая слова.

— Отца нѣтъ въ живыхъ; императоръ—я,—сказалъ государь.

Узникъ всталъ самъ съ кресла, открылъ глаза и, застѣнивъ ихъ рукою отъ свѣта, нѣсколько времени всматривался въ императора и, опустивъ руки, низко поклонился.

— Я готовъ отвѣчать вашему величеству, но прикажите выйти всѣмъ; говорить я могу только вамъ.

Императоръ приказалъ всѣмъ выйти, и даже солдата, стоявшаго на часахъ у дверей залы, перевелъ дальше, и самъ плотно заперъ обѣ двери. Я же воспользовался суматохою, проскользнулъ въ залъ и спрятался въ шкафу въ стѣнѣ, закрытомъ занавѣсью; но дверь въ комнату, гдѣ былъ императоръ, тоже плотно была заперта, и хотя слышно было, что говорятъ, но словъ разобрать было нельзя, хотя я слушалъ въ замочную скважину.

Болѣе часу проговорилъ государь съ узникомъ, и когда они вышли въ залъ, глаза императора были заплаканы: это замѣтили всѣ. Обѣдъ былъ давно готовъ. Императоръ, пригласивъ всѣхъ сѣсть за столъ, знакомъ приказалъ опустить занавѣси у оконъ; огня тоже не подавали и обѣдали почти въ потьмахъ.

Докторъ посадилъ узника рядомъ съ собою и помогалъ ему рѣзать кушанья, но онъ ѣлъ очень мало; а хлѣбъ, ломая маленькими кусочками, запивалъ водою.

Весь обѣдъ императоръ проговорилъ съ комендантомъ, но видно было, что государь грустенъ и озабоченъ.

Послѣ обѣда, государь, переодѣвшись въ дорожное платье, въ сопровожденіи свиты и всѣхъ освобожденныхъ сошелъ съ лѣстницы; докторъ помогъ узнику сдѣлать то же; ему подали ту шинель, въ которой его привезли въ крѣпость, но шапки на немъ не было. Императоръ повернулся ко всѣмъ и сказалъ: «Прощайте, господа!» (ура запрещено было кричать); всѣ поклонились, а освобожденные поклонились

до земли и остались на колѣняхъ. Императоръ осѣнилъ ихъ крестомъ, а узнику сказалъ: «Храни васъ Господь!» Тотъ отвѣтилъ: «И васъ тоже, ваше величество, прощайте!»—Императоръ, увидавъ, что у узника нѣтъ ничего на головѣ, снялъ свою фуражку, надѣлъ на него и сказалъ: «Носите въ память обо мнѣ»,—и, обратясь къ камердинеру, сказалъ: «Дай другую»,—другой близко не было, и камердинеръ подалъ изъ футляра, который онъ несъ въ рукахъ,—треуголку съ плюмажемъ императоръ улыбнулся, надѣвая ее. Сѣвъ въ экипажъ, государь еще разъ поклонился всѣмъ и сказалъ: «До свиданья!»

Комендантъ, гордый и недоступный, видя, какъ относился къ узнику императоръ, льстиво спросилъ его:

— Гдѣ вамъ угодно будетъ остаться жить; здѣсь-ли, въ крѣпости, или въ городѣ?

— Гдѣ-нибудь, только не здѣсь,—отвѣчалъ тотъ и, обратясь къ отцу, сказалъ: помѣстите куда-нибудь меня въ городѣ, а потомъ можно устроиться, но поскорѣе; я усталъ.

И дѣйствительно узникъ едва держался на ногахъ; его усадили и унесли по лѣстницѣ солдаты на рукахъ.

«Узникъ» остался жить въ Кексгольмѣ; здѣсь онъ и умеръ. Много было толковъ и догадокъ на счетъ освобожденнаго «узника», но такъ никому и не удалось опредѣлить его личность [1]).

Сообщила **Кл. Вл. З—а.**

---

[1]) Не приводя дальнѣйшей части разсказа дѣда г-жи К. В. З—ой, скажемъ только, что къ „узнику“, спустя нѣкоторое время, пріѣзжала изъ Петербурга какая-то княгиня (фамилія ея въ разсказѣ не названа), которой авторъ разсказа, по порученію „узника“, передалъ отъ него поклонъ въ проѣздъ свой черезъ Петербургъ. Свиданіе княгини съ узникомъ было самое кратковременное. „Узникъ“ послѣ того захворалъ и вскорѣ умеръ. Во время его болѣзни его навѣщалъ мѣстный священникъ, которому онъ также не открылъ своего имени, сказавъ лишь, что не онъ виновенъ въ испытанныхъ имъ страданіяхъ. Похоронили узника въ Кексгольмѣ у церкви, на могилу его былъ присланъ богатый надгробный памятникъ, но имени умершаго на немъ не было означено.

Отобранный высочайшій подарокъ въ 1820 году.

Императоръ Александръ I-й, какъ извѣстно, во время своихъ поѣздокъ не любилъ торжественныхъ встрѣчъ. По крайней мѣрѣ, объ этомъ обычно предупреждались губернаторы тѣхъ губерній, по которымъ проѣзжалъ государь. Такъ было и въ поѣздку Александра I-го въ 1820 г. въ Варшаву. Но на этотъ разъ не обошлось безъ приключенія.

17-го іюля начальникъ главнаго штаба его императорскаго величества князь П. М. Волконскій писалъ тверскому гражданскому губернатору: «Государь императоръ, по дорогѣ отъ Твери, замѣтить изволилъ, что его величество сопровождаемъ былъ тверскимъ земскимъ исправникомъ Кореневымъ, коему, по представленію вашего превосходительства, пожалованъ былъ брилліантовый перстень. Но какъ всякія встрѣчи и сопровожденія воспрещены, то государь императоръ повелѣть соизволилъ,—если г. Кореневъ сдѣлалъ сіе по своему произволенію,—удержать перстень, въ случаѣ, что оный ему еще не выданъ, а ежели уже врученъ ему, то взять и доставить оный ко мнѣ. Если же сіе было сдѣлано имъ по приказанію начальства, то государь императоръ приказалъ мнѣ объявить вашему превосходительству, что его величество не привыкъ, чтобы высочайшія повелѣнія оставались безъ исполненія, а потому можете лишиться вашего мѣста».

Тверской губернаторъ, 20-го іюля, отвѣчалъ кн. П. М. Волконскому:

«Предписаніе вашего сіятельства съ изъявленіемъ высочайшей его императорскаго величества воли на счетъ провожанія изъ Твери исправникомъ имѣлъ честь получить сего іюля 20-го числа. Я и помыслить ни въ какое время не смѣю не только не исполнять высочайшихъ его императорскаго величества повелѣній, ниже малѣйше отступать отъ оныхъ, и потому всепокорнѣйше прошу донести государю императору, что отъ меня никогда исправнику приказываемо не было ни встрѣчать, ни слѣдовать за его величествомъ, и, когда я его спросилъ, почему онъ осмѣлился сіе сдѣлать, то онъ отвѣтствовалъ мнѣ, что ѣхалъ по тому же пути единственно для роспуску обывательскихъ лошадей съ Городенской станціи тотчасъ по проѣздѣ государя. Не взирая на таковое оправданіе, впрочемъ, довольно вѣроятное, я, отобравъ отъ него пожалованный ему перстень, имѣю честь препроводить оный при семъ къ вашему сіятельству. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и таковою же преданностію имѣю честь быть, сіятельный князь, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга Николай Всеволожскій».

Сообщ. **Александръ Успенскій.**

Воспоминанія педагога.

V.

Воспитательная часть.

Ближайшими и непосредственными воспитателями дѣтей Александровскаго корпуса были классныя дамы. Поступившій въ корпусъ ребенокъ оставался до выхода изъ него у одной и той же дамы, исключая того случая, когда онъ по годамъ своимъ долженъ былъ пройти черезъ малолѣтнее отдѣленіе. Во всѣхъ своихъ нуждахъ ребенокъ обращался къ своей дамѣ, которая должна была замѣнять ему родную мать. Классными дамами опредѣлялись только дѣвицы или вдовы, при чемъ послѣднія не могли имѣть при себѣ малолѣтнихъ дѣтей; это постановлено было для того, чтобы дамы не отвлекались заботами о своемъ семействѣ и всецѣло посвящали себя своимъ питомцамъ. Чтобы снять съ воспитательницы по возможности всѣ заботы о хозяйствѣ, имъ полагался казенный столъ (обѣдъ и ужинъ); чтобы, наконецъ, воспитательница могла постоянно, во всякое время, слѣдить за ввѣренными ей дѣтьми, она имѣла свою квартиру, расположенную рядомъ съ дѣтскою спальнею, и одна комната ея была, такъ сказать, дѣтской ея питомцевъ; здѣсь дѣти занимались приготовленіемъ уроковъ, здѣсь они играли, если занятій не было, и здѣсь же нѣсколько человѣкъ ея отдѣленія проводили свободное свое время, особенно во время праздниковъ.

Малолѣтнее отдѣленіе, въ которое я поступилъ въ августѣ 1841 г., и въ которомъ находился до половины марта 1843 года, помѣщалось совершенно отдѣльно отъ другихъ воспитанниковъ. Классная дама сама

отпускала дѣтей въ классы, а по окончаніи классовъ дѣти приходили прямо на квартиру дамы. Только во время стола дѣти находились въ общей столовой съ другими возрастами, все же остальное время они оставались лишь подъ надзоромъ своей дамы, которая, по своему усмотрѣнію, ходила съ ними гулять въ садъ или по корридору.

Въ малолѣтнемъ отдѣленіи воспитаніе дѣтей было домашнее въ полномъ смыслѣ слова. Съ самаго основанія Александровскаго корпуса и до 1843 года, классною дамою малолѣтняго отдѣленія была добрѣйшая старушка Марья Ивановна Боньотъ, которая перешла въ Александровскій корпусъ изъ бывшаго малолѣтняго отдѣленія 1-го кадетскаго корпуса, гдѣ начала свою службу, кажется, еще при Александрѣ Павловичѣ, въ первые годы его царствованія. Образованія она была скромнаго, даже не говорила по-французски (по крайней мѣрѣ мы, дѣти, никогда не слыхали отъ нея ни одного французскаго слова), что̀ ставилось непремѣннымъ условіемъ при назначеніи классныхъ дамъ, но обладала въ высшей степени добрымъ сердцемъ и любовью къ дѣтямъ. Сколько лѣтъ она провела въ кругу дѣтей—я не знаю, но она до такой степени свыклась съ своимъ положеніемъ, что ее нельзя было себѣ представить безъ дѣтей. Имѣя двѣ отдѣльныя маленькія комнаты, она только спала въ одной изъ нихъ, съ ранняго же утра и до того времени, какъ дѣти уснутъ, она отъ нихъ не отлучалась. Въ дѣтской, т. е. въ большой комнатѣ ея квартиры, около окна стоялъ ея стулъ и столикъ; здѣсь она, окруженная дѣтьми, что-нибудь работала или читала «Сѣверную Пчелу». Въ будни дѣти на пять часовъ уходили въ классы, но она отнюдь не освобождалась въ это время, такъ какъ на ея рукахъ все-таки оставалось два-три мальчика моложе 6-ти лѣтъ, которые въ классы не ходили вовсе. Въ остальные часы, во всѣ праздники, во время каникулъ, всѣ дѣти безотлучно оставались при ней; она и не знала другой жизни, какъ жизнь съ дѣтьми: гуляла тогда, когда имъ надо было гулять, обѣдала и ужинала, когда они обѣдали и ужинали, ходила съ ними въ царскосельскій паркъ. Въ тѣ полтора года, которые я ее зналъ, она ни одного раза не оставляла насъ даже на самое короткое время. Это была мать многочисленнаго семейства. Никакого воспитательнаго плана, или воспитательной системы Марья Ивановна не имѣла, да и не знала; она жила съ дѣтьми, не позволяла имъ ссориться и браниться, смотрѣла, чтобы они всегда были опрятны, чтобы во̀-время ложились и вставали, во̀-время уходили бы въ классы; иногда показывала и объясняла имъ картинки, иногда спрашивала азбуку, которую дѣти только-что выучили въ классѣ,—словомъ, пріучала ихъ къ порядку, къ добрымъ взаимнымъ отношеніямъ, старалась ихъ развлекать, дѣйствуя по внушенію добраго, любящаго сердца. Наказаніе она, правда, употребляла, но очень рѣдко,

въ видѣ исключенія и то только одно наказаніе: недолго постоять отдѣльно отъ товарищей; безъ пищи она никогда не наказывала, точно также никогда не употребляла тѣлеснаго наказанія, столь распространеннаго во всѣхъ другихъ отдѣленіяхъ Александровскаго корпуса. Дѣти платили ей, съ своей стороны, также любовью и искренностью. Съ каждой бездѣлицей, со всякимъ цвѣточкомъ, ягодкой или жучкомъ, найденнымъ въ саду, дѣти бѣжали показать ей ихъ, и никогда не надоѣдали этимъ; она всегда посмотритъ то, что ей показываютъ, и скажетъ нѣсколько ласковыхъ словъ. Подаритъ-ли ребенку въ классахъ кто-нибудь карандашъ, перо или тетрадку, онъ бѣжитъ изъ класса прямо къ ней, показать свой подарокъ, думая ее обрадовать такъ же, какъ самъ обрадовался, и она дѣйствительно радовалась всякой дѣтской радости. Не смотря на весьма рѣдкое употребленіе наказаній, духъ послушанія и исполнительности царствовалъ въ малолѣтнемъ отдѣленіи; за то, вслѣдствіе мягкости воспитанія, дѣти отличались откровенностью, сердечной добротой и мягкими отношеніями другъ къ другу: драки, если и случались, то только между новичками, привозившими привычку къ нимъ изъ дома, но въ отдѣленіи дѣти скоро отучались отъ нихъ; дѣти никогда не покушались отнять что-нибудь у своего товарища, или безъ позволенія взять чужую игрушку, которая всегда лежала на виду, такъ какъ ящиковъ и шкафовъ не было вовсе.

Но несознательныя отношенія Марьи Ивановны къ дѣтской природѣ были причиною нѣкоторыхъ ея промаховъ въ педагогическомъ отношеніи. Такъ, она съ особенной любовью относилась къ болѣе маленькимъ дѣтямъ и во всѣхъ несогласіяхъ или ссорахъ, происходившихъ между двумя дѣтьми, никогда не разбирала, кто правъ и кто виноватъ, а просто принимала сторону младшаго, оправдывая всегда его, и выговаривала старшему. Такая несправедливость раздражала старшаго, но, что̀ еще хуже, развивала безнаказанный деспотизмъ въ младшемъ. Поэтому-то тѣ дѣти, которыя поступали въ корпусъ очень молодыми, меньше шести лѣтъ, пріобрѣтали самый несносный характеръ, любили ко всѣмъ приставать, и затѣмъ они же бѣгали постоянно жаловаться: изъ нихъ впослѣдствіи выходили непріятные товарищи, которыхъ всѣ не любили.

Полтора почти года прожилъ я у М. И. Боньотъ, и какъ теперь представляю ее передъ собою въ нашей дѣтской, всегда чѣмъ-нибудь занятой, чаще всего дѣланіемъ изъ бумаги розетокъ для четырехъ подсвѣчниковъ, въ которыхъ по вечерамъ подавались намъ на столъ сальныя свѣчи.

Будучи весьма аккуратной, Марья Ивановна наблюдала, чтобы мѣдные подсвѣчники блестѣли, а чтобы они не закапались саломъ, при-

готовляла очень искусно бумажныя розетки, которыя каждый день мѣнялись. Для приготовленія четырехъ розетокъ ежедневно, требовалось довольно времени, и вотъ мы окружаемъ ее, а она съ нами бесѣдуетъ, работая ножемъ розетки, мы же всѣ слѣдимъ за этой работой, свободно разспрашивая ее о разныхъ разностяхъ, или разсказывая ей сказки, или, наконецъ, слушая ея разсказы. Но вотъ вдали раздается барабанъ, Марья Ивановна оставляетъ свою работу: «идемъ, дѣти, обѣдать»,—говоритъ она. Мы тотчасъ сами выстраиваемся и идемъ съ нею въ общую залу, для чего надо спуститься съ третьяго этажа въ первый. На лѣстницѣ одинъ мальчикъ вздумалъ посмотрѣть въ окно, просунувъ голову между желѣзными прутьями, которыми окно было отгорожено отъ лѣстничной площадки. Прутья внизу были нѣсколько толще, чѣмъ вверху, и потому голова мальчика, свободно прошедшая въ верхней части, не могла пройти назадъ между прутьями, когда онъ наклонился. Мальчикъ испугался, онъ не могъ вытащить свою голову и закричалъ отчаяннымъ голосомъ. Боже мой, что̀ сдѣлалось съ Марьей Ивановной! Блѣдная, какъ смерть, она принялась своими слабыми руками раздвигать толстые желѣзные прутья; видя ея испугъ и испугъ товарища, мы, болѣе старшіе, принялись также тянуть прутья, маленькіе заплакали. Конечно, мы ничего не могли сдѣлать; но къ счастью самъ виновникъ тревоги догадался, наконецъ, поднять голову выше, и тогда онъ легко ее вытащилъ. Но Марья Ивановна едва сошла съ лѣстницы, такъ ноги ея дрожали. Если бы это случилось въ одномъ изъ ротныхъ отдѣленій, какъ жестоко былъ бы наказанъ мальчикъ, да заодно и всѣ мы; здѣсь же никому намъ и въ голову не приходило, что мальчикъ этотъ, и безъ того такъ напугавшійся, можетъ быть еще наказанъ.

Однажды А. Б. Дихеусъ взялъ троихъ изъ насъ въ свой небольшой садикъ, бывшій рядомъ съ нашимъ садомъ, и каждому изъ насъ далъ по нѣсколько вѣточекъ клубники, сорвавъ ее при насъ съ грядъ. Онъ очень удивился, что мы не ѣли ягодъ; на его вопросъ, почему мы не хотѣли ихъ ѣсть, мы сказали, что снесемъ ихъ Марьѣ Ивановнѣ. Онъ самъ отвелъ насъ назадъ и передалъ ей наши слова. Старушка взяла отъ каждаго изъ насъ по одной ягодкѣ и на другой день купила намъ каждому по тарелкѣ клубники. Въ этомъ простомъ обстоятельствѣ видна наша постоянная мысль о Марьѣ Ивановнѣ, бывшей очень близкою къ нашему дѣтскому сердцу.

Въ мартѣ 1843 года мнѣ должно было исполниться 8-мь лѣтъ, и мнѣ предстоялъ переводъ въ ротныя отдѣленія; не задолго до моего перехода, на Рождествѣ, Марья Ивановна сильно заболѣла и къ концу праздниковъ, въ январѣ, умерла. Она была католичка, и потому ее отпѣвали не въ нашей церкви; по случаю большихъ холодовъ,—хоронили

ее безъ насъ; прощаться къ ней не сочли удобнымъ вести насъ, и такимъ образомъ мы ее уже не видали отъ начала Рождественскихъ праздниковъ.

Послѣ смерти М. И. Боньотъ, вѣроятно по распоряженію великаго князя Михаила Павловича, былъ отпечатанъ портретъ ея, на которомъ она была представлена гуляющею въ саду, окруженная тремя дѣтьми малолѣтняго отдѣленія. Портретъ намъ только одинъ разъ показали, хотя слѣдовало бы повѣсить его въ залахъ и спальняхъ. Смотря на портретъ, мы сожалѣли, что ни одинъ изъ нарисованныхъ дѣтей не похожъ ни на кого изъ насъ.

Вмѣсто М. И. Боньотъ въ малолѣтнее отдѣленіе была назначена m-me Кашинцева, бывшая до того въ старшихъ отдѣленіяхъ; она принесла съ собой изъ ротныхъ отдѣленій всѣ наказанія и вмѣстѣ съ тѣмъ французскій языкъ, бывшій общеупотребительнымъ разговорнымъ языкомъ между дамами и воспитанниками; но не принесла главнаго: той любви и сердечной теплоты къ дѣтямъ, которыми отличалась Марья Ивановна Боньотъ.

Въ ротныхъ отдѣленіяхъ, куда перевели меня въ мартѣ 1843 года, классная дама уже не была такъ безотлучно при дѣтяхъ, какъ въ малолѣтнемъ отдѣленіи, однако и здѣсь она стояла къ нимъ такъ близко и была при нихъ такъ часто, что могла быть въ полномъ смыслѣ слова воспитательницей и руководительницей своихъ дѣтей.

Рота составляла одну воспитательную единицу, которая раздѣлялась на три отдѣленія. Классная дама 1-го отдѣленія была въ то же время старшею дамою. Меня перевели въ 3-ю роту, во 2-е отдѣленіе, гдѣ я уже находился до перевода въ малолѣтнее отдѣленіе. Старшею дамою въ третьей ротѣ была Елисавета Николаевна Боньотъ, дочь Марьи Ивановны, старая дѣвица, по характеру своему совершенно непохожая на свою мать. Всякій мелкій проступокъ выводилъ ее изъ себя, она тотчасъ стращала розгами и наказывала стоять. Особенно плохо приходилось тому мальчику, который постоянно велъ себя хорошо; стоило ему попасться въ какой-нибудь обыкновенной дѣтской шалости, и Е. Н., кромѣ наказанія, донимала такими замѣчаніями: «небось тихоня, а самъ исподтишка, лукавый мальчишка, въ тихомъ омутѣ черти водятся» и т. п. Не знаю хорошенько, любили ли Е. Н. дѣти ея отдѣленія, но мы, дѣти другихъ отдѣленій, и боялись, и ненавидѣли ее. Впрочемъ, Е. Н. умѣла быть доброй, но только не ко всѣмъ дѣтямъ. При поступленіи моемъ, я увидѣлъ одного мальчика, пользовавшагося особымъ покровительствомъ Елисаветы Николаевны; она его любила и баловала; онъ цѣлые дни внѣкласснаго времени проводилъ у нея на квартирѣ и только во время дежурствъ Е. Н. находился съ нами въ залѣ. Мальчикъ этотъ имѣлъ совершенно болѣз-

ненный видъ, былъ очень худъ и блѣденъ, отличался скромностью и очень небойкими способностями. Въ 1844 году онъ былъ переведенъ отъ насъ въ Пажескій корпусъ,—единственное исключеніе,—такъ какъ переводъ бывалъ только въ кадетскіе корпуса. Почему онъ находился подъ особымъ покровительствомъ классной дамы, не отличавшейся въ обращеніи съ другими дѣтьми нѣжными чувствами,—мнѣ неизвѣстно; если я остановился нѣсколько на немъ, то только потому, что онъ впослѣдствіи, въ 1863 году, игралъ важную роль въ польскомъ возстаніи подъ вымышленнымъ названіемъ—Бошняка; это былъ Іосифъ Гауке.

Во 2-мъ отдѣленіи, куда я поступилъ, была всего около мѣсяца классная дама Вознесенская, которая переходила тогда въ Петербургъ, въ Николаевскій институтъ, и на ея мѣсто была къ намъ опредѣлена француженка по происхожденію, но уже довольно хорошо говорившая по-русски m-me Кобервейнъ. Она была лучшею изъ всѣхъ трехъ дамъ нашей (3-й) роты, хотя нерѣдко выказывала большія несправедливости и довольно щедро разсыпала взысканія, но мы все-таки ее любили больше всѣхъ дамъ. Но особенно мы любили ея дочь Жозефину Осиповну, дѣвушку лѣтъ 22 или 23, очень умную, отлично игравшую на роялѣ и хорошо рисовавшую масляными красками. Ж. О. жила при своей матери и на нее-то возлагала нерѣдко свои обязанности m-me Кобервейнъ, то уѣзжая въ Петербургъ, то по нездоровью своему, то просто чтобы отдохнуть. Во время дежурствъ своихъ, m-me Кобервейнъ отсылала къ дочери насъ человѣкъ пять, и мы разговаривали съ ней откровенно о всѣхъ нашихъ радостяхъ и печаляхъ, въ то время какъ она рисовала, что̀ не мѣшало ей принимать искреннее участіе въ нашихъ бесѣдахъ. Въ лѣтнее время Ж. О. ежедневно ходила гулять въ царскосельскій паркъ, при чемъ всегда брала съ собой двухъ-трехъ дѣтей; я былъ счастливъ тѣмъ, что почти всегда она выбирала и меня въ свои спутники. Мы были на столько къ ней привязаны, что, гуляя съ ней въ паркѣ или разговаривая съ ней въ квартирѣ, считали себя какъ-бы въ отпуску, отрѣшаясь вполнѣ отъ казенныхъ отношеній къ класснымъ дамамъ и отъ казенной обстановки заведенія. Жозефина Осиповна также искренно любила насъ, дѣтей, и даже когда я былъ уже въ 1-мъ корпусѣ, въ Петербургѣ, она иногда пріѣзжала ко мнѣ въ корпусъ навѣстить меня и другихъ дѣтей Александровскаго корпуса. Года черезъ два послѣ моего перехода изъ Александровскаго корпуса, Ж. О., какъ я слышалъ, вышла замужъ и съ мужемъ своимъ уѣхала изъ Россіи, навсегда поселившись въ Италіи.

Въ 3-мъ отдѣленіи нашей роты классною дамою была m-me Розенъ, которая имѣла къ намъ отношеніе только во время дежурствъ своихъ; мы ее не любили за ея вспыльчивый характеръ, при чемъ она въ злости бывало безъ церемоніи подойдетъ и ущипнетъ.

Что касается классныхъ дамъ другихъ ротъ, то онѣ не имѣли къ намъ никакого отношенія и совершенно насъ не знали.

Въ заведеніи существовала также начальница; въ чемъ заключались ея обязанности, я не могу дать себѣ отчета даже и теперь; она приходила къ намъ только во время нашего ужина. До 1844 г. была начальницей Кронъ, а въ 1844 г. поступила Голубцова. Мы, дѣти, рѣшили между собою, что начальница нужна была только для того, чтобы былъ лишній человѣкъ, который имѣлъ бы право насъ сѣчь. Кажется, мы не далеко были отъ истины.

Обязанность отдѣленной дамы состояла въ доставленіи дѣтямъ материнскаго воспитанія. Съ ранняго утра она была уже при своихъ дѣтяхъ, осматривала одежду, заставляла прочесть утреннюю молитву и отправляла ихъ къ утреннему чаю. Въ классахъ дѣти находились на рукахъ учителей, но дежурная дама присутствовала въ одномъ изъ классныхъ отдѣленій (для нея во всѣхъ классныхъ отдѣленіяхъ стояло особое кресло). Передъ обѣдомъ всѣ дамы приходили въ залу и шли къ обѣду вмѣстѣ со своими воспитанниками. Каждое отдѣленіе обѣдало за особымъ столомъ, на концѣ котораго обѣдала отдѣленная дама. Отъ обѣда до вечернихъ классовъ дѣти оставались въ залѣ на рукахъ дежурныхъ дамъ, но отдѣленныя дамы брали къ себѣ на это время по нѣсколько человѣкъ, часто и все отдѣленіе. Послѣ классовъ, получивъ полдникъ, дѣти шли заниматься въ квартиры своихъ дамъ; по окончаніи занятій, шли вмѣстѣ съ дамами къ ужину, послѣ котораго шли въ спальню, гдѣ до спанья оставались при своихъ дамахъ.

Такимъ образомъ бо́льшую часть дня дамы были при своихъ дѣтяхъ, а черезъ два дня въ третій, дама, будучи дежурной, была при дѣтяхъ безотлучно.

Если бы дамы имѣли хотя какое-нибудь педагогическое образованіе, если бы онѣ хотя задали себѣ вопросъ, для чего и какъ слѣдуетъ воспитывать, то при почти безотлучномъ пребываніи при дѣтяхъ онѣ могли бы прекрасно исполнять свои воспитательскія обязанности. Къ несчастію, онѣ, не имѣя никакого понятія о воспитаніи, часто только портили дѣтей, въ чемъ имъ помогало остальное начальство заведенія.

Все воспитаніе ограничивалось надзоромъ за порядкомъ и наложеніемъ взысканій за нарушеніе порядка.

Наказанія, употреблявшіеся въ отдѣленіяхъ, состояли въ слѣдующемъ:

1. Ставили на штрафъ во время рекреаціи.
2. Заставляли стоять во время обѣда или ужина.
3. Лишали блюда за обѣдомъ или ужиномъ.
4. Наказывали розгами.
5. Писали фамилію на черной доскѣ.

6. Отдѣляли отъ товарищей.

7. Надѣвали на шею особый «ошейникъ» (наказаніе очень рѣдкое).

Три послѣднія взысканія могъ налагать только директоръ корпуса. Ошейникъ дѣлался изъ грубаго солдатскаго сукна и надѣвался на голую шею ребенка. Хороши были педагоги, придумавшіе такое позорное и антигигіеническое наказаніе!

Тѣлесное наказаніе имѣли право налагать директоръ, инспекторъ классовъ, начальница и старшая дама въ ротѣ. Первыя три лица исполняли это наказаніе при помощи сторожей, а дамы—при помощи нянекъ. Отдѣленная дама сама не имѣла права наказывать тѣлесно, но такъ какъ не было примѣра, чтобы старшая дама отказала въ просьбѣ отдѣленной дамы высѣчь мальчика, то это сводилось къ тому, что каждая дама могла наказать тѣлесно, когда ей вздумается. Дамы считали розги ничтожнымъ наказаніемъ, и рѣдкій день обходился безъ розогъ, при чемъ сѣкли одновременно нѣсколькихъ дѣтей за самые ничтожные проступки (такъ было по крайней мѣрѣ въ 3-й ротѣ). Для примѣра приведу слѣдующій случай. Мальчикъ С. подарилъ своему товарищу Б. маленькое жестяное блюдечко, привезенное имъ изъ дома; послѣдній подарилъ это блюдечко другому товарищу Ч. У Ч. однажды нашли подушку, вымазанную сажей; при разборѣ оказалось, что Ч. жарилъ на свѣчкѣ ночника картофель, спрятанный имъ отъ ужина. Нашли и блюдечко. Послѣ разбора высѣкли Ч. за его вину, Б. и С. за то, что они осмѣлились дарить свои вещи; кстати высѣкли и брата С. за то, что у него нашли три или четыре пуговицы, которыми онъ игралъ. Въ другой разъ дама приказала мальчику опустить руку, которую онъ поднялъ, идя къ ужину, чтобы поправить свою одежду; исполнивъ приказаніе, мальчикъ крайне сконфузился, покраснѣлъ и, какъ показалось дамѣ,—улыбнулся. Дама наказала его безъ блюда и затѣмъ пристала къ нему съ вопросомъ, знаетъ-ли онъ, за что его наказали? Мальчикъ отвѣтилъ: за то, что я поднялъ руку. Дама сочла за дерзость, что онъ даже не знаетъ, за что его наказали (т. е. за воображаемую улыбку), и просила старшую даму его высѣчь. Такимъ образомъ розги составляли главное основаніе воспитательныхъ мѣропріятій. Если дама находила, что частое сѣченіе мало приноситъ пользы, она обращалась съ жалобой къ директору Хатову, а этотъ добрѣйшій старикъ, признававшій единственнымъ спасеніемъ дѣтей—розги, бывало, каждое утро, передъ классами, молча манилъ къ себѣ однимъ пальцемъ и съ правой и лѣвой стороны виновныхъ по жалобамъ дамъ и, собравъ къ себѣ нерѣдко цѣлую шеренгу, отправлялъ остальныхъ дѣтей въ классы, а свою шеренгу велъ на расправу. Придя, послѣ экзекуціи, въ классы, дѣти разсказывали товарищамъ

своимъ, съ нетерпѣніемъ ихъ поджидавшимъ, сколько кто получилъ ударовъ, кто какъ кричалъ, какъ размахивали руками сторожа, которые сѣкли (болѣе любопытные для этого даже отпрашивались у учителя выйти изъ класса, чтобы поскорѣй, не ожидая перемѣны, допросить о чемъ надо). Выслушавъ эти разсказы, товарищи допрашивали наказанныхъ, было-ли больно, остались-ли рубцы и какъ они велики, а нерѣдко просили и показать имъ рубцы, что́ всегда охотно исполнялось.

Какъ я уже сказалъ, въ классахъ инспекторъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Мецъ также не пропускалъ случая высѣчь мальчика, высланнаго за дверь, при чемъ являлся новый допросъ наказанному: сколько дали и пр. Наказаніе инспектора особенно интересовало дѣтей, потому что сѣченіе производилъ классный писарь Аѳонасьевъ, котораго дѣти называли Аѳонькой, отличавшійся большой силой. Дѣти говорили между собою, что онъ передъ экзекуціей надѣвалъ на правое запястье желѣзное кольцо. Всякаго высѣченнаго инспекторомъ непремѣнно изслѣдовали: какіе рубцы положилъ Аѳонька.

Наказаніе начальницы, какъ женщины очень доброй, бывало очень рѣдко. Дѣти знали, что при этомъ получали мало ударовъ, и потому не давали большаго значенія ея наказаніямъ. Наказаніе старшихъ дамъ не считалось очень большимъ, такъ какъ исполнительницами наказаній были няньки, которыя даже и рубцевъ почти не оставляли. Поэтому такихъ наказанныхъ товарищи очень рѣдко изслѣдовали.

Поощрительныя мѣры въ заведеніи были приняты слѣдующія:

1. Двухъ лучшихъ въ отдѣленіи воспитанниковъ назначали с е р ж а н т а м и, обязанность которыхъ состояла въ наблюденіи за порядкомъ въ отсутствіе дамы, при чемъ сержантъ давалъ отчетъ дамѣ, кто безъ нея шалилъ, и такимъ образомъ дѣлался судьею своихъ товарищей. О педагогичности такой постановки дѣла никому и въ голову не приходило.

2. Одного слѣдующаго за сержантами лучшаго воспитанника назначали е ф р е й т о р о м ъ, который долженъ былъ приносить передъ классами книги своему отдѣленію и отбирать ихъ послѣ класса.

3. Прибавка балловъ въ поведеніи.

4) Написаніе имени фамиліи на красную доску въ рекреаціонной залѣ, при чемъ требовались и отличные успѣхи въ ученьи.

Обо всѣхъ этихъ наградахъ надо сказать то же, что́ было сказано о наградахъ за ученье: онѣ развивали въ дѣтяхъ честолюбіе и зависть, да кромѣ того въ классахъ хорошіе успѣхи были по крайней мѣрѣ слѣдствіемъ прилежанія и вниманія, тогда какъ хорошее поведеніе на глазахъ дамы нерѣдко не было слѣдствіемъ хорошей нравственности; бывали дѣти, только казавшіяся хорошими.

Поддерживая хорошее поведеніе поощреніемъ дѣтей и наказывая

за дурное поведеніе, классныя дамы были убѣждены, что онѣ добросовѣстно исполняютъ все, что отъ нихъ требовалось, и, спокойно усѣвшись на дежурствѣ на стулѣ, вязали себѣ чулки, оставляя дѣтей заниматься чѣмъ имъ угодно, лишь бы не было безпорядковъ. Безпорядки же большею частію являлись въ дракахъ между дѣтьми, въ дракахъ, которыя меня, перешедшаго изъ малолѣтняго отдѣленія, гдѣ ихъ не было, первое время до крайности поражали. Чуть только малѣйшее несогласіе, смотришь: ужь одинъ изъ спорившихъ доказываетъ свое право кулакомъ, и пошла потасовка. Но пара глазъ дежурнаго дядьки зорко смотрѣла за такими проступками, и, схвативъ виновныхъ за руки, дядька тащилъ ихъ черезъ залу къ классной дамѣ. Послѣдняя, поставивъ обоихъ безъ разговоровъ стоять, успокоивалась и снова принималась за чулокъ.

А дѣти, видя въ своихъ наставницахъ лишь карателей, никогда не обращались къ нимъ за помощію или совѣтами въ своихъ играхъ или разговорахъ; они совершенно удалились отъ нихъ и приходили къ нимъ только съ жалобой. Отношеніе дѣтей къ дамѣ здѣсь было совершенно другое, нежели въ малолѣтнемъ отдѣленіи.

Но дѣти Александровскаго корпуса умѣли играть, они никогда не скучали, умѣя всегда найти себѣ занятіе. Никто не руководилъ дѣтскими играми, но никто и не мѣшалъ имъ играть, лишь бы они не безпокоили дежурную даму. Кѣмъ и когда были внесены въ заведеніе игры: самими-ли дѣтьми, или кѣмъ-либо изъ воспитывавшихъ, мнѣ не извѣстно; но я уже засталъ самыя разнообразныя игры и занятія, которыя, передаваясь отъ однихъ дѣтей другимъ, поддерживались въ заведеніи постоянно. Сами дѣти раздѣляли свои занятія на два рода: на лѣтнія и зимнія. Къ первымъ дѣти переходили, какъ только ихъ въ первый разъ весной выводили на плацъ, а послѣднія раздѣлялись по мѣсяцамъ.

Какъ только, въ апрѣлѣ, выпускали на плацъ, тотчасъ являлись бумажные змѣи, которые приготовляли дѣти сами, безъ всякой посторонней помощи, при этомъ змѣи выходили большіе, съ разными затѣями, запускались нерѣдко такъ высоко, что огромнѣйшій змѣй казался маленькой бумажкой. Необходимыя для змѣя нитки привозили дѣти изъ дому, послѣ праздниковъ Пасхи (единственный впрочемъ разъ было роздано по мотку нитокъ на отдѣленіе); дранки для змѣй дѣти приготовляли сами изъ щепы старыхъ корзинъ, а для устройства хвоста и другихъ частей существовали теоретическія данныя, которымъ и поучались поступившіе въ заведеніе новички. Нѣсколько позже, въ концѣ мая, когда уже переходили гулять на лугъ, змѣи уже не запускались, оставались другія игры; къ нимъ присоединялось выбиваніе барабанныхъ боевъ, для чего нужно было имѣть только двѣ палки, а барабанъ замѣняла скамейка. Любимѣйшимъ же занятіемъ дѣтей въ лѣтнее время

было собираніе, кормленіе и воспитаніе гусеницъ, при чемъ наблюдали ихъ превращеніе. Этимъ занимались дѣти всѣ поголовно, собирали на листьяхъ яйца насѣкомыхъ, выводили изъ нихъ гусеницъ, при чемъ каждаго рода гусеница имѣла свое, придуманное дѣтьми, названіе. Передъ каникулами въ воскресенье и въ праздничные дни, а во время каникулъ ежедневно, дамы (недежурныя) ходили съ своими отдѣленіями гулять въ паркъ или въ окрестности городскія, и почти каждый мальчикъ имѣлъ при себѣ коробочку для насѣкомыхъ и гусеницъ; иногда двое или трое собирали гусеницъ вмѣстѣ и вмѣстѣ кормили ихъ. Коробки для гусеницъ дѣти клеили сами, выказывая при этомъ замѣчательную изобрѣтательность и находчивость: картона не было, склеивали бумагу старыхъ тетрадей листъ на листъ и получали картонъ, клей дѣлали изъ мякиша булки; коробки снабжали сверху стеклами, собирая на дворѣ всѣ обломки стеколъ. Нерѣдко изъ такихъ скудныхъ средствъ выклеивались домики со стеклами и дверьми. Невольно сравниваешь съ тѣмъ временемъ многія теперешнія учебныя заведенія, гдѣ дѣти старше десяти лѣтъ, гдѣ отъ казны истрачиваются ежедневно многія сотни рублей на покупку картона, клея, инструментовъ, на наемъ переплетчика для обученія воспитанниковъ, а когда понадобится коробка для энтомологическихъ экскурсій или папка для гербарія, то все это покупается: воспитанники не умѣютъ сдѣлать это даже изъ готоваго матеріала и при помощи мастеровъ.

Въ октябрѣ, когда дѣти переходили гулять на дворъ, лѣтнія игры прекращались, и вообще зимой на воздухѣ никакихъ игръ не было, потому что гуляли по мосткамъ въ строю; тогда начинались игры и занятія въ залѣ. До Рождества дѣти свивали себѣ изъ тонкихъ веревокъ толстую, которую употребляли для прыганья.

Чтеніе книгъ между дѣтьми было незначительное: читали только книги, привезенныя изъ отпуска, или подаренныя въ награду; никакой библіотеки въ заведеніи не было. Дамы никогда намъ ничего ни читали, иногда только случалось, что Жозефина Осипова прочтетъ намъ какую-нибудь статью изъ издававшагося тогда «Журнала для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній».

Изъ всѣхъ классныхъ дамъ только одна m-me Кобервейнъ устраивала иногда дѣтскіе спектакли на французскомъ языкѣ, другія дамы были слишкомъ лѣнивы, чтобы заняться съ дѣтьми даже и этимъ.

Во время Рождественскихъ праздниковъ устраивался въ заведеніи маскарадъ, на который пять или шесть человѣкъ изъ каждаго отдѣленія являлись въ костюмахъ; послѣ маскарада начинался балъ, въ которомъ главнымъ образомъ принимали участіе посторонніе воспитанники. Въ малолѣтнемъ отдѣленіи бывала елка, но игрушекъ дѣтямъ не дарили.

Отъ времени до времени заведеніе посѣщали члены императорской

фамиліи. Императоръ Николай Павловичъ былъ при мнѣ въ корпусѣ два раза. Помню, какъ поразилъ насъ, дѣтей, его видъ, когда мы увидѣли его въ первый разъ. Онъ пришелъ въ столовую, куда тотчасъ же собралось все наше начальство, и какими всѣ они показались намъ маленькими въ сравненіи съ императоромъ! Мы долго говорили между собою объ этомъ посѣщеніи государя и были убѣждены, что нѣтъ человѣка выше его ростомъ. Михаилъ Павловичъ бывалъ въ заведеніи по два или по три раза въ годъ. Бывало, построитъ насъ въ залѣ и устроитъ батальонное ученье подъ бой трехъ барабановъ, потомъ заставитъ всѣхъ лечь и лежа катиться въ одну сторону. Вспоминаю, какъ одинъ воспитанникъ, встрѣтивъ директора гдѣ-то въ помѣщеніи, въ день 1-го апрѣля, сказалъ ему, что въ заведеніе пріѣхалъ государь. И. И. Хатовъ такъ былъ встревоженъ этимъ извѣстіемъ, что, не разспросивъ его, тотчасъ бросился въ залу и приказалъ воспитанникамъ построиться, а самъ пошелъ въ швейцарскую встрѣтить государя. Но каково было его удивленіе, когда швейцаръ заявилъ, что государь даже и не проѣзжалъ мимо корпуса. Хатовъ вернулся въ залу, гдѣ воспитанники, ожидая государя, стояли смирно, и вызвалъ сообщившаго ему это извѣстіе. Воспитанникъ выходитъ на средину залы и громко заявляетъ: «п е р в а г о а п р ѣ л я о б м а н ъ»—«Подать розогъ!» крикнулъ на это Хатовъ, и безъ обмана наказалъ его. О проступкѣ этомъ воспитанники съ гордостью передавали изъ-года въ годъ вновь поступающимъ товарищамъ. Крупнѣе этого проступка мы, дѣти, признавали только два случая, бывшіе во время моего пребыванія. Одинъ мальчикъ залѣзъ въ комнату отдѣленной дамы, во время ея отсутствія, нарядился въ ея платье, надѣлъ чепчикъ и вышелъ передъ отдѣленіемъ, подражая дамѣ голосомъ и манерами. Его высѣкли и надѣли на него «ошейникъ». Другой мальчикъ утащилъ казенный карандашъ и когда объ этомъ узналъ инспекторъ классовъ, то онъ, со страху, спрятался такъ, что его не могли найти цѣлый день. Къ ночи нашли его въ шкафу.—Высѣкли усиленно и отдѣлили отъ товарищей. Удивительно-ли, что при такихъ строгостяхъ со стороны воспитывавшихъ лицъ и при такомъ сухомъ отношеніи воспитательницъ къ дѣтямъ мы, дѣти, такъ тяготились возвращеніемъ въ корпусъ послѣ отпуска съ Рождественскихъ или свѣтлыхъ праздниковъ, или съ каникулъ. Удивительно-ли, что каждый изъ переходившихъ въ петербургскіе кадетскіе корпуса такъ радовался своему переходу, хотя и не зналъ, что̀ его тамъ ожидаетъ? Всѣ наши классныя дамы почему-то считали обязанностью своей доказывать намъ, что тамъ, въ другихъ корпусахъ, будетъ хуже, что мы должны желать подольше оставаться въ Александровскомъ корпусѣ. Мы вполнѣ вѣрили ихъ словамъ, но въ то же время у каждаго изъ насъ было желаніе поскорѣе быть переведеннымъ, а когда наступалъ срокъ перевода, мы

забывали всѣ предостереженія нашихъ дамъ и съ восторгомъ усаживались въ запряженныя тройками кареты, которыя нанимались для нашего переѣзда въ Петербургъ. У насъ даже была кѣмъ-то и когда-то сложена пѣсня, которую обыкновенно пѣли тѣ, которымъ предстоялъ переводъ въ концѣ года:

Чрезъ полгода не болѣ,
На троечкѣ лихой,
Покатимъ въ чисто поле
Изъ корпуса въ другой.

18-го августа 1846 года насъ, въ числѣ 22-хъ кадетъ, усадили въ кареты и повезли въ Петербургъ въ кадетскіе корпуса: 11-ть человѣкъ въ 1-й корпусъ и 11-ть—въ Павловскій. Александръ Богдановичъ Дихеусъ привезъ насъ въ 1-й корпусъ и сдалъ ротному командиру неранжированной роты, затѣмъ, попрощавшись съ нами,—уѣхалъ. Съ этого дня мы стали кадетами 1-го корпуса. Здѣсь судьба привела меня пробыть цѣлыхъ десять лѣтъ.

В. фонъ-Бооль.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Самоволіе Н. А. Демидова.

Указъ нашему генералъ-адъютанту князю Ивану Голицыну.

9-го января 1762 г.

Увѣдомились мы, что дворянинъ Никита Акинфіевъ сынъ Демидовъ, не испрося напередъ позволенія нашего, наложилъ на себя голштинскій нашъ орденъ Св. Анны и при томъ безъ вѣдома же нашего отважился носить на себѣ портретъ нашъ, обложенный брилліантами. Сего ради ѣхать вамъ немедленно въ Москву и какъ знаки онаго ордена, такъ и портретъ отъ него, Демидова, отобрать и въ то же время объявить нашъ указъ нашему генералу, поручику и сенатору графу Воронцову (Ивану Ларіоновичу), чтобы помянутый дворянинъ Никита Демидовъ впредь до указа изъ Москвы отнюдь никуда не отлучался.

Свиданіе двухъ императоровъ въ Черновцахъ въ 1829 г. [1].

После побѣдоносныхъ Наполеоновскихъ войнъ, приведшихъ къ оккупаціи французской территоріи союзными войсками, положеніе Франціи въ 1823 году было слѣдующее: она не могла конечно отрѣшиться отъ роли великой державы, но находилась въ то же самое время подъ наблюденіемъ у трехъ державъ, заключившихъ противъ нея Священный союзъ и занимавшихъ въ описываемую эпоху первое мѣсто на европейскомъ континентѣ. Отсюда и проистекала подозрительность и недовѣрчивость ея дипломатовъ.

Въ то время во главѣ французской дипломатіи стоялъ извѣстный Шатобріанъ, а французскимъ посломъ въ Петербургѣ былъ графъ дела-Ферроне. Дипломатическая переписка этого военнаго дипломата (графъ былъ генераломъ французской службы) главнымъ образомъ съ Шатобріаномъ, а отчасти съ г. де-Райневалемъ (Rayneval), находившимся въ 1823 году французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Берлинѣ, и составляетъ содержаніе настоящей статьи.

Разсматривая донесенія графа де-Ферроне, невольно останавливаешься на чрезмѣрной болтливости (verbiage) этого дипломата, а самыя даты депешъ, т. е., говоря дипломатическимъ языкомъ, экспедицій (expeditions), прямо поражаютъ въ эпоху не столь быстрыхъ, какъ въ настоящее время, сообщеній, ихъ частымъ отправленіемъ. Подобный излишекъ усердія со стороны французскаго дипломата можно объяснить слѣдующимъ обстоятельствомъ. Не упуская изъ вида союза Россіи,

[1] На основаніи матеріаловъ, почерпнутыхъ въ Парижскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. См. „Русскую Старину“, май 1901 и ноябрь 1903 г.

Австріи и Пруссіи, графу Ферроне казалось, что отечество его, еще не совсѣмъ оправившееся послѣ Наполеоновской эпохи, къ тому же связанное по рукамъ дѣлами своими съ Испаніей, будетъ вынуждено оставаться нѣмымъ зрителемъ грядущихъ событій.

Однимъ словомъ, Франція очутилась бы тогда въ положеніи подобномъ тому, что съ нею было во время раздѣловъ Польши. Франція неизбѣжно обращалась въ державу, совершенно изолированную, а дипломатія ея, какъ выше уже было упомянуто, становилась отъ того подозрительною и нервною. Весьма понятно, что французскій представитель былъ непріятно пораженъ извѣстіемъ о Черновицкомъ свиданіи двухъ императоровъ. Онъ старался передъ отъѣздомъ императора Александра на югъ Россіи, получить аудіенцію, которая ему была неохотно дана, такъ какъ въ ней неоднократно ему отказывали. Ниже приведено будетъ донесеніе посла Шатобріану по поводу сей аудіенціи, а въ настоящее время мы прослѣдимъ дипломатическую переписку графа де-ла-Ферроне съ французскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ съ момента отъѣзда государя.

Отъ 10-го октября нов. ст. посолъ [1]) доносилъ Шатобріану, что свиданіе обоихъ монарховъ состоится, что присутствовать на немъ будутъ посолъ Татищевъ и графъ Нессельроде, сдавшій управленіе министерствомъ тайному совѣтнику Убри. Но нѣсколько ранѣе того въ письмѣ къ де-Райневалю, адресованномъ въ Берлинъ, графъ де-ла-Ферроне не стѣсняясь говоритъ такъ [2]): je regrette toutefois de ne pouvoir être à même de donner à mon gouvernement aucune espèce d'éclaircissements sur les motifs réels de ce voyage [3]).

Не удивительно послѣ того, что, узнавши наконецъ о свиданіи императоровъ Александра и Франца, посолъ окончательно терялся въ догадкахъ. Передъ отъѣздомъ своимъ государь его принялъ, но не промолвилъ ни слова о свиданіи. Графъ де-Ферроне понятно не одобрялъ подобнаго поведенія русскаго правительства по отношеніи къ Франціи, хотя въ то же самое время крѣпко былъ убѣжденъ, что la magnanimité et les sentiments élevés (великодушіе и возвышенныя чувства) императора Александра могутъ служить порукою Франціи, что безъ предварительнаго соглашенія съ нею Россія никакихъ рѣшительныхъ мѣръ не предприметъ.

Въ документахъ, разсмотрѣнныхъ нами въ Парижскомъ архивѣ, мы съ особеннымъ вниманіемъ остановились на разговорѣ, происходившемъ

---

[1]) Ла-Ферроне—де-Райневалю. С.-Петербургъ, 27-го сентября 1823 г.

[2]) Ла-Ферроне—Шатобріану. С.-Петербургъ, 10-го октября 1823 г.

[3]) Во всякомъ случаѣ сожалѣю, что не имѣю возможности сообщить правительству моему какія-нибудь данныя о настоящихъ мотивахъ этого путешествія.

въ то время между французскимъ посломъ и великобританскимъ его коллегою въ Петербургѣ, сэромъ Чарлзомъ Бэготомъ (Sir Charles Bagot) [1]). «Мы исполнили нашу задачу,—говорилъ англійскій дипломатъ графу де-ла-Ферроне,—достигнувъ всего, что можно считать возможнымъ и благоразумнымъ. Если тѣмъ не менѣе императору покажется это недостаточнымъ, пускай посылаетъ Татищева, одинъ на одинъ, раздѣлываться съ Портою, а пойдетъ Россія еще далѣе въ требованіяхъ своихъ, въ такомъ случаѣ мы окажемся на сторонѣ турокъ.

Далѣе мы приводимъ подлинныя слова депеши: après tout—такъ говоритъ сэръ Бэготъ французскому послу,—il n'y aurait peut-être pas grand inconvénient pour vous ni pour nous à laisser à cet Empereur le plaisir et l'occasion de faire tuer 300 ou 400 mille de ses soldats et à l'occuper ainsi de ses propres affaires de manière à ne plus lui laisser le temps de se mêler de celles des autres. Dans tous les cas l'essentiel pour l'Europe était d'empêcher ce colosse déjà si génant pour tous de s'étendre jusqu'à la Méditérannée et nous pouvons vous garantir qu'il n'y mettra pas le pied [2]).

Приводя слова англійскаго посла, графъ де-ла-Ферроне дѣлалъ между прочимъ слѣдующее заключеніе: онъ сомнѣвался въ пользѣ для Франціи отъ созданія Россіи препятствій на Средиземномъ морѣ, на которомъ, въ ущербъ интересамъ Франціи, старался утвердиться другой колоссъ—Англія. Конечно, если только довѣрять словамъ французскаго дипломата, ему долженъ былъ показаться страннымъ разговоръ съ императоромъ Александромъ, будто бы сказавшимъ, что если Россія, Австрія и Англія только этого захотятъ, то онѣ раздѣлятъ Турцію и что Франція помѣшать тому не можетъ. Опасаясь этого раздѣла и вспоминая совершенно пассивную роль своего государства въ эпоху раздѣловъ Польши, графъ де-ла-Ферроне совѣтовалъ своему правительству, по развязкѣ рукъ въ Испаніи, послать сильную эскадру въ Морею и Архипелагъ для поддержанія интересовъ Франціи.

Въ той же самой депешѣ французскій посолъ цитируетъ слѣдующія слова англійскаго консула въ Петербургѣ, долго прожившаго въ Россіи, сэра Даніеля Бейлэ (Sir Daniel Bayley): cela ressemblerait assez à

---

[1]) Ла-Ферроне—Шатобріану. С.-Петербургъ. 1-го октября 1823.

[2]) Въ концѣ концовъ ни для васъ, ни для насъ не было бы особенной бѣды предоставить этому императору случай и удовольствіе, потерявъ 300 или 400 тысячъ солдатъ, заняться собственными своими дѣлами и тѣмъ лишить его досуга обращать вниманіе на постороннія для него дѣла. Во всякомъ случаѣ главное для Европы помѣшать этому, уже столь неудобному вообще колоссу распространиться до Средиземнаго моря, и мы можемъ вамъ поручиться, что ноги его тамъ не будетъ.

l'affaire de Pologne, il y a longtemps en Angleterre nous avons prévu que c'est ainsi que se déciderait le sort de le Turquie et nous en prendrons notre parti pourvu que l'on donne à l'Autriche un grand accroissement de force et de territoire et qu'il soit bien irrévocablement convenu que ni les Russes, ni les Américains n'auront jamais aucune espèce d'établissement quelconque dans la Méditérannée [1]).

Въ депешѣ этой замѣчается довѣрительный тонъ, существующій между англійскимъ и французскимъ дипломатами. Послѣдній жалуется на недовѣріе, высказываемое по адресу Франціи кн. Меттернихомъ, видѣвшимъ въ странѣ этой очагъ всякаго революціоннаго движенія. Вотъ что говоритъ графъ де-ла-Ферроне [2]) въ одномъ изъ послѣдующихъ своихъ донесеній: Tout me confirme, Monsieur le Vicomte, dans l'opinion que lorsque cette entrevue a été décidée on avait renoncé à Vienne ainsi qu'à Londres et à Pétersbourg à tout espoir de pacification et qu'il ne devait plus être question que de s'arranger et de s'entendre sur le résultat d'une guerre que l'on croyait inévitable. M-r de Metternich était loin de la désirer, mais Marie Thérèse n'avait non plus voulu ni désiré le partage de la Pologne et n'avait accepté la Galicie que lorsqu'il était devenu impossible de retarder un évènement qu'elle ne pouvait plus prévenir. La même raison déterminerait l'Autriche à s'emparer de la Bosnie mais bien surement qu'après avoir tout essayé pour empêcher la guerre [3]).

Отъ того же числа посолъ [4]) не безъ желчи и иронiи писалъ г. Райневалю въ Берлинъ, дѣлая не особенно тонкій намекъ на двуличность и фальшь въ характерѣ императора Александра. Вотъ это мѣсто: Seulement on me permettra plus qu'à un autre d'élever la voix et de protester contre l'opinion qui prétend que si la bonne foi était perdue sur

---

[1]) Дѣло это весьма похоже на случившееся съ Польшею. Мы въ Англіи давно уже предвидѣли, что такимъ образомъ рѣшится участь Турціи. Мы обезпечимъ себя, но только, чтобы и Австрія усилилась, территоріально увеличилась и чтобы окончательно рѣшено было, что какъ русскіе, такъ и американцы никогда не могли бы водвориться на Средиземномъ морѣ.

[2]) Ла-Ферроне—Шатобріану. С.-Петербургъ. 5-го октября 1823 г.

[3]) Все это утверждаетъ меня въ мнѣніи, виконтъ, что когда свиданіе это было рѣшено, всякая надежда на мирный исходъ какъ въ Лондонѣ, а также и въ Петербургѣ была покинута и что ничего болѣе не оставалось, какъ сговориться на счетъ результата войны, казавшейся неизбѣжною. Меттернихъ далекъ былъ отъ желанія этой войны, но развѣ раздѣла Польши желала Марія Терезія, взявшая Галицію только тогда, когда невозможно было отсрочить событіе, которое она предусмотрѣть не могла. На томъ же основаніи Австрія рѣшится захватить Боснію, но конечно исчерпавъ только всѣ средства къ предотвращенію войны.

[4]) Ла-Ферроне—Райневалю. С.-Петербургъ. 5-го октября 1823 г.

la terre, elle devait se trouver dans le coeur des Rois. J'ai eu l'honneur de voir l'Empereur le jour même de Son départ, jamais dans aucune de ses conversations Sa Majesté n'a autant professé Son attachement aux principes de la Sainte Alliance, jamais il n'a paru plus convaincu de la nécessité et de l'obligation de toujours leur faire le sacrifice de toute espèce d'intérêt particulier. Dieu sais toutes les belles choses qui m'ont été dites sur ce sujet... et de voir l'air convaincu dont cette leçon si bien apprise était débitée. Cependant l'entrevue était alors décidée et probablement on était à peu près d'accord sur les résolutions qui devaient être prises [1]).

Утверждая, что оставшіяся лица въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ ничего не знали о Черновицкомъ свиданіи, графъ де-ла-Ферроне [3]) говоритъ: je crois très fermement que l'ignorance dans laquelle Monsieur d'Oubril prétend être sur les résolutions prises dans cette circonstance n'est pas feinte et qu'il n'en sait pas plus que nous. Si l'on en excepte Monsieur de Lebzeltern (австрійскій посолъ) que l'on suppose instruit, personne n'est dans la confidence [3]).

Весьма выпукло выражался посолъ въ своей депешѣ [4]) о характерѣ императора Александра: Je sais bien qu'en tribunal de la morale et de la loyauté un tel caractère perdrait quelque chose de la magnanimité qu'on lui suppose, mais à celui de la politique il n'a peut-être pas tort et dans le fait il n'y a pas grand chose à dire à un homme qui a 970 mille bayonnettes derrière lui, qui a toujours l'adresse de s'unir à ceux dont les vrais intérêts s'accordent avec les siens ou sa volonté du moment, un homme dont la seule influence peut mettre en mouvement

---

[1]) Болѣе нежели кому иному слѣдуетъ предоставить мнѣ право голоса въ опроверженіе мнѣнія, что если прямодушіе исчезло на этой землѣ, то мѣсто ему будто бы въ сердцахъ царей. Я имѣлъ честь видѣть императора въ самый день его отъѣзда, ни въ одномъ изъ прежнихъ разговоровъ со мною его величество не завѣрялъ меня столько въ преданности своей началамъ Священнаго союза, никогда не являлся онъ мнѣ столь проникнутымъ чувствомъ непреложной необходимости жертвовать въ пользу этихъ началъ всякимъ личнымъ интересомъ. Богу одному извѣстно, что было сообщено мнѣ по сему поводу... и видѣть, съ какимъ убѣжденіемъ повторенъ былъ этотъ заранѣе затвержденный урокъ. Между тѣмъ свиданіе было назначено, и вѣроятно тогда уже пришли къ соглашенію относительно предстоявшихъ рѣшеній.

[2]) Ла-Ферроне—Шатобріану. С.-Петербургъ. 22-го октября 1823 г.

[3]) Я вполнѣ убѣжденъ въ искренности г. Убри, заявляющаго о своей неосвѣдомленности относительно принятыхъ въ этомъ дѣлѣ рѣшеній и что о немъ онъ не болѣе нашего знаетъ. Исключая г. Лебцельтерна (австрійскаго посла), которому вѣроятно извѣстно о происходящемъ, никто въ эту тайну не посвященъ.

[4]) Ла-Ферроне—Шатобріану. С.-Петербургъ. 29-го октября 1823 г.

toute l'Europe et dont l'inaction est le plus grand bien qu'on en puisse espérer et dont le premier désir après tout, est celui du maintien de la paix [1]).

Тѣмъ не менѣе, получивши циркуляръ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, разсѣевавшій опасенія французскаго правительства, графъ де-ла-Ферроне успокоился, хотя и находилъ оповѣщеніе это запоздалымъ, что и выражалъ въ письмѣ своемъ къ г. де-Райневалю [2]), съ которымъ могъ, понятно, переписываться въ болѣе интимномъ тонѣ, нежели съ министромъ Шатобріаномъ. Слѣдующія двѣ депеши представляютъ особенный интересъ, такъ какъ посолъ описываетъ въ нихъ [3]) визитъ свой русскому министру иностранныхъ дѣлъ, по возвращеніи его изъ Лемберга, а также аудіенцію, данную ему императоромъ Александромъ по возвращеніи изъ Черновцевъ. Встрѣча обоихъ дипломатовъ не могла быть особенно пріятною. Французское правительство почитало себя обиженнымъ вслѣдствіе сохраненія въ тайнѣ намѣренія обоихъ императоровъ съѣхаться въ Буковинѣ и вслѣдствіе сообщенія ему только какъ fact accompli (совершившійся фактъ) о результатѣ переговоровъ.

Посолъ, высказывая свое сомнѣніе на счетъ искренности сдѣланныхъ ему русскимъ правительствомъ успокоительныхъ завѣреній, не вѣрилъ конечно графу Нессельроде, старавшемуся придать свиданію совершенно невинную окраску. Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ подтвердилъ, что миръ Европы обезпеченъ и если все-таки встрѣтится непреодолимое упрямство со стороны турокъ, прямодушіе русскаго царя порукою Франціи, что Россія ничего одна безъ другихъ державъ не предприметъ противъ Турціи. Во время разговора своего съ графомъ де-ла-Ферроне русскій дипломатъ сталъ укорять представителя французскаго правительства въ попыткѣ къ установленію особеннаго тѣснаго сближенія съ Англіею въ пику Россіи и въ отвѣтъ на это замѣчаніе получилъ, что сближеніе это весьма естественно въ виду тѣсныхъ отношеній, существовавшихъ между Россіею и Австріею.

---

[1]) Мнѣ хорошо извѣстно, что подобный характеръ съ точки зрѣнія нравственности и прямодушія утратилъ бы извѣстную долю приписываемыхъ ему возвышенныхъ чувствъ, но съ точки зрѣнія политики будетъ оправданъ. На самомъ дѣлѣ, что можно сказать человѣку, опирающемуся на 970 тысячъ штыковъ, изловчившемуся всегда присоединяться къ тѣмъ, чьи интересы согласны съ его интересами или съ направленіемъ его воли въ данную минуту, человѣку, который одинъ можетъ поднять цѣлую Европу на ноги, чье бездѣйствіе наибольшее благо, которое онъ можетъ оказать другимъ, и чье главное стремленіе все-таки въ концѣ-концовъ направлено къ сохраненію мира.

[2]) Ла-Ферроне—Райневалю. С.-Петербургъ. 26-го октября 1823 г.

[3]) Ла-Ферроне—Шатобріану. С.-Петербургъ. 18-го и 28-го ноября 1823 г.

Описывая аудіенцію свою у государя, графъ де-ла-Ферроне начиналъ съ того, что царь повторилъ ему тѣ же слова, которыя сказаны были ему графомъ Нессельроде. Замѣчательно, что какъ императоръ Александръ, такъ и его министръ не скрывали того факта, что главнымъ руководителемъ переговоровъ и не взирая на болѣзненное свое состояніе—былъ князь Меттернихъ. Въ заключеніе своего разговора Александръ выразился такъ: Au reste je puis vous affirmer que pendant les trois jours que j'ai passés avec l'Empereur d'Autriche [1]) nous n'avons pas parlé d'affaires [2]) que nous n'avons rien prévu rien arrêté et vous devez me connaître assez pour être sûr que je n'aurais jamais pris aucune détermination quelconque si les circonstances m'y avaient forcé sans m'entendre préalablement avec mes alliés et agir de concert avec eux [3]).

Тѣмъ не менѣе министръ иностранныхъ дѣлъ писалъ [4]): puisqu'il s'agissait des affaires de la Turquie, sur lesquelles nous avons été appelés à donner notre opinion et à faire des démarches positives.... nous avons été plus affligés que blessés du mystère qu'on nous a fait de l'entrevue de Czernowitz [5]).

Увѣренный въ томъ, что миръ не будетъ нарушенъ и что интересы Франціи не пострадаютъ, Шатобріанъ заключаетъ свою депешу словами: quand vous reverrez l'Empereur vous aurez soin de le mettre fort à l'aise sur l'affaire de Czernowitz et vous lui direz que si nous avons été affligés d'une chose qui ressemblait à un manque de confiance nous avons compris qu'il n'avait pas attaché une grande importance à un épisode de son voyage et qu'il n'avait en vue rien que d'influer sur les grands intérêts de l'Europe [6]). Но спустя мѣсяцъ послѣ того Шатобріану казалось,

---

[1]) На самомъ дѣлѣ, какъ теперь достовѣрно установлено, свиданіе въ Черновцѣ продолжалось пять дней. Примѣч. автора.

[2]) Что вполнѣ правдоподобно, ибо самые переговоры велись въ Лембергѣ обоими министрами и Татищевымъ. Примѣч. автора.

[3]) Во всякомъ случаѣ я могу васъ завѣрить, что въ продолженіе трехъ дней, проведенныхъ мною въ обществѣ императора австрійскаго, мы вовсе не касались дѣлъ, мы ничего не предусмотрѣли, ничего не постановили, и вы достаточно меня знаете, что я никогда, если даже обстоятельства меня къ тому заставятъ, не рѣшусь предпринять что-либо безъ предварительнаго согласованія моей политики съ политикою моихъ союзниковъ.

[4]) Шатобріанъ—ла-Ферроне. Парижъ. 27-го октября и 22-го ноября 1823.

[5]) Такъ какъ этотъ вопросъ касался турецкихъ дѣлъ, по поводу которыхъ мы были призваны не только заявлять, но утверждать наше мнѣніе объ оныхъ... мы болѣе огорчены, чѣмъ обижены тайною, связанною съ Черновицкимъ свиданіемъ.

[6]) Когда вы увидите императора, не придавайте особенной важности Черновицкому инциденту и скажите ему, что если мы и были огорчены недостаточнымъ довѣріемъ къ намъ, то объясняемъ только тѣмъ обстоятельствомъ,

что переговоры будутъ прерваны, что Турція откажется отъ данныхъ правительству нашему обѣщаній и что не минуемъ созывъ въ Петербургѣ конвенціи союзныхъ державъ (puissances alliées) для рѣшенія Восточнаго вопроса.

Парижскій архивъ далъ намъ также возможность ознакомиться съ интригою, которая велась въ то время (въ 1823 г.) противъ графа Нессельроде. Ему не могли простить, что онъ былъ нѣмецъ по происхожденію и англиканскаго вѣроисповѣданія. Болѣе всего доставалось ему отъ существовавшей тогда національной партіи, которая была недовольна политикою темпоризаціи, которой, къ слову сказать, придерживался въ продолженіе всей своей служебной дѣятельности графъ Нессельроде. Немаловажнымъ также основаніемъ къ тому, что тогдашнее общественное мнѣніе не было расположено къ руководителю иностранною политикою—была подчиненность русской дипломатіи австрійской. Тѣмъ не менѣе всѣ интриги разбивались о непреклонную волю государя сохранить портфель министра иностранныхъ дѣлъ за гр. Нессельроде.

Вотъ что писалъ по этому поводу бывшій въ то время въ С.-Петербургѣ французскій повѣренный въ дѣлахъ де-Буалеконтъ (Edmont de Bois le Comte) [1]): On ne parle plus pour M-r Tatischew des hautes destinées auquelles on le disait appelé, on prétend que ce Ministre s'est perdu en se laissant éblouir par l'éclat de ses premiers succès. Il disait hautement qu'il était temps de retirer la Russie des mains d'un grec et de celles d'un allemand, il affectait des espérances et des airs d'homme à grand crédit et à grandes combinaisons sans faire attention que l'Empereur s'effrayait de toute influence que l'on semblait exercer sur lui. En effet Sa Majesté a laissé tomber M-r le Chevalier (Chancelier?) Roumiantzoff et depuis Elle n'a pas voulu se donner un Ministre des affaires Etrangères tant Elle ne fit pas ses affaires Elle-même, en sorte que les hommes qui conviennent le mieux à Sa Majesté sont ceux qui sans importance personnelle n'ont de système que de suivre ses idées et ses opinions. L'Autriche qui ne croyait pouvoir faire aucuns fonds sur M-r de Tatischew a alimenté ces dispositions. Le Prince de Metternich dépréciait ouvertement à Vérone le caractère et les principes de ce Ministre... si bien que M-r de Tatischew dont la voix publique à Pétersbourg avait plus d'une fois pendant le congrès proclamé le triomphe et l'élévation au poste de Ministre des affaires Etrangères abondonné de tous peu agréable à son Souverain s'estimerait heureux de rester avec le titre

---

что императоръ самъ не придавалъ путешествію своему особеннаго значенія и что онъ имѣлъ въ виду лишь общіе интересы Европы.

[1]) Де-Буалеконтъ—Шатобріану. С.-Петербургъ. 23-го февраля 1823 года.

d'Ambassadeur (qu'il n'aura probablement pas) à Vienne où il n'aura peut-être même pas celui de Ministre et l'Empereur pense s'être acquitté envers lui en lui donnant une arende de 40.000 roubles dont Sa Majesté lui fit présent aussitôt qu'Elle fut de retour à Pétersbourg. Le Comte de Nesselrode rassuré sur les vives alarmes que le bruit de l'élévation de M-r de Tatischew avait répandues parmi ses amis se trouve donc aujourd'hui pour la première fois depuis sept ans seul à la tête des affaires Etrangères plus libre, plus assuré dans sa place qu'il ne s'y est encore vu [1]).

А вотъ нѣсколько выписокъ изъ донесеній самого посла тому же лицу полгода спустя и весьма характерно описывавшихъ вышеупомянутую интригу [2]). Au milieu de toutes les intrigues dont je suis ici le témoin ma position personnelle ne laisse pas que d'être embarassante et me prescrit la plus grande réserve. Ce qu'on appelle ici le parti russe à la tête duquel se trouve le comte Araktcheew travaille dans ce moment à renverser le Comte de Nesselrode qui depuis la retraite de Monsieur Gourieff se trouve presque entièrement isolé et n'étant soutenu que par

---

[1]) Разговоры прекратились о будто бы предстоявшемъ высокомъ назначеніи для г. Татищева; говорятъ, что посланникъ этотъ повредилъ себѣ, увлекшись блескомъ первоначальныхъ своихъ успѣховъ. Онъ громогласно утверждалъ, что пора вырвать Россію изъ рукъ грека (Каподистріи), а также изъ рукъ нѣмца (графа Нессельроде). Онъ прикидывался человѣкомъ, обладающимъ большою довѣренностію и призваннымъ къ вершенію дѣлъ первостепенной важности, не обращая въ то же самое время вниманія, что государь императоръ опасался вообще всякаго вліянія, которому желали бы подчинить его. Съ тѣхъ поръ какъ его величество уволилъ канцлера Румянцова, настоящаго министра иностранныхъ дѣлъ болѣе не существуетъ. Его величество, опасаясь могущаго возникнуть мнѣнія, что государственныя дѣла рѣшаются не имъ самимъ, выбираетъ только такихъ людей, которые, не имѣя лично никакого вѣса, слѣдовали бы его предначертаніямъ. Австрія, не имѣвшая никакого основанія полагаться на г. Татищева, содѣйствовала къ сохраненію царемъ установившихся на сей предметъ взглядовъ. Князь Меттерних на Веронскомъ конгрессѣ открыто отзывался съ недоброжелательствомъ о характерѣ и принципахъ этого посланника... такъ что г. Татищевъ, котораго общественное мнѣніе въ Петербургѣ неоднократно, за время этого конгресса, считало торжествующимъ и смотрѣло какъ на будущаго министра иностранныхъ дѣлъ, почиталъ бы за счастіе получить посольское мѣсто въ Вѣнѣ, которое по всему вѣроятію ему не дадутъ и куда можетъ быть не вернется онъ болѣе даже посланникомъ, при чемъ государь, назначивъ ему аренду въ 40.000 рублей, считалъ, что онъ достаточно вознаградилъ его. Друзья графа Нессельроде, а равно и самъ онъ, ободренные прекращеніемъ толковъ о назначеніи Татищева, успокоились. Графъ въ первый разъ за эти 7 лѣтъ остался одинъ во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, располагая свободою дѣйствій и въ положеніи такомъ, въ которомъ онъ до сихъ поръ не находился.

[2]) Ла-Ферроне—Шатобріану. С.-Петербургъ. 10-го октября 1823 г.

la longue habitude que l'Empereur a de ses services et cette abnégation de volonté qui le rend commode—son véritable appui—c'est le cabinet Autrichien. Ainsi par intérêt comme par affection Monsieur de Nesselrode reste tout dévoué à l'Autriche et le peu d'influence qu'il peut exercer sur l'esprit de l'Empereur sera toujours employé à maintenir et à accroître celle du Prince de Metternich [1]). Говоря о Татищевѣ, кандидатѣ такъ называемой русской партіи того времени, только и мечтавшемъ какъ бы попасть на мѣсто графа Нессельроде, французскій дипломатъ сдѣлалъ слѣдующую характеристику нашего посла въ Вѣнѣ: d'ailleurs son esprit remuant et inquiet a un tel besoin d'intrigues et d'activité qu'il est permis de croire que l'influence qu'il pourrait acquérir ne serait que funeste à la tranquilité de l'Europe [2]).

До какой степени графъ де-ла-Ферроне старался помѣшать Татищеву попасть на службу въ Петербургъ, т. е. сдѣлаться министромъ иностранныхъ дѣлъ, можетъ послужить слѣдующая его депеша [3]). Monsieur Minciaki s'est cassé le bras ce qui retarde son arrivée à Constantinople où semble aujourd'hui déléguer le prince Mentchikoff, nouvellement attaché aux affaires Etrangères pour le poste de Constantinople; je travaille à le faire envoyer à Madrid afin d'éviter Monsieur de Tatischew qui vaut à lui seul une c a m a r i l l a toute entière [4]).

Французскій посолъ въ Петербургѣ тѣмъ самымъ признавался не только въ томъ, что онъ старался всячески затруднить замѣщеніе графа Нессельроде Татищевымъ, но прилагалъ также всѣ свои усилія раз-

---

[1]) Посреди всѣхъ интригъ, меня окружающихъ, положеніе мое весьма затруднительное и предписываетъ мнѣ крайнюю осторожность. То, что называютъ здѣсь русскою партіею, съ гр. Аракчеевымъ во главѣ, работаетъ въ смыслѣ сверженія гр. Нессельроде, находящагося послѣ отставки графа Гурьева въ полномъ одиночествѣ, но поддержаннаго однимъ государемъ, привыкнувшимъ къ совмѣстной съ нимъ работѣ и къ совершенному, столь удобному отсутствію воли у него. Но настоящая опора графа Нессельроде—Вѣнскій кабинетъ. Графъ Нессельроде, заинтересованный въ томъ, а также слѣдуя влеченію своего сердца, остается преданнымъ Австріи, и малая доля вліянія его на государя будетъ всегда имъ использована къ упроченію вліянія князя Меттерниха.

[2]) Кромѣ сего безпокойный и подвижной характеръ его нуждается въ такой неразлучной съ интригою дѣятельностію, что позволительно думать, что пріобрѣтенное имъ вліяніе могло бы только оказаться злополучнымъ для спокойствія Европы.

[3]) Ла-Ферроне—Шатобріану. 6-го октября 1823 г.

[4]) Г. Минчіаки сломалъ себѣ руку, чѣмъ задерживается пріѣздъ его въ Константинополь; кажется, что на этотъ постъ прочатъ въ настоящее время князя Меншикова, только-что причисленнаго къ министерству иностранныхъ дѣлъ; я работаю въ смыслѣ назначенія его въ Мадридъ, дабы избѣгнуть назначенія туда Татищева, который одинъ можетъ замѣнить цѣлую камарилью.

строить мадритскую комбинацію для послѣдняго, предпочитая видѣть представителемъ Россіи въ Испаніи (гдѣ у Франціи были весьма серіозныя дѣла) князя Меншикова.

Разсчетъ Татищева стать министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ основанъ, по мнѣнію графа де-ла-Ферроне, на слѣдующемъ соображеніи: Татищеву казалось, что онъ былъ посвященъ въ самыя тайныя помышленія царя, въ то же самое время было ему извѣстно, что переговоры лорда Стангфорда въ Константинополѣ не имѣли успѣха, положеніе, которое однако позднѣе совершенно измѣнилось вслѣдствіе уступокъ, сдѣланныхъ Турціею нашему правительству.

Татищевъ былъ увѣренъ въ неизбѣжности войны, которой графъ Нессельроде все время сопротивлялся и [1]) que dans ce cas Monsieur de Nesselrode sera forcé de s'éloigner et de lui céder une place qui fait le principal objet de son ambition et à laquelle le porte un parti déjà assez puissant soutenu par toutes les intrigues imaginables. Toutefois, заключаетъ свою депешу французскій посолъ,—il devient aujourd'hui vraisemblable que Monsieur de Tatischew se sera encore une fois trompé dans ses calculs [2]).

П. Вигель-Панчулидзевъ.

---

[1]) Ла-Ферроне—Шатобріану. С.-Петербургъ. 6-го октября 1823 г.

[2]) И что въ послѣднемъ случаѣ г. Нессельроде вынужденъ будетъ удалиться и уступить ему мѣсто, составляющее главную цѣль его самолюбія и на которое возноситъ его довольно сильная партія, поддерживаемая всякаго рода интригами. Въ настоящее время кажется, что г. Татищевъ однако и на этотъ разъ въ своихъ разсчетахъ ошибся.

Основаніе училища въ Одессѣ.

Собственноручное всеподданнѣйшее донесеніе графа Алексѣя Разумовскаго.

17-го іюля 1815 г. С.-Петербургъ.

Извѣстный изъ давнихъ лѣтъ въ столицѣ Абе Николь, посвятившій себя съ самаго пріѣзда въ Россію воспитанію благороднаго юношества, для котораго содержалъ здѣсь долгое время пансіонъ, человѣкъ отличный какъ знаніями, такъ и нравственностью, по предписанію дюка-де-Ришелье сочинилъ и представилъ мнѣ проектъ предполагаемаго новаго училища въ Одессѣ. Разсмотрѣвъ оный со вниманіемъ и найдя совершенно соотвѣтствующимъ истинной цѣли воспитанія, долгомъ считаю представить его высочайшему вашему императорскаго величества воззрѣнію. Къ чему побуждаюсь тѣмъ паче, что жалко бы было потерять случай весьма необыкновенный къ приведенію дѣла сего во исполненіе, ибо все устроеніе сего, можно сказать, единственнаго въ родѣ своемъ воспитательнаго института никакихъ издержекъ отъ казны не требуетъ, но соорудиться можетъ иждивеніемъ частнаго человѣка, которой, еслибъ предположеніе сіе удостоилось вашего величества одобренія, намѣренъ пожертвовать собственнымъ капиталомъ, простирающимся по смѣтѣ до 300 тыс. рублей.

Вашему императорскому величеству дюкъ-де-Ришелье будетъ имѣть счастіе поднести сіе мое донесеніе съ проектомъ и планами. Онъ же сверхъ того можетъ и словесно объяснить все то, что угодно вамъ будетъ. Что принадлежитъ до сочинителя, онъ почитаетъ великою для себя наградою быть полезнымъ Россіи и вашему величеству извѣстнымъ по толико похвальному и ревностному его усердію.

Если на устройство училища сего въ Одессѣ послѣдуетъ вашего величества соизволеніе и угодно будетъ повелѣть мнѣ представить на отечественномъ языкѣ сей проектъ при всеподданнѣйшемъ докладѣ моемъ, я не медля по полученіи повелѣнія вашего оное исполню.

Изъ записокъ В. К. Луцкаго.

IV [1]).

Въ должности члена отъ правительства въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, я повелъ совсѣмъ другой родъ жизни,—служба была кабинетная, теоретическая. Въ 11 часовъ утра ѣхалъ я въ присутствіе, тамъ распечатывалъ бумаги и, записавши ихъ, забиралъ домой, гдѣ уже и составлялъ по нимъ доклады. Дома же принималъ просителей и мировыхъ посредниковъ, пріѣзжавшихъ для разъясненій постановленій. Такъ какъ все дѣло было мнѣ знакомо изъ практики, то за всѣ три года, въ продолженіе которыхъ я былъ членомъ и велъ дѣла, ни одно постановленіе нашего присутствія ни министерствомъ, ни Сенатомъ не было отмѣнено, но мнѣ часто приходилось имѣть объясненія съ владѣльцами. Пріѣзжаетъ, напримѣръ, ко мнѣ очень богатый помѣщикъ Степанъ Петровичъ Шелашниковъ.

— Извините меня, Владиміръ Константиновичъ, говорилъ онъ, что я пріѣхалъ къ вамъ прямо по-русски объясниться, вы для меня загадка:—назадъ тому мѣсяца три, крестьяне Бугурусланскаго уѣзда, отыскивая землю, доказывали, что она куплена на ихъ деньги на имя помѣщика, и по вашему докладу губернское присутствіе признало ихъ права, а на прошлой недѣлѣ точно такое же дѣло было у моего сосѣда по Бугульминскому уѣзду, и по вашему же докладу губернское присутствіе крестьянамъ отказало.—Вотъ я и пріѣхалъ прямо спросить, какой вы держитесь партіи, помѣщичьей или крестьянской?

— Степанъ Петровичъ,—отвѣчалъ я,—я держусь не партіи, а По-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ марта 1904 г.

ложенія 19-го февраля и если убѣждаюсь въ чьихъ-либо правахъ на землю, то не затрудняюсь отдать тому, кому она по праву принадлежитъ, безразлично, будетъ-ли то помѣщикъ или крестьянинъ.

— Но извините меня, Владиміръ Константиновичъ, вѣдь и въ Англіи (нужно сказать, что онъ былъ англоманъ) существуютъ тори и виги, и каждый джентльменъ обязанъ принадлежать къ какой-либо изъ этихъ партій.

— Но и въ Англіи,—отвѣчалъ я,—какъ вамъ извѣстно, и въ парламентѣ есть независимые члены, т. е. такіе, которые дѣйствуютъ не въ духѣ партіи, а по своему убѣжденію,—такъ, что по одному вопросу онъ присоединяется къ вигамъ, а по другому переходитъ къ торіямъ.

— А, теперь, я понимаю васъ, вы независимый членъ. Дайте мнѣ руку, я васъ уважаю.

Съ тѣхъ поръ, до самаго отъѣзда моего, мы были съ нимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ.

Въ январѣ у насъ должны были происходить дворянскіе выборы, и какъ это были первые выборы послѣ освобожденія крестьянъ, то возникало много недоумѣній, кто имѣетъ право участвовать въ нихъ. Законъ дозволялъ принимать участіе тѣмъ, кто имѣлъ не менѣе ста душъ, у многихъ крестьяне пошли на выкупъ, то какъ поступить: лишались-ли они права, или нѣтъ? Губернаторъ телеграфировалъ министру, спрашивая его: «какой цензъ долженъ быть для дворянъ», и вотъ отвѣтъ Валуева: «О какой цѣнѣ на дворянъ вы меня спрашиваете, ничего не понимаю». Что же оказалось: до Твери телеграмма шла такъ, какъ была написана, потомъ телеграфистъ усомнился въ словѣ «цензъ» и, принявъ его за ошибку, отправилъ въ Петербургъ съ словами: «какая цѣна должна быть для дворянъ». Мы не мало смѣялись надъ этимъ.

На этихъ выборахъ, между прочимъ, былъ возбужденъ вопросъ о неудовлетворительномъ положеніи хозяйства, вслѣдствіе распущенности и самовольности рабочихъ. Дворянство поручило мнѣ представить по этому вопросу мои соображенія, и вотъ мой докладъ собранію:

«Первымъ слѣдствіемъ уничтоженія крѣпостнаго права, во всѣхъ нашихъ хозяйствахъ, было введеніе вольнонаемнаго труда. Двухъ-годичный срокъ, данный дворовымъ людямъ до окончанія ихъ обязательныхъ отношеній къ владѣльцамъ, свидѣтельствуетъ, что правительство предвидѣло тѣ затрудненія, въ которыя будутъ поставлены помѣщики пріисканіемъ вольнонаемныхъ лицъ, но этотъ срокъ уже минулъ.

«Почти уже три года, какъ дѣйствуетъ Положеніе 19-го февраля, и во всѣ эти три года мы слышали жалобы на невыполненіе условій, неявку на работы, отходъ до срока, дерзкое и грубое поведеніе вольнонаем-

ныхъ рабочихъ. Землевладѣльцы, фабриканты, домохозяева поставлены въ затруднительное положеніе, ропщутъ на законы, недостатно ихъ гарантирующіе.

«Этотъ вопросъ, милостивые государи, вамъ угодно было поручить мнѣ для разработки. Сознавая всю трудность его, я не счелъ однако себя въ правѣ уклониться отъ вашего порученія и представляю благосклонному вниманію вашему мой посильный трудъ.

«Посмотримъ, кто нуждается въ наймѣ рабочихъ?

«Я не ошибусь, если скажу,—всѣ классы: помѣщики, землевладѣльцы, фабриканты, домовладѣльцы, мастеровые и зажиточные домовитые сельскіе обыватели. Отчего же такое общее дѣло, затрогивающее интересы членовъ изъ каждаго сословія, такъ неудовлетворительно идетъ у насъ? Не можетъ же быть, чтобы не было для этого причинъ, и мнѣ кажется необходимымъ, предварительно принятія мѣръ предупредительныхъ и карательныхъ противу какого-либо зла, прежде уяснить себѣ причины этого зла. Мы не ошибемся, если скажемъ, что ни въ одномъ сословіи у насъ нѣтъ должнаго уваженія ни къ законамъ, ни къ своимъ постановленіямъ; былъ прежде только страхъ, который и сдерживалъ въ порядкѣ. Страхъ этотъ уменьшился, а чрезъ это безпорядокъ, конечно временный, увеличился. Мы бы хотѣли законовъ, ограждающихъ наши права, но вмѣстѣ съ тѣмъ желали бы, чтобы законъ этотъ, ограждая личныя наши права, не препятствовалъ бы намъ въ отношеніи другихъ поступать по нашему произволу. Я знаю, что подобнымъ заявленіемъ рискую навлечь на себя, быть можетъ, общее негодованіе, но это убѣжденіе мое можно подкрѣпить примѣрами. Развѣ не было у насъ случаевъ, что чиновникъ земской полиціи, пріѣхавшій для взысканія съ меня по векселю, тутъ же сидя со мной, отъ имени моего старосты писалъ объявленіе, что я выѣхалъ въ какую-то другую губернію. а я въ это же время требовалъ отъ него взысканія съ крестьянина, не заплатившаго мнѣ въ срокъ деньги, за снятую имъ у меня десятину земли, и ропталъ на него, если онъ не взыскивалъ. Грустная, тяжелая, но къ сожалѣнію, истинная правда.

«Всякій законъ до тѣхъ поръ будетъ недостаточенъ, пока общество не проникнется сознаніемъ своихъ обязанностей, чувствомъ уваженія не только къ собственнымъ, но и къ чужимъ интересамъ. Вотъ первая причина нашего недуга. Законъ прежде ограждалъ права нанимателей и наемниковъ, но правила, изложенныя въ ст. ст. 2201 и 2247, I ч. X тома Св. Зак., по ихъ непрактичности совершенно были непримѣнимы.

«1-го апрѣля 1863 г. высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта о наймѣ сельскихъ рабочихъ и служителей. Видно, что оно составлено людьми, практически знакомыми съ дѣломъ. Не стѣснительныя

формы найма, скорое разбирательство безо всякихъ канцелярскихъ проволочекъ, даютъ надежду, что правила эти принесутъ существенную пользу. По 8-му пункту означенныхъ правилъ, работникъ долженъ имѣть разсчетную книжку, она для него не обязательна только въ томъ случаѣ, когда онъ нанимается въ предѣлахъ своей волости или въ другой, но не далѣе 30 верстъ отъ мѣста жительства. Многіе владѣльцы требуютъ обязательнаго ввода этихъ книжекъ, но исключенія, допущенныя въ правилахъ, такъ незначительны, что прежде, чѣмъ ходатайствовать объ этомъ, не лучше-ли присмотрѣться, какъ примутся у насъ эти книжки. Книжки эти болѣе мѣсяца разосланы въ волостныя правленія, у всѣхъ у насъ прислуга въ домахъ вольнонаемная, по большей части изъ отдаленныхъ мѣстъ, слѣдовательно, обязанная имѣть разсчетныя книжки, а потому, милостивые государи, позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою подѣлиться съ мною вашими наблюденіями о перемѣнахъ въ служащихъ съ тѣхъ поръ, какъ вы во имя закона потребовали отъ нихъ представленія разсчетныхъ книжекъ. Я съ своей стороны долженъ сознаться, что по безпечности, должно быть, свойственной русскому климату, до сихъ поръ книжекъ этихъ не требовалъ, но я вижу, что и вы послѣдовали моему примѣру. Положимъ, что законъ сдѣлаетъ обязательнымъ для каждаго работника имѣть разсчетную книжку, но обычай сдѣлаетъ законъ этотъ мертвою буквою. Зачѣмъ работнику имѣть книжку, когда онъ и безъ нея всегда найдетъ мѣсто. Выйдите лѣтомъ на Самарскія площади, гдѣ стоятъ тысячи рабочихъ и посмотрите, какъ между ними шныряютъ приказчики, привлекая къ себѣ жнецовъ. Процессъ найма у нихъ самый короткій, по рукамъ хлопнули, серпы отобрали, и наемъ заключенъ. Пусть одинъ изъ приказчиковъ, строго исполняя законъ, потребуетъ предъявленія разсчетной книжки, сейчасъ раздадутся голоса другихъ приказчиковъ: «къ намъ, православные, мы безъ книжекъ принимаемъ», и исполнитель закона останется безъ рабочихъ.

«Перейдемъ къ домашней прислугѣ.

«Вы поневолѣ должны сносить и неисполнительность и пьянство вашей прислуги, оттого, что если вы прогоните за это, то я немедленно найму его, въ надеждѣ, авось онъ у меня пить не будетъ—хотя я зналъ отъ васъ, что онъ пьяница, слѣдовательно, тутъ книжка дѣло стороннее. Причина этихъ печальныхъ явленій—недостатокъ рабочихъ рукъ, и односторонній обязательный вводъ книжекъ не поправитъ дѣла. Между тѣмъ надобно же положить конецъ этому злу. Я пришелъ къ слѣдующему убѣжденію, что правила о наймѣ сельскихъ рабочихъ и служителей необходимо дополнить слѣдующею статьею: каждый хозяинъ лишается права начинать искъ съ вольнонаемнаго рабочаго, за невыполненіе условій, если онъ держалъ его безъ разсчетной книжки, равно и ра-

бочіе не могутъ отыскивать на хозяинѣ претензій, если они не имѣли разсчетныхъ книжекъ. Нѣсколько тяжелыхъ потерь для той и другой стороны, вслѣдствіе такого формулированія статьи, можетъ быть, послужатъ для насъ урокомъ, что только тѣ законы и постановленія принесутъ существенную пользу, которымъ содѣйствуетъ само общество».

По прочтеніи этого проекта, въ собраніи начался говоръ и шумъ, многіе оскорбились, но когда начались пренія, то кончилось тѣмъ, что предложеніе мое было принято единогласно, и собраніе постановило выразить мнѣ благодарность. Выборы кончились. Обуховъ былъ вновь избранъ въ губернскіе предводители, а самарскимъ уѣзднымъ—Валерій Ивановичъ Чарыковъ.

Новый губернаторъ Мансуровъ велъ себя съ большимъ тактомъ и дѣйствовалъ самостоятельно: въ крестьянскомъ дѣлѣ совѣтовался со мною, и оно шло безъ малѣйшаго измѣненія въ дѣлахъ по палатамъ: уголовной, гражданской, казенной и государственныхъ имуществъ, съ нашимъ честнѣйшимъ прокуроромъ. Дѣла же чисто административныя по губерніи велъ самъ губернаторъ.

Въ это время губернія требовала бдительнаго надзора, польскіе эмигранты появлялись и у насъ, разъѣзжая по селеніямъ и раздавая золотыя грамоты. Они являлись то подъ видомъ генералъ-губернаторовъ, то великихъ князей, и сильно разсчитывали на раскольниковъ Николаевскаго уѣзда. Но лишь только появлялись въ тѣхъ мѣстахъ, какъ раскольники извѣщали о нихъ, и ихъ забирали. Въ это время въ Самарской тюрьмѣ сидѣлъ «генералъ-губернаторъ пермскій, вятскій и сибирскій». Это былъ исключенный семинаристъ; а ставропольскій исправникъ ловилъ «великаго князя Константина Николаевича», который разъѣзжалъ по деревнямъ зимой, хотя и въ нанковомъ сюртукѣ, но зато на дровняхъ въ 8 лошадей; онъ ускользнулъ отъ него въ Саратовскую губернію.

Самарская губернія въ это время принадлежала къ Оренбургскому генералъ-губернаторству. Хотя генералъ-губернаторъ Безакъ во внутреннее управленіе губерніею не вмѣшивался, но эта лишняя инстанція составляла задержку и путаницу въ дѣлахъ. Въ Бугульминскомъ уѣздѣ исправникомъ былъ Николай Васильевичъ Иньковъ, чиновникъ дѣльный, расторопный, умный и самолюбивый. Разъ вечеромъ въ Бугульму на почтовую станцію пріѣхалъ чиновникъ особыхъ порученій оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора генеральнаго штаба полковникъ Д—чъ. Смотритель проситъ его обождать часа два, такъ какъ лошади только-что воротились. Пріѣхавшій началъ шумѣть и браниться. Смотритель принесъ книги и доложилъ, что лошадей къ немедленной ѣздѣ нѣтъ. Тогда Д—чъ приказалъ везти себя къ исправнику.

У исправника въ тотъ вечеръ были гости. Д—чъ входитъ и обращается къ Инькову съ слѣдующими словами:

— У васъ вездѣ мошенничаютъ, прижимаютъ, не даютъ лошадей, конечно, потому, что вы съ ними дѣлитесь и заодно плутуете.

Это взорвало Инькова.

— Позвольте узнать, милостивый государь,—спросилъ онъ,—кто вы такой?

— Я чиновникъ особыхъ порученій генералъ-губернатора.

— Вашъ видъ?

— Вотъ подорожная, и Д—чъ подалъ ее.

— Странная подорожная,—сказалъ Иньковъ,—я такихъ не видывалъ. Тутъ написано сверху «гдѣ нѣтъ почтовыхъ, давать земскихъ». На взиманіе земскихъ лошадей выдаютъ открытые листы, а въ подорожныхъ это не пишется.

— Что же вы не вѣрите,—возразилъ Д—чъ,—такъ вотъ вамъ открытое предписаніе генералъ-губернатора, и подалъ бумагу.

Должно быть, Безакъ, подписывая предписаніе, или былъ взволнованъ, или перо попалось особенное скверное, только подпись не имѣла ни малѣйшаго сходства съ его же подписью на подорожной. Иньковъ этимъ воспользовался.

— Ну, господинъ чиновникъ особыхъ порученій генералъ-губернатора,—началъ Иньковъ, обращаясь къ нему, вы грамотѣ знаете?

— Что это значитъ?—спросилъ Д—чъ.

— Это значитъ, что я спрашиваю, умѣете-ли вы читать и писать по-русски?

— Какъ вы смѣете такъ обращаться со мной, вы знаете, что я полковникъ и состою при генералъ-губернаторѣ.

— А вы не горячитесь,—продолжалъ Иньковъ,—я на-дняхъ не только что состоящаго при генералъ-губернаторѣ чиновника особыхъ порученій, но самого генералъ-губернатора вятскаго, пермскаго и сибирскаго сначала посадилъ здѣсь въ острогъ, а потомъ отправилъ въ Самару, и потому отвѣчайте на мой вопросъ,—грамотѣ знаете?

— Знаю,—отвѣчалъ Д—чъ.

— А если знаете, то сличите эти подписи и скажите, имѣютъ-ли онѣ между собою сходство и если не обѣ, то уже непремѣнно одна изъ нихъ фальшивая.

— Это генералъ-губернаторъ спѣшилъ, и, вѣроятно, перо попалось скверное, и потому такъ подписалъ.

— Ну, это мы увидимъ,—сказалъ Иньковъ и затѣмъ, обратившись къ находящемуся у него полицейскому надзирателю, сказалъ: сейчасъ же пригласите 3-хъ понятыхъ на почтовую станцію.

— А васъ,—сказалъ Иньковъ,—обращаясь къ стряпчему, прошу

вслѣдъ за мной отправиться на станцію и снять первоначально съ этого господина допросъ, а потомъ въ присутствіи понятыхъ произвести обыскъ. Васъ же, милостивый государь, прошу слѣдовать за нами.

И такимъ образомъ всѣ отправились на станцію.

Прибывъ на станцію, приступили къ допросу.

— Кто вы, куда ѣдете?

— Я сказалъ уже вамъ, что я полковникъ Д—чъ, состоящій при генералъ-губернаторѣ, и ѣду въ Петербургъ.

— Если вы ѣдете въ Петербургъ, то трактъ идетъ не на Бугульму, зачѣмъ же вы заѣхали сюда?

— По порученію генералъ-губернатора, которое не считаю нужнымъ объяснять, я долженъ былъ заѣхать въ Бугульминскій уѣздъ.

— Имѣете-ли деньги, гдѣ онѣ у васъ и сколько?

— Деньги при мнѣ, около восьмисотъ рублей,—вотъ онѣ.

— Кромѣ этихъ денегъ нѣтъ-ли еще?

— Больше денегъ нѣтъ.

— Нѣтъ-ли съ вами какихъ бумагъ, книгъ, газетъ, записокъ?

— Ничего нѣтъ.

Составили протоколъ, и Д—чъ подписалъ его. Потомъ приступили къ осмотру вещей, вскрыли чемоданъ, въ чемоданѣ оказался запечатанный конвертъ.

— Это что за конвертъ?—спросилъ исправникъ.

— Ахъ, я и позабылъ, это конвертъ: генералъ-губернаторъ посылаетъ въ Петербургъ брату въ немъ 6.000 рублей.

— А! вы и позабыли, что у васъ есть деньги—хорошо-съ, мы съ этими штуками знакомы,—возразилъ исправникъ.

Затѣмъ у Д—ча нашли еще какія-то книги, газеты, кажется, несколько №№ «Колокола», однимъ словомъ, имѣли законное основаніе считать его за подозрительную личность, чѣмъ Иньковъ и воспользовался. Д—ча съ казакомъ на обывательскихъ отправили въ Самару. Дня черезъ три вечеромъ подъѣхали они къ тюремному замку. Д—чъ спросилъ смотрителя, кто полицеймейстеръ, и узнавъ, что Тверитиновъ, съ которымъ былъ знакомъ, просилъ везти его къ нему. Сейчасъ же доложили губернатору, и Д—чъ въ ту же ночь выѣхалъ въ Петербургъ, сообщивъ подробно о своемъ приключеніи генералъ-губернатору. Безакъ потребовалъ отрѣшенія исправника, съ преданіемъ суду. Мансуровъ препроводилъ къ нему все дѣло и писалъ, что нѣтъ ни малѣйшаго основанія предавать суду исправника, который въ это время, дѣйствительно смутное, исполнялъ въ точности свою обязанность. Тогда Безакъ требовалъ, чтобы губернаторъ уволилъ исправника по 3-му пункту, т. е. безъ прошенія. Мансуровъ рѣшительно отказался исполнить и это требованіе. Безакъ смягчился и только настаивалъ,

чтобы исправникъ вышелъ въ отставку. Мансуровъ вытребовалъ къ себѣ Инькова, показалъ ему всю переписку съ генералъ-губернаторомъ и совѣтовалъ подать въ отставку, говоря, что лучше не раздражать Безака—пусть увидитъ, что его желаніе исполнено, успокоится.

— А я,—сказалъ Мансуровъ, даю вамъ слово черезъ мѣсяцъ назначить васъ исправникомъ въ Ставрополь, гдѣ къ тому времени откроется вакансія.

Такъ все дѣло и уладилось. Иньковъ подалъ въ отставку, Безакъ былъ удовлетворенъ, а черезъ мѣсяцъ Иньковъ былъ уже исправникомъ у насъ, въ Ставрополѣ. Во время уѣздныхъ земскихъ собраній я всегда останавливался у него, онъ мнѣ разсказалъ всѣ подробности этой исторіи, при чемъ добавилъ, что онъ Д—ча зналъ, такъ какъ разъ во время объѣзда генералъ-губернатора Самарской губерніи онъ былъ съ нимъ.

— Одного себѣ никакъ не прощу,—говорилъ Иньковъ,—что я послалъ его въ Самару на подводахъ, мнѣ бы слѣдовало его отправить съ верховымъ казакомъ, чтобы тотъ велъ его на веревочкѣ.

Я разсказалъ этотъ случай, чтобы показать, что Мансуровъ не особенно подчинялся вліяніямъ.

Въ Самарѣ жилось весело, я обыкновенно работалъ съ 11-ти до 4-хъ часовъ, за то все остальное время былъ совершенно свободенъ, исключая четверга, когда по вечерамъ было присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ, и работалось охотно, такъ какъ никто не только не отвлекалъ меня, но и не вмѣшивался въ мою работу. Вскорѣ мы получили временныя правила о земскихъ учрежденіяхъ. Такъ какъ члены губернскаго присутствія поступили членами и во временной комитетъ, то работы прибавилось, но я участвовалъ только въ совѣщаніяхъ, отклонивъ отъ себя всѣ работы. Помнится, что работали: П. А. Рихтеръ, управляющій удѣльной конторой; Алабинъ, управляющій государственными имуществами и Сумароковъ, предсѣдатель казенной палаты.

Со введеніемъ земства у меня пошелъ разладъ съ нашими ставропольскими помѣщиками Тургеневымъ и Наумовымъ, и какъ ихъ другъ былъ С—скій—то и съ нимъ, но съ чего этотъ разладъ начался, что была за причина, я и теперь не знаю,—знаю, что я не подавалъ никакого повода и долго даже не догадывался. Первый случай былъ на Меленесскомъ заводѣ, куда мы съѣхались для выбора гласныхъ отъ землевладѣльцевъ. Когда мы собрались всѣ, то предводитель Тургеневъ обратился къ помѣщикамъ, чтобы они избрали одного или двухъ для повѣрки правъ собравшихся дворянъ.

— Вѣроятно, господа,—сказалъ онъ,—вы довѣрите это Михаилу Михайловичу (такъ звали Наумова), какъ вдругъ раздались голоса: мы просимъ Владиміра Константиновича (т. е. меня).

Тургеневъ нѣсколько сконфузился, но сейчасъ же оправился и сказалъ:

— Думаю, что одному Владиміру Константиновичу будетъ трудно, и полагалъ бы просить также Михаила Михайловича.

— Нѣтъ, довольно и Владиміра Константиновича, онъ и одинъ справится съ этимъ дѣломъ.

Вотъ, вѣроятно, это обстоятельство и заставило ихъ подозрѣвать, что я интригую противъ нихъ, тогда какъ я до собранія и не видалъ ни одного человѣка изъ пріѣзжихъ. Встрѣтился я съ ними только въ залѣ, гдѣ поздоровался и рѣшительно ничего не говорилъ. Но съ этой минуты видимо они стали на меня дуться. Я же нисколько не измѣнялъ моего обращенія съ ними и продолжалъ по-прежнему относиться къ нимъ, тѣмъ болѣе, что я для себя ничего по земству не искалъ и рѣшительно ни за кого въ уѣздѣ не ходатайствовалъ. Мнѣ было желательно, чтобы въ уѣздную управу попали люди дѣльные, честные, но кто именно, это было безразлично.

Въ февралѣ было назначено въ Ставрополѣ уѣздное земское собраніе. Я выѣхалъ туда и на первой же станціи встрѣтился съ Сосновскимъ и Тургеневымъ, которые ѣхали вмѣстѣ. Пока намъ мѣняли лошадей, они завели разговоръ о предстоящихъ выборахъ, и спрашивали, кого я имѣю въ виду на должность предсѣдателя. На это я отвѣчалъ, что очень бы желалъ, еслибы былъ избранъ въ эту должность человѣкъ почти мнѣ незнакомый—это нашъ уѣздный лѣкарь Гроссманъ, который теперь гласный. На ихъ вопросъ, почему я желаю этого выбора, я отвѣтилъ, что знаю Гроссмана за человѣка честнаго, дѣятельнаго, хорошаго хозяина и затѣмъ, что на первыхъ же порахъ намъ нужно устроить въ уѣздѣ медицинскую часть, а онъ спеціалистъ по этой части.

— А что, если будетъ баллотироваться М. М. Наумовъ?—спросилъ меня Тургеневъ.

— Наумова я знаю, какъ человѣка безукоризненно честнаго, но предпочитаю Гроссмана. Онъ живетъ въ Ставрополѣ, слѣдовательно, будетъ безотлучно въ управѣ, а Наумовъ 90 верстъ отъ Ставрополя. Имѣніе свое, одно изъ богатѣйшихъ въ уѣздѣ, онъ не броситъ и въ Ставрополь не переѣдетъ, а будетъ пріѣзжать разъ въ мѣсяцъ дня на три. По-моему въ новомъ дѣлѣ такъ нельзя, но если Гроссмана не выберутъ, то послѣ него я тоже не вижу никого кромѣ М. М. Наумова.

— Ну, а братъ его Н. М.—сказалъ Сосновскій,—тотъ хозяйствомъ не занимается.

Я говорилъ противъ этого избранія и тутъ уже увидѣлъ, что мы окончательно разошлись.

Земское собраніе состоялось при полномъ числѣ гласныхъ. Я оста-

новился у исправника, потому что нашъ уѣздный городъ такъ устроенъ, что если изъ милости кто не пріютитъ, то рискуешь ночевать на улицѣ. У насъ было 42 гласныхъ. Баллотировался въ предсѣдатели Гроссманъ, онъ получилъ 30 избирательныхъ и 12 неизбирательныхъ, Наумовъ тоже баллотировался, получилъ 21 избирательныхъ и 21 неизбирательныхъ. Тогда вся Тургеневская и Наумовская партія опрокинулась на меня. Они вообразили, что это моя интрига, тогда какъ я рѣшительно не говорилъ ни съ однимъ гласнымъ. Правда, что когда пришли ко мнѣ Суходольской и Муловской волости старшины изъ бывшаго моего мироваго участника и спрашивали моего совѣта, кого выбирать, то я имъ сказалъ:

— Вы, ребята, принимали присягу, такъ и выбирайте по совѣсти, кого хотите.

— Нѣтъ, все-таки вы намъ скажите,—приставали они.

— Ни слова не скажу,—отвѣтилъ я,—вы сами знаете всѣхъ отлично.

— Ну, а вы кого будете выбирать?—спросили они.

— Вотъ это я вамъ скажу,—отвѣчалъ я,—я не таюсь и выбираю Гроссмана.

— Ну,—отвѣчали они,—кого вы, того и мы, Гроссманъ баринъ хорошій. А кого въ губернскіе гласные,—дайте намъ совѣтъ.

— Извольте, въ этомъ случаѣ дамъ совѣтъ. Вамъ нужно выбирать такихъ людей, которые кромѣ того, что были бы люди толковые, хорошіе, но чтобы и всегда въ собраніе ѣздили въ Самару. Что прибыли, если выберете и дѣльнаго человѣка, да онъ не будетъ ѣздить. И такъ выбирайте Л. Б. Тургенева, А. И. С—скаго и меня. Мы всѣ живемъ въ Самарѣ, потомъ Гроссмана, Наумова, А. П. Бабкина, тебя, Суслинъ, священника Маинскаго, Сироткина, М. Б. Тургенева и удѣльнаго кандалинскаго голову Клепикова.

Всѣ эти лица и были выбраны въ губернскіе гласные. Я въ ночь же послѣ выборовъ послалъ Мансурову нарочнаго, какъ онъ просилъ меня съ извѣстіемъ о выборахъ.

Засѣданія собранія послѣ выборовъ продолжались всего два дня, такъ какъ только обсуждали, что поручить управѣ приготовить къ очередному собранію, которое должно было быть въ сентябрѣ. Мы предположили переложить натуральную повинность въ денежную, устроить врачебную часть и училища, поручили осмотрѣть дороги и мосты, хлѣбные магазины и о всемъ составить подробный докладъ. Затѣмъ рѣшено было собрать свѣдѣнія о количествѣ земель у помѣщиковъ и крестьянъ. Работы управѣ задали много.

Уѣзжая изъ Ставрополя, я говорилъ исправнику, что я не ожидалъ, чтобы Гроссманъ прошелъ такимъ большинствомъ.

— Да знаете-ли, — сказалъ Иньковъ, — вѣдь вамъ помогла противная партія.

— Это какъ? та партія, которая была противъ Гроссмана?

— А вотъ какъ. Когда они узнали, что къ вамъ приходили бывшіе ваши старшины совѣтоваться, то они и распорядились пригласить въ трактиръ всѣхъ крестьянъ, на чай, и отправили довѣреннаго вести съ ними переговоры. Довѣренный явился и началъ имъ совѣтовать выбирать въ предсѣдатели М. М. Наумова. Когда же нѣкоторые крестьяне сказали, что думаютъ выбрать Гроссмана, то онъ не совѣтовалъ имъ дѣлать это,—говоря: «этого хочется Луцкому, который дѣлаетъ это для губернатора, а вѣдь наше дѣло земское, намъ что на губернатора смотрѣть». Тутъ онъ еще ихъ угостилъ и получилъ обѣщаніе выбирать Наумова. Только-что депутатъ вышелъ, какъ между крестьянами и начались толки. Слушай, ребята,—говорили они, намъ не слѣдъ противъ губернатора идти, тамъ пускай господа какъ хотятъ, а ужъ мы сдѣлаемъ, какъ хочетъ губернаторъ, такъ валяй Гроссману направо.

Предсѣдательствовалъ губернскій предводитель Обуховъ. Губернское собраніе у насъ открылось на первой недѣлѣ великаго поста. Какъ предсѣдатель, онъ былъ очень хорошъ, велъ собраніе съ толкомъ. Предположили образовать управу изъ предсѣдателя и 4-хъ членовъ, предсѣдателю назначили жалованья 4.000 р., а членамъ по 2.500 р. Самособой, что охотниковъ на такое жалованье нашлось много, но общій голосъ заранѣе указывалъ на Тургенева, какъ на предсѣдателя. Передъ открытіемъ собранія ко мнѣ вечеромъ пріѣхалъ управляющій государственными имуществами Адольфъ Яковлевичъ Гюббенетъ.

— Я пріѣхалъ,—сказалъ онъ,—просить васъ, Владиміръ Константиновичъ, баллотироваться въ члены губернской управы.

— Нѣтъ, Адольфъ Яковлевичъ, я доволенъ своимъ мѣстомъ и мѣнять его не желаю. Здѣсь, на этомъ мѣстѣ, меня всѣ знаютъ, мною довольны, я съ дѣломъ знакомъ—поставилъ его такъ, что и не чувствую теперь труда занятій, а изъ-за лишнихъ 500 рублей мѣнять мѣсто и взяться за дѣло незнакомое не приходится.

— Да васъ никто и не проситъ мѣнять мѣсто,—началъ Гюббенетъ; напротивъ, я и П. А. Рихтеръ желаемъ, чтобы вы, бывъ членомъ управы, сохранили и прежнее мѣсто, такъ какъ законъ этому не препятствуетъ. Тогда подумайте: вы будете получать содержанія 4.500 р.

— Это дѣло другое,—отвѣчалъ я,—только вотъ, что я вамъ скажу, работать по двумъ должностямъ, какъ слѣдуетъ, я не въ состояніи, а работать какъ-нибудь и брать двойное жалованье даромъ совѣстно.

— Да вы можетъ быть,—сказалъ Гюббенетъ,—опасаетесь быть не выбраннымъ, такъ этого не бойтесь, васъ выберутъ непремѣнно. Вы знаете, что въ нашемъ собраніи наполовину гласныхъ крестьяне, и я

вамъ ручаюсь за государственныхъ, а П. А. Рихтеръ за удѣльныхъ, ихъ голоса за васъ.

— Благодарю и васъ и П. А., но я баллотироваться не буду.

— Ну, это посмотримъ,—смѣясь, сказалъ Гюббенетъ,—утро вечера мудренѣе, и мы завтра всѣ будемъ васъ просить.

Такъ мы и разстались. Слова его заставили меня призадуматься, но, зрѣло обдумавъ дѣло, я рѣшилъ не баллотироваться. На другой день, когда мы собрались и стали подписывать журналъ вчерашняго засѣданія о размѣрѣ жалованья и канцелярскихъ расходовъ, съ тѣмъ, чтобы послѣ приступить къ выборамъ, я попросилъ у предсѣдателя слова, которое и было мнѣ дано. Тогда я сказалъ приблизительно слѣдующее: приступая къ избранію предсѣдателя и членовъ управы и предварительно выборовъ назначивъ также значительное содержаніе, мы въ правѣ требовать, чтобы тѣ лица, которыя будутъ нами избраны, всецѣло посвятили себя дѣламъ земства, и потому я бы желалъ, чтобы лица эти были совершенно свободны отъ всѣхъ другихъ занятій, т. е. не занимали служебныхъ мѣстъ по другимъ вѣдомствамъ. Боже мой, какая буря обрушилась на меня послѣ этого заявленія: одни кричали, что это значитъ насиловать избирателей, другіе, что это измѣняетъ высочайше утвержденное Положеніе о земствѣ, которое допускаетъ соединеніе должностей. Тогда предсѣдатель, обращаясь къ собранію, сказалъ.

— Я не могу сочувствовать заявленію гласнаго Луцкаго, во-первыхъ, потому, что это есть насилованіе воли. Я, нанимая себѣ управляющаго, не могу же поставить ему условіемъ, чтобы онъ не занимался: ни чтеніемъ, ни музыкой, ни рисованіемъ и, во-вторыхъ, считаю, что собраніе не въ правѣ измѣнять высочайше утвержденное Положеніе, въ которомъ это допущено. Я надѣюсь, что г. гласный Луцкій возьметъ это предложеніе назадъ.

— Изъ всего сказаннаго,—отвѣчалъ я,—ясно вижу, что предложеніе мое принято не будетъ, но по совѣсти отказаться отъ него не могу, находя высказанные противъ него доводы не выдерживающими критики, а именно, говорятъ, что мое предложеніе незаконно, отъ того, что соединеніе должностей предсѣдателя и членовъ управы допускается съ другими должностями высочайше утвержденнаго Положенія. Если бы оно не допускалось или, говоря другими словами, запрещалось, такъ о немъ не могло бы быть и рѣчи. Я отнюдь не говорю, чтобы такихъ лицъ не допускать къ выборамъ, а желалъ бы, чтобы ихъ не избирали. Что такое предсѣдатель и члены?—это управляющій земскимъ имѣніемъ. Если я нанимаю управляющаго, то считаю себя въ полномъ правѣ поставить въ условіе, чтобы онъ не занимался имѣніемъ моего сосѣда. Что же касается до словъ г. предсѣдателя относительно живописи и музыки, то считаю долгомъ заявить, что я относился къ дѣлу земства

со стороны серьезной, а не шуточной и крайне удивленъ, къ чему тутъ припутана музыка и живопись.

Послѣ этого вопросъ былъ поставленъ на баллотировку, и по большинству голосовъ предложеніе мое не принято.

Тургеневъ былъ выбранъ въ предсѣдатели единогласно. Въ члены управы были выбраны М. М. Наумовъ и С—кій, сохранивъ за собою мѣсто члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Послѣ выборовъ ко мнѣ подошелъ Л. Б. Тургеневъ и благодарилъ меня за мой шаръ.

— Да вы съ чего же взяли,—сказалъ я,—что я положу вамъ налѣво.

— У насъ,—отвѣчалъ онъ,—въ послѣднее время было столько столкновеній.

— Мнѣ очень грустно,—сказалъ я,—что вы такъ плохо меня знаете. Я могу съ вами не соглашаться, быть различныхъ мнѣній, спорить и гласно опровергать ваши доводы, но тѣмъ не менѣе считать васъ за честнаго и способнаго дѣятеля. Я всегда и вездѣ говорилъ передъ выборами, что лучше васъ предсѣдателя мы найти не можемъ.

— Но скажите,—продолжалъ онъ,—почему же вы были противъ выбора С—аго, кажется, относительно его честности вы ничего не можете сказать.

— Совершенно съ вами согласенъ, что С—ій честнѣйшая личность, но вѣдь по одной честности нельзя же выбирать или назначать людей на должности. Я охотно въ какую-нибудь механическую должность, напримѣръ, казначея для храненія суммъ выберу С—аго, но туда, гдѣ требуется соображеніе и распорядительность—никогда.

Затѣмъ ко мнѣ подошелъ Нудатовъ, бугурусланскій мировой посредникъ.

— Простите меня, Владиміръ Константиновичъ, я передъ вами виноватъ,—сказалъ онъ.

— Въ чемъ это вы провинились, не понимаю?

— А вотъ въ чемъ: я всегда считалъ васъ за человѣка дѣла, вы намъ доказываете это, третій годъ ведя дѣла крестьянскаго присутствія, а теперь уважаю васъ какъ человѣка честнаго, за сдѣланное вами предложеніе относительно баллотировки. До этого же предложенія я былъ увѣренъ, что и вы добиваетесь, чтобы захватить два мѣста и получать двойное жалованье. Еще разъ прошу, простите меня.

— Ну, Богъ васъ проститъ,—отвѣчалъ я, смѣясь.

По окончаніи сессіи земство сдѣлало обѣдъ губернатору, обѣдъ былъ роскошный, оживленный. На обѣдѣ присутствовали всѣ гласные изъ крестьянъ, въ числѣ ихъ былъ одинъ изъ Николаевскаго уѣзда, принадлежащій къ сектѣ молоканъ. По нашимъ законамъ молоканы счи-

таются сектою вредною, и они далѣе 30 верстъ не могутъ отлучаться изъ мѣста жительства. Между тѣмъ въ Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ, въ числѣ лицъ, которыя не могутъ быть избираемы, молокане не поименованы, почему онъ и былъ выбранъ. Какъ большинство молоканъ, онъ былъ мужикъ умный, грамотный, бойкій. Когда былъ провозглашенъ тостъ за здоровье государя, то онъ всталъ и съ бокаломъ въ рукѣ, обращаясь къ намъ, сказалъ:

— По нашему закону намъ воспрещается пить всякое вино. Если кто это нарушитъ, то наши учители налагаютъ строгое взысканіе. Я дожилъ до 45 лѣтъ, и никакого вина ни капли не выпилъ, но за такого государя, какъ нашъ Александръ Николаевичъ, можно нарушить и законъ. Пріѣду домой, покаюсь учителю, а теперь пью за его здоровье, и съ этими словами онъ осушилъ бокалъ.

Залпъ рукоплесканій покрылъ эту рѣчь. Такъ какъ это время былъ великій постъ, то среди тостовъ я всталъ и сказалъ:

— На нашей громадной православной Россіи вездѣ теперь великій постъ, только мы въ Самарѣ празднуемъ Воскресеніе, но не Воскресеніе Христово, а воскресеніе земли русской. За здоровье того, кто своимъ царскимъ словомъ вызвалъ нашу Русь къ новой жизни, за здоровье воскресителя земли Русской.

Что послѣ этого было за обѣдомъ, трудно сказать: крики ура, громъ отъ ножей, вилокъ, ложекъ не прерывался, я думаю съ четверть часа, тутъ всѣ земскія партіи слились воедино.

Кончилось собраніе, гласные разъѣхались, и все вошло въ обычную колею.

Наше губернское земское собраніе было первое собраніе во всей Имперіи, вслѣдъ за нашимъ должно было состояться петербургское. На земство возлагалось въ то время много надеждъ, это былъ первый зачатокъ самоуправленія. Мы ходили какъ въ чаду.

Сообщ. **О. Червинская.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Императоръ Александръ II въ Варшавѣ въ 1860 г.[1]).

Городъ нашъ болѣе и болѣе наполняется знаменитыми гостями. Прибыли принцъ прусскій и принцъ Карлъ Баварскій, а 28-го пріѣзжаетъ вовсе неожиданно принцъ Наполеонъ. Фейерверкъ, который имѣлъ быть вчера въ Лазенкахъ, отложенъ на день его пріѣзда. Нынче балъ у князя Горчакова, а завтра большой пріемъ и охота на фазановъ у графа Августа Потоцкаго въ Виляновѣ. Были два смотра войскамъ, въ которыхъ постоянно принимаютъ участіе достойные гости.

Замѣчено, что на государя императора сдѣлало пріятное впечатлѣніе, когда архіепископъ, обращаясь къ нему, произнесъ слова: «Всемилостивѣйшій государь, король нашъ».

Послѣ пѣнія въ каѳедральномъ костелѣ псалма и гимна «Боже, царя храни», государь императоръ поклонился архіепископу, потомъ двумъ находившимся при немъ епископамъ и всему духовенству, наконецъ, проходя между стоявшими въ два ряда ксендзами, кланялся всѣмъ присутствовавшимъ.

На улицахъ, чрезъ которыя его величество имѣлъ проѣзжать въ Бельведеръ, всѣ окна были отворены и убраны коврами и шелковыми матеріями. Толпа народа проводила возвращавшагося государя изъ костела до королевскаго замка, гдѣ его величество изволилъ посѣтить супругу намѣстника. Варшавскіе уличники окружали экипажъ его величества и, крича «виватъ», цѣплялись за подножки и сзади экипажа, проводивъ такимъ образомъ до Бернардинскаго костела.

Народъ былъ въ восторгѣ, и шапокъ брошено вверхъ такое большое количество, что одна упала даже въ экипажъ его величества.

Прусскаго принца государь встрѣтилъ на банкгофѣ, свиданіе было

[1]) Переводъ польскаго письма, адресованнаго въ Парижъ на имя Данжу, отъ 26-го сентября н. с., безъ подписи.

искренное; замѣчено, что принцъ поцѣловалъ его величество въ оба плеча. Равномѣрно былъ ласково принятъ и принцъ Баварскій.

Во все время пребыванія его величества въ Варшавѣ, на лицѣ его постоянно замѣтны серьезность и задумчивость, не видно ни улыбки, ни неудовольствія; а не зная дѣйствительной причины этой постоянной серьезности, всѣ теряются въ догадкахъ. Такое расположеніе духа государя замѣчено даже войсками на двухъ смотрахъ. Приближенные его такъ этимъ поражены, что въ теченіе нѣсколькихъ дней пребыванія его здѣсь не смѣли спросить, угодно-ли будетъ его величеству принять охоту въ Виляновѣ.

Въ Вильнѣ, въ проѣздъ государя, графъ Тышкевичъ приготовился къ принятію его величества; издержки простирались до 75.000 руб., но по дошедшему до государя императора свѣдѣнію, что Тышкевичъ имѣлъ ссору съ французскимъ инженеромъ, по случаю доставки матеріаловъ для желѣзной дороги, при чемъ инженеръ сильно былъ обиженъ, его величество не изволилъ принять приготовленнаго графомъ Тышкевичемъ угощенія.

Всѣ удивляются, что въ Варшавѣ не находится ни одного оффиціальнаго лица со стороны Англіи; отъ вѣнскаго же двора прибыло нѣсколько высшихъ офицеровъ.

Пріѣздъ прусскаго принца имѣетъ главнѣйшею цѣлью переговоръ на счетъ окончательнаго назначенія его регентомъ, на что не соглашается прусскій король, или, лучше сказать, его любимцы.

Во время иллюминаціи, одна пирамида, освѣщенная зеленымъ огнемъ, оканчивалась вверху пунсовымъ полумѣсяцемъ; а какъ зеленый цвѣтъ означаетъ надежду, то и говорятъ, «что полумѣсяцъ освѣщаютъ, въ надеждѣ, что онъ скоро будетъ разобранъ».

Польская конституція 3-го мая 1791 года и отношеніе къ ней Россіи [1]).

I.

Государственный переворотъ, совершенный въ Польшѣ въ 1791 г. сторонниками политическихъ и соціальныхъ реформъ, и извѣстный подъ названіемъ конституціи 3-го мая, вызвалъ въ странѣ, на первыхъ порахъ, повсемѣстную радость.

«Послѣ долгаго ожиданія, народъ получилъ, наконецъ, надлежащій образъ правленія и, успокоившись, видѣлъ въ немъ залогъ своего счастья, свободы и независимости»—такъ привѣтствовалъ переворотъ органъ партіи реформъ [3]), «Gazeta narodowa i obca» (1791 г. № 37). Эти слова были отголоскомъ рѣчей, произнесенныхъ на засѣданіяхъ польскаго сейма 22-го апрѣля (3-го мая) и 24-го апрѣля (5-го мая) 1791 г.

«Обнародованный маршалами сейма нѣсколько дней спустя универсалъ (посланіе къ народу), въ которомъ разъяснялось значеніе кон-

---

[1]) По старому стилю 22-го апрѣля.

[2]) Wladyslaw Smolenski. „Ostatni rok sejmu wielkiego". Krakow. 1897 г. изд. 2-е.

[3]) Въ то время въ Польшѣ образовалось двѣ партіи, требовавшія реформъ; „патріотическая", враждебная Россіи, къ которой принадлежали Малаховскій, Игнатій и Станиславъ Потоцкіе, Адамъ Чарторыйскій и др., и „королевская", склонявшаяся на сторону Россіи. Была еще такъ называемая „гетманская партія", которая была противъ всякихъ реформъ и сочувствовала миру съ Россіей; къ ней принадлежали коронный гетманъ Браницкій и Щенсный Потоцкій. В. Т.

ституціи, вызвалъ такой восторгъ, какой возбуждали въ былое время только блестящія побѣды поляковъ». Начиная отъ Варшавы и кончая самыми скромными мѣстечками, народъ ликовалъ и превозносилъ творцовъ конституціи.

27-го апрѣля (8-го мая), день ангела Станислава-Августа и маршала Малаховскаго, стоявшаго во главѣ «патріотической» партіи, былъ отпразднованъ въ Варшавѣ особенно торжественно.

Король принималъ въ этотъ день поздравленія сената, министровъ, депутатовъ и мѣстныхъ жителей, вечеромъ городъ былъ роскошно иллюминованъ.

На высокой аркѣ, воздвигнутой на площади Сигизмунда, геній держалъ огромный вензель Станислава-Августа, окруженный множествомъ разноцвѣтныхъ шкаликовъ.

На ратушѣ и другихъ зданіяхъ горѣли транспаранты съ вензелями короля, гербомъ Малаховскаго и соотвѣтствующими надписями.

Президентъ г. Варшавы далъ шляхтѣ и купечеству обѣдъ, во время котораго произносились безчисленные тосты.

На слѣдующій день населеніе угощало короля во дворцѣ Радзивилла: «Въ одной изъ залъ, обращенныхъ въ буфетъ, двѣ дамы и дѣнадцать дѣвицъ, въ роскошныхъ уборахъ, украшенныхъ жемчугомъ и брилліантами, подносили приглашеннымъ кофе, шоколадъ, сласти; въ другой залѣ мужчины угощали напитками».

Въ послѣдующіе дни вездѣ происходили обѣды, пріемы, балы. Банкиры и купечество потратили тысячи на угощеніе шляхты, которая не осталась въ долгу у мѣщанъ и 25-го мая (5-го іюня) дала обѣдъ депутатамъ отъ городовъ и варшавскаго купечества; среди приглашенныхъ, коихъ было триста человѣкъ, находились сенаторы, министры и разныя знатныя особы. Самъ король удостоилъ это собраніе своимъ посѣщеніемъ и хотя не остался обѣдать, но произнесъ рѣчь о единодушіи, которое возрасло между гражданами. «За обѣдомъ сидѣли въ перемежку дворяне съ купцами и ремесленниками; то была большая новость для Польши и столько же радовала поборниковъ новыхъ либеральныхъ идей о равенствѣ, сколько вооружала противъ конституціи ревнителей и охранителей старошляхетской вольности» [1]).

Подобнаго рода празднества и пиршества происходили въ Гродно, Калишѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Ковнѣ, Пинскѣ, Краковѣ, Познани, словомъ, во всѣхъ городахъ царства Польскаго.

«Иностранцы удивлялись, что, послѣ обнародованія конституціи, въ Варшавѣ занимались больше забавами, чѣмъ дѣломъ; обѣдъ слѣдовалъ за обѣдомъ, балъ за баломъ, одинъ другого великолѣпнѣе... Даже

[1]) Костомаровъ. Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. Спб. 1870 г., стр. 360.

и нерасположенные къ новому порядку не отставали въ этомъ отъ своихъ противниковъ. Примасъ, братъ короля, былъ тайнымъ врагомъ конституціи, а устроилъ великолѣпный балъ въ честь ея».

Въ провинціи шляхта браталась съ мѣщанами, такъ же точно, какъ въ Варшавѣ.

Въ Краковѣ внесли свои имена въ списокъ мѣстныхъ горожанъ: генералъ Водзицкій съ офицерами своего полка, депутаты сейма: Солтыкъ и Ремишевскій, въ Мендзиржецѣ (Междурѣчьи) каштелянъ краковскій, князь Яблочновскій, въ Бреславлѣ всѣ члены земскаго суда, въ Вильнѣ маршалокъ литовской конфедераціи Сапѣга.

Во время иллюминаціи въ этомъ городѣ, толпа дѣтей оглашала воздухъ криками: «да здравствуетъ король!» и, снявъ съ колонны портретъ Станислава-Августа, носила его по улицамъ, крича: «это нашъ отецъ».

Слѣдующее описаніе празднества, происходившаго въ домѣ литовскаго обознаго Прозора, даетъ понятіе о томъ, какъ поляки, охваченные патріотическимъ веселіемъ, праздновали въ провинціи конституцію 3-го мая.

Какой-нибудь богатый панъ, имѣвшій вліяніе въ своемъ околоткѣ, собиралъ къ себѣ гостей и устроивалъ патріотическій праздникъ. Обыватели Мозырскаго повѣта, лежащаго въ ста миляхъ отъ Варшавы, узнавъ объ обнародованіи конституціи, съѣхались въ Хойны, имѣніе Прозора. 1-го (12-го) числа, на разсвѣтѣ, выпалили изъ пушекъ. Въ 10 часовъ хозяева роздали пріѣзжимъ гостямъ знаки: мужчинамъ кокарды изъ лентъ зеленаго цвѣта съ бѣлымъ, а дамамъ бѣлыя ленты съ надписью: «король, законъ и отечество». Въ одиннадцать часовъ, мужчины съ кокардами на груди и дамы съ лентами на головѣ, собрались въ костелъ, гдѣ была отслужена обѣдня; ксендзъ говорилъ проповѣдь и пѣли «Te Deum», при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ. Затѣмъ состоялся обѣдъ, во время котораго предлагались тосты и кричали: «да здравствуетъ король съ народомъ!» Послѣ обѣда танцовали до утра.

«Но нигдѣ не было такого шумнаго разгула, какъ въ Пулавахъ у князя Чарторыйскаго. Жена его употребила все свое женское искусство, чтобы отпраздновать достойнымъ образомъ дѣло спасенія отечества. Пулавскій дворецъ уже много лѣтъ былъ очарованнымъ мѣстомъ для любителей веселья и красоты. Княгиню постоянно окружали красивыя дамы и дѣвицы, привлекавшія сердца и старыхъ, и молодыхъ.

«Въ Пулавахъ нѣсколько дней пировали, танцовали и кричали: «виватъ король съ народомъ и народъ съ королемъ».

Подобныя празднества происходили повсюду; напримѣръ, жители

г. Сквиры, кіевскаго воеводства, лежащаго въ пяти миляхъ отъ русской границы, подъ впечатлѣніемъ радости, вызванной конституціей, начали говорить по-польски и упросили своего приходскаго священника, чтобы онъ преподавалъ законъ божій на этомъ языкѣ.

Вмѣстѣ съ горожанами принимала участіе въ общей радости и учащаяся молодежь.

Ректоръ главной литовской школы, говоря о конституціи, выразился, что она «не только прольетъ радость въ душу человѣка, удрученнаго печалью, но даже оживитъ умирающаго».

Профессоръ этой школы Іеронимъ Стройновскій прочелъ лекцію о новой формѣ правленія; послѣ чего суфраганъ виленскій Точаловскій отслужилъ въ костелѣ благодарственный молебенъ. Ректору, проректору и профессорамъ школы было предписано изображать слушателямъ конституцію какъ наисовершеннѣйшій актъ, достойный изученія. «Да будетъ отнынѣ уставъ польской конституціи политической азбукой, изъ которой польская молодежь, подъ руководствомъ профессоровъ, могла бы научиться азбукѣ управленія и организаціи Рѣчи Посполитой».

Не менѣе отрадны были доходившія въ Варшаву вѣсти о настроеніи шляхты.

«Выѣхавъ изъ Варшавы,—доносилъ королю каштелянъ калишскій Квалецкій, я объѣхалъ самыхъ знатныхъ лицъ Калишскаго воеводства и былъ свидѣтелемъ всеобщей радости по поводу того, что наше отечество пріобрѣло подъ управленіемъ вашего величества настоящую, правильную форму правленія. Хотя нѣкоторые и предсказываютъ, что настанетъ конецъ вольности и республикѣ, но таковыхъ немного, а еще менѣе людей, которые рѣшились бы противодѣйствовать введенію конституціи. Къ числу этихъ лицъ принадлежитъ Сухоржевскій, депутатъ калишскій, но, не найдя единомышленниковъ, онъ заложилъ свое имѣніе за 8.000 дукатовъ и уѣхалъ въ Швейцарію».

«Я имѣлъ случай,—писалъ королю одновременно камергеръ Олендзскій (Olędzki),—быть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Вилкомірскаго повѣта и бесѣдовать со многими изъ обывателей. Они благословляютъ ваше имя, за обнародованіе конституціи, которая осчастливитъ страну».

Съ половины мая стали получаться въ Варшаву на имя короля и маршалковъ сейма безчисленныя письма отъ частныхъ лицъ съ изъявленіемъ благодарности за обнародованіе конституціи и признательности къ ея виновнику.

Одновременно появились въ Варшавѣ депутаціи отъ разныхъ повѣтовъ, для выраженія тѣхъ же чувствъ. Нѣкоторые, поздравляя короля съ совершеннымъ переворотомъ и увѣряя его «въ своей преданности и вѣрности», просили о пенсіи, орденѣ, мѣстечкѣ для себя или для

своихъ родныхъ. Такъ, напримѣръ, полковникъ Іосифъ Комаровскій, за составленіе брошюры, въ которой онъ превозносилъ новую форму правленія, и распространеніе ея въ воеводствахъ, просилъ о производствѣ своего сына въ капитанскій чинъ. На пальцахъ заслуженныхъ сановниковъ засверкали перстни, пожалованные имъ королемъ по поводу конституціи; на сабляхъ и табакеркахъ, на фрачныхъ пуговицахъ была выгравирована цифра «3-го мая», которая изображалась также на лентахъ щеголихъ.

Игуменья Марія Водзицкая, помѣщица Констанція Шванъ, вдова бывшаго воеводы витебскаго Прозорова и многія другія прислали письма съ выраженіемъ своихъ радостныхъ чувствъ по поводу возрожденія отечества.

Радость, которую испытывали виновники переворота, по поводу такого благопріятнаго отношенія къ конституціи поляковъ, еще болѣе усилилась, когда въ Варшавѣ узнали о сочувствіи, съ какимъ отнеслись къ ней за границей и когда были получены дружественныя увѣренія прусскаго, австрійскаго, дрезденскаго и другихъ дворовъ и поздравительныя письма отъ многихъ оффиціальныхъ и частныхъ лицъ.

Отзывъ знаменитаго въ то время англійскаго оратора Берка о разницѣ между французской и польской революціи, появившійся въ «Morning Herold'ѣ» и перепечатанный въ распространенныхъ газетахъ, привелъ въ восторгъ польскихъ патріотовъ.

Амстердамскіе обыватели: Глюхеръ и Мюльдеръ прислали королю чрезъ посредство банкира Бланка медаль, выбитую по случаю конституціи съ соотвѣтствующими надписями и эмблемами. «Трудно описать»,—доносилъ изъ Гаги Августъ Миддльтонъ, исполнявшій должность посла Рѣчи Посполитой,—какое благопріятное впечатлѣніе производитъ здѣсь наша конституція... Меня всѣ поздравляютъ.... Уставъ конституціи, переведенный мною на французскій языкъ и отпечатанный въ количествѣ 2.000 экземпляровъ, такъ всѣхъ заинтересовалъ, что все изданіе разошлось, безъ остатка, въ двѣ недѣли».

Изъ Франціи писали, что аббатъ Сіэсъ [1]), ознакомившись съ конституціей 3-го мая, пришелъ отъ нея въ восторгъ и заявилъ, что французское національное собраніе должно послать поздравленіе полякамъ.

Иностранные посланники въ Парижѣ посѣтили посла Рѣчи Посполитой и поздравляли его; французскія газеты расточали похвалы конституціи.

Примасъ, проводившій лѣто за границей, по возвращеніи въ Польшу, разсказывалъ, что «значеніе Рѣчи Посполитой вездѣ возросло».

---

[1]) Сіэсъ—выдающійся французскій публицистъ и дѣятель первой французской революціи.

Нунцій вручилъ королю письмо отъ папы, писанное 28-го мая (8-го іюня), съ изъявленіемъ самыхъ доброжелательныхъ чувствъ.

Англійскій посолъ Гэльсъ отъ имени своего двора поздравилъ короля съ переворотомъ, который долженъ былъ, по его словамъ, «облегчить торговыя сношенія Рѣчи Посполитой съ западными державами».

«Находившійся въ Берлинѣ польскій министръ Яблоновскій извѣщалъ, что когда онъ подалъ прусскому королю письмо польскаго короля, сообщавшее о перемѣнѣ, то Фридрихъ-Вильгельмъ сказалъ, что онъ цѣнитъ вниманіе, съ которымъ его перваго почтили сообщеніемъ объ этомъ; что ему пріятно засвидѣтельствовать польскому королю, сколько это высокое дѣло приноситъ чести его мудрости и политикѣ.

«Голландскій и французскій министры изъявляли вѣжливое хотя холодное одобреніе, только шведскій посолъ, по выраженію русскаго посланника, радовался до дурачества».

Австрійскій министръ Дэкаше держалъ себя сдержанно, но заявлялъ, что «въ конституціи ничего нѣтъ такого, что бы могло безпокоить его императора».

Русскій посланникъ Булгаковъ «въ обращеніи съ поляками хранилъ полнѣйшее молчаніе и держалъ себя такъ, какъ будто дѣло это на касалось Россіи вовсе».

Въ донесеніяхъ своему правительству онъ отозвался о конституціи такъ: «Во всякихъ другихъ государствахъ перемѣна можетъ достигнуть своей цѣли, но только не въ Польшѣ, гдѣ нѣтъ ни твердости, ни желанія, ни силы. По провинціямъ хвалятъ конституцію, потому что пока не смѣетъ никто подать своего мнѣнія; многіе недовольны ею и не говорятъ противъ нея ни слова. Но въ этомъ дѣлѣ все зависитъ отъ посторонняго вліянія въ извѣстную пору. Самые виновники перемѣны и предпріятія уповали на помощь Пруссіи, на интриги Саксоніи и на продолженіе войны, но они сами не знаютъ, что имъ далѣе дѣлать и какъ утвердить сдѣланную перемѣну. Уже теперь опасеніе заключенія мира ихъ терзаетъ. Теперь разоренное промотавшееся и раздраженное пребываніемъ иноземныхъ войскъ дворянство недовольно, присягаетъ новой формѣ и идетъ въ войско, которое присягнуло безъ прекословія новой формѣ, ибо зависитъ отъ короля, но какъ увидитъ, что данныя ему обѣщанія о силѣ, о побѣдахъ, о завоеваніяхъ исчезли, а собираемыя съ ихъ имѣній подати не доставятъ содержанія войску, то оно образумится и станетъ иначе думать. Вѣрно то, что скоро поляки не захотятъ сохранить наслѣдственнаго престола и деспотической власти короля» [1]).

---

[1]) Костомаровъ. Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. Спб. 1870, стр. 352.

Догадки русскаго посланника оправдались въ самомъ не продолжительномъ времени.

Хотя громкія изъявленія сочувствія конституціи были фактомъ неоспоримымъ, но увлеченія ею раздѣлялось не всѣми, такъ же точно, какъ выраженія радости не всегда были искренны; они служили подчасъ только маской, подъ которой скрывалось неудовольствіе. Многія лица, изъ такъ называемой гетманской партіи, громко осуждали нѣкоторые пункты конституціи, какъ-то: исключеніе изъ сеймиковъ безземельной шляхты, бывшей орудіемъ магнатовъ, уравненіе мѣщанъ въ правахъ со шляхтою, отмѣну «Liberum veto», всякаго рода конфедерацій и конфедераціонныхъ сеймовъ, а главное то, что престолъ былъ объявленъ наслѣдственнымъ въ династіи курфирста Саксонскаго. (Въ силу новой конституціи преемникомъ Станислава-Августа признанъ курфирстъ Саксонскій).

Возмущенные тѣмъ, что такимъ образомъ были нарушены «кардинальныя» (основныя) права гарантированной Екатериной II польской конституціи 1775 г. и усилена королевская власть, недовольные не явились даже на засѣданіе 24-го апрѣля (5-го мая), рѣшили уклониться отъ участія въ дальнѣйшихъ засѣданіяхъ сейма и разъѣхаться по домамъ.

По подсчету, произведенному впослѣдствіи противниками конституціи, изъ 150 слишкомъ членовъ сейма, бывшихъ на засѣданіи 3-го мая, несочувствовавшихъ ей оказалось 70 человѣкъ. Не смотря на это, на другой день 23-го апрѣля (4-го мая) одинъ только сенаторъ Четвертинскій, съ 27 депутатами, подалъ заявленіе о томъ, что «новая польская конституція навязана насильно». Секретарь варшавскаго суда, Скульскій, отказался принять это заявленіе.

Депутаты провели все утро въ канцеляріи суда и, наконецъ, рѣшились, по совѣту Скульскаго, ограничиться подачею простаго заявленія о томъ, что въ засѣданіи 3-го мая они «не давали своего согласія ни на что, что бы нарушало прерогативы народной вольности и спокойствіе страны и было бы противно инструкціямъ, полученнымъ депутатами на сеймикахъ. Сухоржевскій сдѣлалъ подлѣ своего имени приписку о томъ, что «инаго манифеста онъ не признаетъ».

Два, три дня спустя, нѣсколько депутатовъ, по своей собственной иниціативѣ, явились къ королю и сказали ему: «мы сдѣлали манифестацію 23-го апрѣля (4-го мая) единственно потому, что въ нашихъ инструкціяхъ строго наказано не допускать наслѣдственности престола; мы постараемся, чтобы на ближайшихъ сеймикахъ воеводства разрѣшили намъ отказаться отъ этого».

Но между депутатами были и люди непоколебимые; къ числу ихъ принадлежалъ нѣкто Гулевичъ.

«Я пишу»,—читаемъ въ его письмѣ къ Щенсному Потоцкому,—«дрожащей рукою, ибо я не полякъ, а жертва страшнѣйшаго деспотизма... Мы обливались слезами съ Золотницкимъ, прощаясь съ нашей свободой, которой 3-го мая вырыта могила... По всей вѣроятности, намъ, посламъ, велятъ присягать».

Виновниками переворота онъ называлъ Колонтая, Игнатія и Станислава Потоцкихъ и перваго изъ нихъ проклиналъ.

«Непоколебимые», къ которымъ принадлежали: Гулевичъ, Орловскій, Злотницкій, Аксакъ, Загорскій и Свейковскій, рѣшили описать весь ходъ обнародованія конституціи и, сдѣлавъ извлеченіе изъ ея устава, перевести его на всѣ языки и распространить въ Европѣ; Аксакъ разославъ описаніе переворота 3-го мая въ волынскія гражданско-военныя коммиссіи; другіе повезли текстъ конституціи въ Луцкъ, Брестъ-Литовскъ, Каменецъ и Люблинъ. Оставшіеся въ Варшавѣ: Сангушко, Четвертинскій, Загорскій, Гулевичъ, Скорковскій, стольникъ кн. Чарторыйскій выражали время отъ времени свое неудовольствіе конституціей въ рѣчахъ, произносимыхъ ими на сеймѣ; нѣкоторые, какъ гетманъ Браницкій, епископъ Коссаковскій, скрывали свое неудовольствіе до поры до времени, либо составляли втайнѣ заговоръ.

Однимъ изъ самыхъ ярыхъ членовъ оппозиціи былъ посолъ Сендомірскаго воеводства Скорковскій, который гласно заявилъ на сеймѣ протестъ противъ конституціи, и произнесъ въ засѣданіи 28-го апрѣля (9-го мая) горячую и негодующую рѣчь.

Депутатъ краковскій, Линовскій, всегда заступавшійся за конституцію, имѣлъ обыкновеніе иронически благодарить за сочувствіе къ ней каждаго, кто говорилъ на сеймѣ противъ нея.

На одномъ изъ іюньскихъ засѣданій онъ поблагодарилъ такимъ образомъ каштеляна Перемышльскаго по поводу чего Скорковскій, получивъ слово, замѣтилъ ему что противники конституціи знаютъ, что говорятъ, и не нуждаются ни въ чьихъ насмѣшливыхъ похвалахъ. Линовскій обидѣлся и вызвалъ его на дуэль, которая и состоялась 18-го (29-го) іюня на разсвѣтѣ въ Волѣ, предмѣстьѣ Варшавы. Скорковскій былъ раненъ въ руку, а Линовскій контуженъ въ грудь, послѣ чего противники примирились.

Весьма заносчиво держалъ себя также сендомірскій депутатъ Менженскій, который на одномъ изъ засѣданій сейма грозилъ, что онъ «потребуетъ войсковую коммиссію къ отвѣту за то, что она позволила 3-го мая отпереть арсеналы и выкатить пушки».

Такимъ образомъ въ Варшавѣ агитація противъ констицуціи усиливалась. Вокругъ помѣщика Станислава Боржецкаго сгруппировался кружокъ молодежи, людей смѣлыхъ и рѣшительныхъ, которые громко выражали свое неудовольствіе конституціей и особенно яростно напа-

дали на Колонтая, о которомъ говорили, что онъ подвелъ короля, Игнатія Потоцкаго и маршала Малаховскаго. При этомъ они выражали готовность совершить контръ-революцію. Когда, во время лѣтняго перерыва сейма, въ іюлѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ въ Варшаву Войцехъ Суходольскій, каштелянъ радомскій, то сходки стали собираться чаще и на нихъ все громче и громче высказывались угрозы по адресу конституціи.

Недовольные собирались въ домѣ г-жи Валевской, у Турно, Ржичевскаго, Грохольскаго, совѣщались съ Булгаковымъ и увѣряли его, что конституція должна быть отмѣнена и что они могутъ сдѣлать это. Русскій посланникъ одобрялъ ихъ намѣреніе, но не поощрялъ ихъ. Вообще, онъ все еще хранилъ молчаніе и показывалъ видъ, будто Россія не думаетъ ни во что мѣшаться. Маршалъ Малаховскій въ это время писалъ своему племяннику: «Москва насъ не трогаетъ и мы ее не трогаемъ». Но русскій посланникъ искусно обставилъ шпіонами главныхъ дѣятелей, такъ что довѣренный камердинеръ Игнатія Потоцкаго состоялъ у него на жалованьѣ и доносилъ о каждомъ шагѣ своего господина. Боскампъ, служившій давно уже Россіи, написалъ на французскомъ языкѣ брошюру: «Турко-федероманія», гдѣ показывалъ, какой вредъ Польша готовитъ себѣ тѣмъ, что ищетъ союза съ Турціею и раздражаетъ Россію. Эта брошюра, безъименная, появилась тогда, когда прогрессисты распространяли слухи, будто русскія войска уже разбиты въ Турціи, что въ защиту Турціи составится въ Европѣ союзъ и москаля обратятъ въ ничтожество, а поляки восторжествуютъ. Другой писатель, Захаркевичъ, за русскія деньги, составилъ безъименную брошюру на польскомъ языкѣ противъ новой конституціи.

«Впрочемъ, Булгаковъ былъ остороженъ и на первыхъ порахъ изъ 50.000, назначенныхъ ему императрицею для раздачи въ Польшѣ, роздалъ только 10.660 червонцевъ: онъ давалъ деньги только тогда, когда видѣлъ прямую пользу и не слишкомъ былъ щедръ для охотниковъ получать ихъ, зная, что поляки, получая деньги отъ иностраннаго государства, способны были дѣйствовать во вредъ этому государству».

Браницкій, притворяясь передъ прогрессистами вѣрнымъ и преданнымъ конституціи, работалъ вмѣстѣ съ женою чрезъ своихъ агентовъ по указанію Булгакова. Послѣдній заявилъ государынѣ, что супруга Браницкаго въ это время была даже полезнѣе своего супруга. Мать героя третьяго мая, Казиміра—Сапѣга, въ соумышленіи съ русскимъ посланникомъ, исправно волновала свой кружокъ и интриговала въ провинціяхъ противъ сейма. Булгаковъ сносился съ противниками конституціи и подбиралъ себѣ партію «для отвращенія вредныхъ вліяній и для умноженія прилѣпляющихся къ видамъ Россіи», какъ писала ему Екатерина, полагая, что когда полякамъ надоѣстъ играть въ конституцію, то они сами обратя-

тся къ ней. Булгаковъ дѣлалъ это такъ осторожно, что прогрессисты не могли услѣдить его дѣйствій; онъ не собиралъ къ себѣ большаго общества, а видѣлся съ ними поодиночкѣ и чаще всего позднимъ вечеромъ и ночью черезъ задніе ходы. Въ то же время, при свиданіи съ сторонниками конституціи, онъ не давалъ имъ повода замѣтить чего бы то ни было опаснаго для нихъ, сообразно наказу своей государыни. «Надѣюсь,—писала къ нему Екатерина въ іюнѣ,—что друзья старинной вольности въ Польшѣ, буде таковые остались, намъ отдадутъ справедливость, что всѣми мѣрами, какъ трактатами, такъ и самимъ дѣломъ, мы старались предохранить палладіумъ польской вольности и что они во всякое время найдутъ въ насъ готовность и подкрѣпленіе, но только тогда, когда они покажутъ, что готовы не одними словами къ тому подвигаться; а до того времени мы останемся спокойными зрителями чудесъ, содѣянныхъ варшавскою толпою мѣщанъ, кои, получивъ равенство съ дворянами, отдали королю самодержавіе» [1]).

Гетманъ Браницкій, пользуясь отъѣздомъ изъ Варшавы главныхъ стражей новой формы правленія: Игнатія Потоцкаго, министра полиціи и Ржевусскаго, коменданта варшавскаго гарнизона, задумалъ захватить короля въ Лазенкахъ, разогнать сеймъ и объявить конституцію недѣйствительной. Онъ хотѣлъ заручиться содѣйствіемъ князя Чарторыйскаго, но тотъ сказалъ ему на это, что «хотя онъ не сторонникъ переворота, но счелъ бы подлецомъ того, кто вздумалъ бы сѣять волненіе въ странѣ». За то онъ заручился содѣйствіемъ каштеляновъ: Четвертинскаго, Ржишчевскаго и литовскаго секретаря Можинскаго, и открылъ свое намѣреніе мужу своей сестры, маршалку литовской конфедераціи, Сапѣгѣ, который не замедлилъ разсказать объ этомъ въ нѣкоторыхъ домахъ, между прочимъ у Хрептовича. Самъ же гетманъ, подвыпивъ признался въ своихъ замыслахъ епископу краковскому, Турскому. Король, предупрежденный анонимнымъ письмомъ, поручилъ Колонтаю разслѣдовать дѣло. По собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, оказалось, что Браницкій говорилъ: «Теперь, когда всѣ разъѣхались, пора взяться за дѣло».

Не смотря на это, варшавское правительство считало всѣ происки Боржецкаго, Грохольскаго, не исключая Браницкаго, пустяками.

«Я не вижу въ Варшавѣ ничего тревожнаго, донесъ Колонтай королю. Что бы ни говорили, а во время перерыва сейма ничего не удастся сдѣлать. . . . Они могутъ пріобрѣсти много сторонниковъ тогда, когда возобновятся засѣданія сейма, а пока могутъ только разсылать брошюры, но трудно допустить, чтобы они могли сдѣлать какой-нибудь рѣшительный шагъ».

---

[1]) Костомаровъ, стр. 354, 367, 368.

Хотя Колонтай, ссылаясь на то, что у короля есть преданный ему гарнизонъ, гвардія и 100.000 жителей Варшавы, всѣмъ ему обязанныхъ, ручался головою за безопасность его, тѣмъ не менѣе Станиславъ-Августъ счелъ все-же необходимымъ принять нѣкоторыя мѣры предосторожности: вызвалъ въ Варшаву Ржевусскаго, вездѣ были удвоены патрули и караулы, всѣ были готовы на случай контръ-революціи.

5-го (16-го) іюля, въ ночь, въ войскахъ гвардіи была произведена тревога, Ржевусскій поспѣшилъ въ дворецъ, принялъ командованіе войскомъ, объѣхалъ форпосты, какъ будто ожидалась атака, а на слѣдующій день въ Варшавѣ разнесся слухъ, что несочувствовавшіе конституціи аристократы намѣревались совершить нападеніе на Лазенки.

Браницкому было извѣстно, что его подозрѣваютъ въ происках противъ короля; желая снять съ себя подозрѣніе, онъ отправился къ нему, старался оправдаться во взведенныхъ на него подозрѣніяхъ, клялся и божился въ своей невиновности и, наконецъ, просилъ, чтобы ему было дозволено уѣхать на нѣкоторое время изъ Польши, чтобы снять съ себя всякое подозрѣніе. Но король на это не согласился, торжествовалъ по поводу того, что гетманъ, изъявивъ ему свою покорность, чѣмъ уронилъ себя въ глазахъ публики.

Такъ обстояло дѣло въ Варшавѣ; изъ провинціи же доходили благопріятныя вѣсти: конституція произвела на первыхъ порахъ хорошее впечатлѣніе по воеводствамъ: «Спустя двѣ недѣли сеймъ началъ получать заявленія благодарности и сочувствія. Такъ, получены были адресы отъ трехъ воеводствъ: Познанскаго, Калишскаго и Гнѣзненскаго, отъ гражданско-военныхъ коммиссій, отъ совѣтовъ: Сендомірскаго и Висницкаго, отъ земли Каменецкой, отъ обывателей воеводства Брацлавскаго. 12-го (23-го) мая такія же заявленія пришли отъ главнаго короннаго трибунала и отъ гражданско-военныхъ коммиссій воеводства Ленчицкаго и земли Волынской. Въ разныхъ мѣстахъ, по полученіи сеймоваго универсала о конституціи, обыватели благодарили Бога, пѣли «Te deum» въ костелахъ»; но вскорѣ, какъ и слѣдовало ожидать, въ провинціи началось неизбѣжное смятеніе и въ то время когда король хвасталъ, въ маѣ 1791 г., что онъ «получилъ уже изъ Литвы добрыя вѣсти о томъ, что тамошніе жители отнеслись сочувственно къ перевороту», нѣкто Эдзіатовичъ писалъ ему изъ Смоленска, что «многіе послы (депутаты), находящіеся теперь въ Литвѣ, отзываются о конституціи весьма неодобрительно» и совѣтовалъ какъ можно скорѣе вызвать ихъ въ Варшаву для принесенія присяги новой конституціи, «дабы они своими рѣчами не волновали напрасно умы шляхты».

Конечно, Эдзіатовичъ, въ своемъ патріотическомъ рвеніи, нѣсколько

*

пріувеличивалъ опасность, которая, въ то время была еще не такъ велика, но несомнѣнно, что въ Литвѣ многія лица, какъ, напр., Платеръ, Савицкій, Гелгудъ, сильно осуждали новую форму правленія. Но особенно ярымъ ея противникомъ былъ Залѣсскій, депутатъ троцкій, который, будучи недоволенъ оборотомъ, какой приняли работы сейма, уже въ 1790 г. уѣхалъ изъ Варшавы и болѣе туда не возвращался, а жилъ въ своемъ имѣніи, въ воеводствѣ Брестъ-Литовскомъ. Получивъ извѣстіе о конституціи 3-го мая, онъ писалъ своему зятю Матушевичу:

«До 3-го мая поляки могли ожидать всякихъ бѣдствій... Но въ этотъ день случилось такое несчастіе, послѣ котораго уже нечего бояться... Полякамъ остается молить Бога о томъ, чтобы въ королевской семьѣ не родилось Нерона»...

Желая его задобрить, король послалъ ему, при собственноручномъ письмѣ, орденъ Св. Станислава, но онъ отказался принять его, и уклонился также отъ участія въ законодательныхъ трудахъ.

«Новая форма конституціи,—писалъ Ржевусскій Залѣсскому 8-го (19-го) іюля,—конечное, не совершенна, но въ ней много хорошаго. Если въ нее вкралось какое-любо недоразумѣніе, то это надобно исправить. Если въ составленіи ея участвовали не всѣ, то въ ея исправленіи, въ ея усовершенствованіи должны принять участіе такіе умные и почтенные люди, какъ вы».

Но Залѣсскій былъ непреклоненъ. Хотя въ Литвѣ оказались такимъ образомъ рѣшительные противники конституціи, но тамъ нашлось также довольно много лицъ, которыя ратовали за нея; вообще, въ Литвѣ оппозиція не имѣла правильной организаціи, она не поддерживалась системой агитаціи и поэтому не могла быть успѣшна и не могла возбудить опасеній въ Варшавѣ.

Совершенно иначе обстояло дѣло въ южно-русскихъ воеводствахъ, гдѣ въ числѣ недовольныхъ были люди весьма дѣятельные и вліятельные; къ таковымъ принадлежало большинство воеводъ: изъ числа двѣнадцати волынскихъ пословъ (депутатовъ на сеймѣ), всѣ, за исключеніемъ одного Стройновскаго, были противъ конституціи. Послѣ Волыни и Подоліи, которыя были очагомъ оппозиціи, было много недовольныхъ въ воеводствахъ Любельскомъ и Сендомірскомъ. Для наблюденія за провинціей, тотчасъ по обнародованіи конституціи, изъ Варшавы были посланы довѣренные люди, которые «старались склонить обывателей къ конституціи», повезли вліятельнымъ людямъ собственноручныя письма короля съ разными обѣщаніями въ случаѣ повиновенія и предостереженіями въ случаѣ противодѣйствія.

Одновременно съ вѣстями объ оппозиціи, появившейся среди обывателей и шляхты, въ Варшаву стали доходить вѣсти о неповиновеніи холоповъ. «Генералъ Бышевскій доносилъ, что въ селѣ Вилково-Нѣ-

мецкое, имѣніи Мыцельскаго, взбунтовались крестьяне и прибили эконома. При усмиреніи ихъ произошла схватка между жолнерами и крестьянами, при чемъ нѣсколько человѣкъ было ранено. Крестьяне послѣ этого толпою бѣжали за границу». «25-го іюня гражданско-военная коммиссія изъ Каменца писала, что народъ бѣжитъ за австрійскую границу».

«Изъ Украйны писали, что въ тамошнемъ народѣ распространился мятежный духъ. Всѣ ожидаютъ, что русское войско вступитъ въ польскіе предѣлы, и какъ только это случится, народъ тотчасъ поднимется, и что всѣ только того и желаютъ, чтобы царица взяла ихъ къ себѣ». «Въ мѣстечкѣ Дзвиногородѣ мѣщане требовали себѣ свободы на основаніи мѣщанскаго устава, но владѣлица не только не отказывалась отъ прежней власти, но еще отягощала подвластныхъ новыми повинностями». Такимъ образомъ, правительство, надававъ свободныхъ законоположеній, военною силою должно было усмирять людей, которые домогались того, что было установлено закономъ». Страхъ крестьянскихъ бунтовъ отталкивалъ обывателей отъ конституціи.

Въ Варшавѣ всячески старались, чтобы слухи о размѣрахъ этого неудовольстія не проникли за границу какъ можно долѣе и чтобы иностранные дворы въ Дрезденѣ, Петербургѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ были твердо убѣждены въ томъ, что весь польскій народъ сочувствовалъ перевороту и ничто не омрачало всеобщей радости и ликованія.

Съ этой цѣлью правительство не преслѣдовало недовольныхъ и скрывало о существованіи оппозиціи даже отъ своихъ пословъ при иностранныхъ дворахъ.

«Я не сообщалъ вамъ, равно какъ и прочимъ нашимъ министрамъ,— писалъ 20-го (31-го) августа 1791 г. Хрептовичъ польскому посланнику въ Копенгагенѣ, о разнесшемся здѣсь (въ Варшавѣ) въ прошломъ мѣсяцѣ слухѣ о существованіи яко-бы заговора противъ особы короля, такъ какъ мы не придавали этому никакого значенія, однако, нѣкоторыя мѣры предосторожности, принятыя на всякій случай, могли подать газетамъ поводъ преувеличить эти слухи».

Но не смотря на принятыя предосторожности, иностраннымъ дворамъ, разумѣется, было извѣстно о происходившемъ въ Польшѣ изъ донесеній ихъ пословъ. Такъ, въ Петербургѣ, 21-го іюня (2-го іюля) 1791 г., въ засѣданіи Государственнаго Совѣта было читано донесеніе русскаго посла въ Варшавѣ Булгакова «о тревогѣ, произведенной тамъ мнимымъ злоумышленіемъ противу особы королевской» [1]).

---

[1]) Арх. Гос. Совѣта, 1869, стр. 875.

II.

Къ числу лицъ, ставшихъ во главѣ оппозиціи польскому правительству, принадлежалъ вліятельнѣйшій и богатѣйшій вельможа юго-западныхъ губерній, русскій воевода, генералъ коронной артиллеріи, впослѣдствіи маршалокъ Тарговицкой конфедераціи, Станиславъ-Феликсъ (Щенсный) Потоцкій (р. 1753†1805 г.) [1]), послѣ присоединенія Польши къ Россіи бывшій генералъ-аншефомъ и Андреевскимъ кавалеромъ. Онъ былъ убѣжденный сторонникъ старо-польской шляхетной вольности, ярый противникъ усиленія королевской власти и стоялъ во главѣ партіи, примкнувшей съ 1786 г. къ русскому правительству.

Въ его Тульчинскомъ дворцѣ находили радушный пріемъ сподвижники Екатерины: Потемкинъ, Суворовъ, который по цѣлымъ мѣсяцамъ жилъ у него.

Во время обнародованія конституціи Щенсный-Потоцкій находился, въ отпуску, въ Парижѣ, откуда онъ намѣревался отправиться въ Англію, но поѣхалъ въ маѣ мѣсяцѣ въ Вѣну съ цѣлью пріобрѣсти помѣстья въ Галиціи или въ Венгріи. Генералу коронной артиллеріи уже было извѣстно изъ частныхъ писемъ объ обнародованіи конституціи 3-го мая, когда онъ получилъ о томъ лично извѣщеніе короля, маршала Малаховскаго, и Игнатія и Северина Потоцкихъ.

Король писалъ ему, «что затруднительныя внѣшнія обстоятельства вынудили его, послѣ долгихъ колебаній, совершить переворотъ».

Впрочемъ, хорошо зная образъ мыслей Потоцкаго, король и дѣятели переворота не питали ни малѣйшей надежды на то, что имъ удастся склонить генерала въ пользу конституціи; ихъ догадки вполнѣ подтвердились его отвѣтнымъ письмомъ, отъ 19-го (30-го) мая, полнымъ глубокаго огорченія.

«Переворотъ 3-го мая,—писалъ Щенсный-Потоцкій Станиславу-Августу,—надлежало бы назвать заговоромъ, если бы онъ не былъ совершенъ королемъ. Я горюю о томъ, что Станиславъ-Августъ, руководствуясь совѣтами злонамѣренныхъ людей, нарушилъ святость своихъ обязательствъ и присягу, данную имъ при вступленіи на престолъ», не дозволявшую ему соглашаться на введеніе монархическаго правленія. Потоцкій указывалъ, что конституція—дѣло нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, что, если бы даже весь сеймъ на это согласился

---

[1]) Щенсный (счастливый)—переводъ латинскаго Феликсъ, но слово Щенсный болѣе употреблялось въ мемуарахъ XVIII вѣка, и выраженіе „Щенсный—Потоцкій“ перешло въ исторію. (Свѣдѣнія о немъ см. «Рус. Арх.» 1874, стр. 898).

и тогда бы она была дѣломъ незаконнымъ. «Опасность замысловъ раздѣла,—писалъ онъ,—не можетъ служить извиненіемъ, въ такомъ случаѣ слѣдовало присягать на защиту Рѣчи Посполитой, а не налагать на нее домашнія оковы. Эта губительная для вольности революція не можетъ принести для Польши ни тишины, ни безопасности, а станетъ источникомъ раздоровъ, опустошеній и рабства; она предпринята въ угожденіе интересамъ одного сосѣда, того, который алчетъ овладѣть либо цѣлою страною нашею, либо частями ея». Наконецъ, Щенсный указывалъ на то, что, избирая наслѣдственнымъ королемъ саксонскаго курфирста, у котораго только одна дочь, поляки заранѣе приготовляютъ въ Европѣ пожаръ несогласій, потому что супружество съ наслѣдницею Польши будетъ предметомъ соискательствъ и новая польская монархія сдѣлается театромъ губительной войны. Умоляя короля сознать свою ошибку и возвратить Рѣчи Посполитой прежнюю вольность, Потоцкій заявлялъ, что, въ противномъ случаѣ, онъ покинетъ Польшу и будетъ искать себѣ новаго отечества.

Малаховскому Щенсный писалъ, въ отвѣтъ, что въ новой конституціи онъ видитъ не болѣе какъ королевскій деспотизмъ и, между прочимъ, коснулся вопроса о крестьянствѣ. «Польскій хлопъ,—писалъ онъ,—у васъ будетъ заключать со своимъ владѣльцемъ договоры и этихъ договоровъ нарушать будетъ нельзя; правительственная опека будетъ за этимъ наблюдать; такимъ образомъ польскій хлопъ получитъ больше вольности, чѣмъ вся польская нація, потому что вашъ потомственный государь, хотя бы все нарушилъ и сталъ тираномъ, имѣетъ право быть тѣмъ, чѣмъ хочетъ, и никому не даетъ отвѣта. Пропала республика; пропала вольность, Варшава ее погубила».

Въ письмѣ къ Игнатію Потоцкому онъ выразился: «послѣ скорби о разрушеніи республики мнѣ всего чувствительнѣе безчестіе фамиліи нашей, которая до сихъ поръ была вѣрна республикѣ, а теперь, въ особѣ вашей, стала орудіемъ ея погибели».

Ни король, ни оба Малаховскіе не сочли нужнымъ что-либо отвѣтить на эти письма.

Щенсный Потоцкій остался за границей, гдѣ вокругъ него вскорѣ сгруппировались недовольные, какъ бывшіе за границей, такъ и въ Польшѣ.

Послѣдніе выражали желаніе видѣться съ нимъ и условиться о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, приглашали его съ этой цѣлью во Львовъ, Замостье и др. мѣста, или же сами спѣшили въ Вѣну, объясняя на родинѣ свой отъѣздъ необходимостью лѣченія на водахъ въ Карлсбадѣ.

Въ Вѣнѣ проживалъ въ то время гетманъ Северинъ Ржевусскій, удалившійся туда еще въ 1790 г., также ярый противникъ майской конституціи, котораго въ Варшавѣ боялись болѣе, нежели Потоцкаго.

Онъ такъ энергично убѣждалъ всѣхъ пріѣзжавшихъ въ Вѣну поляковъ возстать противъ новой конституціи, что нѣкоторые задавали ему даже вопросъ, почему, склоняя къ этому другихъ, онъ самъ не ѣдетъ въ Польшу, чтобы дѣйствовать въ этомъ смыслѣ.

Впрочемъ, о намѣреніяхъ Ржевусскаго и Потоцкаго никто не зналъ ничего опредѣленнаго; ихъ друзья уѣзжали изъ Вѣны еще болѣе горячими ненавистниками конституціи, чѣмъ были прежде, но не посвященные ими въ ихъ тайныя намѣренія.

На самомъ дѣлѣ, у Потоцкаго и Ржевусскаго былъ уже выработанъ планъ дѣйствій, который они до поры до времени никому не открывали, пользуясь пріѣздомъ своихъ политическихъ друзей только для того, чтобы посѣять при ихъ помощи недовольство конституціей въ Польшѣ. Изъ Вѣны шла агитація въ этомъ смыслѣ, главнымъ образомъ въ Подоліи, на Волыни и Украйнѣ. Сборнымъ пунктомъ агитаторовъ былъ Львовъ.

Въ началѣ іюля 1791 г. туда прибылъ, на обратномъ пути изъ Вѣны Мощенскій для свиданія съ своимъ тестемъ, воеводою подольскимъ Свейковскимъ, съ которымъ, по прочтеніи конституціи, едва не сдѣлался апоплексическій ударъ; онъ плакалъ неутѣшно.

Туда же, во Львовъ, пріѣхали Гулевичъ, Каменскій, Чацкій и любимецъ Потоцкаго—каштелянъ Комаровскій.

Собираясь вмѣстѣ, пріятели Щенснаго ни о чемъ не говорили какъ о конституціи 3-го мая, писали воззванія и печатали брошюры, которыя распространяли въ русскихъ воеводствахъ.

Въ это время въ Варшавѣ, которая, по случаю перерыва сейма, совершенно опустѣла, находился только одинъ уполномоченный Щенснаго, Іосифъ Рожанъ, который и сообщилъ ему о важнѣйшихъ дѣйствіяхъ гетмана Браницкаго, составившаго свой заговоръ безъ участія ближайшихъ друзей Потоцкаго.

Въ половинѣ сентября въ Варшаву началъ съѣздъ пословъ, хотя «недовольные», не желая принимать участія въ работахъ сейма, медлили въ провинціи. Тогда же, по просьбѣ Щенснаго-Потоцкаго, пріѣхали изъ Львова Гулевичъ, Свентославскій, Загорскій, и нѣкоторыя другія лица, чтобы слѣдить за работами сейма и доносить ему, но они были плохо освѣдомлены и не могли сообщать никакихъ цѣнныхъ фактовъ, а передавали бо̀льшею частью одни уличные слухи. Такъ, напр., они писали ему, что 4-го (15-го) октября готовится новая революція, которая будетъ проведена такимъ же способомъ, какъ и переворотъ 3-го мая, и что имъ совѣтуютъ, въ видахъ личной безопасности, выѣхать къ этому дню изъ столицы.

Они и не подозрѣвали, что этотъ слухъ былъ пущенъ сторонниками конституціи съ цѣлью удалить недовольныхъ изъ Варшавы.

Друзья Щенснаго-Потоцкаго и Ржевусскаго также не имѣли точныхъ свѣдѣній о ходѣ дѣлъ. Въ началѣ октября въ Варшавѣ пронесся слухъ, что оба они уѣхали изъ Вѣны въ Яссы; ихъ пріятели считали это выдумкою, между тѣмъ это была правда, но Потоцкій и Ржевусскій тщательно скрывали свою поѣздку, которая была предпринята ими съ цѣлью войти въ сношеніе съ Россіей.

Извѣстіе о переворотѣ, совершившемся въ Польшѣ 22-го апрѣля (3-го мая), произвело въ Петербургѣ непріятное впечатлѣніе.

«Изъ Варшавы,—писалъ Безбородко одному изъ своихъ пріятелей,—прискакалъ курьеръ, который привезъ самое краткое извѣстіе. Король польскій сдѣлался самодержавцемъ, курфирстъ Саксонскій выбранъ ему преемникомъ. Престолъ сдѣланъ наслѣдственнымъ, но съ тѣмъ, что оный получитъ дочь курфирста, а республика назначитъ ей супруга, я думаю какого-либо Понятовскаго. Разные законы сдѣланы, касающіеся до администраціи, и теперь, видя, что мѣщане послужили къ сей революціи, дѣло идетъ, чтобъ дать свободу и крестьянамъ» [1]).

Впрочемъ, депеша русскаго посла была написана такъ нескладно, что ее трудно было бы понять безъ письма австрійскаго посланника въ Польшѣ Декашэ, писаннаго одновременно къ представителю вѣнскаго двора въ Петербургѣ, графу Кобенцелю [2]). «Я видѣлъ,—писалъ этотъ послѣдній, и что императрица, князь Потемкинъ и графъ Остерманъ весьма встревожены мыслію, что Польша, съ утвержденіемъ наслѣдственной династіи, достигнетъ большой силы и значенія; между тѣмъ какъ интересы сосѣднихъ державъ требуютъ, чтобы она не выходила изъ ничтожества. Императрица сказала мнѣ:

— Мы должны въ виду этого лучше столковаться.

«Я увѣрилъ государыню, что мы всегда и вездѣ готовы ей служить.

— Но можемъ-ли мы на васъ разсчитывать?—спросила она.

«Я отвѣчалъ, что если только обстоятельства позволятъ, то мой императоръ всячески будетъ готовъ помочь Россіи.

— Въ этомъ случаѣ мнѣ нужно имѣть какія-либо положительныя обѣщанія,—возразила она.

«Графъ Остерманъ, склонный всегда видѣть все въ черномъ свѣтѣ, боится, не былъ-ли варшавскій переворотъ дѣломъ берлинскаго кабинета и предвидитъ, что союзъ Польши и Саксоніи можетъ быть помѣхою въ добрыхъ намѣреніяхъ нашего двора. Графъ Воронцовъ, напро-

---

[1]) Письмо безъ даты. (Архивъ кн. Воронцова, т. XIII, 273).

[2]) Графъ Людвигъ Кобенцель (р. 1753 † 1809 г.) былъ посланникомъ въ Копенгагенѣ (1774), Берлинѣ (1777) и Петербургѣ съ 1779—1797 г., гдѣ принадлежалъ къ интимному кружку императрицы Екатерины II.

тивъ, считаетъ неправдоподобнымъ, чтобы Пруссія старалась дѣйствительно объ усиленія власти Польши, такъ какъ это еще менѣе соотвѣтствуетъ ея интересамъ, нежели интересамъ обоихъ императорскихъ дворовъ. «Если это случилось помимо прусскаго кабинета, сказалъ Воронцовъ, то его не трудно будетъ склонить къ новому раздѣлу, но, разумѣется, подъ условіемъ, что императорскіе дворы будутъ дѣйствовать въ полномъ согласіи. Если же, напротивъ, новый переворотъ есть дѣло Пруссіи, то это значитъ, что они имѣютъ въ настоящее время самые пагубные замыслы, ибо они жертвуютъ имъ соображеніями, имѣющими въ будущемъ первостепенную важность. Поэтому необходимо,—такъ закончилъ гр. Воронцовъ свою рѣчь,—чтобы вы пришли намъ на помощь, ибо если всѣ будутъ противъ насъ, и никто насъ не поддержитъ, то намъ однимъ не «справиться съ бѣдой».

«Я вижу, что ему было бы пріятно, если бы, вслѣдствіе переворота, совершеннаго королемъ польскимъ, въ Польшѣ произошли волненія. Князь Потемкинъ мечтаетъ уже объ образованіи конфедераціи въ сосѣднихъ польскихъ провинціяхъ, для чего, какъ онъ говоритъ, имъ будетъ оказано всякое содѣйствіе».

Вскорѣ были получены отъ Булгакова новыя депеши съ болѣе подробными извѣстіями о переворотѣ и о присягѣ, принесенной конституціи, а когда 7-го (18-го) мая прибылъ курьеръ съ подробнымъ донесеніемъ о новой формѣ правленія и о способѣ установленія его, то императрица препроводила эту депешу Булгакова въ Государственный Совѣтъ, повелѣвъ ему высказать свое мнѣніе «что по польскимъ дѣламъ дѣлать надлежитъ».

Совѣтъ, въ засѣданіи 12-го (23-го) мая 1791 г. высказалъ слѣдующее мнѣніе:

«Ежели новый образъ правленія во всей Польшѣ принятъ будетъ и совершенно установится, не можетъ онъ быть невреденъ сосѣднимъ державамъ, слѣдовательно, и Россіи; что какъ однакожъ неизвѣстно еще, не содѣйствовалъ-ли тутъ дворъ прусскій, предпочтя въ семъ случаѣ удачу временныхъ своихъ видовъ коренной пользѣ, то прежде объясненія сего важнаго обстоительства нельзя никакого принять рѣшенія, особливо теперь, когда война съ турками продолжается и дѣла наши съ Берлинскимъ и Лондонскимъ дворами приходятъ къ какой-либо развязкѣ: что между тѣмъ нужно однакожъ снестить по нынѣшнимъ польскимъ дѣламъ съ союзнымъ намъ Вѣнскимъ дворомъ для узнанія его мыслей» [1]).

— Мы какъ прежде, такъ и теперь, останемся спокойными зрителями, до тѣхъ поръ, пока сами поляки не потребуютъ отъ насъ помощи

---

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта, т. I. Совѣтъ въ царствованіе имп. Екатерины II. Спб. 1869, стр. 851—853.

для возстановленія прежнихъ законовъ республики,—отвѣчала Екатерина на донесеніе Булгакова о переворотѣ.

Припомнимъ, каковы были отношенія Россіи и Польши незадолго до обнародованія конституціи 3-го мая.

Въ исходѣ сентября 1787 г., мѣсяцъ спустя послѣ объявленія Екатериной II войны противъ Турціи, Станиславъ-Августъ препроводилъ Петербургскому кабинету проектъ союза Россіи съ Польшей, который, вслѣдствіе путешествія императрицы на югъ, былъ заключенъ окончательно только на свиданіи въ Каневѣ. Выразивъ готовность помочь Россіи польскимъ войскомъ, король просилъ себѣ за это разныя выгоды, изъ коихъ главныя были: согласіе Россіи на увеличеніе королевской власти и присоединеніе къ Польшѣ Бессарабіи, или Молдавіи по р. Серетъ.

Проектъ Станислава-Августа не встрѣтилъ одобренія ни Безбородки, вѣдавшаго польскими дѣлами при Петербургскомъ дворѣ, ни Потемкина.

— У поляковъ надо выбить изъ головы мысль о такихъ пріобрѣтеніяхъ,—говорилъ первый.

— Бессарабія и Молдавія,—говорилъ Потемкинъ,—это журавль въ небѣ; впрочемъ, ихъ нельзя обѣщать полякамъ еще и потому, чтобы они не разболтали этого всему свѣту.

— Если король хочетъ увеличить свою власть,—прибавлялъ Безбородко,—то ему можно напомнить, что права поляковъ гарантированы не только Россіей, но также дворами Австрійскимъ и Берлинскимъ; поэтому никакихъ особыхъ перемѣнъ въ нихъ сдѣлано быть не можетъ.

— Я говорю теперь, какъ и всегда,—замѣтилъ кн. Потемкинъ,—что королю надобно обезпечить пріятную жизнь, а не давать ему власть. И безъ того ему уже сдѣлали большія послабленія.

Отвергнувъ рѣшительно предложеніе Станислава-Августа, Потемкинъ согласился, однако, на то, чтобы Рѣчь Посполитая дала Россіи для войны съ турками 12.000 кавалеріи, и не отклонилъ просьбы гетмана Браницкаго, который выразилъ готовность сформировать четырехтысячный корпусъ.

Императрица, въ принципѣ, была согласна на участіе поляковъ въ войнѣ съ турками, но въ выборѣ охотниковъ выказала большую осторожность.

«Поляковъ принять въ армію и сдѣлать ихъ шефами подлежитъ разсмотрѣнію личному, ибо вѣтренность, недисциплинность или разстройство и духъ мятежа у нихъ царствуютъ».

Она была противъ принятія «пьянаго Радзивилла» и гетмана Огинскаго, «котораго неблагодарность» она уже испытала; но рекомендовала

гр. Браницкаго и Щенснаго-Потоцкаго, «понеже онъ честной человѣкъ и въ нынѣшнее время поступаетъ сходственно совершенно съ нашимъ желаніемъ [1]). «Прошу васъ, князь,—писала она Потемкину 13-го (24-го) мая,—увѣрить артиллеріи генерала графа Потоцкаго, когда вы его увидите, въ полномъ моемъ уваженіи за его истинно патріотическія дѣйствія, а также за твердый и непоколебимый характеръ; этотъ добродѣтельный гражданинъ можетъ быть увѣренъ, что я никогда не забуду чувствъ, выраженныхъ имъ мнѣ и моей Имперіи, и что я поспѣшу воспользоваться случаями, когда могу доказать ему, его супругѣ (которой поклонитесь отъ меня) и дѣтямъ мою привязанность. Ихъ интересы сдѣлались мнѣ дороги, но не прошу ничего болѣе, какъ возможности дать доказательства моего желаніи быть имъ полезною».

Указавъ Потемкину на Браницкаго и Потоцкаго, императрица приказала ему взять отъ нихъ кондиціи, на какихъ бы они отдали бригады свои на наше содержаніе и диспозицію.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Екатерина не забыла о присланномъ ей Станиславомъ Августомъ проектѣ союза и выражала готовность обѣщать полякамъ разныя выгоды, если они будутъ вѣрными. Въ этомъ она сомнѣвалась, говоря, что это будетъ первый примѣръ въ исторіи ихъ постоянства.

Въ исходѣ мая 1788 г. Штакельбергу былъ посланъ контръ-проектъ договора съ Польшей. Въ немъ, согласно взгляду Безбородко и Потемкина, императрица выражала согласіе на все, только не на то, чего болѣе всего хотѣлъ Станиславъ-Августъ: ни на измѣненіе конституціи 1775 г., ни на увеличеніе территоріи Польши она не была согласна. Позднѣе, въ половинѣ сентября 1788 г., императрица выразила согласіе упомянуть въ договорѣ о территоріальномъ вознагражденіи или объ уплатѣ Польшѣ 100.000 дукатовъ на усиленіе арміи,—но было слишкомъ поздно, ибо ранѣе этого вошелъ въ сношеніе съ Польшей король прусскій, и тогда большинство сейма, разсчитывая на поддержку Берлинскаго двора, рѣшилось произвести перемѣну формы правленія и обнародовать конституцію. Такой оборотъ дѣлъ чрезвычайно огорчилъ Екатерину.

«Ненависть противу насъ въ Польшѣ возстала великая и горячая,—писала она Потемкину въ началѣ декабря 1788 г. [2]),—любовь, напротивъ, къ его королевскому прусскому величеству, сія, чаю, продлится, дондеже соизволитъ ввести свои непобѣдимыя войска въ Польшу и добрую часть оной займетъ. Я же, не то, чтобъ сему препятствовать, и подумать не смѣю, чтобъ его королевскому прусскому величеству мы-

---

[1]) „Русск. Стар.“, т. XVI, 1876, стр. 453, „Сборн. имп. рус. истор. общ.“ т. 27, стр. 479.

[2]) „Рус. Старина“, 1876 г., т. XVII, стр. 23, 26, 28, 214.

слями, словами или дѣломъ можно было въ чемъ поперечить, его высочайшей волѣ вся вселенная покориться должна».

«Кой часъ обѣщать Польшѣ что ни есть изъ земель турецкихъ,—писала она ему же 22-го апрѣля (3-го мая) 1789 г.,—нынѣ тотчасъ же его королевское прусское величество намъ о семъ прещеніе съ угрозами непремѣнно чинить будетъ, съ принятымъ съ нами грубымъ тономъ, который-либо глотать должно будетъ, либо стмщать, и для того полагаю избѣгнуть лучше, не обѣщая полякамъ ничего и давая имъ блажить, дондеже перестанутъ, то есть у себя въ Польшѣ пусть портятъ и дѣлаютъ, что хотятъ, но къ себѣ ихъ не пущу и для того полки, кои къ Лубнамъ обращены, пусть пойдутъ къ Бѣлоруссіи».

«Поляки,—писала она нѣсколько дней спустя,—жалѣть будутъ, когда увидятъ, что не черезъ Польшу, а мимо ихъ все веземъ, и свою дорогу имѣемъ».

Сама Екатерина еще не имѣла опредѣленнаго взгляда относительно Польши и отложила рѣшеніе этого вопроса до окончанія войнъ съ Турціей и Швеціей.

Потемкинъ отнесся къ дѣлу горячѣе, и императрица отвѣчала на его планъ поднять противъ Польши населеніе Украйны, 2-го (13-го) декабря 1789 г. слѣдующее:

«Именованіе гетмана войскъ казацкихъ Екатеринославской губерніи затрудненію не подлежитъ и рескриптъ о томъ недолго заготовить, но отъ подписанія меня удерживаетъ только то одно, что тебѣ самому отдаю на разрѣшеніе: не возбудитъ-ли употребленіе сего названія въ Польшѣ безвременнаго вниманія сейма и тревогу во вредъ дѣлу? Я полагаю, что для надежнаго производства въ дѣйствіе твоего плана необходимо нуженъ миръ съ турками и шведомъ... По возстановленіи покоя, откроется путь къ начинанію сего важнаго дѣла, которое, кажется, всего удобнѣе предпринять при возвращеніи войскъ нашихъ чрезъ Польшу. Развѣ король прусскій обнажитъ прежде свои замыслы, намъ вредные, либо займетъ часть Польши, тогда, отложа уваженія, приниматься за сіе дѣло» [1]).

Потемкинъ хотѣлъ получить титулъ казацкаго гетмана для того, чтобы поднять русское населеніе Польши на войну съ мѣстной шляхтой; Безбородко, посвященный въ его планы, высказалъ это совершенно ясно въ письмѣ, отъ 20-го (31-го) декабря 1789 г., къ русскому послу въ Лондонѣ, графу Воронцову:

«Между средствами для усмиренія поляковъ,—писалъ онъ,—натурально съ войскомъ прусскимъ, дѣйствовать имѣющихъ, было бы самое

---

[1]) „Русск. Стар.“, т. XVII, 1876, стр. 414.

надежное возбудить польскую Украйну, гдѣ народъ недоволенъ и храбръ; но тутъ надобны деньги, коихъ у насъ нѣтъ» [1]).

Мысли Потемкина и Безбородко съ теченіемъ времени, по мѣрѣ сближенія между Рѣчью Посполитой и Пруссіей, созрѣвали и вылились, наконецъ, въ представленномъ ими императрицѣ проектѣ, подъ названіемъ «Мѣропріятія противу Польши».

Докладъ этотъ, помѣченный 18-мъ (29-мъ) марта 1799 г. (день заключенія наступательно-оборонительнаго договора между Пруссіей и Польшей) и подписанный Потемкинымъ, былъ только развитіемъ его давнишнихъ мыслей.

«Представляя карту Польши съ показаніемъ, какъ вступившія войска занять должны три воеводства Подольское, Кіевское, Брацлавское, осмѣлюся доложить, что иначе не можно, какъ вступить при первомъ движеніи, непріязненномъ отъ поляковъ. Ежели жъ намъ держаться оборонительно на своихъ границахъ, то, по пространству ихъ, никакой арміи къ защищенію не достанетъ; при томъ и съ союзными войсками сообщенія не будетъ, такъ что поляки, обратя свою силу на которую ни есть сторону, могутъ успѣхъ получить безъ поддерживанія отъ насъ взаимнаго другъ друга.

«По протянутой чертѣ позиція наша въ Польшѣ помянутыя три воеводства оставитъ прикрытыми, и границы наши пространныя, начиная отъ крѣпости Хотинской по самую Могилевскую губернію, не будутъ уже имѣть нужды въ страхѣ. Корпусъ цесарской, въ Галиціи расположенный, чрезъ то схватится рука съ рукой съ арміею ихъ, въ Моравіи находящейся. Или же занять Волынское воеводство? Еще такимъ движеніемъ пріобрѣтутся выгоды слѣдующія: 1) что мы получимъ на свою сторону милліонъ народу нашего закона, изъ которыхъ знатное число вооружится для насъ, а потому столько убудетъ у Польши; 2) всѣ заготовленія провіантскія будутъ для насъ и удобнѣе и дешевле; 3) крѣпости Бердичевъ и Каменецъ отъ нихъ отойдутъ со всѣми запасами; 4) потерявъ лучшую часть, Польша не въ состояніи будетъ и тридцати тысячъ содержать войска... Я всеподданнѣйше прошу не раздѣлять войскъ сихъ, ибо назначаемыя въ Польшу столь обстоятельствами и расположеніемъ своимъ связаны съ находящимися противъ турокъ, что часто послѣдними, по случаямъ, подкрѣплять будетъ можно, наипаче легкими войсками; и потому и нужно быть имъ подъ моимъ начальствомъ. При томъ для исполненія извѣстнаго плана иногда и присутствіе мое потребно.

«Въ Бѣлоруссію отряженные полки должны дѣйствовать оборонительно, покуда вошедшія войска въ три полуденныя воеводства не дви-

---

[1]) Григоровичъ. Канцлеръ кн. А. А. Безбородко. Спб. 1879, т. I, стр. 419.

нутся съ назначенной черты, что̀ надлежитъ учинить вмѣстѣ съ цесарскими [1]).

Этотъ планъ Потемкина Безбородко также изложилъ вкратцѣ графу Воронцову, которому онъ писалъ 30-го апрѣля (11-го мая) 1790 г.:

«Въ Украйнѣ Польской мы сдѣлаемъ конфедерацію нашихъ единовѣрныхъ, примѣрную той, которая гетманомъ Хмѣльницкимъ была сдѣлана, и тѣмъ поставимъ столько войска, что займетъ всю Польскую армію» [2]).

Въ то же время, Потемкинъ, желая замаскировать свои планы, заигрывалъ съ поляками, которымъ онъ намекалъ на возможность получить Молдавію. Онъ смутилъ даже Варшаву, написавъ въ концѣ сентября 1790 г. Булгакову изъ Бендеръ:

«Плюнь, милостивый государь мой Яковъ Ивановичъ, на ложныя разглашенія, которыя у васъ на нашъ счетъ дѣлаютъ... Какъ имъ не наскучитъ лгать! Лучше бы подумали, что если бы были съ нами дружны, то бы Молдавія была уже ихъ» [3]).

Императрица сдерживала смѣлые планы своего фаворита и не хотѣла давать никакихъ обѣщаній относительно Молдавіи, она думала прибѣгнуть къ инымъ средствамъ для того, чтобы привлечь Польшу, и только въ крайности рѣшилась на предложенный Потемкинымъ способъ взволновать русскія воеводства.

«О польскихъ дѣлахъ тебѣ скажу,—писала она князю 1-го (12-го) ноября 1790 г. [4]),—что деньги на оныхъ я приказала ассигновать до пятидесяти тысячъ червонныхъ, кои ты ему дозволилъ употребить изъ ассигнованныхъ тебѣ суммъ... Чтобы умы польскіе обращать на путь нами желаемой, о семъ Булгаковъ имѣетъ отъ меня, за моимъ подписаніемъ, довольныя предписанія; на сеймикахъ же ему самому дѣйствовать не должно и нельзя, а посредствомъ пріятелей нашихъ, что ему также предписано. Ничего бы не стоило обѣщать Польшѣ гарантію на ея владѣнія, есть-ли бы то было удобно на нынѣшнее время, но они сами торжественнымъ актомъ отвергли всякое ручательство. Волю удержать внутреннія дѣла я отъ нихъ, конечно, не отнимаю; но въ нынѣшнемъ положеніи всѣ подобныя обнадеживанія инако давать нельзя, какъ въ разговорахъ министра нашего съ нашими друзьями, и внушая имъ, что когда нація частію хотя образумится и станетъ желать ручательства и прочее, тогда могутъ получить подтвержденіе онаго. Равно и о связи съ ними онъ имъ можетъ внушать, что если они, видя, въ какую бѣду ихъ ведетъ союзъ съ королемъ прусскимъ, предпочтутъ

---

[1]) „Рус. Арх“. 1865 г., стр. 401—403.
[2]) Григоровичъ, стр. 422.
[3]) „Рус. Архивъ“ 1865, г. стр. 416.
[4]) „Русская Старина“, 1876 г., т. XII, стр. 640.

сей пагубѣ нашъ союзъ и захотятъ съ нами заключить союзъ, мы не удалены отъ онаго, какъ и прежде готовы были, съ разными для нихъ выгодами и пользою. Кажется, что обѣщаніями таковыми, не точно опредѣленными, избѣжимъ о Молдавіи противорѣчія, въ которомъ мы бы нашлись предо всей Европою, обѣщавъ возвратить всѣ завоеванія Портѣ, удержавъ только границу нашу по рѣку Днѣстръ. При всѣхъ дѣйствіяхъ нашихъ въ Польшѣ, хотя и не открытыхъ, надлежитъ намъ остерегаться паче всего не дать орудія врагамъ нашимъ, чтобъ не могли насъ предъявить свѣту, яко начинателей новой войны и наступателей, дабы Англія въ дѣятельности и пособіи королю прусскому не вступала, къ Балтику кораблей не присылала, да и другія державы отъ насъ не отвратились, и самой нашъ союзникъ не взялъ поводъ уклониться отъ соучастія... Итакъ, кажется, что на сей разъ всѣ наши дѣйствія въ Польшѣ должны къ тому стремиться, чтобъ составить, ежели можно, сильную партію, посредствомъ которой не допустить до вредныхъ для насъ перемѣнъ и новостей, и возстановить тако связи съ ней обоимъ намъ полезно и безопасно; а между тѣмъ, обратить всѣ силы, и вниманіе, и стараніе достать миръ съ турками, безъ котораго не можно отважиться ни на какія предпріятія... Королю прусскому теперь хочется присоединить себѣ Польшу и старается быть избранъ преемникомъ той короны; а чтобъ я на сіе согласилась, охотно бы склонился на раздробленіе Селимовой поссесіи, хотя съ нимъ недавно заключилъ союзъ и обѣщалъ ему Крымъ возвратить изъ нашихъ рукъ; но ему Польши, а туркамъ—Крыма не видать, я на Бога надѣюсь, какъ ушей своихъ... Ласковое съ Польшею обращеніе, обѣщанія ей гарантій и разныхъ выгодъ, буде они того потребуютъ, и все, что о нихъ выше сказано, я кладу на такой случай, ежели республика не приметъ сторону непріятелей нашихъ образомъ явнымъ; но буде совершитъ договоръ свой съ Портою и пристрастіе окажетъ на дѣлѣ съ королемъ прусскимъ, ежели онъ рѣшится противу насъ дѣйствовать, въ то время должно будетъ приступить къ твоему плану и стараться съ одной стороны доставить себѣ удовлетвореніе и удобности противу новаго непріятеля, насчетъ той земли, которая служила часто главнымъ поводомъ ко всѣмъ замѣшательствамъ... Потоцкаго проектъ, дабы сдѣлать прусскаго короля королемъ польскимъ и соединить Пруссію съ Польшею, не разсудишь-ли за благо сообщить туркамъ, дабы ясныя усмотрѣли каверзы своего союзника» [1]).

Несмотря на доводы императрицы, Потемкинъ упорно настаивалъ на томъ, что поляковъ можно привлечь, единственно пообѣщавъ имъ Молдавію.

---

[1]) „Русс. Старина“, т. XVII, стр. 640.

«Чтобы Польшу привязать къ себѣ,—писалъ онъ императрицѣ 8-го (19-го) октября 1786 г.,—необходимо обѣщать ей должно Молдавію и тѣмъ обратить поляковъ противъ турокъ и пруссаковъ, и турки, о семъ узнавши, скорѣе помирятся.

«Въ какомъ мы противорѣчіи предъ Европою будемъ, обѣщавши Молдавію Польшѣ? Первое. Я Европы не знаю: Франція съ ума сошла. Австрія труситъ, а прочія намъ враждуютъ. Завоеванія зависятъ отъ насъ; пока мы не отреклись. Обѣщали мы прежде сію провинцію возвратить по собственному своему произволенію, турки тогда не согласились, слѣдовательно, и обѣщаніе исчезло. И что это, не смѣть распоряжать завоеваніями тогда, когда другіе сулятъ ваши владѣніи, Лифляндію, Кіевъ, Крымъ! Я вамъ говорю дерзновенно, и какъ должно обязанному вамъ всѣмъ, что теперь слѣдуетъ дѣйствовать смѣло въ политикѣ. Иначе не усядутся враги наши, и мы не выдеремся изъ грязи» [1]).

Булгаковъ сообразовалъ свои дѣйствія съ инструкціями императрицы. Онъ поставилъ себѣ главною цѣлью отвлечь народъ на ноябрьскихъ сеймикахъ 1790 г. отъ избранія преемникомъ Станислава-Августа курфирста саксонскаго; хотя это ему не удалось такъ же точно, какъ и создать русскую партію, но онъ все же не мало затруднилъ главную задачу сейма. Собирая свѣдѣнія о настроеніи умовъ, онъ сообщалъ ихъ своему двору. У него были на сеймѣ друзья или, лучше сказать, агенты, среди придворныхъ и въ канцеляріяхъ министерствъ, которые щедро имъ оплачивались изъ средствъ русской казны; они доставляли ему свѣдѣнія, сообщали документы, писали брошюры, въ которыхъ доказывали невыгоду для Рѣчи Посполитой заключенія договора съ Пруссіей и предоставленія королю наслѣдственныхъ правъ.

Среди такихъ трудовъ застигъ Булгакова польскій переворотъ, а Потемкина рескриптъ, данный на его имя императрицею 16-го (27-го) мая 1791 г., въ которомъ она изложила свою программу относительно Польши.

«Намъ паче всего надлежитъ стараться отвлечь поляковъ отъ Пруссіи,—писала Екатерина Потемкину,—при слабости и превратности характера польскаго короля именно теперь, когда измѣнена форма правленія, трудно ждать, чтобъ можно было склонить короля особыми видами, надобно скорѣе обратить наши усилія на привлеченіе народа. Надлежитъ ихъ увѣрять, что мы далеки отъ вмѣшательства въ ихъ внутреннія дѣла, что мы готовы заключить съ Польшею союзъ, гарантируя цѣлость владѣній, обѣщать имъ разныя торговыя выгоды и даже присоединеніе къ Польшѣ Молдавіи съ единственнымъ условіемъ сохраненія правъ господствующей тамъ восточной церкви. Обо всемъ этомъ

[1]) „Рус. Арх“. Москва, 1865 г., стр. 749, 750.

мы писали послу нашему Булгакову. Вы, съ своей стороны, употребите всякія пружины къ достиженію нашихъ намѣреній. Время покажетъ, можно-ли склонить къ намъ поляковъ такимъ способомъ. Если же всѣ старанія наши будутъ напрасны и сношенія не приведутъ къ концу, то надобно будетъ приступить къ дѣйствительнѣйшимъ мѣрамъ, именно посредствомъ реконфедераціи привести въ смущеніе враговъ нашихъ» [1]).

Императрица указывала на Браницкаго, Щенснаго-Потоцкаго, Коссаковскаго, Пулавскаго, какъ на людей способныхъ на это дѣло.

«Къ числу дѣйствительныхъ мѣръ, — писала она далѣе, — надобно отнести и планъ до воеводствъ: Кіевскаго, Блацлавскаго и Подольскаго. Религіозная ревность единовѣрныхъ съ нами обитателей оныхъ странъ, склонность ихъ къ Россіи, надежда ихъ съ ея единственною помощью освободиться отъ учиняемыхъ имъ притѣсненій, подаетъ намъ надежду, что съ первымъ появленіемъ нашихъ войскъ въ этомъ краѣ народъ соединится съ нами и, возобновивъ въ памяти мужество своихъ предковъ, взаимными силами можетъ изгнать изъ своего края непріятеля. Данное вамъ отъ насъ званіе великаго гетмана нашихъ казацкихъ, екатеринославскихъ и черноморскихъ войскъ будетъ ободреніемъ и важнѣйшимъ средствомъ для всѣхъ обитателей Польши россійской вѣры и россійскаго происхожденія, чтобы становиться подъ ваше предводительство въ дѣло, которое должно тамъ начаться».

Итакъ, вмѣсто того, чтобы принять на себя какія-либо опредѣленныя обязательства, Екатерина предлагала «дѣлать полякамъ благопристойнымъ образомъ внушенія и увѣренія», дѣйствуя однако съ надлежащею осторожностью, а въ случаѣ войны, предотвратить которую императрица видѣла возможность, только подѣливъ Польшу между Россіей и Пруссіей. Но политическое положеніе внушало большія опасенія, и возможность войны возростала съ каждымъ днемъ.

Но въ это время Щенсный-Потоцкій облегчилъ Россіи выборъ средствъ.

В. В. Тимощукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Костомаровъ. Послѣдніе годы рѣчи Посполитой. Спб. 1870 г., стр. 353.

Англо-французскій флотъ предъ Одессою въ 1854 году.

(Письмо архіепископа херсонскаго Иннокентія къ барону М. А. Корфу).

Помѣщаемое нами письмо знаменитаго архіепископа херсонскаго Иннокентія къ барону М. А. Корфу, писанное 9-го апрѣля 1854 года, въ Великую Пятницу, на другой день по появленіи соединеннаго англо-французскаго флота предъ Одессою, печатается по копіи, сохранившейся въ бумагахъ покойнаго академика А. Ѳ. Бычкова и собственно ручно снятой имъ съ подлинника. Подлинное письмо преосвященнаго Иннокентія было сообщено А. Ѳ. Бычкову барономъ Корфомъ при слѣдующей запискѣ отъ 17-го апрѣля того же 1854 года:

«Вотъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, полученное мною отъ нашего Геннади [1]) письмо, по которому я испрашиваю вашихъ разрѣшеній, если можно въ непродолжительномъ времени, съ возвращеніемъ самаго письма.

«Прилагаю еще любопытное письмо преосвященнаго Иннокентія, которое прошу мнѣ неотложно возвратить. По слухамъ, но, кажется, достовѣрнымъ, бомбардировка Одессы началась именно въ этотъ самый день, въ пятницу, 9-го числа, только позже, во время самаго хода съ плащаницею [2])».

Одесса, 9-го апрѣля 1854 г.

Достопочтеннѣйшему Модесту Андреевичу братское: Христосъ Воскресе! Если когда благовременно возгласить намъ: да воскреснетъ Богъ

---

[1]) Григорій Николаевичъ Геннади († 1880), извѣстный библіографъ, бывшій почетнымъ корреспондентомъ, а потомъ и почетнымъ членомъ Императорской Публичной Библіотеки.

[2]) Бомбардировка Одессы началась въ Великую Субботу, 10-го апрѣля, въ 6 часовъ утра, а 14-го апрѣля непріятель оставилъ Одессу.

и расточатся врази Его, то нынѣ, когда враги наши, по выраженію св. Давида, обышедше обыдоша насъ, яко пчелы сотъ; и намъ предлежитъ противляться имъ именемъ Господнимъ. Со вчерашняго числа (8-го) весь рейдъ нашъ покрытъ англо-французскими кораблями, и мы въ полной блокадѣ. Подобное явленіе дружеское, вѣроятно, не замедлитъ появиться и на вашемъ морѣ, хотя и не въ такой близости къ вамъ.

Обстоятельства чрезвычайныя и нерадостныя; но, я не знаю почему, что-то въ нихъ нѣтъ дѣйствительно страшнаго. Мой домъ на горѣ, надъ самымъ моремъ; и мнѣ вздумалось въ нынѣшнюю весну обновить мой устарѣвшій садъ: и вотъ мы (я первый) спокойно работаемъ въ семъ саду, между тѣмъ какъ англичане въ зрительныя трубы смотрятъ на насъ съ пароходовъ. Иногда и мы взглянемъ на нихъ въ такіе же очки, а потомъ опять за работу.

Что ободряетъ насъ? То, что наше дѣло и правое, и святое. Это чувствуетъ каждый, и готовъ на все. А затѣмъ—православное воинство наше видало и не такія полчища, мѣрялось и не съ такими врагами и оставалось побѣдоноснымъ. Теперь же оно все горитъ нетерпѣніемъ пролить всю кровь свою за гробъ Господень и за вѣру православную.

А затѣмъ—Россія, по премудрому устроенію Божію, имѣетъ теперь на своемъ престолѣ такого монарха, который, видимо, призванъ свыше для разрѣшенія судебъ всего Востока, которому Наполеоны и Викторіи годятся развѣ только въ свиту.

А затѣмъ—часъ Турціи пробилъ: она на одрѣ смертномъ; и кто бы ни брался лѣчить ее и какое бы ни давали лѣкарство, ей не уйти отъ смерти скорой и неизбѣжной. Удивительно еще, какъ этотъ уродъ, при своемъ несчастномъ сложеніи, могъ прокоротать 400 лѣтъ жизни.

А затѣмъ—дружба двухъ великихъ народовъ, столь неожиданная и неестественная, такова, что они могутъ не только разойтись, но и вступить въ споръ и брань изъ-за первой кости.

Такъ мы разсуждаемъ, и спокойно смотримъ на море, покрытое непріятельскою армадою; но ждемъ, правду сказать, не погоды, а нашего почтеннаго нордвеста, который одинъ можетъ управиться за насъ со всѣми нашими незваными гостьми.

Въ заключеніе позвольте поблагодарить васъ за истинно дружескую услугу въ пріобрѣтеніи и доставленіи намъ книгъ. Первое отдѣленіе ихъ получено исправно; будемъ ожидать послѣдующихъ. А между тѣмъ по сей же почтѣ препровождается, что слѣдуетъ, за всѣ эти книги.

Здравія вамъ, мира и радости о Господѣ! Вамъ и всему почтеннѣйшему семейству вашему.

Вашего превосходительства преданный слуга
Иннокентій, архіепископъ херсонскій.

Сообщ. **И. А. Бычковъ.**

Тургеневъ и славянофилы.

Тургеневъ, добродушный и мягкій, по своему характеру (самъ называлъ себя, не безъ огорченія, тряпкой) былъ однако довольно упоренъ въ томъ, что считалъ долгомъ чести и убѣжденія. Онъ слылъ за з а п а д н и к а, но покойный Н. Н. Страховъ, въ лучшей своей статьѣ о Тургеневѣ и его произведеніяхъ [1]), справедливо указалъ, что Тургеневъ русскій художникъ, и въ созданныхъ имъ образахъ никогда и нигдѣ русская жизнь не противополагается западной, и что въ его произведеніяхъ ни разу не выведены на сцену европейцы, съ цѣлью противупоставить ихъ, какъ примѣръ и поученіе русскимъ людямъ. Напротивъ, вездѣ, гдѣ у Тургенева являются западные люди, нѣмцы, французы, поляки и даже наши братья славяне, онъ съ большой тонкостью схватываетъ ихъ малоуловимыя черты, по которымъ душевный складъ этихъ чужихъ людей намъ непремѣнно представляется ниже русскаго.

Въ «Наканунѣ» Тургеневъ, повидимому, симпатизируетъ герою романа болгарину Инсарову, но и его онъ развѣнчиваетъ, какъ и всѣхъ своихъ героевъ и даже болѣе другихъ, отмѣчая въ немъ отсутствіе мягкости русскаго сердца и широты ума. Характеры нѣмцевъ и нѣмокъ въ его произведеніяхъ прямо комичны, и всѣ они довольно жалки и грубы. Такъ же Тургеневъ отнесся къ Парижу, въ своихъ «Призракахъ» и къ Баденъ-Бадену, въ «Дымѣ».

Покойный академикъ Л. Н. Майковъ, печатая въ «Русскомъ Обозрѣніи» письма Аксаковыхъ къ Тургеневу, въ своихъ примѣчаніяхъ къ этимъ письмамъ, справедливо замѣчаетъ: «Никогда Тургеневъ, можетъ быть, въ теченіе всей своей литературной дѣятельности, не за-

[1]) „Заря“, 1871 г. № 2.

являлъ своихъ западническихъ воззрѣній болѣе настойчиво, чѣмъ во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Ему казалось, что они теперь въ загонѣ, и онъ считалъ своимъ долгомъ выступить на ихъ защиту» [1]).

Тургеневъ, во время общаго одушевленія и увлеченія національной идеей, въ 1867 году выпустилъ свой романъ «Дымъ», въ которомъ съ явнымъ сочувствіемъ, устами Потугина, излагалъ взгляды нашихъ западниковъ, и чтобы не было никакого сомнѣнія, что рѣчи этого западника въ его романѣ его собственныя мысли, онъ повторилъ ихъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ (1868 г.), но уже отъ своего имени и, наконецъ, въ статьѣ «Объ отцахъ и дѣтяхъ» назвалъ самъ себя коренным ъ и неисправимым ъ западником ъ, считающимъ ученье славянофиловъ ложнымъ и безплоднымъ.

Критика наша отнеслась нѣсколько строго къ тенденціямъ этого романа, но это не смутило Тургенева, и онъ въ маѣ 1867 года писалъ П. В. Анненкову, во время Московскаго всеславянскаго съѣзда: «представьте, я нисколько не конфужусь: словно съ гуся вода. Я, напротивъ, даже очень доволенъ появленіемъ моего забитаго Потугина, вѣрующаго единственно въ цивилизацію европейскую, въ самомъ разгарѣ этого всеславянскаго фанданго, съ кастаньетами въ челѣ котораго такъ потѣшно кувыркается Погодинъ» [2]). Въ то же время Тургеневъ написалъ «Воспоминанія о славянофилахъ», о чемъ также сообщилъ Анненкову, прибавляя въ письмѣ къ послѣднему, что «за изысканную вѣжливость этого отрывка вполнѣ ручаюсь» [3]).

Я лично зналъ И. С. Аксакова, съ которымъ мнѣ не разъ приходилось говорить о Тургеневѣ. Онъ упрекалъ, и упрекалъ даже рѣзко, Тургенева за его «малодушное искание популярности».

— Онъ долженъ вести молодое поколѣніе, а не присѣдать передъ тѣмъ, чему оно поклоняется,—говорилъ волнуясь И. С. Аксаковъ, даже не мало время спустя послѣ появленія «Дыма».

Аксаковъ особенно негодовалъ на Тургенева за его письмо къ Анненкову.

— Нечего хвалиться и писать письма,—говорилъ онъ,—обнаруживающія такое мелкое пониманіе событій историческихъ.

Меня нѣсколько смущало страстное отношеніе И. С. Аксакова къ Тургеневу, котораго онъ близко и хорошо зналъ и, по его же словамъ былъ съ нимъ въ дружбѣ. Осенью прошлаго года мнѣ случилось бесѣдовать въ Москвѣ съ однимъ писателемъ, уже не молодымъ и хорошо знавшимъ семейство Аксаковыхъ. Изъ его разсказовъ я пришелъ

[1]) „Русское Обозрѣніе“ за 1894 г. № 10.

[2]) „Рус. Обозрѣніе“ № 1 за 1894 г. стр. 19 и 20. Содержаніе этого письма было извѣстно И. С. Аксакову, хотя оно и было напечатано послѣ его смерти.

[3]) „Русское Обозрѣніе“ за 1894 г. № 4, стр. 513.

къ заключенію, что И. С. Аксаковъ былъ возмущенъ не столько романомъ «Дымъ», сколько «Воспоминаніями» Тургенева.

И. С. Аксаковъ благоговѣйно чтилъ память отца и брата Константина, и всякое насмѣшливое слово объ этихъ дорогихъ для него покойникахъ способно было вызвать въ немъ раздраженіе и негодованіе. Тургеневъ былъ принятъ радушно и даже дружески въ семьѣ Аксаковыхъ, въ началѣ 50-хъ годовъ и даже весьма сердечно переписывался съ ними. Слухи, весьма преувеличенные, кажется, о содержаніи «Отрывка» изъ Воспоминаній Тургенева, посвященнаго кружку московскихъ славянофиловъ и при этомъ въ особенности объ его братѣ и отцѣ, оскорбили И. С. Аксакова. До него дошли разсказы о насмѣшливомъ отзывѣ Тургенева о его покойномъ братѣ Константинѣ, и Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ вскипѣлъ негодованіемъ противъ нашего знаменитаго романиста, съ которымъ прежде дружески переписывался и у котораго даже гостилъ въ деревнѣ, а именно посѣтилъ его 18-го ноября 1853 г. за нѣсколько дней передъ разрѣшеніемъ Тургеневу жить, гдѣ ему угодно. Повѣсть «Муму» была написана Тургеневымъ и отослана изъ деревни И. С. Аксакову для втораго тома «Московскаго Сборника», какъ это видно изъ письма И. С. Аксакова отъ 4-го октября 1852 г. «Весь разсказъ,—писалъ онъ,—чрезвычайно живъ, нѣтъ въ немъ натянутости, все въ немъ въ мѣру, нигдѣ вы не пересолили, что̀ иногда случается въ «Запискахъ Охотника». Есть какая-то сдержанность, придающая еще болѣе силы всему разсказу» и т. д. [1]). К. С. Аксаковъ также весьма оцѣнилъ эту повѣсть и видѣлъ въ ней шагъ впередъ, о чемъ и написалъ Тургеневу въ концѣ октября 1852 года.

Мнѣ разъ пришлось говорить съ Тургеневымъ объ Аксаковѣ. Могу засвидѣтельствовать, что Тургеневъ отзывался о всѣхъ Аксаковыхъ съ большимъ сочувствіемъ и сердечностью. Художественный талантъ автора «Семейной Хроники» онъ ставилъ весьма высоко и безусловно хвалилъ нравственную чистоту всѣхъ Аксаковыхъ. Ему былъ извѣстенъ отзывъ Герцена о Константинѣ Аксаковѣ [2]).

— Это была прекрасная душа и большой идеалистъ, въ лучшемъ смыслѣ слова,я это говорилъ и скажу теперь,—прибавилъ Тургеневъ,—хотя я съ ними всѣми не сходился во взглядахъ и горячо спорилъ о нашемъ крестьянскомъ мірѣ и сельской общинѣ. Я даже писалъ его отцу объ этомъ. И. С. Аксаковъ, съ которымъ я всего ближе сходился во взглядахъ, теперь, говорятъ, меня сильно не жалуетъ, и причиною нашего

---

[1]) „Рус. Обозрѣніе“ 1894 г., № 10.

[2]) Статья А. И. Герцена о смерти Хомякова и К. Аксакова напечатана въ 90 № „Колокола“, за 1861 годъ. Она перепечатана Н. П. Барсуковымъ въ его „Жизни Погодина“ (книга XVII).

разрыва было появленіе моего романа «Дымъ» и западныя рѣчи Потугина, но вѣдь я и прежде, кажется, не скрывалъ этого.

Объ отношеніяхъ Тургенева къ московскимъ славянофиламъ, до обнародованія переписки его съ Аксаковымъ, было извѣстно, что онъ съ дѣтства зналъ братьевъ Кирѣевскихъ и питалъ къ нимъ глубокое уваженіе. П. В. Кирѣевскаго Тургеневъ ставилъ весьма высоко, и я слышалъ, какъ онъ называлъ его «человѣкомъ хрустальной души». Онъ много сдѣлалъ для русскаго самосознанія, болѣе, чѣмъ другіе представители его партіи. Его трудъ, «Собраніе русскихъ пѣсенъ», изданныхъ послѣ его смерти, конечно драгоцѣнный памятникъ нашего народнаго творчества.

— Этимъ собраніемъ П. В. Кирѣевскій едва-ли не болѣе сдѣлалъ, чѣмъ всѣ прочіе славянофилы вмѣстѣ взятые, — говорилъ Тургеневъ въ Петербургѣ, когда я ему поднесъ VIII т. Записокъ этнографическаго отдѣленія, изданный подъ моей редакціей.

Съ Хомяковымъ и Самаринымъ Тургеневъ былъ также знакомъ, но, кажется, съ ними онъ не особенно сошелся.

Отношенія Тургенева къ семьѣ Аксаковыхъ характеризуются его перепиской, опубликованной въ 1894 году. Она весьма любопытна и конечно должна быть принята во вниманіе біографами какъ Тургенева, такъ и Аксаковыхъ.

Сближеніе Тургенева съ московскимъ кружкомъ славянофиловъ, именно съ семействомъ Аксаковыхъ, относится къ осени 1851 года. Первое дошедшее до насъ письмо И. С. Аксакова помѣчено 30-мъ ноября 1851 года. Извѣстно, что Иванъ Аксаковъ въ началѣ 1851 года переселился изъ Ярославля, гдѣ онъ служилъ, въ Москву, и въ томъ же году въ средѣ славянофиловъ возникла мысль возобновить изданіе ихъ органа, т. е. «Московскаго Сборника». И. С. Аксаковъ пользовался расположеніемъ людей, не принадлежащихъ къ ихъ кружку, и въ томъ числѣ Тургенева. И. С. Аксаковъ переживалъ тогда пору сомнѣній, на что онъ самъ указываетъ въ своихъ письмахъ и стихотвореніяхъ. Два изъ нихъ были извѣстны и Тургеневу, это, во-первыхъ, его стихотвореніе: «Усталыхъ силъ я долго не жалѣлъ» и «Послѣ 1848 года».

Оба эти стихотворенія вызвали тревогу и опасенія въ семьѣ Аксаковыхъ, и молодой, въ то время, Иванъ Сергѣевичъ долженъ былъ объяснять свой образъ мыслей передъ отцомъ, которому они не понравились. 18-го января 1851 года, въ письмѣ къ отцу, И. С. Аксаковъ, отстаивая свое право волноваться сомнѣніями, писалъ отцу: «Вы пишете, что читаете мои стихи. Я не спрашиваю васъ, нравятся-ли они — но понимаются-ли они? Я бы желалъ, чтобы они были прочтены Грановскому или вообще людямъ, у которыхъ болѣла душа въ 1848 году».

И. С. Аксаковъ производилъ хорошее впечатлѣніе и нравился даже

людямъ противнаго лагеря, т. е. западникамъ. Въ Калугѣ, въ 1846 г., онъ встрѣтился съ Бѣлинскимъ, и послѣдній писалъ о немъ: «столкнулся я съ Иваномъ Аксаковымъ. Славный юноша! Славянофилъ, а такъ хорошъ, какъ будто никогда не былъ славянофиломъ» [1]).

Много утекло воды послѣ этого, и когда И. С. Аксаковъ сталъ издавать «День», въ 1860 году, послѣ смерти отца, Хомякова и брата Константина, въ немъ сказался уже зрѣлый славянофилъ, довольно ясно и твердо опредѣлившійся, но въ началѣ 50-хъ годовъ онъ былъ не совсѣмъ такимъ, а молодымъ человѣкомъ, жаждавшимъ дѣятельности и обуреваемымъ сомнѣніями. Тургеневъ особенно симпатизировалъ Ив. Сергѣевичу Аксакову, который ему нравился гораздо болѣе старшаго брата Константина, что Тургеневъ весьма откровенно и высказалъ въ одномъ изъ писемъ къ С. Т. Аксакову, «Поклонитесь отъ меня,—писалъ онъ ему,—вашимъ дѣтямъ, которыхъ я люблю, но различной любовью. Съ моимъ полнымъ соименникомъ, кажется, могъ бы легко и весьма тѣсно сблизиться».

Въ 1851 году И. С. Аксаковъ собирался, по желанію своей семьи, приступить къ составленію втораго тома «Московскаго Сборника», редакція котораго на семейномъ совѣтѣ была возложена на него. Весьма понятно, что онъ пожелалъ пригласить къ участію въ его изданіи наиболѣе симпатичныхъ ему западниковъ, а именно Грановскаго и Тургенева. «Я къ вамъ съ просьбой, любезнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ»,—писалъ, между прочимъ, Аксаковъ 26-го ноября Тургеневу,—«я говорилъ вамъ о несогласіи, изъявленномъ братомъ, на участіе въ «Сборникѣ», нами издаваемомъ, нѣкоторыхъ сотрудниковъ, вполнѣ имъ уважаемыхъ, но печатающихъ свои статьи въ петербургскихъ журналахъ. Вы знаете брата, слѣдовательно, не удивитесь этому эксцентричному требованію. Однако на общемъ совѣтѣ теперь рѣшено: непремѣнно произвести реформу въ характерѣ изданій нашихъ, расширить кругъ сотрудниковъ (полагая только непремѣннымъ условіемъ нравственное съ ними сочувствіе и право ихъ на наше искреннее уваженіе), избѣгать всякой излишней исключительности. Это рѣшеніе принято и Константиномъ Сергѣевичемъ, какъ защитникомъ принципа единогласія. Самъ же онъ внутренно очень радъ этому, потому любитъ васъ искренно и первое несогласіе его стоило ему большой борьбы. Грановскій также участвуетъ и пишетъ статью. Братъ и я просимъ васъ, любезнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, прислать что-нибудь для нашего «Сборника»: какую статью намъ не нужно сказывать (разумѣется, не въ родѣ

---

[1]) Это письмо Бѣлинскаго довольно любопытно, какъ свидѣтельство о той нетерпимости, которая тогда обнаруживалась въ различныхъ по направленію кружкахъ.

«Провинціалки» [1]) (не смотря на все достоинство ея мелкихъ чертъ), а больше въ духѣ «Записокъ Охотника» [2]).

«Хорь и Калиничъ», которымъ открывались «Записки Охотника», былъ встрѣченъ весьма сочувственно въ славянофильскомъ кружкѣ, какъ мнѣ это говорилъ И. С. Аксаковъ. Его братъ Константинъ, весьма неблагопріятно отозвавшійся о стихотворномъ разсказѣ Тургенева «Помѣщикъ», въ критической статьѣ, помѣщенной имъ въ «Московскомъ Сборникѣ» за 1846 годъ, говорилъ слѣдующее о «Хорѣ и Калиничѣ»: «Мы должны указать на появившійся, въ первомъ № «Современника», превосходный разсказъ Тургенева: «Хорь и Калиничъ». Вотъ что значитъ прикоснуться къ землѣ и народу: въ мигъ дается сила. Пока Тургеневъ толковалъ о своихъ скучныхъ любвяхъ, да разныхъ апатіяхъ, о своемъ эгоизмѣ, все выходило вяло и безталанно; но онъ прикоснулся къ народу, прикоснулся къ нему съ участіемъ и сочувствіемъ, и посмотрите, какъ хорошъ его разсказъ. Талантъ, таившійся въ сочинителѣ, скрывавшійся все время, пока онъ силился увѣрить другихъ и себя въ отвлеченныхъ и потому небывалыхъ состояніяхъ души, этотъ талантъ въ мигъ обнаружился и какъ сильно и прекрасно, когда онъ заговорилъ о другомъ. Всѣ отдаютъ ему справедливость, по крайней мѣрѣ мы спѣшимъ сдѣлать это. Дай Богъ, чтобы г. Тургеневу продолжать идти по этой дорогѣ».

Въ «Обозрѣніи современной литературы», помѣщенномъ въ первой книгѣ «Рус. Бесѣды» за 1857 годъ, сказано то же самое о поворотѣ въ творческой дѣятельности Тургенева. Это первое въ нашей критикѣ одобреніе художественнаго достоинства «Записокъ Охотника», весьма обрадовало автора, какъ мнѣ это говорилъ самъ И. С. Тургеневъ.

Во время заграничной поѣздки въ 1857 году И. С. Аксаковъ былъ у Тургенева въ Парижѣ и писалъ отцу, отъ 24-го апрѣля: «Тургеневъ ѣдетъ на-дняхъ въ Англію и начинаетъ чувствовать симпатію къ англичанамъ; это шагъ впередъ въ его развитіи. Какъ ему достается отъ пріятелей за всѣ его послѣднія произведенія, начиная съ «Рудина», за то, что онъ измѣняетъ прежнимъ взглядамъ, мнѣніямъ, принципамъ и проч. Жаль, нѣтъ у него, какъ выразилась фрейлина Тютчева, l'epine dorsale de morale, просто тряпка характеромъ, а есть въ немъ высшая правда и свобода».

Всего ближе воззрѣнія Тургенева склонялись въ сторону направленія, которое представлялъ Хомяковъ, Юрій Самаринъ и Аксаковъ во второй половинѣ 50-хъ годовъ. Его первый большой романъ, затроги-

---

[1]) „Провинціалка“, комедія Тургенева, была напечатана въ „Отеч. Запискахъ“ 1851 г.

[2]) Письма Аксакова напечатаны въ „Рус. Обозрѣніи“ за 1894 г. № 10

вавшій общественные вопросы, былъ «Рудинъ». Этотъ романъ, а именно конецъ первой части и въ особенности вся вторая очень нравились старику Аксакову (см. его письмо отъ 26-го февраля 1856 года).

Кромѣ извѣстнаго письма къ Тургеневу С. Т. Аксакова, въ которомъ находятся весьма цѣнныя біографическія указанія на происхожденіе этого романа, весьма любопытно письмо къ автору К. С. Аксакова. Это письмо писано изъ деревни [1]), гдѣ К. С. Аксаковъ отдыхалъ отъ суеты городской, «отъ умной болтовни и отъ дѣльнаго бездѣлья». Письмо помѣчено 18-мъ іюня 1855 года.

Письмо это, весьма дружеское, начинается такъ: «Любезный и добрѣйшій Иванъ Сергѣевичъ. Думаю о васъ и о нашихъ спорахъ, и чувствуется мнѣ, что мы съ вами, не смотря на разницу въ мысляхъ и характерахъ—одной эпохи, одного поколѣнія, одного воспитанія отчасти, ибо были на желѣзныхъ водахъ германской мысли. И кажется мнѣ, что понятны мы другъ для друга во многомъ, въ чемъ не будемъ такъ понятны съ людьми, съ которыми больше сочувствуемъ и больше согласны. А вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, желѣзныя воды это германская философія. Какъ благодаренъ я ихъ крѣпительнымъ струямъ хотя не совершилъ я полнаго курса и оставилъ ихъ; на это было нѣсколько причинъ и, между прочимъ, и та, что испугался, что весь обращусь въ желѣзо, признакомъ чего служитъ одно мое стихотвореніе, посвященное Самарину, носящее нѣмецкое заглавіе: «An die Idée», съ эпиграфомъ нѣмецкимъ же [2]).

Въ этомъ письмѣ К. С. Аксакова содержится весьма сочувственная оцѣнка романа «Рудинъ». «Прочелъ я недавно, въ деревнѣ только, вашего «Рудина», и прочелъ съ большимъ удовольствіемъ. Рудинъ похожъ на общаго знакомаго нашего, хотя, какъ сходство, онъ не очень удовлетворяетъ. Кой-гдѣ встрѣчаются неуясненности, характеръ Рудина не широко развитъ, но тѣмъ не менѣе повѣсть имѣетъ большія достоинства, и такое лицо, какъ Рудинъ, замѣчательно и глубоко. Лѣтъ десять тому назадъ вы бы изобразили Рудина совершеннымъ героемъ. Нужна была зрѣлость созерцанія, чтобы видѣть пошлость рядомъ съ необыкновенностью, дрянность рядомъ съ достоинствомъ, какъ въ Рудинѣ. Вывести Рудина было очень трудно, и вы эту трудность побѣдили, хотя и можно и кой-чего еще требовать. Теперь вы и Печорина, конечно, выставили бы не героемъ».

«Рудина я вспомнилъ, и кружокъ нашъ студенческій, и Станкевича,

---

[1]) Т. е. изъ Абрамцева.

[2]) Одно время К. С. Аксаковъ до того увлекался изученіемъ нѣмецкой философіи, что его даже въ своемъ кружкѣ называли „ходячимъ силлогизмомъ“, и М. П. Погодинъ порицалъ его за крайнее увлеченіе Гегелемъ.

и почувствовалъ, что ради этой жизни, и вамъ знакомой, ради умственнаго молодаго хода, мы съ вами близки съ этой стороны. Что вы дѣлаете теперь и что пишете? Я пишу «Обозрѣніе современной литературы», и буду говорить о васъ безпристрастно и въ ту и другую сторону». Въ октябрѣ 1852 года К. Аксаковъ написалъ длинное письмо Тургеневу, въ которомъ излагаетъ критическую оцѣнку «Записокъ Охотника». «Первая минута, писалъ онъ, разсвѣта послѣ ночи свѣтла, но передъ настоящимъ днемъ она только полусвѣтла. Ваши «Записки Охотника» одно только мерцаніе какого-то свѣта». Тургеневъ въ письмѣ отъ 26-го октября 1852 г. благодарилъ К. С. Аксакова за его откровенный отзывъ о «Запискахъ Охотника». «Зачѣмъ, спросите вы, я издалъ ихъ,— писалъ Тургеневъ. А затѣмъ, чтобы отдѣлаться отъ нихъ, отъ этой старой манеры» (К. Аксаковъ упрекалъ автора «Записокъ» въ дѣланности, сочинительствѣ и желаніи все сказать повыразительнѣе).

Во второй половинѣ 50-хъ годовъ Тургеневъ переживалъ нравственный кризисъ, о чемъ свидѣтельствуютъ не только показанія друзей, но и его собственныя письма. «Скажу тебѣ на ухо съ просьбой не проболтаться, писалъ—Тургеневъ В. П. Боткину [1]):—ни одной моей строчки никогда напечатано (да и написано) не будетъ, до скончанія вѣка. Третьяго дня я не сжегъ (потому, что боялся впасть въ подражаніе Гоголю), но изорвалъ и бросилъ въ waler-closed всѣ мои начинанія, планы и т. д. Все это вздоръ. Таланта, съ особенной физіономіей, у меня нѣтъ; были поэтическія струнки, да онѣ прозвучали и отзвучали, повторять не хочется. Въ отставку! Это не вспышка досады, повѣрь мнѣ; это выраженіе или плодъ медленно созрѣвшаго убѣжденія. Неуспѣхъ моихъ повѣстей [2]) ничего мнѣ не сказалъ новаго... Ты, вѣроятно, подумаешь, что все это преувеличеніе, и ты мнѣ не повѣришь. Ты увидишь, я надѣюсь, что я никогда не говорилъ серьезнѣе и искреннѣе Ты знаешь, я хотѣлъ бросить стихи писать, какъ только убѣдился, что я не поэтъ, а по теперешнему моему убѣжденію я такой же повѣствователь, какой былъ поэтъ» [3]).

Кризисъ въ немъ былъ вызванъ наступленіемъ болѣе зрѣлаго періода дѣятельности и оцѣнки своихъ прежнихъ произведеній, къ которымъ Тургеневъ относился строго и, какъ истинный художникъ, онъ ча-

---

[1]) «XXV лѣтъ, 1859—1884», стр. 500—501.

[2]) Въ это время вышло изданіе повѣстей и разсказовъ И. С. Тургенева.

[3]) И. С. Тургеневъ весьма невысоко ставилъ свои стихотворныя произведенія и считалъ ихъ совершенно ничтожными и незаслуживающими уваженія. Одинъ разъ при мнѣ зашла рѣчь объ его стихотвореніи, включенномъ потомъ Н. Ф. Щербиной въ „Сборникъ лирической поэзіи“. Тургеневъ сказалъ: «удивляюсь, что люди съ эстетическимъ вкусомъ могутъ собирать и печатать такую дребедень».

сто переживалъ припадки недовольства собою и своими произведеніями. Онъ уѣхалъ за границу отъ давившей его хандры и мрачнаго состоянія духа и провелъ зиму въ Римѣ, пребываніе въ которомъ и слухи о предстоящей крестьянской реформѣ и ожидаемыхъ отъ новаго царствованія преобразованіяхъ его ободрили и вселили.

— Зима въ Римѣ прекрасное средство для всякаго писателя, готоваго впасть въ отчаяніе,—сказалъ мнѣ разъ И. С. Тургеневъ,—и Гоголь, конечно, былъ правъ, когда послѣ потрясшей его нервы постановки «Ревизора» на сценѣ искалъ спасенія въ вѣчномъ городѣ отъ удручавшей его хандры. Константинъ Аксаковъ этого не понималъ и горячо упрекалъ столь любимаго имъ Гоголя за его бѣгство, забывъ, что онъ именно въ Римѣ написалъ свои «Мертвыя Души». Россію можно любить и понимать только за границей, это говорили столь не сходные люди, какъ Гоголь и Герценъ, и я самъ то же думаю.

25-го сентября 1856 г. Тургеневъ писалъ П. В. Анненкову: «Что касается до моего внезапнаго путешествія въ Римъ, то, поразсмысливъ хорошенько дѣло, вы, надѣюсь, убѣдитесь сами, что для меня, послѣ всѣхъ моихъ треволненій и мукъ душевныхъ, послѣ ужасной зимы въ Парижѣ, тихая, исполненная спокойной работы зима въ Римѣ, среди величественной и умиряющей обстановки, просто душеспасительна. Въ Петербургѣ мнѣ было хорошо со всѣми друзьями, а о работѣ нечего было и думать; а мнѣ теперь, послѣ такого долгаго бездѣйствія, предстоитъ либо бросить мою литературу совсѣмъ, и окончательно, либо попытаться: нельзя-ли еще разъ возродиться духомъ» [1]).

Желаніе Тургенева возродиться духомъ исполнилось; зима, проведенная въ Римѣ, подѣйствовала весьма благотворно на его литературное творчество. Въ концѣ 1857 года онъ написалъ свою извѣстную и очаровательную повѣсть «Ася» [2]) и задумалъ «Дворянское гнѣздо», которое появилось въ томъ же журналѣ «Современникъ», вызвавъ общій восторгъ читателей.

Впечатлѣніе, произведенное этимъ романомъ, было сильное, похвала ему единодушная; журнальная критика, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, отозвалась о новомъ романѣ съ величайшей похвалой. П. В. Анненковъ въ статьѣ, посвященной этому роману, писалъ: «на этомъ романѣ сошлись люди противоположныхъ партій въ одномъ общемъ приговорѣ; представители разнородныхъ системъ и воззрѣній подали другъ другу руку и выразили одно и то же мнѣніе. Романъ былъ сиг-

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1885 г., мартъ, стр. 8 и 9.

[2]) Повѣсть „Ася» вызвала не мало толковъ въ нашихъ литературныхъ кружкахъ; было ясно, что Тургеневъ измѣнилъ свою манеру писать. Все написанное имъ послѣ этой повѣсти вполнѣ реально—въ авторѣ созрѣлъ тонкій и точный наблюдатель жизни.

наломъ повсемѣстнаго примиренія и образовалъ родъ какого-то литературнаго treve de Dieu, гдѣ каждый позабылъ на время свои любимыя мнѣнія, чтобы вмѣстѣ съ другими спокойно насладиться произведеніемъ и присоединить свой голосъ къ общей и единодушной похвалѣ» [1]).

Талантъ И. С. Тургенева очевидно созрѣлъ въ это время, и даже люди, не особенно расположенные къ нему, восхищались и зачитывались романомъ. Тургеневъ расцвѣлъ и ободрился, въ виду успѣха своего романа, о которомъ и Аксаковы отозвались съ большой похвалой. И. С. Аксаковъ говорилъ мнѣ, что многія наиболѣе симпатичныя ему мѣста романа, очевидно, навѣяны предшествующимъ сближеніемъ автора съ ихъ взглядами и что въ лицѣ Лаврецкаго Тургеневъ желалъ изобразить русскаго человѣка и помѣщика, довольно близкаго къ московскимъ идеямъ ихъ кружка. Съ своей стороны Тургеневъ писалъ С. Т. Аксакову: «Книга ваша («Семейная Хроника») произвела даже впечатлѣніе за границей», скоро появится о ней подробный отчетъ въ «Revue de deux Mondes».

«Что касается до меня, то пребываніе во Франціи произвело на меня обычное свое дѣйствіе: все, что я вижу и слышу, какъ-то тѣснѣе и ближе прижимаетъ меня къ Россіи, все родное становится для меня вдвойнѣ дорого, и если бы не особенныя, ужъ точно независящія отъ меня обсоятельства, я бы теперь же вернулся домой» [2]). Посылая С. Т. Аксакову новое изданіе собранія своихъ повѣстей, И. С. Тургеневъ писалъ: «въ нихъ, я это знаю, слишкомъ много слабаго и не додѣланнаго—не додѣланнаго отчасти по лѣни, а отчасти—чего грѣхъ таить—отъ безсилія, но вы пропускайте или дополняйте мысленно плохое и взгляните снисходительно на остальное. Я одинъ изъ писателей междуцарствія, эпохи между Гоголемъ и будущимъ главой, мы всѣ разрабатывали въ ширину и въ разбивку то, что великій талантъ сжалъ бы въ одно крѣпкое цѣлое, добытое имъ изъ глубины; что же дѣлать? Такъ насъ и судите».

Весной 1861 года Тургеневъ пріѣхалъ въ Россію и видѣлся въ Москвѣ съ Иваномъ Аксаковымъ, который въ это время хлопоталъ о разрѣшеніи издавать «День» и просилъ Тургенева принять участіе въ его газетѣ. Лѣто этого года Тургеневъ провелъ въ своей деревнѣ и, какъ писалъ Аксакову и Д. Я. Колбасину, чтобы присутствовать при медлительномъ устройствѣ новаго быта своихъ бывшихъ крѣпостныхъ. Тургеневъ, какъ это видно изъ его писемъ, и какъ это говорилъ И. С. Аксаковъ, собирался написать для Аксаковскаго «Дня» статью о томъ, что видѣлъ въ деревнѣ, послѣ манифеста 19-го февраля 1861 г.

[1]) Статья П. В. Анненкова напечатана въ „Рус. Вѣст.“ за 1859 г., № 6.
[2]) Письмо изъ Парижа отъ 1-го ноября 1856 года.

4-го сентября 1861 г. И. С. Аксаковъ написалъ Тургеневу изъ Москвы слѣдующее письмо: «Пишу вамъ, чтобы только напомнить вамъ, дорогой Иванъ Сергѣевичъ, о вашемъ обѣщаніи. Мнѣ очень нужно такое письмо дѣловое и дѣльное изъ провинціи, съ мѣста; нужно пропустить живую струю свѣжаго воздуха, которая только и можетъ вѣять оттуда съ низу. Пожалуйста напишите. Я уже не говорю о томъ, какъ дорожу вашимъ сотрудничествомъ».

Не знаю, была-ли написана обѣщанная И. С. Аксакову статья, но во всякомъ случаѣ она не была доставлена въ редакцію «Дня», Тургеневъ въ это время окончилъ свой романъ «Отцы и Дѣти» и, вѣроятно, не успѣлъ написать своей статьи.

Весной 1867 г., послѣ появленія въ мартовской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» извѣстнаго романа Тургенева «Дымъ», мнѣ пришлось говорить съ Аксаковымъ о «Дымѣ», и меня удивляло раздраженіе, съ которымъ Аксаковъ относился къ этому роману. Онъ еще на вечерѣ передъ торжественнымъ открытіемъ памятника Пушкину назвалъ Тургенева «несправимымъ западникомъ» и доктринеромъ либеральнаго пошиба. Въ 1881 г., когда я посѣтилъ Аксакова въ Москвѣ, на пути въ восточную Румелію, и былъ нѣсколько разъ у него, при чемъ мнѣ пришлось много и долго бесѣдовать—рѣчь зашла и о Тургеневѣ, и мнѣ было непріятно слышать рѣзкіе отзывы Ив. Серг. Аксакова, котораго я любилъ и глубоко уважалъ,—о Тургеневѣ. Онъ подвергалъ этотъ романъ пристрастному и придирчивому разбору, желая доказать, что въ этомъ романѣ нѣтъ даже признаковъ прежняго таланта.

— Я знаю хорошо Тургенева, у него нѣтъ сатирическаго дарованія, хотя онъ теперь видимо желаетъ стать сатирикомъ,—говорилъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ.

Онъ порицалъ все въ этомъ романѣ и громилъ не только мысли Потугина, но и самого Литвинова. Это совсѣмъ не тотъ русскій человѣкъ и помѣщикъ, котораго Тургеневъ изображалъ въ прежнихъ своихъ романахъ (въ «Рудинѣ» и «Дворянскомъ Гнѣздѣ»)—это не тотъ типъ деревенскаго русскаго человѣка, которому нельзя было не сочувствовать, въ лицѣ Лежнева и Лаврецкаго. Литвиновъ, по характеристикѣ самого автора, дѣльный, нѣсколько самоувѣренный малый, спокойный и простой. Но когда же самоувѣренность соединяется съ простотой въ русскомъ человѣкѣ!!? Ив. Серг. Аксаковъ даже хвалилъ статью Н. Н. Страхова о «Дымѣ» въ «Отечественныхъ Запискахъ», хотя едва-ли эта статья можетъ считаться лучшимъ критическимъ трудомъ покойнаго писателя.

Я горячо спорилъ съ И. С. Аксаковымъ объ этомъ романѣ Тургенева, въ которомъ, правда, нѣтъ прежней свѣжести и мягкости, но замѣчаются небывалыя, въ его другихъ произведеніяхъ, сила и яркость красокъ. Мнѣ нравилось въ этомъ романѣ то, что авторъ въ лицѣ своего

героя Литвинова высказалъ убѣжденіе, что русскимъ людямъ, у которыхъ столько дѣла дома, нечего искать свѣта просвѣщенія и даже не безопасно учиться за границей агрономіи, ибо на западѣ гораздо болѣе соблазновъ, чѣмъ въ нашей сѣрой деревнѣ.

Настоящая статья, на основаніи опубликованной въ нашей печати переписки И. С. Тургенева съ семействомъ Аксаковыхъ, достаточно указываетъ, что Тургеневъ вовсе не былъ чуждъ стремленій, вытекающихъ изъ духовнаго строя русскаго народа, русской земли и такъ, какъ его другъ Герценъ, Тургеневъ страстно любилъ русскій народъ, русскій бытъ и особый складъ русскаго ума, постоянно испытывая тоску по родинѣ, о чемъ онъ не разъ говорилъ самъ, въ перепискѣ съ людьми близкими. Въ письмахъ къ Аксаковымъ высказывая эти чувства, Тургеневъ отнюдь не дукавилъ и не лицемѣрилъ—это было не въ его натурѣ.

И. С. Аксаковъ, при извѣстіи о кончинѣ Тургенева послѣдовавшей въ Буживалѣ, близъ Парижа, 22-го августа 1883 года, въ некрологѣ (см. «Русь» № 17, за 1883 г.), посвященномъ его памяти, написалъ нѣсколько сердечныхъ и вполнѣ справедливыхъ строкъ, воздавая должное Тургеневу, какъ великому мастеру и художнику русскаго изящнаго слова, будившему наше самосознаніе такими романами, какъ «Рудинъ», «Дворянское Гнѣздо» и «Отцы и Дѣти» [1]).

Павелъ Матвѣевъ.

---

[1]) Письмо отъ 14-го іюля 1861 г., изъ Спасскаго (см. „Полное собраніе писемъ И. С. Тургенева“, изд. Лит. фонда, стр. 91). Въ той же Аксаковской „Руси“, въ № отъ 1-го декабря 1883 года, была напечатана статья Н. Н. Страхова, подъ заглавіемъ „Поминки по Тургеневѣ“, въ заключеніи которой было сказано: „мудрено винить такихъ людей, какъ Тургеневъ; они дѣти своего времени, но очевидно изъ тѣхъ дѣтей, которыя способны были бы примкнуть къ самымъ высокимъ стремленіямъ времени“.

Изъ переписки князя В. Ѳ. Одоевскаго [1]).

V. Письма Н. Ф. Павлова.

1.

2-го сентября 1827 г.

Любезный другъ князь Владиміръ Ѳедоровичъ.

Я еще не отвѣчалъ на твое послѣднее письмо, а времени много прошло: впрочемъ, я не люблю переписки съ людьми, которые имѣютъ мѣсто въ сердцѣ моемъ. Всегда за такимъ письмомъ тѣснятся въ голову мнѣ грустныя мысли, и хочется писать, бесѣдовать съ далекимъ другомъ не о весельяхъ жизни, а объ ея ничтожествѣ. Однакоже есть тутъ еще причины: мое здоровье разстроилось, часто бываю боленъ, къ тому же сдѣлался добрымъ служивымъ, ничего больше не дѣлаю, какъ только служу [2]), но не на заднихъ ногахъ. Боюсь нажить по службѣ враговъ, потому что часто спорю и забываю отношенія: ты меня поймешь, а очень многіе здѣсь не понимаютъ. Куешь дѣло о жизни и чести человѣка, такъ зачѣмъ справляться, какъ думаютъ сильные о томъ, кто правъ или виноватъ: совѣсть и законъ. Я говорю о томъ, что испыталъ; на меня сердятся, а все говорятъ, что я правъ. Въ какой наготѣ преступники представляютъ мнѣ человѣчество: люблю я встрѣчать, но не радъ той, которая болѣе и болѣе должна утверждать меня въ моей основной мысли, напечатанной въ стихахъ [3]), о

[1]) См. „Русскую Старину“, мартъ 1903 г.

[2]) Николай Филипповичъ Павловъ (р. 1805 † 1864), талантливый писатель и журналистъ, авторъ извѣстныхъ „Трехъ повѣстей“, появившихся въ свѣтъ въ 1835 году, былъ въ это время засѣдателемъ 1-го департамента Московскаго надворнаго суда.

[3]) Вѣроятно, здѣсь имѣется въ виду стихотвореніе Павлова „Элегія“, напечатанное въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1826 года, т. IX, отдѣленіе второе, стр. 153—154.

которыхъ ты пишешь. Вижу закоренѣлыхъ злодѣевъ, вижу плутовъ, и часто дрожитъ рука, подписывая приговоръ преступнику по обстоятельствамъ, а не по склонностямъ; впрочемъ, желалъ бы я думать, что послѣднихъ нѣтъ. Наши уголовные законы хороши, но въ производствѣ дѣлъ, освященномъ временемъ, многое должно поправить. Я разболтался о своихъ занятіяхъ, однакоже тебя не боюсь: ты прочтешь это, и въ тишинѣ твоего кабинета посвятишь нѣсколько времени на размышленіе вообще объ уголовныхъ законахъ и о преступленіяхъ: это важное отдѣленіе мудрости человѣческой. Много ли узаконеній на свѣтѣ, въ которыхъ бы точно опредѣлено было, что такое преступленіе, и роды его оттѣнены были живыми, замѣтными красками? Завидую тебѣ, ты у берега и увидалъ ясно цѣль свою, потому что покорилъ себя труду, можетъ быть, единственному счастію. Найди свободное время и напиши, что ты дѣлаешь. Писаревъ [1]) съ Дмитріевымъ [2]) сбираются издавать журналъ [3]). Колумбъ [4]) не подвигается на морѣ литературы. Полевой у васъ; онъ, я слышалъ, на меня сердитъ. Если будетъ тебѣ говорить обо мнѣ то же, что говорилъ здѣсь Вердеревскому [5]), только это такой вздоръ, котораго слушать нельзя, и не знаю, съ чего онъ это выдумалъ. Отъ тебя являлся ко мнѣ человѣкъ: я ему далъ сто руб(лей) ас(сигнаціями) и получилъ въ томъ росписку, только послѣ онъ пропалъ. Графъ М. Вьельгорскій [6]) писалъ къ Кокошкину [7]), что въ Петербургѣ хотятъ играть мою «Марію Стуартъ» [8]), и просилъ узнать, на какихъ

---

[1]) Даровитый водевилистъ Александръ Ивановичъ Писаревъ (р. 1803 † 1828 г.).

[2]) Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ (р. 1796 † 1866), стихотворецъ, авторъ „Мелочей изъ запаса моей памяти“.

[3]) Изданіе этого предполагавшагося журнала не осуществилось.

[4]) Большая историческая комедія А. И. Писарева „Колумбъ“, оставшаяся неоконченною. По свидѣтельству С. Т. Аксакова въ некрологѣ Писарева планъ этой комедіи былъ расположенъ превосходно, обдуманъ во всѣхъ подробностяхъ, и одно дѣйствіе ея было уже написано. Эта комедія, по мнѣнію Аксакова, увѣнчала бы Писарева долговѣчными лаврами (см. „Московскій Вѣстникъ“ 1828 г., № VI, стр. 239).

[5]) Быть можетъ, Василій Евграфовичъ Вердеревскій, переводчикъ „Паризины“ Байрона (Спб. 1827). О знакомствѣ В. Е. Вердеревскаго съ Полевымъ упоминается въ „Запискахъ Ксенофонта Алексѣевича Полеваго“, Спб. 1888, стр. 94.

[6]) Графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій (р. 1788 † 1856), впослѣдствіи оберъ-шенкъ, былъ въ это время членомъ Комитета управленія Императорскими театрами.

[7]) Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокошкинъ (р. 1773 † 1838), переводчикъ Мольерова „Мизантропа“, съ 1823 по 1831 годъ управлялъ Московскимъ театромъ,

[8]) Исполненный Н. Ф. Павловымъ переводъ въ стихахъ французской передѣлки трагедіи Шиллера „Марія Стуартъ“ былъ напечатанъ въ Москвѣ въ 1825 году.

условіяхъ хочу я отдать ее, и я чрезъ Кокошкина увѣдомилъ его, что желаю имѣть второе представленіе зимой въ пользу мою на казенныхъ издержкахъ; такъ и въ штатѣ назначено, только за переводъ трагедіи въ стихахъ дается второй сборъ не на казенныхъ издержкахъ; съѣзди къ графу, напомни ему, похлопочи за меня и возьми совершенно на свои руки мое дитя. Я думаю, что онъ согласится сдѣлать для меня одолженіе и вечеровыя издержки приметъ на дирекцію, потому что иначе безъ меня могутъ онѣ быть и слишкомъ велики. Впрочемъ, я бы готовъ былъ взять три тысячи руб. Съ этой же почтой я пишу самъ къ графу [1]) при письмѣ князя Вяземскаго [2]). Деньги мнѣ нужны до крайности, и я увѣренъ, что ты похлопочешь какъ за себя; будь на репетиціяхъ, позаботься о представленіи, а больше о платѣ, къ которой не былъ бы я такъ чувствителенъ, если бъ не семейство мое. Жду отъ тебя извѣстія о «Маріи» и о тебѣ.

Истинно твой Н. Павловъ.

Пиши мнѣ: въ 1-й департаментъ надворнаго суда, г. засѣдателю. Не прислать-ли къ тебѣ заемное письмо Осипова и росписку Ивана Микулина?

2 [3]).

Москва. 6-го апрѣля 1839.

Я послалъ Краевскому [4]) стихи Хомякова [5]), выпрошу и у Баратынскаго [6]), который написалъ нѣсколько піесъ. Мы-то не осрамимъ своихъ именъ, не дадимъ теперь въ «Сто литтер(аторовъ)» [7]), да ты-то зачѣмъ срамишь свое, печатаясь въ «Сынѣ Отечества» [8])? Нельзя-ли возобновить эту старую эпиграмму [9])? Она передѣлана на новые нравы:

---

[1]) М. Ю. Віельгорскому.

[2]) Князя Петра Андреевича.

[3]) Помѣщаемъ только конецъ письма; бо́льшая часть его касается имущественныхъ дѣлъ матери князя В. Ѳ. Одоевскаго, Е. А. Сѣченовой.

[4]) Андрей Александровичъ Краевскій былъ въ это время редакторомъ „Отечественныхъ Записокъ“, которыя стали выходить съ 1839 года.

[5]) Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1839 г., т. VI, отд. III, стр. 143—144, напечатано стихотвореніе А. С. Хомякова „Гордись, тебѣ льстецы сказали!“

[6]) Евгенія Абрамовича.

[7]) „Сто русскихъ литераторовъ“, альманахъ, изданный А. Ф. Смирдинымъ, въ трехъ томахъ, въ 1839—1845 гг.

[8]) Въ „Сынѣ Отечества“ 1839 года (негласнымъ редакторомъ котораго былъ тогда Н. А. Полевой) князь В. Ѳ. Одоевскій помѣстилъ повѣсть „Свидѣтель“ („Сынъ Отечества“ 1839 г., т. VII, Русская Словесность, стр. 77—90).

[9]) На Н. А. Полеваго.

Онъ вѣчно цеховой у Цинскаго [1]) пріятель,
Онъ первой гильдіи подлецъ,
Второй онъ гильдіи купецъ
И трет(ь)ей гильдіи писатель.

Новогодникъ-негодникъ.

Да когда же напечатаются мои повѣсти? Мы о «Запискахъ» хлопочемъ. Получилъ-ли Красвскій статью Шевырева [2])? Отчего онъ не печатаетъ Мельгунова [3])? У Мельгунова много готовыхъ и занимательныхъ статей. Я съ своей стороны внесу и постараюсь, чтобъ вы вносомъ были довольны. Княгинѣ мой усерднѣйшій поклонъ. Титову, Враскому [4]), Венев(итинову) и проч.

Н. Павловъ.

3.

Москва, 8-го генваря 1840.

Прочитавъ въ «Сынѣ Отечества» объявленіе, что въ 3-мъ томѣ «Ста литтераторовъ» будетъ твой портретъ, долгомъ считаю сообщить тебѣ выписку изъ твоего письма, писаннаго ко мнѣ нынѣшнимъ лѣтомъ и прочитаннаго мною со всѣмъ жаромъ добродѣтельнаго негодованія.

Выписка:

«Скажи Хомякову, какъ ему не стыдно до сихъ поръ хоть плюнуть въ «Отеч(ественныя) Записки»? Неужьли у васъ въ Москвѣ не понимаютъ, какъ важно для насъ содѣйствіе добрыхъ людей, когда негодяи заставляютъ истинно удивляться всѣмъ своимъ выдумкамъ, чтобы уронить это изданіе, которое приводитъ ихъ въ отчаяніе. Увѣряю тебя честію, что нѣтъ гадости, которой бы они не употребили противъ насъ. Скажи о семъ и Баратынскому. Да спроси у нихъ, неужели они осрамятъ свои имена помѣщеніемъ ихъ въ «Сто литераторовъ»? Я очень любопытенъ это знать».

Съ подлиннымъ вѣрно. Н. Павловъ.

Чтобъ больше тебя поразить, я не выписалъ послѣднихъ словъ

---

[1]) Московскій оберъ-полиціймейстеръ Левъ Михайловичъ Цынскій.

[2]) Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1839 года, томъ III (Словесность, стр. 101—130), помѣщена статья Шевырева „Дорожные эскизы на пути изъ Франкфурта въ Берлинъ“.

[3]) Николай Александровичъ Мельгуновъ (р. 1804 † 1867), литераторъ, человѣкъ весьма образованный, пріятель Погодина и Шевырева. Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1839 года, томъ III (Науки, стр. 112—128) напечатана статья Мельгунова: „Шеллингъ. Изъ путевыхъ записокъ“.

[4]) Борисъ Алексѣевичъ Враскій, служившій экспедиторомъ въ III Отдѣленіи собственной его величества канцеляріи, былъ женатъ на сестрѣ княгини О. С. Одоевской, Зинаидѣ Степановнѣ Ланской.

твоего письма: «по крайней мѣрѣ теперь», на которыя можешь ты опереться. Впрочемъ, я думаю, что Полевой объявилъ по слухамъ. Смотри же, не осердись на меня. Поздравилъ-ли тебя и княгиню Краевскій съ новымъ годомъ на вашемъ прекрасномъ вечерѣ отъ вашего душою Н. Павлова.

4.

Москва, 29-го генваря 1840.

Я зналъ заранѣе, любезный другъ князь Владиміръ Ѳедоровичь, что объявленіе Полеваго [1]) ложь, и хотѣлъ только слышать это отъ тебя самого, чтобъ въ душѣ у меня или въ воображеніи не осталось ни малѣйшей тѣни сомнѣнія, ни самой крошечной мысли о слабости человѣческой. Вѣдь ты подъ часъ великодушенъ. Выкланялъ же у тебя Полевой статью въ «Сынъ Отечества». Могъ я думать, что и теперь напали на тебя со всѣхъ сторонъ, упросили, умолили—ты и палъ. Но ты правъ, кругомъ правъ. Я не принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые составляютъ мнѣніе о друзьяхъ и пріятеляхъ подъ вліяніемъ минуты или со словъ другихъ, и потому ты напрасно въ свою защиту изложилъ столько фактовъ. Они привели меня къ результатамъ, къ которымъ давно я дошелъ, т. е. мнѣніе мое о князѣ Одоевскомъ есть теперь точно такое же, какое было и прежде. Неужли ты или я,—мы зависимъ сколько-нибудь отъ вранья Полеваго и братьи? Я разумѣю наше нравственное достоинство или наше political dignity [2]). Не могу однакоже скрыть отъ тебя моего особеннаго удовольствія при чтеніи твоего письма. Ты далъ ему этотъ м о р а л ь н ы й цвѣтъ, ты упомянулъ о political dignity, которые мнѣ очень пригодятся ниже, когда я стану нападать не на тебя, не на твое лицо, а на ту часть твоей практической дѣятельности и на тотъ отрывокъ твоего духа, который присутствуетъ при изданіи журнала [3]). Впрочемъ, объ этомъ послѣ. Надо мнѣ начать съ своего оправданья. Ты говоришь, что мы не прибавили ни одного подписчика [4]), упрекаешь насъ въ лѣни, равнодушіи и проч. Что я лѣнивъ, онъ лѣнивъ, мы лѣнивы—правда. Брань намъ за это достойна и праведна. Впрочемъ, я все-таки кое-что дѣлаю, дѣятельность моя приходитъ съ нѣкоторыхъ поръ въ большее движеніе, совсѣмъ я еще не засыпалъ, много начато, иное продолжается,—ну да это въ сторону. Вотъ въ чемъ дѣло—равнодушнымъ-то я еще не былъ, къ

---

[1]) О томъ, что при сборникѣ „Сто литераторовъ“ будетъ помѣщенъ портретъ князя Одоевскаго.

[2]) Политическое достоинство.

[3]) „Отечественныхъ Записокъ“.

[4]) „Отечественнымъ Записками“.

несчастію. Мало написалъ для васъ—положимъ, но, спросите, кого хотите, кто здѣсь вопилъ объ «Отеч(ественныхъ) Зап(искахъ)»? Кто всѣхъ усовѣщевалъ для сотрудничества? Не прибавили подписчиковъ? Нѣтъ, другъ, журналъ бралъ, конечно, своимъ достоинствомъ, но, между тѣмъ, теперь подписались здѣсь люди, которые ни на что не подписывались; въ Тамбовѣ «Библіотека» [1]) совсѣмъ вытѣснена, воцарились «Отечественныя Записки»; я ужь когда говорю за кого, такъ не боюсь себя компрометировать, я объ «Отечест(венныхъ) Запис(кахъ)» толковалъ и на вечерахъ, и на обѣдахъ, и дамамъ, которыя не знаютъ порусски, заводилъ споры, дѣлалъ изъ нихъ вопросъ дня, наконецъ писалъ повсюду, куда только могъ писать, сбирался даже отправить посланье въ Уральскъ, но руки опустились. Въ продолженіе года въ журналѣ были имена и Шевырева, и Мельгунова, и Хомякова, и Баратынскаго, и мое. Мало, правда, но отчего же, напримѣръ, о чемъ я и писалъ къ Краевскому, не прислали мнѣ ты или онъ записочки къ Шевыреву? Я досталъ бы отъ него статью, и онъ не поскупился бъ. Я съ своей стороны чистъ передъ вами, да что я говорю? Я изъ этого не дѣлаю себѣ заслуги въ вашихъ глазахъ. Я дѣйствовалъ въ пользу идеи, въ пользу нашу, въ пользу свою. На Краевскаго нападали, но я видѣлъ, что это были нападенья, которыя необходимы инымъ, какъ пища и сонъ. Вѣдь надо же инымъ нападать на все, какъ бы это и ни было хорошо. Я не требовалъ идеальнаго, а просто радовался, что Краевскій ведетъ журналъ очень умно, достигаетъ возможнаго, книжки становятся все занимательнѣе да занимательнѣе, кругъ читателей расширяется, и публика привыкаетъ чаще упоминать «Отечественныя Записки», чѣмъ другіе журналы. Я вѣдь вашихъ дѣлъ не знаю; можетъ быть, дѣйствія Краевскаго въ продолженіе года оказали свои слѣдст(в)ія при подпискѣ, и она увеличилась,—но скажи, ради Бога, для чего вздумалось вамъ къ концу года и къ началу новаго напречь всѣ силы, чтобъ уничтожить плоды своего долготерпѣнья, ума, души и трудовъ? Вы выписали Бѣлинскаго [2]). Вѣдь онъ извѣстенъ. Этотъ мортусъ отправилъ похороны «Телескопа» и «Наблюдателя» [3]). Я думалъ, что для облегченія Краевскаго необходима такая пишущая машина, какъ Бѣлинскій, но мнѣ въ голову не входило, что надъ нимъ не будетъ надзора, что онъ станетъ то же писать, что писалъ въ «Наблюдателѣ», что дастъ цвѣтъ и свое направленіе «Отечественнымъ Запискамъ». Вотъ тутъ ты кругомъ виноватъ. Вотъ равнодушіе-то непростительное.

---

[1]) Т. е. „Библіотека для Чтенія“, издававшаяся Сенковскимъ.

[2]) Павловъ вездѣ пишетъ фамилію В. Г. Бѣлинскаго „Белинскій“.

[3]) Бѣлинскій былъ сотрудникомъ „Телескопа“ и негласнымъ редакторомъ (съ 1838 г.) „Московскаго Наблюдателя“.

Вѣдь ты не читалъ, видно, его статей; видно, и Краевскій также не читалъ, или ужь вы до того заняты, что вамъ нѣтъ времени подумать двухъ минутъ ни о человѣкѣ, ни о томъ, что онъ пишетъ. Я, любезный другъ, отправляя къ тебѣ это посланіе, поднимаю на себя ножъ. Ну, да такъ и быть. Задняя мысль самосохраненія соприсутствовала при всѣхъ поступкахъ моей жизни, но толку отъ нея никогда не было. Я всегда находилъ удовольствіе дѣлать на зло ей, не отъ того, чтобъ былъ способенъ жертвовать собой, а просто отъ того, что люблю рваться изъ всякихъ возжей. У меня оставался одинъ журналъ—вашъ. Всѣ противъ. Возстаньте и вы, но вамъ-то я ужь скажу правду. Если вы не знаете, то довожу до вашего свѣдѣнія, что Бѣлинскій не смыслитъ ни одного иностраннаго языка, слѣдовательно, пишетъ о Гегелѣ по наслуху, наобумъ, поступокъ, конечно, совершенно національный, тутъ много народности, много русской смѣтливости, но въ такомъ важномъ дѣлѣ народности и смѣтливости недостаточно,—тутъ надо знаніе и добросовѣстность. Изъ этого выходитъ, что положенія Гегеля перепутаны, не такъ переданы, что васъ на каждомъ шагу поражаетъ какая-то ребяческая самоувѣренность и наглость невѣжества. Чтобъ сказать пустую вещь, люди поверхностные довольствуются этимъ, люди мыслящіе смотрятъ глубже,—онъ говоритъ въ 12-й т(етради) на стр. 10-й: «Но для людей, духовному ясновидѣнію которыхъ открыта глубина и *внутренняя сущность вещей*» [1]) и проч. Я выписалъ эту фразу за тѣмъ, чтобъ спросить, кто же эти люди, кому это открыта внутренняя сущность? Нельзя вообразить читателя, кому бы такого рода статьи были пріятны. Человѣкъ не размышляетъ, а безъ доказательствъ, безъ выводовъ, навязываетъ вамъ свое мнѣніе и утверждаетъ, что если вы не примете этого мнѣнія, то вы скотина, дуракъ. Такъ писать можно только въ Россіи. Потомъ, если ужъ начинаетъ хвалить, то именно по русской пословицѣ: заставь дурака Богу молиться и проч. Ну что, напримѣръ, это значитъ—въ 1-мъ номерѣ на стр. 21: «Великая, безконечно великая черта художественнаго генія—*этотъ гусакъ*» [2]). Мы здѣсь умерли-было со смѣху. Правда, на языкѣ у Бѣлинскаго великій не значитъ ничего. Вѣдь онъ ужь писалъ—великій Мочаловъ [3]), ужь онъ кувыркался пе-

---

[1]) Въ критической статьѣ по поводу „Очерковъ Бородинскаго сраженія“ Ѳ. Н. Глинки (Москва. 1839) (см. „Отечественныя Записки“ 1839 г., т. VII, Критика, стр. 10).

[2]) Въ „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“ Гоголя. См. „Отечественныя Записки“ 1840 года, т. VIII, Критика. (Разборъ „Горя отъ ума“), стр. 21.

[3]) См. статью Бѣлинскаго „Гамлетъ, драма Шекспира. Мочаловъ въ роли Гамлета“ въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ 1838 года, ч. XVI („Дарованье

редъ переводомъ «Гамлета» Полеваго [1]). Я вырвалъ два клочка, но что говорить объ этихъ двухъ ужасныхъ статьяхъ: «Бородинская годовщина» [2]) и «Очерки Бородинскаго сраженія» [3])? Что это за сумбуръ [4])! Да, ради Бога, прочти. Я не противъ философіи, я уважаю ея процессъ, не вѣрю резуль(та)тамъ, но радъ умной, дѣльной статьѣ, только написанной человѣкомъ, знающимъ дѣло. Въ области мысли я проповѣдую терпимость. Но у Бѣлинскаго не можетъ быть философіи, а выходитъ одна болтовня, и такая, которая гораздо вреднѣе Булгарина и Сенковскаго. Что ты мнѣ говоришь о нихъ! Нѣтъ, другъ, мнѣ слышать больно, что, развер(тываютъ) «Отечественныя Записки» и здѣсь, да и у васъ въ Петербургѣ, и говорятъ, что этого еще не писалъ ни Булгаринъ, ни Гречъ. Да въ чемъ вы противъ нихъ возстаете, въ томъ, что они разбранятъ тебя или меня—великая бѣда! Нѣтъ, другъ, примѣръ человѣка, который валяетъ съ плеча обо всемъ, что есть святаго,—изъ фразъ его, изъ теченія противорѣчащихъ мыслей можно доказать, что онъ самъ себя не понимаетъ,—человѣка, который все перепуталъ, перевралъ, какъ напримѣръ, хоть раздѣленье драматической поэзіи—этотъ примѣръ вреднѣе, гибельнѣе для юношей. Потомъ цѣль его идолопоклонство искусству, какъ понималъ его Гёте [5]). Что я говорю? цѣль. Какая у него цѣль! Вѣдь онъ Гёте также не читалъ. Онъ топчетъ въ грязь моральную сторону искусства—вѣдь однако это не твой и не Краевскаго взглядъ, да и кто же въ Россіи это пойметъ, да и гдѣ, кромѣ Германіи, поймутъ это? Въ нашъ вѣкъ объ этомъ можно завести длинный споръ. Разумѣется, я не говорю, чтобъ искусство предписывало: будь добръ и честенъ, а говорю, что можно извинять людей, у которыхъ сердце лежитъ больше къ Шиллеру, чѣмъ (къ) Гёте. Всего не напи-

---

этого артиста—писалъ Бѣлинскій (стр. 464)—мы, по глубокому убѣжденію почитаемъ великимъ и геніяльнымъ").

[1]) См. статью Бѣлинскаго о переводѣ „Гамлета" Полеваго, тамъ же, ч. XVII, стр. 80–97. Бѣлинскій находилъ, что „переводъ „Гамлета" есть одна изъ самыхъ блестящихъ заслугъ г. Полеваго русской литературѣ" (стр. 97).

[2]) См. „Отечественныя Записки" 1839 г., т. VI, отд. VII, Современная библіографическая хроника, стр. 1—14.

[3]) См. выше, стр. 199, прим. 1-е.

[4]) Статья по поводу „Очерковъ Бородинскаго сраженія" не понравилась и пріятелю Бѣлинскаго В. П. Боткину, который находилъ ее „ужасно скучною и въ цѣломъ чрезвычайно апатическимъ произведеніемъ". Бѣлинскій самъ признавалъ, что эта его статья „не вытанцовалась", и писалъ Боткину: „Я самъ думалъ о ней, какъ о лучшей моей статьѣ, а какъ напечаталась, такъ не могъ и перечесть" (см. А. Н. Пыпинъ, „Бѣлинскій, его жизнь и переписка", т. II, Спб. 1876, стр. 21).

[5]) Павловъ имѣетъ въ виду статью Бѣлинскаго „Менцель, критикъ Гёте", напечатанную въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1840 года, т. VIII, отд. II. стр. 25—64.

шешь; Баратынскій ѣдетъ завтра, (въ) 10 часовъ, а я долженъ еще къ нему, да на вечеръ. Не знаю, а твердо надѣюсь, что ты поймешь мое доброе чувство и участіе моего сердца къ «Отечест(веннымъ) Записками». Бѣлинскаго статьи отняли у васъ много подписчиковъ, а если это продолжится, то на будущій годъ вы увидите справедливость моихъ нападеній. Если вы думаете, что его статьи нравятся молодежи, то отчего же эта молодежь не подписывалась на «Наблюдателя», когда онъ былъ отданъ ему на поруганье [1])? Напротивъ, подписка уменьшилась. Какъ вы не разгадали этого человѣка? Люди, читавшіе Гегеля, какъ напримѣръ Хомяковъ, говорятъ, что это, т. е. статьи Бѣлинскаго—сумбуръ; люди, не читавшіе, прямо ни слова не понимаютъ и оскорбляются деспотизмомъ тона, съ какимъ онъ предлагаетъ мнѣнія не его собственныя, а слышанныя имъ отъ кого-то. Что дѣйствительно, то разумно [2])—чтобъ это сказать, вѣдь надо вывести изъ чего-нибудь, а безъ вывода орать на весь православный народъ, это просто поступокъ, котораго названіе я отложу до другаго времени. Не сердись, а Краевскій, видно, осердился.

Н. Павловъ.

5.

3-го декабря 1859 г. Москва.

Любезный другъ князь Владиміръ Ѳедоровичь, по непредвидѣнной волѣ судьбы моя газета изъ ежедневной превращена въ еженедѣльную [3]). Не желая скучать тебѣ разсказомъ, впрочемъ очень характеристичнымъ и любопытнымъ, о моихъ похожденіяхъ по этому дѣлу, я обращаюсь къ тебѣ съ убѣдительной просьбой. Нельзя-ли выпросить у Ивана Сергѣевича Тургенева какой-нибудь разсказъ, какую-нибудь статейку для

---

[1]) Т. е. съ 1838 года, когда Бѣлинскій сталъ пегласнымъ редакторомъ „Московскаго Наблюдателя“.

[2]) Гегелевская формула „Что дѣйствительно—то разумно“ развивалась въ упомянутыхъ статьяхъ Бѣлинскаго „Бородинская годовщина“ и „Менцель, какъ критикъ Гёте“ и доводилась въ нихъ до воспѣванія современной русской дѣйствительности. „Какія гадкія, можно сказать, подлыя статьи напечаталъ Бѣлинскій о Бородинѣ“,—писалъ Т. Н. Грановскій Я. М. Невѣрову (см. Т. Н. Грановскій и его переписка, т. II, Москва. 1897, стр. 403). „Я убѣдился - писалъ по поводу тѣхъ же статей Н. П. Огаревъ Герцену,—что надо читать Гегеля, а не учениковъ, а тѣмъ паче не гнусныя статьи Бѣлинскаго, который столько же ученикъ Гегеля, сколько и родной братъ китайскаго императора“ („Русская Мысль“. 1889 г., январь, стр. 2).

[3]) Газета „Наше Время“, начавшая выходить съ 17-го января 1860 года; съ 1862 года она превратилась въ ежедневную.

первыхъ номеровъ [1]). Газета начнетъ выходить съ 15-го января. Не присоединитъ ли княгиня словечко въ мою пользу? Вознагражденіе я готовъ предложить Ивану Сергѣевичу, какое онъ назначитъ, только бы не назначалъ въ сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Пожалуста, по старой дружбѣ похлопочи. Жму тебѣ руку отъ всей души и повергаю себя къ стопамъ княгини.

Н. Павловъ.

Адресъ мой: въ Леонтьевскомъ переулкѣ, въ домѣ Сухановой.

VI. Письмо А. Н. Верстовскаго.

(Москва, февраль—мартъ 1829 г.).

Безцѣнный князь Владиміръ Ѳедоровичъ.

Если бъ я не увѣренъ былъ въ твоей дружбѣ—я бы былъ въ правѣ весьма на тебя сердиться. Что вы сдѣлали изъ моего «Твердовскаго» [2])? Не стыдно-ли произведеніе русскихъ писателей такимъ образомъ поставить на сцену, что если бъ эта опера была самого Моцарта, то и тогда бъ должна была шлепнуться! Это вы называете улучшеніе театра! Богъ вамъ судья. А тебѣ еще болѣе стыдно, что ни одного разу не былъ на репетиціи—и ничего не замѣтилъ! Но кончимъ это. Пьеса упала, но все-таки пишу на зло вамъ—пишу новую оперу «Вадимъ» [3]), только уже не для вашего и не для нашего театра—а для В ѣ н ы. Посылаю туда и увѣренъ заранѣе, что хотя сочиненіе мое тамъ чужеземное—а лучше пойдетъ, нежели у насъ.

Податель письма сего, отличный скрипачъ нашего театра г. Грасси, ѣдетъ въ Петербургъ дать концертъ, просилъ меня дать ему письмецо къ хорошимъ музыкантамъ и къ любителямъ. Кого лучше назвать, какъ не князя! Впрочемъ, ему нужно только будетъ дать ему направленіе—а достальное онъ заслужитъ.

Прости, душа моя! Грустно подумать мнѣ, если меня разлюбилъ ты. Можетъ быть, по первому пути лично обниму тебя.

Душой преданный Алексѣй Верстовскій.

P. S. Дѣточекъ поцѣлуй [4]).

---

[1]) Въ газетѣ „Наше Время“ 1860 г. нѣтъ ни одного разсказа и ни одной статьи Тургенева.

[2]) Опера А. Н. Верстовскаго „Панъ Твардовскій“ въ Петербургѣ шла въ первый разъ 28-го января 1829 года (см. статью Н. Ѳ. Финдейзена, „Алексѣй Николаевичъ Верстовскій“ въ „Ежегодникѣ Императорскихъ театровъ“. Сезонъ 1896—1897 гг. Приложенія, книга 2-я, стр. 114). Либретто къ ней было написано М. Н. Загоскинымъ.

[3]) Опера „Вадимъ, или двѣнадцать спящихъ дѣвъ“ шла въ первый разъ въ Москвѣ 25-го ноября 1832 года.

[4]) Шутка со стороны Верстовскаго: у князя В. Ѳ. Одоевскаго дѣтей не было.

VII. Письмо А. В. Веневитинова [1]).

Москва, іюля 17-го дня 1830.

Я премного сожалѣлъ, любезный другъ, что не могъ быть у тебя передъ моимъ отъѣздомъ. Но меня такъ скоро и такъ неожиданно выгнали изъ Петербурга, что я тогда только успѣлъ думать о моемъ путешествіи, когда уже былъ на большой дорогѣ. Посланіе сіе препровождаю къ тебѣ и по дружбѣ, и по нуждѣ, обѣ теперь равносильныя причины. Вотъ въ чемъ состоитъ дѣло. Вчера я получилъ предлинное письмо отъ кн(ягини) Волконской [2]) и отъ Шевырева. Оба неутомимо занимаются исполненіемъ проекта о музеѣ [3]). Въ письмѣ княгини есть мѣсто, гдѣ она обращается и къ тебѣ, и ко мнѣ—я тебѣ его покажу, когда пріѣду въ Петербургъ, а теперь только выпишу его содержаніе.

Въ Москвѣ проектъ о такомъ полезномъ учрежденіи, въ которомъ бы вмѣщались всѣ образцовыя произведенія скульптуры отъ начала искусства до нашихъ временъ, въ хронологическомъ порядкѣ, для историческаго ихъ изученія, былъ принятъ съ жаромъ, а не такъ, какъ вашими холодными петербургскими мертвецами. Члены университета вообще были электризованы этою мыслью и изъявили готовность сдѣлать пожертвованія, разумѣется испросивши на то соизволеніе вышняго начальства. Князь Голицынъ [4]) съ своей стороны также ревностенъ къ этому дѣлу, и Погодинъ находится съ нимъ въ частыхъ сношеніяхъ по этой причинѣ. Въ Италіи самъ Торвальдсенъ [5]) и Джинжери, знаменитый художникъ, обѣщаются радѣть о совершенствѣ слѣпковъ. На-дняхъ будетъ присланъ сюда реэстръ всѣмъ слѣпкамъ, которые должны будутъ составить музей, и вмѣстѣ счетъ тому, что будетъ стоить поклажа и перевозъ и проч. Теперь тебѣ предстоитъ, любезный Одоевскій, еще переговорить объ этомъ съ Блудовымъ [6]), расшевелить немного всѣхъ тѣхъ, у которыхъ сердце и чувство не совсѣмъ сгнили,

---

[1]) Алексѣй Владимировичъ Веневитиновъ (р. 1806 † 1872), братъ поэта Д. В. Веневитинова, служилъ въ то время въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ; впослѣдствіи онъ былъ товарищемъ министра удѣловъ.

[2]) Извѣстной княгини Зинаиды Александровны, жившей въ то время въ Римѣ.

[3]) Княгиня Волконская мечтала учредить Эстетическій музей при Московскомъ университетѣ (см. „Телескопъ“ 1831 г., № 11, стр. 385—399; Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, книга третья, стр. 176—182).

[4]) Московскій генералъ-губернаторъ князь Д. В. Голицынъ.

[5]) Знаменитый датскій скульпторъ (р. 1770 † 1844).

[6]) Д. Н. Блудовъ былъ въ то время товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и и. д. главноуправляющаго дѣлами иностранныхъ исповѣданій.

познакомиться съ Гальбергомъ [1]) въ академіи и посредствомъ его достать списокъ всѣмъ слѣпкамъ, которые находятся въ академіи. Изъ нихъ перешлешь одну копію къ княгинѣ въ Римъ, а другую сюда на имя Погодина для доставленія къ князю Голицыну. Это необходимо нужно: ибо со всѣхъ хорошихъ слѣпковъ въ Петербургѣ снять копіи— обойдется гораздо дешевле, и тогда остальные перешлются изъ Италіи. Этотъ списокъ изъ академіи постарайся получить, не говоря объ этомъ Оленину [2]): ибо онъ, можетъ быть, въ претензіи на княгиню за то, что она сама къ нему не писала. Если же безъ его позволенія нельзя этого сдѣлать, то попроси его отъ имени княгини: ибо она сама это говоритъ въ письмѣ своемъ. Главное, надобно узнать, какіе слѣпки остались невредимы и могутъ служить образцами для снятія съ нихъ копій. Объ этомъ посовѣтуйся съ Гальбергомъ. Вотъ сколько порученій тебѣ, любезный другъ! Но не я, а княгиня Зинаида тебя объ этомъ проситъ, и я съ радостію выполняю ея желаніе. Это дѣло очень можетъ склеиться, и я имѣю большую надежду, вопреки петербургскимъ толкамъ. Если ты мнѣ будешь отвѣчать, то пожалуйста скажи мнѣ о здоровьи матушки [3]), которую ты вѣрно иногда посѣщаешь въ ея одиночествѣ и которой я не вполнѣ вѣрю, когда она о себѣ пишетъ. Здорова-ли княгиня? Скажи ей мое усердное почтеніе. Мнѣ теперь несравненно лучше, однакожъ я еще около мѣсяца пробуду здѣсь: ибо предпринимаю лѣченіе водами. Хомякова [4]) я уже здѣсь не засталъ, онъ въ деревнѣ и почти совершенно выздоровѣлъ. Александръ Пушкинъ уже вѣрно теперь въ Петербургѣ [5]). Я иногда вижу Языкова [6]). Въ понедѣльникъ услышу славную Зонтагъ [7]). Поклонись Титову и Мальцову [8]) отъ меня и пріими мой дружескій совѣтъ быть здоровымъ и не забывать твоего Веневитинова.

Какова рѣчь Погодина въ университетѣ [9]), помѣщенная въ 12 №

---

[1]) Извѣстный скульпторъ Самуилъ Ивановичъ Гальбергъ (р. 1787 † 1839).

[2]) Алексѣю Николаевичу, президенту Императорской академіи художествъ.

[3]) Анны Николаевны Веневитиновой, рожд. княжны Оболенской († 1841).

[4]) Алексѣя Степановича.

[5]) А. С. Пушкинъ выѣхалъ изъ Москвы на нѣсколько дней въ Петербургъ 14-го или 15-го іюля 1830 года (см. Сочиненія А. С. Пушкина, редакція П. А. Ефремова, т. VII, Спб. 1903, стр. 350).

[6]) Поэта Николая Михайловича.

[7]) Знаменитую пѣвицу Генріетту Зонтагъ (р. 1805 † 1854).

[8]) Иванъ Сергѣевичъ Мальцовъ (р. 1805 † 1880), бывшій ревностнымъ сотрудникомъ „Московскаго Вѣстника“ (впослѣдствіи дѣйств. тайный совѣтникъ).

[9]) „Рѣчь о назначеніи университетовъ вообще и въ особенности россійскихъ“, произнесенная Погодинымъ 26-го іюня 1830 года на торжественномъ празднованіи семидесятипятилѣтней годовщины существованія Московскаго университета.

«М(осковскаго) Вѣст(ника)»? (Неслыханное дѣло въ лѣтописяхъ нашего университета), онъ возбудилъ всеобщія громкія рукоплесканія изо всѣхъ концовъ залы [1]).

Ничего не взялъ съ собой изъ Петербурга и пишу къ тебѣ на прескверной бумагѣ, сейчасъ купленной въ лавочкѣ, на которой чернилы разливаются.

VIII. Письма А. И. Кошелева.

1.

Москва, февраля 21-го дня 1831.

Здравствуй, любезный другъ Одоевскій! Послѣ трехдневнаго, весьма счастливаго путешествія, я пріѣхалъ въ Москву. Я сидѣлъ одинъ въ каретѣ и всѣмъ дилижансомъ командовалъ по своему благоусмотрѣнію. Гибель воспоминаній возобновились въ моей памяти при видѣ Бѣлокаменной [2]). Какъ въѣхали въ заставу, мнѣ хотѣлось расцѣловать всѣхъ, кого ни встрѣчалъ. Вообрази, въ Москвѣ почти ничто не перемѣнилось; всѣ вывѣски на прежнемъ своемъ мѣстѣ, кареты, которыя помнятъ царя Гороха, и проч. Когда я пріѣхалъ въ Питеръ, я не былъ такъ пораженъ различіемъ, существующимъ между нашими обѣими столицами, но теперь нахожу, что Москва нимало не похожа на несносный нашъ Питеръ, а потому я безъ ума отъ родимой Бѣлокаменной.

Въ самый день пріѣзда я видѣлъ Кирѣевскаго [3]). Его положеніе меня безпокоитъ. Душевныя скорби ввергли его въ бездѣйствіе: онъ только и знаетъ спать да ѣсть, ѣсть да спать. Постараюсь возвратить его семейству, ибо теперь и мать его [4]) рѣдко съ нимъ видится. Добрый, прекрасный малый, но большой чудакъ.

---

[1]) Ср. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, книга третья, стр. 161—162.

[2]) А. И. Кошелевъ покинулъ Москву въ сентябрѣ 1826 года и въ концѣ этого года поступилъ въ Петербургѣ на службу въ канцелярію министра иностранныхъ дѣлъ (см. Н. Колюпановъ, Біографія Александра Ивановича Кошелева, томъ I, книга II, Москва. 1889, стр. 175).

[3]) Ивана Васильевича. „Кирѣевскаго я не понимаю—писалъ М. П. Погодинъ С. П. Шевыреву 13-го апрѣля 1831 г.—Лежитъ и спитъ; да неужели онъ ничего не надумываетъ. Невѣроятно“ („Русскій Архивъ“ 1882 г., книга третья, стр. 184).

[4]) Авдотья Петровна Елагина (въ 1-мъ бракѣ Кирѣевская).

Вчера на балѣ у Щербининой [1]) встрѣтилъ Пушкина [2]). Онъ очень мнѣ обрадовался. Свадьба его была 18-го, т. е. въ прошедшую среду. Онъ познакомилъ меня съ своею женою, и я отъ нея безъ ума. Прелесть какъ хороша. Сегодня вечеромъ ѣду къ нимъ. Пушкинъ весьма доволенъ твоимъ Квартетомъ Бетговена [3]). Онъ говоритъ, что это не только лучшая изъ твоихъ печатныхъ пьесъ (что бы немного значило), но что едва когда-либо читали на русскомъ языкѣ статью столь замѣчательную и по мыслямъ, и по слогу. Онъ бѣсится, что на нее обращаютъ мало вниманія. Онъ находилъ, что ты въ этой пьесѣ доказалъ истину весьма для Россіи радостную; а именно, что возникаютъ у насъ писатели, которые обѣщаютъ стать на-ряду съ прочими европейцами, выражающими мысли нашего вѣка.

Пиши ко мнѣ, любезный другъ, не лѣнись. Скажи, что дѣлаетъ Блудовъ [4]), комитетъ [5]) и пр. Что дѣлаютъ наши знакомые (разумѣется, не всѣ, но тѣ изъ нихъ, которые меня интересуютъ)?....

Навѣки другъ твой Кошелевъ.

2.

(Лейпцигъ [6]), 12-го (24-го) августа 1831).

Секретно.

Сейчасъ былъ у меня Брокгаузъ [7]), и я ему обѣщалъ для издаваемаго имъ пополненія къ Conversations-Lexicon—хорошую статью о

[1]) Вѣроятно, Настасья Михайловна Щербинина, рожденная княжна Дашкова (дочь княгини Е. Р. Дашковой), жена Андрея Евдокимовича Щербинина (она скончалась въ Москвѣ лѣтомъ 1830 года) (см. „Русскій Архивъ“ 1876 года, книга третья, стр. 293).

[2]) Александра Сергѣевича.

[3]) Статья князя В. Ѳ. Одоевскаго „Послѣдній концертъ Беетговена“ была напечатана въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1831 годъ. (Спб. 1830), стр. 101—119. Статья была подписана буквами ь. ъ. й.

[4]) Дмитрій Николаевичъ, въ то время исправлявшій должность главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій въ Россіи и товарищъ министра народнаго просвѣщенія.

[5]) Учрежденный въ 1828 году Комитетъ для начертанія проекта устава протестантскихъ церквей въ Россіи. Комитетъ этотъ состоялъ при главномъ управленіи духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Кошелевъ состоялъ на службѣ въ канцеляріи этого комитета съ начала 1829 года (см. Н. Колюпановъ, Біографія А. И. Кошелева, т. II, кн. I, стр. 181).

[6]) Въ свое первое заграничное путешествіе А. И. Кошелевъ отправился въ началѣ іюня 1831 года (см. Н. Колюпановъ, Біографія А. И. Кошелева, т. I, кн. II, стр. 213). Изъ этого путешествія сохранилось нѣсколько обширныхъ писемъ Кошелева къ кн. В. Ѳ. Одоевскому; помѣщаемъ здѣсь лишь приписку къ письму изъ Лейпцига, отъ 12-го (24-го) августа 1831 года, и полностью письмо изъ Женевы, отъ 29-го октября (10-го ноября) того же года.

[7]) Извѣстный лейпцигскій книгопродавецъ-издатель.

русской литературѣ. Сдѣлай милость, возьми на себя составить отчетъ за послѣдніе годы [1]). Весьма важно дать Брокгаузу хорошую статью о семъ предметѣ. Я не могу, за недостаткомъ времени, передать тебѣ всего, о чемъ я съ нимъ переговорилъ, но скажу только, что намъ необходимо быть съ нимъ въ сношеніяхъ. Жуковскій въ перепискѣ съ Брокгаузомъ [2]). Къ тому же онъ мнѣ обѣщалъ прямо доставлять ко мнѣ книги дешевле, чѣмъ онѣ продаются въ Лейпцигѣ, т. е. уступать мнѣ 20 процентовъ. О семъ никому не говори ни полслова. Не надобно, чтобъ Булгарины, Полевые знали, что мы въ сношеніяхъ съ Брокгаузомъ, а еще менѣе, что посылаемъ ему статьи. Сдѣлай милость, не откажись исполнить мою покорнѣйшую просьбу: самъ послѣ меня поблагодаришь. Переведи ее или дай ее кому перевести на французскій языкъ, а прислать ее нужно около новаго года. Я научу тебя, какъ ее доставить къ Брокгаузу. Наши посольства такъ милы, такъ снисходительны, что съ радостью возьмутъ на себя препроводить пакетъ въ Лейпцигъ чрезъ нашего ген(еральнаго) консула барона Фрейганга [3]).

N. B. Такъ какъ эта статья пойдетъ въ Conversations-Lexicon, то она не должна быть огромна, но bien nourrie de faits [4]).

3.

Женева, 29-го октября (10-го ноября) 1831.

Здравствуй, любезный другъ Одоевскій. Я обѣщалъ вскорѣ писать и сообщить тебѣ кой-что о моихъ странствованіяхъ. Спѣшу исполнить данное слово. Изъ Лейпцига (оттуда, кажется, я писалъ къ тебѣ послѣднее мое недѣловое письмо) я отправился въ Веймаръ, куда я пріѣхалъ 27-го августа [5]) наканунѣ 84-го [6]) дня рожденія Гёте, которое нынѣшній годъ имѣло праздноваться особеннымъ образомъ. Знамени-

---

[1]) Эта предполагавшаяся статья не была написана. Въ „Conversations-Lexicon der neuesten Zeit und Literatur“ Брокгауза (т. III, Leipzig. 1833) помѣщена (стр. 816—855) статья: „Russland seit dem Jahre 1829“, но въ ней нѣтъ обзора русской литературы за послѣдніе годы.

[2]) Жуковскій выписывалъ чрезъ Брокгауза книги для библіотеки цесаревича Александра Николаевича.

[3]) Русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Саксонскомъ королевствѣ былъ Василій Ивановичъ Фрейгангъ (р. 1783 † 1849).

[4]) Т. е. но богата фактическимъ содержаніемъ.

[5]) Новаго стиля. О пребываніи Кошелева въ Веймарѣ ср. выдержки изъ его дневника, помѣщенныя Колюпановымъ въ „Біографіи Александра Ивановича Кошелева“, т. II, Москва. 1892, стр. 3—4 и 7, и Записки Александра Ивановича Кошелева (Берлинъ. 1884), стр. 35—37.

[6]) Въ письмѣ Кошелева ошибка; слѣдуетъ читать: 82-го.

тый Давидъ [1]), который тому два года назадъ, покинувъ свой Парижъ, пріѣхалъ въ Веймаръ, провелъ въ этомъ маленькомъ нѣмецкомъ городѣ цѣлые шесть мѣсяцевъ и занимался единственно созерцаніемъ лица Гёте и обработкою глинянаго его бюста, нынѣ, передавъ черты сего мужа прелестнѣйшему мрамору, прислалъ плодъ двухлѣтнихъ трудовъ въ подарокъ Гёте при письмѣ, въ которомъ между прочимъ онъ говоритъ слѣдующее: «Изъ юности я безпрестанно питалъ душу свою твореніями великихъ геніевъ; всегда имѣлъ къ нимъ дѣтское благоговѣніе и поклялся, что я посвящу минуты чистѣйшаго вдохновенія изваянію бюста величайшаго человѣка моего вѣка. Вы величайшій человѣкъ моего вѣка; вамъ принадлежитъ лучшій плодъ рѣзца моего». Немедленно по пріѣздѣ моемъ въ Веймаръ, я пошелъ къ нашему повѣренному въ дѣлахъ гр(афу) Санти [2]), а вмѣстѣ съ нимъ къ г. Миллеру [3]), другу Гёте и учредителю торжества, который снабдилъ меня нужными билетами для слѣдующаго дня. Самого Гёте не было въ Веймарѣ; онъ боялся, чтобъ это торжество слишкомъ сильно на него не подѣйствовало, а потому предпочелъ удалиться въ Ильменау, мѣстечко, гдѣ въ молодости онъ часто живалъ и гдѣ онъ написалъ самые пламенные стихи. Поутру на слѣдующій день (28-го) весь городъ былъ въ величайшемъ движеніи: иной бѣжалъ за билетомъ, другой хлопоталъ объ устройствѣ праздника. Всѣ ученые и люди образованные изъ сосѣдственныхъ городовъ съѣхались праздновать Гёте. Ты себѣ вообразить не можешь, какъ его уважаютъ въ Германіи. Онъ идолъ всѣхъ нѣмцевъ. Торжество началось чтеніемъ рѣчи, потомъ пѣли стансы, наконецъ при словахъ: «Слава тебѣ, Гёте, слава тебѣ, безсмертному» занавѣса, скрывавшая дотолѣ бюстъ Гёте, упала, и двѣ прелестныя дѣвы увѣнчали главу виновника торжества. Бюстъ сей истинно чудесенъ. Жаль, что въ библіотекѣ [4]), гдѣ его поставили, нѣтъ довольно мѣста ни въ вышину, ни ширину для изваянія, столь колоссальнаго. Другіе бюсты и портреты Гёте похожѣе на Гёте въ обыкновенномъ положеніи, но твореніе Давида являетъ намъ Гёте идеальнаго, такого, какимъ мы привыкли его воображать. Давидовъ бюстъ останется навсегда однимъ изъ совершеннѣйшихъ твореній новѣйшаго ваянія. Въ два часа сѣли за столъ, и обѣдъ продолжался шесть часовъ. Отъ начала до конца пѣли стихи, произносили рѣчи и пр. пр. (Каковъ былъ обѣдъ? Лучше не спрашивай. А вино? Кабы Вакхъ его отвѣдалъ, то вѣрно бы захлебнулся). Вечеръ въ честь Гёте былъ во дворцѣ. Всѣ ученые были на семъ ве-

---

[1]) Французскій скульпторъ (р. 1788 † 1856).
[2]) Графъ Василій Александровичъ Санти († 1841).
[3]) Веймарскій канцлеръ Фридрихъ фонъ Мюллеръ (р. 1779 † 1840).
[4]) Въ Придворной библіотекѣ.

черѣ, и не въ первый разъ, ибо великая княгиня [1]) весьма ихъ любитъ и отличаетъ. Я ѣзжалъ ежедневно во дворецъ и всегда находилъ тамъ какого-нибудь интереснаго человѣка. Гёте я видѣлъ [2]). Верхняя часть его фигуры прелестна: геніальный лобъ, огненные глаза и глубокомысліе скрывающія брови; но нижняя, т. е. ротъ, челюсти и подбородокъ, выражаютъ, какъ и у всѣхъ нѣмцевъ, грубую чувственность. Гёте, какъ и всѣ нѣмцы, корючитъ царедворца и министра. Я его пріемомъ весьма недоволенъ. Онъ принялъ меня слишкомъ учтиво, встрѣчалъ у дверей, провожалъ до крыльца, говорилъ только о великой княгинѣ и никакъ не могъ направить разговоръ на интересный предметъ. Я говорилъ ему о томъ, о другомъ, а онъ все возвращался ко двору. Онъ еще весьма свѣжъ, много работаетъ, окончилъ вторую часть Фауста, но никому ея еще не читалъ. Говорятъ, что онъ пишетъ свои записки; напечатанныя его записки суть только отрывки изъ тѣхъ, которыя онъ составляетъ и которыя не прежде его смерти, а можетъ и гораздо позже, выдутъ въ свѣтъ. Въ Веймарѣ я остался двѣ недѣли и провелъ свое время очень пріятно; но болѣе я бы остаться не могъ. Нѣмцевъ можно изучать, но удовольствія ради съ ними жить невозможно. Изъ Веймара, чрезъ Ерфуртъ, Готу, Ейзенахъ и пр., пріѣхалъ я въ Франкфуртъ, гдѣ въ то время была ярмарка. Я осмотрѣлъ тамъ чудесный соборъ, знаменитый Рёмеръ, видѣлъ домъ, гдѣ родился и былъ воспитанъ Гёте, и любовался несравненною Данекеровою Аріадною [3]). Я ничего не видалъ совершеннѣе сего чуда изъ чудесъ. Не буду говорить о семъ изваяніи, во-первыхъ потому, что я не слишкомъ густо смыслю въ искусствахъ, а во-вторыхъ потому, что спѣшу на Рейнъ. Прежде чѣмъ испію Іоаннисбергеръ, скажу тебѣ, что въ Франкфуртѣ столкнулся съ Зайцевскимъ [4]), весьма съ нимъ познакомился, и уговорились вмѣстѣ провести зиму. По Рейну [5]) путешествовалъ я не какъ русскій баринъ, не какъ англійскій бифстексъ, не какъ нѣмецкій студентъ, но какъ истинный любитель при-

---

[1]) Великая княгиня Марія Павловна, герцогиня Саксенъ-Веймарская.

[2]) Кошелевъ былъ у Гёте 4-го сентября н. ст. (см. Н. Колюпановъ, Біографія А. И. Кошелева, т. II, стр. 7). Гёте въ своемъ дневникѣ 1831 года о посѣщеніи Кошелева сдѣлалъ лишь слѣдующую краткую замѣтку (подъ 4-мъ сентября): „Um 12 Uhr Herr Alexander Koscheleff“ (Goethe's Tagebücher, 13 Band (Weimar. 1903), стр. 133.

[3]) Знаменитое произведеніе скульптора Іоганна-Генриха Даннеккера (р. 1758 † 1851).

[4]) Ефимъ Петровичъ Зайцевскій († 1860), писавшій стихотворенія преимущественно элегическаго характера, сотрудничавшій въ „Литературной газетѣ“, „Сынѣ Отечества“ и др. изданіяхъ.

[5]) О пребываніи Кошелева во Франкфуртѣ, его дальнѣйшемъ путешествіи по Рейну и житьѣ въ Женевѣ ср. „Записки Александра Ивановича Кошелева“, стр. 37—39.

роды: пѣшкомъ, одинъ, съ сумкою за плечами и съ полнымъ кошелькомъ въ карманѣ. Шелъ, какъ хотѣлъ; останавливался, гдѣ то душѣ угодно было; безпрестанно переѣзжалъ съ одной стороны рѣки на другую, и вездѣ пилъ лучшія вина. Я много ожидалъ отъ Рейна, но, несмотря на то, надежды мои были превзойдены. Вообрази себѣ рѣку необыкновенно быструю, берега то отлогіе, прелестною зеленью покрытые, усаженные виноградомъ и отъ народа почти копошащіеся, то дикія скалы, голые утесы и надъ рѣкою нависнувшіеся граниты; прибавь къ тому самыя живописныя и на каждомъ шагу встрѣчающіяся развалины знаменитыхъ замковъ, прелестные города и села, коими усѣяны берега, и живительный, теплый, ароматами напоенный воздухъ;—вообрази все это, и ты еще не будешь имѣть полнаго понятія о красотахъ очаровательныхъ Рейна. На террасѣ замка князя Меттерниха я одинъ опорожнилъ бутылку, золотымъ сургучемъ запечатанную, Іоаннисбергскаго вина и стоющую здѣсь на мѣстѣ 15 рублей. Въ Рюдесгеймѣ я попотчивалъ себя тамошнимъ 1811 года виномъ.—Путешествіе мое по Рейну составляетъ одинъ изъ пріятнѣйшихъ эпизодовъ моего странствованія. Изъ Майнца я пѣшкомъ дошелъ до Кобленца, а оттуда назадъ на пароходѣ я поѣхалъ чрезъ Майнцъ въ Мангеймъ. Я посѣтилъ Гейдельбергъ. Мѣстоположеніе сего города чудесно, замокъ едва-ли не замѣчательнѣйшій во всей Германіи, а окружности такъ хороши, что жаль съ ними разстаться. Я не могъ познакомиться ни съ Крейцеромъ [1]), ни съ Тибо [2]), ибо во время вакацій вся Германія путешествуетъ, и я никого не нашелъ въ Гейдельбергѣ.—Чрезъ Карлсруе, Баденъ-Баденъ я отправился въ Швейцарію. Когда я выѣхалъ изъ Германіи, я перекрестился обѣими руками. Нѣмцы добрые люди, но жить съ ними, скорѣе я бы согласился заживо положить себя въ гробъ. Я намѣренъ предложить на разрѣшеніе европейскихъ ученыхъ слѣдующій вопросъ: Къ какому царству природы удобнѣе причислить нѣмцевъ? Что они не люди, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Едва-ли они и животныя. Сіи послѣднія одарены способностью произвольно двигаться; нѣмцы оной не имѣютъ; если они не растенія, то можно смѣло причислить ихъ къ роду полиповъ, но должно изъ нихъ составить особенный видъ.—По Швейцаріи я проѣхалъ довольно быстро, ибо спѣшилъ въ Женеву на покой. Когда мѣсяца четыре порыскаешь, то чувствуешь необходимость гдѣ-нибудь пустить корень. Въ Базелѣ я простился съ Рейномъ и восхищался богатою коллекціею

---

[1]) Профессоръ Гейдельбергскаго университета, филологъ Георгъ-Фридрихъ Крейцеръ (Kreuzer, p. 1771 † 1858).

[2]) Знаменитый профессоръ римскаго права Антонъ-Фридрихъ-Юстусъ Тибо (Thibaut, p. 1772 † 1840).

Голбейновыхъ картинъ. Окружности Берна и самый Бернъ—прелестны. Не могу выразить чувства, которое произвелъ во мнѣ первый взглядъ на снѣжныя горы. Въ первую минуту я принялъ ихъ за облака, но чѣмъ болѣе я приближался къ Берну, тѣмъ яснѣе обрисовывались ихъ гигантскія формы. При захожденіи солнца, снѣжныя горы особенно замѣчательны. Уже долины покрыты вечернею темнотою, но солнце еще долго играетъ на вершинахъ Jungfrau, Schreckhorn и пр. Эти картины описать невозможно; надобно видѣть, ибо никакая кисть передать еще не можетъ. Въ Лозаннѣ увидѣлъ я несравненный Леманъ. На пароходѣ ходилъ я по озеру вдоль и поперекъ. Я видѣлъ Vevey, Montreux, Clarens, la Meillerie, Шилiонъ и пр. Думалъ о Руссо и Байронѣ, и я, не сентиментальный Кошелевъ, погрузился въ мечтанія. Чудесенъ Рейнъ, но восточный край Лемана лучше всего того, что я видѣлъ: снѣжныя горы, которыя занимаютъ fond картины, придаютъ оной красоту несравненную. Какъ странно чувствовать жаръ, дышать ароматный воздухъ, видѣть вокругъ себя зелень и воду и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть предъ собою льдовыя громады.

11-го октября нов. ст. пріѣхалъ въ Женеву, гдѣ, какъ я къ тебѣ уже писалъ, намѣренъ провести зиму. Здѣсь тьма русскихъ. Всякій день видаюсь съ Соболевскимъ [1]), Зайцевскимъ [2]), Галаховымъ [3]) и многими другими соотчичами, которыхъ ты не знаешь. На-дняхъ пріѣхалъ сюда піитъ Ободовскій [4]) съ своимъ птенцомъ. Русскихъ баричей здѣсь также весьма много: полдюжины Голицыныхъ, столько же Нарышкиныхъ, Шуваловы и пр. Я бываю у нихъ, разумѣется, какъ можно рѣже. Мы слѣдуемъ здѣсь разные курсы. Я слушаю уголовное право у знаменитаго Росси [5]), естественную исторію у Декандолля [6]), а физику у Деларива [7]). Росси своего курса еще не началъ. Декандоль

---

[1]) Сергѣемъ Александровичемъ (р. 1804 † 1870), извѣстнымъ библіофиломъ и библіографомъ, пріятелемъ Пушкина и князя В. Ѳ. Одоевскаго.

[2]) См. выше стр. 209, прим. 4-е.

[3]) Вѣроятно, москвичъ Павелъ Александровичъ Галаховъ (р. 1776, въ Москвѣ † 1838, за границею); его сынъ Александръ Павловичъ впослѣдствіи былъ генералъ-адъютантомъ и с.-петербургскимъ оберъ-полиціймейстеромъ.

[4]) Драматургъ Платонъ Григорьевичъ Ободовскій (р. 1803 † 1864), авторъ „Велизарія“, пользовавшійся въ свое время широкою извѣстностью. П. Г. Ободовскій пробылъ за границею съ 1830 до 1835 года, и дольше всего оставался въ Женевѣ (см. Ив. Кубасовъ, „Платонъ Григорьевичъ Ободовскій“ въ „Русской Старинѣ“ 1903 г., ноябрь, стр. 355).

[5]) Криминалистъ, политико-экономъ и итальянскій государственный дѣятель графъ Пеллегрино-Луиджи-Одоардо Росси (р. 1787 † 1848).

[6]) Знаменитый ботаникъ Augustin-Pyramus De Candolle (р. 1778 † 1841).

[7]) Извѣстный физикъ Auguste De Larive (р. 1801 † 1873).

*

говоритъ весьма краснорѣчиво, и я съ нимъ довольно коротко познакомился. Что прекрасно, это то, что мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи славную библіотеку, которая открыта для публики отъ 8 часовъ утра до 12 часовъ ночи. Въ этой библіотекѣ получаются всевозможные политическіе и литературные журналы (числомъ 140). Читай, сколько душѣ угодно. Я познакомился съ пресловутымъ Бонстетеномъ [1]). Ему уже 86 лѣтъ, и весьма интересно его слушать, когда онъ говоритъ о Миллерѣ [2]), Шиллерѣ и другихъ знаменитыхъ людяхъ, съ которыми онъ жилъ. Я уже познакомился со многими женевцами и думаю, что проведу зиму весьма пріятно и полезно. Я работаю довольно. Особенно занимаюсь правами. Осматривалъ здѣсь la maison pénitentiaire [3]). Собираю всевозможныя свѣдѣнія о исправительной системѣ и по возвращеніи въ Россію намѣренъ издать что-нибудь объ этомъ предметѣ. Путешествіе издавать я не намѣренъ, но издамъ брошюрки о разныхъ предметахъ, на которые я обращалъ вниманіе. Я собралъ хорошія свѣдѣнія о состояніи школъ въ Германіи, о журналахъ нѣмецкихъ и пр. Нѣтъ ничего глупѣе, какъ писать путешествіе по странѣ, по которой только-что проскакалъ. Изо ста путешествій едва два или три можно читать съ удовольствіемъ и пользою. До сихъ поръ лучшая книга въ семъ родѣ для Швейцаріи есть путешествіе Кокса [4]), которое написано тому слишкомъ полвѣка. Большая часть странствователей разводитъ ни къ чему не ведущими размышленіями сухія показанія Guide du voyageur [5]). Уже въ Питерѣ я дѣлался жестокимъ практикомъ, но теперь одни факты имѣютъ цѣну въ моихъ глазахъ. Много новыхъ мыслей родило, развило и утвердило во мнѣ путешествіе. Сколько иллузій разрушено, но за то сколько дѣйствительныхъ свѣдѣній пріобрѣтено. Благодарю тебя усердно за твои литературныя извѣстія; но что ни полслова не говоришь о своихъ экономическихъ дѣлахъ: что дѣлается въ твоемъ саду? хорошо-ли ведетъ себя огородникъ? Ты знаешь, что я жестоко занимаюсь садоводствомъ и, хотя бы садъ не принадлежалъ тебѣ, я бы все имъ интересовался. Я намѣренъ отсюда вывезти много сѣмянъ, а если можно, то переслать и нѣсколько прививковъ. Здѣсь, какъ ты знаешь, славный ботаническій садъ.—Что новаго въ европейской литературѣ? Литературы, въ собственномъ смыслѣ взятой, нѣтъ

---

[1]) Карлъ-Викторъ Бонстеттенъ (р. 1745 † 1832), писатель, другъ извѣстнаго швейцарскаго историка Іоганна Миллера (р. 1752 † 1809).

[2]) См. предыдущее примѣчаніе.

[3]) Т. е. исправительный домъ.

[4]) Англійскій историкъ Вилліамъ Коксъ (Coxe, р. 1747†1828). Его „Путешествіе по Швейцаріи“ (Travels in Switzerland) вышло въ свѣтъ въ 1789 г.

[5]) Т. е. Путеводителя.

болѣе въ Европѣ. И въ Германіи даже выходятъ однѣ брошюры. Во Франціи появились теперь двѣ брошюры, которыя надѣлали много шума. Одну издалъ Шатобріанъ подъ заглавіемъ: Du bannissement des Bourbons [1]); другую же Ламартинъ Sur la politique rationnelle [2]). Шатобріанъ, который сталъ такъ высоко въ общемъ мнѣніи, безкорыстно посвятивъ свой талантъ защитѣ Бурбоновъ, и который, отрекшись отъ всѣхъ выгодъ, на которыя онъ по своему мѣсту имѣлъ право [3]), рѣшился мирно провести остальные дни свои въ Женевѣ, снова вышелъ на политическое позорище и издалъ брошюру, гдѣ онъ не защищаетъ ни начала законности, ни начала народнаго владычества, и гдѣ онъ выхваляетъ республику и Генриха V. Цѣль его очевидна: онъ хочетъ, чтобъ Франція снова потряслась, ибо честолюбіе его снѣдаетъ, и онъ видитъ, что, при теперешнемъ правленіи, онъ не можетъ играть никакой роли. Въ Женевѣ его весьма не любятъ и не уважаютъ. Всѣ соглашаются въ томъ, что онъ готовъ чорту душу свою продать, но остаться въ покоѣ—это для него невозможно. Ламартинъ основываетъ на евангельскихъ правилахъ республиканскую теорію правленія и щедро расточаетъ по своимъ политическимъ страницамъ размышленія, чувствованія и пр., занятыя изъ Méditations poétiques [4]), Harmonies poétiques [5]) и прочей имъ изданной и написанной чепухи. Однако я весьма записался. Надобно и честь знать. Поклонись весьма усердно, поцѣлуй ручки и ножки у сіятельной княгини. За извѣстіе о бракосочетаніи [6]) спасибо. Принято къ свѣдѣнію. Что впослѣдствіи по сему предмету приключится, прошу почтить увѣдомленіемъ. Вотъ тебѣ к о м м и с с і я и в е с ь м а о т л а г а т е л ь с т в ъ

---

[1]) Точное заглавіе этой брошюры Шатобріана, изданной въ 1831 году, слѣдующее: De la nouvelle proposition relative au bannissement de Charles X et de sa famille, ou Suite de mon dernier écrit de la restauration et de la monarchie élective.

[2]) Вышла тоже въ 1831 году.

[3]) Послѣ іюльской революціи 1830 года Шатобріанъ отказался отъ званія пэра; нѣсколько ранѣе онъ оставилъ постъ французскаго посла въ Римѣ.

[4]) Вышли въ свѣтъ въ 1820 г. и выдержали много изданій.

[5]) „Harmonies poétiques et religieuses“ вышли въ свѣтъ въ 1830 г. и тоже выдержали нѣсколько изданій.

[6]) О выходѣ извѣстной Александры Осиповны Россетъ замужъ за Николая Михайловича Смирнова. Въ январѣ 1831 г. съ А. О. Россетъ познакомился А. И. Кошелевъ и былъ ею очарованъ; вскорѣ онъ сдѣлалъ ей предложеніе, но получилъ отказъ, который былъ тяжелымъ ударомъ для Кошелева У него разыгралась болѣзнь печени, и доктора посовѣтовали ему ѣхать за границу, лѣчиться въ Карлсбадъ (см. Колюпановъ, Біографія Александра Ивановича Кошелева, т. I, кн. II, стр. 207—214).

не терпящая: сходи ни мало не медля въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ и у господина —[1]) освѣдомься: получена-ли просьба моя объ отсрочкѣ отпуска, и скорѣе какъ можно увѣдомь о результатѣ. Сообразно полученнымъ мною отъ тебя свѣдѣніямъ я устрою свой планъ путешествія. Сдѣлай милость, не полѣнись, ибо это дѣло для меня весьма важно, и чѣмъ скорѣе получу отъ тебя отвѣтъ, тѣмъ оное будетъ для меня лучше. Въ теперешнихъ моихъ обстоятельствахъ и часъ дорогъ. Прощай. Навѣки другъ твой Кошелевъ.

4.

22-го марта (1858). 11 часовъ по полудни, т. е. за часъ до полуночи.

Письмо твое отъ 19-го марта получено мною 22-го марта вечеромъ, и сей же часъ я тебѣ отвѣчаю, любезный другъ Одоевскій. Учись у насъ акуратности и практичности.

Каталогъ иноязычнымъ книгамъ о крѣпостномъ правѣ въ Россіи я весьма охотно напечатаю, но не въ «Благоустройствѣ», а въ «Бесѣдѣ»[2]). Вотъ почему: «Сельское Благоустройство» есть журналъ по преимуществу практическій; «Бесѣда» же по преимуществу ученый; каталогъ книгамъ иноязычнымъ о крѣпостномъ правѣ въ Россіи принадлежитъ болѣе къ области послѣдняго журнала, гдѣ я также буду помѣщать статьи объ эманципаціи, но болѣе теоретическія, ученыя, историческія, и пр. Почему потрудись передать Модесту Андреевичу[3]), что съ благодарностью я принимаю его предложеніе насчетъ напечатанія каталога вышеупомянутыхъ книгъ. Я могу помѣстить его во 2-мъ № «Бесѣды», имѣющемъ выти въ маѣ, и готовъ представить ему полсотни или сотню экземпляровъ этого каталога. Увѣдомь меня о его рѣшеніи. Если онъ изъявитъ согласіе, то найми переписать этотъ каталогъ и пришли его ко мнѣ, но наблюди, чтобы каталогъ былъ вѣрно переписанъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ прошу тебя по прилагаемой запискѣ взять у Давыдова (противъ Аничкова дворца) экземпляръ «Бесѣды» и «Сельскаго Благоустройства» за 1858 годъ и поднести его отъ меня Модесту Андреевичу.

Очень радъ, что «Сельское Благоустройство» тебѣ нравится. Надѣюсь, что 2 и 3 номерами ты будешь еще болѣе доволенъ, ибо дѣло

---

[1]) Для фамиліи оставленъ пробѣлъ.

[2]) „Сельское Благоустройство“ и „Русская Бесѣда“—журналы, издававшіеся А. И. Кошелевымъ.

[3]) Барону М. А. Корфу, директору Императорской Публичной Библіотеки.

еще не въ полномъ ходу—мы только раскачиваемъ г.г. помѣщиковъ. Необходимо ихъ въ дѣло втянуть, а то они какъ-то неохотно идутъ на разговоръ. Знаешь въ чемъ бѣда? Бѣда въ цензурѣ. Позволяютъ говорить з а и въ духѣ рескриптовъ, а не позволяютъ говорить противъ и съ отступленіемъ отъ рескриптовъ. Мы в п о л н ѣ не только за освобожденіе, но и за способъ, принятый въ рескриптахъ. Надобно сказать тысячу разъ спасибо за принятыя начала. Мы чувствуемъ, что отъ....[1]) в п о л н ѣ отстать и легко, и необходимо. Но если не позволяютъ говорить противъ нашихъ мнѣній, то разговоръ невозможенъ. Справедливость, просвѣщеніе, власть и сила на нашей сторонѣ; чего же намъ бояться? Необходимо противникамъ дать высказаться—этимъ мы вѣрнѣе ихъ ослабимъ. Поговорить мѣсяцевъ шесть, да и въ кустъ, и дѣло будетъ твердо и всесторонне разсмотрѣно. Авось новый министръ просвѣщенія[2]) будетъ полиберальнѣе. Прощай! Поздравляю тебя съ праздникомъ; тоже и жену твою. А. К.

IX. Письма И. В. Кирѣевскаго.

1.

(Москва. Январь 1832 года).

Спасибо тебѣ, отъ всего сердца спасибо, другъ Одоевскій, за твое участіе въ нашемъ журналѣ[3]). Надѣюсь, что слово н а ш е м ъ здѣсь не пустое: я оправдаю его тѣмъ, что постараюсь сдѣлать журналъ достойнымъ тебя, а ты—помѣщеніемъ въ немъ своихъ статей и полновластнымъ распоряженіемъ во всемъ, что до него касается. Каждая страница твоя, каждое слово твое будетъ мнѣ и подарокъ, и знакъ дружбы.

Однако, кромѣ статей, я ожидаю отъ тебя еще важнаго дѣла: твоего мнѣнія. Прошу тебя, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, приневолить свою лѣнь и послѣ каждаго № моего журнала сказать мнѣ объ немъ твое сужденіе, замѣчая не столько хорошее, сколько недостатки, чтобы я могъ ихъ исправить и мало-по-малу довести журналъ до нѣкоторой степени достоинства. Надѣюсь, что въ этомъ тебѣ помогутъ

---

[1]) Въ письмѣ, очевидно, пропущено слово.

[2]) Евграфъ Петровичъ Ковалевскій, назначенный 23-го марта 1858 года министромъ народнаго просвѣщенія вмѣсто А. С. Норова.

[3]) Въ журналѣ „Европеецъ“, издававшемся въ 1832 г. И. В. Кирѣевскимъ.

Веневитиновъ [1]) и Мальцовъ [2]). Кромѣ того поручи Веневитинову собирать объ немъ голоса встрѣчныхъ и поперечныхъ, знакомыхъ тебѣ и незнакомыхъ, и сообщать съ возможною подробностью; и справедливое и несправедливое, и умное и глупое, все для меня будетъ и важно, и полезно.

Благодарю тебя за интересную брошюрку. Можетъ быть, мнѣ удастся ею воспользоваться. Во всякомъ случаѣ я возвращу ее черезъ недѣлю. Благодарю тебя также за твои милыя дружескія хлопоты о книгахъ. Но отчего не пишешь ты мнѣ, сколько я долженъ прислать тебѣ денегъ и получилъ-ли ты посланныя мною за «Телескопъ»[3])?

Раздай приложенные здѣсь билеты и возьми на себя трудъ поручить Смирдину [4]) доставить прилагаемое письмо Воейкову [5]), которое запечатай. Это отвѣтъ на его епистолу. Струйскаго [6]) я не могу взять въ сотрудники потому, что этого не позволяетъ мнѣ моя журнальная касса. Изданіе будетъ мнѣ стоить около 15-ти тысячъ, а до сихъ поръ у меня только четыреста подписчиковъ [7]). Однако объ этомъ молчи, чтобы не уронить репутацію моего «Европейца».

Присылай мнѣ скорѣе что-нибудь во второй нумеръ [8]). Грустно мнѣ видѣть первый безъ твоего имени.

Обнимаю тебя крѣпко и усердно кланяюсь твоей женѣ.

Твой И. Кирѣевскій.

---

[1]) Алексѣй Владимировичъ (см. выше, стр. 203, прим. 1-е.)

[2]) Иванъ Сергѣевичъ (см. выше, стр. 204, прим. 8-е.)

[3]) Журналъ, издававшійся Н. И. Надеждинымъ.

[4]) Александру Филипповичу, книгопродавцу.

[5]) Александру Ѳедоровичу.

[6]) Дмитрій Юрьевичъ Струйскій, поэтъ и музыкальный критикъ, писавшій въ 1830—1840-хъ гг. подъ псевдонимомъ Трилунный. Нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ см. въ статьѣ проф. Е. Боброва „Семейная хроника рода Струйскихъ въ связи съ біографіею поэта А. И. Полежаева“ („Русская Старина“ 1903 г., августъ, стр. 272—273).

[7]) „Мнѣ очень жаль, что журналъ Кирѣевскаго идетъ худо,—сообщалъ А. И. Кошелевъ князю В. Ѳ. Одоевскому 1-го (13-го) марта 1832 г. изъ Женевы—онъ пишетъ, что у него 50 подписчиковъ. Я и ему, и матушкѣ писалъ, что Кирѣевскій принялся не за свое дѣло и что журналъ его не пойдетъ. Чтобъ быть журналистомъ, не надобно имѣть огромныхъ способностей, но необходимо быть одарену тѣми способностями, которыхъ вовсе не имѣетъ Кирѣевскій. Онъ можетъ быть славнымъ сотрудникомъ, но поспѣшилъ и людей насмѣшилъ. Если бъ онъ дождался Шевырева (находившагося въ то время за границею) и съ нимъ началъ издавать журналъ, то дѣло бы пошло, хотя и не славно, но, по крайней мѣрѣ, порядочно“. Та же цифра подписчиковъ показана въ письмѣ Погодина въ Шевыреву отъ 20-го января 1832 года (см. „Русскій Архивъ“ 1882 г., книга третья, стр.193).

[8]) На второмъ нумерѣ „Европеецъ“, какъ извѣстно, и былъ запрещенъ (за помѣщенную въ этомъ № статью „Девятнадцатый вѣкъ“).

2.

10-го апрѣля 1854 г.

Любезный другъ Одоевскій.

О. Ѳ. Кошелева [1]), возвратившись изъ Петербурга, разсказывала мнѣ, что ты говорилъ ей о нашемъ послѣднемъ свиданіи съ какимъ-то тяжелымъ чувствомъ оскорбленной дружбы, думая, что не только мои внутреннія отношенія къ тебѣ перемѣнились, но что даже и въ наружномъ обращеніи моемъ, въ моихъ разговорахъ и шуткахъ, я съ намѣреніемъ старался выразить это.

Любезный другъ! Это совершенно несправедливо. И я спѣшу увѣрить тебя въ этомъ, спѣшу теперь особенно потому, что наступающій праздникъ былъ бы для меня не свѣтлымъ, если бы я могъ думать, что подалъ поводъ моему милому другу Одоевскому имѣть противъ меня такое тяжелое предубѣжденіе. Не думаю, чтобы полезно было входить въ подробный разборъ тѣхъ моихъ словъ, которыя, говорятъ, подали тебѣ поводъ къ такому мнѣнію и изъ которыхъ нѣкоторыя точно были сказаны мною, а другихъ я теперь не помню. Но во всякомъ случаѣ, я думаю, достаточное и несомнѣнное доказательство того, что ты ошибаешься, это то, что тяжелое обвиненіе твое совершенно несовмѣстимо съ тѣмъ чувствомъ дружбы къ тебѣ, которое я постоянно и неизмѣнно сознаю въ себѣ. Если же въ моемъ наружномъ обращеніи могъ ты замѣтить что-нибудь противное, то поручаю твоему дружескому чувству объяснить эту мою несообразность какъ-нибудь въ мою пользу;— а чего не объяснишь, то прошу просто извинить мнѣ безъ объясненія.

Прошу тебя также сказать княгинѣ, что ея чувства ко мнѣ нисколько не измѣняютъ моихъ къ ней, и когда завтра будутъ пѣть въ церкви: «и ненавидящихъ насъ простимъ», — я буду думать объ ней съ чувствомъ самаго искренняго благорасположенія.

Обнимаю тебя, любезный другъ, съ прежнею и настоящею, неизмѣнившеюся, дружбою.

Твой Иванъ Кирѣевскій.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Жена А. И. Кошелева, Ольга Ѳедоровна, рожденная Петрово-Соловово.

Наставленія воронежскаго епископа Митрофанія, въ схимонасѣхъ Макарія.

Употреби трудъ,
Храни мѣрность:
Богатъ будеши.

—

Воздержно пій,
Мало яждь:
Здравъ будеши.

—

Твори благо,
Бѣгай злаго:
Спасенъ будеши.

—

Сообщ. Георгій Синюхаевъ.

Восточный вопросъ въ 1856—1859 гг.

V [1]).

Первое засѣданіе конференціи состоялось 10-го (22-го) мая 1858 года. Съ самаго начала было очевидно, что разногласіе между державами по существу было такъ же велико, какъ и во время Парижскаго конгресса. На третьемъ засѣданіи графъ Валевскій представилъ видоизмѣненный проектъ выработанный имъ совмѣстно съ французскимъ посланникомъ въ Константинополѣ, къ которому Фуадъ-паша обѣщалъ Тувенелю присоединиться. Въ этомъ проектѣ французское правительство старалось примирить свои симпатіи къ соединенію Княжествъ съ желаніями Австріи, Англіи и Турціи. Согласно съ этимъ, предполагалось, что Княжества будутъ состоять подъ верховною властью султана; каждое изъ нихъ будетъ имѣть своего собственнаго пожизненнаго господаря и отдѣльное собраніе, засѣдающее въ Бухарестѣ и въ Яссахъ, и, наконецъ,—это былъ самый щекотливый пунктъ,—предполагалось, что Княжества будутъ имѣть общій центральный комитетъ въ Фокшанахъ, въ составъ котораго должны были войти девять валаховъ и девять молдаванъ изъ числа членовъ собраній. Милиція Княжествъ получала одинаковую организацію и должна была состоять, въ случаѣ надобности, подъ командою одного вождя, назначаемаго центральнымъ комитетомъ; кромѣ того Княжества получали общее знамя и должны были заключить таможенный, почтовый и телеграфный союзъ.

«Если Австрія», которая, какъ извѣстно, возставала противъ всякаго проекта, имѣвшаго хотя бы самый слабый намекъ на соединеніе,

[1]) См. „Русскую Старину“ 1904 г. № 3-й.

«не пойдетъ ни на какія уступки,—писалъ Бенедетти Тувенелю 23-го мая (4-го іюня) 1858 г.,—то я не думаю, чтобы мы могли придти къ соглашенію.

«Положеніе Фуада-паши будетъ крайне затруднительно, такъ какъ обѣ стороны захотятъ сослаться на мнѣніе турецкаго уполномоченнаго, и если онъ, вопреки обѣщанію, данному вамъ въ Константинополѣ, отступится отъ насъ, то я ни за что не отвѣчаю, хотя говорятъ, будто лордъ Коулэй придумалъ какой-то исходъ, который дастъ ему возможность согласиться на предложенныя нами условія».

Тувенель, съ своей стороны, писалъ Бенедетти 28-го мая (9-го іюня) 1858 г.:

«Великій визирь Али-паша сообщилъ мнѣ планъ, составленный графомъ Валевскимъ. Если Австрія и Англія въ самомъ дѣлѣ откажутся принять предложенный нами проектъ, то я не могу себѣ представить, что изъ этого выйдетъ, но я полагаю, что въ бассейнѣ, простирающемся отъ Далматіи къ Дунаю и отъ Дуная до Карпатъ и Прута, готовятся весьма серьезныя событія. Частныя письма князя Горчакова къ Киселеву наводятъ меня на большое раздумье; мнѣ кажется невѣроятнымъ, что Россія ничего не обѣщала намъ, взамѣнъ той помощи, которую мы оказываемъ ей. Словомъ, я блуждаю въ совершенныхъ потемкахъ. Возвращаясь къ вашей программѣ, скажу, что всѣ возраженія, дѣлаемыя на нее Али-пашею, касаются, главнымъ образомъ, предоставляемой центральному комитету Княжествъ «иниціативы». Само собою разумѣется, я защищаю ваше произведеніе, но я не могу себѣ представить, какимъ образомъ оно будетъ примѣняться на дѣлѣ».

Мы уже знаемъ, что Фуадъ-паша, по пути въ Парижъ, заѣзжалъ въ Вѣну, гдѣ онъ совѣщался съ графомъ Буолемъ, ярымъ противникомъ соединенія Княжествъ; настроенный имъ турецкій уполномоченный, своимъ образомъ дѣйствій на конференціи, вызвалъ неудовольствіе французскаго правительства.

«Фуадъ-паша,—писалъ Бенедетти Тувенелю,—навѣрно связанъ какими-либо обязательствами, принятыми имъ на себя, во время пребыванія въ Вѣнѣ. Когда онъ не можетъ отвѣтить уклончиво, то онъ соглашается во всемъ съ г. Гюбнеромъ» [1]).

«Мнѣ было поручено выразить Фуадъ-пашѣ, что его образомъ дѣйствій на конференціи весьма удивлены».

Турецкій сановникъ самъ понималъ, что посѣщеніе Вѣны было съ его стороны большою неловкостью, и постарался загладить это впе-

---

[1]) Представитель Австріи.

чатлѣніе, заѣхавъ въ Берлинъ, гдѣ онъ имѣлъ продолжительную бесѣду о дѣлахъ Княжествъ съ министромъ Мантейфелемъ.

Вотъ что послѣдній писалъ по этому поводу гр. Гатцфельдту, нѣмецкому посланнику въ Парижѣ [1]):

«Передамъ вамъ въ короткихъ словахъ разговоръ, который я имѣлъ съ Фуадъ-пашою:

«Онъ былъ очень обязателенъ и любезенъ, высказалъ, между прочимъ, что Пруссія единственная великая держава, которой не приходится, въ настоящее время, бороться съ внутренними затрудненіями; увѣрялъ меня, что все, что онъ здѣсь, въ Берлинѣ, видѣлъ, далеко превзошло его ожиданія.

«Но, между прочимъ, онъ не выказалъ ни малѣйшаго желанія распространиться о самомъ животрепещущемъ вопросѣ (о Придунайскихъ Княжествахъ), такъ что я склоненъ повѣрить телеграммѣ Вильденбруха, который пишетъ изъ Константинополя, будто Порта, убѣдившись въ томъ, что Россія и Франція дѣйствуютъ въ союзѣ, рѣшилась броситься окончательно въ объятія Австріи и разсчитываетъ найти себѣ, такимъ образомъ, союзника и въ лицѣ Англіи.

«Послѣ того какъ нашъ разговоръ длился нѣкоторое время, и онъ не обмолвился ни словомъ о конференціи, я упомянулъ о занятіяхъ, которыя ему предстоятъ въ Парижѣ, и замѣтилъ, что матеріалъ, собранный коммиссіей, вѣроятно, потребуетъ серьезнаго обсужденія. Онъ возразилъ на это, что полагаетъ, что члены быстро съ этимъ справятся, такъ какъ всѣ державы желаютъ покончить дѣло какъ можно скорѣе.

«Я завелъ также рѣчь о Черногоріи и замѣтилъ, что нѣкоторые придаютъ этому дѣлу весьма серьезное значеніе. Фуадъ съ этимъ не согласился и увѣрялъ меня, что турецкія войска ни въ какомъ случаѣ не перейдутъ границу Черногоріи, и что до тѣхъ поръ, пока этого не случится, происходящее тамъ движеніе никого не касается.

«Весь этотъ разговоръ произвелъ на меня такое впечатлѣніе, какъ будто Фуадъ умышленно не хотѣлъ высказаться, такъ что онъ могъ бы совершенно свободно не заѣзжать въ Берлинъ. По всей вѣроятности, онъ пріѣхалъ сюда только для того, чтобы смягчить этимъ впечатлѣніе, произведенное его поѣздкою въ Вѣну. Если Валевскій спроситъ васъ о томъ, что было говорено между нами, то прошу васъ сказать ему истину.

«На аудіенціи у принца прусскаго, которая продолжалась всего

---

[1]) Мантейфель—графу Гатцфельдту 28-го апрѣля (10-го мая) 1858 г. (Preussens auswärtige Politik. 1850—1858. Herausg. von Heinrich v. Poschinger. Berlin 1902, стр. 442).

десять минутъ въ моемъ присутствіи, Фуадъ вовсе не коснулся политики».

Въ вопросѣ о Княжествахъ Пруссія была весьма мало заинтересована и такъ какъ по ходу переговоровъ было ясно, что какой бы исходъ ни былъ предложенъ, нѣкоторыя «державы все-таки сочли бы себя обиженными» [1]), и что вообще трудно было придти къ какому-либо удовлетворительному заключенію, то она рѣшила держать себя на конференціи какъ можно сдержаннѣе.

Вообще, занятія конференціи шли вяло, хотя вопросъ объ учрежденіи центральнаго комитета и о національномъ флагѣ, для Княжествъ, вызвалъ жаркія пренія.

«Гюбнеръ сказалъ мнѣ,—писалъ прусскій посланникъ въ Парижѣ министру Мантейфелю [2]),—что Австрія скорѣе откажется отъ участія въ конференціи, нежели согласится на такой проектъ, т. е. на учрежденіе центральнаго комитета, такъ какъ это будетъ несомнѣнно признакомъ соединенія Княжествъ, на что Австрія никогда не согласится. Англія, повидимому, не приняла еще никакого рѣшенія, по крайней мѣрѣ оно еще неизвѣстно ни Валевскому, ни Гюбнеру».

Рѣшительный отказъ Австріи принять проектъ, выработанный Валевскимъ, чрезвычайно тревожилъ французское правительство.

«Послѣ засѣданія 14-го (26-го) числа сего мѣсяца,—писалъ Гацфельдтъ Мантейфелю 17-го (29-го) мая 1858 г.,—графъ Валевскій говорилъ со мною наединѣ.

«Онъ сообщилъ мнѣ, что Гюбнеръ высказалъ ему сейчасъ, что Австрія ни въ какомъ случаѣ не приметъ проекта, предложеннаго Валевскимъ въ засѣданіи 14-го (26-го мая); и Гатцфельдтъ спросилъ меня, какъ я думаю, было-ли это сказано серьезно или нѣтъ. Если это сказано серьезно, то дѣло плохо, такъ какъ далѣе уступокъ, сдѣланныхъ въ этомъ проектѣ, Франція идти не можетъ.

«Я возразилъ на это, что Гюбнеръ, по всей вѣроятности, убѣжденъ въ томъ, что его правительство не согласится на такую организацію Княжествъ, которая могла бы повести со временемъ къ ихъ соединенію. Австрія дѣйствуетъ такъ, не только изъ участія къ Турціи,—сказалъ я,—но и потому, что у нея у самой два милліона подданныхъ румынъ.

«Надобно сознаться, я отнюдь не ожидалъ, что этотъ вопросъ вызоветъ такія затрудненія. Валевскій не знаетъ, что скажетъ Англія. Судя по ходу дѣлъ, онъ по-прежнему разсчитываетъ на насъ (Пруссію) и на Россію».

---

[1]) Графъ Гацфельдтъ—Мантейфелю 30-го апрѣля (11-го мая) 1858 г. Тамъ же, стр. 445.

[2]) Гатцфельдтъ—Мантейфелю 15-го (27-го) мая 1858 г. Тамъ же, стр. 452.

Англія дѣлала со своей стороны попытки привлечь Пруссію на сторону противниковъ соединенія.

Австрія же ставила Пруссіи въ обязанность поддержать ее въ этомъ дѣлѣ и при этомъ нападала на императора французовъ, который, по ея словамъ, «хотѣлъ быть диктаторомъ Европы» [1]).

Занятія конференціи тормозились не только упорствомъ Австріи, но и тѣмъ обстоятельствомъ, что уполномоченные, какъ писалъ Тувенелю Бенедетти, «выражали свои желанія очень туманно; кромѣ того ихъ всѣхъ обуяло желаніе просмотрѣть, исправить и измѣнить то, что ими было сказано въ засѣданіи, кое-что прибавить или убавить». Это чрезвычайно затрудняло редакцію протоколовъ конференціи и вынудило Бенедетти просить уполномоченныхъ самимъ излагать то, что они желали видѣть въ протоколахъ.

Такимъ образомъ конференція употребляла большую часть своихъ засѣданій на составленіе фантастичнаго протокола предъидущаго засѣданія, пока, наконецъ, для упрощенія дѣла, не было рѣшено помѣщать въ протоколы лишь краткіе «выводы», а не весь ходъ преній, отступая отъ этого правила только въ тѣхъ случаяхъ, когда «кто-либо изъ уполномоченныхъ изъявитъ на это желаніе».

По этому поводу Тувенель писалъ Бенедетти 18-го (30-го) іюня 1858 г.:

«Фуадъ-паша избавилъ бы себя отъ многихъ непріятностей въ Парижѣ и въ Константинополѣ, если бы онъ держалъ себя менѣе загадочно. Но онъ дѣйствуетъ такъ, что обѣ стороны имъ недовольны. На упрекъ, сдѣланный ему Али-пашою, онъ отвѣчалъ, «что онъ былъ принятъ (въ Парижѣ) такъ худо, что онъ не имѣлъ возможности обсудить что-либо съ министромъ, и что русскіе приняли мѣры къ тому, чтобы его держали какъ бы въ карантинѣ.

«Мнѣ пишутъ, что сэръ Генри Бульверъ отзывается о Фуадѣ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ,—продолжалъ Тувенель,—и я не удивлюсь, если онъ постарается подчинить пашу своему вліянію и сдѣлать такъ, чтобы Фуадъ былъ весь къ его услугамъ. Поэтому, если въ Парижѣ не хотятъ, чтобы въ лицѣ Фуада возродился второй Решидъ-паша, то я совѣтую найти средство загладить непріятное впечатлѣніе, произведенное на него въ моментъ его пріѣзда въ Парижъ.

«Султанъ оказываетъ мнѣ, въ настоящее время, еще больше вниманія, чѣмъ прежде, и любезность его на праздникѣ палатокъ обратила на себя всеобщее вниманіе».

«Г. Тувенель былъ приглашенъ на праздникъ палатокъ,—записала графиня Марья де-Мельфоръ въ своемъ дневникѣ,—и такъ какъ онъ не

[1]) Мантейфель—Гатцфельдту, 19-го (31-го) мая 1858 г.

могъ отказаться, ибо султанъ присутствовалъ на немъ лично, то онъ уговорилъ свою супругу и меня ѣхать вмѣстѣ съ нимъ.

«Празднество это состоялось по случаю обрѣзанія сыновей султана и множества мальчиковъ, пріѣхавшихъ изо всѣхъ частей имперіи. Говорили также о свадьбѣ юныхъ султаншъ, но это было только предлогъ, чтобы скрыть истинную цѣль церемоніи. На высотахъ, господствующихъ надъ Долма Бахче, было разбито нѣсколько тысячъ палатокъ.

«Палатки султана, принцевъ, министровъ и высшихъ должностныхъ лицъ имперіи помѣщались за особой оградой. Въ теченіе двѣнадцати дней, кои продолжаются эти празднества, султанъ угощаетъ всѣхъ. Министры толпятся въ палаткахъ весь день и часть ночи.

«Тамъ рѣшаются всѣ дѣла, и туда являются къ нимъ съ докладами драгоманы. Въ это время Порта пустѣетъ.

«Посольство было въ полномъ составѣ; окутанные цѣлымъ облакомъ пыли, мы понеслись къ мѣсту празднества въ трехъ придворныхъ экипажахъ; зрѣлище, которое представляли палатки и разноцвѣтная пестрая толпа, было въ высшей степени живописное. Мы пробрались, наконецъ, сквозь толпу до нашей палатки, третьей по очереди, послѣ палатки султана и великаго визиря. Но оказалось, что мы пріѣхали слишкомъ рано, и цѣлыхъ два часа до заката солнца мы провели не особенно весело. Въ палаткѣ было пыльно и душно, а снаружи утомительный для глазъ блескъ солнца. Въ видѣ развлеченія, мы разсматривали экипажи, переполненные турчанками въ роскошныхъ нарядахъ, и смотрѣли на канатныхъ плясуновъ, которые продѣлывали свои штуки на ужасной высотѣ. Намъ подавали мороженое, кофе, и въ нашей палаткѣ побывали великій визирь, министръ иностранныхъ дѣлъ и другіе высшіе сановники.

«Затѣмъ мы смотрѣли турецкую комедію.

«На сценѣ изображалось возстаніе въ гаремѣ, сопровождавшееся довольно комическими сценами. Само собою, разумѣется, что женскія роли исполнялись мужчинами, окутанными въ плащъ и вуаль. Эти сцены возбуждали, повидимому, восторгъ зрителей, которые неоднократно спрашивали насъ: «нравится-ли вамъ наша народная комедія?» Затѣмъ, перейдя черезъ ровикъ, отдѣлявшій насъ отъ остальной публики, мы совершили маленькую прогулку между экипажами, что̀ видимо очень заинтересовало турчанокъ, давно уже поджидавшихъ насъ.

«Тысячи взоровъ были обращены на супругу посланника и на меня, что̀ нѣсколько смущало насъ.

«Наконецъ мы замѣтили знакомый намъ экипажъ жены Фуада-

паши, которая привѣтствовала насъ, махая вѣеромъ изъ страусовыхъ перьевъ.

«Ея хорошенькая невѣстка кланялась намъ еще усерднѣе. Она была очаровательна подъ своимъ бѣлымъ вуалемъ, изъ-за котораго виднѣлись только одни чудные блестящіе глаза. Я обратила вниманіе чиновъ нашего посольства на эту юную красавицу, и она не препятствовала имъ любоваться собою.

«Но становилось поздно, насъ страшно мучилъ голодъ, а между тѣмъ объ обѣдѣ не было и помина. Тувенель, видя, что мы поблѣднѣли, началъ сердиться, и вотъ тутъ-то, вернувшись въ нашу палатку, мы были свидѣтелями курьезнаго зрѣлища: испуганные лакеи не знали второпяхъ, съ какого конца начать накрывать на столъ; турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ помогалъ имъ и предложилъ французскому посланнику «пойти на кухню и поторопить съ обѣдомъ». Управляющій домомъ великаго визиря утверждалъ, что онъ не получилъ никакихъ приказаній, и поэтому не хотѣлъ выдать серебра и посуды; посланные съ хлѣбомъ были перехвачены придворными дамами; наконецъ въ девять часовъ вечера посуда была выдана по приказанію султана.

«Обѣдъ былъ поданъ, и мы съѣли его довольно нехотя, потерявъ къ тому времени уже всякій аппетитъ. Зять султана, Али-Галибъ-паша, былъ очень сконфуженъ. За отсутствіемъ султана во время обѣда игралъ его собственный оркестръ; это была для насъ большая честь. Но несравненно больше удовольствія доставила намъ блестящая иллюминація. Когда мы отправились на вокзалъ, насъ сопровождали со смоляными факелами и бенгальскими огнями.

«Погода была великолѣпная, и мы возвратились въ Терапію въ восторгѣ отъ фейерверка и иллюминаціи Босфора, гдѣ всѣ суда расцвѣтились флагами и горѣли тысячью разноцвѣтныхъ фонариковъ.

«Такъ какъ французскій посланникъ особа не маловажная во всякой странѣ, а въ Турціи болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, то когда во дворцѣ узнали, что ему пришлось ожидать обѣда, тамъ произошелъ переполохъ. Великій визирь послалъ къ Тувенелю своего секретаря съ извиненіемъ; посланникъ принялъ его холодно. На слѣдующій день явился камергеръ отъ имени султана просить посланника и его супругу со всѣми особами, которыя сопровождали ихъ наканунѣ, отобѣдать въ палаткѣ, гдѣ султанъ «разсчитывалъ имѣть удовольствіе видѣть ихъ». Отказываться было невозможно, и такъ мы отправились вторично. Сойдя съ «Аяччіо», мы сразу увидѣли, что церемоніалъ будетъ этотъ разъ торжественнѣе. Наши экипажи сопровождалъ конвой изъ тридцати кавасовъ, возбуждавшій любопытство толпы. Великій визирь пригласилъ насъ въ свою палатку, куда заходили одинъ за другимъ разные высшіе сановники до самаго пріѣзда султана, который не заставилъ

себя долго ожидать. Абдулъ-Меджидъ появился, предшествуемый шестью тѣлохранителями, которые были одѣты въ малиновые, голубые и пунцовые кафтаны и очень походили на оперныхъ статистовъ. Султанъ, который вообще славится своею вѣжливостью, былъ еще любезнѣе обыкновеннаго. Побесѣдовавъ съ Тувенелемъ, онъ взглянулъ на его супругу и вмѣсто поклона очаровательно улыбнулся ей, ибо голова султана не должна никогда склоняться передъ смертными, на которыхъ его величеству полагается взирать съ высоты своего величія. Я удостоилась таковой же милости, какъ и моя кузина, когда Тувенель представилъ насъ его величеству. Султанъ болѣе находилъ темы для разговора съ Тувенелемъ, нежели съ нами, однако онъ спросилъ супругу посланника: «хотѣла-ли бы она видѣть его сыновей?» Когда она отвѣчала утвердительно, то вскорѣ появились четыре вызолоченныя и украшенныя гербами кареты, росписанныя, какъ бомбоньерки въ самомъ изящномъ стилѣ рококо; въ каждой изъ нихъ сидѣло по принцу. Мы сдѣлали нѣсколько шаговъ впередъ. Кареты остановились; принцы встали, и каждый изъ нихъ стоялъ неподвижно, вытянувшись передъ своимъ августѣйшимъ отцомъ въ позѣ, выражавшей глубокое почтеніе, нѣсколько заслонивъ глаза правою рукою и предоставляя намъ разсматривать ихъ; впрочемъ осанка ихъ была нѣсколько горделива. Юные принцы стояли по ранжиру. «Это ихъ первый выѣздъ», замѣтилъ султанъ, не подозрѣвая, что наша женская стыдливость могла быть возмущена этой подробностью, при воспоминаніи о поводѣ, вызвавшемъ это торжество. На сыновьяхъ султана были широкія одѣянія изъ краснаго, голубаго, зеленаго и малиноваго кашемира, подбитыя бѣлоснѣжнымъ мѣхомъ; на головѣ у нихъ были фески, осыпанныя драгоцѣнными камнями съ брилліантовымъ султаномъ. Самымъ красивымъ былъ, по моему мнѣнію, младшій принцъ, которому могло быть лѣтъ 7—10.

«Едва успѣла отъѣхать послѣдняя карета, какъ какой-то турокъ, вѣроятно желавшій подать прошеніе, попытался перейти черезъ мостъ, отдѣлявшій насъ отъ толпы. Султанъ взглянулъ на него милостиво и приказалъ великому визирю узнать, что ему надобно, затѣмъ султанъ удалился въ свою палатку. Въ семь часовъ намъ былъ поданъ великолѣпный полутурецкій, полуфранцузскій обѣдъ. Г-жа Тувенель сидѣла по правую руку отъ великаго визиря, а я по правую руку Али-Галибъ паши, у котораго такъ болѣли глаза, что большая часть его лица была покрыта черной тафтяной маскою. На столѣ стояло столько цвѣтовъ, канделябръ и украшеній, что я не могла разглядѣть того, кто сидѣлъ противъ меня. Тувенель предложилъ тостъ за султана, а великій визирь за императора. Все обошлось какъ нельзя лучше. Послѣ обѣда мы вышли изъ палатки и прогулялись по иллюминаціи. Мимо насъ проносили изящные подносы, съ дорогими фарфоровыми блюдами съ обѣдомъ для

прелестныхъ дамъ, сидѣвшихъ въ каретахъ. Насъ сопровождала цѣлая армія кавасовъ и съ дюжина пашей. Щеголихи начали съѣзжаться изъ Перы только къ одиннадцати часамъ. На обратномъ пути насъ застигъ дождь, но по пріѣздѣ въ Терапію мы согрѣлись чашкою горячаго чая, и утомленія какъ не бывало».

Вернемся однако къ Парижской конференціи. Уполномоченные державъ не особенно спѣшили закончить свой трудъ, какъ бы предчувствуя, что онъ принесетъ одно разочарованіе какъ сторонникамъ, такъ и противникамъ соединенія.

Занятія парижской конференціи, начавшіяся 10-го (22-го) мая, были прерваны въ іюлѣ мѣсяцѣ довольно серьезной болѣзнью турецкаго уполномоченнаго.

«Нашъ другъ Фуадъ заболѣлъ ангиной,—сообщалъ Тувенелю Бенедетти 20-го іюня (2-го іюля) 1858 г.,—которая приняла довольно серьезный характеръ.

«Въ настоящую минуту онъ уже поправился, и конференція будетъ продолжать свои работы.

«Императоръ желаетъ, чтобы уполномоченные ускорили свой трудъ, и министръ въ своихъ послѣднихъ бесѣдахъ съ ними пришелъ къ рѣшенію, которое, я надѣюсь, будетъ принято всѣми.

«Лордъ Мальмсберри сообщилъ мнѣ, что онъ считаетъ названіе «Соединенныя Княжества» дѣломъ рѣшеннымъ, а учрежденіе центральнаго комитета дѣломъ второстепеннымъ. Я надѣюсь, что мы придемъ скоро къ соглашенію».

Слухи, доходившіе о ходѣ переговоровъ въ Молдавію, вызвали тамъ скорѣе чувство разочарованія, нежели радости. Пласъ писалъ по этому поводу Тувенелю:

«Считаю долгомъ сообщить вамъ одинъ фактъ, который я нахожу крайне серьезнымъ—это глухое неудовольствіе противъ державъ, которое растетъ съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ того какъ всѣ проникаются мало-по-малу мыслію, что желаніямъ, высказаннымъ диваномъ, не суждено сбыться. По моему мнѣнію, конгрессъ семи державъ не можетъ безнаказанно взбудоражить населеніе страдающей страны. Я вполнѣ убѣжденъ, что не дать этому движенію законнаго удовлетворенія и превратить его въ безплодное волненіе значило бы затѣвать опасную игру. Невозможно передать, въ какомъ положеніи находится эта несчастная страна.

«Всѣ налоги, взысканные по будущій ноябрь, уже израсходованы Евреи, которые доселѣ соглашались давать взаймы, отказываются давать новыя ссуды хотя бы за ростовщическіе проценты. Чиновники уже нѣсколько мѣсяцевъ не получаютъ жалованья, тѣ же, коимъ удается

всѣми правдами и неправдами получить авансы, получаютъ ихъ бумажными знаками, которые ходятъ ниже ихъ настоящей стоимости.

«Милиція не получаетъ жалованія и остается почти безъ съѣстныхъ припасовъ. Соотвѣтственно этому идутъ и другія отрасли администраціи. Вогоридесъ своими ошибками, увеличиваетъ съ каждымъ днемъ число недовольныхъ, и эти послѣдніе группируются вокругъ князя Григорія Стурдзы. Я, лично, ему не симпатизирую, но тѣмъ не менѣе, я долженъ признать, что по уму и энергіи, это единственный человѣкъ, стоящій на высотѣ положенія».

Въ Бухарестѣ, судя по отзыву французскаго генеральнаго консула, впечатлѣніе, произведенное конференціей, было такого же рода.

«Валахское общество интересуется исключительно извѣстіями, получаемыми изъ Парижа,—писалъ Бекларъ Тувенелю 27-го мая (8-го іюня). Здѣсь всѣ очень упали духомъ и жаждутъ узнать что-либо положительное. Таково общее настроеніе въ Валахіи, и я съ трудомъ могу поддержать тѣхъ, кои упали духомъ. Пласъ пишетъ мнѣ изъ Яссъ плачевныя письма.—Онъ говоритъ, что можно всего ожидать, даже возстанія. Я этому не вѣрю. Молдаво-валахи не такъ злы, какъ они хотятъ показать. Покорность составляетъ основную черту ихъ характера; она выработалась у нихъ исторически. Они покорятся и этотъ разъ. Мнѣ пишутъ изъ Парижа, что грозныя тучи мало-по-малу разсѣеваются, что графъ Валевскій пригласилъ своихъ сотоварищей по конференціи въ свое имѣніе «Etioles» и что вопросъ о Княжествахъ обсуждается тамъ самымъ мирнымъ образомъ, среди празднествъ, фейерверковъ и разныхъ сельскихъ удовольствій.

«Вашъ новый англійскій коллега, сэръ Генри Бульверъ, проѣхалъ недавно внизъ по Дунаю, въ Константинополь. Валахское правительство полагало, что онъ остановится въ Бухарестѣ, и сдѣлало приготовленія къ его пріему. Въ виду множества кандидатовъ на постъ валахскаго господаря, бѣдный каймакамъ волнуется это время болѣе, чѣмъ когда-либо. Онъ увлекъ въ Журжево для встрѣчи сэра Генри Бульвера, президента совѣта, Константина Кантакузена и взялъ съ собою пятнадцать экипажей, нагруженныхъ музыкантами, инструментами и пѣвцами, которые должны были исполнить серенаду. Въ тотъ моментъ, когда каймакамъ выѣзжалъ навстрѣчу послу, ему донесли, что на одномъ пароходѣ съ сэромъ Бульверомъ находится принцъ Альбертъ прусскій, который ѣдетъ въ Крымъ; тѣмъ болѣе встрѣча должна была быть торжественна. Прусскій генеральный консулъ, баронъ Мейзенбахъ, также отправился встрѣтить пароходъ, захвативъ уже не музыкальные инструменты, а тридцать бутылокъ превосходнаго вина, но въ Журжево никакого Бульвера не оказалось. Пришлось удовольствоваться принцемъ Альбертомъ прусскимъ, но такъ какъ его высочество путе-

шествовалъ инкогнито, то онъ не пожелалъ, чтобы музыканты разыгрывали на берегу свои тріумфальные марши. Послѣ двухчасовой остановки у пристани, пароходъ двинулся далѣе, а каймакамъ, Кантакузенъ и музыканты возвратились въ Бухарестъ.

«Сэръ Генри Бульверъ въ это время преспокойно ѣхалъ внизъ по Дунаю на австрійскомъ пароходѣ. Тогда неутомимый каймакамъ усѣлся снова въ почтовую карету и отправился вторично въ Журжево, опять таки въ сопровожденіи своихъ пятнадцати экипажей съ музыкантами. Сегодня по утру, князь Александръ Гика возвратился изъ Журжево, изнемогая отъ усталости, но готовый, въ случаѣ надобности, продѣлать все это еще разъ. Пятнадцать экипажей также вернулись вмѣстѣ съ нимъ. Что касается сэра Генри Бульвера, то онъ сошелъ съ парохода въ Рущукѣ, намѣреваясь проѣхать Болгарію верхомъ, а затѣмъ сѣсть снова на пароходъ въ Варнѣ и ѣхать въ Константинополь».

Тѣмъ временемъ труды парижской конференціи приходили къ концу, и судьба молдаво-валаховъ со дня на день должна была рѣшиться. Графъ Валевскій, смотрѣвшій на дѣло довольно оптимистично, писалъ Тувенелю 2-го (14-го) августа:

«Конференція скоро закончитъ свои труды. Выработанная ею организація Княжествъ, въ концѣ концовъ, по моему мнѣнію, довольно удовлетворительна, и несомнѣнно обезпечитъ соединеніе Княжествъ въ будущемъ. Учрежденія либеральны и даютъ возможность контролировать дѣятельность алчныхъ и продажныхъ господарей. Мы старались придать этимъ учрежденіямъ либеральный характеръ не потому, чтобы мы считали молдаво-валаховъ достаточно зрѣлыми для таковыхъ учрежденій, но потому, что главною нашею заботою было прежде всего обуздать безнравственность и расточительность, составляющія отличительную черту управленія Княжествъ.

«Хотя Шербургское свиданіе и не имѣло никакой политической цѣли, но оно показало, что отношенія между двумя дворами по-прежнему дружественны. Я имѣлъ продолжительную, двухчасовую бесѣду съ лордомъ Мальмсберри [1]); онъ сказалъ мнѣ, что сэру Генри Бульверу даны инструкціи поддерживать съ вами, во что бы то ни стало, самыя близкія отношенія. Мы рѣшили съ нимъ, что всѣ недоразумѣнія, какія могли бы возникнуть въ Турціи между нашими консулами, должны рѣшаться вами совмѣстно съ Бульверомъ».

7-го (19-го) августа 1858 г., уполномоченные семи великихъ державъ: Франціи, Англіи, Австріи, Пруссіи, Россіи, Сардиніи и Турціи, послѣ трехмѣсячныхъ совѣщаній, подписали протоколъ о новой организаціи Молдавіи и Валахіи, которыя получили названіе соединенныхъ

[1]) Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, смѣнившій Пальмерстона.

провинцій или Княжествъ, подъ верховною властью султана и съ сохраненіемъ отдѣльныхъ господарей для каждаго Княжества; единство ихъ выражалось только въ образованіи общаго для нихъ комитета, засѣдавшаго въ Фокшанахъ, имѣвшаго задачей издавать законы, утверждать бюджетъ и налоги; въ созданіи общаго верховнаго кассаціоннаго суда и въ возможности, въ случаѣ нужды, соединять войска Княжествъ въ одну армію. Княжества сохраняли каждое свое отдѣльное знамя, но къ нему была придѣлана одинаковая для обѣихъ странъ голубая полоса. Кромѣ того населенію Княжествъ было торжественно гарантировано равномѣрное распредѣленіе налоговъ, свободный доступъ къ общественнымъ должностямъ, свобода личности, равенство всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій съ точки зрѣнія политической, преобразованіе крестьянскаго быта и акцизныхъ, общественныхъ, городскихъ и сельскихъ учрежденій. Къ конвенціи былъ приложенъ подробно выработанный избирательный законъ, который Княжествамъ предоставлялось право видоизмѣнить по ихъ благоусмотрѣнію.

Въ общемъ, въ смыслѣ провозглашенныхъ принциповъ, конвенція казалась весьма выгодной для молдаво-валаховъ, въ особенности по сравненію съ существовавшей организаціей Княжествъ.

«Слава Богу, занятія конференціи окончены,—писалъ прусскій уполномоченный министру Мантейфелю. Валевскій доволенъ достигнутымъ результатомъ и полагаетъ, что это будетъ началомъ соединенія Княжествъ, которое выработается само собою впослѣдствіи» [1]).

Узнавъ объ окончаніи парижской конференціи, Тувенель, въ свою очередь, писалъ Бенедетти 13-го (25-го) августа 1858 г.:

«И такъ, конвенція подписана. Судя по вашей телеграммѣ отъ 7-го (19-го) числа, я имѣю полное основаніе полагать, что и вопросъ о плаваніи судовъ по Дунаю улаженъ, если не рѣшенъ окончательно.

«Слава Богу! хотя бы злые языки и говорили, что все это напоминаетъ одну изъ извѣстныхъ комедій Шекспира [2]). Не подлежитъ сомнѣнію, что комбинація, придуманная уполномоченными, не вполнѣ хороша, но такова уже участь всякаго дѣла, дѣлаемаго сообща; въ общемъ, она все-таки лучше, нежели я ожидалъ.

«Названіе «Центральный диванъ» и «голубая полоса» (на знамени) послужатъ намъ утѣшеніемъ, тѣмъ болѣе, что Австрія оспаривала и то и другое. Во всякомъ случаѣ, молдаво-валахи обязаны мнѣ тѣмъ, что ихъ страна получила названіе соединенныхъ Княжествъ, а что касается остальнаго, то я умываю себѣ руки.

---

[1]) Гатцфельдтъ—Мантейфелю 11-го (23-го) августа 1858 г.

[2]) „Много шума изъ пустяковъ“.

«Сэръ Генри Бульверъ и Али-паша говорятъ уже, что «конвенція плоха въ общемъ, и еще хуже въ частностяхъ».

«Но, по моему мнѣнію, серьезной критикѣ могутъ подлежать только пункты, касающіеся избирательныхъ правъ. Я думаю, что трудно будетъ примѣнить новый законъ о выборахъ; прежнія правила для созыва «диванов» были лучше.

«Возможно-ли, въ такой странѣ, какъ Молдавія и Валахія, опредѣлить точнымъ образомъ доходъ, который вездѣ такъ трудно учесть? Это будетъ отличный поводъ къ мошенничеству. Избирательный цензъ въ тысячу дукатовъ, который требуется отъ домовладѣльцевъ и купцовъ въ городахъ, можетъ быть удовлетворенъ въ Бухарестѣ и Яссахъ только небольшимъ числомъ избирателей, въ другихъ же округахъ таковыхъ не окажется и двадцати человѣкъ. Я сомнѣваюсь, чтобы по мѣстнымъ условіямъ постановленія конференціи могли быть выполнены».

Бывшій французскій коммиссаръ въ княжествахъ, Талейранъ, отнесся къ работѣ конференціи еще болѣе критически. Онъ писалъ Тувенелю 7-го (19-го) августа изъ Парижа:

«Вчера конференція разрѣшилась наконецъ отъ бремени, какъ и слѣдовало ожидать—неудачно. Нельзя ни привѣтствовать ея произведенія, ни пожелать ему долголѣтія; приличіе требуетъ однако, чтобы мы молчали, въ особенности въ присутствіи родителей новорожденнаго, ослѣпленныхъ, какъ это всегда бываетъ, родительской любовью. Находящіеся здѣсь румыны, коимъ кто-то разболталъ заранѣе о результатѣ совѣщаній, хотятъ въ знакъ радости и признательности подать петицію о сохраненіи прежняго устава.

«Гика и національная партія внѣ себя отъ ярости. Стирбей и грабители торжествуютъ. Говорятъ, будто Фуадъ-паша получилъ отъ главаря шайки двадцать тысячъ дукатовъ, но я считаю это клеветою. Мнѣ говорили, будто Англія хочетъ, чтобы протоколы конференціи не были обнародованы».

Бенедетти, болѣе сдержанный въ своихъ отзывахъ, со своей стороны, писалъ Тувенелю:

«Вамъ извѣстенъ окончательный текстъ конвенціи. Не смотря на нѣкоторыя вполнѣ похвальныя добавленія, нельзя одобрить сдѣланныхъ въ ней искаженій и въ особенности измѣненій въ текстѣ и перестановокъ, которыя производятъ весьма неблагопріятное впечатлѣніе. Впрочемъ, это уже вызывало на конференціи неоднократно весьма жаркій споръ. Фуадъ-пашѣ приписываютъ измѣненіе, касающееся назначенія каймакамовъ, вслѣдствіе котораго друзья Гики замѣнятъ, вѣроятно, друзей Стирбея.

«Сегодня должна была состояться аудіенція Фуадъ-паши; я имѣю

основаніе думать, что въ Сенъ-Клу ему будетъ оказанъ совершенно иной пріемъ, нежели въ Тюильри. По возвращеніи моемъ изъ отпуска, я еще не видалъ нашего друга, но постараюсь встрѣтиться съ нимъ сегодня».

По поводу впечатлѣнія, произведеннаго рѣшеніемъ европейской конференціи въ Молдавіи, Пласъ писалъ Тувенелю:

«Всѣ очень сожалѣютъ, что не удалось провести вопроса о соединеніи, тѣмъ не менѣе постановленія конференціи приняты довольно благосклонно.

«Но два пункта вызываютъ озлобленіе: 1-ое, власть, предоставленная господарямъ, и 2-ое, законъ о выборахъ. Говорятъ, что «диваны» возставали именно противъ власти господаря, и что, предоставивъ господарю иниціативу законодательныхъ мѣръ, право произносить veto и распускать собраніе, ему дана тѣмъ самымъ еще бо́льшая власть, чѣмъ прежде. Что касается закона о выборахъ, то имъ устраняется отъ дѣятельности вся молодая, лучшая часть общества, и власть переходитъ снова къ старой боярской партіи, которая была причиною всѣхъ золъ и которая теперь вновь восторжествуетъ. Кромѣ того, вслѣдствіе столь высокаго избирательнаго ценза, въ главныхъ городахъ нѣкоторыхъ округовъ не окажется ни одного избирателя; что касается Молдавіи, то я ручаюсь головою, что никто не будетъ въ состояніи опредѣлить, хотя бы приблизительно, размѣръ поземельнаго дохода.

«Здѣсь значительная часть земель обрабатывается самими владѣльцами. Какимъ же образомъ опредѣлить получаемый ими доходъ? Придется-ли подсчитывать количество пшеницы, маиса, пшена, овса, лѣса, скота, дичи, яицъ, масла, вина и т. п. Что касается мелкопомѣстныхъ второразрядныхъ собственниковъ, то дѣло будетъ еще хуже. Ни одинъ контрактъ не заключается при участіи казны. Поэтому придется полагаться на частные контракты.

«Какъ видите, это откроетъ широкое поле для злоупотребленій.

«Что касается имущественнаго ценза въ шесть тысячъ дукатовъ для городскихъ избирателей, то это просто невѣроятно. Въ Яссахъ не найдется и тридцати домовъ, которые бы стоили эту сумму, а въ окружныхъ городахъ не найдется ни одного такого дома. Съ другой стороны, хотя въ принципѣ можно признать превосходнымъ, чтобы въ господари избирались только люди «въ возрастѣ тридцати пяти лѣтъ, имѣющіе три тысячи дукатовъ поземельнаго годоваго дохода», но я не знаю въ Молдавіи ни одного подобнаго человѣка, который въ теченіе десяти лѣтъ занималъ бы общественныя должности, за исключеніемъ пяти или шести стародревнихъ стариковъ, въ родѣ обоихъ Балшей, извѣстнаго Катарджи и, наконецъ, бывшаго господаря Михаила Стурдзы, если только ему будетъ зачтено время, которое онъ былъ господаремъ. Лю-

бопытное, однако, было бы зрѣлище, если бы ареопагъ семи державъ вернулъ къ власти человѣка, который десять лѣтъ тому назадъ былъ изгнанъ отсюда и побитъ камнями! Всѣ честные и интеллигентные люди немилосердно устранены отъ управленія... Наконецъ, невольно рождается вопросъ, подготовлено-ли населеніе Княжествъ къ тѣмъ широкимъ, либеральнымъ учрежденіямъ, которыя даны имъ конференціей? Они могли бы быть вполнѣ умѣстны при соединеніи Княжествъ, въ особенности въ томъ случаѣ, если бы во главѣ ихъ стоялъ иностранный принцъ, но, при настоящихъ условіяхъ, можно опасаться, не возложена-ли этимъ на ребенка исполинская ноша».

Въ Валахіи постановленія конференціи были приняты спокойнѣе, но князь Александръ Гика и «національная партія» были взволнованы извѣстіемъ, что до избранія господарей собраніями власть должна перейти временно къ тремъ каймакамамъ».

Въ это самое время пріѣхалъ въ Бухарестъ вновь назначенный русскій генеральный консулъ Гирсъ [1]).

«Онъ уже вступилъ въ сношеніе съ валахскимъ правительствомъ и своими коллегами,—писалъ Бекларъ Тувенелю. Такъ какъ его пріѣздъ совпалъ съ тезоименитствомъ императора Александра, то это было, повидимому, разсчитано на то, чтобы произвести на валаховъ извѣстное впечатлѣніе. Дѣйствительно, послѣднія пять лѣтъ Россія не имѣла тутъ генеральнаго консула, и теперь населеніе восторженно привѣтствуетъ Гирса. Руссофильская боярская партія воспрянула духомъ и полагаетъ, что вернулись чудныя времена Титовыхъ, Дашковыхъ, Коцебу и другихъ. Къ сожалѣнію, отъ нихъ осталось одно воспоминаніе. Въ настоящее время валахскіе бояре оказываютъ Россіи однѣ безплодныя почести. Гирсъ произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе. Какъ всѣ русскіе, онъ въ высшей степени любезенъ».

По поводу многочисленныхъ интригъ, въ коихъ изощрялись кандидаты на постъ господаря, читаемъ въ письмѣ Тувенеля къ Бенедетти отъ 24-го сентября (6-го октября) 1858 г. слѣдующее:

«Вамъ извѣстны продѣлки князя Александра Гика и его приспѣшниковъ.

«Соперникамъ въ Бухарестѣ слѣдовало бы сговориться; Бибеско, который менѣе популяренъ, могъ бы быть господаремъ, а Стибрей—предсѣдателемъ центральнаго комитета. Этотъ постъ будетъ, разумѣется, самый важный, и князь Стирбей вполнѣ способенъ занять его.

«Фуадъ-пашу обвиняютъ публично въ томъ, что онъ былъ подкупленъ князьями Стирбеемъ и Стурдзою. Это производитъ впечатлѣніе

---

[1]) Впослѣдствіи министръ иностранныхъ дѣлъ.

скандала, тѣмъ болѣе, что Фуадъ только-что надстроилъ въ своемъ домѣ этажъ».

Между тѣмъ, по окончаніи занятій конференціи, Фуадъ-паша, единственный изъ уполномоченныхъ, который не былъ аккредитованъ въ Парижѣ, собирался уѣхать обратно въ Константинополь.

«Фуадъ-паша очень доволенъ своей аудіенціей у императора,—писалъ Тувенелю Бенедетти,—ему хотѣлось бы получить отъ его величества конфиденціальное письмо къ султану, съ совѣтами и поощреніями, которое онъ хотѣлъ бы передать султану лично.

«Указъ о пожалованіи ему ордена Почетнаго Легіона будетъ подписанъ завтра.

«Министръ ничего не имѣлъ противъ этого, а императоръ, вначалѣ бывшій противъ этой награды, въ концѣ концовъ изъявилъ на нее свое согласіе. Поэтому можно надѣяться, что Фуадъ-паша останется доволенъ. Но онъ предполагаетъ, на обратномъ пути, снова посѣтить Вѣну, а это врядъ-ли поведетъ къ добру».

(Окончаніе слѣдуетъ).

Послѣднее слово г. Бильбасову.

Въ новой своей замѣткѣ, по поводу моего возраженія на статью «Записки русскихъ женщинъ», г. Бильбасовъ, не отвѣчая по существу на мои возраженія, извиняется тѣмъ, что онъ не желаетъ вступать со мной въ «ученый споръ», прозрачно намекая на мою профессію «чиновника канцеляріи». Тѣмъ не менѣе, онъ снова выдвигаетъ противъ меня свои «ученыя» батареи, а въ заключительной части своей замѣтки, сдѣлавъ нѣсколько кивковъ на какія-то неблаговидныя, по мнѣнію г. Бильбасова, дѣянія мои по литературной части, спѣшитъ заявить, что онъ прекращаетъ со мною полемику. Г. Бильбасовъ не сообразилъ однако того, что если «ученыя» его замѣчанія могутъ подлежать провѣркѣ лишь въ зависимости отъ моей на то охоты, то заключительные его кивки по моему адресу будутъ по необходимости требовать разъясненія самаго строгаго какъ съ его, такъ и съ моей стороны. Хотя я и «чиновникъ канцеляріи», а г. Бильбасовъ—«извѣстный ученый», написавшій, по его словамъ, тридцать томовъ разныхъ сочиненій, но, полагаю, я въ правѣ требовать отъ него или сознанія въ лживомъ покушеніи на мое доброе имя, или точнаго объясненія сдѣланныхъ имъ намековъ «на то, чего не вѣдаетъ никто».

Итакъ, начнемъ съ «ученыхъ» замѣчаній г. Бильбасова, которыхъ на этотъ разъ, слава Богу, не много: всего три пункта. Г. Бильбасовъ выдвигаетъ три «тезиса»:

1) «Незнаніе (мною) французскаго языка. Выраженіе «nouvellement conquis» Шумигорскій переводитъ «вновь присоединенные», даже и не подозрѣвая, что «nouvellement» означаетъ «недавно», а не «вновь», и объясняя невѣрный переводъ слова желаніемъ исправить текстъ гр. Головиной, на что онъ не имѣлъ никакого права».

Отвѣчу кратко, что о значеніи словъ «nouvellement» и «вновь» г. Бильбасовъ могъ бы справиться, прежде чѣмъ отвѣчать мнѣ, съ толковыми словарями Литтре и Даля. Для свѣдѣнія г. Бильбасова прибавлю, что въ русскомъ языкѣ слово «вновь» означаетъ не только «во второй разъ», но и «вновѣ»: «вновь вышедшая книга», «вновь назначенный министръ» и т. д. Что касается до моего права исправить текстъ гр. Головиной вѣрнымъ выраженіемъ, вмѣсто невѣрнаго, то это право можетъ отрицать развѣ одинъ г. Бильбасовъ. Единственное, что я могъ бы еще сдѣлать, это послѣ слова: «присоединенные» поставить въ скобкахъ «conquis».

2) «Недостатокъ общаго историческаго образованія: г. Шумигорскій, незнакомый даже съ «Записками императрицы Екатерины», наивно предполагаетъ, что готовящееся академическое изданіе этихъ «Записокъ», конечно, заставитъ г. Бильбасова передѣлать какъ изданные имъ томы его «Исторіи Екатерины II», такъ и послѣдующіе». Какое невѣжество: Записки Екатерины II обрываются на второмъ пріѣздѣ принца Саксонскаго, въ 1759 г., и уже для воцаренія Екатерины, въ 1762 г., не имѣютъ значенія историческаго матеріала»!

Какая недобросовѣстная «ученая» передержка со стороны г. Бильбасова! У меня было сказано: «готовящееся академическое изданіе «Записокъ» Екатерины и масса новыхъ матеріаловъ конечно заставятъ г. Бильбасова передѣлать какъ изданные имъ два тома его «Исторіи», такъ и послѣдующіе рукописные, если только они написаны» [1]) Г. Бильбасовъ всего только выкинулъ въ своей цитатѣ мои слова: «и масса новыхъ матеріаловъ» да число множественное передѣлалъ въ единственное (заставятъ—заставитъ)—и обвиненіе меня въ «невѣжествѣ» уже готово. Но извѣстно-ли г. Бильбасову, какъ называются такіе фокусъ-покусы? Или онъ, съ своимъ нѣмецкимъ критикомъ, полагаетъ, что они не выходятъ «за предѣлы дозволеннаго»? Фокусъ г. Бильбасова тѣмъ непростительнѣе, что въ той же статьѣ моей было сказано: «самъ г. Бильбасовъ написалъ первый томъ Исторіи Екатерины II», основываясь лишь на изданіи Герцена: «Memoires de l'Imperatrice Catherine II» [2]). Недобросовѣстная по отношенію ко мнѣ фабрикація г. Бильбасова не совсѣмъ вѣрна и по существу въ научномъ отношеніи: готовящееся академическое изданіе «Записокъ» Екатерины будетъ заключать въ себѣ автобіографическія ея замѣтки и послѣ 1759 г.

3) «Незнакомство съ техникой изданія: г. Шумигорскій не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, что пишетъ, и въ своей отпискѣ укоряетъ себя

---

[1]) „Р. Стар.“, февраль 1904 г., 416.

[2]) Тамъ же, 415

въ пропускѣ одной строки и одного стихотворенія, хотя то и другое имъ же напечатано на стр. 144 и 221».

Если помнитъ читатель, въ пропускѣ ихъ обвинялъ меня самъ г. Бильбасовъ, не указавшій содержанія стихотворенія, и это былъ единственный случай, когда я съ довѣріемъ отнесся къ его словамъ, не имѣя возможности провѣрить ихъ и допуская возможную неполноту своего списка «Записокъ» Головиной. Теперь г. Бильбасовъ самъ сознается, что далъ фальшивую справку, и обвиняетъ меня въ томъ, что я единственный разъ довѣрился ему. Этотъ пріемъ г. Бильбасова еще разъ ясно показываетъ, съ какого сорта «ученымъ» полемизаторомъ мы имѣемъ дѣло. Остается спросить его, что же наконецъ онъ считаетъ для себя «не дозволеннымъ»? Въ моей профессіи «чиновника канцеляріи» за фальшивыя справки и фабрикаціи чужихъ словъ обыкновенно приглашаютъ оставить службу; въ средѣ же такихъ «ученыхъ», какъ г. Бильбасовъ, и его «нѣмецкихъ критиковъ» эти пріемы, очевидно, являются свидѣтельствомъ беззастѣнчивой «ловкости» полемизатора и его особаго «уваженія» къ печатному слову.

Читатели могутъ видѣть теперь, что вся полемика моя съ моимъ «ученымъ» критикомъ сводилась по существу къ тому, что его уличали въ фальшивыхъ цитатахъ и ссылкахъ. Уличаемый въ однихъ передержкахъ, г. Бильбасовъ не возражая прибѣгаетъ къ новымъ, слѣдуя правилу «calomniez, calomniez, il en restera toujours quelque chose». На этотъ разъ, закончивъ свои обвиненія меня по «Запискамъ» Головиной и чувствуя, какъ легко ихъ опровергнуть, г. Бильбасовъ идетъ далѣе и, желая какъ-либо запачкать меня предъ читателями, не постыдился сочинить «ученую» сплетню, не имѣющую никакого отношенія къ «Запискамъ» Головиной, для того только, чтобы набросить тѣнь на мою личность. Въ этой области сплетни г. Бильбасовъ дѣйствуетъ еще развязнѣе, чѣмъ даже на «ученомъ» поприщѣ. «Можно-ли серьезно, вѣщаетъ онъ, говорить съ господиномъ, который въ 1900 г. печатаетъ хвалебный отзывъ о второмъ томѣ «Исторіи кавалергардовъ», вышедшемъ въ свѣтъ лишь два года спустя? Argumentum ad crumenam, руководившій въ данномъ случаѣ г. Шумигорскимъ, однако не обманулъ его (sic). По крайней мѣрѣ, вскорѣ послѣ этого «поступка» г. Шумигорскій помѣстилъ въ «Новомъ Времени» объявленіе, приглашавшее всѣхъ подписываться на печатаемое имъ сочиненіе: «Царствованіе императора Павла I». Подписка шла, вѣроятно, очень успѣшно, потому что нѣсколько мѣсяцевъ спустя новое объявленіе извѣщало, что подписавшіеся могутъ взять деньги обратно, какъ какъ названное сочиненіе г. Шумигорскаго не появится въ свѣтъ. Да и какъ ему появиться. Г. Шумигорскій понялъ, вѣроятно, что разсказать исторію царствованія Павла I, снабдивъ разсказъ массой иллюстрацій, хотя бы даже

художественно исполненныхъ въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, вовсе еще не значитъ написать исторію императора Павла, и отказался отъ своего намѣренія... Этимъ мы прекращаемъ всякій споръ съ Шумигорскимъ по поводу его перевода воспоминаній гр. Головиной».

Что, въ самомъ дѣлѣ, проще для г. Бильбасова? Бросить въ человѣка комомъ грязи и, боясь должнаго отвѣта, объявить о прекращеніи «всякаго» спора. Въ дѣйствительности же въ приведенной тирадѣ г. Бильбасова заключается одна лишь «полуправда», которая, какъ говорится, хуже всякой лжи: новое «сочиненіе» ученаго критика изобличаетъ въ немъ немало творческой фантазіи. Прежде всего, для характеристики дѣянія г. Бильбасова, укажу на то, что онъ самъ принималъ близкое участіе въ составленіи исторической части «Исторіи кавалергардовъ», за что въ предисловіи къ I-му ея тому отъ автора, г. Панчулидзева, изъяснена была ему благодарность; нѣкоторые матеріалы для нея, въ числѣ др. лицъ, сообщилъ и я. Въ виду того, что въ «Исторіи кавалергардовъ» появилось много новыхъ историческихъ свѣдѣній, добытыхъ изъ разныхъ архивовъ г. Панчулидзевымъ, я, по приглашенію редактора «Историческаго Вѣстника», С. Н. Шубинскаго, сдѣлалъ отчетъ о первомъ его томѣ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1899 г. подъ заглавіемъ: «Придворное войско въ Россіи». Отчетъ этотъ имѣлъ большое значеніе для журнала, такъ какъ «Исторія кавалергардовъ»—очень дорогое изданіе, цѣною до 100 р. и поэтому не могла быть извѣстна массѣ читателей. Для отчета о второмъ томѣ г. Панчулидзевъ прислалъ мнѣ корректурные листы, предупреждая о скоромъ выходѣ въ свѣтъ этого тома, и по этимъ листамъ я сдѣлалъ фактическій, а не «хвалебный» обзоръ первыхъ главъ этого тома въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1900 г., не справившись, къ сожалѣнію, вышла-ли книга въ продажу. Оказалось, однако, что II томъ «Исторіи кавалергардовъ», по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ, былъ совершенно неожиданно задержанъ выпускомъ изъ типографіи, но эта прискорбная случайность отнюдь не свидѣтельствуетъ ни о томъ, что II томъ книги г. Панчулидзева не былъ еще написанъ, ни о томъ, что для меня лично, если я не потерялъ разсудка, былъ бы какой-либо разсчетъ учинять инцидентъ въ литературномъ мірѣ, дѣлая отзывъ о книгѣ, не вышедшей еще въ свѣтъ?

Всѣ эти обстоятельства извѣстны были всѣмъ, принимавшимъ участіе въ изданіи «Исторіи кавалергардовъ», въ томъ числѣ и г. Бильбасову, принимавшему участіе въ составленіи исторической ея части. При чемъ здѣсь argumentum ad crumenam, о которомъ говоритъ г. Бильбасовъ? «Вскорѣ послѣ этого «поступка», отвѣчаетъ онъ, г. Шумигорскій помѣстилъ въ «Новомъ Времени» объявленіе, приглашавшее всѣхъ подпи-

сываться на печатаемое имъ сочиненіе «Царствованіе императора Павла»... Очевидно, что, по мнѣнію г. Бильбасова, между моимъ «поступкомъ» и этимъ объявленіемъ есть какая-то неблаговидная связь, для здраваго смысла непостижимая, а г. Бильбасовымъ не уясненная, потому что тогда пришлось бы ему самому уличить себя во лжи. Г. Бильбасовъ намѣренно сводитъ въ одно цѣлое д в а изданія, надъ которыми я работалъ въ то время. Первое: «Исторію императора Павла I», многотомное изслѣдованіе на основаніи архивныхъ данныхъ, предположено было издать въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ художественно, съ массой иллюстрацій, еще въ 1899 г., за годъ ранѣе моего «поступка», на что̀ имѣются у меня и въ Экспедиціи п и с ь м е н н ы я доказательства. Объявленіе же въ «Новомъ Времени» сдѣлано было о другомъ моемъ трудѣ, дешевомъ, цѣною въ 1 р. 50 к., изданіи популярнаго обзора «Ц а р с т в о в а н і я Павла I», съ приложеніемъ къ нему о д н о г о лишь портрета. Еще разъ спрашиваю г. Бильбасова: при чемъ здѣсь argumentum ad crumenam? Оба задуманныя мною изданія, вопреки продположенію Бильбасова, не оставлены мною, но, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, встрѣчали затрудненія для выхода въ свѣтъ. Второй свой трудъ: «Царствованіе императора Павла I» я надѣюсь однако выпустить еще лѣтомъ текущаго года.

Судя по «ученымъ» и др. повадкамъ г. Бильбасова, я предполагаю однако, что онъ уклонится отъ прямаго отвѣта и подыщетъ какія-либо новыя «ученыя» основанія, въ родѣ, напр., отсутствія въ Россіи свободы печати. Въ виду этого, желая дать г. Бильбасову всѣ средства для доказательства своего аргумента ad crumenam, я предлагаю ему избрать третейскихъ судей, для разбора взведеннаго на меня обвиненія, изъ людей науки.

Евгеній Шумигорскій.

Назначеніе генералъ-фельдмаршала Миниха сибирскимъ генералъ-губернаторомъ.

Указъ Сенату.

9-го іюня 1762 г.

Всемилостивѣйше пожаловали мы нашего генералъ-фельдмаршала графа Миниха въ сибирскіе генералъ-губернаторы, которому однако жъ быть здѣсь, а на какомъ основаніи управлять сею обширною губерніею, о томъ особливой указъ данъ будетъ. Впрочемъ, ему высочайше ввѣряемъ главную дирекцію Ладожскаго и Кронштадтскаго каналовъ, а генерала Ганибала для его старости отъ службы увольняемъ.

Поправка:

На страницѣ 125 настоящей книжки напечатано въ заглавіи „Свиданіе двухъ императоровъ въ Черновцахъ въ 1829 году", слѣдуетъ читать въ 1823 году.

Издатель **С. Зыковъ.** Редакторъ **Н. Дубровинъ.**

Национальный фонд Московской обл. библиотеки

казни и цѣлый рядъ замѣтокъ по вопросу о народномъ просвѣщеніи. Финансовый вопросъ также обращалъ на себя пытливое вниманіе Мордвинова. Будучи противникомъ финансовой политики Канкрина, Мордвиновъ постоянно враждовалъ съ нимъ, писалъ записки, подавалъ отдѣльныя мнѣнія и проч.

Онъ исходилъ изъ того начала, что „благосостояніе частное есть начало и основаніе общественнаго, что богатство частнаго человѣка есть нераздѣльное богатство государства“, онъ совѣтовалъ „отдать въ частное содержаніе всѣ казенныя заведенія, дѣлающія императора купцомъ, промышленникомъ и ремесленникомъ“; онъ доказывалъ, что „займы и налоги служатъ токмо къ уменьшенію доходовъ, не къ пріумноженію ихъ“, что „займы и налоги не обогащали еще никакой народъ“; онъ осуждалъ „строгость во взысканіяхъ казенныхъ недоимокъ, которыя неизбѣжно всегда будутъ, доколѣ будутъ пожары, неурожаи, падежи скота, многосемейство“, справедливо восклицая: „Съ нищаго можно снять кафтанъ, рубашку и лапти, но ни онъ, ни снявшій съ него одежду не сдѣлаются отъ того богатыми“.

Въ заключеніе обзора IX тома нельзя не привести характеристики, сдѣланной Мордвиновымъ о министрахъ въ царствованіе императора Николая.

„Министръ просвѣщенія,—говоритъ онъ,—находитъ опаснымъ учить крестьянъ читать и писать.

„Министръ внутреннихъ дѣлъ говоритъ, что промышленность убиваетъ Россію.

„Министръ финансовъ не идетъ далѣе, какъ займы дѣлать и налоги умножать.

„Министръ военный содержитъ во время мира армію на военномъ положеніи.

„Министръ морской строитъ 100-пушечные корабли для Балтійскаго моря.

„Министръ юстиціи оканчиваетъ всѣ мнѣнія свои отсылкою тяжебныхъ дѣлъ въ первыя инстанціи или къ формѣ суда“.

Въ десятомъ томѣ помѣщены въ видѣ „Приложеній“ 59 статей, сохранившихся въ Мордвиновскомъ архивѣ, но составленныхъ не Н. С. Мордвиновымъ. Къ числу ихъ принадлежатъ: „Всеподданнѣйшій докладъ Комитета для изысканія о злоумышленномъ обществѣ“, впервые печатаемый. Обращаетъ на себя вниманіе статья О. П. Львова: „Поземельная подать и положеніе поселянъ“; рядъ документовъ, представляющихъ собою обвинительные акты противъ министра финансовъ графа Е. Ф. Канкрина и проч.

„Въ десяти томахъ Архива графовъ Мордвиновыхъ,—говоритъ редакторъ,—напечатано до 2.000 документовъ, рисующихъ графа Н. С. Мордвинова въ его государственной и общественной дѣятельности съ самой завидной стороны, дѣлающей ему честь, какъ человѣку и сановнику, обладавшему высокимъ умомъ и добрымъ сердцемъ“. По словамъ В. А. Бильбасова, Н. С. Мордвиновъ былъ русскій человѣкъ по рожденію, воспитанію и дѣятельности, много служившій родинѣ въ теченіе четырехъ царствованій. Современники дивились его свѣтлому уму, цѣнили его глубокія познанія, пользовались его добрымъ сердцемъ.

Напечатанные документы даютъ обильный матеріалъ для біографіи графа Н. С. Мордвинова, и изданными десятью томами ему воздвигнутъ достойный памятникъ. Первое мѣсто въ числѣ матеріаловъ занимаютъ его мнѣнія; въ Архивѣ графовъ Мордвиновыхъ ихъ помѣщено 330. „Еще и теперь,—говоритъ В. А. Бильбасовъ,—въ наши дни, эти, по словамъ Шишкова, золотые голоса Мордвинова звучатъ укоромъ совѣсти для однихъ, являются нравственною уздою для другихъ и служатъ для всѣхъ насъ призывомъ къ честной государственной и общественной дѣятельности.

„Изъ общаго числа болѣе 8.000 бумагъ, составляющихъ Мордвиновскій архивъ, въ изданные нынѣ десять томовъ вошли 2.283 бумаги, касающихся государственной и общественной дѣятельности; остальныя бумаги заключаютъ въ себѣ частную переписку и хозяйственныя распоряженія. Изданіе этихъ бумагъ, посящихъ чисто частный интересъ, не представляетъ уже никакихъ затрудненій и требуетъ только здоровья и досуга, чѣмъ мы, къ сожалѣнію, не располагаемъ“.

Исторія Петра Великаго С. А. Чистякова. Изданіе Товарищества М. О. Вольфа.

Въ настоящее время вышло второе изданіе книги, имѣющей цѣлью „дать сводъ того, что путемъ историческихъ изысканій извѣстно о Петрѣ,—сводъ, написанный не въ сухой формѣ лѣтописи, но въ видѣ интереснаго историко-біографическаго очерка, строго основаннаго на фактахъ, при чемъ имѣлось въ виду сдѣлать этотъ трудъ одинаково доступнымъ и занимательнымъ какъ для взрослаго читателя, такъ и для юноши“.

Въ текстѣ помѣщены многочисленные рисунки, состоящіе частью изъ снимковъ со старинныхъ гравюръ, моделей, портретовъ, частью же изъ копій съ извѣстныхъ картинъ, историческихъ сценъ и проч.

Въ общемъ книга издана вполнѣ удовлетворительно.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1904 г.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „**Русская Старина**“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи „**Русскую Старину**“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1903 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна **2** р., съ пересылкою.

Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.